

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

ГАННОВЕРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

RUSSISCHE AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
INSTITUT FÜR GESCHICHTE DER NATURWISSENSCHAFTEN
UND TECHNIK SANKT-PETERSBURGER FILIALE

UNIVERSITÄT HANNOVER
ZENTRUM FÜR ZEITGESCHICHTE VON BILDUNG UND WISSENSCHAFT

DIE «WISSENSCHAFT HINTER DEM EISERENEN VORHANG»: REALITÄTEN UND MYTHEN DER SOWJETISCHEN WISSENSCHAFT

Herausgegeben

von Manfred Heinemann und Eduard I. Kolchinsky

St.-PETERSBURG
2002

ЗА «ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ»:

МИФЫ И РЕАЛИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Под редакцией

M. Хайнеманна и Э. И. Колчинского

•

Д

С.-ПЕТЕРБУРГ

2002

В сборнике представлены статьи, отражающие особенности развития советской науки в период 1917—1950-х гг. Центральной проблемой являются при этом особенности взаимоотношений науки, государства и общества, складывающиеся в условиях формирующегося и усиливающегося режима государственного и политического тоталитаризма. К основным аспектам рассматриваемого процесса при этом отнесены изменения в сфере академической науки и системы высшего образования, специфические особенности формирования «пролетарской биологии», становление системы информационного контроля и вынужденный изолионизм советской науки в период холодной войны.

Рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся историей отечественной науки.

Рецензенты: Д. Бойрау, Г. И. Смагина

The articles presented in the book show a broad panorama and the main peculiarities of the Soviet science development in the 1917—1950-s. The main problem of these historical investigations is the mutual relations of science, state and society which were formed under the conditions of growing and enforcing regime of the state and political totalitarianism. Among the principle aspects of this process are the changes in the sphere of the academical science and modifications of higher education system, the specific traits of the «proletarian biology» rise and development, the growth of the information control system and the forced isolationism during the Cold War period.

*Издание подготовлено и осуществлено
при финансовой поддержке Центра современной истории
образования и науки Ганноверского университета
и Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники РАН*

ISBN 5-86007-328-3

© Коллектив авторов, 2002
© СПбФ ИИЕТ РАН, 2002
© ZZBW, 2002
© «Дмитрий Буланин», 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Открытие архивов в России и Восточной Европе позволило начать с 1989 г. исследования сложного и противоречивого процесса «советизации» науки. Этим термином принято обозначать начавшиеся в 1917 г., после Октябрьской революции, преобразования норм и ценностей научного сообщества России, связанные с прямым подчинением науки партийно-государственному контролю, идеологизацией и политизацией многих отраслей знания, поставленных на службу социалистическому строительству и призванных обеспечить проведение в жизнь партийных планов. С образованием социалистического лагеря «советизация» науки вышла за пределы Советского Союза и сказалась на науке многих стран Восточной и Центральной Европы, а также Китая.

«Советизация» оказала огромное влияние не только на социальный контекст и организацию научных исследований, но и на их институционализацию, социализацию новых поколений ученых, систему подготовки кадров и осуществление научной карьеры, на отношения науки с властью и обществом, на социальный статус ученых и их связи с зарубежными коллегами, на формы и ритуалы научных мероприятий. Она обусловливала и существенные изменения в самой науке, формирование особого стиля научных исследований, изменение их языка, методов и методологии, преобразование соотношения между фундаментальными и прикладными исследованиями, смену концепций, а иногда и парадигмальные сдвиги в общественных науках. В области естественных наук с «советизацией» связаны попытки создания различных вариантов «идеологически корректной науки» типа «пролетарская», «диалектическая» и «мичуринская» биология,

«советский творческий дарвинизм», «учение о живом веществе» и т. д. Ввиду многомерности феномена «советизация» существуют различные направления в изучении ее когнитивных, социально-психологических, социально-антропологических, идеолого-политических, экономических, институциональных, семантических, семиотических и символических аспектов.

Долгое время для описания «советизации» использовались два цвета — белый и черный. Символом подобного подхода стал один из первых бестселлеров перестройки — роман В. Д. Дудинцева «Белые одежды» (1987). Однако открывшиеся архивы способствовали разрушению многих мифов о бескорыстных искателях истины, облаченных в белые одежды, что породило стремление изображать всех участников тех трагических событий, воплощением которых стал разгром генетики и торжество лысенкоистов, в серых тонах. Эта тенденция проявилась в книгах Н. Л. Кременцова «Сталинская наука» (*Krementsov N. The Stalinist Science. Princeton, 1997*), М. Давида-Фокса «Революция в умах» (*David-Fox M. Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks, 1918—1929. Ithaca; London, 1997*) и в коллективной монографии «Академии в катаклизмах. Происхождение, трансфер и трансформация коммунистического академического режима в России, Центральной и Восточной Европе» (*Academia in Upheaval. Origins, Transfers and Transformations of the Communist Academic Regime in Russia and East Central Europe / Ed. by M. David-Fox and G. Peteri. London, 2000*). Подобный дальтонизм при описании процессов «советизации» науки столь же мифологичен, как и еще недавно господствовавшая легенда о «героях и злодеях российской науки». От подобных мифов давно отказались авторы работ по истории науки при национал-социализме. Примером тому могут служить самые последние издания по этой проблеме: «Прусская Академия наук в Берлине. 1914—1945» (*Der Preussische Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1914—1945 / Hg. W. Fischer. Berlin, 2000*) и «История Общества Кайзера Вильгельма при национал-социализме» (*Geschichte der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Nationalsozialismus / Hg. D. Kaufmann. Berlin, 2000*). Взвешенный анализ истории советской науки дан в последней книге Д. Вайнера «Маленький уголок свободы. Охрана природы в России от Сталина до Горбачева» (*Weiner D.*

A little Corner of Freedom. Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev. Berkley: Los Angeles; London, 1999).

Авторы и редакторы сборника в целом стремились, избегая морализирования и пафоса, использовать все цвета радуги и даже их оттенки при реконструкции процессов «советизации» науки, рассматриваемого как один из способов симбиоза государства и научного сообщества. Его специфика связана, прежде всего, с тем, что государство, став единственным заказчиком научных исследований, старалось с максимальной эффективностью использовать их для получения в первую очередь знаний, пригодных для подъема его экономической и военной мощи, для идеологического оправдания своей политики и господства над обществом, для повышения своего международного престижа. Понимая, что образование и наука составляют единую систему, от которой напрямую зависит воспроизводство государственных чиновников и интеллигенции, правящая элита старалась не только поставить все сферы духовного производства под свой контроль, но и воспитать особую разновидность ученых, всецело разделявших ее мораль, планы и мировоззрение. Со своей стороны научное сообщество, оказавшееся в условиях, когда средства для осуществления научных проектов могло предоставить только государство, вынуждено было искать особые формы взаимоотношения с ним.

Достигнуть взаимопонимания оказалось не столь трудно, так как «советизация» протекала в стране, где наука еще многими воспринималась как некое экзотическое растение, насищенно пересаженное волею Петра I из-за рубежа на российскую почву. Для выживания науке все еще требовалась поддержка государства, а сами лидеры научного сообщества были убеждены, что без мощного государственного финансирования и создания им особых благоприятных условий развитие науки невозможно.

Диалог российских ученых с властями в первое послереволюционное десятилетие вселял немало надежд, так как советское правительство именно в науке видело надежду всего человечества, дающую возможность выжить, преодолеть кризис, порожденный мировой и гражданской войнами, и построить светлое будущее. Прометеевская вера коммунистических вождей в возможности науки побуждала их к организации новых научных

учреждений, вузов и кафедр в таких масштабах, о которых ученые в других странах не могли и мечтать. Власть стремилась убедить научное сообщество направить свои усилия прежде всего на достижение общенациональных целей, побуждая ученых вести преимущественно прикладные исследования. Научные результаты пытались получить при минимуме затрачиваемых средств и сил ценой индивидуального напряжения ученых, а также путем создания неких «идеологически корректных наук», как показано в недавно опубликованной под редакцией М. Уолкера книге «Наука и идеология» (2001).

Избранный при подготовке сборника подход, как нам кажется, позволяет лучше понять механизмы преобразования отношений науки, государства и общества, мотивы поведения отдельных ученых, их групп и научного сообщества в целом. Ученые, действия которых способствовали краху царского режима, одни из первых пострадали от революции. Новая власть не хотела считаться не только с их притязаниями на участие в управлении обществом, но даже на свободу творчества. Она не была также удовлетворена дореволюционными формами организации научных исследований и уровнем их практической эффективности. В поисках новых форм взаимоотношений науки и государства каждая из сторон старалась с максимальной для себя выгодой использовать неустойчивость ситуации. Государство при этом руководствовалось сиюминутными утилитарными соображениями военно-оборонного, социально-экономического или идеолого-политического порядка, а научное сообщество в целом старалось остаться в русле мировой науки.

Для достижения своих целей ученые пытались убедить власти, подогревая их утилитаристские настроения, в необходимости финансирования научных проектов. В ситуации, когда государственный бюджет стал единственным источником финансирования научных исследований, конкуренция внутри научного сообщества за покровительство власти предержащих неизбежно резко обострилась, а лоббирование научных проектов во властных структурах стало необходимым для выживания. Неизбежны были этические и политических компромиссы.

Ученые, убеждавшие власти поддержать науку, должны были вести диалог с ними на понятном для них языке, с использовани-

ем понятных им идеологем, демонстрируя преданность «идеологически корректной науке». Научное сообщество в целом было готово принять любую идеологическую риторику, быть «идеологически корректным» и служить власти, требуя от нее взамен материально-финансовых ресурсов и, по возможности, невмешательства в саму науку. Ученые были подвержены идеологическим влияниям, но в своей научной практике они следовали стандартам мировой науки. Даже наиболее идеологизированные области естествознания (как, например, эволюционная теория), развивались в целом в направлении, соответствовавшем мировым тенденциям. В свою очередь, режим вынужден был терпеть идеологическое инакомыслие и идти на уступки тем ученым, которых считал полезными для себя (классические примеры тому — И. П. Павлов или П. Л. Капица).

«Советизация» науки неизбежно вела к становлению новых форм ее организации. Пересмотр взаимодействия науки, общества и власти, сопровождавшийся репрессиями против несговорчивых ученых, завершился выработкой новых конфигураций их отношений, новых форм организации науки, изменением общественного статуса ученых, модификацией тематики и языка научных исследований, ритуалов научных мероприятий, традиций и этики научного сообщества. Но новая система взаимоотношений таила в себе зародыши глубоких кризисов и в целом оказалась недолговечной. В условиях идеально-политического контроля со стороны государства борьба идей приобретала идеологический и политический оттенок; разрешение внутринаучных конфликтов шло с привлечением властных структур, но навязываемые ими решения не принимались научным сообществом в целом, и мнимая стабилизация оказалась чреватой новыми кризисами во взаимоотношениях ученых с властью.

Вопросы общественно-политической ориентации, социального статуса, профессиональной деятельности, образа жизни, эмоционально-психологического состояния и менталитета интеллигенции в целом и научной интеллигенции в частности особенно важны для изучения сил, вовлеченных в «советизацию» науки. В силу своего положения в обществе ученым приходилось решать принципиальные вопросы, касающиеся участия в разработке актуальнейших социально-экономических и политических про-

блем. Научная интеллигенция, воспринимая себя как носителя национального разума, способного дать обоснование рациональных форм общественной жизни, претендовала на активное участие в управлении государством и выработке стратегических решений. Между двумя полюсами интеллигенции — теми, кто олицетворял власть, и теми, кто ей противостоял, находились многочисленные группы, различающиеся по политическим симпатиям, нравственным убеждениям и социальным ориентирам. В поведении научной интеллигенции наиболее ярко выражалось личностное отношение к событиям, поскольку происходящее не только было прямо связано с их материальным положением и социальным статусом, но и с самосознанием, миром моральных и этических ценностей.

Научная интеллигенция в ходе «советизации» стремилась решить на первый взгляд трудно совместимые задачи: с одной стороны, усилить свою профессиональную независимость; с другой же — получить от государства большую финансово-материальную поддержку и обеспечить приток в науку талантливой молодежи. А власть за предоставляемые ресурсы требовала не только, а иногда и не столько практических результатов, сколько идеино-политической поддержки.

«Советизация» науки, реализованная в несколько этапов, была в значительной мере предопределена противоречиями между наукой и абсолютистским государством, сложившимися еще в послереформенной России и пагубно сказавшимися в революциях XX в., когда творческая интеллигенция не только не поддержала царское правительство, но была в первых рядах его противников, добивавшихся свержения существующего государственного строя. Зарождавшаяся в предреволюционное десятилетие плюралистическая система частных и государственных научных учреждений была сметена вихрем гражданской войны. В 1918—1921 гг. во взаимоотношениях науки и власти возник глубокий кризис, который власть пытаясь преодолеть прежде всего путем жесточайших репрессий, голодом, обысками, конфискацией имущества и квартирингом.

Временным выходом из этого кризиса была сложная система, существовавшая в 1922—1928 гг., когда научные учреждения, как правило, получали множественную поддержку из разных ис-

точников. Но вскоре Советская Россия перешла к ускоренной индустриализации и тотальной коллективизации. В итоге эта система была разрушена в годы культурной революции (1929—1933). Вместо нее решением сверху была создана жестко регулируемая централизованная наука. Формирование новых форм взаимодействия науки с государством было трудным процессом нахождения общего языка между учеными и политиками. Ученым пришлось осмысливать и заново формулировать представления о своем месте в национальном строительстве и об ответственности государства за развитие науки. Судебными процессами, расстрелами и ссылками ученых приучали к необходимости абсолютной лояльности по отношению к властям. Как ни странно, но в этих условиях наука не только выжила, но и укрепила свое положение в государстве и обществе. Правда, за это пришлось заплатить потерей независимости, а как позднее выяснилось, и потерей потенциала развития.

В период развернутой подготовки ко Второй мировой войне (1939—1941) наука превратилась в важнейший элемент безопасности государства, что придало ей беспрецедентное политическое значение. Исход войны в немалой степени предопределялся и отношениями между властью и научным сообществом. Уже с 1934 г. советское правительство начало кампанию по превращению страны в «осажденную крепость», где наука должна была обеспечить достижение военно-технологического преимущества и тем самым национальной безопасности. Москва была провозглашена «центром мировой науки», а пропаганда достижений российской науки стала одним из способов возвращения к имперским ценностям, подогревания националистических настроений и воспитания патриотизма. В предвоенные годы наука впервые стала в СССР одним из главных государственных приоритетов. Число научных работников и научных учреждений многократно возросло, потребляя значительную часть национального дохода и ресурсов. Вместе с тем был опущен «железный занавес», фактически прервавший процесс взаимодействия научного сообщества СССР с мировой наукой. В ходе связанных властями масовых репрессий погибло немало ученых, а тотальный контроль над идеологизированной наукой привел к доминированию в некоторых отраслях знания псевдонаучных построений.

Великая Отечественная война (1941—1945) прервала эти негативные тенденции, вывела советскую науку из состояния самоизоляции благодаря восстановлению контактов между учеными Советского Союза, Англии и США. В ходе военных лет было фактически завершено формирование Большой науки как важнейшего фактора национальной безопасности.

Однако в годы холодной войны, начавшейся уже в 1946 г. и достигшей апогея в последние годы жизни И. В. Сталина, сотрудничество советских ученых с коллегами из бывшей антифашистской коалиции прекратилось. Недавние союзники превратились в потенциальных врагов. В условиях жесткой конкуренции между западным и восточным блоками сложившаяся в СССР еще до войны система взаимоотношений науки и государства была укреплена и ужесточена, но степень вмешательства партийно-государственного аппарата предопределялась прежде всего значимостью той или иной отрасли знаний для укрепления военно-промышленного комплекса. Советская наука была всецело подчинена задаче обеспечения победы в холодной войне, что порождало ее изолированность от научного сообщества Запада. Формы организации науки, сложившиеся к тому времени в Советском Союзе, в течение продолжительного периода обеспечивали поддержание паритета в гонке вооружений.

Вместе с тем политика «железного занавеса» и идеология «особости» советской науки создавали условия, провоцирующие усиление вмешательства партийно-правительственных органов во все стороны жизни научного сообщества. В результате в отдельных областях знания — не только естественно-научного, но и гуманитарного — доминирующую роль начинали играть псевдонаучные построения. Это порождало ответную реакцию научного сообщества, внутри которого росло чувство протesta и формировались оппозиционные государственной политике настроения. Именно в среде советских ученых зародилось диссидентское движение, и, в конечном счете, именно они выступили как одна из главных социальных опор лидеров «перестройки», закончившейся распадом СССР и поставившей науку России, государств СНГ и других стран, пришедших на смену бывшим союзовым республикам, в тяжелейшее финансово-положение.

Проблема «советизации» науки не только в СССР, но и в других странах восточного блока стала главным предметом обсуждения двух международных конференций «Наука и власть» (1996) и «Наука и холодная война» (1998), проходивших в Академии естествоиспытателей Леопольдина в Халле (Германия). В них участвовали ученые России, Германии, США, Польши, Венгрии, Чехии и Украины. Доклады, посвященные истории советской науки, составляют основу данной книги. Для многомерного изображения развития науки в СССР составители посчитали целесообразным пригласить в качестве авторов ряд ведущих экспертов в этой области, не участвовавших в форумах в Халле.

Приходит время стратегических изменений в методологии и организации исследований и такого специфического феномена, как существование мощной науки в условиях тоталитарных социальных режимов. Оказавшись за «железным занавесом», наука не только не погибла, но смогла достичь блестящих успехов. Это к настоящему времени убедительно продемонстрировано в работах ученых разных стран, специалистов по истории гуманистических и естественных наук, а также техники на примере не только СССР, но и других государств. Для прогресса дальнейших исследований, видимо, полезно будет, опираясь на возможности современных информационных технологий, сформировать коллективную базу данных, включающую не отдельные документы, а весь массив архивных документов по истории советской науки и техники, с привлечением для работы с ней максимального количества специалистов из разных стран. При этом особое значение имеет устная история, которая, как показали исследования последнего десятилетия (см., например: Репресированная наука. Вып. 1, 2. СПб., 1991, 1994; *Sagdeev R. The Making of a Soviet Scientist. 2 ed. New York, 1999*), иногда является более надежным источником информации, чем официальные документы, значительная часть которых была изначально сфальсифицирована.

Реальный ход отечественной истории может быть достоверно реконструирован лишь на базе огромного архивного и литературного материала, дополненного ресурсами коллективной памяти научного сообщества о событиях, документально не за-

фиксированных, но игравших порой роль пусковых механизмов громадных изменений в судьбах целых отраслей знаний, о главных действующих лицах этих событий и их действительных взглядах. Необходимо помнить, что в те годы люди думали одно, говорили другое, писали третье. И действовали они чаще всего не в соответствии со своими убеждениями, а так, как того требовали обстоятельства.

Комплексная организация исследований послужит гарантом того, что на смену одним мифам об истории отечественной науки не будут приходить новые. Тем самым удастся обеспечить поступательное движение по воссозданию реальной картины «советизации» науки, в результате которой она оказалась за «железным занавесом».

**УКРОЩЕНИЕ
АКАДЕМИИ НАУК**

«АТМОСФЕРА ВОКРУГ АКАДЕМИИ СГУСТИЛАСЬ»

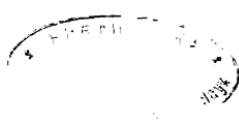
ЗСС/1

В 1925 г. в СССР отмечался 200-летний юбилей Академии наук. В многочисленных приветствиях, поступивших в Академию, высоко оценивалась ее роль в развитии отечественной и мировой науки. Выдающиеся заслуги ученых отмечались и в приветствиях высших государственных органов СССР, в статьях и выступлениях руководителей партий и государства. В распоряжение Академии наук выделялись значительные средства, что способствовало укреплению материально-технической базы ее учреждений. В праздновании юбилея участвовали многие зарубежные ученые.

В ходе подготовки к юбилею 27 июля 1925 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР». Академия официально признавалась как главный, ведущий центр науки в стране. Она получила название: Академия наук СССР [1, с. 323].

В 1926—1927 гг. Академия наук СССР принимала участие в подготовке и проведении другого юбилея — 10-летия советской власти. В ознаменование юбилея ученые подготовили выпущенные издательством АН СССР в 1927 г. такие труды, как сборник «Академия наук СССР за десять лет. 1917—1927», справочники «Научные учреждения АН СССР. Краткое обозрение ко дню де-

Заголовок заимствован из заметки непременного секретаря Академии наук академика С. Ф. Ольденбурга, опубликованной в газете «Известия» 10 февраля 1929 г.

сятилетия. 1917—1927», «Средняя Азия в учреждениях Академии наук. 1917—1927». При участии ученых АН СССР был подготовлен также трехтомный труд «Наука и техника СССР. 1917—1927», изданный в 1927—1928 гг.

В упомянутых трудах давалась объективная характеристика развития отечественной науки, анализировались ее достижения как результат напряженной деятельности ученых, сформировавшихся в дореволюционный период. Авторы статей не затушевывали огромных трудностей, которые стояли на пути научного творчества в годы революции и гражданской войны. Идеологические установки того времени почти не оказали влияния на содержание упомянутых трудов.

Высокая оценка деятельности Академии наук давалась во многих юбилейных статьях, опубликованных в 1927 г. в центральной и ленинградской печати.

Казалось бы, период грубого вмешательства властей в жизнь Академии наук ушел в прошлое. Однако на деле этого не произошло. Давление государственных и партийных органов на Академию наук усиливалось с каждым годом.

18 июня 1927 г. Совнарком СССР утвердил новый Устав АН СССР. В этом документе Академия наук определялась как высшее научное учреждение СССР, состоявшее при Совнаркоме СССР, которому она должна была ежегодно представлять отчеты о своей деятельности. Уставом предусматривалось привлечение к участию в выборах новых академиков представителей «ученых учреждений союзных республик по выбору последних» [2, с. 122]. Это обстоятельство означало в известной степени ограничение прав Академии наук.

В целях усиления контроля за работой ученых создавались новые государственные органы по руководству наукой. В числе этих органов были Отдел научных учреждений Совнаркома СССР (ОНУ) и Комиссия Совнаркома СССР по содействию работам АН СССР. ОНУ функционировал в 1926—1929 гг., комиссия — в 1926—1928 гг. Заведующим ОНУ был Е. П. Воронов, председателем комиссии — А. С. Енукидзе. За работой Академии наук внимательно следил управляющий делами Совнаркома СССР Н. П. Горбунов. Связь Академии наук с государственными органами, их руководителями осуществляли главным образом ее

вице-президент академик А. Е. Ферсман и непременный секретарь академик С. Ф. Ольденбург.

21 июня 1927 г. Совнарком СССР принял постановление «Об образовании Комиссии по рассмотрению отчета о деятельности АН СССР за 1925—1926 гг.». В составе комиссии, которую возглавлял В. П. Милютин, входили А. Н. Бах, В. П. Волгин, А. Я. Вышинский, Н. П. Горбунов, П. С. Осадчий, М. Н. Покровский и Д. Б. Рязанов [3, л. 181]. Помимо отчета о работе Академии наук, комиссия ознакомилась с планом ее деятельности на 1927—1928 гг. и подготовила «Доклад о деятельности Всесоюзной АН за 1925—1926 гг. и о плане работ ее на 1927/28 год» — документ, который был представлен Совнаркому СССР.

В «Докладе» отмечалось, что «работа Академии наук за отчетный период, по сравнению с предыдущим годом, несомненно, сделала шаг вперед» [4, л. 2], но одновременно высказывались многие критические, в большей части несправедливые, замечания в адрес Академии наук. Несправедливыми, в частности, были утверждения комиссии о якобы изоляции Академии наук от всех других научных учреждений страны, об отсутствии координации ее экспедиционных исследований с Госпланом СССР. Острой критике подвергся план работы Академии на 1927/28 г. Если деятельность учреждений естественнонаучного профиля получила положительную оценку, то о гуманитарных подразделениях Академии комиссия отзывалась отрицательно. Особенно резкие суждения о гуманитарных учреждениях высказали А. Я. Вышинский и М. Н. Покровский. Вышинский в своем заключении писал, что «некоторые учреждения АН не имеют никакого права на существование вообще, а некоторые не имеют права на существование в виде самостоятельных учреждений» [4, л. 5]. М. Н. Покровский отрицательно оценивал деятельность Пушкинского Дома, Кавказского историко-археологического института, Постоянной исторической комиссии, Археографической комиссии, Комиссии по изданию словаря русского языка и Комиссии по изданию справочника «Наука и научные работники СССР».

Комиссия не обошла вниманием вопросы, касающиеся административно-технического аппарата Академии. Она рекомендовала провести «основательную реорганизацию» этого аппарата и обеспечить «улучшение его личного состава». Тем самым

прокладывалась дорога к «чистке» аппарата, развернувшейся в 1929 г. Комиссия поддержала мнение Наркомпроса РСФСР о том, чтобы «не увеличивать слишком» ассигнований на нужды Академии наук.

Руководство Академии наук не могло пройти мимо выводов комиссии, в значительной мере далеких от объективной оценки ее деятельности. 19 ноября 1927 г. С. Ф. Ольденбург докладывал Общему собранию проект ответной записки на замечания комиссии. Составленный С. Ф. Ольденбургом проект получил одобрение академиков [5]. 20 ноября 1927 г. непременный секретарь направил записку В. П. Милитину.

В начале записки С. Ф. Ольденбург выразил сожаление, что, составляя проект «Доклада», комиссия предварительно не ознакомила с его текстом представителей Академии и построила все свои выводы на основании одного лишь отчета о ее работе. Непременный секретарь опроверг большинство критических замечаний, содержащихся в «Докладе» комиссии. В записке С. Ф. Ольденбурга объективно освещались такие направления деятельности Академии, как экспедиционные исследования, контакты с научными и государственными учреждениями страны, переход к планированию науки и др. Касаясь приведенного выше высказывания А. Я. Вышинского, непременный секретарь заметил: «Надо полагать, что этот голословный отзыв является лишь следствием какого-то непонятного печального недоразумения» [4, л. 57].

Одним из направлений процесса советизации Академии наук являлось создание в ее системе общественных организаций.

25 марта 1927 г. состоялось первое организационное собрание коллектива ВКП(б) Академии наук. На собрании присутствовали пять членов и два кандидата в члены партии [6, л. 1]. В октябре 1928 г. количество членов партии достигло десяти, кандидатов в члены — двух. Среди кандидатов не было ни одного научного работника; парторганизация АН СССР состояла из технических служащих [7, л. 21].

Представление о том, как сотрудники Академии наук относились к первым коммунистам, можно получить на основании следующей записи в протоколе закрытого собрания коллектива ВКП(б) АН СССР от 18 октября 1928 г.: «...в Академии враждеб-

ная к нам атмосфера все более и более увеличивается, но это не относится к высшему научному персоналу и рабочим от станка, а относится к той средней группе служащих Академии наук, которые когда-то принадлежали к привилегированным» [7, л. 21].

По мере роста парторганизации постепенно увеличивалось ее влияние на деятельность Академии наук. «Если прежнее бюро коллектива ВКП(б) охватывало своим руководством профсоюзные организации и добровольные общества, то на долю нового бюро выпало охватить руководством всю деятельность Академии наук», — говорилось в «Кратком отчете о работе коллектива ВКП(б) при АН СССР за время с 15 сентября 1929 г. по 20 февраля 1930 г.» [8, л. 51].

Влияние партийной организации на деятельность Академии наук значительно возросло в 1929 г., после избрания первых академиков-коммунистов. Была образована фракция академиков-коммунистов, которой первоначально руководил академик М. Н. Покровский, а затем академик Г. М. Кржижановский.

В сентябре 1929 г. стало функционировать временное Локальное бюро Секции научных работников при Академии наук. В сентябре 1929 г. возникла комсомольская организация АН СССР. В декабре 1930 г. началось формирование академического коллектива Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО). Наиболее массовой была профсоюзная организация Академии наук; большинство ее сотрудников являлись членами профсоюза. Следует отметить, что общественные организации, особенно Секция научных работников и ВАРНИТСО, активно поддерживали все мероприятия, связанные с перестройкой Академии наук, в частности с «чисткой» ее кадров.

В 1927—1928 гг. в прессе развернулась жесткая критика, вернее, травля Академии наук. В мае 1927 г. «Ленинградская правда» опубликовала заметку «Академический ковчег», в июне 1928 г. на страницах газеты появились заметки под названием «Академический ковчег целехонек», «Князь Дундук», «Академические врачи». В июле 1928 г. газета поместила заметку «Уважаемые померанцы». Заметки носили погромный характер. Не стесняясь в выражениях, не утруждая себя доказательствами, авторы заметок обвиняли Академию наук во всех смертных грехах:

засоренности ее административно-технического аппарата «бывшими людьми», расхищении государственных средств, отрыве научных исследований от практики. «Ничего другого нельзя было ожидать от бывших людей, орудующих в стенах Академии и заботящихся о своем благополучии гораздо более, нежели о расцвете советской науки, — утверждалось в заметке „Академические врачи“». — Ничего другого нельзя было ожидать от не совсем чистоплотных дельцов, позорящих имя авторитетной научной организации» [9]. В заметках содержалось требование «очистить» Академию от «бывших людей». Особенно резкой критике подвергались заведующий секретариатом Академии Б. Н. Молас и управляющий ее делами Д. Н. Халтурин.

Как руководство Академии наук реагировало на публикацию упомянутых заметок? Может быть, оно молчало? Нет, не молчало. Сохранились письма руководителей Академии, направленные ими в «Ленинградскую правду» с протестом против клеветы в ее адрес. Так, они выразили категорическое несогласие со статьями «Академический ковчег», «Князь Дундук» и др. 15 июня 1928 г. Академия обратилась в редакцию «Ленинградской правды» с просьбой опубликовать опровержение против статьи «Князь Дундук». Под письмом Академии стояли подписи А. П. Карпинского, А. Ф. Иоффе и С. Ф. Ольденбурга [10, л. 80—81]. Однако редакция не удовлетворила просьбу ученых [10, л. 78].

Негодование ученых вызвала заметка «Уважаемые померанцы», в которой давалась резко отрицательная оценка деятельности Пушкинского Дома и Словарной комиссии. Обращаясь в президиум Академии в связи с публикацией этой заметки, 19 июля 1928 г. академик В. М. Истрин писал: «...считаю нужным пояснить, что я в качестве председателя академической научной комиссии ни в коем случае не взял бы на себя инициативу вступать в полемику с газетной статьей современной советской прессы. Я считал бы такое выступление унижением своего достоинства как академика Академии наук» [10, л. 97]. Соглашаясь с мнением В. М. Истр이나, 26 июля 1928 г. временно замещавший С. Ф. Ольденбурга на посту непременного секретаря академик П. П. Сушкин сообщил председателю словарной комиссии о решении руководства Академии направить опровержение в Управление делами Совнаркома СССР [10, л. 102].

Взаимоотношения Академии наук с органами власти были далеко не идиллическими, безоблачными. Ученым приходилось отстаивать права, честь и достоинство Академии перед властью имущими.

Больших усилий от руководства Академии наук, в первую очередь от А. Е. Ферсмана и С. Ф. Ольденбурга, требовала работа, касающаяся международных научных связей. Президиум вынужден был испрашивать свыше разрешения на все зарубежные командировки ученых. Сколько раз А. Е. Ферсман и С. Ф. Ольденбург обращались по этим вопросам и в ОНУ, и в Комиссию по содействию работам АН СССР! Они ходатайствовали о выделении средств и о предоставлении ученым права выезжать в зарубежные командировки.

Показателен следующий факт. 12 мая 1927 г. академик С. Ф. Платонов обратился к Президиуму АН СССР с просьбой о зарубежной командировке. Естественно, что Президиум поддержал просьбу ученого и направил в ОНУ ходатайство о предоставлении командировки. Однако ОНУ не пошел на встречу Президиуму. 11 июня 1928 г. Е. П. Воронов в письме Ольденбургу объяснял отказ в командировке тем, что «изучение спорадических случаев экспорта хлеба в XVII веке не может помочь ак. Платонову определить физиономию русской торговли» [11, с. 97]. Автор письма не остановился даже перед тем, что рекомендовал крупнейшему историку ограничиться изучением материалов, имевшихся в распоряжении Постоянной историко-археографической комиссии Академии наук.

Понятно, что С. Ф. Платонов не мог пройти мимо письма Е. П. Воронова. В письмах С. Ф. Ольденбургу (18 июня 1928 г.) и Д. Б. Рязанову (19 июня 1928 г.) он показал несостоятельность суждения Е. П. Воронова. «В моем лице терпит вся Академия, которой член стал безо всякой вины жертвой канцелярского глумления, дурно продуманного и явно невежественного», — писал С. Ф. Платонов Д. Б. Рязанову [11, с. 96]. (Нельзя не заметить, что в июле 1928 г. С. Ф. Платонов выезжал в Берлин, где вместе с другими учеными-историками участвовал в неделе советской исторической науки.)

20 марта 1927 г. А. Е. Ферсман направил в Президиум АН СССР записку, посвященную положению Академии наук. (В со-

ставленный А. Е. Ферсманом документ внес поправки С. Ф. Ольденбург.) В записке речь шла о заслугах Академии, говорилось о вынужденной оторванности ее руководителей от правительства, о невнимании властей к ее нуждам. А. Е. Ферсман подчеркивал, что ОНУ Совнаркома СССР является тормозом в работе Академии. Текущая работа и исполнение решений правительства, касающихся Академии, передоверены малокомпетентным лицам, враждебно настроенным по отношению к ней, указывалось в записке. «Полная недоговоренность и неосведомленность» проявлялась, по мнению А. Е. Ферсмана, в делах, связанных с заграничными командировками ученых. Автор записи настаивал на необходимости широкой осведомленности власти о работе Академии, о состоянии дел с заграничными научными командировками, высказывался за «решительное прекращение деятельности ОНУ в тех формах, в которых она существует» [12, л. 17].

Соображения, высказанные в записке, легли в основу доклада А. Е. Ферсмана, с которым он 21 марта 1927 г. выступил на заседании Президиума Академии. Вице-президент говорил «о не-нормальном положении АН», препятствовавшем «ей развивать желательным темпом свою научную работу». И в записке, и в докладе А. Е. Ферсман высказал то, что наболело у него на душе в результате общения с чиновниками-бюрократами, ставившими рогатки на пути свободного научного творчества. Признав доклад вице-президента «в общем совершенно правильным», Президиум обратился с просьбой к С. Ф. Ольденбургу, а также академикам-секретарям отделений П. П. Сушкину и И. Ю. Крачковскому с просьбой сообщить А. Е. Ферсману свои предложения «в связи с отдельными пунктами доклада». Было решено подготовить записку на имя А. С. Енукидзе с передачей ее Н. П. Горбунову [13, л. 45].

Руководство ОНУ и Комиссии по содействию работам АН СССР не могло игнорировать принципиальную позицию Президиума, полностью одобравшего требования А. Е. Ферсмана о создании более благоприятных условий деятельности АН СССР. Если обратиться к протоколам заседаний комиссии, относящимся к апрелю 1927—июню 1928 г., то можно видеть, что она приняла ряд решений, направленных на укрепление материально-технической базы Академии, рост ее международных контактов, раз-

вение экспедиционных исследований и т. д. В августе 1928 г. А. Е. Ферсман положительно оценивал работу комиссии [14, с. 96].

В декабре 1927 г. началась подготовка к выборам новых академиков. В 1928 г. партийные и государственные органы власти приняли ряд решений, касающихся организации выборов. Деятельность Академии наук широко освещалась в печати. Вновь развернулась критика в адрес Академии.

17 мая 1928 г. IV пленум Центрального совета Секции научных работников заслушал доклад С. Ф. Ольденбурга о деятельности Академии наук. Выступившие в прениях по докладу члены Центрального совета Секции, наряду со справедливыми пожеланиями, высказали в адрес Академии много таких замечаний, которые С. Ф. Ольденбург решительно отверг. Особенно несправедливыми были выступления Д. Б. Рязанова и М. Н. Покровского. Д. Б. Рязанов утверждал, что время академий прошло и они «отжили свой век совершенно» [15, л. 89, 91]. Он заявлял: «Академия не имела никогда никаких оснований быть центральным учреждением Российской страны» [15, л. 91]. На эту роль, по мнению Д. Б. Рязанова, могла претендовать лишь будущая всеобщая ассоциация или всесоюзное объединение научно-исследовательских институтов. М. Н. Покровский критиковал Академию за отсутствие планового начала в ее работе. Он отмечал: «Для меня Академия наук как целое является неоправданным явлением в условиях 20-го века» [15, л. 80]. Разумеется, такие высказывания ничего доброго Академии не предвещали. Каких-либо реальных последствий высказывания Д. Б. Рязанова и М. Н. Покровского тогда не имели. Во всяком случае, они не были зафиксированы в решении пленума.

О той атмосфере, в которой приходилось работать ученым, С. Ф. Ольденбург счел необходимым сказать в «Общем отчете» о деятельности Академии в 1928 г. Непременный секретарь подчеркивал: «За последнее время на академиков обращено весьма большое и очень часто, к сожалению, мало доброжелательное внимание нашей широкой общественности. Мы не можем не признать, что в этой общественной критике немало и правильно-го, но, вместе с тем, мы имеем полное право сказать, что в ней много и неверного, основанного на недостаточном знании нашей работы» [16, с. XIX].

Тяжелые испытания выпали на долю ученых Академии наук в конце 1920—начале 1930-х гг. Этот период академической истории глубоко разработан в литературе. В первую очередь должна быть упомянута монография американского ученого Лорена Грэхема (Loren R. Graham) «The Soviet Academy of Science and the Communist Party. 1927—1932», изданная в 1967 г.

В 1991 и 1994 гг. увидели свет два выпуска сборника серии «Репрессированная наука». В 1993 г. был издан первый выпуск сборников документов «Академическое дело 1929—1931 гг. — дело по обвинению академика С. Ф. Платонова»; второй выпуск сборников этой серии, посвященный «делу академика Е. В. Тарпле», опубликован в 1998 г. В 1995 г. историко-научная литература пополнилась сборником статей «Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР». Появились исследования о трудных годах советской биологии, трагедии генетики, подвиге академика Н. И. Вавилова, репрессированных геологах и историках [17].

Темы «Репрессированная наука», «Наука и власть» широко освещаются в журналах «Источник. Вестник Архива Президента Российской Федерации», «Вестник РАН», «Природа», «Вопросы истории естествознания и техники», «Наука и жизнь» и др. [18].

Выборы новых академиков, работа комиссии Ю. П. Фигатнера, «чистка кадров», репрессии против ученых, коренная перестройка Академии — эти и многие другие проблемы обстоятельно освещены в литературе. Вместе с тем далеко не все документы, касающиеся настроения ученых в год «великого перелома», введены в научный оборот. В качестве одного из примеров приведем выдержки из писем крупнейшего историка античности академика В. П. Бузескула.

Избранный академиком в 1922 г., В. П. Бузескул жил и работал в Харькове. Казалось бы, происходившие в Академии наук события непосредственно не касались этого ученого. На самом же деле они глубоко волновали и огорчали его. 8 марта 1929 г. в письме на имя С. Ф. Ольденбурга он выражал беспокойство в связи с якобы недостаточным своим участием в делах Академии наук. «...Я сознаю, что для меня наступала пора уйти из Академии, уступить место новым, свежим силам, тем более, что теперь требуются лица иных научных воззрений, иных направлений, чем

те, которых держался я в течение своей предшествующей деятельности и которые менять и поздно, и не пристало, — писал В. П. Бузескул. — Правда, я не враг марксизма — доказательством служит между прочим то, что среди моих учеников есть и марксисты, которых я, зная их склонность к марксизму, тем не менее оставлял при университете, если они были знающие, талантливые, но сам я не марксист» [19, л. 102—102 об.].

22 марта 1929 г. В. П. Бузескул обратился с новым письмом к С. Ф. Ольденбургу, в котором просил непременного секретаря предупредить его о сроках ухода на пенсию. В письме говорилось: «...кроме сознания не вполне исполненного долга, остается у меня сознание малой моей пригодности при данных условиях, при новых требованиях; я, напр[имер], не чувствую себя способным к коллективной работе, я в этом отношении индивидуалист, не могу замкнуться и в узкие рамки одного определенного направления работы, и я не знаю, как отнесутся к моей деятельности некоторые из новых моих коллег» [19, л. 104].

Приведенные выдержки из писем В. П. Бузескула говорят сами за себя, они не нуждаются в комментариях. Старейший ученый-историк предугадал то, что «великий перелом» неизбежно будет сопровождаться ограничением свободы научного творчества. (Что касается дальнейшей судьбы В. П. Бузескула, то он продолжал трудиться до последних дней своей жизни, до июня 1931 г.)

Представление об обстановке в Академии наук можно получить и на основании «Докладной записки по вопросу о хранении документов в Академии наук», подготовленной в декабре 1929 г. А. Е. Ферсманом. Он обращал внимание на исключительно тяжелые условия деятельности «административных лиц» в АН СССР, их перегрузку текущими делами. Вице-президент писал о «нервном настроении и напряжении» ученых, вызванном работой комиссии Ю. П. Фигатнера [20, л. 239 об.—240].

«Великий перелом» в Академии наук весьма тяжело сказался на судьбах многих ее ученых.

1. Документы по истории Академии наук СССР. 1917—1925. Л., 1986.

2. Уставы Академии наук СССР. 1724—1974. 2-е изд. М., 1975.

3. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее — ПФА РАН). Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 173.
4. Там же. Д. 97.
5. Протоколы Общего собрания АН СССР. 1927—1928 (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174).
6. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб.). Ф. 2019. Оп. 2. Д. 1.
7. Там же. Д. 6.
8. Там же. Д. 21.
9. Ленинградская правда. 1928. 17 июня.
10. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1928. Д. 51.
11. Некоторые письма российских ученых двадцатых годов / Вступит. статья и публ. Я. Г. Рокитянского // Вестник АН СССР. 1991. № 11.
12. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 193.
13. Там же. Оп. 1-1927. Д. 95.
14. Документы по истории Академии наук СССР. 1926—1934 гг. Л., 1988.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5462. Оп. 10. Д. 303.
16. Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. I. Общий отчет. Л., 1929.
17. См., например: Брачев В. С. Дело историков. 1929—1930 гг. 2-е изд., доп. СПб., 1998.; Репрессированные геологи: Биографические материалы. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 1995.
18. Не имея возможности дать полный перечень публикаций, назовем лишь некоторые из них: Орёл В. М. Битва со здравым смыслом: Как принимался Устав Академии наук 1930 г. // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 4. С. 366—375; Левин А. Е. Заговор монархистов: Кому он был нужен // Вестник АН СССР. 1991. № 1. С. 123—129; Перчёнов Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звёзды: Ист. альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 163—235; Ольденбург Е. Г. Из дневниковых записей (1925—1930) / Публ. и примеч. М. А. Сидорова и Ю. И. Соловьева // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 7. С. 638—649; Тугаринов И. А. ВАРНИТСО и Академия наук СССР // ВИЕТ. 1989. № 4. С. 46—55.
19. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 147.
20. Там же. Д. 198.

3. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее — ПФА РАН). Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 173.
4. Там же. Д. 97.
5. Протоколы Общего собрания АН СССР. 1927—1928 (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174).
6. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб.). Ф. 2019. Оп. 2. Д. 1.
7. Там же. Д. 6.
8. Там же. Д. 21.
9. Ленинградская правда. 1928. 17 июня.
10. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1928. Д. 51.
11. Некоторые письма российских ученых двадцатых годов / Вступит. статья и публ. Я. Г. Рокитянского // Вестник АН СССР. 1991. № 11.
12. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 193.
13. Там же. Оп. 1-1927. Д. 95.
14. Документы по истории Академии наук СССР. 1926—1934 гг. Л., 1988.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5462. Оп. 10. Д. 303.
16. Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. I. Общий отчет. Л., 1929.
17. См., например: Брачев В. С. Дело историков. 1929—1930 гг. 2-е изд., доп. СПб., 1998.; Репрессированные геологи: Биографические материалы. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 1995.
18. Не имея возможности дать полный перечень публикаций, назовем лишь некоторые из них: Орёл В. М. Битва со здравым смыслом: Как принимался Устав Академии наук 1930 г. // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 4. С. 366—375; Левин А. Е. Заговор монархистов: Кому он был нужен // Вестник АН СССР. 1991. № 1. С. 123—129; Перчёнов Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Ист. альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 163—235; Ольденбург Е. Г. Из дневниковых записей (1925—1930) / Публ. и примеч. М. А. Сидорова и Ю. И. Соловьева // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 7. С. 638—649; Тугаринов И. А. ВАРНИТСО и Академия наук СССР // ВИЕТ. 1989. № 4. С. 46—55.
19. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 147.
20. Там же. Д. 198.

Советское правительство объективно не могло не считаться с тем авторитетом и известностью, которые приобрела АН за долгий период своей истории. В связи с этим, а также благодаря настойчивым требованиям руководства АН даже в условиях политики «военного коммунизма» правительство предпринимало некоторые меры к тому, чтобы улучшить существование ученых. Есть основания считать, что положительную роль в этом сыграл председатель Совнаркома В. И. Ленин [2]. Тем не менее положение отечественной науки и АН в годы гражданской войны продолжало оставаться, по существу, трагическим. В результате на свет появилась «Записка», подписанная всеми руководителями РАН и направленная в ноябре 1920 г. в правительство. Приведем лишь заключительный абзац этого документа: «Если положение не изменится, то ясно, что погибать будут только ученые, не наука, которая бессмертна и всегда найдет пути, чтобы продолжать свое победное шествие к знанию. Ясно, что если одни из русских ученых погибнут в России жертвою ненормальных условий, то другие последуют примеру сотен своих товарищей, работающих и теперь плодотворно на мировую науку за пределами России. Но такой выход вряд ли может быть кем-либо засчитан нормальным и желательным» [3].

Одновременно учеными Петрограда была подготовлена и направлена правительству еще одна «Записка», в которой в самых драматичных тонах говорилось об условиях, в которых оказались петроградская наука и высшая школа в годы гражданской войны. Этот документ до настоящего времени еще не опубликовался, и его текст нам удалось выявить в фондах ПФА РАН [4]. В «Записке», в частности, указывалось: «Эти роковые условия, в которые поставлен ученый, заставляют обратиться к власти: стране угрожает гибель ее научных работников, уничтожение культурных достижений многих поколений... лишний день замедления грозит роковыми последствиями для будущего страны».

Трагическое звучание этого очередного послания ученых советскому правительству было вполне обосновано. К этому моменту, то есть за три года революции, от голода, тяжелых лишений и упадка духа скончались сотни ученых, сотни были вынуждены покинуть страну. По нашим подсчетам, только академиков в скорбное число умерших вошло 12 человек [5]. Это при том, что

общая численность членов Академии, с учетом умерших и вновь избранных, составляла в среднем всего 40 человек [6].

С окончанием гражданской войны очень медленно налаживалась деятельность АН в мирных условиях. Советским правительством был принят ряд правовых актов, в существенной мере улучшивших условия научной работы, был достигнут уровень минимального ее финансирования. Летом 1921 г. АН получила разрешение Наркомпроса на возобновление обмена научными изданиями с заграничными учреждениями. Наркомпрос решил, что дело это должно организовываться самими научными учреждениями «по типу прежних комиссий по международному обмену книгами», при этом АН Наркоматом признавалась «главным издателем научных трудов» [7].

В результате неоднократных обращений и просьб руководства АН 6 декабря 1921 г. Совнаркомом был принят еще один декрет — «Об улучшении быта ученых» [8]. Данным правительственным актом «число научных работников, подлежащих дополнительному академическому обеспечению», увеличивалось до 7000 человек. В значительной степени расширялись права ЦЕКУБУ, в частности, в вопросах денежного обеспечения ученых, улучшения их жилищных условий, получения разрешения на выезд за границу и т. д.

В начале 1922 г. был принят крайне важный для основной деятельности академических учреждений правительственный документ. Совнарком своим постановлением № 847 от 15 марта 1922 г. предоставил АН права беспошлинного получения из-за границы книг, приборов, инструментов, то есть всего самого необходимого для развития научных исследований [9]. В развитие этого постановления летом того же года государственными органами было дано Академии разрешение на вывоз за границу коллекционного материала для обмена, рукописей трудов для печатания их в других странах, приборов и инструментов для ремонта и т. п. Правда, таможенные органы пропускали все это через границу только «при условии представления в каждом случае заверенного Наркомпросом списка подлежащих вывозу предметов» [10].

В числе значительных льгот, предоставленных советским правительством АН, необходимо отметить и постановление Малого Совнаркома, принятое в декабре 1922 г., — «Об освобожде-

нии от сборов почтовых отправлений, посылаемых и получаемых Академией наук» [11]. Таким образом, с данного момента вся переписка Академии наук внутри страны велась бесплатно; этот факт имел важное значение для сохранения постоянных контактов с многочисленным активом на местах, с научными работниками, находившимися в самых отдаленных уголках страны.

Самую активную роль в решении всех упомянутых выше проблем играл академик В. А. Стеклов, избранный в мае 1919 г. вице-президентом АН. Он обладал твердым и решительным характером, большими организаторскими способностями. Именно ему принадлежит инициатива создания особого Комитета по науке, состоящего при советском правительстве. Отчет о своей деятельности в этом направлении В. А. Стеклов делал 12 апреля 1922 г. на Общем собрании АН. 20 июля 1922 г. [12] Совнарком принял постановление «Об учреждении Особого временного комитета науки» [13]. Данный межведомственный орган координации в 1920-е гг. сделал много положительного для развития отечественной науки.

В июле 1925 г. ЦИК СССР и СНК СССР приняли важное постановление «О признании Академии наук высшим ученым учреждением СССР». Соответственно, этому историческому событию также предшествовала большая и многогранная организационная деятельность руководителей Академии наук, и прежде всего ее непременного секретаря академика С. Ф. Ольденбурга [14]. В постановлении говорилось: «Признать Российскую Академию наук высшим всесоюзным ученым учреждением, состоящим при Совете Народных Комиссаров Союза ССР и действующим на основании Устава». Этот документ подписали один из председателей ЦИК СССР А. Г. Червяков, председатель СНК СССР А. И. Рыков, секретарь ЦИК СССР А. С. Енукидзе [15].

В условиях складывания тоталитарного режима и всемирной милитаризации общества культура, просвещение и наука продолжали развиваться низкими темпами, финансирование их нужд осуществлялось только по остаточному принципу. Смета государственных расходов на 1922/23 финансовый год составляла 1,5 млрд золотых рублей, при этом Наркомпросу отпускалось из этой суммы 47 144 387 рублей, то есть 3,13% [16]. В те годы явно недостаточные бюджетные ассигнования в Наркомпросе распре-

делялись таким образом, что науке, естественно, выделялась их меньшая доля:

- на учреждения Главпрофобра — 42,6%;
- на учреждения Главсоцвоса — 23,8%;
- на Главполитпросвет — 15,5%;
- на учреждения Главнауки — 14,2% [17].

Возьмем для примера положение дел в Главнауке Наркомпроса, то есть в главке, который непосредственно руководил АН. По состоянию на 1 октября 1923 г. сеть Главнауки составляли 394 учреждения: это научные и художественные учреждения, общества, музеи и т. п. За один год эта сеть была резко сокращена и составляла на 1 октября 1924 г. только 210 учреждений [18]. Во всех учреждениях, подведомственных Главнауке, работали по состоянию на 1 октября 1924 г. только 8239 человек, из них 5937 человек являлись штатными работниками, а 2302 человека — совместителями. В Академии наук имелось всего 611 штатных единиц [19].

В. И. Вернадский отмечал в начале 1920-х гг: «Здесь работать как следует невозможно (разруха, голод, тяжелые условия жизни), и в этих невероятных условиях русские ученые в России делают огромное, великое дело. Не знаю, осознают ли его современники — но его оценит всякий историк» [20].

Во второй половине 1920-х гг. финансовое положение науки в стране в целом продолжало оставаться бедственным. Согласно отчету Главнауки Наркомпроса за 1927 г. в ведении этого главка находилось 245 научно-исследовательских и научно-художественных учреждений, научных обществ и музеев, состоящих на государственном бюджете; 136 подобных учреждений в это время имели статус только «получающих субсидию» и, наконец, большая часть научных организаций, в количестве 1034, оставались «без субсидий», на учете и под идеологическим руководством Главнауки [21] (следовательно, всю подведомственную сеть составляли 1415 учреждений). В данном случае мы имеем дело с одной из характерных особенностей социалистического подхода к науке и культуре, когда «идеологическое руководство» хватает на всех, но многие остаются «без субсидий, на учете».

Данное нелегкое положение усугублялось еще и тем, что Наркомпросу по объективным причинам было очень трудно осуществлять руководство столь обширной подведомственной се-

тью учреждений и организаций. Крайне сложно было на деле решать многочисленные проблемы, связанные с финансовой нищетой, насущными вопросами просвещения широких народных масс и одновременно реализацией задач всемерной активизации идеологического воздействия на массы по настоятельным требованиям правящей политической партии. В связи с этим работа Наркомпроса часто подвергалась нелицеприятной критике со стороны ученых и научных работников. Резкие критические замечания в адрес наркомата неоднократно высказывались и академиком Н. Я. Марром. Так, в своем письме главе советского правительства А. И. Рыкову, направленном в декабре 1926 г., он следующим образом охарактеризовал положение дел в отечественной науке: «Состояние науки у нас можно сравнить с озером, на котором еще плавают какие-то пузырьки. Многие из них уже пошли ко дну, когда потонут остальные, тогда не будет никаких иллюзий» [22].

С наступлением мирного времени не прекратились попытки правительственные органов провести коренное реформирование АН. В партийном и государственном руководстве страны наиболее четко проявлялись две тенденции в отношении к АН. Первая «сводилась к стремлению заменить Академию другими структурами, жестко и непосредственно подчиненными центральным властям и лишенными любых остатков академических свобод» [23]. Здесь, прежде всего, имелась в виду Социалистическая Академия, преобразованная в 1923 г. в Коммунистическую Академию. Одним из наиболее решительных и жестких противников Российской АН являлся М. Н. Покровский. Он одновременно занимал несколько ответственных постов — был заместителем наркома просвещения, главой Центрархива и Комакадемии, председателем Общества историков-марксистов. Его личная позиция, видимо, во многом определяла те сложные и подчас негативные отношения, которые сложились у РАН с упомянутыми организациями. Подобной позиции придерживались также А. Н. Бах, В. П. Волгин, А. Я. Вышинский и др.

Другая тенденция власти в отношении к РАН была более умеренной извешенной. Безусловно, и в этом случае ставилась задача постепенного полного подчинения Академии руководству страны. «По-видимому, намечались два комплекса мер: один —

огосударствление Академии, другой — ее большевизация, то есть введение в ее состав большой группы академиков-большевиков и овладение с опорой на них командными высотами внутри Академии» [24].

Изучение документов высших и центральных органов власти дает нам основание считать, что из руководителей государства подобных взглядов придерживались председатель СНК А. И. Рыков, секретарь ЦИК СССР А. С. Енукидзе, нарком внешней торговли Л. Б. Красин, нарком просвещения А. В. Луначарский, управляющий делами СНК Н. П. Горбунов и др.

История показала, что победила и была властью полностью реализована вторая тенденция. Однако в процессе укрепления тоталитарного режима в стране органы власти начали осуществлять переход к репрессивной политике внутри страны, это коснулось и отечественной науки. В результате чистки, организованной властями в АН в 1929 г., из 960 штатных сотрудников было уволено 128 человек, а из 830 нештатных — 520 человек. Органами ГПУ был сфабрикован политический процесс, жертвами которого стали десятки ученых, в их числе академики С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, Е. В. Тарле, М. К. Любавский [25].

Сегодня очевидно, что организация и широкомасштабное проведение сталинского террора против науки и ученых являлись не просто подавлением любых проявлений (а позднее и самой возможности проявления) критики волонтиаристской политики в экономической, социальной и культурной областях жизни советского общества. Это была составная часть хорошо организованной и целенаправленной деятельности сталинского руководства по всемерному упрочению тоталитарного режима, по ликвидации отечественной интеллигенции. В результате массированного воздействия органов власти в Академии произошли большие изменения: многие вековые традиции были преданы забвению, появились новые,озвучные переживаемой «великой эпохе» формы и методы деятельности, укоренились и новые принципы общения с властью.

1. Культурное строительство в РСФСР. 1917—1927. М., 1983, Т. 1. Ч. 1. С. 333.
2. Ленин и Академия наук: Сб. документов. М., 1969.

3. Культурное строительство в РСФСР. Т. 1. Ч. 1. С. 346.
4. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее — ПФА РАН). Ф. 2. Оп. 1-1920. Д. 7. Л. 1—14.
5. Назовем имена академиков, ушедших из жизни за первые три года революции: В. В. Радлов, Я. И. Смирнов, А. С. Фаминын, А. С. Лаппо-Данилевский, Е. С. Федоров, Б. А. Тураев, А. А. Шахматов, И. С. Пальмов, А. М. Ляпунов, В. В. Заленский, М. А. Рыкачев, М. А. Дьяконов.
6. Например, по состоянию на 1 января 1919 г. в Академии было в «наличии» 42 академика. Подсчитано на основании документов ПФА РАН.
7. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1-а-1921. Д. 169. Л. 32.
8. Ленин и Академия наук. С. 103—104.
9. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1-а-1922. Д. 170. ОС. Л. 77.
10. Там же. Д. 171. ОС. Л. 135.
11. Государственный Архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 2. Д. 66. Л. 134.
12. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1-а-1922. Д. 170. ОС. Л. 30—31.
13. Собрание Узаконий и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства (СУ). 1922. № 42. Ст. 493.
14. ПФА РАН. Ф. 208 (ф. С. Ф. Ольденбурга). Оп. 2. Д. 18, 19, 27, 29.
15. Там же. Ф. 2. Оп. 1-1925. Д. 33. Л. 1—2.
16. Октябрь. 1924. № 3-4. С. 24.
17. Ходоровский И. И. Основные черты современного состояния народного просвещения в РСФСР // Красная новь. 1923. Кн. 7. С. 140.
18. ГАРФ. Ф. 20306. Оп. 69. Д. 467. Л. 14—14 об.
19. Там же. Л. 14—15.
20. Columbia University, Bakhmeteef's Humanities Found. Vernadsky's collection. Box 1. Письмо от 12 июля 1921.
21. Культурное строительство в РСФСР. 1917—1927. М., 1984. Т. 1. Ч. 2. С. 220—221.
22. ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 2. Д. 34. Л. 162—163.
23. Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. С. XIII.
24. Там же. С. XVI.
25. Брачев В. С. Дело академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117—129; Он же. Укрощение строптивой, или Как Академию наук учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. № 4. С. 120—128; Горяинов А. Н. «Ленинградская правда» — коллективный организатор «великого перелома» в Академии наук // Вестник АН СССР. 1991. № 8. С. 107—114; Перчёнок Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Ист. альманах. М.; СПб., 1991. Вып. 1. С. 366—375.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ
АКАДЕМИЧЕСКОГО ЮБИЛЕЯ 1925 г.**

Вторая половина 20-х гг. XX в. оказалась периодом весьма благоприятным для межгосударственных и межнациональных научных и культурных связей, хотя еще сказывались тяжелые последствия Первой мировой войны. В мир, расколотый этой войной на два лагеря, вторглась третья сила — пролетарское государство СССР. Эти три силы стремились всеми возможными способами укреплять свои позиции. Создалось временное равновесие, залечивались раны разорительной войны, восстанавливалось производство, развивалась внешняя торговля. Мировой экономический кризис еще не наступил, хотя приближение его уже ощущалось. Международный исследовательский совет, созданный в 1919 г. на базе прежней Международной ассоциации Академий, ограничил право вступления в его члены, предоставив его только государствам, воевавшим на стороне Антанты или сохранявшим нейтралитет, и отразил тем самым в своем уставе атмосферу только что закончившейся мировой войны. Это ограничение, противоречащее широко провозглашавшимся принципам интернационализма, с самого начала вызывало критику, но сохранялось до 1931 г. Середина 1920-х гг. — момент самой острой дискуссии по приему ученых Германии в Международный исследовательский совет. В этой атмосфере сложились пересекались интересы стран: научные, экономические, политические. В 1925 г. Германия проявила свою прозападную

ориентацию, участвуя в Локарнской конференции и подписав ряд соглашений, по существу направленных против СССР. В то же время она подтвердила свою заинтересованность во всесторонних связях с Россией, подписав в октябре того же года договор, объединивший целую серию соглашений (в развитие Рапалльского договора 1922 г.): экономическое, железнодорожное, с мореплаванием и др. Размежевание произошло даже в самом Министерстве иностранных дел Германии: министр Г. Штре земан придерживался западной ориентации, а посол в Москве граф У. Брокдорф-Ранцау прочно стоял на позиции последовательных дружеских отношений с Россией.

Ученые старались восстановить старые, довоенные связи и наладить новые. Особый интерес в этой обстановке представляла Россия. Из отдельных послереволюционных контактов уже было ясно, что Россия, несмотря на пережитые ею катаклизмы, сохранила свою науку. Но оставались вопросы: в каких условиях работают ученые России, как относится к ним большевистское правительство, каковы перспективы их труда? Все это принимало во внимание руководство Академии наук, готовясь широко отпраздновать ее 200-летний юбилей. Такого праздника никогда не устраивала ни одна научная академия мира, да и вряд ли когда-нибудь будет устраивать. И это при том, что страна тогда отнюдь не благоденствовала и народ испытывал нужду во многом необходимом.

Первоначально праздник намечался на 1924 г. К этому времени было получено много приветствий. Это был бы в истории Академии первый случай празднования юбилея в соответствии с датой ее основания. До этого, начиная с 50-летнего юбилея, торжества по разным причинам проводились на целых два года позднее. Но и к 200-летнему юбилею не удалось уложиться в исторически правильный срок из-за больших ремонтных и строительных работ по случаю юбилея в главном здании и в академических учреждениях, достройки здания Библиотеки Академии наук. Поэтому праздник был намечен на сентябрь 1925 г. К этому времени были приурочены два правительенных постановления. Приводим их тексты:

Первое: «О праздновании 200-летнего юбилея Российской академии наук».

«Во внимание к исключительным заслугам Российской академии наук в деле развития мировой науки Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Считать празднование 200-летнего юбилея Академии общесоюзным праздником.

2. Для содействия организации празднования 200-летнего юбилея Академии наук образовать комиссию в составе: председателя — Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР А. И. Рыкова, зам. председателя — члена Коллегии народного комиссариата рабочей и крестьянской инспекции Союза ССР В. П. Милотина, членов: вице-президента Академии наук В. А. Стеклова, непременного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга, управляющего делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР Н. П. Горбунова, народного комиссара просвещения РСФСР А. В. Луначарского, заместителя председателя Государственной плановой комиссии Союза ССР Г. М. Кржижановского, заместителя народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинова, заместителя народного комиссара просвещения РСФСР М. Н. Покровского, члена Революционного военного совета Союза ССР А. С. Бубнова, представителей Ленинградского исполнительного комитета Г. Е. Евдокимова, Г. В. Циперовича, И. И. Кондратьева, председателя Главного научного комитета Народного комиссариата просвещения РСФСР Ф. Н. Петрова.

Председатель СНК Союза ССР А. Рыков

Управляющий делами СНК Союза ССР Н. Горбунов

25 июля 1925 г.» [1].

Второе постановление, принятое через два дня: «О признании Российской академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР».

«Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют:

1. Признать Российскую академию наук высшим всесоюзным ученым учреждением, состоящим при Совете Народных Комиссаров Союза ССР и действующим на основе устава, утвержденного последним.

2. Присвоить означенной Академии наименование Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.

Председатель ЦИК Союза ССР А. Червяков.

Председатель СНК Союза ССР А. Рыков.

Секретарь ЦИК Союза ССР А. Енукидзе.

27 июля 1925 г.» [2].

В подготовке праздника принимали участие высшие государственные учреждения и деятели страны. Руководители советского правительства придавали исключительное значение юбилею и стремились использовать его в своих политических целях. Прежде всего это был способ вывести страну из политической изоляции и представить СССР как центр современной науки.

В июне-июле рассыпались приглашения на праздник советским работникам науки и иностранным научным академиям, университетам, крупным научным учреждениям, отдельным ученым — прежде всего иностранным членам Российской Академии наук. На большинство приглашений приходили положительные ответы, с приветствиями и дружескими пожеланиями юбиляру. Иногда сообщали о невозможности приехать из-за болезни, из-за совпадающих по времени съездов или конференций, а также (из Германии) в связи с денежными затруднениями, из-за непомерных поборов со стороны стран Антанты [3]. Видимо, тогда еще не были известны большие льготы, которые предоставляло советское правительство гостям юбилея по оплате транспорта, гостиниц и др. [4]. Были, вероятно, и трудности политического характера. Во всяком случае, с этим столкнулись ученые Германии. Летом 1925 г. общественное мнение было взбудоражено подготовкой, хотя и замаскированной, но явно антироссийской Локарнской конференции. Обстановка осложнилась в связи с открывшимся в Москве процессом над двумя немецкими студентами и одним эстонским гражданином, обвинявшимися в шпионаже.

Непросто решался вопрос о поездке на юбилей и в германских университетах — их руководство, профессура и значительная часть студентов со времен рейха сохраняли националистические и имперские убеждения. Вопрос о поездках решали две руководящие организации: Конференции ректоров и Союз германских вузов (VDH). В циркулярном письме от 18 июня 1925 г. Союз рекомендовал университетам (их было тогда в Германии 23) участвовать в юбилее, но «проявлять крайнюю осторожность, не

высказывать критических замечаний в адрес советского правительства, но и не петь хвалебных гимнов». Рекомендовалось для поездки «выбирать по возможности таких людей, которые разбираются в русских делах. Мы не должны забывать, что необдуманные высказывания с нашей стороны могут дорого обойтись Российской академии, которая всегда нам доверяла» [5].

Положительно ответил на приглашение Фридрих Шмидт-Оtt, видный организатор науки Веймарской республики. В своей автобиографии [6] он писал: «Через Германское общество по изучению Восточной Европы я вступил в тесные отношения с Советским Союзом. Как президент Общества я считал, что не должен устраниться от юбилея Российской академии в сентябре 1925 г. Мне казалось также, и это отвечало моим мыслям как президента Объединения для помощи немецкой науке («Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft»), что я здесь завяжу новые связи и вообще смогу открыть новые задачи для немецких исследователей, скованных границами Германии».

В конце июля, когда вопрос о поездке немецкой делегации на юбилей был уже положительно решен, поступило указание Министерства иностранных дел всякую подготовку к поездке прекратить до « дальнейших указаний». Это было связано с трудностями проходивших тогда в Москве переговоров по упомянутым выше соглашениям. К тому же в «деле немецких студентов» оказался замешан один из сотрудников германского посольства. Но к концу лета в судебном процессе был найден компромисс (31 октября 1925 г. осужденные к расстрелу были помилованы и высланы за пределы СССР) и наметились положительные сдвиги в разработке экономического соглашения. 14 августа Союз германских вузов разослал телеграмму: «Поездки на петербургский праздник дозволяются». В июле-августе в Академию шел поток ответов на приглашения [7], притом обычно и те, которые сообщали о невозможности приехать, сопровождали свой ответ приветствием и добрыми пожеланиями в адрес Академии. Например, Университет в Франкфурте-на-Майне заверял, что в дни юбилея ученые Франкфурта-на-Майне будут с благодарностью вспоминать о том, «что Ваша Академия сделала для европейской науки. Мы уверены, что в следующем столетии будут поддерживаться эти достославные традиции» [8].

Среди приглашенных немецких ученых был и Макс Планк, один из непременных секретарей Прусской академии наук, знаменитый физик, почетный член Российской Академии наук. Он с началом Первой мировой войны оказался в русле захватившего немецкое общество воинствующего шовинизма, поставив свою подпись под «Воззванием к просвещенному миру», или «Манифестом девяноста трех», изданным 14 октября 1914 г., в котором оправдывалась немецкая агрессия миссией спасения культуры. Но уже в следующем году выпущенное «Обращение профессоров» такого же содержания за 300 подписями не имело подпisci Планка. Он, наряду с А. Эйнштейном и Д. Гильбертом, выступил против Обращения. Получив приглашение приехать на юбилей Российской академии наук, Планк с готовностью ответил согласием и только спросил, может ли он, как он привык, приехать с женой. Такой же вопрос задал второй непременный секретарь Прусской академии, Генрих Людерс. Оба получили утвердительный ответ.

Планк оказался главой самой большой из делегаций, немецкой, состоявшей из 28 гостей. Ее многочисленность объяснялась тем, что самые оживленные научные связи за послевоенные годы, да и вообще на протяжении всех 200 лет, Российская Академия поддерживала с Германией. В адресе от Прусской академии наук, который привезла с собой немецкая делегация, было сказано:

«Российской академии наук, которая поставленную перед ней двести лет тому назад великую задачу в огромной Российской империи создать центр чистого исследования, выполнила в самоотверженных и славных трудах... Наша Академия неизменно работала с ней в дружбе и соревновании, многие далеко идущие идеи они совместно вынашивали и взаимно возвращали через воплощение их такими личностями, как Готфрид Вильгельм Лейбниц и Леонард Эйлер, имена которых и поныне сияют в мире немеркнувшим блеском» [9].

События девятидневного праздника мы представим в виде краткой хроники.

Уже начиная с августа газеты публиковали материалы об Академии наук, ее составе, о подготовке к юбилею, о поступающих в адрес Академии многочисленных письмах и телеграм-

мах от государственных органов, различных учреждений и трудовых коллективов, а также от зарубежных академий, университетов, научных учреждений и от отдельных ученых [10]. Гостей встречали представители Академии на вокзалах и на пристанях, а город встречал их праздничным убранством, с множеством лозунгов, в их числе и латинские — *Vivat scientia* (Да здравствует наука), *Vivant viri docti totius mundi* (Да здравствуют ученые всего мира). В оргбюро на Тучковой набережной они получали программу, билеты и всю нужную информацию [11].

5 сентября многочисленные делегации посетили Президиум Академии наук. Здесь они могли выразить свои желания по посещению тех или иных научных учреждений или достопримечательностей города. Вечером того же дня Президиум принимал в Главном здании Академии иностранных гостей. У входа — почетный караул военно-политического училища им. Энгельса. Привлекали взгляд национальные костюмы ученых из Индии. Японии, Монголии. Ректоры университетов — со своими цепями и другими знаками отличия.

6 сентября — торжественное заседание в зале Ленинградской филармонии. Перед началом заседания оркестр исполнил торжественную увертюру А. К. Глазунова под управлением автора. После краткого вступительного слова А. П. Карпинского с речами выступали председатель ЦИК СССР М. И. Калинин, нарком по просвещению А. В. Луначарский и непременный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург. Вице-президент Академии В. А. Стеклов сообщил собранию о полученных приветствиях. Зачитаны приветствия от председателя Совнаркома СССР А. И. Рыкова и его заместителя, председателя Московского совета Л. Б. Каменева. В заключение — финал IX симфонии Бетховена. Хор Академической капеллы исполнил «Интернационал». Вечером — банкет в Мраморном зале Русского музея, речи М. И. Калинина, А. В. Луначарского, иностранных гостей, послы Германии в СССР У. фон Брокдорфа-Ранцау.

7 сентября гости юбилея знакомились с академическими учреждениями. Объяснения везде давали академики, крупнейшие специалисты в соответствующих областях. Вечером в Большом академическом театре оперы и балета слушали оперу М. И. Глинки «Руслан и Людмила».

8 сентября гости посещали, по своему выбору, 1-й Ленинградский университет, Павловскую магнитную и Пулковскую астрономическую обсерватории, совершили экскурсии в Эрмитаж, Русский музей, ездили в Петергоф, смотрели выставку историко-художественных драгоценностей. В доме Красной армии и флота академик А. Е. Ферсман выступал с докладом, посвященным юбилею.

9 сентября осматривали новое здание Библиотеки Академии наук (до того Библиотека размещалась в здании Кунсткамеры) и открытые в нем выставки, характеризующие издательскую деятельность Академии за 200 лет, а также архивные документы по истории Академии. Речь по случаю открытия Библиотеки произнес ее директор С. Ф. Платонов.

В 13 часов Ленинградский губисполком устроил торжественный прием для советских и иностранных гостей во дворце Урицкого (Таврическом дворце). В президиуме — академики А. П. Карпинский, В. А. Стеклов, С. Ф. Ольденбург, из иностранных гостей: Д. Томсон (D. Thomson) — Англия; Д. Моди (D. Modi) и Ч. Раман (Raman) — Индия; М. Планк (M. Planck) — Германия; Ф. Севери (F. Severi) — Италия; Ф. Гольдер (F. Golder) — США; П. Пеллио (P. Pelliot) — Франция; С. Ясуги (S. Jasugi) — Япония. Речи Г. Е. Зиновьева, Г. Е. Евдокимова. Выступления гостей. Вечером в Большом драматическом театре балетный спектакль «Петрушка» И. Ф. Стравинского, 3-е действие из «Князя Игоря» А. П. Бородина и последнее действие «Спящей красавицы» П. И. Чайковского.

10 сентября гости посещали различные научные учреждения и музеи. Часть гостей побывала в Музее революции, Эрмитаже, Горном музее, Публичной библиотеке, на промышленных предприятиях. Вечером Ленинградский совет устроил для советских и зарубежных гостей большой прием. В Мраморном зале звучал мощный «Интернационал». За органом — А. Ф. Гедике. В тот же вечер — отъезд в Москву.

11 сентября вечером — торжественное заседание в Большом зале Московской консерватории. С приветствиями от Совнарко-ма СССР выступали полпред в Великобритании Л. Б. Красин, член Президиума ЦИК СССР П. Г. Смидович, зам. председателя СНК Л. Б. Каменев. Академик П. П. Лазарев произнес доклад о развитии в России точных наук за 200 лет [12].

12 сентября — торжественный завтрак в гостинице «Москва».

12 и 13 сентября гости посетили Мавзолей В. И. Ленина, музеи Революции, Исторический, Публичную библиотеку В. И. Ленина, Третьяковскую галерею и ряд институтов.

12 сентября для гостей юбилея был устроен прием в актовом зале 1-го Московского университета, где выступали нарком по просвещению А. В. Луначарский и чл.-кор. АН СССР Н. К. Кольцов. Вечером смотрели в Художественном академическом театре драму А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Вечером 13 сентября — концерт артистов балета.

14 сентября гости побывали в Центральном доме ученых, где о деятельности Дома рассказал нарком здравоохранения Н. А. Семашко, и совершили поездку в находящийся недалеко от Москвы санаторий «Узкое», обслуживающий сотрудников Академии наук. В тот же день в Большом театре Союза ССР проводился пленум Моссовета и районных советов, посвященный юбилею Академии наук, с участием Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова, И. В. Сталина, П. Г. Смидовича, М. В. Фрунзе, А. В. Луначарского, Н. А. Семашко, М. Н. Покровского, Г. М. Кржижановского. Прозвучал «Интернационал». Большую речь произнес Л. Б. Каменев. Выступали академики А. П. Карпинский, В. А. Стеклов, А. Е. Ферсман и др., из зарубежных гостей — М. Планк, Ф. Гольдер, Ч. Раман, Т. Леви-Чивита и др.

Вечером того же дня для гостей юбилея был устроен банкет в Колонном зале Дома союзов с участием руководящих партийных и государственных деятелей — М. И. Калинина, А. В. Луначарского, А. С. Енукидзе, Н. П. Горбунова, М. М. Литвинова и др.

15 сентября в честь гостей академического юбилея проходил митинг рабочих Трехгорной мануфактуры, на который приехали Н. П. Горбунов, П. П. Лазарев, С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов, из иностранных гостей — П. Пеллио и С. Леви. О царившей там атмосфере и выступлениях рабочих С. Ф. Ольденбург позднее вспоминал, что «они позволяют нам надеяться на то, что положение науки у нас прочное, что в отношении к ней не будет происходить колебаний, в зависимости от того, будет ли она считаться более или менее „практичной“ и „прикладной“» [13].

Торжественные собрания, посвященные академическому юбилею, проводились во многих городах СССР [14].

16 сентября академик П. П. Лазарев встречался с рабкорами «Рабочей газеты» и рассказал им о трудах Академии наук. Рабкоры подарили Лазареву альбом с фотографиями, зарисовками и газетными вырезками, связанными с юбилеем. Этот альбом сохранился в академическом Архиве [15].

События академического юбилея описаны нами до сих пор только с их внешней стороны. Содержательную их сторону можно попытаться передать путем сокращенного воспроизведения речей и выступлений, прозвучавших на заседаниях и торжественных актах и сохранившихся в архивных стенограммах или в газетах. Газеты, кроме того, передают также высказывания ученых в беседах с корреспондентами. При этом из экономии места мы пропускаем все выражения благодарности за приглашения, за теплый прием и щедрое гостеприимство, за отличную организацию праздника.

Проф. С. Леви (Франция) утверждал: «Академия наук за 200 лет выполнила огромную работу, которой трудно дать полную оценку. Работа многих академиков будет служить исходной точкой для работ будущих поколений. В день 200-летнего существования я приношу ей свой привет и дань восхищения перед ее научными завоеваниями» [16].

Голландский ученый Ван дер Мейлен (университет Лейден) сказал, что «русская наука за последний период в некоторых отраслях опередила даже западноевропейскую. Юбилей объединит представителей русской и западноевропейской науки в братском чувстве» [17].

Проф. Лильского университета, представитель Министерства народного просвещения Франции Шапелен в беседе с со-гражданином «Ленинградской правды» сказал: «Клеветнические нападки в газетах русской эмиграции опровергать нет надобности. Они являются пропагандой для собственного утешения. Никто во Франции не придает им значения» [18]. Он высказал мнение, что осуществлению идеи международного объединения научной работы мешает тот шовинизм, который наблюдается еще в некоторых кругах научных деятелей. Между тем научная связь, особенно в области метеорологии, имеет громадное значение. Русская метеорология, получившая в годы советской власти большее развитие, занимает в мировой науке руководящее место,

главным образом в области теоретической метеорологии. Необходимо отметить, что Ленинградская геодезическая обсерватория является величайшей во всей Европе [19].

И. Фогт (Тронхеймский университет, Норвегия) сообщил, что норвежские ученые давно следят за работой русских геологов. «Их заслуги в области кристаллографии и минералогии исключительны по своему значению. Мы весьма заинтересованы в укреплении культурных связей с Советской Россией» [20].

«Я уверен, что благодаря моему пребыванию здесь, — сказал непременный секретарь Прусской академии наук профессор Планк, — мне удастся установить твердую научную связь между Россией и Германией. Физическая наука ощущает острую необходимость во взаимном обмене открытиями, работами и изобретениями. Русская физика может многое взять от нас, но не меньше мы можем взять у России. Работы академика Иоффе и Лазарева пользуются заслуженной славой и вместе со всем течением мировой физики создают современную новую эпоху, совершенно новое время физических знаний и представления о природе, начало которых было положено Эйнштейном. Я счастлив участвовать на празднике вашей науки и особенно счастлив возможностью установить тесное сотрудничество между нами» [21].

Доктор Ионас, генеральный секретарь Общества изучения Восточной Европы и Кенигсбергского научно-экономического общества, высказал такое мнение: «Насколько я мог судить, Академия находится в прекрасном состоянии. Я был также поражен состоянием царских дворцов, которые сохранились в таком виде, что это радовало мое сердце историка. Но я осматривал не только музеи и дворцы. Я был на ниточной фабрике „Советская звезда“, и я должен сказать, что она работает с немецкой аккуратностью. Повсюду почти видна работа по восстановлению домов, улиц, дорог, и все указывает на то, что советские органы заняты усиленным восстановлением хозяйства страны... Эта работа была направлена не только к тому, чтобы удержать Академию и другие организации на прежнем уровне, но и к их расширению, как это показало, например, открытие огромной библиотеки, состоявшееся в юбилейные дни. Всем знакам восстановления вашей страны я радуюсь и как немец, и как генеральный секретарь Об-

щества по изучению Восточной Европы, которое поставило себе целью установление возможно более дружеских отношений между Германией и СССР» [22].

Директор неврологического института в Берлине Оскар Фогт сказал: «При международном характере торжества своего 200-летнего существования всесоюзная Академия наук выражает интернациональный характер науки... Каждый иностранный исследователь нашего времени стоит на фундаменте, возведении которого русские академики принимали живейшее участие» [23].

Чрезвычайный посол и полномочный министр (Германии в СССР) граф Брокдорф-Ранцау отметил: «Наука, несомненно, самая значительная международная сила, находящая свое выражение в Академиях всех стран, среди которых Российской Академия наук стоит на первом месте... Да послужит этот мировой праздник науки тому, чтобы посредством работы духовных вождей заставлять объединяющие узы между народами и тем самым способствовать осуществлению целей взаимного понимания и мирного сотрудничества всех народов» [24].

Высказывание Д'Арси Томсона (Англия): «Наш приезд — шаг к дальнейшему объединению народов мира. За пять дней мы научились понимать, как ваше правительство и ваш народ объединены глубокой привязанностью к науке» [25].

Проф. Поль Пеллио (Франция) поддерживает высказывание Г. Е. Зиновьева против войны, против анархии производства, о союзе науки и труда: «Мы найдем общий язык» [26].

Особой эмоциональностью и необычностью выражения благодарности Академии отличались высказывания ученых Востока.

Браганца Куна, бывший секретарь Рабиндраната Тагора, говорил о заслугах Академии в сбережении индийской культуры. Она заботилась о сохранении и переиздании древних научных текстов, издании «буддистской библии», старинного индусского эпоса, санскритской хрестоматии и словаря, не дала прерваться исторической нити индусской культуры. «Быть может, только благодаря работам вашей Академии мы могли остаться тем, чем были, индусами, а не англичанами» [27].

В таком же тоне прозвучали поздравления от Ученого комитета Монгольской Народной Республики, из Тибета — от представителя Далай-ламы.

Махмед-Фуад-Кепрулу-Заде, профессор Константинопольского университета, утверждал: «Ни одна страна, ни одна академия не сделали так много для изучения турецкой культуры, как русская. Это касается всех отраслей науки и культуры — этнографии, истории, филологии, исторической географии. Мы сами изучаем турецкую культуру по работам Крачковского, Бартольда и других». Он выразил надежду на развитие этих связей [28].

Изложение всех приветствий невозможно, даже простой их перечень занял бы много места. Многие газеты печатали статьи о двухвековых связях русской и немецкой культур, о Лейбнице, Эйлере, Ломоносове. Но среди них встречаются и отрицательные, относящиеся к процессу в Москве над немецкими студентами. Одна из газет осуждает русскую привязанность к пышным праздникам (*die russische Festprachtliebe*) [29].

Мюнхенскому профессору Вальтеру Лотцу представилось, что беспорядок переходного периода преодолен, голод миновал, налажена дисциплина, нормально работают заводы, почта, телеграф. Опыт создания нового общественного порядка труден. Но он считает, что светлые стороны были выставлены наружу, темные скрыты [30].

Лейпцигская газета трактует юбилей как советскую «завесу из лжи», как пропагандистский поход. А как выполняла Академия наук свой главный долг — защиту свободной мысли и ее представителей? Она строила «потемкинские деревни», превратилась в послушное орудие большевиков [31]. Другая берлинская газета в заметке «С хлыстом и пряником» писала, что большевики сделали академический юбилей своим праздником. Приведена цитата из речи Луначарского о положении науки при советской власти и о том, что гости юбилея будут разоблачать ложь. Но ведь от них скрыли, возражает газета, сколько знаменитых ученых бежали из страны, изгнаны, расстреляны ЧК, умерли от голода. Все это осталось под прикрытием похвал истинным заслугам ученых [32].

Другая берлинская газета характеризует юбилей как «величественную политическую демонстрацию смычки советского режима с русской интеллигенцией» [33].

Еще одна берлинская газета (вырезка вклеена в упомянутый выше альбом) утверждает, что большевики «хотят извлечь выго-

ду из авторитета и славы Академии для того, чтобы устраивать свои дела» [34].

Мюнхенская газета написала об увиденном гостями в России — нищие на улицах, беспризорные в клоаках [35].

До сих пор приводился материал о впечатлениях и высказываниях гостей юбилея. Но необходимо сказать, хотя бы очень кратко, о том, что говорили на празднике его хозяева, руководители государственных учреждений и сами академики.

Председатель ЦИК М. И. Калинин на торжественном заседании 6 сентября утверждал, что вклад России в научную сокровищницу мира скромен, так как Россия сравнительно поздно вступила в научное общение с Западной Европой. Приносившая ранее свои плоды буржуазии и дворянам наука теперь имеет широкую связь с народом. Оратор призывал науку теснее связаться с революционными массами, шире оказывать помощь союзным и автономным республикам, делу коренной реорганизации общественных отношений, при дальнейшей поддержке со стороны правительства [36].

На торжественном заседании Ленинградского губисполкома Г. Е. Зиновьев говорил о научном фундаменте марксизма, который представители чистой науки не понимали, хотя Дарвин это понял (ссылка на письмо Дарвина Марксу, хранящееся в институте Маркса—Энгельса). Но Тимирязев понял, что большевики работают для счастья народа [37].

А. В. Луначарский на банкете, устроенном Ленгубисполкомом 10 сентября, в своем выступлении сказал: «Рабочий класс Ленинграда и России сильно продвинулся в эти несколько дней, дней торжества в понимании значения науки» [38].

Л. Б. Каменев на пленуме Моссовета 10 сентября в высокопатетической речи говорил о Москве как о центральной лаборатории, в которой куется новый общественный строй, и выражал надежду на дружеский союз между наукой и рабочей революцией, о Москве — центре земного шара, в котором воплощена в жизнь идея власти рабочего класса. Наука здесь в гостях у социализма. Как ученые разлагают на элементы древние тайны природы, так и мы, идя по их следам, разлагаем капиталистическое государство как орган насилия меньшинства над большинством, вскрываем в лозунгах войны интересы кучки капиталистов. Мы,

как и ученые, проверяем нашу науку опытом. Только здесь вовлещена подлинная демократия [39].

Из поздравительной телеграммы председателя Совнаркома А. И. Рыкова (он отсутствовал по болезни): «Пусть этот праздник укрепляет интерес иностранных ученых к нашему Союзу и нашим ученым, даст добавочные силы к тому, чтобы в новых общественных условиях вести научную работу на благо человечества...» Они могут работать в твердом убеждении, что «в нашей стране невозможны такие рецидивы средневековья, как, например, гонение на дарвинизм — это величайшее достижение английской и международной мысли» [40].

«Ленинградская правда» приводит в статье «Наука и политика» слова Н. П. Горбунова о том, что наука не может быть аполитичной. Он осуждает академии, не приехавшие на юбилей из-за того, что наша Академия якобы продалась большевикам. Наука как таковая не политична, но она диалектична, как сама природа. Мышление находится в прямой зависимости от мировоззрения [41].

С. Ф. Ольденбург писал: «Юбилей выявил отношение народных масс к науке вообще. Подготовка к юбилею дошла до самых глухих уголков страны. Он укрепил понимание того, что наука — это что-то исключительно важное в жизни». Ольденбург вспоминал о собрании на бывшей Прохоровской мануфактуре в Москве на Красной Пресне в день отъезда в Ленинград. Там П. П. Лазарев прочитал доклад о научной работе академиков в области физико-математических наук. Но рабочие выразили желание услышать и других академиков и иностранных ученых. Н. П. Горбунов, управляющий делами СНК СССР, узнав об этом, устроил приезд на собрание В. А. Стеклова и французских ученых П. Пелио и С. Леви. Выступали рабочие. В их речах звучали новые ноты по отношению к науке. Всесоюзность Академии воспринята жизнью и всей страной [42].

Итак, из хроники юбилея видна грандиозная пышность этого празднества, которая, безусловно, стоила государству больших материальных затрат и многим людям, в том числе академикам, больших затрат времени и сил. Высказывания участников юбилейных заседаний, собраний, банкетов, как хозяев праздника, так и гостей, в пределах статьи пришлось привести только вы-

борочные, притом не целиком и не в больших цитатах, а только в своего рода «экстрактах», кратком пересказе отдельных отрывков, которые, по мнению авторов, наиболее четко отражали суть длинных речей и отдельных реплик. В речах устроителей праздника можно выделить две стоявшие перед ними политические задачи: первая — в толще своего народа, часть которого еще только преодолевала неграмотность и понятия не имела о науке, поднять понимание науки как важной области жизни, уважение к ее носителям; вторая — показать ученному миру, что русская наука выжила, перенеся тяготы революции и гражданской войны, что в новых условиях она успешно развивается. Советское правительство оказывает ей всяческую поддержку.

Но ни академики, ни сами руководители партии большевиков и советского государства не предполагали тогда, какая опасность таится в том требовании единомыслия, в том внедряемом господстве единой философской системы, в том идеологическом диктате, который начинал зарождаться. Тогда еще это касалось в основном исторической науки. Хотя историки-немарксисты еще допускались к преподаванию и состояли в Академии наук, но Коммунистическая академия (переименованная в апреле 1924 г. из Социалистической академии) уже вела усиленную атаку не только на общественные, но и на естественные науки [43]. Недалеко было то время, когда ВОКС установил политическую цензуру на международные научные связи. Пример — затруднения с оформлением поездки С. Ф. Платонова на «Неделю историков» в Германию в 1928 г., которое ВОКС допустил только из-за настоятельных требований с немецкой стороны, не говоря уже об «атаке» на Академию наук, на ее устав и ее выборы в 1927 и 1929 гг.

Многие сотрудники Академии, в их числе и главный организатор юбилейных торжеств С. Ф. Ольденбург, подверглись «чисткам» и репрессиям конца 1920-х и начала 1930-х гг. [44]. В политических процессах этих лет погибли и государственные деятели, участвовавшие в проведении юбилея: Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, А. И. Рыков, Н. П. Горбунов. Да и в самый момент юбилея не все академики были так уж празднично настроены. Примером может служить В. И. Вернадский, который уехал в командировку в Париж в поисках лучших условий для работы.

Несколько раз он просил о продлении командировки, не согласился, несмотря на настойчивые приглашения, приехать на празднование юбилея Академии и возвратился только в марте 1926 г., хотя условия работы за границей его давно не удовлетворяли [45]. И если Рыков в своей телеграмме юбилею утверждал, что ученые могут работать спокойно, «в нашей стране невозможны такие рецидивы средневековья, как, например, гонение на дарвинизм», то как бы он назвал гонение на генетику, стоявшее многих человеческих жизней?

Используемый в политических целях учеными и правительством юбилей Академии наук стал тем «объятием» со стороны властей, в котором Академия потеряла остатки своей автономности. Но и сами устроители этого грандиозного мероприятия стали жертвами последующих репрессий. Все это позволяет рассматривать этот юбилей как решающий шаг по советизации Академии наук и окончательному ее включению в политическую структуру советского общества.

Вспомнить о юбилее 1925 г., вероятно, стоит не столько для пробуждения ностальгии по «потерянному раю», как для размышлений о путях науки, поисках ее высвобождения от превратностей политической борьбы.

1. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик, издаваемое Управлением делами Совета народных комиссаров СССР. 1925. № 48. Ст. 363.

2. Там же.

3. Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее — ПФА РАН). Ф. 12. Оп. 1. Д. 8—12.

4. Там же. Д. 10. Л. 232, 238, 241.

5. *Grau C. Die deutschen Universitäten und die 200 Jahr-Feier der Akademie der Wissenschaften der UdSSR 1925 (Deutschland-Sowjetunion). Aus fünf Jahrzehnten kultureller Zusammenarbeit*. Berlin, 1966. S. 172—178.

6. *Schmidt-Ott F. Erlebtes und Erstrebtes*. Wiesbaden, 1952.

7. *Grau C. Die deutschen Universitäten...* S. 172—178.

8. ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 10. Л. 213.

9. Там же. Оп. 3. Д. 9.

10. Материалы советских газет, стенограммы речей и выступлений на юбилейных встречах широко использовал А. В. Колльцов в своей статье «200-летний юбилей Академии наук» // Вопросы истории естествознания и техники. 1974. Вып. 1.

С. 11—21. В предлагаемой новой статье на близкую тему авторы стремились по возможности избегать повторений.

11. ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 5. Д. 27. Л. 15.
12. Точные науки в России за 200 лет. Речь, читанная 11 сентября 1925 г. в Москве на торжественном заседании по случаю двухсотлетия Академии наук академиком П. П. Лазаревым. Л., 1926.
13. *Ольденбург С. Ф. Научно-культурные итоги академического юбилея // Научный работник. 1925. Кн. 3. С. 5.*
14. См. о них в названной выше (примеч. 10) статье А. В. Кольцова (С. 19—20).
15. ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 4. Д. 12.
16. Лен. правда. 1925. 2 сент.
17. Там же.
18. Там же. 4 сент.
19. Там же. 2 сент.
20. Там же. 4 сент.
21. Красная газ. 1925. 6 сент.
22. Там же.
23. Там же.
24. Известия. 1925. 5 сент.
25. Лен. правда. 1925. 10 сент.
26. Там же.
27. Там же. 3 сент.
28. Там же. 6 сент.
29. Schlesische Zeitung. 1925. 15 Aug.
30. Berliner Tageblatt. 1925. 29 Oct.
31. Leipziger neueste Nachrichten. 1925. 29 Sept.
32. Deutscher Vorwärts (Berlin). 1925. 25 Oct.
33. Berliner Zeitung. 1925. 7 Sept.
34. «Руль» (эмigrantская газета). Вырезка вклейена в упомянутый выше альбом.
35. Münchener Post. 1925. 8 Sept.
36. См.: Калинин М. И. Избр. произведения. М., 1960. Т. I. С. 686—691.
37. ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 29. Л. 43—63.
38. Там же. Л. 116.
39. Там же. Л. 195.
40. Лен. правда. 1925. 6 сент.
41. Там же.
42. *Ольденбург С. Ф. Научно-культурные итоги академического юбилея // Научный работник. 1925. Кн. 3. С. 1—8.*
43. См.: Колчинский Э. И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии 20—начала 30-х гг.). СПб., 1999.
44. См.: Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995 (в книге перечислено 105 имен).
45. Колчинский Э. И., Козулина А. В. Время выбора: Почему В. И. Вернадский вернулся в Советскую Россию? // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 3. С. 3—25. Большой материал переписки В. И. Вернадского середины

1920-х годов с коллегами по Академии, впервые обнародованный в этой статье, дает ясное представление о том, что не все академики в эти годы испытывали удовлетворение положением науки в стране и отношением к ней со стороны правительства.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
В 1920—НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

(по материалам архива С. Ф. Ольденбурга)

Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) играл крупнейшую роль в жизни Российской Академии наук на протяжении тридцати с лишним лет. Востоковед-индолог по специальности, он был избран академиком в 1900 г., а в 1904 г. занял пост непременного секретаря Академии и оставался им до октября 1929 г. Выходец из военной семьи немецкого происхождения, поселившаяся в России в XVIII в., С. Ф. Ольденбург по своим убеждениям и характеру был типично русским интеллигентом, либералом и демократом. После легализации в России политических партий в октябре 1905 г. Ольденбург, с молодых лет принимавший участие в либерально-демократическом движении, стал членом конституционно-демократической партии и входил в состав ее ЦК.

С 1912 г. С. Ф. Ольденбург был выборным членом Государственного Совета от Академии наук и российских университетов. После Февральской революции он вошел во Временный совет Российской республики, а с 25 июля по 3 сентября 1917 г. был министром народного просвещения Временного правительства. После Октября 1917 г. С. Ф. Ольденбург продолжал играть центральную роль в Академии, и именно на 1920-е гг. приходится апогей его деятельности и влияния, когда он фактически руководил всей деятельностью Академии наук и во многом определял ее

политику. Понятен поэтому интерес, который представляет личный архив С. Ф. Ольденбурга для истории Академии наук и русской науки и культуры в целом [1].

Важно понять, почему и как С. Ф. Ольденбург, кадет и классический русский интеллигент, пришел к сотрудничеству с большевиками. Есть очень важный и интимный документ для понимания некоторых истоков послеоктябрьской эволюции С. Ф. Ольденбурга. Это его письма к сыну Сергею Сергеевичу Ольденбургу (1888—1940), который, к ужасу отца, с молодых лет был убежденным монархистом и поклонником П. А. Столыпина, близким к партии октябристов. Учился он на юридическом факультете Московского университета, и отец постоянно переписывался с ним в эти годы [2]. 2 мая 1910 г. С. Ф. Ольденбург писал сыну: «Ужасно, что эта травля „инородца“ идет всюду — Кавказ, Польша, Поволжье, мусульмане, не говоря уже о евреях — травят десятки миллионов людей, подчеркивая, что они не русские; бедные, они всячески стараются доказать, что они „русские“ граждане. Горе России в тот день, когда они поддадутся провокаторской пропаганде „Союза русского народа“. Для меня теперь это страшный кошмар, ибо тогда конец Великой России, а я еще верю в „Великую Россию“, а не только в „Великороссию“». Особенно значительно письмо от 30 июня 1911 г.: «Я тоже думаю, что при всякой демократии сохраняется аристократия ума и таланта, но мне как воздух нужно благополучие масс, нужно, чтобы и они жили жизнью и сознавали жизнь, а не только прозябали... Я знаю, что и так уже благополучие избранных тяжело искупается горем и печалью слабых, но я хочу с этим бороться, ибо считаю, что „культурные ценности“, не только облитые, но пропитанные кровью „малых сих“, не суть ценности».

28 февраля 1912 г.: «Думаю, что твое отношение к стачке упрямо близорукое... Толпа все-таки люди и хотят жить по-человечески, а не по-собачьи, и за это они будут бороться».

Первоначальная реакция С. Ф. Ольденбурга на большевистский переворот была обычной реакцией русского либерально-демократического интеллигента. 21 ноября 1917 г. Общее собрание Академии приняло обращение, подготовленное при участии Ольденбурга, в котором говорилось: «Великое несчастье постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, рус-

ский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства», и все надежды возлагались на Учредительное собрание [3]. Но вскоре Ольденбург, обладавший, по словам китаиста академика В. М. Алексеева, «редким государственным умом», вероятно, один из первых в академической среде понял, что власть большевиков установилась «всерьез и надолго» и что Академия наук, если она хочет существовать, должна найти какой-то способ существования с новой властью. Выросший в традициях русской демократической интеллигенции с ее пафосом служения народу, он мог к тому же считать ряд целей революции справедливыми и негодными только методы их достижения. Таковы, в общих чертах, истоки «сотрудничества» С. Ф. Ольденбурга.

6 ноября 1920 г. на Общем собрании Российской Академии наук С. Ф. Ольденбург предложил обратиться в правительство с запиской, описывающей катастрофическое положение науки в России и указывающей меры, необходимые для ее спасения. Записка в сдержанных, но очень веских выражениях была составлена и представлена в Совнарком, после чего 27 января 1921 г. В. И. Ленин в присутствии М. Горького принял С. Ф. Ольденбурга, вице-президента Академии наук В. А. Стеклова и начальника Военно-медицинской академии В. Н. Тонкова. В результате этой встречи Ленин удовлетворил ряд требований, изложенных в записке, в частности распорядился немедленно вернуть Академии здание Библиотеки, занятое с 1914 г. военным госпиталем. «Я лично, — заключил В. И. беседу, — глубоко интересуюсь наукой и придаю ей громадное значение. Когда вам что-нибудь нужно будет, обращайтесь прямо ко мне». «Это обещание он сдержал много раз», — вспоминал позднее Ольденбург [4].

Именно эта встреча, по-видимому, окончательно определила стратегию С. Ф. Ольденбурга как руководителя Академии наук. Суть ее, как кажется, можно сформулировать следующим образом: лояльность к советской власти и участие в ряде ее экономических и культурных программ с сохранением автономии и внутренней независимости Академии. Курс этот, поддержанный Стекловым, Ольденбург мог проводить с известным успехом до 1928—1929 гг. Он вызывал оппозицию с двух сторон. Так, индо-лог академик Ф. И. Щербатской писал Ольденбургу из Берлина 17 мая 1921 г.: «Н. Я. (Марр. — Б. К.) расскажет Вам о многом, с

чем приходится здесь считаться при наших обстоятельствах, и прежде всего о злостной агитации М. И. Р-ва [5], который считает нас, и в особенности Вас, агентами III Интернационала, потерявшими честь прислужниками деспотизма и т. д. и т. д.» [6]. Большевики, со своей стороны решив сохранить Академию, стремились к установлению полного контроля над ней и в лучшем случае готовы были терпеть ее автономию лишь временно — как это выяснилось с полной несомненностью в конце 1920-х гг. Но до этого времени Академия наук была, вероятно, самым автономным и независимым учреждением в Советском Союзе, полностью определявшим, в частности, свою кадровую политику. Высшая школа была взята под полный контроль гораздо раньше — с 1922—1923 гг.

Следует сказать, что сын С. Ф. Ольденбурга Сергей Сергеевич в 1918—1920 гг. был участником белого движения на юге России, а затем эмигрировал. В Париже он был сотрудником монархических изданий. У него было 5 детей. Семья очень нуждалась, и Ольденбург-отец, абсолютно не разделявший политических позиций сына, оказывал ему материальную помощь.

В 1923 г. С. Ф. Ольденбург, после 32 лет вдовства, женился на своей старой знакомой Елене Григорьевне Головачевой, урожденной Клеменц (1875—1955), которая в течение многих лет работала учительницей в Сибири. С 1924 г. Елена Григорьевна вела дневник, в котором каждый день записывала, главным образом со слов мужа, важнейшие события. В архиве сохранились ежедневные записи Е. Г. Ольденбург на листках перекидного календаря за 1928—1934 гг. (с лакуной за 1931 г.) [7]. На основе этих дневниковых записей, дополняя и редактируя их и устраяя моменты чисто личного характера, Елена Григорьевна еще при жизни мужа составила «Записки о работе С. Ф. Ольденбурга в качестве непременного секретаря Академии наук в 1925—1926 гг.» и «в 1928—1929 гг.» [8]. Уже после смерти мужа она составила «Хронологическую канву для биографии академика С. Ф. Ольденбурга», охватывающую всю его жизнь [9]. Все эти дневники и записки представляют исключительную ценность для истории Академии наук и русской науки и общества первой трети XX в., поскольку в них запечатлены со слов С. Ф. Ольденбурга многие события и разговоры, не зафиксированные в каких-

либо официальных документах и позволяющие почувствовать «человеческий аспект» истории.

Дальнейшее изложение в значительной мере основано на дневниках и записках Е. Г. Ольденбург, дополненных, конечно, другими материалами и снабженных необходимыми пояснениями. Напомним, что Академия наук в 20-е гг. — это сравнительно небольшой круг лиц: действительных членов по уставу — 45, общее число сотрудников — немногим более 1000 человек, которые в значительной части живут и работают рядом друг с другом и в каком-то смысле составляют одну «академическую семью». Президентом Академии наук с весны 1917 г. являлся престарелый геолог А. П. Карпинский (1846—1936), благородный и гуманный человек, вице-президентом с 1919 г. до своей смерти — математик В. А. Стеклов (1863—1926), вторая сильная личность в Академии наряду с Ольденбургом. Ближайшие помощники Ольденбурга — управляющий делами Академии наук Д. Н. Халтурин, до революции служивший в одном из министерств, и заведующий канцелярией Конференции Б. Н. Молас, культурный и светский человек, имевший в старые времена придворный чин камер-юнкера. 16 апреля 1928 г., незадолго до больших перемен в жизни Академии, Е. Г. Ольденбург записала: «Собственно все академические дела вершили С. Ф., Стеклов, Халтурин и в гораздо меньшей степени Ферсман и еще меньше Александр Петрович Карпинский» [10].

История и быт в дневниках Елены Григорьевны неразрывно сплетаются. Мы обходим здесь множество колоритных бытовых деталей и интереснейшие свидетельства о таких выдающихся русских ученых, как математик А. Н. Крылов, геологи А. Е. Ферсман и В. И. Вернадский, физик А. Ф. Иоффе, историки С. Ф. Платонов и С. А. Жебелев, ориенталисты Н. Я. Марр, И. Ю. Крачковский, В. В. Бартольд, В. М. Алексеев, П. К. Коковцов и многие другие. По мере ужесточения советского режима, к концу 20-х гг., С. Ф. Ольденбургу приходится все чаще хлопотать за арестованных и преследуемых коллег, и эта тема занимает немало места на страницах дневника Е. Г. Ольденбурга. Не касаемся мы и такого момента, как борьба Ольденбурга против продажи музеиных ценностей за границу, практиковавшейся тогда советским правительством. Мы сконцентри-

руемся здесь на событиях, связанных с советизацией Российской Академии наук.

Важным шагом в этом направлении был новый устав Академии, утвержденный Совнаркомом летом 1927 г., согласно которому число кафедр, занимаемых действительными членами, увеличивалось с 45 до 70 (вскоре это число было увеличено до 85). Право выдвижения в академику получали научные и общественные организации, хотя процедура выборов оставалась прежней: для избрания надо было получить 2/3 голосов академиков. Предстояло избрание 42 новых академиков. Весь 1928 г. прошел под знаком предстоящих выборов, во время которых власти рассчитывали добиться проведения своих кандидатов и таким образом «советизировать» Академию [11].

2 апреля 1928 г. Е. Г. Ольденбург записала: «У С. Ф. была беседа с глазу на глаз с Н. П. Горбуновым. В этой беседе Горбунов поставил вопрос, что Москва желает видеть выбранными Н. И. Бухарина, Покровского, Рязанова, Кржижановского (председателя Госплана), Баха и др. С. Ф. не делал возражений, т. к. вопрос будет рассматриваться далее в Академии наук. Далее Н. П. сказал, что Москва желает видеть на месте Д. Н. Халтурина коммуниста... Он сказал, что они желали бы видеть на месте Моласа также партийного, но пока у них нет подходящего лица — Молас знает хорошо языки и, кроме того, он имеет лоск, который нужен для сношения с иностранцами; затем по своей должности и функциям Молас лишен самостоятельности, он только исполнитель распоряжений» [12]. Собственно, это требование уже предвещало крах «ольденбурговской системы», суть которой, как она была сформулирована выше, заключалась в сотрудничестве с советской властью при сохранении внутренней независимости Академии.

10 мая 1928 г. Е. Г. записывает: «Вчера вечером был доклад С. Ф. в Секции научных работников... Посидели бы на подобных заседаниях Крачковские, Коковцовы, Щербатские и тому им подобные. Попробовали бы, как это дается легко. Сколько нервов тратится, чтобы дать Крачковскому возможность свободно заниматься своими арабами или Щербатскому заниматься буддийской философией и ездить на отдых два раза в неделю в Лугу». Далее следуют чрезвычайно важные, на наш взгляд, слова: «Ко-

гда мы шли обратно домой, то я говорила С. Ф., что за это время Академия наук сделала огромную работу... Этот период жизни Академии наук должен по справедливости называться ольденбурговским периодом... Теперь другие времена, и его период кончился. начнется другой, это надо встретить, понять и отойти. Сергей был со мною во всем согласен. Вопрос в том, насколько сломают. Та ли же участь постигнет Академию наук, как университет, или эти 10 лет самоотверженной работы Сергея не прошли даром и сломают не все. Увидим, если будем жить» [13].

Нажим на Академию продолжался и усиливался. 6 июня 1928 г. Е. Г. Ольденбург записывает: «С. Ф. имел беседу с Вороновым. Воронов: правительство 10 лет ждало и дало много авансов, но на 11-м году оно поступит с Академией наук по-своему. Академия наук не сумела понять и занять то положение, которое она должна занять в советском государстве. Несмотря на то, что введен новый устав, и несмотря на письмо Н. П. Горбунова, Академия наук до сих пор не исключила из числа своих членов Струве, Ростовцева и др.» [14]. С лета 1928 г. в «Ленинградской правде» начинается непрерывная кампания против Академии наук.

В обстановке непрекращающегося давления и угроз Ольденбург решается на ряд уступок. Все кандидатуры обсуждаются в комиссиях, состоящих из академиков и «представителей общественности» и одобренные комиссиями правительственные кандидаты, считает Ольденбург, должны быть избраны — это непременное условие сохранения Академии. В самих же комиссиях шла борьба, академики выдвинули ряд выдающихся ученых и большую их часть удалось провести. Ольденбург проводит «частные совещания» с академиками, добиваясь поддержки ими своей линии.

27 ноября 1928 г. Е. Г. Ольденбург записала: «В. И. Вернадский предложил выработать приемлемую общую формулировку для принятия всего полного списка всеми... На его слова И. П. Павлов, точно сорвавшись с цепи, крикнул: „Это лакейство, что Вы предлагаете!“ Вернадский вспылил и заявил ему резко, что он непозволительно себя ведет и что он должен прийти в себя... Павлов почти кричал, что большевикам надо себя показать, что их нечего бояться, что никаких предварительныхговоров не

нужно, что каждый может и должен поступать индивидуально и т. д. Сергей ему очень запальчиво сказал, что он, Иван Петрович, может, и ему разрешается говорить что ему угодно, что его не тронут, т. к. он в привилегированном положении, т. к. он, известно всем, и это говорят сами большевики, идеиный руководитель их партии [15]. Павлов опять вскипел. Было ужасно!» [16].

В декабре 1928 г. все кандидатуры были окончательно согласованы и одобрены в отделениях. На выборах 12 января 1929 г. не набрали необходимых 2/3 голосов правительственные кандидаты А. М. Деборин (философ), Н. М. Лукин (историк) и В. М. Фриче (литературовед). Большинством в один голос прошли коммунисты Н. И. Бухарин, Г. М. Кржижановский и И. М. Губкин. Академиками стали крупнейшие ученые несоветской формации: математики Н. Н. Лузин и С. Н. Бернштейн, физики Д. С. Рождественский и Л. И. Мандельштам, химики Н. Д. Зелинский, А. Е. Фаворский и А. Е. Чичибабин, биолог Н. И. Вавилов, механик С. А. Чаплыгин, историк Д. М. Петрушевский, китаист В. М. Алексеев и др.

Неизбрание трех коммунистов вызвало хорошо организованную бурю в печати. Казалось, что под вопросом стоит само существование Академии. Выходом руководство Академии сочло перебаллотировку неизбранных при участии новых академиков, хотя это противоречило уставу и за разрешением требовалось обратиться в Совнарком. Академики Карпинский, Ольденбург, Ферсман, Крылов, Крачковский, Иоффе, Марр, Курнаков, Платонов, Комаров и Тарле подписали соответствующее предложение. Яростным противником перебаллотировки был И. П. Павлов. 13 мая 1929 г. перевыборы все-таки состоялись и Деборин, Лукин и Фриче были «избраны». Вот «картина с натуры», сохраниенная Е. Г. Ольденбург: «Сейчас 2 с половиной часа, выборы начались. Во дворе стоит лошадь Н. Я. Марра и его кучер — молоденькая женщина, что ездит за своего больного мужа... Только пробили часы 3, как прибежала ко мне в комнату Люся с веселым лицом и говорит: „Должно быть, выборы кончились благополучно. Из моего окна видно, отъезжает много автомобилей и фотографы снимают всех...“ Дома у нас точно праздник! Сергей пришел веселый, еще издали закричал: „Поздравь меня!“ Все его поздравляли — Митя, Люся и я, даже Аграфена Осиповна

пришла из кухни и тоже цвела улыбкой» [17]. Такова, по-видимому, природа человека — когда он втягивается в какое-то дело, то стремится к его успеху, искренне желает довести его до благоприятного конца. Ведь по существу январские выборы 1929 г. были капитуляцией Академии и означали крах ольденбурговской концепции «сотрудничества», как она была описана выше. Оставалось спасать то, что — какказалось — еще можно было спасти...

Радость С. Ф. Ольденбурга не могла быть долгой. Волна репрессий нарастала. С 12 мая по 12 августа 1929 г. С. Ф. Ольденбург был в заграничной командировке — последней в его жизни. В его отсутствие летом 1929 г. началась «проверка аппарата» Академии наук. Перед комиссией, которую возглавлял член Коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции Ю. П. Фигатнер, должны были предстать все сотрудники учреждений Академии наук, за исключением академиков. Исследовались социальное происхождение, дореволюционная деятельность и идеологическая пригодность сотрудников, увольнялись десятки и сотни людей.

Первая запись Е. Г. Ольденбург после возвращения датирована 23 августа 1929 г.: «Вернулись в Ленинград 12 августа <...>. Дело было не в том, что нас ждало в Европе, а в том, что ждало здесь <...> Сергей сразу попал в такой водоворот! Ужасно. Чуть мы спустились с парохода, как попали в этот кипяток. А. Е. Ферсман еще в Париже написал нам, что он, ввиду того, что смешены Халтурин и Молас, подал заявление об уходе из вице-президентов, он только пока исполняет обязанности <...> Мы еле-еле увидели Комарова с палубы парохода, стоящего на набережной с другими академиками — он буквально убежал, т. к. в Большом Конференц-зале Академии наук шло общее собрание сотрудников и решался вопрос о Библиотеке и Пушкинском Доме. Пока мы ехали в автомобиле с багажом вместе с А. Е. Ферсманом, он успел поспешно, горячо, полусловами рассказать о чрезвычайном положении дел в Академии наук в связи с „проверкой“ служебного аппарата... Почти сейчас <...> пришла взволнованная, с красными пятнами на лице Сонечка Шахматова [18] и заявила, что она пришла с общего собрания служащих, что работники Пушкинского Дома и Библиотек

просят прийти к ним С. Ф., что пусть он ничего не говорит, но уже одно его присутствие успокоит их. С. Ф. ответил, что должен спросить на этот счет совета А. Е. Ферсмана и Комарова, что он боится повредить делу... Затем Сонечка ушла наверх с письмом в залу заседаний, вернулась минут через пять с ответом от Ферсмана, что С. Ф. лучше сегодня не приходить, а что завтра они, т. е. комиссия, его пригласят с утра. И вот наступило это завтра, которое продолжается и по сей день <...> Первые ночи, как мы приехали, на свежие нервы это все так действовало, что Сергей не мог спать — его преследовали лица исключенных по 1-й категории, поведение самих сотрудников — и он стонал и мучился» [19]. «За это время, — продолжает Е. Г., — Ал. Петр. Карпинский приходил к нам раза четыре <...> Бедный старик! Два раза он приходил в таком состоянии, что говорил — ему необходимо видеть С. Ф., т. к. он сейчас же отказывается от президентства, он не может перенести всего этого — не может выносить слез этих людей, которые идут к нему, плача, просят заступничества и он бессилен помочь! Весь красный, в слезах, срывающимся голосом, с длинными белыми волосами» [20]. Ольденбург тоже порывался подать в отставку.

В конце августа в работе комиссии был объявлен перерыв. Ольденбург с женой уехал к ее отцу на Волгу. По возвращении Е. Г. записывает: «Настало время тяжкое, как кошмар. Аресты новые, старых не освободили <...> Сергей все время занят бешено, т. к. у него огромные приемы, его буквально все осаждают» [21].

17 октября 1929 г. исполнилось 25 лет пребывания С. Ф. Ольденбурга в должности непременного секретаря, поздравления наряду с сотрудниками Академии прислали А. И. Рыков, Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский, А. С. Енукидзе, Н. А. Семашко, Г. М. Кржижановский. Через два дня в Ленинград вернулся Фигатнер. «Поступили сведения», что в Библиотеке Академии наук и Пушкинском Доме хранятся архивные документы, имеющие важное политическое значение: подлинник отречения Николая II, архивы Департамента полиции, различных политических партий, некоторых великих князей и т. д. Документы эти по большей части попали в академические учреждения в хаосе 1917—1920 гг., когда им угрожала физическая гибель; правительство-

ные органы знали об этом и раньше и не видели в этом опасности. Теперь же было решено использовать этот факт как предлог для больших репрессий. 24 октября 1929 г. Ольденбург и академик С. Ф. Платонов (который возглавлял «замещанные» академические учреждения) были допрошены комиссией [22].

Развязка для С. Ф. Ольденбурга наступила 30 октября 1929 г. В этот день председатель Совнаркома А. И. Рыков послал президенту Академии наук А. П. Карпинскому телеграмму, текст которой был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б). В ней говорилось: «Я считаю необходимым отстранить акад. Ольденбурга от обязанностей непременного секретаря Академии Наук» [23]. Запись Е. Г. Ольденбург воссоздает драматическую картину: «30 октября. Среда. Сергей ушел рано утром сначала в канцелярию Конференции, затем на сессию <...> В 7 час. вечера он вернулся <...> Он бросил пальто и шляпу на стол перед зеркалом и, как-то задыхаясь, сказал: „Отстранен Рыковым...“ За ним шел Вернадский, Ферсман, Борисяк, после всех Молас... Я как-то сразу не поняла. Что-то случилось ужасное, тяжелое. Я смотрела на Сергея. „Отставлен Рыковым из непременных секретарей“, — повторял он, проходя в свой кабинет. Все пошли за ним. Он сел за свой письменный громадный стол, зажал голову руками и смотрел вниз. Все стояли вокруг. Было молчание <...> Первым заговорил В. И. Вернадский. Он говорил, что тут какое-то недоразумение, что это не может быть, что скоро все выяснится. Но Сергей поднял голову и, твердо глядя на всех, сказал: „Нет, нечего выяснять... И так все ясно. Очевидно, они решили... Это было обдумано заранее!“ И он снова сжал себе голову... Тогда заговорили все. Говорили сразу. Сергей молчал... Наконец все сошлись на решении, что А. Е. Ферсман должен сегодня вечером ехать в Москву, говорить с Рыковым. Пришел Н. Я. Марр <...> Все считают, что после этого факта можно ожидать разных историй с самой Академией <...> Все согласились, что возможно нынче ожидать обыска и ареста Сергея <...> Кто-то спросил, что, может быть, есть что-нибудь, что надо убрать из дома. Может быть, письма его сына? С. Ф. спокойно ответил, что с сыном он давно не переписывался и что лично у него нет ничего, что надо бы прятать или уносить из дома. И он добавил: „Если захотят придраться, всегда найдут... Тогда надо все прятать“ <...> Мы

не спали всю ночь» [24]. Последующие дни в доме С. Ф. Ольденбурга прошли в ожидании ареста [25].

Три приведенных далее записи имеются только в дневнике Е. Г. Ольденбург на листках перекидного календаря, в литературно оформленные «Записки» они не вошли. 4 ноября 1929 г.: «Сегодня за обедом Митя вдруг вспомнил, что когда он в прошлом году переносил книги и переписку С. Ф. из кладовой Музея этнографии к нам на квартиру, то там было много бумаг Милюкова и каких-то бумаг кадетов... И Сергей тоже вспомнил... Когда все бежали из Петрограда кто куда, то к нему тащили все. Он так был занят тогда, да и потом, что он, собственно, не знает, что там есть. Когда его садили в тюрьму два раза, то был тогда обыск, очевидно, что-то взяли, но теперь благоразумнее посмотреть, что там есть. Лучше уничтожить... Решили, что ночью, когда на лестнице никто не будет ходить в Правление, то Митя пойдет и посмотрит, что там есть наверху в кладовых» [26]. 5 ноября 1929 г.: «Ночью Митя ходил, принес часть бумаг Сергею... Дневники Милюкова, его письма, протоколы заседаний кадет, их переписка... И еще-еще без конца. Митя говорит — три огромных корзины... Зажгли сразу три печки и до 4 часов утра жгли. Завтра на ночь придет Наташа (племянница С. Ф. Ольденбурга. — Б. К.), и они вдвоем с Митеем опять ночью будут таскать и жечь... Как жаль... Сколько здесь гибнет истории русского общества» [27]. 6 ноября 1929 г.: «Был Вл. Ив. Вернадский. Сергей сказал ему, что я чуть не плачу, когда жгут бумаги, т. к. здесь много ценного в историческом отношении. Вл. Ив. напал на меня — надо обязательно жечь <...> Если обыск будет у нас, могут пострадать многие люди, бывшие кадеты, которые теперь уже полезно работают... Ночью Митя и Наташа вдвоем таскали целые корзины... Горит, горит...» [28].

Навешают Ольденбурга в ближайшие месяцы после его «падения» очень немногие друзья и коллеги. Все это время идут непрерывные аресты научных сотрудников и аппарата Академии. В числе арестованных Б. Н. Молас и Д. Н. Халтурин. В январе 1930 г. арестованы академики С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев и Е. В. Тарле.

14 января 1930 г. Е. Г. Ольденбург записала в дневнике: «Как-то пройдет ночь?» [29]. 15 января 1930 г.: «Ночь у нас прошла спо-

койно, хотя мы были в ожидании и казалось, что шумит автомобиль <...> Разговоры все об одном и том же» [30].

Весьма важна запись Е. Г. Ольденбург от 17 января 1930 г.: «Вечером у С. Ф. был Марр. Говорит, что к Сергею Федоровичу отношение в Москве благоприятное, что его хотят выделить из процесса» [31]. Нам представляются значительными следующие строки в кратком некрологе С. Ф. Ольденбурга, написанные в 1934 г. тяжело больным Н. Я. Марром: «Сергей Федорович Ольденбург поучительный феномен с того берега ученых, отнюдь не одних старых... Надо было ленинское предвидение, чтобы признать грядущую ценность С. Ф. ... Нужна была сталинская зоркость, чтобы признать необходимостью сохранить С. Ф. для наступившей уже тяги к науке и культуре» [32]. Очень вероятно, что здесь содержится намек на реальную механику событий, а не только ритуальный оборот. В комментариях А. Добкина и А. Рогинского к воспоминаниям Н. П. Анциферова приводится свидетельство из воспоминаний географа В. П. Семенова-Тян-Шанского о том, что «фамилии Ольденбурга, Ферсмана и его самого значились в списке лиц, подлежащих аресту по „делу Академии наук“, но были вычеркнуты оттуда „жирным красным карандашом“» [33]. Из материалов сфабрикованного в 1929—1931 гг. «Академического дела», по которому проходили более 100 выдающихся представителей русской гуманитарной интеллигенции, видно, что первоначально в нем должны были фигурировать и Ольденбург, и Ферсман, но позднее их имена исчезают из всех показаний [34].

Вероятно, сообщение Н. Я. Марра несколько разрядило обстановку в доме Ольденбурга, хотя, конечно, настроение его не могло не оставаться крайне подавленным. Какие-то указания насчет Ольденбурга, очевидно, были даны. 2 марта 1930 г. его приглашают на чай «академического актива». «Кржижановский и Луначарский были с ним очень любезны <...> Сергей был выбран членом трех академических комиссий» [35]. Луначарского одно время прочили в президенты, но на Общем собрании 3 марта 1930 г. президентом был переизбран А. П. Карпинский, вице-президентами стали Г. М. Кржижановский, Н. Я. Марр и В. Л. Комаров, непременным секретарем — марксистский историк В. П. Волгин (как и Луначарский, он был избран академи-

ком за месяц до того). В марте 1930 г. было принято решение о создании на базе Азиатского музея Института востоковедения, и С. Ф. Ольденбург стал его директором (директором Азиатского музея он являлся с 1916 г.). Последние четыре года его жизни были посвящены этому делу. В том, что классическое востоковедение в СССР на том этапе сохранилось — немалая заслуга Ольденбурга. Его декларации этих лет (например, доклад 1931 г. «Восток и Запад в советских условиях») часто производят неприятное впечатление, но, оценивая их, следует помнить, в каких обстоятельствах они делались, и то сугубо трудное, трагическое положение, в котором находился их автор. С 1932—1933 гг. С. Ф. Ольденбург тяжело болел. Он умер 28 февраля 1934 г. — за два месяца до перевода Академии наук из Ленинграда в Москву и за девять месяцев до убийства Кирова.

Собственно говоря, историческая роль С. Ф. Ольденбурга к 1930 г. была сыграна. Политика его и его концепция Академии потерпели крах, неизбежный при том характере государства, который окончательно сложился в СССР на рубеже 1920—1930-х гг. Это было и личной трагедией Ольденбурга, отдавшего Академии всю свою жизнь, и трагедией Академии, и трагедией науки в целом. Оставалось приспосабливаться и «спасать то, что еще можно спасти». Можно сказать, что «сотрудничество» с программой превращалось в «сотрудничество» из страха, безвыходности и самообмана. Но не следует забывать, что и в этих условиях кое-что удавалось сделать с неизбежной потерей своего лица (вспомним С. И. Вавилова, роль которого для 1940-х гг. во многом аналогична роли С. Ф. Ольденбурга в 1920-х) и что благодаря этому, в числе прочего, наука в России сохранилась.

1. Архив хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (АРАН. Ф. 208). См. также: Каганович Б. Начало трагедии // Звезда. 1994. № 12. С. 124—144. Наиболее важные работы по истории Российской Академии наук в рассматриваемый период: *Graham L. R. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party 1927—1932*. Princeton, 1967; *Перчёнов Ф. Академия наук на «великом переломе»* // Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 163—238. О С. Ф. Ольденбурге см.: С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934; Алексеев В. М. С. Ф. Ольденбург как организатор и руководитель наших ориенталистов (1935) //

Алексеев В. М. Наука о Востоке. М., 1982. С. 6—30; Сергей Федорович Ольденбург: Сб. ст. М., 1986.

2. Письма С. Ф. Ольденбурга к С. С. Ольденбургу цит. по «Хронологической канве для биографии С. Ф. Ольденбурга», составленной Е. Г. Ольденбург (АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 46).

3. Там же. Д. 47.

4. *Ольденбург С. Ф.* Ленин и наука // Научный работник. 1926. № 1. С. 51. Ольденбург в студенческие годы был знаком с братом Ленина Александром Ульяновым, а потом в качестве члена Комитета Бестужевских курсов немного знал его рано умершую сестру Ольгу, и, когда Ленин в 1891 г. приехал в Петербург, он нанес визит Ольденбургу и расспрашивал его о брате и сестре. Этим в сущности их знакомство исчерпывалось, хотя позднее в советской литературе значение этого факта сильно преувеличивалось.

5. М. И. Ростовцев (1872—1952) — историк античности, академик, в 1918 г. эмигрировал.

6. АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 685. Л. 61.

7. Там же. Оп. 2. Д. 62.

8. Там же. Д. 56—57.

9. Там же. Д. 44—54.

10. Там же. Д. 61. Л. 323.

11. См.: Кольцов А. В. Выборы в Академию наук СССР в 1929 г. // ВИЕТ. 1990. № 3. С. 53—66; Партийное руководство Академией наук // Вестник РАН. 1994. № 11. С. 1033—1041: «Наше положение хуже каторжного...» // Источник. 1996. № 3. С. 109—140.

12. АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 61. Л. 321 об. Н. П. Горбунов — управляющий делами Совнаркома СССР.

13. Там же. Л. 336.

14. Там же. Д. 50. Е. П. Воронов — заведующий отделом научных учреждений Управления делами Совнаркома СССР.

15. Имеются в виду, конечно, работы И. П. Павлова по физиологии, считавшиеся подтверждением философского материализма.

16. АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 57. Л. 51—52.

17. Там же. Л. 169. Митя — сын Е. Г. Ольденбург от первого брака; Люся — его жена; Аграфена Осиповна — служанка.

18. Дочь академика А. А. Шахматова, сотрудница библиотеки Пушкинского Дома.

19. АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 57. Л. 219—220.

20. Там же. Л. 223.

21. Там же. Л. 230—231.

22. См.: Перчёнок Ф. Академия наук на «великом переломе». С. 202—204; Начало дела Академии наук. Стенограмма заседания Особой комиссии Наркомата РКИ СССР 24 октября 1929 г. Публ. А. И. Алаторцевой // Исторический архив. 1993. № 1. С. 79—109: «Осталось еще немало хлама в людском составе». Как начиналось «дело Академии наук» // Источник. 1997. № 3. С. 105—126; № 4. С. 103—119.

23. Источник. 1997. № 3. С. 116.

24. АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 57. Л. 237—239.
25. Там же. Л. 239—240.
26. Там же. Д. 62. Л. 311.
27. Там же. Л. 312.
28. Там же. Л. 313.
29. Там же. Л. 386.
30. Там же. Л. 387.
31. Там же. Л. 389.
32. *Mapp H. Я. Памяти С. Ф. Ольденбурга // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 3. С. 14.*
33. Звезда. 1989. № 4. С. 163.
34. См.: Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993—1998. Вып. 1—2 (издание продолжается).
35. АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 62. Л. 434.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ: 1925—1941 гг.

История создания крупной машинной промышленности в России отражена в обширной литературе [1]. В последние годы исследования в этой области получили новый импульс. Во-первых, после 1985 г. в России открыты для изучения и введены в научный оборот исторические документы, анализ которых привел к корректировке многих ранее сложившихся представлений о предмете. Критическое переосмысление политической истории СССР с учетом ранее недоступных первоисточников занимает специалистов уже на протяжении около 10 лет. В рамках этого направления изучены многие ранее скрытые механизмы командно-административной системы управления обществом, в известной мере восстановлена историческая справедливость в отношении репрессированных и эмигрировавших за рубеж российских ученых и инженеров. Эти темы актуальны и сейчас.

Вместе с тем все большее внимание историков привлекает изучение, возможно, не столь драматических, но ключевых событий. В значительной мере это вызвано тем, что историческая реконструкция осевых процессов прошлого, к которым, несомненно, относится и индустриализация страны, важна для анализа современного состояния России. Во-вторых, крушение реальной экономической системы социалистического типа и государственных структур СССР не просто обозначило крах ленинско-сталинской идеологической платформы, основанной

на особом прочтении марксизма, но и поставило под сомнение глубоко укорененную в человеческом сознании идею социализма. Это вызвало стремление понять, в какой мере крушение СССР было определено субъективными действиями властных структур и в какой — органическими пороками социалистической идеи. Так были вновь поставлены давно «решенные» в советской исторической литературе вопросы: как трактовать и чем объяснить очевидные успехи индустриализации СССР? Связаны ли успехи советской науки и техники с особенностями политического режима и экономического строя, в условиях которого они были достигнуты? Наконец: каким был реальный механизм индустриализации народного хозяйства страны? Был ли он органически присущ развивающейся *социалистической* экономике или же сформировался в результате реализации неких общих тенденций мирового цивилизационного процесса?

Представляется, что для ответа на эти вопросы необходимо не только пересмотреть некоторые оценки индустриализации России, приведенные в советской и зарубежной литературе, но и включить в анализ дополнительный исторический материал. В статье предпринята попытка рассмотреть с этой точки зрения историю организации научно-технической деятельности Академии наук (АН) в период, когда были решены основные задачи индустриализации страны, осуществлены некоторые научно-организационные мероприятия, характеризующие масштабы активного участия ученых и научных учреждений Академии в решении фундаментальных, сугубо теоретических проблем и практических задач промышленного развития.

В структуре АН долгое время не было учреждений, специализирующихся на научном обеспечении промышленного производства, но решение теоретических и прикладных проблем техники было традиционным направлением ее деятельности с первых дней основания [2]. Упрекаемая за «отрыв от жизни» АН на самом деле чутко реагировала на запросы практики [3]. Ученые, считавшие своими главными задачами гуманитарные исследования и познание фундаментальных законов природы, вовсе не отгораживались от вопросов, возникавших в связи с развитием крупного машинного производства в России. Острое восприятие социально-экономических проблем и глубокий интерес к

прикладным задачам науки привели академиков к организации Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) [4]. В. И. Вернадский и другие академики — основатели КЕПС выдвинули вначале традиционную для Российской Академии наук (РАН) программу выявления малоизученных природных ресурсов страны для их более полного промышленного использования. Но довольно скоро они пришли к необходимости ускоренного развития в РАН научно-технических исследований по направлениям более широкого спектра. В результате РАН приступила к организации новой для нее системы научно-технических отделов и институтов КЕПС, опирающихся на сложившуюся фундаментальную науку России. Развитие новых направлений деятельности РАН соответствовало задачам ускоренного промышленного развития страны, вступившей в Первую мировую войну. Но кроме того, оно отвечало высшим интересам государства, с задержкой приступившего к модернизации экономики и ее адаптации к уже утвердившейся мировой индустриальной системе.

После политического переворота в октябре 1917 г. РАН вопреки неприятию нового режима [5] разворачивает деятельность КЕПС. Задачи индустриализации страны понимались академиками-государственниками в контексте мирового цивилизационного процесса. Преодоление отставания от Запада, создание индустриальной экономики России они рассматривали как необходимый этап ее исторического развития. Нацеленная на ускоренную индустриализацию страны внутренняя политика большевиков была близка научной элите России независимо от действительных причин и мотивов действий власти, тем более от средств ее проведения. В результате такого частичного совпадения интересов РАН и партийно-государственного аппарата выдвигавшиеся учеными проекты создания новых научно-технических учреждений поддерживались властными структурами, несмотря на переживаемые страной экономические затруднения [6].

Развитие академических научно-технических исследований в интересах индустриализации России происходило, однако, не гладко. С начала индустриализации мировой промышленности произошли существенные изменения в корпусе технических зна-

ний. Использующие развитый математический аппарат теоретические модели технических устройств (такие, например, как теория тепловых машин, основы которой создал С. Карно в 1824 г.) положили начало развитию технических наук [7]. Научно-технические дисциплины обеспечили создание все более сложной техники. В этих условиях традиционная организация научной деятельности оказалась малоэффективной. Для координации разнородных по методам, но общих по конечной цели исследований была выработана новая форма — исследовательский институт. Одним из первых в мире научно-исследовательских институтов технического профиля стала Главная палата мер и весов, созданная в Санкт-Петербурге в 1893 г.

В начале XX в. новая организация науки уже получила признание многих ведущих специалистов. Академики — основатели КЕПС ставят вопрос о создании уже не отдельных академических институтов, а их государственной сети. Эти идеи реализуются уже в советской России. 27 июля 1925 г. РАН официально признается советской властью как высшее научное учреждение Союза ССР и переименовывается в Академию наук Союза Советских Социалистических Республик (АН СССР) [8]. В первом советском Уставе АН СССР, утвержденном 18 июня 1927 г. [9], институты были указаны в числе других основных форм организации академической деятельности. Однако руководство страны продолжало считать наилучшей формой организации научно-технических работ фабрично-заводскую лабораторию как более близкую промышленной практике. Концепция «заводской науки» (якобы марксистская) наносила большой ущерб развитию машинной индустрии в советской России до тех пор, пока не была реабилитирована и не возобладала идея организации научно-технических институтов. В АН СССР это произошло только в конце 1930-х гг. Даже после учреждения нового Отделения технических наук (ОТН) АН СССР некоторое время основными организационными формами научно-технических исследований в Академии оставались секции, группы и комиссии. Только после принятого 8 мая 1938 г. Постановления СНК СССР «О плане АН СССР» ее Президиум приступает к перестройке структуры ОТН [10]. 29 октября 1938 г. Общее собрание АН принимает решение об упразднении групп в составе ОТН и о соз-

дании на их базе институтов по комплексным направлениям научно-технических исследований.

До сих пор недостаточно изучена роль РАН в реализации первого в истории государственного комплексного плана научного и промышленного развития — Плана электрификации РСФСР (ГОЭЛРО) [11]. Между тем ни разработка этого перспективного плана, ни последующее создание энергетической базы индустриализации не были бы возможны без планомерного изучения научно-технических проблем энергетики и энергетических ресурсов России. Такие исследования были начаты в 1916 г. в Отделе энергетики КЕПС. 1 декабря 1930 г. на базе этого Отдела образован Энергетический институт (ЭНИН). Во главе института по 1959 г. был академик Г. М. Кржижановский [12]. В январе 1935 г. ЭНИН передан из Отделения математических и естественных наук в Техническую группу АН СССР [13]. В конце того же года он был подчинен только что организованному ОТН АН СССР. В декабре 1938 г. ЭНИН переданы тематика работ и задачи Группы энергетики ОТН [14], а в январе 1939 г. — функции и работы Комиссии и лаборатории магнитных материалов АН [15]. Но и в существенно расширенной научной программе института 1930—1939 гг. легко прослеживаются основные направления исследований, намеченных академиками РАН еще при создании Отдела энергетики КЕПС. К ним относились: проблемы использования энергетических ресурсов страны, анализ основных направлений развития энергетической промышленности, теплотехника, газификация твердых топлив, электротехника сильных токов, гидроэнергетика и др. Со временем эта тематика была значительно углублена и расширена. Соответствующим образом была развита и организация решения вытекающих из нее общих и частных научно-технических, экономических и прочих задач.

В ранней деятельности КЕПС обнаруживаются истоки еще одного принципиально важного для индустрии направления научно-технической деятельности РАН, а затем — АН СССР. С 1916 г. КЕПС, действуя по заданию Особого совещания по обороне государства при военном министре Российской империи, проводила исследования сапропелита озера Балхаш, битумов и сапропелей других озер [16]. С этой целью организовыва-

понденты АН СССР С. Ф. Федоров, М. А. Капелюшников и другие видные ученые АН СССР.

Взаимосвязь фундаментальных и прикладных исследований в ИГИ, их конечная ориентация на практическое применение в военной технике, промышленности и экономике страны были характерны и для шести других институтов, входивших в состав ОТН АН СССР в конце 1930—1940-х гг.

До сих пор мало изучена роль КЕПС РАН и ее преемников в организации научных исследований и учреждений, имевших ключевое значение для формирования и развития атомной промышленности и энергетики России. Между тем именно здесь обнаруживаются истоки атомной индустрии СССР. 1 января 1922 г. на базе ранее созданных в РАН радиевой лаборатории, радиевого отдела КЕПС и радиевого отдела Рентгенологического и радиологического института образован Государственный радиевый институт (ГРИ). Этот институт вначале подчинили Народному комиссариату просвещения (Наркомпросу РСФСР). Только 25 марта 1938 г. ГРИ передали АН СССР [22]. Однако Положение о Радиевом институте и Радиевом заводе было принято 25 апреля 1922 г. совместно Наркомпросом и Президиумом РАН [23]. Директором ГРИ и заведующим геохимическим и минералогическим отделом все это время (и до 1939 г.) был его основатель академик В. И. Вернадский [24, 25]. Таким образом, с самого начала не только научное, но и административное управление деятельностью ГРИ осуществляло Физико-математическое отделение РАН [26]. Проводившиеся в институте исследования отечественных месторождений радиоактивных ископаемых и технологии извлечения из руд радиоактивных элементов имели основополагающее значение для развития сырьевой базы атомной промышленности России. Ученым Радиевого института принадлежит ряд выдающихся результатов в области фундаментальных исследований ядра урана. Работа научного коллектива имела значение и для подготовки специалистов высшей квалификации в этой области. Научная программа института сочетала решение фундаментальных и прикладных проблем практического использования знаний о радиоактивности и строении атомного ядра. Есть основания полагать, что именно поэтому научный коллектив института внес столь значительный вклад в успех

Атомного проекта СССР, в создание теоретической и научно-технической базы атомной промышленности и энергетики, в разработку ядерного оружия, а также в дальнейшее развитие фундаментальных знаний в области ядерной физики и химии.

Основой крупной машинной промышленности являются черная и цветная металлургия — базовые отрасли народного хозяйства любой индустриальной страны. Российская школа теоретических основ металлургии, металлографии и металловедения получила мировое признание еще в XIX в. В советское время ее развитие продолжили труды Н. С. Курнакова, М. А. Павлова, А. А. Байкова, И. П. Бардина и ряда других академиков и членов-корреспондентов АН СССР. Координационным центром этих исследований в 1934—1935 гг. была Металлургическая секция Технического Совета Академии [27]. В июне 1938 г. в составе ОТН была организована Металлургическая группа с комиссиями: черной металлургии, цветной металлургии, металловедения, новых высокоустойчивых огнеупорных материалов [28]. Но через три месяца Президиум АН СССР принимает решение об организации Института металлургии (ИМЕТ). 29 октября 1938 г. это решение утверждается Общим собранием АН [29]. В ноябре того же года ОТН утверждает четыре направления работ ИМЕТ: физическая химия, техническая физика, технология металлургического производства [30]. Институту передаются штат и работы Комиссии металловедения, состоявшей до этого в группе химии [31]. Директором ИМЕТ в 1939—1960 гг. был академик И. П. Бардин. О народнохозяйственном значении проводившихся в институте исследований можно судить по перечню поставленных перед ним фундаментальных проблем и прикладных задач. В них входили: развитие теоретических оснований и прикладных методов анализа металлургических процессов и металлов; разработка физико-химических основ технологии электролитического получения и рафинирования цветных металлов; гидравлическая теория металлургических печей; методы расчета доменной шихты по молекулярным весам и расчета количества отходящих доменных газов; теоретические основания ведения доменной плавки; теория металлургического процесса и создание ряда специальных марок сталей и, наконец, научное обоснование проектирования и строительства крупных предприятий —

базы черной и цветной металлургической промышленности СССР.

В конце 1935—начале 1936 г. в ОТН организуется группа технической механики [32]. 27 декабря 1937 г. в эту группу, взамен упраздненной Комиссии авиастроения [33], была включена Комиссия аэромеханики (председатель — академик С. А. Чаплыгин). Наконец, в октябре 1938 г. на базе группы технической механики создается Институт механики (ИМЕХ) с разделами работ: общая теория механики, строительная механика, аэрогидромеханика [34]. Эти научно-организационные решения принимались в условиях очевидной спешки. Ввиду отсутствия у группы технической механики собственной экспериментальной базы Институту механики предоставлялось право использовать экспериментальные базы Сейсмологического и Физического институтов, а также Института строительной механики АН УССР, Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта и некоторые другие [35]. Директором ИМЕХ в 1939—1945 гг. был академик Б. Г. Галеркин. С самого начала в работах института принимали активное участие академики А. Н. Крылов, С. А. Чаплыгин, Н. Е. Коchin, Н. И. Мусхелишвили, В. Л. Поздюнин, Л. С. Лейбензон, С. А. Христианович, С. Л. Соболев и др., а также члены-корреспонденты АН СССР А. И. Некрасов, П. Ф. Папкович, Ю. А. Шиманский, В. В. Голубев, Л. Н. Сретенский, А. А. Ильюшин, М. В. Келдыш, Н. Г. Четаев и др.

26 июля 1935 г. Комиссия по изучению долговечности машин при Техническом совете (ТЕКО) АН [36] преобразована в Машиностроительную секцию под председательством члена-корреспондента Е. А. Чудакова [37]. С начала 1936 г. до ноября 1938 г. при группе технической механики ОТН работает Комиссия машиноведения. 15 октября 1938 г. Президиум АН принимает решение о создании на базе этих организаций Института машиноведения (ИМАШ) [38]. 4 мая 1939 г. новый институт входит в структуру ОТН [39]. Последним из академических институтов технического профиля, созданных до начала войны, стал Институт автоматики и телемеханики (ИАТ). Соответствующее решение было принято Президиумом АН в мае 1939 г. [40]. 16 июня 1939 г. ИАТ включается в реорганизованную структуру ОТН [41]. Как и в других областях технических наук, это решение

Президиума лишь трансформировало организацию специализированных исследований, проводимых до этого уже в течение ряда лет. Фактически деятельность Комиссии по телемеханике и автоматике, учрежденной при Академии в июне 1934 г., с самого начала охватывала все основные отраслевые направления автоматизации промышленного производства и технологических процессов. Особое внимание во второй половине 1930-х гг. уделялось проблемам управления крупными энергетическими системами, задачам автоматизации теплотехнических и гидротехнических систем, применению автоматических устройств в приборостроении, электросвязи и военной технике. Тематика научно-технических исследований в этой области стремительно разрасталась, и в 1938 г. статус Комиссии был повышен: она была преобразована в Комитет автоматики и телемеханики (КТА). Комитет разрабатывал широкий круг теоретических и прикладных научно-технических проблем — от автоматизации технологических процессов подземной газификации твердого топлива до создания систем телемеханики для строящегося в Москве Дворца Советов, научного обоснования методов расчета и конструирования автоматической аппаратуры, автоматизации целых отраслей промышленности. Значительное место занимали разработки конкретных систем и средств контроля и автоматизации для энергетики, химической промышленности, транспорта, гидротехнических сооружений и т. д. Исследователям еще предстоит оценить, насколько оправдано было сосредоточение исследований по столь разнородным относительно узким прикладным темам в академическом научном учреждении. Председателем КТА был академик В. С. Кулебакин, ставший в 1939 г. первым директором ИАТ.

К 1941 г. институты ОТН стали основной, но не единственной формой организации академических научно-технических исследований в интересах крупной машинной промышленности России. В 1945 г. в структуру ОТН АН кроме семи институтов входили также 4 секции по научной разработке крупных комплексных проблем техники (электрической сварки и электротермии, электросвязи, транспорта, водного хозяйства). При Отделении действовали Комитет технической терминологии и Комиссия по истории техники. Столь мощное объединение исследовательских

учреждений было способно решать сложнейшие научные проблемы в интересах промышленного производства. На него была возложена координация деятельности не только академических, но и отраслевых, а также вузовских организаций, выполнявших научно-технические исследования для народного хозяйства страны. Особого внимания заслуживает ключевая роль учреждений АН СССР в разработке научных проблем военной техники и ее производства. Теперь уже ясно, что так называемая оборонная тематика занимала весьма значительное место в деятельности научно-технических институтов АН СССР. Но освещавшие эту тему источники остаются до сих пор труднодоступными и потому малоизученными.

Роль научных учреждений АН в становлении крупной машинной промышленности и экономики индустриального типа в России была весьма значительной. Деятельность АН в рассмотренный период выходила за рамки «чистых» фундаментальных исследований. Миф об оторванности академического сообщества от нужд и проблем заводской и прочей практики, в чем так упрекали ученых партийные комитеты разных уровней, развеивается при обращении к фактам. В Советской России АН не подверглась полному разгрому, хотя и не избежала репрессий. Несмотря на нападки на некоторых руководителей науки, она смогла в основном сохранить высокий потенциал. К началу реализации многолетних перспективных планов развития народного хозяйства АН еще располагала научными кадрами, сформировавшимися в условиях свободы научного творчества и способными выдвигать крупномасштабные программы, ставить и решать нетривиальные проблемы комплексного развития науки и техники страны.

Еще до начала первой пятилетки в 1929 г. по опыту восстановительного периода стало ясно, что индустриализация страны без высококвалифицированных научно-технических специалистов невозможна. Практическая работа преданных, но неопытных руководителей строек и заводов, классово близких большевикам, но некомпетентных инженерно-технических и научных кадров подчас сводила на нет усилия многотысячных коллективов. Поняв это, власти в корне изменили отношение к АН [42]. В 1933 г. прекратились попытки некоторых высокопоставленных

большевиков игнорировать или вообще ликвидировать Академию, заменив это «старорежимное» высшее научное учреждение страны другим — тоже высшим — научным учреждением — «подлинно марксистской» Коммунистической академией [43]. В конце концов она была влита в АН СССР. Отказались и от той идеи, что научно-технические исследования должны проводиться главным образом в более близких практике фабрично-заводских лабораториях. В начале периода развернутой индустриализации страны пришло осознание незаменимости научных кадров высшей квалификации. Научная политика высших органов власти, вставших на путь легального изменения плохо управляемого руководства Академии, стала более тонкой. В конце 1920—начале 1930-х гг. число академиков было увеличено. Под сильным давлением властей в состав Академии оказались избранными ученые — члены ВКП(б), которым была поручена задача полной адаптации АН к новым условиям социально-экономического и политического развития России. Попав под прессинг властных структур, АН СССР почти полностью утратила демократические начала и стала постепенно превращаться в своеобразное «министерство науки». Взамен академических свобод обновленное руководство и научные коллективы АН СССР получили систему жесткого планирования и бюрократического управления. Вместе с тем они получили и мощную финансовую поддержку со стороны государства. Созданная в этих противоречивых условиях сеть академических научно-технических учреждений обеспечила технологически эффективное взаимосвязанное развитие прикладных и фундаментальных исследований по широкому фронту. Таким образом, политика партийно-государственного аппарата по отношению к АН, несмотря на все ее крайности и издергки, в конечном итоге оказалась успешной для развития научно-технического потенциала страны.

К 1941 г., когда СССР оказался вовлеченым во Вторую мировую войну, были выполнены первые два пятилетних плана и частично реализован третий, что коренным образом изменило состояние промышленности. Мощная индустрия послужила материально-технической базой победы в войне и обеспечила успехи России в послевоенном развитии науки и техники. Конечно, не следует умалять роль отраслевых (ведомственных и заводских), а

также научных учреждений при высших учебных заведениях, институтов и лабораторий, проектно-конструкторских и технологических организаций. Но без государственной поддержки научно-технических исследований в АН СССР и активного участия в них ученых и научных коллективов АН решение исторической задачи — завершение индустриализации России было бы попросту невозможно по крайней мере в такие сроки и с такими результатами [44].

1. См.: *Jasny N. Soviet Industrialization 1928—1952. Chicago, 1961; Ильин В.* Развитие капитализма в России. СПб., 1899; *Есаков В. Д.* Советская наука в годы первой пятилетки // Основные направления государственного руководства наукой. М., 1971; *Лельчук В. С.* Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М., 1975; *Олегина И. Н.* Критика концепций современной американской и английской буржуазной историографии по проблемам индустриализации СССР. Л., 1989; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1967 гг.: Сб. документов. М., 1967—1968. Т. 1—5; Съезды советов СССР: Сб. документов. 1922—1936 гг.: В 3-х т. М., 1960. Т. 3; Технические науки // Очерки по истории Академии наук / Под ред. И. П. Бардина. М.; Л., 1945; *Хоскинг Д. Ж.* История Советского Союза. 1917—1991. 2-е изд. М., 1995; Электрификация СССР: Сб. документов. 1926—1932 гг. М., 1964; Организация и развитие отраслевых научно-исследовательских институтов Ленинграда. 1917—1977 / Под ред. Б. И. Козлова. Л., 1979; *Козлов Б. И.* Возникновение и развитие технических наук. Л., 1988.

2. См.: Очерки по истории Академии наук / Под ред. И. П. Бардина. М.; Л., 1945.

3. Такие упреки особенно характерны для средств массовой информации и выступлений партийных функционеров советского периода. Но образ «витающей в облаках» академической науки культивировался в российских газетах еще в XIX в.

4. Комиссия по изучению производительных сил России была основана в 1915 г. при Отделении математических и естественных наук РАН для изучения и вовлечения в промышленную переработку природных ресурсов страны. В 1930 г. преобразована в Совет по изучению производительных сил (СОПС). Подробнее см.: *Кольцов А. В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915—1930. СПб., 1999.

5. См.: *Козлов Б. И., Левшин Б. В.* В конце «серебряного века» (К 275-летию РАН) // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 7. С. 579—586.

6. Мы не рассматриваем здесь историю организации институтов КЕПС в первые годы советской власти. Документы об учреждении академических институтов Физико-химического анализа и Платинового (1918), государственных Оптического и Керамического институтов (на базе отделов КЕПС, 1918 г.), Гидроло-

гического института (1919) и Радиевого института (1922) опубликованы в: Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925). Л., 1968.

7. См.: Козлов Б. И., Левшин Б. В. В конце «серебряного века»... С. 579—586.
8. Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925). Л., 1968.
9. Уставы АН СССР. 1724—1974. М., 1975.
10. Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 6а. Д. 15. Л. 143.
11. Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО) создана 21 февраля 1920 г. Разработанный ею План электрификации России (на 10—15 лет) был утвержден VIII Всероссийским съездом Советов (22—29 декабря 1920 г.) и впоследствии успешно реализован.
12. В феврале 1932 г. ЦИК СССР по ходатайству Президиума АН СССР присваивает ЭНИИ имя его директора — Г. М. Кржижановского (РАН. Ф. 2. Оп. 7. Д. 1а. Л. 3). Такова была любопытная практика тех лет. Впрочем, она мало что значила и не мешала властным структурам столь же легко менять почетные именования.
13. РАН. Ф. 2. Оп. 2/1935. Д. 8. Л. 24.
14. Там же. Ф. 395. Оп. 1/1938. Д. 1. Л. 4.
15. Там же. Д. 3. Л. 121.
16. Отчет АН за 1916 г. Пг., 1916. С. 326.
17. РАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 2. Л. 63.
18. Там же. Оп. 7. Д. 3. Л. 31 об.
19. Там же. Д. 13. Л. 248.
20. Там же. Д. 17. Л. 68.
21. Там же. Д. 22. Л. 263.
22. Там же. Оп. 6. Д. 12. Л. 111.
23. Там же. Оп. 1/1918. Д. 11. Л. 121.
24. Вернадский В. И. Записка об организации при РАН Государственного Радиевого института // Изв. АН СССР. Сер. VI. 1922. Т. XVI. С. 64—68.
25. Преемником В. И. Вернадского на посту директора Радиевого института АН СССР стал академик В. Г. Хлопин (1939—1950).
26. Так, заведующий ГРИ в 1922—1926 гг. (во время командировки В. И. Вернадского за границу) А. Е. Ферсман был назначен на эту должность 6 сентября 1922 г. по решению Физико-математического отделения РАН (см.: Протоколы заседаний Физико-математического отделения РАН. 1922).
27. РАН. Ф. 395. Оп. 16. Д. 29а. Л. 1; Оп. 1. Д. 39. Л. 3.
28. Там же. Д. 38. Л. 53, 55.
29. Там же. Оп. 1/1938. Д. 3. Л. 67—68.
30. Там же. Д. 1. Л. 3; Д. 3. Л. 75.
31. Там же. Д. 1. Л. 3.
32. Там же. Оп. 1. Д. 39. Л. 16—17.
33. Там же. Оп. 16. Д. 9. Л. 2.
34. Там же. Оп. 1/1938. Д. 3. Л. 71.
35. Там же. Ф. 2. Оп. 5а. Д. 15. Л. 143, 161.
36. Там же. Ф. 395. Оп. 1. Д. 39. Л. 3—4.
37. Там же. Л. 77.
38. Там же. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 15. Л. 143.

39. Там же. Д. 18. Л. 59, 61.
40. Там же. Л. 54, 63—64.
41. Там же. Л. 124, 157.
42. Хозяйственные руководители, непосредственно соприкасавшиеся с проблемами послевоенного восстановления экономики и научно-технического развития государства, поняли это еще раньше.
43. История Социалистической (позднее — Коммунистической) академии до сих пор мало освещена в литературе. Только в последние два года в АРАН ведется работа по изучению и включению в научный оборот богатого фонда документов этого учреждения. За рубежом только что вышла книга: *David Fox M. Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks. 1918--1929*. Ithaca; London, 1997. Тем не менее общая отрицательная оценка роли Комакадемии в истории советской науки может быть признана обоснованной ужс сегодня.
44. Мы не рассматриваем здесь ни цену этого успеха, ни другие, на наш взгляд, более приемлемые для науки и страны, но так и не реализованные сценарии индустриализации России. Заслуживает внимания в этой связи и история последующей борьбы партийно-государственного аппарата с созданным им монстром — малоуправляемой, жестко централизованной суперсистемой академических учреждений. Один из этапов этой истории завершился, как известно, разгромом ОТН в годы хрущевской перестройки советского народного хозяйства. Данная тема остается актуальной и в постсоветской России.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б) И АКАДЕМИЯ НАУК в 1930-х гг.

Академия наук СССР занимала особое положение в советской системе. Поэтому интересно проследить взаимоотношения политической власти со сферой науки именно на этой модели. Рассмотреть их на всем протяжении коммунистического правления в короткой статье, конечно, невозможно. Но механизм взаимодействия власти и академического сообщества в основном сложился в начале 30-х гг. С тех пор вплоть до раз渲ала Советского Союза в 1991 г. принципы и методы руководства, организации, управления наукой и контроля за жизнью и деятельностью Академии были законсервированы и неукоснительно применялись высшими партийными и государственными органами.

До начала перестройки и отечественные, и зарубежные историки по-разному оценивали происшедшие семьдесят лет тому назад события по реорганизации Академии. Если у нас было принято отмечать их положительные моменты, то, начиная с работ Александра Вучинича и Лорена Грэхэма, указывалось на такие изменения, как бюрократизация, жесткая регламентация и идеологизация научных исследований, приведшие, в конечном счете, к слиянию научной и партийно-государственных элит [1].

Изменения последних лет вызвали бум публикаций о «великом переломе», основанных на архивных источниках [2]. Здесь прежде всего, следует отметить публикации безвременно скон-

чавшегося Ф. Ф. Перченка, открывшего новую страницу в изучении этого важнейшего периода в истории Академии наук. Мы постараемся рассмотреть события, связанные с прямым вмешательством ЦК ВКП(б) в деятельность Академии наук в целях ее полного подчинения и использования в интересах советской государственной системы, на базе документов ЦК ВКП(б), хранящихся в Архиве Президента Российской Федерации и в Архиве РАН [3].

Напомним вначале, что сталинское государство было построено на принципе достижения грандиозных результатов в чрезвычайно короткие сроки с использованием чрезвычайных средств. При этом научно-технический прогресс рассматривался как несущий каркас, обеспечивающий экономическое процветание. Ведущая роль здесь отводилась Академии наук, официально в 1925 г. признанной главным научным учреждением страны. С переходом к развернутому строительству социализма ЦК решил полностью подчинить себе все стороны деятельности Академии. Решающее наступление началось в 1927 г. с введением нового Устава, который включал три положения, встретившие возражение со стороны академиков: 1) приспособление науки к практике; 2) контроль в отношении политической лояльности и установление соответствующих форм воздействия; 3) расширение прав управляющих органов по отношению к прежним привилегиям научного содружества. Затем прошли печально известные выборы в Академию наук [4].

Поводом для последующего шага по подчинению Академии наук послужило обвинение ее в сокрытии от властей ряда важных документов, имевших политическое значение [5]. Началось это дело с присланной 21 октября 1929 г. из Ленинграда на имя И. В. Сталина и Г. К. Орджоникидзе телеграммы, в которой Ю. П. Фигатнер и С. М. Киров сообщали, что агентурные сведения о контрреволюционном заговоре подтвердились. В Академии найдены документы ЦК партии кадетов, ЦК эсеровской партии, дела Департамента полиции, оригиналы отречения от престола Николая II и Михаила Романова и другие материалы [6]. 22 октября 1929 г. после рассмотрения телеграммы на Политбюро ЦК была сформирована комиссия в составе Ю. П. Фигатнера (председателя) и двух видных сотрудников ОГПУ—

НКВД Я. Х. Петерса и Я. С. Агранова [7], которая немедленно приступила к работе в Ленинграде.

Состоявшееся 26 октября партийное собрание Академии наук решило использовать этот случай, чтобы изменить руководство Академии и прежде всего снять с поста непременного секретаря академика С. Ф. Ольденбурга и заменить его на ботаника академика В. Л. Комарова. 30 октября на Политбюро ЦК по докладу председателя Совнаркома А. И. Рыкова принимается решение о снятии Ольденбурга, а Ленинградскому обкому партии рекомендовано наметить на это место новую кандидатуру и представить на утверждение в Политбюро [8]. Одновременно был утвержден и текст телеграммы А. И. Рыкова президенту Академии наук А. П. Карпинскому, в которой сказано: «...Считать необходимым отстранение академика Ольденбурга от обязанностей непременного секретаря...» [9]. Неожиданно оказалось, что Ленинградский обком партии к немедленному снятию Ольденбурга отнесся весьма скептически, видимо, под влиянием настроений С. М. Кирова, болезненно реагирующего на решения по Ленинграду, принимавшиеся без его участия. Такая позиция обкома, как отмечалось в подробном письме председателя фракции коммунистов в Академии наук М. Н. Покровского в Политбюро ЦК, повлияла на настроения академиков-коммунистов, которые стали терять единодушие, а президент Академии наук А. П. Карпинский прямо намекнул на свою отставку [10].

К тому же из Москвы на запрос Фигатнера, что делать, последовал звонок личного секретаря Сталина И. П. Товстухи, передавшего предложение оттянуть решение вопроса. С местными партийными органами тогда договорились, что отставка Ольденбурга нецелесообразна. Но 5 ноября 1929 г. на Политбюро ЦК было принято решение: «Дать завтра сообщение в печати об обнаружении в Академии Наук документов и об отстранении Ольденбурга...» от поста непременного секретаря, а также поручить Г. М. Кржижановскому «в недельный срок обеспечить отстранение Платонова от работы в президиуме Академии наук», а Фигатнеру совместно с прокурором Н. В. Крыленко изучить меры привлечения к суду «виновных в укрывательстве документов», не принадлежащих Академии [11]. Это решение вызвало шок не только у беспартийных академиков, но встретило непонимание

даже у членов коммунистической партии, которые ориентировались на продолжение сотрудничества с Ольденбургом.

После этого аресту подверглись историки Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, Ю. В. Готье, М. К. Любавский, С. Ф. Платонов, А. И. Андреев и др. И хотя по так называемому академическому делу громкого политического процесса не состоялось, они были приговорены к различным срокам тюремного заключения и высылке [12]. Для усиления впечатления в Академии наук была произведена чистка личного состава, в результате которой из нее было выкинуто 128 человек, и из 836 сверхштатных сотрудников предложили освободить 520 человек. Фигатнер настаивал на продолжении чистки, так как оставалось «еще не мало хлама, а может быть и вредного в людском составе Академии наук» [13]. В президиуме Академии наук после ухода Ольденбурга и Платонова и «отставки» А. Е. Ферсмана оставшиеся А. П. Карпинский, В. Л. Комаров, А. А. Борисяк, как писал Фигатнер, «являются людьми для нас безвредными» [14]. Что касается важного в Академии наук поста непременного секретаря, то, по словам М. Н. Покровского, «курс взят на непременного секретаря-коммуниста» [15], и вскоре на этот пост был назначен москвич В. П. Волгин. С этого времени Политбюро не выпускало Академию наук из поля зрения.

Помимо государственной системы управления Академией наук с подчинением ее ЦИКу Союза взамен Комиссии Политбюро для связи и наблюдения за работой Академии наук, существовавшей с 1925 г. и действовавшей извне, теперь внутри Академии наук была создана самостоятельная партийная структура — фракция коммунистов-академиков, непосредственно подчиненная ЦК, минуя все промежуточные партийные инстанции. Она, кроме академиков-коммунистов Н. И. Бухарина, И. М. Губкина, А. М. Деборина, М. Н. Покровского, Д. Б. Рязанова, В. М. Фриче, Г. М. Кржижановского, Н. М. Лукина, включала в первом своем составе также партийных и государственных деятелей — А. С. Енукидзе, А. И. Криницкого, М. М. Литвинова, А. В. Луначарского, Н. П. Горбунова. Фактически ей были преданы функции управляющего Академией органа, но только при условии полной координации деятельности с Политбюро.

Работа Комиссии Фигатнера должна была положить начало широкой реорганизации Академии наук, и, как мечтал Покровский, «с осуществлением этой реформы из жизни нашей страны исчезнут последние остатки научной касты, и возникнет новый, можно надеяться, мощный научный коллектив такого типа, какой нам нужен для осуществления задач, стоящих перед нашей страной» [16]. При этом не без сожаления признавалось, что Академия наук представляет мощную научную организацию, заслужившую международное признание, обладающую огромным научным потенциалом, имеющую в своей среде наряду с представителями «реакционного охвостья» весьма видных ученых в различных областях науки. Это приходилось учитывать. Внутри фракции коммунистов боролись два мнения. Одно, представляющее Покровским, полагало, что при реорганизации нужно пользоваться декоративным прикрытием, то есть перестраивать всю Академию кардинально, но сохранять при этом ее старую форму.

Другая точка зрения, представляемая Д. Б. Рязановым, сводилась к тому, что нельзя создавать новую научную организацию в рамках старой Академии. Это только укрепит «реакционный бастион» и ослабит шансы превратить его в советскую научную систему. Предполагалось создавать новые научные учреждения с тем, чтобы таким образом подготовить создание Всесоюзной ассоциации научно-исследовательских институтов.

Но независимо от различных точек зрения все сходились на необходимости: 1) коренного изменения всей верхушки Академии наук, 2) введения в нее академиков-коммунистов, 3) обеспечения широкой связи с другими научными учреждениями, в первую очередь с Коммунистической академией, Госпланом и ВСНХ. 23 февраля 1930 г. Политбюро рассмотрело принципиальные вопросы реорганизации Академии наук и в виде общей установки признало целесообразным сохранить на более или менее длительный период Академию наук как высшее научное учреждение, причем взять курс на развитие физико-математического отделения и, сохранив на ближайший период гуманистические отделения, вести линию на постепенную их ликвидацию.

Как это должно было выглядеть на практике, видно из представленных в ЦК предложений коммунистической фракции, которая рекомендовала «реализацию этого курса проводить сле-

дующим образом: гуманитарное отделение должно быть коренным образом реорганизовано с помощью Коммунистической Академии, Института Маркса и Энгельса, Ленинского института и марксистских обществ. При этом ни в коем случае не должна быть потеряна самостоятельность Коммунистической Академии, которая должна оставаться научным центром коммунизма. Что касается физико-математического отделения, то оно должно быть отвоевано путем введения и продвижения квалифицированных кадров коммунистов и оклокоммунистических сил» [17].

Эти принципиальные установки, принятые Политбюро, должны были быть закреплены в новом Уставе Академии наук. Его основные положения также были одобрены ЦК. Они сводились к следующим главным идеям: Академия наук ведет теоретическую, исследовательскую работу во всех областях знаний, способствует увязке разных дисциплин, выработке единого материала для научного метода и приспосабливает всю систему работ к нуждам реконструкции страны и развитию социализма; Академия наук координирует свою работу с работой всей системы научных учреждений и плановых органов; Общее собрание Академии наук реформируется под углом зрения изъятия части прав и передачи их Президиуму и отделениям. Не обошлось и без чисто политического требования к научному составу Академии, согласно которому академики должны удовлетворять не только требованиям научной квалификации, но и политическим требованиям [18].

Следующим шагом по еще большему включению Академии наук в орбиту государственного контроля явилось постановление Политбюро о передаче ее в непосредственное подчинение Совнаркому СССР [19]. Но пожалуй, самой крупной организационной мерой, предпринятой ЦК партии, явилась переброска ее под крыло центральной власти в Москву. Сначала состоялось закрытое решение Политбюро. Затем 25 апреля 1934 г. В. М. Молотов подписал постановление СНК СССР, которое мотивировало это мероприятие необходимостью дальнейшего приближения всей работы Академии наук к научному обслуживанию социалистического строительства [20].

Узнав об этом из газет, Киров на следующий день помчался в Москву. Но он не смог изменить уже принятое решение. На

проведение этого грандиозного плана отводились крайне сжатые сроки — всего 2 месяца, что скорее походило на эвакуацию в чрезвычайных условиях, а не на перебазирование научного учреждения. Исключительное внимание, уделяемое этому вопросу ЦК, видно хотя бы из того, что только за время переезда Политбюро приняло по нему 15 постановлений. Массовету было предложено представить в 10-дневный срок план размещения Академии наук в Москве. В этих целях изымались отдельные здания, переселялись целые научно-исследовательские институты, отнимались только что построенные дома у таких важных наркоматов, как тяжелой промышленности, путей сообщения, финансов, у Госбанка и др. Для обеспечения переезда была создана специальная правительственная комиссия, которая все свои предложения направляла Сталину и Л. М. Кагановичу.

В своей деятельности эта комиссия неожиданно столкнулась с фактом категорического отказа Карпинского переезжать в Москву. Для разрешения конфликтной ситуации Комиссия обратилась к Кагановичу и Молотову. Она сообщила, что для президента Академии наук обеспечено специальное помещение в Москве. Его приезд очень важен в связи с тем, что у ряда академиков и профессоров проявляются тенденции уклониться от переезда в Москву, и переезд Карпинского явился бы решающим шагом для всей этой группы ученых. Но Карпинский под различными предлогами уходил от определенного ответа о своем переезде. Чтобы склонить его перебраться в Москву, по специальному решению Политбюро от 28 октября 1934 г. в Ленинград был послан Бухарин с поручением переговорить с Карпинским, но он продолжал упорствовать [21].

Переброска Академии на новое место расположения протекала, естественно, с большой ломкой. Одновременно с реализацией прочих целей она использовалась для кадрового пересмотра и сортировки лиц, перестановки сотрудников в учреждениях. Начиная с этого времени партия уделяла значительное внимание росту научного потенциала Академии наук, развитию ее научных учреждений и пополнению научного состава, отдавая приоритетное значение партийной принадлежности людей. Так, Культпроп ЦК докладывал Сталину и Кагановичу, что в составе академиков имеется значительный прирост коммунистов. После выборов

1932 г. среди 93 академиков их стало 16, а 15 академиков были срочно связаны с практикой социалистического строительства в силу своих профессий. Наряду с насыщением высшего эшелона Академии наук своими людьми, партия проводила и укрепление коммунистами среднего звена ученого сообщества. Для этого был создан институт докторантуры и аспирантуры, призванный в спешном порядке готовить кадры ученых, руководствуясь главным образом социальной и партийной принадлежностью. Новый институт подготовки кадров действовал довольно успешно. В короткий период с 1930 по 1933 г. в Академию наук было набрано 325 аспирантов, из которых 157 были членами партии и 92 — комсомольцами. Партийный коллектив Академии наук к этому времени также сильно вырос и составлял 400 человек.

Конечно, несмотря на интенсивное внедрение в состав старой Академии наук новых советских кадров, она еще не изменила полностью своего лица. В информационных письмах Культпропа ЦК не раз отмечалось, что со стороны работников Академии наук имеют место выступления, говорящие об усилении политических настроений, направленных против власти. Например, говорили о выступление китаеведа академика В. М. Алексеева на торжественном собрании в честь французского ученого С. Леви, в котором он защищал свободу науки и подбора научных кадров. В качестве такого же рода факта приводилось выступление академика А. Н. Крылова, поддержанное Карпинским во время выборов в Академию членов-корреспондентов, против отвода коммунистической фракцией кандидатуры профессора Т. П. Кравца «как отвода, достойного ГПУ, а не Академии наук» [22].

Поэтому репрессивный аппарат не прекращал своей деятельности. Она захватывала и партийные кадры. Так, среди арестованных в Ленинграде в 1938 г. троцкистов-зиновьевцев была значительная группа партийных и руководящих работников Академии наук, что должно было производить сильное впечатление на научных работников. Нельзя сказать, что репрессии не встречали отпора в научной среде. И. П. Павлов, обращаясь к Молотову с просьбой оградить ученых от репрессий, писал: «Мы живем под неослабевающим режимом террора и насилия. Пощадите же родину и нас» [23]. В защиту репрессированных не раз выступали академики В. И. Вернадский, Д. Н. Прянишников и др.

Но это были все же единичные выступления, на которые власти не обращали внимания.

Распространение и укоренение коммунистической идеологии в научных коллективах Академии наук относится к середине 30-х гг. Определяющим фактором можно считать ликвидацию Коммунистической академии, включение ее кадров и учреждений в действующую структуру Академии. Этим достигалось не только еще более сильное насыщение ее коммунистическими кадрами, но и не менее важная цель — ликвидация учреждения, претендующего на роль мозгового центра партии. После этого отпала и надобность в существовании партийной фракции коммунистов-академиков. 18 января 1938 г. Политбюро ее упразднило, мотивируя тем, что партийная группа не возглавила борьбу за привлечение Академии наук к разрешению основных научных проблем, стоящих перед народным хозяйством СССР, а превратилась в центр политианства. ЦК рекомендовал прикрепить членов фракции к партийным организациям учреждений, где они работают, чтобы укрепить их связь с коммунистами этих организаций [24].

Приведенные факты показывают, что Центральный Комитет партии не выпускал из сферы своего внимания главные направления развития Академии наук. В результате целенаправленного многолетнего воздействия на Академию она, как одна из важнейших общественных структур, оказалась в силовом поле власти лишенной автономии и естественно подверженной влиянию всех рычагов тоталитаризма, которые работали на максимальное извлечение пользы из научной деятельности Академии.

1. [Chernavin N. N.] The treatment of scholars in USSR // Slavic and East European Review. 1933. Vol. 11. N 32. P. 710—714; Graham L. The Soviet Academy of Science and the Communist Party. 1927—1942. Princeton, 1967; Levin A. Expedient Catastrophe: A Reconsideration of the 1929 Crisis at the Soviet Academy of Science // Slavic Review. 1988. Vol. 47. N 2. P. 261—279.

2. Вознесенский И. [Перчёнок Ф. Ф.] Имена и судьбы // Память. Исторический сборник. Париж, 1978. Вып. 1. С. 177—212; Брачен В. С. Дело академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117—129; он же. Укрощение строптивой, или Как Академию наук учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. № 4. С. 120—128; Горяинов А. Н. «Ленинградская правда» — коллективный

организатор «великого перелома» в Академии наук // Вестник АН СССР. 1991. № 8. С. 107—114; *Перчёнок Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Ист. альманах. М.; СПб., 1991. Вып. I. С. 163—236; *Орел В. М.* Борьба со здравым смыслом. Как принимали Устав Академии наук 1930 г. // Вестник АН СССР. 1994. № 4. С. 366—375.

3. Уже после того, как доклад был сделан на конференции «Власть и наука» в Халле в 1996 г., часть из используемых здесь документов была опубликована: Осталось еще немало хлама в людском составе // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 3. С. 105—126; № 4. С. 105—119; *Есаков В. Д.* Переезд Академии наук в Москву // Москва научная. М., 1997. С. 452—467.

4. *Кольцов А. В.* Выборы в Академию наук СССР в 1929 г. // ВИЕТ. 1990. № 3. С. 53—66.

5. *Ольденбург С. Ф.* Из дневниковых записей (1925—1930) // Вестник АН СССР. 1994. № 7. С. 636—649; *Алатовцева А. И.* Начало «дела» Академии наук. Стенограмма заседания Особой комиссии Наркомата РКИ СССР 24 октября 1929 // Исторический архив. 1993. № 1. С. 117—129.

6. Архив Президента Российской Федерации (далее — АПРФ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 135. Л. 3.

7. Там же. Л. 1.

8. Там же. Л. 8.

9. Там же. Л. 11.

10. Там же. Л. 14—23.

11. Там же. Л. 12.

12. Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1; 1998. Вып. 2; *Брачев В. С.* «Дело историков» 1921—1931 гг. 2-е изд., доп. СПб., 1998. С. 8—53; *Перчёнок Ф. Ф.* «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 201—235.

13. АПРФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 135. Л. 95.

14. Там же. Л. 96.

15. Там же. Л. 20.

16. Там же. Л. 22.

17. Там же. Д. 29. Л. 17.

18. Там же. Д. 121. Л. 102.

19. Там же. Л. 120.

20. *Есаков В. Д.* Переезд Академии наук в Москву. С. 456—466.

21. АПРФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 136. Л. 90—91.

22. Там же. Л. 68.

23. Протестую против безудержного произвола: Переписка академика И. П. Павлова с В. М. Молотовым / Публ. В. О. Самойлова и Ю. А. Виноградова, комм. М. Г. Ярошевского // Сов. культура. 1989, 14 янв.

24. АПРФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 129. Л. 107.

**«ДЕЛО АКАДЕМИКА Н. Н. ЛУЗИНА»
В СВЕТЕ СТАЛИНСКОЙ РЕФОРМЫ СОВЕТСКОЙ НАУКИ**

Советская математическая школа — одна из ведущих мировых математических школ XX в. Тематика ее исследований покрывает практически всю территорию математических изысканий столетия. Именами С. Н. Бернштейна, И. М. Виноградова, П. С. Новикова, А. Н. Колмогорова, Л. С. Понtryгина, С. Л. Соболева, Н. Н. Боголюбова отмечены вершины математических достижений века. И хотя ее география обширна, средоточием ее начиная с 30-х гг. стала Москва. Сюда в 1934 г. из Ленинграда переехала Академия наук, ставшая по замыслу И. В. Сталина головным научным учреждением страны (а потому должно находиться «под рукой»). Вокруг механико-математического факультета Московского университета, Московского математического общества и Института им. В. А. Стеклова АН СССР сложился уникальный научный центр, определявший течение математической жизни целой страны.

Оно было мощным и относительно спокойным. Сталинские репрессии сравнительно слабо затронули математическое сообщество. Можно назвать лишь несколько имен крупных математиков, таких как глава московской школы почетный академик Д. Ф. Егоров, москвич член-корреспондент АН СССР Л. Г. Шнирельман, ленинградский математик член-корреспондент АН СССР В. С. Игнатовский, киевлянин академик АН УССР М. Ф. Кравчук, ставших их жертвами, или как член-корреспон-

дент АН СССР Н. С. Кошляков, от них пострадавших. Однако в ряду важнейших событий, нарушивших это течение, наряду с трагической кончиной Д. Ф. Егорова, было разразившееся в 1936 г. «дело академика Н. Н. Лузина». Каждый студент-математик Московского университета 50—70-х гг. знал о том, что против признанного лидера московской школы теории функций, души и центра знаменитой Лузитании в середине 30-х гг. на страницах центральной прессы была предпринята мощная идеологическая атака. Было известно, что по этому делу работала специальная комиссия Академии наук, что Лузина обвиняли во вредительстве и что все могло бы кончиться для него трагически, если бы дело не было неожиданно остановлено по приказу свыше. Рассказывалось, что приказ этот по неведомым кому-либо причинам отдал сам И. В. Сталин.

Всю эту информацию любопытствующий получал изустно — никаких сведений в литературе на этот счет не существовало, если не считать отголосков этих событий в кратких редакционных заявлениях в номерах «Успехов математических наук» тех лет (из которых невозможно было понять существо дела), в книге Э. Я. Колм ана «Предмет и метод современной математики» и брошюре В. Н. Молодшего «Эффективизм в математике», с которыми можно было ознакомиться в читальном зале. Атмосфера любви и поклонения, окутывавшая в 60—70-е гг. имя Н. Н. Лузина (см. опубликованные тогда воспоминания Л. А. Люстерника [1]), а также память о недавних страшных временах сталинщины делали эту историю особенно привлекательной. Ощущение бездны, разверзшейся перед математическим сообществом, и чудесного избавления от катастрофы, казавшейся неминуемой, закрепило в коллективной памяти воспоминания об этом драматическом событии. В те годы были живы еще многие (и, как мы понимаем теперь, центральные) участники событий, но они по различным причинам предпочитали молчать [2]. Для особо интересующихся открывалась единственная возможность — получить информацию из газет 30-х гг. Сделать это было не просто (они не выдавались всем желающим), но, в принципе, возможно. Читателю открывалась следующая картина.

В июне 1936 г. академик Н. Н. Лузин был приглашен на выпускной экзамен по математике в одну из московских средних

школ. Своими впечатлениями об этом его попросили поделиться на страницах газеты «Известия». На самом деле эта просьба должна была послужить началом хорошо срежиссированного спектакля. «Постановщики» хорошо знали характер Лузина и заранее были уверены в его преувеличенно хвалебном отзыве (тем паче преувеличено хвалебная оценка любого, даже не-значительного, достижения была — особенно после прошедшего в 1934 г. XVII съезда партии — совершенно «в духе времени»; любое критическое замечание в адрес советской школы было чревато серьезными последствиями). В своих расчетах они не ошиблись. 27 июня в «Известиях» появилась его заметка «Приятное разочарование». Идя на экзамен, академик полагал, что уровень ответов будет низким, и был приятно удивлен обратным. Через пять дней на страницах «Правды» появилась возмущенная статья директора этой школы, который писал, что советская школа нуждается не в лицемерных похвалах, а в товарищеской критике. Режиссеры спектакля устами скромного педагога ставили вопрос: «Не было ли Вашей целью замазать наши недостатки и тем самым нанести нашей школе вред?» Статья послужила сигналом к запланированной атаке. 3 июля в «Правде» публикуется анонимная статья «О врагах в советской маске», уже не просто ставящая вопросы, но прямо обвиняющая Лузина во вредительстве. Кампания быстро набирала обороты. Материалы по «делу» публикуются 9—10, 12—15 июля. К ней присоединяются и другие газеты.

Основные выдвинутые против Лузина обвинения сводились к следующему: 1) систематическое написание хвалебных отзывов на заведомо слабые работы; 2) публикация важнейших результатов на Западе и лишь второстепенных в советских изданиях; 3) присвоение результатов учеников. Все это квалифицировалось как саботаж.

Против «лузинщины» проводятся собрания в различных научных учреждениях и учебных заведениях — в Московском университете, в Математическом институте им. В. А. Стеклова, в Академии наук БССР и др. Президиум Академии наук СССР создает специальную комиссию по «делу» под председательством вице-президента Академии Г. М. Кржижановского. Сам тон кампании и выдвигавшиеся обвинения не сулили Лузину ничего

хорошего — ему грозило исключение из Академии и последующая передача «дела» в ОГПУ. Но события неожиданно приняли иной оборот. Кампания резко оборвалаась. По этому поводу ходили многочисленные легенды, но никаких документальных свидетельств не сохранилось.

В итоге сложилось представление о большой интриге кого-то из врагов Лузина. Кто был ее инициатором? Кто написал злополучную статью в «Правде»? Выдвигались разные гипотезы. В претенденты на обе роли общественное мнение выдвигало Э. Я. Колмана (1892—1979) — заброшенного в Россию ветрами военных событий 1914—1919 гг. чешского «интернационалиста», большевика, математика по образованию, одного из активнейших идеологов в области науки того времени. В период развертывания «дела» он был заведующим отделом науки Московского комитета ВКП(б). В пользу такого предположения говорили его погромные выступления того времени, в частности вышедшая в 1936 г. книга «Предмет и метод современной математики».

Серьезным изучением этой опасной темы (тем более что большинство участников событий были еще живы) никто в СССР не занимался. Не удивительно, что исследование начали зарубежные ученые, в распоряжении которых были только газетные публикации и издания 30-х гг., — известный французский историк математики П. Дюгак и исследователь из ГДР З. Пауль [3]. Одной из первых публикаций, в которой предпринималось исследование «дела Н. Н. Лузина», стала работа А. Е. Левина, опубликованная не в СССР, но в журнале «Slavic Review» [4]. Анализ советской прессы 30-х гг., а также научной политики советского правительства этого времени привел Левина к выводу, что антилузинская кампания является звеном в цепи событий, определивших действия по строительству здания советской науки в соответствии с видением этой проблемы Сталиным. Одним из важнейших элементов новой научной политики стало воспитание патриотизма советских ученых, которые не должны были отныне рассматривать советскую науку как отдельную провинцию мировой, но видеть в ней авангард науки своего времени. Именно в этом контексте, как полагает Левин, следует рассматривать «дело», а не сводить его к интриге внутри математического сообще-

ства. Кроме этого, Левину удалось выявить автора публикации в «Правде» — им действительно оказался Кольман.

В конце 80-х гг. политический климат в СССР начал меняться. Стали доступными закрытые доселе архивные источники, оказалось возможным открытое обсуждение событий советской истории. «Дело академика Н. Н. Лузина» начало выходить на передний план. Здесь исследователей ждала редкая удача. Т. А. Токарева обнаружила случайно сохранившуюся копию стенограммы заседаний комиссии Академии наук СССР по «делу академика Н. Н. Лузина». Она содержит 361 лист и хранится в Архиве РАН (ф. 66, оп. 2). Первые экземпляры, которые должны были храниться в Архиве в положенном для них месте, оказались уничтоженными заинтересованными лицами. Таким образом, в руках исследователей оказался бесценный материал, над которым сразу начал работать коллектив историков, возглавлявшийся А. П. Юшкевичем.

Первые результаты этих исследований были неожиданными [5]. Скрытым первом событий оказалась борьба за власть внутри математического сообщества. Центром нападения выступал ученик Лузина выдающийся советский математик П. С. Александров (1896—1982). Ему активно содействовали О. Ю. Шмидт, С. Л. Соболев, а также ученики Лузина А. О. Гельфонд и Л. А. Люстерник. Сдержаннее выступили против своего учителя А. Я. Хинчин, Л. Г. Шнирельман и А. Н. Колмогоров. Только двое — С. Н. Бернштейн и А. Н. Крылов попытались его защищить.

По резкому изменению тона заседаний — от агрессивно-наступательного к примирительно-наставительному — можно судить о времени приказа сверху (нападки прекратить!). Это случилось где-то между 11 и 13 июля. Закрыто «дело» было 5 августа 1936 г. постановлением Президиума АН СССР, который счел возможным «ограничиться предупреждением Н. Н. Лузину, что при отсутствии дальнейшего решительного перелома в его дальнейшем поведении Президиум вынужден будет неотложно поставить вопрос об исключении Н. Н. Лузина из академических рядов» [6].

Изучение стенограммы и других материалов позволило реконструировать события. К концу 20-х гг. в школе Лузина сло-

жилась кризисная ситуация. Ее причины носили как объективный, так и субъективный характер. К первым следует отнести естественный рост и расщепление школы — талантливые ученики входят в зрелый возраст и отпочковываются, образуя собственные школы с новой оригинальной тематикой. Так обособились геополитическая школа П. С. Александрова—П. С. Урысона, теоретико-вероятностная А. Н. Колмогорова—А. Я. Хинчина, школа нелинейного анализа Л. А. Люстерника—Л. Г. Шнирельмана. Ко вторым может быть отнесен, прежде всего, сложный характер Лузина, не видящего иных отношений с учениками, кроме отношений мэтра и преданных, боготворящих его учеников, отношений обожаемого отца и преданных ему детей. Некоторые же из этих «детей» сами обладали сложным характером и немалым (иногда даже чудовищных размеров) честолюбием. Таким был Александров, стремившийся занять в сообществе московских математиков руководящие позиции. Когда в 1930 г. признанный глава московских математиков Д. Ф. Егоров был арестован, а перепуганный политической окраской его «дела» Лузин отошел в Москве от активных дел, молодежь (и прежде всего, Александров) почувствовала себя вполне комфортно, сосредоточив в своих руках всю полноту власти в Москве и заняв тем самым доминирующие позиции в стране. Центр же активности Лузина переместился в Ленинград, где в то время находилась Академия наук СССР. Он принял на себя обязанности председателя Математической группы академии. Так как место Академии наук в структуре советского общества долгое время не было вполне определенным, новые позиции Лузина не рассматривались московской молодежью всерьез. Но к середине 30-х гг. ситуация изменилась коренным образом. В новой конструкции советской науки Академия наук СССР заняла позицию головной организации. В 1934 г. Академия переехала в Москву. Лузин вновь занял в математическом сообществе одно из центральных мест. Такая ситуация была совершенно непереносима для молодых московских математиков (и прежде всего, президента Московского математического общества Александрова), рассчитывавших на безраздельную власть в Москве. Они ищут возможность освободиться от влияния Лузина и находят ее с помощью Кольмана.

Остается, однако, непонятным, почему так охотно поддержали эту атаку власть предержащие, какую выгоду для себя усмотрел в этой активности Кольман, наконец, почему Сталин прекратил это дело? Выдвинут ряд гипотез, позволяющих дать предположительные ответы на эти вопросы. Некоторые из них чрезвычайно остроумны. Но превратить их в действительные ответы могли лишь архивные поиски. И здесь исследователям опять повезло. Замечательные документы, проливающие свет на интересующее нас дело, были обнаружены В. Д. Есаковым в 1997 г. в Архиве Президента РФ.

Там было обнаружено содержащее 21 лист дело «Об академике Н. Н. Лузине». Оно открывалось не содержащей обращения запиской Кольмана следующего содержания:

«СЕКРЕТНО

Член Академии наук математик Н. Лузин, избранный в 1929 г. по кафедре философии, отказался подписать обращение советских ученых к заграничным по поводу процесса Промпартии и в знак протеста против реорганизации Московского Математического Института и Московского Математического Общества, президент которого ЕГОРОВ арестован. ЛУЗИН оставил работу в Московском Математическом Институте и ушел в ЦАГИ. Так как ЛУЗИН является специалистом по абстрактнейшей части теории множеств, не имеющей никаких практических приложений, и в качестве руководителя так называемой Московской Математической школы, он хвастает, что „никогда не решил ни одного конкретного уравнения“, то вряд ли в ЦАГИ он может принести большую пользу.

Нужно подчеркнуть, что ЛУЗИН близко связан с виднейшим французским математиком БОРЕЛЕМ, активным сотрудником Французского военного ведомства. В бытность свою в 1929 г. в Париже ЛУЗИН гостил у БОРЕЛЯ.

О воинствующем идеализме ЛУЗИНА красноречиво говорит следующая выдержка из отчета на заседании Академии о его заграничной поездке: „по-видимому, натуральный ряд чисел не представляет из себя абсолютно объективного образования. По-видимому он представляет собой функцию головы того математика, который в данном случае говорит о натуральном ряде. По-

видимому, среди задач арифметики есть задачи абсолютно неразрешимые". На эту тему ЛУЗИНЫМ во время командировки во Францию написана книга и там же издана.

Кроме ЛУЗИНА в самое последнее время стал работать в ЦАГи профессор КАСТЕРИН, ушедший демонстративно из Института Физики при 1 МГУ, где он вел разлагающую антиобщественную работу.

22/2.31

Э. Кольман» [7].

Это письмо, по-существу являющееся доносом на Лузина (и заодно на Н. П. Кастерина), написано в связи с событиями по делу Егорова, в которых Кольман принимал активное участие — он даже на короткое время в 1930 г. был избран президентом Московского математического общества [8]. Подшитое к материалам 1936 г., оно должно было служить документальным подтверждением наличия у Лузина старых антисоветских настроений, на которые партийцы указывали уже давно [9].

«Дело» содержало также 9 вырезок из центральных газет — в том числе упомянутые выше заметку Лузина «Приятное разочарование», «Ответ академику Лузину» и анонимную статью «О врагах в советской маске». Очевидно, эта сочиненная, как показал А. Е. Левин, все тем же Кольманом погромная статья была организована и обговорена в отделах ЦК и МК.

Вот текст этого письма, написанного 3 июля, найденного В. Д. Есаковым в другом досье того же архива [10]:

«ЦК ВКП(б) —

товарищам Сталину, Кагановичу, Андрееву,
Жданову, Ежову
тов. Молотову

Материалы, собранные редакцией „Правды“ в связи с делом академика Н. Лузина, выявили, между прочим, один серьезного значения недостаток в работе научных организаций. Сводится этот недостаток к тому, что большинство ученых наиболее интересные свои работы считают нужным публиковать главным образом и раньше всего не в СССР, а в заграничной печати. Вызывается это двоякого рода причинами:

во-первых, неналаженностью издания научных книг и журналов у нас, в СССР,

во-вторых, тем ореолом уважения, которым до сих пор окружена в научной среде (даже среди многих коммунистов — научных работников) любая, хотя бы и малозначительная работа, если она напечатана за границей.

Считая такое положение совершенно ненормальным, прошу ЦК ВКП(б) санкционировать развернутое выступление по этому вопросу на страницах „Правды“.

РЕДАКТОР „ПРАВДЫ“ Л. МЕХЛИС».

В левом верхнем углу этой записки имеется резолюция:

«МОЛОТОВУ! Кажется, можно разрешить. И. Сталин» [11].

Резолюция адресована В. М. Молотову как председателю правительства, которому по уставу подведомственна Академия наук. Ниже ее — роспись Молотова и помета: «Сообщ[ено] т. Мехлису. П[оскребышев]».

Итак (и здесь совершенно правым оказался Левин), «дело академика Лузина» следует рассматривать в рамках большой идеологической кампании, сопровождавшей начавшееся в конце 20-х гг. по замыслам и планам Сталина строительство здания советской науки. Одна из центральных идей этого плана — советская наука должна стать авангардом науки мировой. И если даже в некоторых ее областях советские ученыe еще не находятся в ее передних рядах, то в главном — идеологически — они уже составляют ее авангард. И недалеко то время, когда советская наука станет мировым лидером на всех главных направлениях.

Сталин поставил перед партийными идеологами задачу воспитания новой идеологии у советских ученых, которая бы исключала «низкопоклонство перед Западом» и культивировала бы чувство превосходства советской науки перед наукой буржуазной. Ведущие идеологи страны (в их числе и главный редактор «Правды» Мехлис) нуждались в материалах для организации идеологических кампаний для решения поставленной задачи.

Именно такой материал имел Колман. Он знал о настроениях некоторых московских математиков, их честолюбивых устремлениях и решил их использовать (тем более в интригах, которые плелись вокруг Егорова и Лузина, участвовал уже давно, о чем свидетельствует и его письмо от 22.2.1931). Разумеется, он

действовал согласованно с Мехлисом и с его полного одобрения. Кампанию, судя по всему, был готов поддержать (и активно поддержал) Александров, хотя преследовал он при этом цели группы «молодых математиков» и в «высшие» планы устроителей кампании посвящен, конечно, не был.

Резолюцией на письме Мехлиса было дано высочайшее разрешение на дальнейшее развертывание кампании травли Лузина.

7 июля Лузин направляет письмо в Центральный Комитет ВКП(б) (копию — в Академию наук), в котором, признавая некоторые допущенные ошибки, отмечает выдвинутые против него в «Правде» обвинения: «Я убежден в том, что я буду реабилитирован, как человек и как гражданин моей страны, обвиненный в тягчайшем политическом преступлении» [12].

Кампания набирала обороты. Было проведено обсуждение статьи в Математическом институте им. В. А. Стеклова и Московском университете. 7 июля состоялось заседание по этому вопросу Президиума АН СССР. Председательствовал А. Е. Ферсман. Один из вопросов, заданных им выступавшему первым С. Н. Бернштейну, был связан с печатанием Лузиным своих лучших работ за границей и лишь второстепенных на родине, что представляло собой, по словам Мехлиса, «положение совершенно ненормальное» и составляло, по его задумке, основную причину атаки на Лузина. Вот как ответил на этот вопрос Бернштейн: «Те сведения, которые у меня имеются, таковы, что это обвинение совершенно не обосновано». Но это слова Бернштейна, человека выступившего, несмотря ни на что, на стороне Лузина. Но даже Александров, главный атакующий, так высказался по поводу этого, главного, по мысли высшего руководства, пункта обвинения: «Я думаю, что этот пункт вообще не принадлежит к числу сильных пунктов обвинения». И его тут же поддержал А. Я. Хинчин: «Тем более, что здесь еще один момент является для нас весьма серьезным. Что для нас политически более правильно: печатать наши работы здесь или за границей? Где должен быть центр тяжести, это еще спорный вопрос». И уже Ферсман, который, вероятно, был осведомлен о главном направлении атаки на Лузина, пробует переместить разговор в более удобное для атакующих русло: «Ну здесь вопрос в другом, здесь вопрос в отношении, в оттенке, который

Н. Н. вкладывал в печатание за границей и у нас. Вот где корень». Так что обсуждение уже на этом заседании начало уходить в сторону от главной, по мысли заказчика, темы обвинения.

Надо сказать, что заседание 7 июля, судя по его тону, проходило для его устроителей в обстановке некоторой неясности относительно установки по «делу» высшего руководства. Оно лишило агрессивности последующих двух заседаний — 9 и 11 июля. На заседание был приглашен Н. Н. Лузин, который сообщил присутствующим текст своего письма в ЦК ВКП(б) от 7 июля и ответил на некоторые поставленные на заседании вопросы. Ферсман так определил цель этого заседания: «Наша задача заключается в том, чтобы подготовить материал для специальной Комиссии при Президиуме АН, которая будет разбирать это дело со всех точек зрения. Сейчас надо будет сформулировать те вопросы, на которые мы должны дать ответ. По этим вопросам мы должны будем иметь соответствующее суждение и, может быть, даже еще раз соберемся». Далее были сформулированы 7 вопросов.

Следующее заседание состоялось 9 июля. Судя по приведенным выше словам Ферсмана, оно и было первым заседанием полномочной комиссии Президиума. Это видно и по ее составу — председательствовал сам вице-президент Академии Г. М. Кржижановский, в заседании участвовали непременный секретарь Академии Н. П. Горбунов, а также такие влиятельные члены Академии, как А. Н. Бах и О. Ю. Шмидт. Это заседание отличала от предыдущего чрезвычайная агрессивность тона — очевидно, на этот раз позиция верхов была уже доведена до сведения руководства комиссии и позиция эта была достаточно жесткой (в этот день в «Правде» появилась вторая погромная статья — «Традиция раболепия»), комиссия должна была лишь выступить с ней в унисон. Комиссия в итоге сформулировала проект резолюции, принятый с рядом ужесточающих формулировки поправок на следующем, не менее погромном по своей сути заседании, проходившем 11 июля в присутствии представителя газеты «Правда».

К целям, которые преследовал Мехлис и которые были одобрены Сталиным, в тексте резолюции имели отношение лишь небольшие фрагменты. Весь остальной текст можно рассматривать с этой точки зрения лишь как фон.

После заседания 11 июля, либо в этот же день вечером, либо на следующий день, в дело вмешалась высшая сила (судя по всему, сам Сталин), и было приказано спустить дело на тормозах. Это видно по самому тону заседания 13 июля. Резкие антилузинские выступления сменяются вполне примирительными: если академик Н. Н. Лузин не сделает правильных выводов и позволит себе еще раз... то Президиум Академии наук будет вынужден... Интересно, что о повороте в течении дела главный редактор «Правды» Мехлис узнал только из хода заседания 13 июля и, судя по всему, даже не вполне поверил тому, что поворот этот санкционирован на самом верху. Об этом свидетельствует тон заметки о «деле», опубликованной 14 июля в «Правде», а также письмо Мехлиса от 14 июля, которое также содержится в досье, обнаруженному в Архиве Президента РФ.

На бланке редакции газеты «Правда». 14 июля 1936 года.

«Товарищам СТАЛИНУ,
МОЛОТОВУ

На состоявшемся 13 июля 1936 г. заседании комиссии Академии наук по делу Лузина председатель комиссии тов. Г. М. Кржижановский нашел нужным сделать несколько замечаний по окончательной редакции резолюции.

Ссылаясь весьма определенно, невзирая на присутствие беспартийных членов комиссии и беспартийных научных работников из математических кругов, тов. Г. М. Кржижановский предложил несколько отредактировать текст резолюции, в основном, по его словам, одобренный в соответствующих инстанциях.

В частности, тов. Г. М. Кржижановский предложил изменить последний пункт резолюции в том смысле, чтобы не называть Лузина врагом в советской маске, как это сделано в „Правде“. Тов. Кржижановский решил выразить свое отношение к линии поведения Лузина „по-академически“, сформулировав это поведение недостойным звания советского ученого.

Прилагаю соответствующую выдержку из стенограммы выступления Г. М. Кржижановского, полученной в Академии наук.

РЕДАКТОР „ПРАВДЫ“ Л. Мехлис» [13].

Точка в деле была поставлена 5 августа 1936 г. постановлением Президиума АН СССР, цитированным выше.

Точные обстоятельства прекращения «дела академика Лузина» остаются неизвестными. Весьма вероятно, они не станут ясны и в дальнейшем. Однако из бумаг по «делу» Лузина, обнаруженных в Архиве Президента РФ, с очевидностью следует, что «материал», предложенный Сталину главным редактором «Правды» Мехлисом, не показался ему достаточно интересным с точки зрения стоящей перед советской наукой общей задачи — воспитания новой идеологии у советских ученых, проникнутых чувством превосходства советской науки, лишенных комплексов неполноценности и «низкопоклонства перед Западом».

Если взглянуть на текст резолюции, с муками рожденный Комиссией Президиума АН СССР, то видно, что поставленные перед ней партийным руководством задачи выполнены в высшей степени неудовлетворительно. Части резолюции, прямо отвечающие целям, сформулированным в письме Мехлиса от 3 июля 1936 г., занимают сравнительно скромное место и не выглядят, несмотря на жесткость формулировок, достаточно убедительно. Если к этому добавить те усилия, которые ряд выдающихся ученых употребили на защиту Лузина (чего стоит одно достаточно резкое письмо в защиту Лузина, отправленное П. Л. Капицей В. М. Молотову 6 июля), а также то немаловажное обстоятельство, что перед Сталиным стояла более серьезная проблема — проведение процесса над Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым (который состоялся в августе) [14], то становится ясно, что у Сталина не было серьезных оснований для продолжения дела, по сути своей явившегося результатом сведения счетов в математическом сообществе.

Так закончилось «дело академика Лузина» — одно из самых громких в истории советской математики. По его окончании Лузин немедленно покинул группу математики Академии наук и перешел работать в Институт автоматики и телемеханики АН СССР (в 1941 г. он все же вернулся в Институт им. В. А. Стеклова). Его влияния, правда, хватало на то, чтобы перекрыть Александрову путь в действительные члены Академии наук (он стал им только после смерти Лузина). Партийные идеологи крайнего толка и вовсе остались ни при чем. Доминирующей силой стала Академия наук и ее Отделение математики.

Идеологический урок, преподанный «делом Лузина», был хорошо усвоен советским математическим сообществом. Память о нем хранилась в коллективной памяти, во многом определяя атмосферу его жизни и взаимоотношения различных его группировок.

1. Люстерник Л. А. Молодость Московской математической школы // Успехи математических наук. 1967. Т. 22. Вып. 1 (133). С. 137—161; вып. 2 (134). С. 199—239; вып. 4 (136). С. 147—185.

2. Так, один из организаторов «дела» Э. Я. Кольман ни словом не обмолвился о нем в своих изданных уже в период эмиграции в Швецию «искренних» воспоминаниях: Кольман Э. Мы не должны были так жить. New York, 1982.

3. Единственной, насколько нам известно, публикацией П. Дюгака долгое время оставалась совместная с А. П. Юшкевичем заметка: *Yushkevich A. P., Dugac P. «L'affaire de l'Academicien Luzin // Gazette des mathématiciens*. 1988. N. 3. P. 31—35.

3. Пауль опубликовал исследование: *Paul S. Die Moskauer mathematische Schule um N. N. Lusin // Berliner Studien zur Wissenschaftsphilosophie und Humanontogenetik*. Bd. 11. Bielefeld, 1997.

4. Levin A. E. Anatomy of a public campaign: Academician Luzin's «case» in Soviet political history // Slavic Review. 1990. Vol. 49. N 1. P. 90—108.

5. Юшкевич А. П. Дело академика Н. Н. Лузина // Вестник АН СССР. 1989. № 4. С. 102—113.

6. Правда. 1936. 6 авг.

7. Архив Президента Российской Федерации (далее — АПРФ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 189. Л. 1.

8. Это в свое время сообщил на семинаре по истории математики и механики Л. А. Люстерник. Никаких документальных свидетельств обнаружить не удалось: соответствующие страницы в книге протоколов заседаний Московского математического общества уничтожены. Разумеется, никаких сведений об этом нельзя перечеркнуть и из упомянутых выше воспоминаний Э. Я. Кольмана. О деле Д. Ф. Егорова см.: Демидов С. С. Москва математическая // Москва научная. М., 1997. С. 136—160.

9. Записка Э. Кольмана, как можно обоснованно предположить, была разослана во многие отделы ЦК и оказалась даже в архиве Политбюро ЦК, находившемся в ведении помощника Сталина А. Н. Поскребышева. Этот донос имел и реальную направленность в условиях начавшейся подготовки к Международному конгрессу математиков в Цюрихе, который намечался на 4—12 сентября 1932 г.. и, устранив Лузина от участия в нем, призван был обеспечить присутствие на нем молодых руководителей Московского математического общества П. С. Александрова, Э. Я. Кольмана и др. И это им удалось.

10. Приводимое письмо Л. З. Мехлиса от 3 июля — день опубликования статьи против «врагов в советской маске» — свидетельствует о том, что главный редак-

тор «Правды» просто информирует Сталина и его помощников о явно известном им деле и его дальнейшей разработке. Нужно готовить новый материал, для чего нужно время. Именно этим определяется пауза до 9 июля и появления статьи «Традиции раболепия» о публикации научных статей за рубежом. Вот он — один из первых «звоночек», из которых через 10 лет вырастет массовая кампания борьбы с низкопоклонством перед Западом, приведшая к усилению секретности, отмене публикаций в научных журналах оглавлений на иностранных языках и т. п.

11. АПРФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 129. Л. 91.
12. См.: Историко-математические исследования. М.. 1999. Вып. 3 (38).
13. АПРФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 189. Л. 16.
14. Если И. В. Сталин более внимательно знакомился с материалами по «делу», то он не мог не заметить приписываемых Н. Н. Лузину симпатий к фашистской идеологии. Проводить же в этот период процессы, имеющие антифашистскую направленность, И. В. Сталину было не с руки: в это время он активно заигрывал с фашистской Германией (см.: Demidov S., Ford Ch. N. N. Luzin and the Affair of the «National Fascist Center» // History of Mathematics: States of the Art. / Ed. by J. W. Dauben, M. Folkerts, E. Knobloch, H. Wussing. San Diego; Boston; New York; London; Sydney; Tokyo; Toronto, 1996. P. 137—148.

**«ЯВНЫЕ И СКРЫТЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА»
СОВЕТСКОЙ ФИЗИКИ 1930-х гг.**

(по материалам мартовской сессии АН СССР 1936 г.)¹

Введение

В современной теоретической физике большую роль играют многомерные пространства. Так, в теории суперструн используется 10-мерное пространство, только четыре измерения которого явные (обычное четырехмерное пространство-время). Остальные же шесть измерений являются скрытыми, но необходимыми для теоретического описания фундаментальных взаимодействий. Понимание того, как скрытые измерения проявляются в четырехмерном мире, — важнейшая часть физического многомерия, в частности теории суперструн.

Точно так же, наряду с явными, наблюдаемыми измерениями социальной истории науки, фиксируемыми в опубликованных текстах и других доступных для изучения источниках, существуют скрытые измерения, например надолго засекреченные материалы, недоступные для изучения. Так, в истории советского

¹ Более многословное, хотя и менее осмысленное, изложение содержится в двухчастной статье автора [1, 2]. Я благодарен О. И. Новик, которая помогла мне найти в Архиве РАН документы мартовской сессии (1936) АН СССР. Они содержатся в «Архивных материалах канцелярии Президиума АН СССР за 1936 г.» (ф. 2, оп. 1/5).

атомного проекта из-за засекреченности недоступны огромные массивы архивных материалов. Только с конца 1980-х гг. и начала 1990-х гг. начался процесс приоткрытия соответствующих архивов.

Одним из важнейших событий социальной истории физики в СССР была мартовская сессия АН СССР 1936 г., посвященная отчету ведущих физических институтов и фактически обсуждению работы советских физиков в целом [1, 2]. Если согласиться с тем, что советская система с самого начала была сциентистски ориентирована и может быть охарактеризована как «сциентистский тоталитаризм» [3], становится вполне понятным повышенное внимание власти к науке, бесспорным лидером которой была физика.

По меньшей мере два обстоятельства обусловили особую партийно-государственную важность физики. Во-первых, понимание того, что физика является научной основой техники и тем самым индустриализации страны; во-вторых, со временем «Материализма и эмпириокритицизма» (и даже раньше) физика приобрела статус своего рода естественнонаучного фундамента диалектического материализма, получив идеологическую окраску. С развитием научной революции, выразившейся в создании релятивистских и квантовых теорий, в прорыве в микромир, этот статус стал еще более весомым, тем более что важнейшие достижения теоретической физики оказались связанными с выходом в философские основания науки, не всегда согласующиеся с положениями диалектического материализма. К тому же государство становилось все более тоталитарным, и небольшое сообщество высокопрофессиональных исследователей, тесно связанных с западной наукой и отличавшихся независимостью мышления, власть намеревалась контролировать с особой тщательностью.

Цели, преследуемые руководящими инстанциями в отношении физического сообщества, определялись отмеченными обстоятельствами. Физика в какой-то степени была и научной базой военной техники. Сообщество, возглавляемое такими выдающимися физиками и организаторами науки, как А. Ф. Иоффе, Д. С. Рождественский, С. И. Вавилов, Л. И. Мандельштам и др., стремилось к созданию наиболее благоприятных условий для

развития физических исследований. Но это требовало значительной государственной поддержки, на которую можно было рассчитывать при условии большой технической отдачи физики. В достижении компромисса с партийно-государственной системой имела значение идеологическая и политическая лояльность физиков. Были существенными и вопросы престижа: высокий уровень советской науки и международное признание этой высоты должны были свидетельствовать о прогрессивности и научной ориентации советской системы.

С конца 1930-х гг. власть особое внимание уделяет Академии наук, которая становится центральным органом управления наукой. В ноябре 1935 г. принимается новый устав АН; в ее состав включается Комакадемия, организуются новые академические институты. Именно АН и ее лидеры становятся главным посредником между политическим руководством страны и физикой.

В советской физике наиболее крупными институтами были ленинградские Физико-технический институт (ФТИ, школа акад. А. Ф. Иоффе) и ГОИ (Государственный оптический институт, школа акад. Д. С. Рождественского). Выдающаяся научная школа академика Л. И. Мандельштама концентрировалась в Московском университете, НИИ физики при нем и затем в возникшем в Москве Физическом институте АН СССР (ФИАНе). К середине 1930-х гг. от ЛФТИ отщепилась целая серия институтов физико-технического профиля в самом Ленинграде, Харькове (мощный украинский ФТИ, где, в частности, зародилась школа Л. Д. Ланда), Днепропетровске, Свердловске и т. д.

Истоки сессии: встречные замыслы

Мартовская сессия состоялась с 14 по 19 марта 1936 г. в Москве. Материалы сессии были опубликованы в специальном выпуске «Известий АН СССР» [4], включавшие все доклады и почти все выступления участников сессии в дискуссии. Практически была опубликована стенограмма всех заседаний, более 400 страниц журнального формата. Основные доклады и резолюция сессии были опубликованы также в «Успехах физических наук» [5].

Большинство ведущих физиков выступали с докладами и участвовали в их обсуждении. На сессии присутствовала чуть ли не вся академическая элита страны (более 150 академиков и членов-корреспондентов); всего в заседаниях, проходивших в Большом зале АН СССР на Волхонке, принимали участие около 800 человек (по числу мест этого зала, практически целиком заполненного).

Конечно, такие крупные мероприятия планируются заранее и тщательно готовятся. Но материалы, относящиеся к их подготовке, как правило, попадают в сферу «скрытых измерений». Поэтому часто остаются невыявленными истинные мотивы и подоплеки подобного рода событий. К счастью, соответствующие архивные материалы стали доступными для изучения в конце 80-х гг., и ситуация с мартовской сессией 1936 г. существенно прояснилась [6].

Оказалось, что сессии предшествовала напряженнейшая подготовительная работа. Выяснились инициаторы, ключевые фигуры, целевые установки различных заинтересованных групп организаторов и участников и т. п.

Сессия намечалась «на самом верху» власти и планировалась как одно из важных мероприятий на пути превращения Академии наук в «главный штаб» советской науки. 23 ноября 1935 г. на заседании СНК СССР был утвержден новый состав Президиума АН СССР. Наиболее активными, ведущими фигурами в нем стали второй вице-президент Г. М. Кржижановский и непременный секретарь Н. П. Горбунов, крупные партийно-государственные деятели. Именно они были «режиссерами» сессии. Физику в Президиуме представлял С. И. Вавилов, общественные науки, философию в частности, — А. М. Деборин. На этом же заседании был утвержден устав Академии и за подписью предсновнаркома В. М. Молотова внесено предложение о постановке на одной из ближайших сессий отчетных докладов академиков И. П. Павлова, А. Ф. Иоффе и др. «об их работе и работе руководимых ими институтов» [7].

5 декабря на заседании Президиума АН СССР было решено «...поставить на январской сессии (в 1936 г. — В. В.) отчетный доклад акад. А. Ф. Иоффе о его работе и работе руководимого им института (т. е. ЛФТИ. — В. В.)» [7]. Основное внимание на

сессии предполагалось уделить наведению философского порядка в физике и проблеме повышения технической эффективности физики, так как организация сессии, включающая выбор содокладчиков и оппонентов, поручалась секретарям отделений общественных и технических наук философи А. М. Деборину и «технику» Э. В. Брицке (при окончательной подготовке программы Г. М. Кржижановским и Н. П. Горбуновым, а также физиком С. И. Вавиловым).

На заседании Физической группы АН СССР 16 декабря во главе с А. Ф. Иоффе была намечена в основном «физтеховская» программа предстоящей сессии: два доклада самого Иоффе и небольшие содоклады физтеховцев Я. И. Френкеля, Н. Н. Семенова, П. И. Лукирского, А. А. Чернышева, Н. Н. Андреева, М. В. Кирпичева, Г. М. Франка, Ф. Е. Колясева и др. (примерно 10 докладов). Упор предполагалось сделать на научные и технические достижения ЛФТИ и дочерних научно-технических организаций. Участие в обсуждении представителей других институтов было также признано целесообразным.

Однако Президиум не принял эту программу сессии (своебразный фестиваль научной школы А. Ф. Иоффе) и утвердил иную программу, в соответствии с которой, вместо большой серии содокладов учеников Иоффе, с докладами должны были выступить другие лидеры советской физики: Д. С. Рождественский, Л. И. Мандельштам, С. И. Вавилов и П. Л. Капица.

А. Ф. Иоффе был крайне раздосадован таким «радикальным изменением» программы, принятой в его отсутствие, о чем свидетельствует его возмущенное письмо Н. П. Горбунову от 20 декабря. Главными причинами этой перемены, как это показал отчет о сессии, «не подлежащий оглашению», было стремление академических властей противопоставить А. Ф. Иоффе и его системе физико-технических институтов технически эффективный ГОИ, руководимый Д. С. Рождественским и С. И. Вавиловым, и вообще ослабить позиции А. Ф. Иоффе [8]. В отчете, подписанном Кржижановским и Горбуновым и адресованном Молотову, утверждалось: «Предварительные работы по подготовке мартовской сессии уже в самой первой стадии обнаружили стремление акад. Иоффе уклониться от делового обсуждения его отчета... Это был план превращения сессии в парадный

смотр достижений ФТИ и тщательного замалчивания под формой „академических“ докладов недостатков его работы и т. д.» [9].

Вероятно, за Молотовым и академическим руководством стоял сам Сталин. Авторитет и заслуги А. Ф. Иоффе были слишком велики, чтобы кто-то, помимо «высшей власти», решился на нести по нему серьезный удар. Внимание Сталина к положению дел в физической науке мог привлечь П. Л. Капица, который с конца 1934 г. интенсивно переписывался со Сталиным, Молотовым и заместителем предсноваркома В. И. Межлауком. В частности, в письме от 1 декабря 1935 г. он писал Сталину: «...Я без оговорок должен сказать, что наше „научное хозяйство“ из рук вон плохо, в сто раз хуже, чем его можно было бы организовать на почве нашей промышленности и при наших материальных возможностях...» [9, с. 16].

Подготовительное совещание: установка на повышение технической отдачи физики («скрытые измерения»)

Это было ключевое событие в подготовке сессии. В нем участвовало 25—30 человек: большая часть Президиума, А. Ф. Иоффе, Я. И. Френкель, несколько представителей иофтовской системы ФТИ, представители ГОИ — Д. С. Рождественский и В. А. Фок, три москвича — И. Е. Тамм, Б. М. Гессен, Б. М. Вул и два явных оппонента Иоффе — украинский академик А. Г. Гольдман и технический физик Ф. В. Квиттер, эмигрировавший из Германии и работавший во Всесоюзном электротехническом институте в Москве. Кржижановский председательствовал, Горбунов ему помогал. В качестве основных подотчетных институтов остались ЛФТИ и ГОИ, и вопрос о докладах Капицы и Мандельштама уже не стоял.

Совещание состоялась 15 января 1936 г. Докладчики рассказывали о своих докладах, а ведущие (Кржижановский и Горбунов) настойчиво старались «наставить их на путь истинный», то есть внушить им представление о главных задачах сессии, поставленных перед Академией высшими властями.

Основной настрой сессии,² по Кржижановскому, должен быть критическим, боевым. «Я считаю, — говорил он, — что нам лучше здесь договориться о боях, чтоб наша сессия не носила характера гнилого либерализма» [10, л. 96—97]. И в другом месте: «Если бы мы и хотели устраивать фейерверки, то не могли бы, потому что... похвастаться состоянием физики не можем... Хвастаться нечем...» [10, л. 136]. Главный недостаток — в слабой связи научных исследований с техникой и производством. С упором на эту сторону дела предлагал строить доклады и выступления Горбунов: «Можно взять три важнейших пункта... рассказать, где и в каком масштабе применяется это... а если не применяется, то почему, и обрушиться лавиной гнева на всякого консерватора, который не может это продвинуть в жизнь...» [10, л. 108].

Огонь по Иоффе и ЛФТИ был открыт специально для этого приглашенными Квittнером и Гольдманом, с которыми ему уже приходилось полемизировать по физико-техническим вопросам. «...Как произошло то, — говорил Квittнер, — что за 17 лет ФТИ не отразил техники в том отношении, что можно было сказать, что та или иная область техники была создана работами ФТИ...?» [10, л. 113]. При этом он ссылался на сталинский тезис о бесплодности науки, оторванной от практики. Гольдман же добавил, что в области полупроводников, которыми немало занимались в ФТИ, промышленность ничего не получила от физики. Когда сам Иоффе или другие физики (Френкель, Гессен, Финкельштейн и др.) пытались возразить, Кржижановский заметил: «Понятно, Иоффе — крупнейшая величина», но и он должен быть самокритичен и не должен думать, что у него «все так гладко и чисто» [10, л. 119—120].

Физики опасались (и не без основания!) чрезмерной утилитаризации, техницизации науки и подчеркивали необходимость фундаментальных исследований, несмотря на проблематичность их скорого применения в технике (в частности, Я. И. Френкель, имея в виду квантовую (волновую) механику). В ответ Кржижака

² При этом Кржижановский все время подчеркивал, что те установки, на которых он настаивает, исходят от высших партийно-государственных инстанций, которые фигурируют достаточно анонимно: «Нам дали совершенно определенно почувствовать...»; «Нам прямо сказали...» [10, л. 96—97].

новский раздраженно заметил: «Тогда ваша волновая механика никого волновать не может» [10, л. 127]. Хотя в 1936 г. перспективы практического применения ядерной физики, которой основательно занимались в ФТИ, были крайне туманны, Френкель и Иоффе считали их реальными и способными привести к технической революции. Д. С. Рождественский и в какой-то степени С. И. Вавилов более значительных «физических» воздействий на технику ожидали от оптики, а решение энергетической проблемы связывали с использованием энергии солнечных лучей.

Был затронут и вопрос о применении физики в военном деле. Иоффе, в отличие от Рождественского и Вавилова, которые подчеркнули тесную связь ГОИ с оборонной промышленностью, не проявил особого энтузиазма.

В отношении ГОИ и его связи с производством не было ни малейших упреков. «Все те упреки, которые здесь слышались, — говорил Вавилов, — совершенно не могут быть сделаны по адресу советской оптики. Советская оптика стояла на совершенно реальной почве, все время была связана с промышленностью, она выпестовала эту (оптотехническую. — В. В.) промышленность» [10, л. 141].

На январском совещании стало ясно: ФТИ и школа Иоффе (при всех их заслугах) выглядели технически ущербными в отличие от ГОИ и школы Рождественского, вроде бы безупречных в плане технической и военно-технической отдачи.

Подготовительное совещание: физика и философия («скрытые измерения»)

Еще одна проблема, которая не могла не беспокоить академические (и партийно-государственные) власти, — проблема «философского порядка» в теоретической физике. Всякие идеалистические или квазиидеалистические «заскоки», связанные с интерпретациями релятивистских и квантовых теорий и вступающие в конфликт (мнимый или действительный) с диалектическим материализмом, были недопустимы. Ведущие теоретики Я. И. Френкель, В. А. Фок, Л. И. Мандельштам, И. Е. Тамм, Л. Д. Ландау и др., разделявшие идеи А. Эйнштейна, Н. Бора,

В. Гейзенберга, П. Дирака, Э. Шредингера, М. Борна и др., по мнению блюстителей идеологической чистоты, находились на грани идеалистического падения. К числу таких блюстителей относились Кржижановский и Горбунов («по должности»), лидер академической философии А. М. Деборин и специалисты по диалектико-материалистическому истолкованию науки А. А. Максимов, А. К. Тимирязев, Э. Кольман, не очень большая, но активная группа физиков-механицистов (В. Ф. Миткевич, Ф. В. Квittнер, те же А. К. Тимирязев и А. А. Максимов) и др. На январском совещании они были в меньшинстве: помимо Кржижановского и Горбунова, это были А. М. Деборин и фиановский физик-партиец Б. М. Вул, ставший ученым секретарем физической группы АН СССР.

Инициатива принадлежала ведущим: «Мы должны понять, — подчеркнул Кржижановский, — все ли в порядке (у физиков. — *B. B.*) в смысле философских установок» [10, л. 129]. Иоффе попытался сразу «закрыть» эту тему, заметив, что, с одной стороны, философская дискуссия недостаточно подготовлена и «ни один из наших философов, кроме Бориса Михайловича (т. е. Гессена. — *B. B.*), не знает современной физики» и что, с другой стороны, эта дискуссия не столь актуальна, так как «Ленин ни одну физическую теорию не называл идеалистической, хотя самые страшные теории (т. е. квантовая теория и теория относительности. — *B. B.*),казалось бы, существовали уже тогда» [10, л. 151].

Затем слово получил Деборин, который попытался связать недостатки нашей физики с ее мировоззренческими грехами и показать идеологическое смыкание физиков чуть ли не с фашизмом: «...Многие из наших физиков... стоят на почве идеализма... Не является ли одной из причин отставания нашей физики тот факт, что физика в своих общепринципиальных, общетеоретических и философских основах отстает от всего нашего мировоззрения... (индeterminизм квантовой механики, к которому, по его мнению, склонны ведущие теоретики. — *B. B.*) является орудием в руках фашизма для построения его концепций... Не наступило ли время, чтобы совершить кругой поворот от идеализма к материализму диалектическому?» [10, л. 152—154]. Предстоящую сессию, по крайней мере в значительной ее части, предлагалось направить в русло философской дискуссии и навести строгий философско-

идеологический порядок, что было чревато нарушением нормальной работы в тонкой сфере теоретической физики, запрещением соответствующих теоретических курсов в университетах, разнообразными оргвыводами и т. п. Из физиков только Б. М. Вул поддержал Деборина: «Я согласен с Дебориным, что... диалектический материализм мог бы помочь нашим физикам... что некоторые физики проявляют свою враждебность к диалектическому материализму... что некоторые молодые физики отрицают закономерность (по-видимому, классический детерминизм. — *B. B.*). как, например, Бронштейн и др. То, что социально это люди нам чужды и политически враждебно к нам настроенные, — это тоже факт, и т. д.» [10, л. 155—156]. Последнее замечание в преддверии 1937 г. звучало весьма зловеще, как и вывод Деборина об идеологическом смыкании советских теоретиков с фашизмом. На предстоящей сессии эти «уколы» могли превратиться в идеологическую травлю ведущих физиков, последствия которой могли оказаться весьма трагическими.

В этот момент большинство физиков проявили единодушие и твердость. Особенно энергично возражали Деборину и Вулу Иоффе, Тамм, Френкель, Фок, поддержанные Б. М. Гессеном. Смысл этих возражений заключался в следующем: 1) сами по себе новейшие квантовые и релятивистские теории философски нейтральны и тем самым не являются идеалистическими; 2) эти теории достаточно сложны для философов, которые их пока еще явно не освоили, а потому философская дискуссия была бы преждевременной; 3) тонкие вопросы интерпретации теории относительности и квантовой механики «для развития конкретной научной работы наших физических институтов... не являются сейчас актуальными» (И. Е. Тамм) [10, л. 156—157]; 4) ведущие физики разделяют положения диалектического материализма, и нет нужды в том, чтобы им лишний раз внушать эти идеи (Иоффе). Гессен признавал существование нетривиальных философских проблем современной теоретической физики и не отрицал необходимость их разработки, но не считал целесообразным их обсуждение на столь широком форуме; недопустимой он считал и резкую форму философской критики физики, избранную Дебориным и Вулом («надо ставить вопрос не в порядке наклеивания голых ярлычков: это материализм, это идеализм») [10, л. 159—160].

Кржижановский и Горбунов, поначалу поддерживавшие идею проведения на сессии философской дискуссии, не выдержали и «дали отбой». «Может быть, нам придется поставить философские вопросы отдельно, — согласился наконец Кржижановский. — Над этим стоит подумать» [10, л. 160]. В результате физикам удалось взять верх и на неопределенный срок перенести небезопасную для физического сообщества «философскую дискуссию».

Основные особенности и итоги сессии: «явные измерения»

Доклады и выступления на сессии — огромный и ценнейший материал по состоянию советской физики в середине 1930-х гг. Как писал в своем обзоре сессии С. И. Вавилов, «программа сессии охватила в концентрированном виде всю физику... Лаконизм программы позволил развернуться и вглубь и вширь дискуссии, самокритике и критике... На сессии, несомненно, удалось очень отчетливо выяснить достоинства и недостатки нашей физики» [11, с. 4].

Сессия продемонстрировала весьма высокий уровень советской физики, отразила работу физиков на переднем крае своей науки, выявила основные механизмы взаимодействия физики и техники, сложившиеся в СССР за истекшие полтора-два десятилетия. В дискуссии многие физики резко критиковали друг друга. В особенностях подвергался критике А. Ф. Иоффе, но все, как правило, высоко оценивали организационные и научные заслуги Иоффе.

В процессе дискуссии выявилось несколько характерных типов взаимосвязи физики и техники, связанных с различными типами физических институтов. Эти типы — механизмы — модели оказались также связанными с главными научными школами в области физики. Для изучения встроеннойности физиков в советское общество определенный интерес представляет и политическая риторика выступавших, которые не только демонстрировали свою лояльность, но порой вполне искренне разделяли идеалы и нормы советского общества.

А) Научные достижения и физика переднего края. Доклады Иоффе, Рождественского, Вавилова, а также небольшие содоклады Ф. Е. Колясева, Г. М. Франка и М. В. Кирпичева содержали

обширный и в общем убедительный материал о научных достижениях ЛФТИ и некоторых других институтов иоффовской системы, а также ГОИ. Вот некоторые суммарные оценки типа: «ФТИ оказался рассадником физических знаний во всей стране», «школа акад. Иоффе... получила ведущую роль в пределах нашей страны», «ФТИ был тем зерном, из которого выросла научная культура в нашей стране» [12, с. 6]. В резолюции сессии отмечалось: «Под руководством А. Ф. Иоффе была развернута сеть физико-технических институтов, послужившая рассадником физической науки... Научные работы физико-технических институтов пользуются заслуженным уважением как в СССР, так и за границей. Ряд исследований акад. А. Ф. Иоффе и его учеников составляют крупный вклад в науку» [5, с. 838—839].

Научный вклад Рождественского и его школы оценивался скромнее, хотя всеми признавались «несомненные заслуги ГОИ в деле развития теоретической и технической» оптики в СССР [5, с. 841].

Высокий уровень теоретической и ядерной физики отразили три доклада ведущих советских теоретиков — Я. И. Френкеля (ЛФТИ), В. А. Фока (ГОИ) и И. Е. Тамма (ФИАН и МГУ). В них, как и в выступлениях И. В. Курчатова, А. И. Лейпунского и др., было рассказано о новейших результатах физики самого переднего края, вошедших в «золотой фонд» советской науки, например о развитом Фоком методе приближенного решения уравнения Шредингера для системы многих тел (метод Хартри—Фока) и его же работах по квантовой электродинамике, о работах по капельной модели ядра Френкеля, об открытии Курчатовым и его сотрудниками явления ядерной изомерии, об обменном полевом механизме ядерных сил Тамма и др.

Б) Дискуссия об основных способах воздействия физики на технику. Все были согласны с «крылатой» формулой Иоффе: «Физика как научная база социалистической техники» [5, с. 847]. Были разные подходы к способам реализации этой формулы. Особенно отчетливо выявилась полярность подхода А. Ф. Иоффе (и связанных с ним ЛФТИ и всей его научной школы) с подходом Д. С. Рождественского (а также его школы и ГОИ). Позиция Иоффе сводилась к нескольким простым положениям: «Физик в

основном — консультант техники, а не ее руководитель» [5, с. 862]; «Физика есть техника будущего» [4, с. 80]. Это означало, что физик не должен подменять инженера, что только достаточно высокий уровень фундаментальной физики — залог технической эффективности физики.

Позиция Рождественского, опиравшегося на опыт ГОИ, была еще проще и заключалась в том, что «наука должна стоять во главе промышленности и непрерывно направлять ее движение вперед» (или в лозунговом духе тех лет: «Физика — руководительница техники») [4, с. 61]. Полемизируя с Иоффе, он иронически говорил на сессии: «Вы отводите науке более величественную роль — благодетеля издали и полную самостоятельность» [4, с. 63]. И продолжал: «Ваш институт почти свободен от ответственности за какое бы то ни было применение физики и занимается абстрактными задачами... Наиболее легко вести науку абстрактно, но при этом... требование социалистической идеи... остается невыполненным» [4, с. 61—62].

Концепция Иоффе в условиях повышения требований к технической отдаче физики была более уязвимой и подверглась в целом значительно более резкой критике порой и со стороны его учеников и коллег, настроенных по отношению к нему вполне дружественно. Но при этом не следует забывать, что она была нацелена на автономию физической науки, на развитие фундаментальных исследований, на борьбу с утилитаризацией и технификацией физики.

Обе модели, оба типа связи физики и техники имели право на существование и впоследствии получили в стране распространение — большие специализированные институты, в которых какая-то область физики, имеющая важные приложения, проходила путь от фундаментальных исследований до конструкции и промышленных технологий (ГОИ), и институты, близкие к богатым академическим центрам, делающие упор на перспективные направления фундаментальных исследований, естественно приводящие к важным прикладным разработкам (ЛФТИ, ФИАН). Предлагались и другие, промежуточные варианты взаимосвязи физики и техники.

Критике подвергалась не только позиция Иоффе, но и подход Рождественского, страдавший организационной гигантоманией

и чреватый чрезмерной централизацией (исключавшей конкуренцию) и технизиацией физики. Вместе с тем, несмотря на критику Иоффе и заранее запланированную акцию против него, руководство Наркомтяжпрома (НКТП), к которому относились ЛФТИ (и другие физико-технические институты) и ГОИ, поддерживало развитие фундаментальных исследований, весьма далеких от приложений. Начальник Научно-исследовательского сектора НКТП А. А. Арманд в своем выступлении на сессии говорил: «Мы считаем и даже настаиваем на том, чтобы работы и в области теоретической физики, и в области атомного ядра велись в наших институтах. Мы считаем, что квалифицированная помощь промышленности физикой может быть оказана только тогда, когда физика будет на высоком уровне» [4, с. 131—132]. Эта точка зрения была близка к иофовской, и эта поддержка Иоффе и ФТИ со стороны НКТП была весьма важна.

В) Критика, самокритика и политическая риторика. В выступлениях большинства участников преобладал критический настрой. Выступавшие в прениях порой весьма резко критиковали и руководство институтов, и своих лидеров. В сущности, это была самокритика физического сообщества, хотя отчетные доклады лидеров, скорее, были посвящены достижениям институтов. Иоффе критиковали не только приверженцы точки зрения Рождественского или его оппоненты (такие как специально приглашенные Квиттнер и Гольдман), но и его ученики, выходцы из физтеховской системы, или московские физики, давно знавшие и высоко ценившие его (А. И. Лейпунский, А. Ф. Вальтер, Б. Н. Финкельштейн, Л. Д. Ландау, И. Е. Тamm и др.). Одни отмечали дух «хвастовства» и саморекламы, появившиеся в школе Иоффе; другие отмечали (не без основания) некоторые научные просчеты Иоффе, связанные с идеей тонкослойной изоляции и 32 «задачами социалистической техники, вытекающими из современной физики» [4, с. 89—90]; третьи считали необходимым резкое повышение качества преподавания физики в университетах и вузах.

Критиковали и школу Рождественского за «гоицентризм» (Г. С. Ландсберг и др.), за чрезмерное сосредоточение на приложениях и уход от фундаментальных проблем оптики и спектроскопии (Я. Г. Дорфман и др.), за недостаточную работу в области подготовки научных кадров (В. Н. Кондратьев и др.).

В этой критике-самокритике, несмотря на ее запланированность и «срезжиссированность», было немало искреннего и ценностного, что должно было пойти на пользу общему делу научного сообщества.

Политическая риторика присутствовала и в отчетных докладах (особенно в докладе Рождественского), и в некоторых выступлениях (Вула, Гольдмана, Квиттнера, Талмуда, Кондратьева и др.). Не так просто оценить меру искренности политico-риторических включений. Независимо от этой меры они служили способом продемонстрировать политическую лояльность ученых, соответствие их общественно-политических взглядов идеалам и нормам советского общества.

Рождественский заявил: «В нашей стране произведен грандиозный опыт с успехом оглушающим. Промышленность бешено выросла... СССР двинулся гигантским размахом... он готовится стать во главе народов... и т. п.» [5, с. 918—919]. Из выступления Вула: «В своей исторической речи на пленуме Всесоюзного совещания стахановцев великий вождь народов товарищ Сталин сказал, что руководители партии и правительства должны не только учить рабочих, но и учиться у них. Мне думается, что и ученым не будет зазорно кое-чему поучиться у стахановцев, особенно по части конкретности» [4, с. 125—126].

Из «героев», с которых ученым надо брать пример, назывались А. Г. Стаханов и стахановцы, Т. Д. Лысенко, комбайнер Мария Демченко. Из недавних политических событий упоминалось Всесоюзное совещание стахановцев, съезд колхозников-ударников, декабрьский пленум ЦК ВКП(б) и выступления Сталина на них.

Доклады Иоффе и Вавилова практически не содержали подобных фрагментов (за исключением одной фразы в докладе первого), совершенно отсутствовали они в собственно физических докладах Френкеля, Фока и Тамма.

Заключительные замечания

Поражает тщательность и масштаб «режиссуры» сессии, о чем свидетельствуют многочисленные архивные материалы. Решаю-

шую роль в подготовке играют Кржижановский и Горбунов. Последний лично ведет огромную переписку, согласовывает списки приглашенных и тех, кто должен выступить в дискуссии. Доклад Иоффе, например, рассыпается весьма широко с просьбой дать на него отзыв. Горбунов при этом старается охватить именно тех, от кого можно ожидать отрицательных отзывов. Он настойчиво предлагает техникам и представителям промышленности принять участие в обсуждении доклада Иоффе.

8 марта, за неделю до сессии, на заседании организационной комиссии (из физиков в нем участвовали москвичи С. И. Вавилов, Б. М. Вул и Б. М. Гессен) Кржижановский и Горбунов еще раз суммировали основную стратегию и тактику сессии и обсуждали проект резолюции. Помимо общих положений о связи науки и производства и взаимодействия ФТИ и ГОИ с Академией наук, организаторы говорили о том, что оглашению не подлежало. Кржижановский считал необходимым «охарактеризовать два стиля работы: здоровый стиль... представляет Оптический институт, а стиль работы, который требует поправок и корректировок, — это стиль работы ФТИ» [7, л. 172]. Горбунов полагал, что надо «показать некоторое отрицательное влияние общественно-научной практики Иоффе на молодежь» [7, л. 172]. В критике Иоффе, в частности в связи с его упомянутыми 32 проблемами, полагал Кржижановский, «нам помогут сами ученики Иоффе своими выступлениями, в которых они покажут отрицательное влияние работы Иоффе» [7, л. 172]. Были намечены все выступающие и то, что они должны сказать. Иоффе предполагалось, таким образом, задать «хорошую взбучку» (выражение Кржижановского), причем желательно усилиями его же учеников. Вместе с тем нельзя было и переборщить. «Мы получили указание, — предостерегал Кржижановский, — что не должны отвадить ученых от отчетных докладов» [7, л. 172]. В резолюции предполагалось сказать и о достижениях, свидетельствующих о том огромном внимании, которое партия и правительство уделяют науке. В опубликованной резолюции в этой связи говорилось: «Под руководством компартии и советской власти наука в СССР получила исключительный размах. Физика, находившаяся в старой России в зачаточном состоянии, развернулась в мощную отрасль науки...» [5, с. 838—839].

Философская дискуссия была отложена, но Горбунов считал, что резолюция должна содержать пункт «о философской оценке современных течений в физике», который поручалось подготовить философам Митину и Максимову (не участвовавшим в подготовке сессии; не предполагалось и их выступлений на сессии) вместе с Дебориным и Гессеном. В секретном отчете Кржижановский и Горбунов все-таки решились квалифицировать философскую позицию ведущих физиков как идеалистическую: «...Нельзя обойти вопрос об общефилософской установке наших физиков, которая в значительной группе их, несмотря на внешнюю „правоверность“, имеет явно идеалистический уклон» [8, д. 7].

Привлечение к анализу «скрытых измерений» позволило понять мотивы участников событий, истинную роль тех фигур, которые нередко остаются «за кадром». Иногда события, происходящие в «скрытых измерениях» (в нашем случае, например, январское совещание), становятся не менее важными, чем события, протекающие в «наблюдаемом мире». Намерения властей, расстановка сил, разнообразие позиций, способы, посредством которых реализуются эти намерения, и т. п. — обо всем этом можно составить представление, обратившись к глубинам «скрытых измерений». Заодно выясняется «закулисная сторона» сессий, совещаний, инициированных властями, как механизма управления наукой, широко использовавшегося в сталинский период, особенно в конце 1940—начале 1950-х гг.

Мартовская сессия 1936 г., если ее рассматривать как своего рода шахматную партию между властью и научным сообществом, как бы «закончилась вничью». Власти сумели максимально обострить проблему технической эффективности физики и показать уязвимость любого научно-организационного лидера научного сообщества, даже такой фигуры, как А. Ф. Иоффе. Они собрали уникальный материал о физическом сообществе, институтах, научных школах, отдельных ученых, их взглядах, их взаимоотношениях, который позволял усилить контроль над физикой и физиками. Физическое сообщество сумело сохраниться (никаких оргвыводов не последовало) и вместе с тем отбить опасную идеологическую атаку, связанную с настойчивыми обвинениями ведущих физиков в идеализме. Перевод сессии в философско-идеологическую плоскость мог бы поставить под удар

и судьбы крупных теоретиков, и нормальный процесс преподавания теоретической физики, а также и исследования в этой области.

Через полтора-два года почти четверть выступавших на сессии (не только физиков) попали под колесо репрессий. При этом четкой зависимости этих репрессий от философско-идеологических позиций репрессированных или от того, что они говорили на мартовской сессии, как будто бы нет. «Логику» 1937 года еще предстоит раскрыть, но это уже другая история.

-
1. *Визгин В. П. Мартовская (1936 г.) сессия АН СССР: советская физика в фокусе* // ВИЕТ. 1990. № 1. С. 63—84.
 2. *Визгин В. П. Мартовская (1936 г.) сессия АН СССР: советская физика в фокусе. II (архивное приближение)* // ВИЕТ. 1991. № 3. С. 36—55.
 3. *Огурцов А. П. Наука и власть* // Тез. Второй конференции по социальной истории советской науки. Препринт ИИЕТ АН СССР. № 35. М., 1990. С. 39—40.
 4. Сессия Академии наук СССР 14—20 марта 1936 г. // Изв. АН СССР. Отд. матем. и естеств. наук. Сер. физ. 1936. № 1—2. С. 5—409.
 5. Мартовская сессия Академии наук СССР // Успехи физ. наук. 1936. Т. XVI. Вып. 7. С. 837—976.
 6. Архивные материалы канцелярии Президиума АН СССР за 1936 г. (Архив РАН (АРАН). Ф. 2. Оп. 1/5. Д. 1266, 275—276, 286. 409—410, 413, 434).
 7. Там же. Д. 276.
 8. Там же. Д. 1266.
 9. *Капица П. Л. О науке и власти. Письма* / Сост. П. Е. Рубинин. М., 1990. С. 16.
 10. АРАН. Ф. 2. Оп. 1/5. Д. 286. Л. 95—165.
 11. *Вавилов С. И. Советская физика на мартовской сессии АН СССР* // Природа. 1936. № 5. С. 4.
 12. *Волькенштейн Ф. Ф. Работы акад. А. Ф. Иоффе и Ленинградского физико-технического института (к докладу акад. А. Ф. Иоффе)* // Природа. 1936. № 5. С. 5—19.

**ПРОФЕССУРА
И БОЛЬШЕВИКИ**

В. И. ВЕРНАДСКИЙ И БОЛЬШЕВИКИ

Владимир Иванович Вернадский (1863—1945) действительным членом Академии наук, директором ее Минералогического и Геологического музея, председателем Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) стал до революции. Годы гражданской войны Вернадский провел на Украине и в Крыму, где доминировали антибольшевистские силы. В Советской России он создает и до конца дней возглавляет ряд научных учреждений, участвует в разработке планов индустриализации страны. Занимая высокие посты, Вернадский не раз проявлял инакомыслие, но не был репрессирован, а, напротив, стал одним из главных героев официального мифа о «корифеях естествознания», уверовавших после долгих колебаний в историческую правоту советского эксперимента. В «пантеоне российской науки» ему отведено место энциклопедиста XX в., мыслителя и ученого, предвосхитившего будущие направления развития науки.

Налицо и все элементы официального культа: академическое собрание сочинений и многократные переиздания трудов, юбилейные сборники, конгрессы, симпозиумы, конференции и семинары;увековечивание в названиях институтов, проспектов, улиц, станций метро; именные стипендии и премии; памятники, мемориальные доски, юбилейные медали и т. д. В современной России, где выпуск научной литературы сократился до минимума,

Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ 01-00-354.

издается многотомная «Библиотека трудов академика В. И. Вернадского», неиссякаем поток публикаций его рукописей, дневников, писем. Удивительно, но в отношении к Вернадскому «народ и власть» едины в течение многих десятилетий. Почти 40 лет по экспоненте растет интерес к его жизни, научному творчеству и общественно-политической деятельности. Взрыв публикаций о биогеохимических трудах в конце 60-х гг. был вскоре дополнен под влиянием И. И. Мочалова [1] массовым увлечением философскими размышлениями ученого, в которых искали ответы на глобальные проблемы человечества [2]. Литература периода перестройки явила новый образ Вернадского: критика большевистского режима, борца с диалектизацией естествознания, «печальника» за отечественную науку и заступника репрессированных ученых [3]. Разочаровавшись в прежних кумирах, российское общество сохраняет доверие к Вернадскому, надеясь в его концепциях обрести истину и веру в будущее.

Растет число поклонников Вернадского и на Западе [4]. Если до середины 80-х гг. американский биогеохимик Дж. И. Хатчинсон был чуть ли не единственным пропагандистом его идей [5], то после выступления Жака Гринвельда в 1987 г. с кратким очерком об истории представлений о биосфере [6] заговорили даже о «Ренессансе идей Вернадского» [7]. Наблюдается бум переизданий его трудов на европейских языках: с 1993 г. в Италии, Испании, Германии, Франции и США четыре раза была опубликована «Биосфера» и три раза — «Научная мысль как планетное явление».

Зарождается и новая тема публикаций, где основное внимание уделяется отмеченной еще К. Бэйлсом удивительной «социальной пластичности» ученого, позволявшей ему преуспевать на всех этапах трагической истории России в XX в. [8]. Ставится задача «деканонизировать» Вернадского, расстаться с мифом о нем как носителе нравственных традиций русской интеллигенции и увидеть в Вернадском pragmatika, умело использовавшего сталинскую систему для финансирования своих научных исследований [9].

В этой статье используются архивные материалы из Бахметьевского фонда Колумбийского университета и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН [10], последние публикации

дневников и писем Вернадского, позволяющие понять, почему он не стал эмигрантом, несмотря на негативное отношение к Октябрьской революции и резкие суждения о политике большевиков. Это позволит без морализирования рассмотреть сотрудничество Вернадского с коммунистическими властями и осознать, сколь неоднозначен был процесс «советизации» наук и как непросто складывалось противоречивое сотрудничество между властями и ученым, определяемое с обеих сторон различными идеологиями, ценностями, интересами и средствами. Как и в случаях с Н. И. Вавиловым и И. П. Павловым, речь пойдет о сложных отношениях создателя научной империи и ее государственным патроном [11].

Для понимания эволюции взаимоотношений Вернадского с большевиками необходимо помнить, что его жизненные ценности формировались в конце XIX в. под влиянием растущего авторитета науки. Развитие науки и ее соотношения с властями становились важной проблемой государственной политики и идеологии. По мнению Вернадского, эта проблема особенно важна для России, где «вся научная творческая работа была связана, прямо или косвенно, с государственной организацией» [12]. Еще на студенческой скамье в 1882 г. он осознал, что эффективность научного знания зависит от его приложения «к деятельности политической» [13]. Поэтому активное участие в общественно-политической жизни страны, работе Государственного совета, академическом либеральном движении, кадетской партии — неотъемлемый компонент его деятельности в царской России.

С воодушевлением Вернадский встретил февральскую революцию 1917 г. и активно участвовал в деятельности различных комитетов, комиссий и ассоциаций, созданных для реформы высшего образования и для государственного содействия научным исследованиям путем организации институтов и даже академий [14]. Он — заместитель министра народного просвещения С. Ф. Ольденбурга. Прогресс науки для них обоих немыслим вне демократии, и захват власти большевиками Вернадский воспринимает как «небывалую в истории катастрофу», в которой ощущает «себя бессильной былинкой» [15, с. 28.]. Наблюдая «безумные процессы победивших большевиков» [15, с. 30], он с горечью признавал, что «в сущности массы за большевиков» [15, с. 29].

Вернадский был вынужден бежать из Петрограда, так как 18 ноября 1917 г. ВРК издал приказ о его аресте вместе с другими членами Временного правительства, подписавшими обращение к гражданам, направленное против большевиков и передающее власть Учредительному собранию.

Антибольшевистская позиция Вернадскогоозвучна с настроениями всего академического сообщества, руководство которого не признало советскую власть и устами непременного секретаря С. Ф. Ольденбурга в отчетном докладе за 1917 г. заявило: «Россия стала на край гибели» [16]. В ответ на это со стороны новых властей раздавались призывы уничтожить Академию как пережиток старого строя: «Коммунистическая наука мыслима лишь как общенородное, коллективное трудовое жизненное дело, а не как волхвование в неприступных святилищах, ведущее к синекурам, развитию классовой психологии жречества и сознательного или добросовестного шарлатанства» [17].

Причины происходивших событий, когда «ярко проявился анархизм русской народной массы и еврейских вождей» [15, с. 32]. Вернадский видел в тысячелетнем разобщении правящих кругов и народа, в существовании «розни между интеллигенцией и народом», который не только «не верит интеллигенции», но и радуется, когда «буржуи дохнут с голоду» [15, с. 41]. Сначала он жил в Полтаве, а с июня 1918 г. в Киеве, где стал первым президентом Украинской Академии наук. В октябре 1919 г. в связи с наступлением Красной Армии Вернадский уехал в Ростов, затем в Крым. С сентября 1920 г. он — ректор Таврического университета. Ученый в полной мере испытал тяготы гражданской войны: преследование властей, арест, голод, холод, инфекционные болезни, отсутствие элементарных условий для проведения исследований.

Дневниковые записи с октября 1917 по январь 1921 г. показывают, сколь глубокие изменения претерпел его внутренний мир в первые послереволюционные годы. По его собственным словам, он смело, беспощадно и откровенно шел «по пути полной переоценки своих убеждений и убеждений близких», перерабатывая «идеалы жизни» [15, с. 76, 77, 80 и др.]. Потрясенный ужасами гражданской войны, разгромом «русским народом самого себя» [15, с. 81], он начинает осознавать условность и мелочность

обычных и политических убеждений, продиктованных низменными мотивами, но скрываемыми за красивыми словами о равенстве, демократии, справедливости. Главными виновниками трагических событий Вернадский уже считает «русскую интеллигенцию с ее легкомысленным отношением к государственности, бесхарактерностью и продажностью и имущие классы» [18, с. 32].

У него крепнет убеждение, что только наука обеспечит создание общества, соответствующего законам эволюции биосфера. Желанной для него становится власть, обеспечивающая стабильность и создающая условия для развития науки и внедрения изобретений в производство. К тому же процветающую Россию он видел как единое и мощное государство и все чаще задумывался о том, что из действовавших сил лишь «государственное творчество» большевиков может обеспечить территориальную целостность страны. Вот запись от 3 января 1920 г.: «Я думаю, интересы и спасение России сейчас в победе большевиков на западе и в Азии» [18, с. 15]. В речах В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого Вернадский ощущает силу, отсутствующую в лагере белых. Его не пугают мысли о принудительном труде как неотъемлемой черте социализма [18, с. 63]. Более того, он полагает, что в принципе советская организация (идеал синдикализма) правильна, так как только жесточайшим насилием можно «вновь обуздать взбунтовавшегося коня», то есть народ, который он в сердцах называл «пьяными свиньями», «невежественными, дикими, пьяными каннибалами», «ленивыми, невежественными животными» и т. п. [18, с. 63, 64, 66]. Столь же резко высказывался он в эти дни и о российской интеллигенции.

По мнению Вернадского, «все силы должны быть направлены к охране научной, творческой работы. Надо приспособиться к среде, строя свое, может быть, даже ей недоступное по сути» [18, с. 82]. На Украине он продолжает работу над проблемами взаимодействия биологических и геологических процессов, начатую еще в 1916 г. Зреет сознание, что биогеохимия — главное дело жизни, и ему удастся сказать человечеству нечто новое учением о живом веществе. Возникает мысль об эмиграции, хотя гложут сомнения, сможет ли он там устроиться и воспримут ли его идеи всерьез на Западе [15, с. 204].

Идея создания специального института для изучения живого вещества, по словам Вернадского, пришла ему в начале 1920 г. (во время заболевания сыпным тифом). Вот запись из дневника от 24 марта 1920 г.: «Я ясно стал осознавать, что мне суждено сказать человечеству новое в том учении о живом веществе... Я почувствовал в себе демон Сократа. Сейчас я сознаю, что это учение может оказывать такое же влияние, как книга Дарвина, и в таком случае я... попадаю в первые ряды мировых ученых...» [18, с. 32]. На следующий день Вернадский дописывает: «Главную часть мечтаний составляло, однако, построение моей жизни как научного работника, в частности проведение в человечество новых идей и научной работы в связи с учением о живом веществе» [18, с. 37]. Одновременно возникло ощущение, что им будет создан Международный институт, который и по организации, и по тематике, и по составу сотрудников представлял бы собой учреждение нового типа, призванное решать глобальные проблемы. Этот институт грезился Вернадскому где-то в США на берегу Атлантического океана.

Вера Вернадского в мессианский характер биогеохимических исследований побуждала искать пути к эмиграции. В письме к А. В. Гольштейн он сообщал: «Я стремлюсь за границу, так как здесь чрезвычайно трудно работать, и я хочу закончить и издать по-русски и по-английски два своих труда: 1) „Основы геохимии“ и 2) „Живое вещество с геологической т[очки] зрения“... и я хочу их издать до своей смерти» [19]. Правительством П. Н. Врангеля Вернадскому летом 1920 г. были выделены деньги для командировки в Англию, и даже велись переговоры с английским военно-морским командованием о поездке в Лондон, но английская сторона не обещала никакой поддержки [18, с. 92, 157—158]. Вместо Лондона он попал в Москву, куда был вывезен большевиками в специальном вагоне вместе с женой и дочерью в марте 1921 г.

Столкновение с советской реальностью ошеломило Вернадского. Он отмечает исчезновение надежд на прекращение большевиками «междоусобной, братской войны» [18, с. 119]. «Тerror, облавы, убийства, грабежи» породили панический страх у населения, на глазах которого комиссары устраивали «жизнь» [18, с. 120]. Он фиксирует: «Все идейное коммунистическое движение

пронизано гангреной аморализма...» [18, с. 124]. Для него «ясна картина безотрадного умирания и полного крушения» [18, с. 125]. Но вера, что в науке — спасение страны, не иссякает.

Вернадский возвращается в Петроград, где 14—15 июля 1921 г. попадает под арест [20]. Годы гражданской войны для РАН, где Вернадский возобновил работу, были чрезвычайно тяжелыми. С 1917 по 1922 г. Академия лишилась более половины своего состава. Не выдержав лишений, скончались 16 академиков. Другие, в основном «почетные академики», члены царской семьи, были расстреляны. Многие эмигрировали. Руководители РАН требовали от властей принять меры, «дабы не гибла русская наука и не гибли напрасно русские учёные» [21]. Их призыв отчасти был услышан. Власти старались привлечь инженеров и учёных-естественников для разработки и экспертизы законов и государственных проектов. В числе учёных, вставших на путь активного сотрудничества с большевиками, были друг Вернадского С. Ф. Ольденбург и его ученик А. Е. Ферсман. Они имели прочные связи в правительственные кругах и в немалой степени способствовали беспрецедентному росту научных учреждений, создаваемых в рамках Комиссии по естественным производительным силам России (КЕПС) и РАН, при наркоматах и ведомствах. Проекты некоторых из этих учреждений разрабатывались при участии Вернадского еще до революции.

Вернадский становится директором Радиевого института и вновь возглавляет КЕПС, при которой создается крохотный Отдел живого вещества. Он мучается от невозможности организовать крупномасштабные биогеохимические исследования: «При „пайке“ не проживешь семьёй... Надо или продавать вещи, или продавать дешево труд...» [22]. С горечью он пишет сыну в 1921 г. о реформе высшей школы: «Все изгажено и ухудшается — но ничего сделать не удается... Высшая школа переживает тяжелый кризис, и она надолго искалечена» [23]. Но угнетает его прежде всего «сильнейшее чувство рабства и полное отсутствие какого бы то ни было улучшения» [24].

Из опыта братоубийственной борьбы Вернадский вынес твердое убеждение, что политическая борьба непродуктивна, важнее сконцентрироваться на возрождении «духа России». Эта мысль становится доминантой его последующей деятельности. 15 июня

1921 г. он пишет сыну из Петрограда: «...Я считаю сейчас самым важным и самым нужным творческую работу — научную, художественную, философскую. В ней спасение русской культуры, а следовательно, и России. ...Но политическую и публицистическую деятельность я бы сейчас поставил на второе место...» [25]. Ему созвучна прометеевская вера большевиков в возможность построения нового общества на базе научного знания. Поэтому он не только не осуждал сотрудничество с ними С. Ф. Ольденбурга и А. Е. Ферсмана, но рассматривал их научную работу «как залог всего будущего и доказательство роста и силы будущего России», признавая, что «в этих невероятных условиях русские ученые в России делают огромное, великое дело» [26].

Сам он надолго покидает Россию, уехав по приглашению ректора Сорбонны для чтения лекций по геохимии. Командировка, планируемая на четыре-пять месяцев, растянулась почти на пять лет. За это его исключили из числа действительных членов РАН, лишили академического содержания и квартиры [27]. Во Франции Вернадский предпринимает активные действия в поисках средств для реализации мечты об институте живого вещества. Однако один за другим приходят отказы из Института Карнеги, Рокфеллеровского фонда, Национального исследовательского Совета США, Британской ассоциации содействия прогрессу науки. Неудачей закончились попытки Ф. Славика договориться в Праге о финансовой поддержке исследований Вернадского [28]. Еще раньше А. И. Петрункевич из США сообщал: «Владимира Ивановича здесь все хорошо знают, и это, думается, в его пользу. Но в общем русским здесь плохо» [29].

Надежда забрезжила с созданием фонда С. А. Розенталя, из которого Вернадскому были выделены средства для исследований в 1924—1925 гг., но полученной суммы не хватало для серьезной научной работы. К началу 1925 г. становится ясно, что биогеохимия не встречает той поддержки, на которую рассчитывал Вернадский [30]. Он фактически остался без средств к существованию и вынужден был перейти на содержание сына. В это время его друзья и ученики в СССР не только продолжали научные исследования, но существенно расширили их масштабы. В письмах к Вернадскому они с воодушевлением писали о благоприятных изменениях: об увеличивающемся притоке студентов-рабфаков-

цев, о способной молодежи, которая учится с энтузиазмом, о создании новых институтов и кафедр [31]. Вернадского зовут на родину, обещая создать благоприятные условия для работы. Так, например, Ферсман писал: «Сегодня научной работы, конечно, у нас в 10 раз больше, чем в Париже» [32].

Под влиянием таких писем Вернадский уверял дочь весной 1924 г.: «Сейчас результаты научной работы в пределах России очень велики и с ними приходится считаться здесь всем» [33]. Через год он приходит к еще более радикальному выводу: «Главная научная творческая русская (и украинская) работа идет в России, и в ней сейчас особенно дорога каждая живая сила, могущая работать». И заключает: «В этой работе творится будущее России, т. е. создается то, что не дает возможности укорениться в ней большевизму», так как большие успехи науки, по его мнению, достигнуты «вопреки большевистскому укладу жизни» [34].

Решение вернуться на Родину далось Вернадскому нелегко. От этого его отговаривали дети и жена. Он оказался перед сложным выбором: конфликт с семьей, раздор с друзьями-эмигрантами (А. В. Гольштейн, И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев) или отказ от научной работы, продолжить которую можно было только в СССР. Но, не желая возвращаться в качестве эмигранта, потерпевшего крах за границей, он требует отмены всех санкций Академии наук, восстановления в списке академиков и на всех прежних постах, а также гарантии безопасности. Позднее в письме к сыну он формулирует суть требований («Я хочу и могу жить в России только будучи поставлен в особое положение...» [35, с. 426]): иметь в Академии «прочное положение» и в то же время быть «независимым влиятельным в ней человеком, который ни при одном столкновении не останется в стороне» [35, с. 437]. Не отрицая рабских условий жизни в России, Вернадский был уверен: «Ничто не сломает моего свободного духа, и между ним и рабской атмосферой останется непроходимая пропасть» [36].

Ему удается добиться желаемого. Все требования были удовлетворены. В первых письмах из России Вернадский с воодушевлением описывал открывшиеся перспективы осуществления заветных мечтаний [37]. Возглавив вновь КЕПС, Радиевый институт, он наконец создает и Биогеохимическую лабораторию. Его работы печатаются в главных издательствах и ведущих журна-

лах. Он входит в высокие правительственные кабинеты. «Научная империя» Вернадского далеко выходит за пределы возглавляемых им учреждений. По его биогеохимической программе работали сотрудники десятков институтов, лабораторий, биологических и опытных станций в разных регионах страны. Кроме того, он определяет направления радиевых и геологических исследований, инициирует урановую комиссию и атомный проект.

Власти помнили об условиях его возвращения. Вернадский надолго вместе с женой выезжал за границу. Ему обеспечивали первоочередное финансирование для закупки зарубежных книг и оборудования, строительства вне очереди Биогеохимической лаборатории. С просьбами Вернадский сразу обращается «на самый верх», как правило к В. М. Молотову, и обычно добивается своего. Он не раз имел личные встречи с руководителями правительства (А. И. Рыковым, В. М. Молотовым, В. В. Куйбышевым), наркомами А. С. Бубновым, А. В. Луначарским и др. Его имидж «ученого не от мира сего» не мешал ориентироваться в расстановке сил в политической элите. Он и сам фактически входил в советскую элиту, формирующуюся путем симбиоза науки и власти.

В то же время его отношения с большевиками до середины 30-х гг. были непростыми. В годы «великого перелома» и «культурной революции» он вместе с биологами Л. С. Бергом, Н. И. Вавиловым, А. Г. Гурвичем, И. П. Павловым и физиком Я. И. Френкелем обвинялся в научном вредительстве. По мнению критиков, культивируемый Вернадским в Радиевом институте принцип неучастия ученого в политике «является главной причиной того, что научные достижения не продвигаются в промышленность, что институт оторван от социалистической стройки и общественности» [38]. В результате Радиевый институт был превращен в филиал Института редких элементов, расположенного в Москве. И лишь энергичные действия Вернадского, включая и обращение к И. В. Сталину, сохранили учреждение, столь значимое для атомных исследований.

В свою очередь Вернадский считал, что волна критики поднята для того, чтобы за счет десятков тысяч людей, выброшенных во время «чисток», дать «скудный заработок» подросшей коммунистической смене, которую он называл «накипью». Как жало-

вался И. И. Презент, впоследствии правая рука Т. Д. Лысенко, а в эти годы лидер диалектизаторов биологии в Ленинграде. Вернадский насмехался над его докладами, называя их «словоблудием» [39], а активист из Общества марксистов-почвоведов В. А. Ковда возмущался публичными заявлениями Вернадского о быстрой деградации географии и минералогии в СССР и о расхищении коллекций и библиотек «малограмотными студентами и научными работниками-недоучками» [40]. Вернадский открыто протестовал против внедрения «философского единомыслия», отрицал истинность диалектического материализма, привилегированное положение которого «...приведет в нем самом к замиранию творческой мысли» [41]. В годы полемики с официальными лидерами советской философии марксизм был для него «пережитком» в науке, философии и экономике.

С первых дней в АН СССР Вернадский столкнулся с необходимостью защищать своих сотрудников от карательных органов [42]. В разгар сталинских репрессий он около 30 раз обращался с письмами к В. М. Молотову, К. Я. Бауману, Л. П. Берии, А. Я. Вышинскому, ходатайствуя об освобождении своих сотрудников и друзей (В. В. Аршинова, А. К. Болдырева, Б. К. Бруновского, В. А. Зильберманца, Б. Л. Личкова, А. Н. Симорина, Е. П. Супруновой, Д. И. Шаховского, М. В. Шика и др.) [43]. При этом он никогда не позволял себе резких суждений о деятельности карательных органов, а свои просьбы обосновывал значимостью для СССР проводимых арестованными исследований, их абсолютной политической благонадежностью и возможными ошибками в условиях выявления массовых случаев преступлений и вредительства. Он напоминал Л. П. Берии: «Русская беспартийная интеллигенция здесь работала и работает плечом к плечу с коммунистической партией сознательно — верой и правдой. Восстановление и рост народа и страны в широкой обстановке — есть наше общее дело, общее достижение» [43, с. 112]. После расстрелов Г. Г. Ягоды и Н. И. Ежова Вернадский делал упор на то, что аресты близких ему людей были результатом преступной деятельности бывших руководителей карательных органов. Но власти не заблуждались насчет подлинных взглядов ученого и знали его оппозиционный настрой. Органы все время собирали на него компромат и отводили ему руководящую роль в изобретаемых

ими «заговорах». Тем не менее ему сохраняли по советским меркам прекрасные условия для жизни и деятельности. Причиной этого, возможно, было, как отмечал сам Вернадский, «преувеличение мнение» большевиков о его положении в международной научной среде. Он умело поддерживал их заблуждения, напоминая при случае, что лишь по просьбе Академии прервал успешные исследования за рубежом и вернулся.

В то же время Вернадский чувствовал пределы своего свободомыслия при обсуждении Уставов АН СССР в 1927 и 1930 гг. и выборах новых академиков по партийной «разнарядке» в 1929 г. Председательствуя 18 октября 1928 г. на заседании комиссии по геологическим наукам, проходившем под контролем так называемой научной общественности (В. П. Волгин, П. М. Керженцев, И. К. Луппол, О. Ю. Шмидт и др.), он обеспечил единогласное выдвижение в академики А. Д. Архангельского, А. А. Борисяка, К. К. Гейдройца, чьи кандидатуры были согласованы с властями [44]. Отказ стать вице-президентом АН СССР по предложению академиков-коммунистов Вернадский старался представить так, чтобы это не выглядело как несогласие с властями. В 1929 г., роковом для Академии наук, он поддержал тех, кто считал необходимым подчиниться требованиям властей [45]. Свое поведение Вернадский объяснял тем, что они столкнулись с ультиматумом: «Быть или не быть Академии» [46, с. 433]. У него нет сомнений в правильности выбора, так как «...в жизни нашей страны и для нашей культуры значение работы АН так велико... что сохранение этого центра позволяет принести огромные жертвы» [46, с. 433].

28 февраля 1930 г. на заседании Комиссии по выработке нового устава АН Вернадский зачитал составленную им записку «Об основных принципах нового устава АН СССР», в которой требовал сохранить автономность Академии наук в подборе талантливых людей, в организации научной работы, в получении необходимой литературы и аппаратуры [47]. Эта записка вызвала резкие возражения со стороны А. Д. Архангельского, Н. И. Бухарина, И. М. Губкина, А. В. Луначарского, П. М. Никифорова, которые «объясняли» автору, что в настоящее время, как страстно говорил Бухарин, «вся наука в целом служит делу социалистической реконструкции страны, а не техническому прогрессу вообще».

ше, не человеческой добродетели вообще, не личности вообще, не абстракции, не фикции, которой грош цена» [48]. Столкнувшись с подобными возражениями, Вернадский попросил вернуть записку и не рассматривать ее в дальнейшем «как могущую вызвать извращенное толкование как политической платформы, противоположной основным положениям, принятого комиссией проекта, что я не имел в виду и что считаю вредным» [49].

Осознавая, что в годы «великого перелома» во всех слоях общества растет ненависть к большевикам, Вернадский не видел политической силы, способной им противостоять. Более того, он считал интересным направление отнятых у народа огромных капиталов на «государственно-научное строительство», усматривая в этом «провозвестник будущего» [50]. Неудачи же усматривались им скорее в неправильном подборе кадров по благонадежности, а не по таланту и знаниям. Вернадский не желал, чтобы его инакомыслие восприняли как борьбу с режимом и не раз заявлял о своей политической благонадежности. Он воздерживался от однозначных суждений о коллективизации, массовых ссылках, арестах и даже допускал, что жестокие действия властей могут привести «к созданию мощного источника материальных благ и их более правильному распределению между населением» [51].

Выше отмечалось, что в 1920 г. Вернадский признавал насилие для рационализации общественной жизни. В середине 20-х гг. он уверял друзей-эмигрантов, что полное погружение в научные изыскания позволило многое пережить «совсем иначе, чем переживается вокруг меня» [52]. Себя он сравнивал с китайским мандарином, который стал ближайшим помощником Чингизхана и «благодаря ему, а не его моральным противникам, Китай не постигла судьба Средней Азии, где все было уничтожено. И этот мандарин был морально прав» [52]. Проводя аналогию с миром живого, где из миллионов родившихся выживают единицы, он считал оправданным сотрудничество с большевиками, так как и при них появляются ростки будущего. В будущее же он смотрел уверенно, поскольку власть в нем будет принадлежать людям науки: «Впереди времена науки — царство диктаторов-ученых» [53]. Таким образом, процесс переоценки «идеалов жизни», начавшийся в годы гражданской войны, завершился выво-

дом не только о возможности, но и необходимости сотрудничества с самыми жестокими правителями, если это будет полезно для науки.

Резкий перелом в отношении Вернадского к большевикам произошел в середине 30-х гг., когда риторика пролетарского интернационализма и классовой борьбы заменилась идеями государственности, национализма и патриотизма. Нравился ему и лозунг о преобразовании СССР в мировой научный центр. С превращением Советского Союза в преемника идеологии Российской империи Сталин выступает в его письмах и дневниках как «настоящий государственный деятель. И сила — и умственная, и действительная — указанного человека выше средней головы, правящей другими государствами» [54]. Положительно оценивается им деятельность и других руководителей, которые, захватив власть, «не обогащаются лично или семейно». Вернадский отмечает «огромный положительный сдвиг» [54] в образовании, в экономике, в снабжении населения продовольствием после 1933—1934 гг., когда «люди умирали с голода и было людоедство». Понимая, что источник этих изменений — рабский труд миллионов заключенных, Вернадский пишет сыну, что «часть работы заключенных государственно нужна» и что благодаря массовым репрессиям «подняты наверх и могут легче проявляться социальные и интеллектуальные силы народных масс. А эти силы большие и здоровые» [54, с. 337]. Больше всего он теперь опасается, что внешние силы попытаются разрушить «коммунистическое — русское по существу государство» или заставят свернуть с курса «созидательной работы, который жизненно необходим для страны, на который стал Сталин и с которого свернуть нельзя без больших потрясений» [54, с. 341].

Репрессии 1937—1939 гг., когда были арестованы, сосланы или расстреляны многие близкие Вернадскому люди, заставили его вновь задуматься о насилии и его влиянии на общество. Он отмечает резкое ухудшение условий жизни, недовольство в народе и моральное разложение коммунистов. День за днем он записывает примерно одно и то же: «Элемент идеи и веры исчезает. Идейные коммунисты вымирают. Толпа по существу к коммунизму безразлична»; «Недовольство кругом большое, и, главное, вполне обоснованное и на каждом шагу проявляющееся»; «Мас-

совые и несправедливые аресты. Ясно и грубо перегнули. Сознательно или по глупости?» [55].

Вместе с тем именно эти годы стали временем расцвета «научной империи» Вернадского. Он начинает, по словам Л. С. Берга, в своем лице представлять «всю Академию». Сам он одновременно числится по трем отделениям Академии наук (геолого-географическому, химическому, физико-математическому), а руководимая им Биогеохимическая лаборатория была приписана к Биологическому отделению. Среди его учеников десятки «маститых» ученых — академиков, членов-корреспондентов, докторов наук, еще многим кандидатам и лаборантам предстоит стать ими. Не удивительно, что в разгар массовых репрессий, в 1938 г., Вернадский пишет о созвучии своих идей о ноосфере научному социализму К. Маркса и Ф. Энгельса, а Октябрьская революция стала для него событием геологического масштаба, положившим «начало перехода к государственному строю сознательного воплощения ноосферы» [56].

Будучи плохо информированным в первые дни войны о реальном положении дел на фронте, Вернадский пишет о том, что «неожиданно для всех проявилось огромного значения мировое явление нашей Коммунистической партии — как исторического проявления евразийского государства» [57]. Он подчеркивает: «Принципы большевизма — здоровые» [57, с. 124]. И, несмотря на все жестокости, «...исторически Ленин и Сталин стояли на правильном пути» [57, с. 125]. Незадолго до смерти он провозглашает: «Идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы» [58]. Но какую демократию он считал «нашей»?

Американский историк советской науки Л. Грэхэм, сравнивая состояние наук в СССР и на постсоветском пространстве, показал, что наука, достигшая громадных успехов при сталинской диктатуре, погибла быстро в демократической России [59]. Эволюция взаимоотношений Вернадского с властями наглядно подтверждает, сколь важна для российского ученого государственная поддержка и как ненадежны упования на развитие исследований за счет иностранного финансирования.

В истории советизации науки немало сюжетов о компромиссах ученого с властями ради осуществления своих идей, воспри-

нимаемых как предназначение свыше. Судьба Вернадского типична для дореволюционного ученого, вписавшегося в сталинский режим, узревшего в нем покровителя науки и преемника имперской идеологии. Российские ученые всегда видели в науке способ служения государству и считали ее основным источником социально-экономического прогресса. В этом они несильно отличались от зарубежных коллег, которые были убеждены, что «человеческому благосостоянию более всего содействует систематическое и рациональное приложение объективного знания» и ученые должны содействовать «процессам, направленным на рационализацию жизни» [60]. Отличие лишь в том, что в России никогда не было, а в обозримом будущем, видимо, и не будет большой науки без патронажа государства.

-
1. См.: Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863—1945). М., 1982.
 2. См.: Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского / Под ред. А. Л. Яншина, Э. И. Колчинского, А. И. Мелуа. Л., 1989.
 3. См.: Вернадский В. И. Из писем разных лет / Публ. и примеч. С. Р. Микулинского // Вестник АН СССР. 1990. № 5. С. 77—125.
 4. См.: Лапо А. В. Возвращение Вернадского // Экология и образование. 1998. № 1. С. 62—63.
 5. Hutchinson G. E. *The Kindly Fruit of the Earth: Recollections of an Embryo Ecologist*. New Haven; London, 1979.
 6. Grinefeld J. Sketch for History of the Idea of the Biosphere // Gaia: The Thesis, the Mechanisms, and the Implications. Cornwall / Wedebridge Ecological Centre. 1988. P. 1—34.
 7. За год до этого создатель концепции Дж. Ловлок (J. E. Lovelock) признал, что он, к сожалению, ничего не знал о предвосхитивших ее идеях биосферах В. И. Вернадского (*Lovelock J. E. Prehistory of Gaia* // *New Scientist*. 1986. Vol. 115. N 1517. P. 51).
 8. Bailes K. L. *Science and Russian Culture in the Age Revolutions*. Vol. I. Ver-
nadsky and His Scientific School, 1863—1945. Bloomington; Indianapolis, 1990. P. VI.
 9. Сорокина М. Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX—XX вв.: Ма-
териалы научн. конф. СПб., 1997. С. 248—254.
 10. Я благодарен А. В. Козулиной за собранный ею в США архивный материал и председателю административного комитета Бахметьевского архива Колумбийского университета Рихарду Вортману за разрешение его использовать в публикациях.
 11. Todes D. Pavlov and the Bolsheviks // *History and Philosophy of the Life Sciences*. 1995. Vol. 17. N 3. P. 379—419. Усматривая сходные черты в судьбах этих

ученых, не следует забывать о разном масштабе их влияния на мировую науку. Так, в «Индексе цитирования» за 1996 г. указано всего семь ссылок на Вернадского, что почти в десять раз меньше ссылок на труды И. П. Павлова. Различны были и мотивы их поступков.

12. *Вернадский В. И. О науке. Дубна, 1997. С. 104.*
13. АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 219. Л. 1.
14. Там же. Оп. 2. Д. 31. Л. 84; д. 48. Л. 170.
15. *Вернадский В. И. Дневники 1917—1921. Октябрь 1917—январь 1920. Киев, 1994.*
16. Отчет о деятельности РАН за 1917 г. Пг., 1917. С. 5.
17. О реформе деятельности ученых учреждений и школ высших степеней в РСФСР // Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. 1918. № 6-8. С. 69.
18. *Вернадский В. И. Дневники 1917—1921. Январь 1920—март 1921. Киев, 1998.*
19. История полувековой дружбы / Публ. А. Сергеева и А. Тюрина // Минувшее: Ист. альманах. СПб., 1995. Вып. 18. С. 383.
20. *Вернадский В. И. Дневники. Март 1921—август 1925. М., 1998. С. 35—39.*
21. Документы по истории Академии наук СССР. 1917—1925 гг. Л.. 1986. С. 174—177.
22. Columbia University. Bakhteteef's Humanities Found (далее — BHF). Gol'stein's collection. Box 3 (Письмо В. И. Вернадского к А. В. Гольштейн. 14 марта 1922 г.).
23. Ibid. Vernadsky's collection (далее — VC). Box 11 (Письмо В. И. Вернадского к сыну. [1921 г.]).
24. Ibid. Gol'stein's collection. Box 3 (Письмо В. И. Вернадского к А. В. Гольштейн. 1 мая 1921 г.).
25. Ibid. VC. Box 11 (Письмо В. И. Вернадского к сыну. 15 июня 1921 г.).
26. Ibid. Box 86 (Письмо В. И. Вернадского к сыну. 12 июля 1921 г.).
27. О причинах возвращения Вернадского см.: Колчинский Э. И., Козулла А. В. Бремя выбора: Почему В. И. Вернадский вернулся в Советскую Россию? // ВИЕТ. 1999. № 3. С. 3—25.
28. BHF. VC. Box 86 (Письмо Ф. Славика к В. И. Вернадскому. 23 ноября 1923 г.).
29. Ibid. Box 85 (Письмо А. И. Петрункевича к сыну В. И. Вернадского. 21 сентября 1922 г.).
30. Практически незамеченной осталась и публикация книги «Очерки геохимии» на французском языке. На нее была только одна рецензия, напечатанная по-русски в эмигрантском журнале (*Ульянов Н. А. La Geochemie // Современные заметки. 1925. Т. 23. С. 498—500.*)
31. Например, из BHF. VC: письма Я. В. Самойлова от 20 октября и 26 апреля 1922 г. (box 85); письма А. Е. Ферсмана от 20 октября 1922 г., от 26 апреля 1923 г.. 30 июля, 7 и 8 августа 1924 г. (box 86); письма В. Г. Хлопина от 8 июня 1923 и 26 ноября 1923 (box 86).
32. BHF. VC. Box 86 (Письмо А. Е. Ферсмана В. И. Вернадскому от 30 августа 1924 г.).
33. Ibid. Box 11 (Письмо В. И. Вернадского дочери от 5 мая 1924 г.).

34. Ibid. (Письмо В. И. Вернадского сыну от 7 апреля 1925 г.).
35. Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну / Публ. К. К. // Минувшее: Ист. альманах. Paris, 1989. Вып. 7. С. 424—450.
36. BHF. VC. Box. 11 (Письмо В. И. Вернадского к дочери. 17 ноября 1925 г.).
37. Ibid. (Письма В. И. Вернадского к сыну: 9 марта, 20 марта, 24 марта, 5 июня, 12 октября 1926 г. Письма В. И. Вернадского дочери: 14 марта, 19 октября, 31 декабря 1926 г.).
38. Тесленко Ф. А. Необходима коренная реорганизация научно-исследовательского дела // Научный работник. 1930. № 11-12. С. 42.
39. С.-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН). Ф. 240. Оп. 1. Д. 37. Л. 101—134.
40. Там же. Д. 35. Л. 128.
41. Вернадский В. И. Записка о выборе члена Академии по отделу философии // Коммунист. 1988. № 18. С. 73.
42. Так, он старался помочь А. В. Степанову, Б. А. Линденеру (ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 28. № 4. Л. 2—5; № 6. Л. 70).
43. См.: Вернадский В. И. Из писем разных лет // Вестник АН СССР. 1990. № 5.
44. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1-1928. Д. 89. Л. 412—412 об.; ф. 2. Оп. 1-1928. Д. 101. Л. 6.
45. Vucinich A. The Soviet Academie of Science. Standford, 1958; Graham L. R. The Soviet Academy of Science and the Communist Party. 1927—1942. Princeton; New Jersey, 1967; Vucinich A. Empire of Knowledge. The Academie of Science of USSR. Berkeley; Los Angeles; London, 1984; Levin A. E. Expedient Catastrophe: A Reconsideration of the 1929 Crisis at the Soviet Academy of Science // Slavic Review. 1988. Vol. 47. N 2. P. 261—279; Перчёнов Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Ист. альманах. СПб., 1991. Вып. 1. С. 163—236; Академическое дело. 1928—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1: 1998. Вып. 2.
46. Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну // Минувшее. Вып. 7. С. 433.
47. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. № 159. Л. 155—163.
48. Орел В. М. Битва со здравым смыслом. Как принимался устав Академии наук 1930 // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 4. С. 374.
49. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. № 17.
50. Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну // Минувшее. Вып. 7. С. 427.
51. Week-end в Большево, или Еще раз «вольные» письма академика В. И. Вернадского / Публ. и комм. М. Ю. Сорокиной // Минувшее: Ист. альманах. СПб.. 1998. Вып. 23. С. 301.
52. «Я верю в силу свободной мысли». Письма В. И. Вернадского к И. И. Петрушевичу // Новый мир. 1989. № 12. С. 217.
53. Вернадский В. И. «Царство моих идей впереди...». Из записей 1931 г. / Публ. И. И. Мочалова // Природа. 1990. № 6. С. 99.
54. Week-end в Большево... С. 335.
55. Вернадский В. И. Дневник 1939 г. / Вступит. ст., комм. и публ. И. И. Мочалова // Дружба народов. 1992. № 11-12. С. 7, 8, 11 и др.
56. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 502.
57. Вернадский В. И. «Коренные изменения неизбежны...». Из дневника 1941 года / Публ. И. И. Мочалова // Есть у отечества пророки. Петрозаводск, 1988. С. 121.

58. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. Т. 18. Вып. 2. С. 113—120.

59. Graham L. R. What Have We Learned about Science and Technology from the Russian Experience? Stanford, 1998.

60. Коулер Р. Менеджмент науки в Рокфеллеровском фонде: Уоррен Уивер и программа фонда по молекулярной биологии // ВИЕТ. 1996. № 2. С. 48—85.

СОВЕТИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ

Одной из самых поразительных особенностей советской науки была (и остается поныне) система многочисленных исследовательских институтов и почти полное разделение научной работы и преподавания, которое было достигнуто в результате развития этой системы. Хотя ученые из Академии наук или других научно-исследовательских учреждений имеют возможность преподавать в высших учебных заведениях в качестве дополнительной нагрузки, однако такая личная инициатива не может значительно повлиять на существующее строгое институциональное разделение двух функций науки: производства знаний при помощи научного исследования и воспроизведения знаний при преподавании.

Исследовательские учреждения — независимые организации, которые освободили ученых от тяжелой преподавательской повинности — впервые появились как сложившиеся социальные институты в конце XIX в. Помимо лабораторий Санкт-Петербургской Императорской Академии наук первыми российски-

Настоящая работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Михаил Михайлович Новиков — ученый, общественный деятель, организатор науки» (РГНФ № 98-03-0432). Пользуюсь случаем выразить признательность Т. И. Ульяниной, с которой мы вместе занимаемся изучением биографии М. М. Новикова на фоне его эпохи.

ми научно-исследовательскими институтами по современным понятиям стали Императорский институт экспериментальной медицины и частная Биологическая лаборатория П. Ф. Лесгафта, основанные, соответственно, в 1890 и 1894 гг. Эти учреждения появились одновременно с другими европейскими исследовательскими институтами, но еще в течение 20 лет оставались единственными в своем роде учреждениями в России. Российские ученые, наблюдавшие за возникновением Общества Кайзера Вильгельма в Германии и Института Карнеги в США, пытались создать новую систему исследовательских учреждений, но не располагали достаточными политическими и экономическими возможностями. Только при правительстве большевиков новые исследовательские институты стали расти как грибы — словно в стране изменился климат [1].

Помимо того что были основаны новые независимые институты, управлявшиеся непосредственно Наркомпросом, внутри самих университетов и технических вузов появились новые исследовательские институты со своим собственным штатом. В царской России старые университеты были снабжены многочисленными институтами, лабораториями и кабинетами, организованными по немецкому прототипу — возглавляемые профессорами, они соответствовали кафедрам и организованы были как специальные места, где студенты могли получать образование и заниматься исследованиями в своей области. В начале 1920-х гг. под теми же названиями появились уже новые исследовательские учреждения. В них работал свой особый персонал, состоявший из «действительных членов» и «научных сотрудников».

В первой половине 1921 г. в одном только Петрограде различные вузы заявили о необходимости основания 21 исследовательского института, и вскоре нужда в сотрудниках возросла в три раза по сравнению с планами местных представителей Наркомпроса. К 1922 г. Петроградский университет открыл 11 институтов, из которых только один получал финансирование от Наркомпроса. Ученые старались организовать как можно больше институтов, а власти, хотя в целом поддерживали это направление, не имели достаточно денег [2].

Поначалу научно-исследовательский институт при вузе воспринимался как учреждение, призванное снизить загружен-

ность преподавателей чрезмерным количеством курсов за год. Первые варианты положений об этих учреждениях (лето 1921 г.) ясно показывают предполагаемую взаимосвязь преподавания и исследовательской работы, с точки зрения сотрудников. В них отдельно было отмечено: «Действительные члены, являющиеся сотрудниками факультета, освобождаются от проведения занятий в один из трех семестров академического года; в исключительных случаях они могут быть освобождены от проведения занятий на более долгий срок при наличии специального разрешения администрации вуза» [3].

В последующих вариантах положений этот параграф был попросту удален, и разграничение между преподавательским и исследовательским составами стало значительно четче — преподаватели факультетов были отделены от сотрудников институтов. Хотя ведущим профессорам и было позволено совмещать оба рода деятельности, рядовой научный сотрудник не должен был быть одновременно преподавателем факультета. После обсуждений новый вариант положения был разработан в 1923 г. и одобрен Наркомпросом [4].

Уже в этом случае можно увидеть тенденцию к разделению исследовательской деятельности и преподавания. Разделение, которое было достигнуто к 1923/24 академическому году, не входило в первоначальный план еще двумя годами ранее. Происхождение такого разделения и системы исследовательских институтов в целом представляется результатом деятельности множества контекстуальных социально-политических сил. По крайней мере, кажется полезным выяснить, каковы были специфически местные причины для того, чтобы разделились исследовательская наука и преподавание и чтобы так быстро произошло становление советской системы исследовательских учреждений в начале 1920-х гг.

Я берусь утверждать, что в числе многих факторов были две специфические предпосылки, связанные с текущими обстоятельствами 1920-х гг. Первая относится к области экономики. Даже находясь под крылом Наркомпроса, отдельные учреждения финансировались раздельно, и в условиях голода во время гражданской войны дополнительные пайки и выплаты были необходимы, чтобы выжить. Таким образом, для получения отдельных

пайков на сотрудников было особенно важно, чтобы создаваемые исследовательские учреждения были юридически независимы от соответствующих факультетов, на которых организаторы учреждений, как правило, также работали преподавателями. Таким образом создавались многие биологические и сельскохозяйственные станции, так был создан и известный Петергофский естественнонаучный институт при Петроградском университете, имевший независимый статус института Наркомпроса [5].

Ученые использовали любую возможность, предоставляемую системой возникающих исследовательских учреждений, для финансирования своих работ и получения дополнительного жалованья. Если позднее, в середине 1920-х гг., эти множественные каналы в различных учреждениях обеспечивали постоянный доход для исследовательской работы, то в тяжелых экономических условиях 1919—1921 гг., когда эти учреждения создавались, само их существование обеспечивало вовлеченным людям возможность оставаться в живых.

Вторая предпосылка относится к области политики: причиной разделения исследовательской деятельности и образования стала насущная необходимость контролировать процесс преподавания в высших учебных заведениях. Преподаватели должны были нести политическую ответственность при подготовке новых кадров и оказывать влияние на молодые поколения, в то время как исследователям, замкнутым в стенах лабораторий и экспертных бюро, не обязательно было быть политически благонадежными, а страна остро нуждалась в экспертах для поднятия экономики [6].

В настоящей работе я оставляю в стороне вопрос об экономической выгоде создания множества научных учреждений для научного сообщества и сосредоточусь в основном на политических причинах, в частности, на политическом контроле над высшим образованием как одной из причин появления советской системы исследовательской науки. Привлекая свидетельства из разных источников, я продемонстрирую политическое основание, на котором выстроилась эта система. В первую очередь я покажу, что в начале 1920-х гг. власти четко видели различие исследовательской деятельности и преподавания. Своим разным отношением к вузам и исследовательским институтам они

подчеркивали разницу в том, какая степень политической благонадежности необходима для науки, а какая — для преподавания. Власти отстраняли нелояльных ученых от преподавания, нередко непосредственно перемещая их в исследовательские учреждения. Затем я расскажу о политических конфликтах в сфере высшего образования 1921—1922 гг., о различном отношении власти к вузам и научно-исследовательским институтам и о политическом использовании разделения науки и преподавания в разгар политического противостояния профессуры и правительства.

Большевикам было хорошо понятно значение высшего образования при подготовке будущих кадров. Советской власти были нужны законопослушные университеты и технические вузы, полный контроль над ними и сотрудники, которые были бы не просто лояльны, но и стали бы проповедниками нового режима и новых идей. Тем не менее в первые годы профессура почти не испытывала политического давления. Сразу после Октябрьской революции и во время гражданской войны профессура, университеты и академическая система не значились в списке первостепенных проблем новой власти. Наркомпрос выпустил необходимые декреты и на какое-то время оставил университеты в покое. Конечно, спокойствие было относительным, но большинство профессоров осталось на своих местах.

В 1919 г. все гуманитарные и юридический факультеты были объединены в один факультет общественных наук (ФОН). Для того чтобы готовить новых ученых-марксистов быстрее, длительность курса была сокращена до трех лет. Но даже в то время, когда в новых ФОНах новые профессора читали новые курсы «теории социализма» и «истории социалистических идей», там по-прежнему преподавали старые профессора, читавшие свои старые курсы и даже создававшие новые, весьма далекие от идей марксизма. «До осени 1921 года большевицкое правительство мало вмешивалось в преподавание, по крайней мере, философских наук. Я мог продолжать работать в том же духе, что и до революции. ... В 1920/21 я даже организовал просеминарий „Материализм, гилозоизм, витализм“ с целью борьбы против материализма», — вспоминал философ Н. О. Лосский [7].

К 1920—1921 гг. ситуация изменилась. Деятельность старой профессуры попала в поле зрения советской власти. В 1921 г.

Наркомпрос объявил о ревизии профессорского состава в университетах. Она не касалась естественнонаучных и научно-технических исследований, но полностью охватила гуманитарные и общественные науки. В Петроградском университете (ПУ) не менее десяти сотрудников (Н. О. Лосский, С. Л. Франк, Э. Л. Радлов, С. Аскольдов и др.) были уволены от преподавательских должностей [8]. Лосский вспоминал, что почти все профессора и ассистенты в области философии были удалены из Петроградского университета.

Характерно, что Лосский не был уволен полностью, но был переведен в научный штат университета. По словам Лосского, на заседании Ученого совета вспомнили его социалистическую активность в прошлом. «В таком случае у Лосского есть заслуги, сказал Покровский и решил, что меня нужно удалить из Университета, но включить в число членов Научно-исследовательского института» [9].

В мае 1922 г. партийные власти Петрограда издали декрет «Об очищении Петербурга от эсеров и меньшевиков». Среди других важных мер отдельным параграфом значилось: «Признать необходимым удалить от преподавания реакционную профессуру, преподающую общественные науки». Комиссия, назначенная для контроля над чисткой, продолжала работать в течение всего 1923 г. Несколько профессоров «вынуждены были уйти с преподавательской работы, ряд других переведены на преподавание второстепенных курсов» [10].

То же отношение к специалистам-меньшевикам проявляется в переписке Покровского с Лениным в начале 1921 г. Когда в Московском университете был образован факультет общественных наук, Покровский в письме запросил мнение Ленина: «Владимир Ильич, у нас теперь формируется при I Московском университете факультет общественных наук. Мы назначили всех коммунистов, которых можно посадить на кафедру. Но надежды на их *фактическое* участие мало. Крайне соблазнительно использовать меньшевиков (Громана, Ерманского, Суханова, Череванина и Мартова). Как Вы на это смотрите?» и получил характерный ответ: «Я очень сомневаюсь и думаю, лучше передадим в Политбюро ЦК. (Выяснить еще, на какие кафедры или предметы?)» [11].

В то же самое время меньшевикам-экономистам с легкостью предоставили работу в качестве ключевых специалистов по разработке национальных экономических проектов. Ю. О. Мартов покинул страну, но те, кто остался, работали на важных должностях в различных правительственные ведомствах и исследовательских институтах в течение 1920-х гг. В. Г. Громан, помимо того что держал обширную консультационную практику, возглавлял также отдел Госплана и был членом президиума Госплана вплоть до времени, когда он и Н. Н. Суханов были арестованы в 1930 г. по обвинению в «меньшевистском заговоре» [12].

Это было очень характерным примером того, как развивалась ситуация и какова была рациональность в действиях властей: некто опасен в качестве лектора и наставника молодежи, но его можно и нужно использовать как специалиста-исследователя. Подобные перемещения ученых с преподавательских должностей на академические или государственные на основании политической неблагонадежности ни для кого не были секретом в 1921—1922 гг., и это, как кажется, должно было оказывать воздействие на представления людей о социальном статусе и сравнительной привлекательности преподавания и исследовательской работы.

В 1921—1922 гг. политическое давление, оказываемое постоянно на преподавателей и руководство вузов, вызвало различные конфликты и столкновения между Наркомпросом и профессурой. Я вкратце расскажу об этом, чтобы придать весомость своим аргументам [13].

В 1920 г. Наркомпрос уволил ранее избранного ректора Московского университета зоолога М. М. Новикова и поставил во главе университета Временный Президиум. Точно так же несколькими вузами руководили революционные комитеты или временные президиумы — так называемые тройки, назначенные Наркомпросом. Зимой 1920/21 г. (31 декабря 1920-го—4 января 1921-го) на Первой партийной конференции по проблемам образования среди прочего было постановлено: «назначить партийных товарищей-организаторов» ректорами вузов и лишь при нехватке таковых «ставить партийных товарищей заместителями ректоров при ректорах из профессоров» [14].

Эти действия Наркомпроса вызвали забастовки в некоторых вузах. Профессора Московского высшего технического училища

(МВТУ) начали забастовку в ответ на увольнение ректора И. А. Калинникова весной 1921 г. Студенты поддержали забастовку. Власти еще не были готовы ответить профессуре действенными репрессивными мерами, и решение Нарокомпроса было отменено: Калинников остался на своем посту [15].

Важно отметить, что М. М. Новиков и И. А. Калинников, будучи не в ладах с Наркомпросом и испытывая тяжелое политическое давление в своих учебных заведениях, оба работали в хороших условиях при Научной комиссии Научно-технического отдела ВСНХ. «Это был один из островков, на котором в бурное время начала большевистского режима мирно горело пламя научной мысли, освещавшее трудную и неприглядную жизнь московских ученых», — вспоминал Новиков много лет спустя. Новиков занимал в этой комиссии пост председателя. Комиссия оказывала моральную и финансовую поддержку ученым, у большинства которых позднейший опыт в университетах выбил почву из под ног [16].

Согласно мемуарам Новикова, Калинников, в добавление ко всем административным невзгодам, был уличен в том, что преподавал свою инженерную специальность «не по-пролетарски», что означало «слишком много места уделял непонятной математике». Точно так же математик в Петрограде Д. Ф. Селиванов был обвинен в «„буржуазных“ методах преподавания математики инженерам. В своих лекциях он не только сообщал математические формулы, необходимые для деятельности инженеров, но математическое обоснование их» [17]. Вероятно, как и в случае с Калинниковым, курс был попросту слишком сложен для студентов — бывших рабочих, которые не могли его понять и обвинили своего профессора в «буржуазных» методах. Такое негативное и подозрительное отношение молодежи к старшим поколениям учителей до невозможности усложняло жизнь факультета. Преподавание было опасным во многих отношениях, тогда как исследовательская деятельность и работа в качестве специалиста были относительно безопасны.

Характерные для Московского университета события, произошедшие в марте-апреле 1921 г., показывающие суть новых методов управления академической системой, отмечены в переписке между Наркомпросом и деканом факультета физико-мате-

матических наук астрономом В. В. Стратоновым. Стратонов выражает решительный протест в связи с отказом университетской администрации утвердить избранных сотрудников факультета. Отказу было дано следующее объяснение: «факультет как целое не компетентен в деле рекомендации сотрудников». Покровский отменил эту резолюцию администрации, но указал президиуму университета на то, что подобная резолюция не нужна, «так как результаты выборов должны утверждаться президиумом, который таким образом имеет возможность осуществлять контроль» [18].

Если принять во внимание общее тяжелое положение профессуры, становится очевидным, что с новыми формами контроля над университетами и техническими училищами смириться было нелегко. Новая волна забастовок поднялась зимой 1922 г. Изобилие архивных материалов позволяет многое узнать о настроениях профессуры: сохранились как письма профессоров властям, так и краткие стенографические отчеты о встречах правительственный чиновников с бастующими.

Из письма профессоров Первого Московского университета в Совнарком от 1 февраля 1922 г.: «Объединенное собрание Профессоров и Преподавателей всех факультетов... постановило обратиться к СНК с целью указать на то катастрофическое положение, в котором находится Высшая Школа в России вообще и Московский Университет в частности. ...На содержание Университета в 1922-м году отпускается в 20 раз меньше средств, чем в 1913-м году. ...Личный состав также находится в крайне тяжелом состоянии. Смертность и заболеваемость среди профессоров за эти годы были чрезвычайно велики. Причины этого — голод, холод и непривычная тяжелая физическая работа. ...Получается парадоксальное положение, когда профессор ВТУ — специалист по легким двигателям, единственный в России, получает в пять раз меньше, чем шофер, который его возит» [19]. На собрании было принято решение начать забастовку.

Такое же решение было принято профессорами МВТУ 8 февраля 1922 г. 14 февраля делегация профессоров была принята в Кремле заместителем Ленина А. Д. Цюрупой и со стороны ЦК И. В. Сталиным. Молодой профессор Л. К. Рамзин был фактически лидером профессоров и говорил от их имени на этой

встрече. Инженеры были намного самоувереннее, чем университетские профессора. В то время как последние напирали в основном на экономические трудности, инженеры на встрече с советскими и партийными лидерами почти не коснулись трудностей своего быта, а сразу взялись за обсуждение политических материалов в целом и политики в сфере высшего образования в частности. Среди прочих выражений относительно деятельности Наркомпроса Рамзин сказал: «Работая в других учреждениях, мы видим к нам уважение и доверие, но как только преподаватель инженер начинает фигурировать в виде преподавателя Высшего технического училища, он тотчас же попадает под подозрение. И те лица, которые абсолютно никаких подозрений в других сферах не возбуждают, в Высшем техническом училище берутся тоже под подозрение. Возьмем, например, Калинникова. Он работает в Госплане и во многих других правительственные учреждениях, и везде встречается с большим уважением, а Главпрофобр к нему относится подозрительно» [20].

Позиция Наркомпроса видна из телефонограммы А. В. Луначарского, адресованной зампреду Совнаркома Цюрупе: «...ВТУ требует теперь ректором заведомого врага нашего, Калинникова... На мой взгляд, это явная наглость» [21].

Посредством угроз, уступок и соглашений одновременно конфликт был разрешен. Калинникова не назначили ректором, но в то же время «заведомый враг» остался важным правительственным экспертом в технической области. В разгар политического противостояния в МВТУ, в апреле 1921 г., он был назначен в Госплан и оставался важной фигурой в Госплане, ВСНХ и других правительственные учреждениях до 1930 г. [22].

Рамзин тоже выступал в двух амплуа — представителя оппозиционной профессуры и правительенного эксперта и советника по вопросам электростанций. «Товарищ Рамзин... влез всей пятерней в советскую работу. Он докладывает постоянно в Совет Труда и Обороны... в Совнарком... в Госплан», — говорил на встрече с профессорами сам Цюрупа [23].

Рамзин в этой дискуссии с советскими и партийными лидерами не случайно коснулся большой темы — различного отношения к преподаванию и к кабинетной работе. Это различие привело к упадку системы образования, поскольку из нее ушли

профессионалы, тогда как система прикладных научно-исследовательских институтов многое от этого выиграла.

Мне кажется, что многочисленные примеры, приведенные выше, показывают, что общая враждебность по отношению к «учителям» и общая поддержка исследователей и технических специалистов создала политическую основу для развития исследовательских институтов, не имеющих отношения к системе образования, в начале 1920 г. Во всех отношениях это соответствовало интересам ученых, которые в течение многих лет стремились создать независимые исследовательские учреждения и освободиться от преподавательской нагрузки, занявшиеся любимым делом научных исследований. Различные социальные силы и различные интересы во властных структурах и в сообществе ученых совпали в признании необходимости существования системы научно-исследовательских институтов, где ученые и инженеры были бы отделены от политически или идеологически насыщенной деятельности. Я полагаю, что это было одной из причин, по которой система исследовательских институтов расцвела в Советском Союзе так пышно, как ни в одной другой стране.

В заключение я хочу предложить гипотезу, интересную для исследователей советизации науки и образования в Восточной Европе. Во всех социалистических странах местные системы исследовательских учреждений, не относящихся к сфере образования, были созданы по образцу академических структур Советского Союза. К сожалению, еще совсем мало современной литературы с детальным социальным анализом развития больших академий в социалистических странах после 1947 г., хотя имеется значительная литература о постсоветской трансформации научно-исследовательских систем Венгрии, Польши, Чехии, Болгарии и других стран бывшего социалистического лагеря [24]. До советских реформ академии существовали в большинстве этих стран как почетные национальные общества, и лишь реформы в процессе советизации этих стран создали академии наук как огромные государственные научно-исследовательские системы. Обычно представляется, что эти преобразования при новых социалистических режимах были в значительной мере бездумным копированием советской системы под прямым контролем СССР.

Я полагаю, что этому могли способствовать причины местного характера, совершенно аналогичные тем, что действовали в Советской России 1920-х гг. Так же, как в Советской России 1920-х гг., в Восточной Европе 1940—1950-х гг. существовала значительная научная элита, настроенная отрицательно по отношению к новым режимам и политически неблагонадежная. с правительственною точки зрения нового режима, но при этом необходимая правительством для работы на благо страны, но без связи с подготовкой нового поколения ученых-социалистов. Появление академий в Восточной Европе несомненно имело подобные местные политические побудительные причины, когда академии наук могли служить в качестве почетной «ссылки» для известных ученых, украшенных званиями, но устранных от преподавательской деятельности. И в этом случае, как в Советской России, возникал своего рода *contract sociale* между учеными и политической властью, обеспечивавший стабильное существование науки при ее централизованной, а тем самым весьма контролируемой организации, и наличие у науки нейтрального образа «чистой фундаментальной науки», необходимого для международных целей — *contract sociale*, условием которого было разделение науки и преподавания, а также невмешательство ученых как части интеллектуальной элиты в процессы массового идеологического воспитания.

1. «У меня получилось впечатление, как будто вся волокита, это откладывание под сукно и в долгий ящик, погибли вместе со старым режимом. От слова можно было непосредственно перейти к делу», — вспоминал Михаил Неменов в своей речи по случаю пятой годовщины Государственного рентгенологического и радиологического института 12 марта 1924 г. (см.: Организация науки в первые годы советской власти (1917—1925). Л., 1968, С. 240). Лучшее изложение истории развития системы исследовательской науки в России в первой четверти XX в. см.: Бастракова М. С. Становление советской системы организации науки (1917—1922). М., 1973. Книга включает в себя главы, посвященные организации науки в дореволюционной России и взглядам ученых на организацию исследовательской науки. Наиболее углубленный анализ нарождавшейся системы в сравнительной ретроспективе см. в кн.: Graham L. R. The Formation of Soviet Research Institutes: A Combination of Revolutionary Innovation and International Borrowing // Social Studies of Science. 1975. Vol. 5. P. 303—329.

2. См.: Большакова К. Г. Создание и деятельность научно-исследовательских институтов при вузах Ленинграда (1920—1925) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Л., 1973. Вып. 5. С. 433—439.

3. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 298 (Государственный Ученый Совет). Оп. 1. Д. 97. Л. 24 об.

4. ГАРФ. Ф. 2306 (Наркомпрос РСФСР). Оп. 1. Д. 2000, *passim*.

5. Система новых исследовательских учреждений в физике и биологии, которая появилась в 1918—1922 гг., была, можно сказать, сформирована из-за нужды в множественных каналах финансовой поддержки научных исследований и для гарантии выживания. Во многих дисциплинах одна и та же ведущая группа исследователей, возглавляемая одним и тем же лидером-организатором, числилась в качестве сотрудников нескольких исследовательских и образовательных учреждений одновременно. Роль подобной организаторской активности в генетике освещена Марком Б. Адамсом в его работах: *Adams M. B. Science, Ideology, and Structure: The Kol'tsov Institute. 1900—1970 // The Social Context of Soviet Science / Ed. by L. Lubrano, S. G. Solomon. Boulder, 1980. P. 173—204; idem. Eugenics in Russia, 1900—1940 // The Wellborn Science. Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia / Ed. by Mark B. Adams. Oxford, 1990. P. 153—216.* О физике в Петрограде см.: *Josephson P. Physics and Politics in Revolutionary Russia. Berkeley, 1991.* О сельскохозяйственных станциях см.: Елена О. Ю. Сельскохозяйственные опытные станции: советский вариант реформы // На переломе: советская биология в 20—30-х годах / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 1997. С. 27—85; о генетике и сельскохозяйственных станциях см. также: *Rossianov K. O. Experimental Stations and the Emergence of the Soviet genetics Community, 1917—1925 // Sveriges Utsadesforeningens Tidskrift. 1997. Vol. 107. Hft. 4. P. 213—220.* Об изменениях в сложном статусе Петергофского естественнонаучного института (ПЕНИ), при котором он тем не менее оставался независимым, см.: ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 134; ф. 2555. Оп. 1. Д. 25, 616. См. также: Макарова Т. В. Об организации и становлении Петергофского естественнонаучного института (ныне Биологического научно-исследовательского института) // Тр. Петергофского Биол. ин-та. 1970. № 20. С. 331—341.

6. Лорен Р. Грэхэм был первым, кому пришло в голову, что политической причиной отделения исследовательской науки от преподавания стало совпадение интересов, а особенно подозрительное отношение к «старой интеллигенции» со стороны советской власти. См.: *Graham L. R. The Formation... Особо* р. 314—315.

7. Лосский Н. О. Воспоминания: жизни и философский путь. СПб., 1994. С. 232.

8. Клушин В. И. Первые ученые-марксисты Петрограда. Л., 1971. С. 92; *Купайгородская А. П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917—1925 гг.).* Л., 1984. С. 158. Клушин ошибочно датирует это событие концом 1922 г. Ревизия профессорского состава произошла в конце 1921-го, а в конце 1922-го некоторые уже были высланы в Германию. См.: Лосский Н. О. Воспоминания... С. 232.

9. Лосский Н. О. Воспоминания... С. 232.

10. См.: Измозик В. С., Павлов В. В. Проблема секретности в отношениях партийного аппарата и научно-педагогической интеллигенции // На подступах к спецхрану / Под ред. М. Б. Конашева. СПб., 1995. С. 37—38.

11. В. И. Ленин о науке и высшем образовании. 2-е изд., доп. М., 1971. С. 253, 381—382; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 90, 374.

12. См.: Социал-интервенты перед пролетарским судом. М., 1931; а также статью о Громане в БСЭ (Т. 19. С. 436—437). О Суханове см. его автобиографию в сб. «Деятели СССР и революционного движения в России» (М., 1989. С. 710—711); Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 29. О меньшевиках, работавших в советском правительстве (в том числе о В. Громане), и их взглядах см.: Валентинов Н. В. (Вольский Н.). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991.

13. Детальный анализ ситуации в высшем образовании дан Шилой Фиттипатрик в кн.: *Fitzpatrick Sh. 1) The Commissariat of Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts Under Lunacharsky. 1917—1921. Cambridge, 1970; 2) Education and Social Mobility in the Soviet Union. 1921—1934. Cambridge, 1979*. О техническом образовании и положении инженеров см.: Bailes K. Technology and Society Under Lenin and Stalin. Princeton, 1978. О реакции профессоров на политические и административные меры (в том числе о стачках) см. также на русском языке: Брускин Е. М. Из истории борьбы Коммунистической партии за вузовскую интеллигенцию в 1917—1922-м гг. // Вопросы истории КПСС. 1972. № 8. С. 81—93; Иванова Л. В. Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927). М., 1980. Разница между должностями исследователя и университетского профессора становится ясной из статей Джеймса К. Макклелланда и Кендалла Бэйлеса: McClelland J. C. The Professoriate in the Russian Civil War // Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History / Ed. by D. P. Koenker, W. G. Rosenberg, R. G. Suny. Bloomington, 1989. Р. 243—266; Bailes K. Natural Scientists and the Soviet System // Ibid. Р. 267—295.

14. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М., 1931. С. 354.

15. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 155 и комм.; см. также: Брускин Е. М. Из истории... С. 88—89.

16. См.: Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 303 и след.

17. Там же. С. 312; Лосский Н. О. Воспоминания... С. 239.

18. ГАРФ. Ф. 298. Оп. 2. Д. 29. Л. 226, 242.

19. Там же. Ф. 130 (Совнарком). Оп. 6. Д. 871. Л. 4.

20. Там же. Л. 30.

21. Там же. Л. 50.

22. См.: Процесс «Промпартии» (25 ноября—7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931. С. 43, 101 и след. Калинников и Рамзин оба были названы главными организаторами заговора «промышленной партии».

23. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 871. Л. 38. Значение Рамзина как эксперта по электростанциям в связи с планом ГОЭЛРО ясно из многочисленных упоминаний его имени в письмах Ленина 1920-х гг. (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52 и 53 *passim*).

24. См. например: The Research System in Post-Communist Central and Eastern Europe: EASST Special Issue // Social Studies of Science. 1995. Vol. 25. N 4. Р. 613—883.

**ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ:
«КУЗНИЦА КАДРОВ»
СОВЕТСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
(1921—1938)**

«Гордость» советской системы народного образования [1] и ведущее учреждение по подготовке новых кадров партийных теоретиков [2], с одной стороны; «школьяры» в профессорской тоге [3], юные «специалисты» в поиске цитат и начетничестве [4], «резерв юных партийных карьеристов» [5], с другой стороны, между этими противоположными оценками варьируют суждения современников об Институте красной профессуры (ИКП), существовавшем в 1920—1930-х гг. в СССР, и о его выпускниках. Столь же противоречивый образ Института представлен в исторической литературе и в воспоминаниях «икапистов», как обычно обиходно называли выпускников и слушателей ИКП [6]. Я постараюсь на базе архивных материалов и публикаций проанализировать историю ИКП, оказавшего огромное влияние на советскую систему высшего образования и советскую науку.

Возникновение и цели

Идея специального института для ускоренной подготовки преподавателей-марксистов для высшей школы возникла в конце

Данная статья является рефератом рукописи, представленной Л.-Д. Берендтом М. Хайнеману в качестве отчета по гранту. Перевод Э. И. Колчинского сделан в рамках проекта РГНФ 01-03-354а.

гражданской войны, когда советская власть заявила о необходимости завоевания университетов и высшей школы как насущной политической задаче. Направление на учебу многочисленных демобилизованных из Красной Армии бойцов было призвано создать «коммунистическое студенчество» как главную предпосылку коренного преобразования высшей школы. Однако, по мнению заместителя Наркомпроса М. Н. Покровского, это не означало, что высшая школа окончательно получила «пролетарское студенчество», так как рекрутированные таким образом студенты могли быстро попасть под влияние буржуазной професcуры и, как следствие, деклассироваться, вырождаясь в обычную мелкобуржуазную интеллигенцию [7]. Чтобы избежать этого, высшую школу необходимо было обеспечить профессорами-марксистами.

Создание сети рабфаков могло лишь достаточно быстро обеспечить изменение социального состава и, соответственно, политической ориентации студенчества, но перестройка самой системы обучения в соответствии с задачами, декларированными коммунистической партией, оказалась намного сложнее, так как кадров марксистских преподавателей попросту не было. Те немногие большевистские функционеры, которые были пригодны для преподавания в высшей школе, не могли ликвидировать этот дефицит. Поэтому не случайно, что Покровский потребовал осенью 1920 г. от комиссии, возглавлявшейся Ф. А. Ротштейном и занимавшейся преобразованием преподавания общественных наук в высшей школе, активизировать отбор способных к научной работе молодых членов партии, даже не получивших университетского образования, и на одно-двухгодичных курсах готовить из них преподавателей высшей школы [8].

Выступая на Первом партийном совещании по вопросам народного образования, проходившем с 31 декабря 1920 г. по 4 января 1921 г., Покровский вновь заявил о необходимости направлять на краткосрочные курсы «красных профессоров» партийную молодежь, которая имела соответствующее, хотя и незаконченное образование, так как общее развитие в данном случае рассматривалось как нечто более важное, чем формальные знания, и именно оно должно было обеспечить условия для быстрого формирования необходимого количества всесторонне

развитых интеллектуалов, невозможного иным путем, исходя из общей политической несознательности существующего студенчества. Формирование корпуса красных профессоров должно было обеспечить отстранение от преподавания прежней профессуры, состоявшей, как правило, из узких специалистов, формировавших соответствующие взгляды у слушателей [9].

Вскоре, 11 февраля 1921 г., вышел декрет СНК о создании в Москве и Петрограде ИКП для подготовки преподавателей по теоретической экономии, историческому материализму, развитию общественных формаций, новейшей истории и социалистическому строительству в вузах республики [10]. Комиссия Ротштейна обратилась во все партийные комитеты и политотделы Красной Армии с требованием рекомендовать членов партии, способных стать профессорами. С марта 1921 г. под руководством Покровского работала комиссия по созданию института. Он же был назначен его ректором и исполнял эту должность до самой смерти в 1932 г. (с 1930 г. в самостоятельном ИКП по истории, социалистическому строительству и праву, а с 1931 г. — в ИКП по истории).

Преподавание в ИКП предполагалось связать с требованиями жизни так, чтобы за короткое время подготовить новое поколение преподавателей общественных наук для партийных и государственных вузов и органов управления высшей школы. Особое значение придавалось подготовке научных кадров, которая должна была определяться не личностными интересами будущих ученых, а общественными потребностями и быть централизованной. Когда ИКП начал свою работу 3 октября 1921 г., оказалось, что выполнена лишь часть декрета СНК: ИКП был только в Москве. Для второго ИКП в Петрограде не нашлось ни материальных ресурсов, ни кадров преподавателей. Лишь частично было реализовано и решение о привлечении к работе в ИКП всех крупных партийных теоретиков, исполнявших различные партийные и государственные обязанности. Запланированное первоначально отделение советского строительства также не было сформировано, а вместо 300 студентов было принято лишь 105, к тому же часть из них оказалась не способной к работе в вузах.

Поскольку ИКП создавался как «оружие нашей партии на идеологическом фронте» [11], то ЦК РКП(б) считал его партий-

ным учреждением и подчинил Отделу агитации и пропаганды (Агитпропу). Хотя формально ИКП подчинялся ГУС при Наркомпросе РСФСР, а также ЦИК СССР, фактически все важнейшие решения принимались в Секретариате и Оргбюро РКП(б), а затем ВКП(б).

Изначальной была неопределенность места нового учреждения в системе созданных ранее партийных учебных заведений, прежде всего марксистских курсов при Социалистической академии и коммунистических университетах. Разграничением их полномочий занималась в ноябре 1921 г. комиссия Агитпропа, решившая, что ИКП должен готовить доцентов и профессоров по общественным дисциплинам для высшей школы, а курсы марксистов должны давать высшее марксистское образование партийным работникам. Предполагалось учитывать личные склонности слушателей при распределении студентов между различными марксистскими образовательными учреждениями [12]. ИКП получил фактически статус главной партийной школы, так как окончание марксистских курсов или коммунистических университетов считалось лишь необходимым условием для приема в ИКП.

В среде партийной элиты, конечно, всегда бытовали различные мнения о статусе ИКП и перспективах его выпускников. Для ректора Покровского главной задачей института, призванного улучшить партийные позиции в борьбе за университетские кафедры, была подготовка высоквалифицированных доцентов. В 1923 г. в тезисах об учебной программе и методике в ИКП он подчеркивал, что «красные профессора» по своему теоретическому уровню не должны уступать «белым профессорам» [13]. Признавая тесную связь работы ИКП с «борьбой на идеологическом фронте», он напоминал, что изучение современных проблем отнюдь не исчерпывает его главных задач. Многочисленные функционеры из центральных и московских партийных органов видели в студентах ИКП в первую очередь питомцев партийной школы, мобильный кадровый резерв, который можно в любой момент отвлекать от учебы для проведения политических кампаний, агитационно-пропагандистских мероприятий, заполнения пробелов в аппарате и т. д. Попытки руководства ИКП оградить студентов от подобных посягательств всегда

были безуспешными. Нередко в результате «откомандирования» целые курсы вовлекались в политические игры. Только в 1933 г., например, 1068 студентов ИКП всех факультетов были посланы руководителями политотделов в МТС, в совхозы и т. п. Позднее большая часть из них уже не смогла продолжить образование [14].

Особенно была велика нагрузка у слушателей Отделения естествознания. Они преподавали в МГУ и Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, а с конца 1920-х гг. и в других московских вузах, руководили аспирантскими семинарами в научно-исследовательских институтах, а также различного рода кружками по диалектическому и историческому материализму, антирелигиозными семинарами и кружками пропагандистов. Так, в 1929/30 учебном году 23 слушателя этого отделения имели 47 партийных поручений и 33 учебных нагрузки в 8 вузах и научных учреждениях. Это негативно сказывалось на их экспериментальной работе, а внезапные командировки не раз срывали проводимые исследования.

Вплоть до середины 1920-х гг. в различных партийных документах не раз повторялись цели, ради реализации которых был создан ИКП, а руководители ИКП и его отделений вынуждены были постоянно напоминать, что главная задача заключается в подготовке научных работников, владеющих марксистской методологией, а также в обеспечении плановых партийных и государственных учреждений кадрами, пригодными для научной разработки экономических проблем и для борьбы на идеологическом фронте [15]. Но и в этой борьбе их использовали главным образом в качестве редакторов газет и литературных критиков. Подготовка преподавателей для высшей школы становилась на практике второстепенной задачей. Актуальные политические нужды и намерения партийного руководства все больше определяли и содержание образовательного процесса, и характер использования студентов.

Главные этапы

В связи с постоянно изменявшимися целями в ИКП шли непрерывные преобразования структуры, учебных планов, штата

преподавательского корпуса и состава студентов. Неудивительно, что методы работы ИКП в 1920-е гг. были совершенно иными, нежели в 1930-х гг. Поэтому первоначально декларированные лозунги совершенно непригодны для взвешенных оценок его последующей деятельности. Изменения, касающиеся ИКП, были неразрывно связаны со становлением и развитием сталинской системы образования, которая сама претерпела несколько этапов. 1921—1924 гг. были временем становления института, когда число его студентов колебалось от 81 до 179 человек, и в работе преобладала импровизация. Особые трудности при этом возникали при наборе штата преподавателей. В эти годы еще не было ни постоянной структуры института, ни устойчивых учебных планов, и витали весьма смутные представления о продолжительности обучения. Предполагалось, что в зависимости от подготовки студентов она могла колебаться от одного года до трех лет. В этот период уточнялись правила приема и требования к студентам, разрабатывались учебные программы по отдельным специальностям, развивались организационные формы ИКП и утверждался его Устав. С 1922 г. установились три отделения: экономики, философии и истории. К концу этого периода состоялся и первый выпуск «икапистов» общим числом в 52 человека [16].

Дальнейшее обустройство ИКП происходило в 1924—1929 гг. Именно эти годы можно оценить как наиболее благоприятные для его развития. Время учебы растянулось до четырех лет, что позволяло обеспечить фундаментальную подготовку будущих профессоров. В институте сложился постоянный костяк преподавателей. Наиболее выдающимися среди них были Н. И. Бухарин, А. М. Деборин, М. Н. Покровский, создавшие в стенах ИКП свои школы. Выпускники ИКП, еще будучи студентами, активно публиковались, участвовали в научных дискуссиях, приобретая тем самым необходимый научный авторитет.

За эти годы в ИКП возросло и число специализаций — к ранее существовавшим добавилось Отделение социалистического строительства и права. В 1924 г. было создано Отделение естествознания, выпускники которого должны были прививать студентам марксистский подход к проблемам естественных наук. Еще и до этого слушателям философского отделения для расширения их общего кругозора читались лекции по некоторым проблемам

физики и биологии. Создание специального отделения было непосредственным образом связано с реализацией решения, призванного обеспечить проникновение образованных марксистов в естествознание с последующим завоеванием ими ключевых естественнонаучных кафедр в университетах и вузах. Первоначально предусматривалось создать в рамках данного Отделения три самостоятельных цикла — математико-астрономический, физико-химический и биологический. В 1927 г. возникло Отделение истории партий, а в следующем — Отделение литературы. Это неизбежно вело к увеличению числа студентов и к нарастающей дифференциации специализаций в пределах каждого из отделений. Так, например, у историков имелись секции по истории России, Запада, Востока и профсоюзного движения, у философов — секции диалектического и исторического материализма, а также секция истории философии. Уже в 1924 г. в ИКП была создана первая в СССР кафедра ленинизма.

Параллельно велась постоянная работа по преобразованию социального и политического состава слушателей. Осенью 1924 г. были организованы подготовительные отделения, которые функционировали как специфические формы рабфаков, готовя слушателей к поступлению в ИКП [17]. В конце 1926 г. был создан воскресный университет, призванный создать резерв для поступления в ИКП рабочих. В 1929 г. возникло Консультационное бюро ИКП, обеспечивавшее подготовку к вступительным экзаменам как на подготовительные, так и основные отделения института.

Период с 1929 по 1932 г. характеризовался постоянными организационными преобразованиями и значительным расширением вечерней и заочной форм обучения. Существовал пятилетний план развития ИКП, который предусматривал увеличение числа студентов до 600 человек в 1929 г., а далее до 1500 и даже до 2500 в 1933 г. [18].

Крупномасштабная реорганизация, которая, в конечном счете, не была полностью реализована, должна была помимо всего прочего обеспечить сотрудников и студентов прекрасными квартирами и аудиториями. В образовательном процессе и в исследовательской работе использовался бригадный метод. Количество рост института и дифференциация специальностей

привели к разделению ИКП на самостоятельные институты экономики, истории, советского строительства и права, естествознания и истории партии, а также к созданию Ленинградского отделения ИКП. На базе подготовительного отделения был образован Институт по подготовке кадров с филиалами в Ленинграде, Баку, Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Самаре, Саратове, Свердловске и Ташкенте, которые должны были обеспечить резкий рост возможного контингента студентов. Однако, как правило, вновь организуемые дочерние учреждения претерпевали новые реорганизации еще до того, как они успевали справиться с организационными трудностями. Одна из причин состояла в том, что в сферу образования и науки механически переносились принципы планирования, принятые к тому времени в сфере промышленного производства: с целью установления жесткого политического контроля подготовка кадров для общественных наук концентрировалась в одном институте.

Для обеспечения более тесной связи обучения и научных исследований, осуществлявшихся в ИКП, с разросшимися к тому времени институтами Комакадемии специализированные научные подразделения институтов красной профессуры были влиты в ее состав. Число ИКП за счет этого резко возросло. Некоторые из вновь образованных ИКП, например Институт естествознания и Институт техники и технической политики, просуществовали короткое время [19]. Аспиранты академических институтов, если они соответствовали кадровым требованиям ИКП, переводились в новые институты и зачислялись слушателями ИКП [20]. Объединение с Комакадемией, однако, оказалось недолговечным. «Аппарат стал очень громоздким и неповоротливым», — жаловался Покровский в письме в Политбюро от 31 декабря 1931 г. [21]. Все решения по ИКП принимал Президиум Комакадемии. И уже в 1932 г. вновь произошло выделение ИКП из ее состава.

С этого момента начался последний период в истории ИКП, завершившийся в январе 1938 г. В эти годы наряду с обособившимся Институтом истории партии, напрямую подчинявшимся ЦИК СССР, существовали восемь ИКП: по экономике, сельскому хозяйству, советскому строительству и праву, философии,

миро́вой эконо́мике и вну́шней поли́тике, лите́ратуре, исто́рии, а также объединенны́й Ленинградский ИКП. До 1936 г. существова́вал также ИКП для подгото́вки кадров с филиа́лами в Самаре и Ива́ново. Остальны́е подгото́вительные отде́ления, существова́вшие в провинции, были включены в 1932 г. во вновь образованы́е институ́ты марксизма-ленинизма. И хотя их обычно характеризовали как партийные школы «типа ИКП», на практике они не имели ничего общего с первоначальными задачами ИКП. Их цель состояла главным образом в удовлетворении потребностей партийных организаций соотве́тствующего региона в полити́ко-идеологи́ческих образованы́х функционерах для всех направле́ний партийной работы. Формально сеть ИКП в этот период расширилась за счет появления ИКП на Украи́не, но пик был уже позади. Число студентов, насчитывавшее в конце 1931 г. 2400 че́ловек, уже в 1934 г. сократилось до 1100, в начале 1935 г. — до 880, а в мае 1935 г. в ИКП было только 748 студентов [22]. Переход к массово́му образованию вел к снижению уровня подгото́вки «икапистов». В сообщениях руководства институ́тов нередко звучали жалобы на отсутствие научных способностей и даже на недостаток общего уровня знаний у многих слушателей. Бесконечные преобразования форм обучения (от специальны́х и исследовательских семинаров к систематическим циклам лекций) и учебных планов не могли существенно улучшить ситуацию. К этому надо добавить, что с середины 1930-х гг. проводились не-прерывные репрессии среди преподавательского корпуса. Следо́ватели НКВД непрестанно фабриковали дела о «террористиче́ских заговорах» красных профессоров, подобно тому как это де́лалось и в других сферах профессиональной деятельности. Так, например, из 38 историков, преподававших в ИПК в 1931/32 учебном году, 21 были арестованы, а остальные исключены из партии [23]. Арестовывались и студенты. Атмосферу страха и неуверенности поддерживали частые партийные собра́ния, на ко́торых студентов призыва́ли к бдительности и непримиримости к врагам народа.

В этой ситуации в ноябре 1937 г. директивными органами ЦК ВКП(б) было принято решение о закрытии ИКП, который перестал функционировать с 1 января 1938 г. в соответствии с решением ЦИК СССР от 7 января 1938 г., признавшим нецелесо-

образным его сохранение [24]. В обоснование этого решения утверждалось, что аспирантура, сложившаяся в высшей школе, вполне может обеспечить подготовку марксистски грамотных специалистов, что являлось ранее основной функцией ИКП. Еще до принятия данного решения была восстановлена степень кандидата наук, которую не получали выпускники ИКП, но которая отныне становилась важным условием для получения возможности преподавания в вузах. После искоренения «буржуазного» знания специальный институт по воспитанию красных профессоров, являвшийся типичным учреждением переходного периода, стал не нужен, равно как Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова и Комакадемия, уже в 1936 г. объединенная с АН СССР. Однако не понятно, почему потребовалось ликвидировать ИКП именно в середине учебного года, хотя еще в сентябре 1937 г. в число слушателей было принято 240 студентов, а потребность в его выпускниках была чрезвычайно велика из-за прошедших массовых репрессий. Несколько месяцами позднее, 1 октября 1938 г., на совещании пропагандистов Сталин пояснил, что ИКП якобы выпускали неустойчивых, колеблющихся людей [25]. Мнение, высказанное Сталиным, по меньшей мере, на два десятилетия предопределило суть официальной партийной оценки ИКП и его выпускников, которая, однако, противоречила реальности.

Набор и состав студентов

Зачисление в студенты ИКП было связано с рядом требований: членство в партии, рекомендация от партийной организации высокого ранга, служба в партийных или советских органах, в Красной Армии или ЧК, в учреждениях высшего образования, подготовка реферата по выбранной самим теме в соответствии с профилем специальности, сдача трудоемких вступительных экзаменов по политической экономии, историческому материализму и истории. Именно поэтому при наборе слушателей в 1921 г. не оказалось достаточного числа коммунистов, соответствовавших принятым требованиям, и к приему были допущены лояльные к советской власти лица из числа беспартийных, а также члены Еврейской коммунистической партии в том случае, если ими

были проявлены незаурядные способности к преподавательской деятельности. Хотя в числе принятых в ИКП только пятеро не были членами партии, на них вскоре после начала занятий начались гонения со стороны студентов-коммунистов, которые уже на собрании, состоявшемся 10 декабря 1921 г., потребовали очистить институт от некоммунистических элементов [26]. Беспартийные студенты протестовали против исключения, так как официального запрета на их прием не было, и они вложили уже много труда в обучение. Они нашли поддержку у руководителей института. Оргбюро ЦК РКП(б) использовало эти дискуссии, чтобы, создав из представителей ЦК комиссию для проверки состава студенчества, разобраться в споре руководства института со студенческим партбюро. В феврале 1922 г. комиссия отчислила одиннадцать студентов. Среди них большую часть составляли беспартийные и исключенные из партии во время чисток студенты, но были и неуспевающие.

Из-за этих разногласий между ЦК и коммунистами-студентами в первые годы существования ИКП при наборе студентов была образована постоянная мандатная комиссия ЦК, которая проверяла всех претендентов на предмет выяснения их политической благонадежности. Несколько месяцами позже организации набора рабочих в слушатели ИКП было подтверждено, что способность к научной работе является необходимым, но не самыми важным условием при отборе студентов. Решающими факторами оказывались партийный стаж, рекомендации партийных комитетов правительственные учреждений или отделов ЦК. В то время как требования к уровню образования редко соблюдались, требования к партийности ужесточались. С 1922 г. беспартийные не принимались (им временно разрешалось лишь посещать лекции в качестве вольнослушателей). Необходимый для поступления в ИКП партийный стаж должен был вначале составлять не менее 3 лет, вскоре — 5 лет, в 1931 г. — 8, а в 1934 г. — даже 10 лет. В ИКП по истории партии стаж пребывания в партии увеличивался, соответственно, еще на 2 года.

В наборах первых лет в «икаписты» зачисляли прежде всего тех, кто доказал свою преданность советской власти активным участием в революции и гражданской войне. Они были опытными функционерами, работавшими в советских, партийных, ком-

сомольских и профсоюзных органах, включая самый высший их уровень (правительственные учреждения, ЦК, Реввоенсовет, ПУР), являлись делегатами партийных и комсомольских съездов и отличались чрезвычайной сознательностью и убежденностью. Жажда знаний, высокие политические цели и карьеристские соображения побуждали их учиться в ущерб своему здоровью так, что даже врачи небезосновательно высказывали опасения, что они станут не профессорами, а инвалидами [27]. У многих из них склонность к научной работе выявила еще до обучения благодаря публикациям, которые засчитывались как реферат при поступлении. Почти все они имели опыт агитационно-пропагандистской работы.

В первые три года по своему социальному происхождению 90% студентов ИКП были выходцами из служащих. Это, а также прежняя принадлежность значительной их части к другим социалистическим партиям (меньшевикам-интернационалистам, Бунду, левым эсерам и т. п.), заставляло партийное руководство относиться к ним с недоверием, называя их, по словам Покровского, «красно-желтой», а не «красной» профессурой. Ужесточение требований привело к уменьшению числа и претендентов, и тех, кто был зачислен слушателями на основные отделения, ежегодный прием на которые вплоть до 1927 г. составлял от 35 до 41 человека. Располагая таким контингентом студентов, не приходилось серьезно рассчитывать на подготовку преподавателей-марксистов для высшей школы.

Особые трудности возникали с набором студентов на Отделение естествознания, где от претендентов требовалось базовое высшее естественнонаучное образование (в объеме двух-трех курсов обучения на физико-математических факультетах университетов) и наличие педагогического опыта. В случае его отсутствия зачисление было условно до момента прохождения первой педагогической практики. С 1925 г. категорически требовалось завершенное естественнонаучное образование по какой-либо теоретической или прикладной дисциплине. Однако на практике это требование не выполнялось, так как не существовало дипломных работ. В первый год удалось набрать только 10 слушателей, из которых шестеро (И. И. Бугаев, В. П. Егоршин, Б. М. Гессен, А. А. Максимов, П. И. Валескалн, Б. Н. Выропаев)

были научными сотрудниками Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, а остальные были выпускниками или студентами МГУ в возрасте от 25 лет. Трое из них вступили в партию еще до 1917 г., а остальные — в период 1917—1920 гг.

Партийный стаж, пожалуй, был единственным пунктом, по которому они соответствовали критериям приема. Все они происходили из интеллигенции. Только половина из них имела законченное высшее образование. Уровень подготовки был настолько разным, что студенты сами предложили разделиться на низшую и высшую группу. Даже осенью 1926 г. семь студентов второго и третьего годов обучения все еще не имели законченного высшего образования. Для поступавших на это отделение требования были не столь жесткие: они не писали вступительный реферат, а экзамены по общественным наукам принимались в меньшем объеме. Они должны были выдержать испытания на знания теоретических вопросов естествознания и продемонстрировать способности критического анализа методологических оснований фундаментальных проблем избранной научной дисциплины, правильно с позиций материалистической диалектики понимать специфику опосредования категорий причинности, случайности, необходимости и целесообразности, прерывности и непрерывности в конкретных науках. Лишь с 1928 г. по предложению старосты Отделения естествознания для поступавших был установлен минимум требований к знанию естественнонаучной литературы, включавший труды М. Планка, К. А. Тимирязева, Г. Дриша, И. П. Павлова и др.

Однако и этим заниженным требованиям соответствовало мало претендентов. Из 23 человек, направленных на учебу в 1923 г., только 14 были допущены к экзаменам, а выдержала их только половина. В оценках подготовки принятых в первые годы обучения не раз подчеркивалась необходимость дополнительных знаний по марксистской методологии. В отличие от других отделений здесь не было выпускников коммунистических университетов, где отсутствовали естественнонаучные специальности, а среди выпускников естественнонаучных и медицинских факультетов университетов было мало членов партии. Для того чтобы расширить контингент абитуриентов, руководство ИКП направляло во все вузы, имевшие естественнонаучные специальности,

информацию об Отделении естествознания, а в парторганизации — письма с просьбой о помощи в наборе студентов. Но все было тщетно. За 1924—1929 гг. в число слушателей было принято только 40 человек; ежегодный прием составлял 5 человек. В 1929 г. на всех четырех курсах Отделения было только 23 слушателя. В этом же году была установлена особая стипендия для выдвиженцев, которые закончили, по меньшей мере, два курса естественнонаучных факультетов и должны были зачисляться в специальные группы для поступления на Отделение естествознания. Чтобы сделать для естествоиспытателей обучение в ИКП более привлекательным, его руководство просило ГУС уравнять слушателей ИКП при использовании ими лабораторий в научно-исследовательских институтах с их сотрудниками и аспирантами, чтобы «икапистам» засчитывался стаж работы в вузах.

Существовала и сильная диспропорция в распределении студентов этого отделения по естественным наукам. Медики и биологи явно преобладали, что обусловливалось их сильной ориентированностью на социальные проблемы и повышенным интересом к марксизму. Из 40 принятых до 1929 г. 19 человек были врачами, в большинстве своем практиками, а не теоретиками, 5 — биологами, 2 — агрономами, 2 — учителями биологии, по 5 было физиков и химиков и 2 были математиками. Большинство из них получили высшее образование до 1917 г. Рабоче-крестьянское происхождение было редкостью. В 1929 г. выходцы из рабочих составляли 8,4%, из крестьян — 4,1%, из служащих — 87,7%. Партийный стаж в среднем составлял 10,8 года. Большинство слушателей было старше 30 лет: 58, 3% — в возрасте от 30 до 35 лет, а 16,7% — даже старше 35. Уже один этот факт наглядно показывает, как тяжело было создавать столь необходимую властям новую интеллигенцию в области естествознания.

Значительные трудности с набором квалифицированных абитуриентов существовали и на других отделениях, хотя аналогичные специальности, как правило, преподавались и в партийных образовательных учреждениях. В качестве выхода предлагалось целенаправленно готовить рабочих к поступлению в ИКП через подготовительные отделения. Руководителям ЦК рабочие в силу их социального происхождения казались более надежными в политическом отношении, чем прежние студенты ИКП, ко-

торые показали относительную самостоятельность мышления во время партийной дискуссии в 1923—1924 гг., оказав большую поддержку позиции Л. Д. Троцкого [28].

На подготовительные отделения рабочие (в меньшей степени крестьяне) принимались с минимальным трехлетним партийным стажем, если они были не старше 27 лет, окончили рабфак или среднюю школу и имели опыт работы в массах. Для рабочих жесткость требований к партстажу и знаниям была не столь велика, благодаря чему происходила постепенная пролетаризация состава студентов ИКП. К 1931 г. они составляли 71% среди вновь принятых по сравнению с 6% в 1921 г. Среди выпускников увеличение доли выходцев из рабочих явно запаздывало по сравнению с приемом. Из-за слабой их подготовки колебания численности среди студентов пролетарского происхождения были большими, чем у выходцев из других социальных слоев. В 1930 г. только 26% выпускников были выходцами из рабочего класса, а из всех окончивших ИПК в период с 1924 по 1930 г. их доля составляла только 14%, из крестьян — 4%, в то время как из служащих происходило 82% выпускников [29]. Число выходцев из служащих оставалось относительно высоким и в последующие годы и даже вновь возросло в 1930-х гг. [30].

Преимущественный прием рабочих и крестьян сказался и на национальном составе студенчества ИКП [31]. В первые годы нет указаний, которые прямо или косвенно затрагивали национальность поступавших. В 1921 г. большую часть среди начинавших обучение составляли евреи (117 человек из 261), что объяснялось как их высокой революционной активностью, так и тягой к знаниям, неудовлетворенной в царской России из-за принадлежности к дискриминируемой в сфере образования национальной группе. В последующие годы их доля уменьшалась, но оставалась, однако, значительной (составляя между 1924 и 1929 гг. 103 из 341 среди вновь принятых студентов). Из-за относительно небольшого числа евреев среди рабочих их доля на подготовительном отделении была значительно меньшей, чем на основных. Из 394 человек, зачисленных в период с 1924 по 1929 г., только 38 были евреями. Начиная с 1926 г., когда первые выпускники подготовительного отделения стали переходить на основные отделения, там произошло резкое снижение доли студентов-евреев

на первом курсе. Она упала с 30,6% в 1925 г. до 19,7% в 1926 г. Здесь, видимо, сказалась и деятельность мандатной комиссии, отсеивавшей как не внушавших политического доверия бывших членов других социалистических партий, включая Бунд и иные еврейские рабочие организации.

В первые годы существования ИКП русских было на шесть человек меньше, чем евреев (111 из 261). Представителями других национальностей являлись 13 латышей, 4 украинца, 3 армянина, 3 поляка, по одному грузину, татарину, чувашу, турку, румыну, венгру, чеху и англичанину. В целом 57,1% составляли нерусские. С 1924 г. ситуация стала меняться. Большую часть среди студентов стали составлять этнические русские — 140 человек в 1924 г. по сравнению с 91 в 1921 г. Далее следовали украинцы и латыши, но их доля была очень незначительна. Латыши оказались четвертыми из-за особой роли латышских стрелков в гражданской войне. Во многих малых национальностях было тяжело найти выходцев из рабочего класса, так как его там практически не было. Приходилось принимать лиц крестьянского происхождения. Благодаря целенаправленной политике в 1924 г. удалось удвоить их долю на начальных курсах ИКП, доведя ее с 8,3 до 16,4%, а в 1926 г. поднять ее до 22,4%. Всего в ИКП обучались студенты 30 национальностей. В 1930-е гг. стали очевидны изменения в национальной политике, что сказалось и на национальном составе студентов ИКП. Доля русских постоянно возрастила. В 1930 г. их число превзошло 50%-ный рубеж, а в 1937 г. составило уже почти две трети — 64,7% [32].

Профessorско-преподавательский состав и обучение

В соответствии с первоначальной задачей ИКП — готовить марксистскую професссию — его руководители предпринимали громадные усилия, чтобы привлечь лучшие теоретические умы РКП(б) в качестве лекторов и руководителей семинаров. Они регулярно обращались в Оргбюро ЦК РКП(б) с просьбой дать партийные поручения для работы в ИКП тем коммунистам, которые были наиболее подготовлены с научной точки зрения и пользовались популярностью среди студентов, освободив их при

этом от других партийных заданий. Оргбюро, без решения которого никто не мог преподавать в ИКП, поддерживало далеко не все предложения, а утвержденные им руководители семинаров из-за загруженности другими поручениями чаще всего выполняли свои обязанности в ИКП лишь эпизодически. Меньшинство из них работало в качестве штатных сотрудников. Тем не менее многие из наиболее выдающихся советских марксистов постоянно или временно участвовали в воспитании красных профессоров. К ним относится прежде всего сам Покровский, который руководил всеми семинарами по различным темам русской истории. Семинарами по политической экономии и научной политики руководили Н. И. Бухарин, Л. Н. Крицман, Ю. Ларин (М. З. Лурье), Ю. Б. Мархлевский и Е. А. Преображенский, по ленинизму — Г. Е. Зиновьев и В. А. Быстрынский, по истории — Н. М. Лукин, К. Б. Радек, Д. Б. Рязанов, Ф. А. Ротштейн и В. П. Волгин, по истории партии — В. Г. Кнорин, В. И. Невский и В. М. Волин, по вопросам исторического материализма — В. В. Адоратский, И. И. Степанов-Скворцов, С. С. Кривцов и А. Д. Удальцов, по истории литературы — В. А. Десницкий, В. М. Фриче и А. В. Луначарский, по экономической географии — Н. Н. Баранский, а по государству и праву — Е. Б. Пашуканис.

Однако коммунисты, склонные к научно-преподавательской работе, редко могли трудиться в ИКП. Покровский сожалением отмечал в 1922 г., что «половина работавших на ниве воспитания будущих борцов за коммунизм в нашей школе — не коммунисты» [33]. Беспартийный экономист С. В. Членов в первые годы был даже его заместителем. Отбор беспартийных преподавателей осуществлялся особенно тщательно. Так, 13 сентября 1921 г. Оргбюро ЦК санкционировало прием на работу философов А. М. Деборина и Л. И. Аксельрода-Ортодокса, но отклонило предложение назначить В. А. Базарова (Руднева), переводчика «Капитала» К. Маркса, руководителем семинара по этому произведению [34]. Среди других беспартийных преподавателей ИКП встречаются имена известных литератороведов В. Е. Переверзева и Ф. П. Шиллера, философов В. Ф. Асмуса и А. А. Богданова, экономистов И. И. Рубина и И. А. Трахтенберга, историков П. И. Лященко, А. Е. Преснякова, Н. А. Рожкова, А. Н. Савина, Е. В. Тарле, О. Л. Вайнштейна и С. Н. Валка. Кроме того, бес-

партийные специалисты всегда составляли значительную часть лекторов и доцентов по вспомогательным дисциплинам: математике, статистике, палеографии и т. д.

Особенно трудно было найти преподавателей для Отделения естествознания. Сперва здесь трудились А. И. Варьаш и В. Л. Юринец. Оба были социал-демократами из Австро-Венгрии, философами с обширными познаниями в области естествознания. Варьаш руководил семинарами по истории философии, где с естественнонаучной точки зрения анализировались взгляды Декарта, Лейбница, Гоббса, Локка и Юма. Юринец сам был выпускником философского отделения ИКП, но ранее изучал в Вене и Берлине философию, математику и теоретическую физику и в 1914 г. получил степень доктора философии. Он вел на первом году обучения курс истории естествознания от первобытных времен до средневековья, а также курс истории техники в связи с развитием естествознания. Но так как в 1925 г. Юринец, вопреки просьбам студентов, был назначен преподавателем в Институт марксизма в Харькове, а Варьаш осенью 1926 г. был отстранен от работы со студентами как «неортодоксальный» марксист, то пришлось искать новых преподавателей для этого отделения. Семинар по истории естествознания и техники стал вести А. К. Тимирязев, который оказал существенное влияние на разработку его программы, а также И. К. Луппол и Я. Э. Стэн. Историю философии читали А. М. Деборин, Н. А. Карев и А. Я. Троцкий, который по просьбе студентов вел также семинар по ленинизму. В. Ф. Асмус знакомил слушателей с основными направлениями зарубежной и русской немарксистской философии. Все эти преподаватели должны были также демонстрировать тесную связь академических проблем, обсуждаемых на семинарах, с современной политической жизнью.

С проблемами современного естествознания «икапистов» знали А. М. Деборин, специалисты из МГУ и исследовательских институтов. Среди них был физиолог Б. М. Завадовский, химик Я. С. Пржеборовский, биологи М. Н. Шатерников, Н. К. Кольцов, Е. Ф. Лискун. В обсуждении рефератов на втором курсе участвовали также и другие крупные естествоиспытатели. Они давали отзывы о научной ценности докладов. С 1928 г. преподавание естественных наук стало переходить в руки вы-

пускников ИКП. Первыми среди них были А. А. Максимов и В. П. Егоршин. На следующий год к ним присоединился Б. М. Гессен. Максимов, будучи еще студентом, выполнял обязанности заместителя руководителя Отделения естествознания, возглавив его после окончания ИКП. Изменения преподавательского состава в Отделении естествознания отражали общую тенденцию. Начиная с 1924 г. участие беспартийных преподавателей в работе ИКП неуклонно уменьшалось, так как многие «икаписты» по завершении обучения замещали их. К 1928 г. они составили уже более половины профессорско-преподавательского состава. В середине 1930-х гг. в результате репрессий против профессоров-коммунистов число беспартийных преподавателей вновь резко увеличилось. Среди них появились, например, историки С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, М. В. Нечкина, П. Ф. Преображенский, В. С. Сергеев, В. В. Струве. В мае 1937 г. из 232 преподавателей ИКП 125 человек не были членами партии [35].

В 1920-е гг. учебный процесс в ИКП резко отличался от обучения и в обычных государственных вузах, и в партийных школах. В центре была научная работа студентов. Лекции читались редко, а главной формой работы были специализированные и исследовательские семинары, в рамках которых шла интенсивная коллективная работа преподавателей со студентами. Каждый год надо было пройти два семинара и соответственно представить два реферата, которые должны были базироваться на первоисточниках и носить исследовательский характер. Тематика семинаров часто строилась таким образом, что они были посвящены проблемам, еще не ставшим предметом специальных исследований в марксистской литературе. Различного рода юбилеи нередко становились поводом для дискуссий с «немарксистскими науками» или для политico-идеологической работы. К завершающей стадии обучения необходимо было написать работу, требования к которой приближались к диссертационным.

Вступительные рефераты, а также семинарские и квалификационные работы являлись основой для многочисленных публикаций слушателей ИКП, общий тон которых преимущественно определялся тематикой общественно-научных дискуссий, ведшихся в СССР в 1920-е гг. Публицистическая активность была

огромной. При этом студенты отнюдь не были простыми начетчиками. Своими работами они часто давали ориентиры ЦК ВКП(б). Поднимая новые темы, они не имели проблем с публикациями. К концу 1928 г. список книг и статей, опубликованных только слушателями и выпускниками исторического отделения ИКП, насчитывал 1011 названий. Их авторами значились 86 человек. До 1931 г. «икаписты» всех специальностей опубликовали в общей сложности свыше 1200 книг, а также 5000 статей и рецензий [36].

Подготовка публикаций требовала, чтобы студенты 3-го и 4-го курсов имели возможность выезжать за границу на несколько месяцев, иногда даже на более длительные сроки (до года), главным образом в Германию, Англию, Францию, Австрию и США. Работая в архивах и библиотеках, они устанавливали контакты со своими зарубежными коллегами, изучая одновременно реалии страны пребывания. До 1928 г. из 194 выпускников ИКП 45 человек (23,2%) смогли во время обучения поработать за границей. По этому показателю ИКП далеко опережал любые другие высшие учебные заведения [37]. К этому следует добавить и тех «икапистов», которые до или после своего обучения в ИКП выполняли за границей поручения Коммунистического Интернационала или СНК. Неудивительно, что изучение иностранных языков занимало важное место в учебных планах института, и его выпускники хорошо владели одним-двумя языками. Однако первоначально провозглашенная цель свободного владения тремя главными европейскими языками была достигнута лишь немногими слушателями.

Высокие требования к научному образованию, по выражению Покровского, были лишь самим собой разумеющимся минимумом, являясь естественной составной частью обучения в ИКП. Другим важнейшим компонентом была практическая агитационно-пропагандистская работа по заданиям ЦК и Московского горкома ВКП(б). На нее отводилось по меньшей мере восемь вечеров в месяц. Третьим компонентом была подготовка к преподавательской деятельности. Поскольку в ИКП не было непосредственного обучения педагогике, студенты самое позднее, чем со второго курса, должны были по меньшей мере в течение четырех недель в год вести семинары и читать лекции в госу-

дарственных университетах и вузах, коммунистических университетах, партийных школах и на рабфаках. При этом, с одной стороны, они приобретали педагогический опыт, а с другой — покрывали имевшийся дефицит преподавателей обязательного минимума по общественным наукам. Те же, кто попадал на практику в коммунистические университеты, где обучались трудящиеся из западных стран, могли одновременно усовершенствовать свои знания иностранных языков. По статистическим данным, педагогическая деятельность, как правило, занимала у студентов ИКП больше времени, чем планировалось, что наносило ущерб их научной деятельности и вело к задержке с подготовкой рефератов.

Доминировавшие в 1920-е гг. в ИКП методы обучения предполагали, что будущие профессора будут обладать глубокими специальными знаниями, по уровню которых они смогут превосходить своих коллег. Однако общий объем сведений по многим изучаемым дисциплинам был ограничен. Так, например, историки плохо знали события, свершившиеся до начала XVII в. С изменением социального состава студентов и неизбежно связанного с ним снижением уровня общеобразовательной подготовки (показательно, например, что стали встречаться проблемы со знанием русского языка) недостаточное знание общих основ предмета стало сказываться все сильнее. Выход из создавшегося положения пытались найти путем введения специальных курсов лекций, которые давали бы систематические знания предмета. Поскольку объем таких лекционных курсов постоянно увеличивался, а время обучения начиная с 1931 г. вновь было ограничено тремя годами, то это влекло за собой неизбежную задержку начала самостоятельной работы слушателей. Студенты за редчайшим исключением не имели времени для работы в архивах. Число опубликованных ими работ резко уменьшилось. Лишь немногие выпускники могли завершить работу над диссертациями. Публикация письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» в 1931 г. стала сигналом к началу кампании против преподавателей и слушателей ИКП, за которой вскоре последовали и репрессии, оказавшие вкупе с периодическими чистками негативное воздействие на научную продуктивность студентов [38].

Социализация, общественная работа и «академическая проверка»

В соответствии с элитарными целями ИКП его студенты и аспиранты в первое десятилетие существования Института находились в привилегированном положении по сравнению со студентами и даже аспирантами других вузов. В соответствии с решением СТО от 30 марта 1921 г. они обеспечивались питанием и одеждой как курсанты военных училищ. «Икаписты» получали очень большую стипендию, превышающую зарплату научных сотрудников, и жили в общежитии вместе со своими семьями. Они состояли на особом медицинском обслуживании и получали путевки для отдыха в санаториях, подведомственных Правительству и Комакадемии. В их распоряжении были библиотеки Института Маркса—Энгельса и Комакадемии. В силу своего особого положения они в первые годы на равных правах с другими инстанциями участвовали в управлении институтом. На своих общих собраниях они избирали на полугодичный срок двух представителей, которые вместе с ректором, завхозом и представителем профессорско-преподавательского корпуса образовывали коллегиальный орган управления Институтом. В дальнейшем студенческие представители входили также в руководство Института, советы Отделений, специальные комиссии кафедр и библиотеки, равно как и в другие управленческие органы, обладая при этом правом решающего голоса. Общим собранием студентов на шесть месяцев избиралось партбюро, которое получало директивы непосредственно от Агитпропа РКП(б) и оказывало влияние на все стороны жизни и управления ИКП, вплоть до выработки правил поведения в общежитии. По линии партийной работы партбюро было подотчетно также и Московскому горкому партии.

Элементарной структурой организации работы студентов был семинар. Избранные ими старосты образовывали совет, который обсуждал все вопросы учебных программ и повседневной жизни. Его авторитет был столь велик, что даже в случае несогласия с его решениями руководство института не могло их отменить. Когда число студентов увеличилось, стали выбираться студенческие деканы отделений, совет которых стал высшим

органом студенческого самоуправления, обсуждая и вопросы организации учебного процесса. В управлеченческих структурах разных уровней участвовали многие студенты, занявшие позднее важные посты в политических и научных органах.

Хотя с самого момента организации ИКП партбюро и существовало, однако в течение трех лет в Институте не было единой партийной организации, созданной для лучшего контроля над студентами и борьбы с их оппозиционностью. С дифференциацией ИКП в каждом институте создавались свои парторганизации, получавшие прямые директивы из горкома и ЦК. Руководители партии часто приезжали в Институт для встречи со студентами, многие из которых также были вхожи в ЦК. Письма в Оргбюро, Секретариат и отделы ЦК часто значились в повестке дня студенческих собраний. «Икаписты» воспринимали агитационно-пропагандистскую деятельность как средство мощного воздействия на партийную политику, активно участвовали во всех партийных дискуссиях 1920-х гг., отстаивая свои собственные взгляды. За исключением кратковременной поддержки троцкистов в конце 1923 г. подавляющее большинство студентов безоговорочно защищало линию ЦК. Это объяснялось, прежде всего, тем, что они были связаны с его структурами и привыкли рассматривать себя как его представителей. Студенты и выпускники ИКП привлекались к борьбе с оппозиционными течениями и к организации партийных чисток в Москве и других регионах СССР.

Тяжелым испытанием для «икапистов» в конце каждого года становилась оценка их политico-идеологической и научной деятельности. В долгих и острых дискуссиях участники семинаров вырабатывали характеристику, в которой оценивались объем работы, качество реферата, опубликованных книг и статей, позиция во время дискуссий в институте. Учитывались также оценки педагогической деятельности, отзывы партийных организаций, задания которых выполнял «икапист», и т. д. Принятая на семинаре характеристика далее рассматривалась советами старост, деканов, партбюро и руководством ИКП. В итоге решался вопрос о целесообразности продолжения учебы. По аналогии с партийными нормами эта процедура называлась «академической чисткой», или «академической проверкой». Сходство было не

только в названии, но и в целях: избавиться от ненадежных и неуправляемых, укрепить дисциплину в ИКП и иметь в будущем послушных исполнителей. Существовала и прямая связь между этими чистками. Исключение из партии автоматически вело к отчислению из ИКП.

Постоянные споры об оценках успеваемости и партийной работы отразились на всей атмосфере, царившей в ИКП, так как упрек в «идеологических ошибках» мог иметь печальные последствия для всей дальнейшей карьеры «икапистов», которые в качестве защиты использовали в свою очередь те же приемы идеологизированной риторики. В связи с партийным решением о «большевистской критике и самокритике» важность некоторых упущений и ошибочных решений по возможности принижалась, в то время как простым и незначительным ошибкам и слабостям придавалось большое значение, с использованием в ходе полемики самых резких слов и навешиванием политических ярлыков. При этом каждый участник таких обсуждений старался организовать свою защиту так, чтобы эффективнее обеспечить собственные интересы.

Отношение «икапистов» к собственным учителям

Студенты имели также право голоса при выборе руководителя семинара и при оценке их работы в конце года. Искренняя убежденность в том, что ИКП призван готовить новое поколение партийных руководителей, сильно сказывалась на поведении «икапистов» по отношению к своим учителям. Они ощущали себя более последовательными марксистами, лучше усвоившими ленинизм и правильнее понимавшими линию партии, чем их наставники. С середины 1920-х гг. «икаписты» регулярно выступали против них и на собраниях, и в прессе. Диапазон критики простирался от научных аргументов, выдвигавшихся во время семинарских дискуссий, до публичных политических обвинений в несоответствии линии партии, которые во многих случаях становились поводом для репрессий. Критики при этом все больше претендовали на обладание абсолютной истиной. Результатом обучения в условиях постоянных споров с «немарксистскими» и

«ревизионистскими» взглядами, мерилом истины все чаще становились безоговорочно воспринимаемые решения ЦК и речи Сталина. Научные споры неминуемо превращались при этом в обмен взаимными обвинениями и манипулирование идеологическими лозунгами. Победа оставалась за теми, кто приводил весомые аргументы в пользу того, что именно его позиция в наибольшей степени соответствует линии партии. Но торжество победителей отнюдь не было долгим. Часто случалось, что защитники партийной линии, одержавшие верх в споре с оппонентами, вскоре сами терпели поражение, не сумев достаточно быстро уловить постоянные изменения ориентиров на партийном Олимпе.

«Икалисты», занимавшиеся общественными науками, играли активную роль в критике своих учителей, потерпевших поражение во время внутрипартийных дискуссий, а также тех, кто становился объектом сталинских нападок, поводом для которых в немалой степени становился их большой авторитет среди слушателей ИКП (примером тому Бухарин, Деборин, Преображенский, Рязанов, Рубин, Переверзев и даже умерший Покровский). «Икалисты» в этих идеологических кампаниях использовались в качестве «штурмовых» отрядов. Так произошло 9 декабря 1930 г., когда Stalin во время беседы в партбюро ИКП, использовав выражение «меньшевистующие идеалисты», указал направление политической атаки против многолетнего руководителя Отделения философии ИКП А. М. Деборина и его учеников Б. М. Гессена, С. Л. Гоникмана, Н. А. Карева, И. К. Луппола, Я. Э. Стэна, Г. С. Тымянского и др. Юные выпускники ИКП по философии М. Б. Митин, П. Ф. Юдин, Ф. В. Константинов и М. Д. Каммари, которым к началу 1930-х гг. было не более 30 лет, сделали головокружительную карьеру, безоговорочно поддержав это указание партийного вождя.

Еще во время обучения «икапистам» поручали готовить критические рецензии на научные труды их учителей с целью доказательства их идеологических и политических ошибок. После письма Сталина в журнал «Пролетарская революция» была создана бригада, которая за полгода опубликовала 14 статей и рецензий [39]. По существу, оценка трудов своих учителей означала для «икапистов» суждение о важной стороне своего обучения в ИКП. Объективные оценки были очень опасны. Их

часто побуждали выступать против собственных ранее опубликованных трудов, как это случилось, например, с А. М. Панкратовой, М. В. Нечкиной, Д. А. Баевским, А. Л. Сидоровым и А. В. Шестаковым [40].

Выпускники ИКП и их деятельность

За годы своего существования ИКП выпустил примерно 2500 человек, из них 334 до 1930 г. Они входили в состав номенклатуры, поэтому их назначение централизованно регулировалось решениями Оргбюро ЦК ВКП(б), часто вопреки желаниям самих «икапистов». Полученная во время обучения специальность редко принималась во внимание. Так, несмотря на отсутствие марксистских специалистов по медиевистике, Б. Н. Тихонов, один из немногих получивших образование по средневековью и архивистике, был послан в Алма-Ату, хотя там не было ни архива, ни библиотек для продолжения его исследований. В результате решений Оргбюро в конце 1920—первой половине 1930-х гг. многие «икаписты» были назначены на руководящие должности в вузы и научные учреждения, в экономику, культуру, печать, в государственные и партийные органы. Многие работали за рубежом в посольствах СССР или по заданиям Исполкома Коминтерна. Выпускники ИКП И. М. Беспалов, В. Я. Кирпотин, А. С. Щербаков, С. П. Щипачев, А. А. Сурков, Х. Хупперт заняли руководящие должности в Союзе писателей СССР, а С. С. Муханов — в его Казахском отделении. «Икаписты» работали секретарями наркомов, членов Политбюро, секретарей ЦК, возглавляли многие отделы ЦК, и прежде всего Агитпроп, который за вычетом нескольких лет с 1930-х до середины 1960-х контролировался ими: А. И. Стецкий (1930—1938), М. А. Суслов (1947), Д. Т. Шепилов (1948—1952), Ф. В. Константинов (1955—1958) и Л. Ф. Ильичев (1958—1965). Б. Н. Пономарев с 1965 до 1986 г. руководил Международным отделом ЦК КПСС.

Лишь меньшая часть из них трудилась как «красные профессора» в подлинном смысле этого слова. Из 96 выпускников, находившихся в 1929 г. в Москве, таковых было только 46 [41]. Особенно много их было в Комакадемии. Среди 37 кандидатов в

действительные члены Комакадемии, баллотировавшихся на выборах в 1930 г., 17 были выпускниками ИКП, а из 24 кандидатов в члены-корреспонденты — 15, то есть больше половины [42]. Во всех институтах Комакадемии, включая и ее Ленинградское отделение (ЛОКА), все заместители директоров и ученые секретари были «икапистами». В мае 1935 г. в Институте истории их было 15 из 24 научных сотрудников, в Институте философии, соответственно, 20 из 28, а в ЛОКА — 32 из 52. Они доминировали в президиумах различных марксистских научных обществ и задавали тон в редакциях научно-общественных журналов.

Наибольшей концентрации выпускников ИКП была в Москве, а затем в Ленинграде. Некоторые работали на руководящих постах в академиях союзных республик: например, генетик И. И. Агол был ученым секретарем АН УССР, а генетик А. Р. Жебрак с мая по октябрь 1947 г. возглавлял АН БССР. Несмотря на постоянные решения о направлении «икапистов» в регионы и союзные республики, к началу 1929 г. из 192 выпускников 96 жили в Москве, 26 — в Ленинграде, на Украине — 10, в Закавказье — 8, на Урале — 6, в Белоруссии, Саратове и Казани — по 4, в Сибири — 3, в Нижнем Новгороде — 2 [43]. Выпускники изыскивали разные способы, чтобы остаться в Москве или поскорее вернуться туда после распределения в провинцию, что воспринималось всеми как наказание.

К началу 1930-х гг. «икаписты» заняли видные позиции во многих сферах и способствовали утверждению сталинского режима. Однако с середины этого десятилетия многие из них стали его жертвами. Более того, «красные профессора» относятся к тем группам советского общества, по которым «маховик» сталинских репрессий прошелся особенно сильно. Из 52 «икапистов» первого выпуска 42 были репрессированы, из них выжили только 7. Пик репрессий пришелся на конец 1936 г.—сентябрь 1937 г. Пять из восьми ИКП в Москве потеряли своих директоров, а ИКП по истории даже дважды (Т. М. Дубиня, В. И. Сеймал, И. В. Лаптев, С. С. Динамов, В. Г. Кнорин, Я. Л. Берман). Та же судьба постигла и многих заместителей директоров и ученых секретарей, профессоров, руководителей семинаров, видных деятелей Комакадемии и выпускников ИКП. Так, две трети из 200 историков, получивших образование в ИКП, подверглись

тем или иным репрессиям вплоть до заключения в лагеря и расстрелов. Не только обществоведы, но и «икаписты» Отделения естествознания пали жертвами репрессий. Среди них генетики — И. И. Агол и В. Н. Слепков, физики — Б. М. Гессен и Л. М. Рубановский, медики — Р. Э. Яксон, Н. Н. Никитин, И. С. Сурта и Я. М. Урановский, химик Я. П. Шлензер.

На первый взгляд физическое уничтожение убежденных марксистов — «красных профессоров», сыгравших важную роль в вытеснении буржуазных ученых и утверждении сталинской науки, кажется бессмысленным и хаотичным. Однако внимательное изучение списка жертв и их биографий позволяет уловить некоторые тенденции. Если учесть, что среди первых наборов «икапистов» было немало бывших членов иных социалистических партий, что большинство студентов в дискуссии 1923 г. поддержали Троцкого, а многие из «икапистов» тех лет были учениками Бухарина, Преображенского, Радека, то становится понятно, почему больше всего пострадали те, кто стал студентами ИКП в 1921 г., и вообще «икаписты» набора 1920-х гг. Учеников Бухарина стали критиковать с конца 1929 г. В 1932 г. начались их аресты, а между 1936 и 1941 гг. все они за исключением троих человек были уничтожены. Из школы Деборина выжил только он. В числе погибших — И. И. Агол, Б. М. Гессен, В. Н. Слепков, Н. А. Карев, С. Л. Гоникман, Г. С. Тымянский и др. Та же участь постигла и учеников экономиста И. И. Рубина и литературоведа П. Ф. Переверзева. Хотя многие ученики Покровского позднее активно критиковали его взгляды, их прежняя преданность ему и активное участие в его семинарах не были забыты. Не случаен и большой процент среди репрессированных тех, кто выезжал за границу по делам Коминтерна, для подготовки дипломов и т. д., а также «икапистов» польской, немецкой и латышской национальности, как и тех, кто занимал видные посты в научных учреждениях и вузах, партийных и советских органах. Репрессии против них открывали путь к карьере новому поколению сталинских выдвиженцев, а оставшимся на свободе «икапистам» они служили предупреждением не забывать о том, кто открыл им путь к этой карьере.

Тerror середины 1930-х гг. означал глубокий перелом не только в жизни репрессированных «красных профессоров». Не-

которые из «икапистов» прямо участвовали в сталинском терроре и подготовке арестов. Здесь прежде всего следует назвать Л. З. Мехлиса, ставшего в 1937 г. начальником Главного политического управления и заместителем наркома обороны, в 1938 г. — членом Оргбюро ЦК ВКП(б), а позднее заместителем председателя СНК и наркомом Госконтроля СССР. Небольшая группа «икапистов» активно способствовала организации сталинского террора, обеспечивая идеологический климат для репрессий. В их числе были философы М. Д. Каммари, Б. М. Митин, П. Ф. Юдин, возглавлявшие в разгар репрессий философские институты и журналы [44]. Террор обеспечил быстрое выдвижение на вакантные места в руководстве партией и АН СССР М. А. Суслова, Б. Н. Пономарева, П. Н. Поспелова, Л. Ф. Ильичева, А. Я. Пельше, Б. М. Кедрова и И. И. Минца, деятельность которых особенно сильно сказывалась с 1950-х гг. на всей политico-идеологической атмосфере в СССР.

Правда, академические звания и самые высокие посты не гарантировали выживание. Это трагически показали судьбы членов ЦК А. И. Стецкого и Н. А. Вознесенского, кандидата в члены ЦК А. И. Угарова и академика И. К. Лупплода, членов-корреспондентов Б. М. Гессена и С. Г. Томсинского. В общей сложности 20 «икапистов» в разные времена были членами и кандидатами в члены ЦК КПСС. С 1927 по 1989 г. по меньшей мере один «икапист» находился в составе ЦК. В этом отношении наиболее «урожайным» был XX съезд КПСС, избравший в состав ЦК КПСС Я. Е. Калнберзина, И. Г. Кебина, М. Б. Митина, А. М. Панкратову, Б. Н. Пономарева, П. Н. Поспелова, Д. Т. Шепилова, М. А. Суслова и П. Ф. Юдина, а Ф. В. Константинова, А. А. Суркова — кандидатами в члены ЦК. «Икаписты» И. Г. Кебин, Я. Е. Калнберзин и А. Н. Егоров в 1950-х гг. возглавляли партийные организации Эстонии, Латвии и Карело-Финской республики. М. А. Суслов (1949—1953, 1955—1982), Б. Н. Пономарев (1961—1986) вместе с другим «икапистом» А. Я. Пельше (1966—1983) в течение нескольких десятилетий составляли в Политбюро ЦК КПСС его ортодоксальный костяк, оказывая определяющее влияние на идеологию и научную политику. Многие из зарубежных выпускников ИКП играли важную роль в политике и науке ГДР, Болгарии, Венгрии и Польши.

Среди «икапистов» 10 стали действительными членами и 13 — членами-корреспондентами АН СССР, в основном по отделениям философии и истории. Многие были директорами институтов, заведующими кафедрами и деканами прежде всего в МГУ, МПГИ, АОН, президентами научных обществ, руководителями научных советов и комиссий, редакторами специальных журналов, играя существенную роль в развитии науки в СССР, нередко представляя ее за рубежом на международных конгрессах. В середине 1950-х гг. к научной деятельности вернулись после многолетнего заключения историки В. М. Далин, С. М. Дубровский, В. В. Граве, А. Г. Крымов, С. А. Лотте, М. А. Рубач, А. П. Таняев, философы Л. А. Маньковский и Е. П. Ситковский, для чего они должны были преодолеть многие препятствия.

Свыше 60 лет «икаписты» играли существенную роль в СССР, наложив свой отпечаток на все сферы жизни советского общества. Они всегда были преданы партии, не сомневались в правильности ее решений и в этом отношении оправдали ожидания основателей ИКП. Некоторые оставили след не только в советской, но и в мировой науке, вклад в которую, возможно, был бы большим, если бы самые талантливые из них не погибли, а другие не вынуждены были вести жизнь приспособленцев. Как сознательные представители красной интеллигенции они способствовали созданию атмосферы нетерпимости к инакомыслящим и абсолютной веры в безгрешность партии, стараясь воспитать в этом духе и своих учеников. Многие из них сами на себе испытали пагубность выработанных ими методов научных дискуссий.

По сути дела среди «икапистов» было два поколения. Поколение 1920-х гг., мыслящее творчески и оригинально, большей частью было уничтожено или сломлено во время «большого террора». Поколение 1930-х гг. вместе с выжившими «икапистами» 1920-х гг. поддержало как хрущевский реформаторский курс, так и «застой» 1960—1970-х гг., к началу «перестройки» они сошли со сцены; самые молодые из них были 1908 г. рождения.

1. Луначарский А. Проблемы народного образования: Сб. статей. М., 1925. С. 88.

2. Каганович Л. За большевистское изучение истории партии: Речь на собрании, посвященном 10-летию ИКП // Партийное строительство. 1931. № 24. С. 1—12.
3. Авербах Л. С кем и почему мы боремся. М.: Л., 1930. С. 4.
4. Рязанов Д. В редакцию «Правды». 2 февраля 1931 г. // Вестник РАН. 1993. Т. 63. С. 1041.
5. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 127.
6. Козлова Л. А. Институт Красной Профессуры (1921—1938 годы): Историографический очерк // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 96—112; David-Fox M. Political Culture, Purges and Proletarianization at the Institute of Red Professors. 1921—1929 // The Russian Review. 1993. Vol. 52. P. 20—42; *idem*. Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks. Ithaca; London, 1997; Behrendt L.-D. Die Institute der Roten Professur: Kaderschmieden der sowjetischen Parteiintelligenz (1921—1938) // Jb. für Geschichte Osteuropas. 1997. Bd. 45. Н. 4. S. 597—621.
7. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 502. Л. 21.
8. Там же. Д. 60. Л. 21.
9. Первое партийное совещание по вопросам народного образования (декабрь 1920—январь 1921 гг.) // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. 3-е изд. М.: Л., 1932. С. 355.
10. Декреты советской власти. М., 1989. Т. 13. С. 63.
11. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 60. Л. 23.
12. Там же. Д. 65. Л. 9.
13. Там же. Оп. 50. Д. 502. Л. 21.
14. Стецкий А. И. Об институтах красной профессуры // Большевик. 1935. № 23-24. С. 49—60.
15. Попов К. А. Доклад о работе учебной части // Исторический архив. 1958. № 6. С. 78—83.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 138. Л. 1—5.
17. Положение о подготовительных курсах ИКП, утвержденное Оргбюро ЦК РКП(б) 25 июля 1924 г. // Правда. 1924. 14 авг. С. 8.
18. АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 20. Л. 180—187.
19. Колчинский Э. И. В поисках советского «союза» философии и биологии. СПб., 1999. С. 205—206.
20. Из 18 аспирантов биологических институтов в ИКП было переведено 4, из 6 аспирантов секции психотехники — 2, из 19 аспирантов Института высшей нервной деятельности — 2, из 5 аспирантов других институтов — 4 (АРАН. Ф. 364. Оп. 1. Д. 3. Л. 64—69).
21. РЦХИДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 33. Л. 73 об.
22. Культурное строительство в СССР в цифрах от VI к VII съезду Советов (1930—1934 гг.). М., 1935. С. 39; Культурное строительство СССР. 1935. М., 1936. С. 69; ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 2401. Л. 4.
23. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (РГБ ОР). Ф. 797. Карт. 10. Д. 18. Л. 15.

24. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 12. Д. 848. Л. 2.
25. Стенограмма выступления И. В. Сталина на Совещании пропагандистов 1 октября 1938 г. // Ист. архив. 1994. № 5. С. 27.
26. Центральный архив общественных движений города Москвы (ЦАОДМ). Ф. 474. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.
27. Институт Красной профессуры (беседа с тов. Покровским) // Свердловец. 1923. № 4. С. 31—32.
28. Резолюция общего собрания коммунистов ИКП, принятая большинством 83 против 47 голосов 16 декабря с. г. // Правда. 1923. 19 дек. С. 5.
29. АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 24. Л. 30.
30. В мае 1937 г. был следующий процентный состав среди студентов ИКП: из служащих — 35,83%, из рабочих — 31,68%, из крестьян — 30,07% и прочих — 2,42% (ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 1401. Л. 4).
31. Там же. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 137. Л. 26—82; АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 20. Л. 45—46.
32. Там же. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 2401. Л. 4.
33. *Pokrowski M. Das Institut der Roten Professur (zum ersten Jahrestag)* // Russische Korrespondenz. 1922. N 3. S. 815.
34. РЦХИДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.
35. ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 2401. Л. 8.
36. Известия. 1931. 1 дек.
37. Докладная записка ректора ИКП М. Н. Покровского в секретариат ЦК ВКП(б) об итогах работы института за 1921—1928 гг. // Ист. архив. 1958. № 6. С. 87.
38. Дунаевский В. А. О письме Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и воздействии на науку и судьбы людей // История и сталинизм. М., 1991. С. 284—297.
39. ЦАОДМ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 24. Л. 107—115.
40. Так, один из главных критиков Покровского в середине 30-х гг. писала ему 26 октября 1928 г.: «Годы работы под Вашим руководством в ИКП дали мне неизвестно много» (Архив Музея революции (AMP). Ф. 48. № 31642/324).
41. Покровский М. Н. Последняя речь // Памяти Михаила Николаевича Покровского (1868—1932). М., 1932. С. 53—77.
42. РГБ ОР. Ф. 369. Карт. 98. Д. 2. Л. 6—8.
- 43 АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 24. Л. 33.
44. Behrendt L.-D. Der Nachlass der Roten Kaderschmiede: Die Lebensläufe der Absolventen des Instituts der Roten Professur // Im Deschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / Hg. D. Beyrau. Göttingen, 2000. S. 162.

СТАНОВЛЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЙНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТРОГРАДСКОГО (ЛЕНИНГРАДСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА

Регламентация внутреннего распорядка деятельности Ленинградского университета (как и всей системы народного образования), научной работы и преподавания проводилась коммунистической партией настойчиво и целенаправленно в течение всех лет советской власти. В разное время на первый план выдвигались различные главенствующие позиции — в зависимости от положения в стране и внешнеполитической ситуации. В деле укрепления власти коммунистической партии высшая школа занимала особое место, обеспечивая высококвалифицированными работниками все области народного хозяйства, управления, науки, культуры. Этическая, нравственная, политическая ориентация этих специалистов, их отношения с новой властью могли определить степень ее прочности, характер и особенности развития, взаимодействия со всеми группами населения и места в международном сообществе.

Органы власти интенсивно создавали формы регламентации состава учащихся и учащих, методов руководства, содержания преподавания и научных исследований [1]. Первым актом в процессе наступления на сложившуюся структуру высшего образования было правительственные (август 1918 г.) постановление о неограниченном допуске в вузы всех желающих, сопутствующим указанием председателя Совнаркома В. И. Ленина о

преимущественном приеме (если нет возможности принять всех) представителей пролетариата и беднейшего крестьянства [2]. Это был безусловно политический, пропагандистский акт, долженствовавший наглядно, красноречиво продемонстрировать социальную направленность советской власти, ее стремление всеми способами защищать интересы наименее обеспеченной, материально обделенной, лишенной возможности полноценного интеллектуального развития части населения, добывавшей средства к существованию тяжелым физическим трудом.

Для высшей школы правительственные предписания, обязательное к немедленному и буквальному исполнению, было резким вмешательством в ее внутренний распорядок, знаком пренебрежения авторитетом руководивших ею ученых и педагогов. С еще большей определенностью на это указывала законодательная отмена в октябре 1918 г. ученых степеней и званий [3]. Был взят курс на полное обновление состава профессоров и преподавателей, замену прежних новыми, верными и новой власти, и коммунистическим догмам, но в действительности осуществить это было гораздо сложнее, чем сменить студенческий состав. Кратковременным (не более года) было существование инициированного коммунистами искусственного объединения — «группы красной профессуры» ПГУ (весна 1921 г.) — под девизом «свободная наука возможна лишь при диктатуре пролетариата» [4]. Не стала авторитетным сообществом и «группа левой профессуры» (1921—1923), провозгласившая своей главной целью «работу рука об руку с советской властью» [5]. Основная масса профессоров, преподавателей, научных работников осталась в стороне от этих объединений.

Стремясь избежать репрессивных санкций, администрация высших учебных заведений пыталась путем компромиссных решений искать способ просуществовать в сложной ситуации, не допускать окончательной дезорганизации и без того расшатанного за годы войны и революции учебного процесса. В сентябре 1918 г. правление Первого Петроградского государственного университета (I ПГУ) (до 1914 г. и после 1992 г. — Санкт-Петербургский университет; в 1924—1992 гг. — Ленинградский университет) рассматривало пути выполнения правительенного постановления: допустить к слушанию лекций всех, подав-

ших заявления, но предупредить их, что для успешного усвоения материала они должны иметь познания в объеме средней школы, а слушатели гуманитарных факультетов — владеть латынью. Специальные проверки (как условие допуска к практическим занятиям) предусматривались на физико-математическом факультете [6]. Попытки обходить или хотя бы корректировать распоряжения центральной власти пресекались местной. Так, коллегия отдела высших ученых учреждений и высших ученых учреждений Комисариата народного просвещения Союза коммун Северной области (СКСО) 29 ноября 1918 г. подтвердила требование о недопущении проверочных коллоквиумов при зачислении в вузы [7]. Таким образом, полностью отвергались отрабатывавшиеся в дореволюционные годы рациональные методы набора в различные высшие учебные заведения (применительно к конкретным условиям): конкурсные экзамены, конкурсы аттестатов и т. д.

Коммунистическое партийное руководство страны последовательно стремилось побыстрее наполнить вузы рабочими и крестьянами, и в первую очередь — теми из них, которые делом подтвердили свою преданность новой власти: вступили в РКП(б), комсомол, служили в Красной Армии и т. п. Подготовка их к освоению научных дисциплин велась на специально создавшихся с 1919 г. рабочих факультетах, куда принимались лица физического труда, не получившие систематического образования, владевшие лишь элементарной грамотностью [8]. Для реализации данного им права на высшее образование они получали материальную поддержку государства, общежития и стипендии. Рабфаковцы сознавали, что «рабочий факультет в те времена был активным проводником в университете политических мероприятий партии и советской власти», а потому вели себя и держались соответственно — активно, наступательно [9].

Жесткое деление общества на противостоящие классы — собственников, эксплуататоров, с одной стороны, и трудащихся (которыми безоговорочно считались только занимавшиеся физическим трудом) — с другой — было краеугольным камнем советской политической системы; даже исчезновение когорты крупных собственников, предпринимателей, торговцев, банкиров и т. д. не сняло с повестки дня проблему фиксации социаль-

ного происхождения советского гражданина и, соответственно, допущения его к учебе, работе и т. д. [10].

К середине 1920-х гг. система классового принципа формирования состава студенчества дала желаемые результаты: рабоче-крестьянское пополнение стало ядром быстро выросшей коммунистической партийной организации Ленинградского университета, которая стала реальной силой, жестко определявшей общую атмосферу в вузе. Укреплению ее влияния на все стороны деятельности университета способствовало принятное правительством «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» 1921 г. (новая редакция — 1922 г.): практически это был устав высших учебных заведений, расширявший возможности вмешательства государственных учреждений и общественных организаций в дела вузов. Исключительное право «производить изменения высших учебных заведений как в организации, так и в личном составе» предоставлялось Наркомпросу. Созданные согласно уставу советы вузов — «...для направления всей работы высших учебных заведений и контроля» — должны были состоять не только из представителей профессуры, преподавателей и студентов, в них надлежало включать посланцев от местных губисполкомов, отделов исполнкомов, наркоматов, профессиональных союзов. Более того — представители Губисполкома и его отделов имели право контролировать деятельность вузов, «...а в случае замеченных неправильностей обращаться в Наркомпрос [11]. Таким образом был законодательно зафиксирован безусловный, окончательный запрет на идею автономии высшей школы — вопреки многолетним желаниям, щетным стараниям и старой профессуры, и старого студенчества.

Согласованные, четко организованные меры, направленные на усиление отряда коммунистов в университете, очень скоро дали ожидаемые плоды. В апреле 1921 г. в коллективе РКП(б) ПГУ было 54 человека (сюда относились и 16 комсомольцев), менее чем через два года в университетской партийной организации состоял 331 человек, а в январе 1928 г. — 566 [12]. Укрепляя базу своего влияния в университете, партийные активисты интересовались более социальными характеристиками учащихся и преподавателей, чем сугубо академическими делами. Члены коммунистической и комсомольской организаций университета занима-

лись выяснением родственных и дружественных связей своих однокашников подчас куда интенсивнее, чем собственно учебой, решая первоочередную политическую задачу — очищение университета от так называемого чуждого элемента, которого (как констатировало бюро коллектива РКП(б) ЛГУ в мае 1924 г.) все еще было много в среде преподавателей [13].

Жестко фиксируя свое отношение к происходившим в стране сложнейшим экономическим и внутриполитическим процессам, собрание коммунистов и комсомольцев университета в июле 1924 г. категорически отвергло идею развития частного предпринимательства и торговли, записав в своем постановлении: «Ни одной копейки частному торговцу» [14]. В протоколе общего собрания коллектива РКП(б) ЛГУ (1 октября 1924 г.) одобрялась «твёрдая классовая линия», проводившаяся приемной комиссией, а также осуществлявшаяся в этом году общая чистка состава студенчества «по академической и социальной линиям» [15]. В среде учащихся исключительным правом на материальную поддержку — стипендии — пользовались рабоче-крестьянская молодежь, и, конечно, в первую очередь коммунисты и комсомольцы.

В годичном обзоре состояния вузов и школ Ленинграда, составленном органами ОГПУ в феврале 1925 г., утверждалось, что «из самой массы студенчества появились требования пересмотреть социальный состав студенчества» [16]; очевидно, что эти требования могли исходить от рабоче-крестьянской, коммунистической части учащихся. В том же отчете отмечалось, что чистка повлияла не только на студенчество, состав которого «стал более однородным и сплоченным», но и на его наставников, ибо она «запугала значительную часть отсталой интеллигенции». В итоге университет стал «подлинно пролетарским университетом», способным теперь «выпускать работников, могущих помочь рабочему классу идти по ленинскому пути» — так было записано в протоколе собрания членов коллектива РКП(б) и коллектива ВЛКСМ с рабочими, работниками, студентами ЛГУ 21 января 1925 г. [17].

Однако менее чем через месяц, 9 февраля, один из выступавших на общем собрании коллектива РКП(б) ЛГУ, характеризуя условия работы коммунистов, сказал, что «приходится иметь

дело с идеологически чуждой профессурой и враждебным студенчеством». Там же секретарь коллектива, разъясняя указания ЦК РКП(б), согласно которым руководящая роль в вузе должна принадлежать партийным организациям, заявил: «...наша организация ценится, и все ее директивы выполняются правлением университета», и призвал собрание «усилить работу коммунистов», оказывать «давление на правление университета» [18]. В тот же день ситуация в высших учебных заведениях и научных учреждениях обсуждалась на заседании агитколлектива Василеостровского райкома РКП(б) (в ведении которого был ЛГУ). Резолюция заседания фиксировала внимание к недочетам «в области проведения партийления на профессуру и особенно на научных работников» [19]. Осенью того же года в годовом отчете бюро университетской партийной организации отмечалась активная работа коммунистов в правлении университета [20]. Работа эта в правлении, во всех подразделениях университета велась предельно настойчиво и наступательно, о чем свидетельствует постановление бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ по итогам перевыборов правления университета 9 марта 1926 г. Члены бюро возмущались попытками профессуры выступить в ходе выборов со своим списком («ни с кем не согласованным»), что квалифицировалось как «безусловно политическое выступление», причем хорошо организованное [21].

Кардинальные перемены в деле формирования студенческого коллектива были первым шагом на пути включения высшей школы в советскую политическую систему. За этим последовало вмешательство центральной власти, ее коммунистического руководства непосредственно в область преподавания и научных исследований. По решению правительства с конца 1920 г. происходит пересмотр учебных планов, программ и методов преподавания в высшей школе. В марте 1921 г. декретом Совнаркома устанавливается общий научный минимум (перечень предметов), обязательный для преподавания в вузах страны, в их числе: исторический материализм, история пролетарской революции, политический строй РСФСР, план электрификации РСФСР и др. [22]. Из учебных планов исключается ряд специальных дисциплин, в первую очередь из области истории, юриспруденции, права. Одновременно начинается ускоренная подготовка новых,

марксистски ориентированных кадров преподавателей в институтах красной профессуры.

Средством перевода университета на советские рельсы, наряду с качественной сменой состава учащихся, стали неоднократные реорганизации его структуры. В их числе — создание рабочего факультета, приравненного в итоге активных наступательных действий коммунистов по своему статусу к основным, слияние с другими высшими учебными заведениями города в ходе так называемого упорядочения сети вузов в целях экономии средств. Принципиальное значение в новых условиях предметов гуманитарного цикла было обозначено ликвидацией в 1918 г. в Московском и Петроградском университетах юридических факультетов и исторических отделений и созданием вместо них факультетов общественных наук (ФОН). Одновременно менялись учебные планы, новая структура обеспечивала возможность пересмотреть и состав преподавателей.

Политизация всей системы образования, принудительная переориентировка всех областей знания на ограниченную материалистическую базу, внедрение основ марксистской теории (в интерпретации коммунистического руководства страны) пришли на подготовленный фундамент в виде быстро растущего «ценного элемента» студенчества — рабоче-крестьянскую молодежь, коммунистов и комсомольцев. Не имея прочного базового образования, они нередко были нацелены на негативное отношение к «буржуазной науке», «буржуазной профессуре», на всеобщие незамедлительные революционные перестройки. К своим наставникам они зачастую относились критически, проверяя их именно сквозь призму заученной на кратких агитационно-пропагандистских курсах, в кружках и политшколах теории классовой борьбы. Одна выпускница университета с гордостью вспоминала, как в самом начале 1920-х гг. на собрании студентов ФОНа «срезала» профессора М. Д. Приселкова, сетовавшего на незнание новобранцами ПГУ других языков — и древних, и современных. В качестве одного из способов учения профессор порекомендовал слушателям параллельное чтение Евангелия на греческом, латыни, европейских языках. Мемуаристка не замедлила «откорректировать» профессора, призвав аудиторию читать не Евангелие, а «Коммунистический манифест». Другой stu-

дент ФОНа, К. Г. Шариков (впоследствии — директор Института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС), рассказывал с удовлетворением, как тогда же воспринимал лекцию И. М. Грэвса, известного историка, глубоко уважаемого коллегами и любимого многочисленными учениками: «...чувствую, что лектор очень тонко и хитро, с помощью софистических приемов, пытается ниспровергнуть материализм и противопоставить ему идеализм...» [23]. Однако значительная часть студенчества принимала открывшиеся ей интеллектуальные богатства как бесценный дар, стремилась приобщиться к ним, овладеть знаниями, не жалея ни сил, ни времени.

Отношения учащих и нового потока учащихся были непростыми: одних раздражали дурные манеры, недостаточные, обрывочные знания молодежи, других — высокомерие (подчас, возможно, мнимое) отдельных преподавателей. Причем первые не могли не отдавать должное настойчивости, упорству учеников, вторые — богатству, уникальности знаний и опыта своих наставников. Последним приходилось или приспособливаться к новой, непривычной аудитории, или отстраняться от преподавания.

Не осталась без внимания и организация учебных занятий. В начале 1920-х гг. была объявлена устаревшей традиционная система лекций, семинаров, зачетов, экзаменов и рекомендован как обязательный так называемый Дальтон-план, или лабораторный метод, предписывавший перенесение центра тяжести на самостоятельную работу студенческих групп по определенным заданиям. Пропагандировавшийся как средство активизации учащихся, этот метод в советских условиях означал снижение роли и влияния преподавателя, низведение его до формального координатора, реализующего полученные сверху инструкции, методики, разработки и т. д. Дальтон-план логично вписывался в советскую систему как средство утверждения одной из главных ее основ — принципа коллективизма, подчинения личности общим правилам, идейным установкам, нейтрализации индивидуальности. Партийное руководство подчеркивало политическое значение нового метода, что называется, «открытым текстом». На общем собрании коллектива РКП(б) ЛГУ 24 февраля 1924 г. с удовлетворением отмечалось, что лучше всего он внедряется на ФОНе, причем правовое отделение перешло на него целиком. В

то же время «хуже идет дело на физмате, что объясняется отсутствием коммунистов-преподавателей и наличием идеологически чуждой профессуры», а потому «...работу среди профессуры... и среди молодого преподавательского состава и научных сотрудников нужно считать одной из основных задач [партийного] коллектива» [24]. Физик С. Э. Фриш, окончивший Петроградский университет в 1921 г., с 1924 г. многие годы преподававший в нем, вспоминал, как явившийся на физмат представитель Наркомпроса прочел преподавателям «очень примитивно составленную лекцию о рутинности старых методов преподавания и о преимуществах Дальтон-плана», при этом «с завидной самоуверенностью поучал сидевших перед ним профессоров» [25]. Председатель ученого совета факультета Д. С. Рождественский возразил, что насильственно внедряемый метод гораздо менее эффективен и потребует больших дополнительных расходов. В результате Рождественский был снят со своего поста и вообще отошел от организационной деятельности в университете [26].

Тем временем партийная организация внимательно изучала обстановку, определяя точки опоры и возможного сопротивления. Информационный отчет по коллективу РКП(б) ЛГУ за 1924/25 учебный год содержит классификацию профессуры по ее политической ориентации: 1) партийная; 2) лояльная («из них небольшая часть с карьеристским уклоном») и 3) враждебно настроенная против советской власти, против реформы и новых методов в университете, она «группируется около старых профессоров — Фаворского, Тищенко, Ухтомского и Рождественского» [27]. Несмотря на удаление от руководства несогласных с новациями, придуманными советскими просвещенцами, лекционно-семинарская система, отработанная и проверенная многолетней практикой, сохранила свои права в советской системе высшего образования.

Настойчивость и последовательность коммунистов в их стремлении утвердиться в роли полноправных распорядителей всеми областями жизни университета контрастировала с относительной вялостью традиционных органов управления вузом. Они явно пасовали перед революционным натиском коммунистов. В январе 1925 г. Главное управление профессионального образования (Главпрофобр, ГПФ) в своем циркуляре констатировало:

«В большинстве случаев Советы вузов и факультетов существуют лишь формально, а кое-где вообще никогда не собирались» [28].

В марте 1926 г. бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ, обсуждавшее итоги перевыборов правления университета, во время которых случилось «выступление враждебной нам профессуры и преподавателей» со своим отдельным списком, выразило серьезное опасение, что «за этим выступлением безусловно последует поход на новые учебные планы, программы и методы преподавания, а также на отстранение партийной и лояльной нам профессуры и преподавателей, оставление аспирантов, удобных для них». Отметив, что «консервативная часть профессуры сумела оставить при университете и подготовить себе достойную смену политически», бюро призвало партийцев учесть неприятный урок и «бороться со всякими попытками возвращения к старым учебным программам и методам преподавания, а также за оставление желательных для нас научных работников» [29]. Названные на следующем заседании университетского бюро коллектива ВКП(б) формы работы с преподавательским персоналом свидетельствовали, что коммунистическая партийная организация действительно уверена в своем реальном праве направлять работу вуза, ибо планировала организовать отчеты предметных комиссий, отделений, факультетов, заслушать доклад ректора о реформе университета, провести выборы на губернскую конференцию научных работников и т. д. [30]. В середине апреля на заседании бюро обсуждался состав будущего правления университета; секретарь бюро огласил ориентировочный список правления, назвал кандидатуры ректора (В. Б. Томашевский), его заместителя, заведующих хозяйственной частью, учебными и студенческими делами [31]. Порядок следующих действий был таков: «Через райком [ВКП(б)] просить уполномоченного Наркомпроса созвать предварительное совещание профессоров, преподавателей и студентов для согласования общих кандидатов». В итоге был реализован список членов правления, предложенный партийным бюро.

Партийная организация университета настойчиво, последовательно, шаг за шагом расширяла пределы своей компетенции. В нее включались не только персональные назначения всех уровней — от ректора и декана до рядового научного сотрудника.

Бюро предлагало менять структуру деканатов, содержание и объем учебных программ и т. д. В обширном плане работы, принятом бюро партийного коллектива ЛГУ в сентябре 1926 г., было записано участие в перевыборах деканатов, президиумов отделений и предметных комиссий, обсуждение проблем материального обеспечения, в частности способов экономии средств, и т. д. [32]. Процесс монополизации прав коммунистических активистов на безраздельное руководство всеми областями деятельности университета проходил не гладко. Далеко не вся профессура соглашалась сдавать позиции без сопротивления. Серьезным испытанием боевых качеств сторон были перевыборы деканата физико-математического факультета (физмата) осенью 1926 г. Часть профессуры демонстративно отказалась голосовать за кандидатов, поддержанных коммунистами, пыталась провести своих; одиннадцать человек (в их числе — Ю. А. Филипченко и Д. С. Рождественский) подписали заявление с предложением избрать деканом В. А. Догеля [33]. Недовольство партийцев навлекло на себя ректор, не сумевший (или не пожелавший) руководить перевыборами, отказавшийся (под неубедительным для коммунистов предлогом — «болезнь жены») давать объяснения коммунистам. Акция профессуры не привела к успеху — ее кандидат получил поддержку ровно половины преподавательского персонала — по оценке партийцев, это свидетельствовало, что ее «влияние не так уж сильно...». Но сама попытка независимых от партийной организации действий профессуры вызвала незамедлительную решительную реакцию партийного руководства: оно обещало твердо проводить работу «по изолированию верхушки правой профессуры», вести с ней «идеологическую работу... путем индивидуальной обработки», «просить райком [ВКП(б)] оказать воздействие на поведение т. Томашевского... Просить райком поставить перед соответствующими организациями [вопрос] о немедленном утверждении деканата» [34].

Партийная организация действовала напористо и решительно, последовательно закрепляя включение университета в советскую политическую систему; при этом методы работы были различными — от прямого безжалостного нажима до имитации товарищеского внимания. Меры достижения поставленной цели обсуждались детально, с формулировкой конкретных необходи-

мых приемов. На заседании бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ 30 ноября 1926 г. членам партии рекомендовалось: «Проявлять максимум лояльности и тактичности во взаимоотношениях с профессурой, ведя постоянно индивидуальную обработку, всячески избегая ненужных споров и конфликтов, обостряющих взаимоотношения. Избегать выдвижения деловым предложениям профессуры контрпредложений студенчества. Если же этого требуют интересы дела, то стараться изменять профессорские предложения путем поправок и дополнений. Твердо стоять на принципиальной позиции делового сотрудничества, но не восстанавливая старых профессорских прав, чего добивается верхушка старой профессуры» [35]. Для овладения всеми областями работы университета коммунисты стремились детально изучать настроения всех групп работников (профессоров, преподавателей, студентов, рабочих и служащих), а полученную информацию передавать в райком партии [36]. Особенно беспокоили коммунистов научные кружки — поскольку там, в небольших коллективах, объединенных специфическими интересами и индивидуальным воздействием авторитетного профессора, возможно было создание неконтролируемой, нежелательной для коммунистического руководства атмосферы. Ставилась задача проникновения в научные кружки для «усиления идеологического влияния на беспартийное студенчество». Одновременно прилагались усилия к оставлению при университете для научной работы партийцев и комсомольцев [37].

К проблеме «улучшения качественного состава» высших учебных заведений «по социальному положению» партийное руководство постоянно проявляло обостренное внимание. На исходе первого десятилетия советской власти, в декабре 1927 г., секретариат Ленинградского обкома ВКП(б) специально рассматривал итоги приема в вузы и на рабфаки; наряду с констатацией определенных успехов отмечалось (в числе недочетов), что «консервативные элементы пытались превратить испытание в конкурсный экзамен», то есть все еще не было речи о приоритетном критерии приема — отборе наиболее способных и подготовленных, в расчет надлежало брать в первую очередь «классовые характеристики». На том же заседании высшее партийное руководство города заявило о необходимости ввести ограничения для

поступления в вузы детей научных работников. установить трудовой стаж поступающих, чтобы отсечь тех, кто (в основном интеллигентия) устраивается на производство непосредственно перед поступлением, и «в дальнейшем практиковать метод классового подбора в вузы...» [38].

Важнейшим элементом, знаменовавшим полноправное включение высшей школы в советскую государственную систему, было плановое регулирование ее деятельности. Тандем «план-отчет» начал полномасштабно формироваться в самом начале 1920-х гг. Таким образом новое чиновничество декларировало свою руководящую роль во всех областях народного хозяйства, сфере культуры. В народном образовании коммунистическая регламентация форм, методов, содержания работы имела значение принципиальное, эту область большевики безусловно считали исключительно своей. Возглавляемый коммунистами Наркомпрос решал вопросы открытия, слияния и ликвидации высших учебных заведений, параметры и сроки приема и выпуска, кадровых назначений, направлений учебной и научной работы. Многочисленные инструкции и циркуляры требовали обширной подробной отчетности — списки, графики, таблицы, характеристику выполненных пунктов плана, объяснения по поводу неисполнения или запаздывания и т. д.

В конце 1920-х гг. местные партийные организации демонстрировали уверенность в полностью завоеванном ими праве направлять, планировать и контролировать работу всех подведомственных (территориально) учреждений, в том числе вузов. В феврале 1928 г. секретариат Василеостровского райкома ВКП(б), заслушав доклад коммунистической части правления ЛГУ, отметил трудности, в особенности «непрекращающуюся борьбу с правой профессурой за овладение идеяным направлением и руководством в университете», и в то же время «некоторые достижения — завоевание партчашью руководящих постов в аппарате университета, усиление партийного влияния во всех областях университетской жизни, научно-учебного руководства деканатами, отделениями, предметными комиссиями» и т. д. Отмечались «полевение преподавателей социально-экономических наук», «нейтрализация преподавателей естественных наук» и в то же время «еще больший отход вправо преподавателей точных наук».

Несомненным был лишь успех в «области административно-хозяйственной жизни» — здесь отмечалось «полное закрепление партийного руководства» [39]. Подчинить себе все разделы преподавания и научной работы было гораздо сложнее. Но в этом направлении коммунисты работали неустанно, регистрируя не только свои успехи, достижения, но и промахи, неудачи, особенно актуальные проблемы, которыми надо заняться незамедлительно, и т. д. Секретариат Ленинградского обкома ВКП(б) в апреле 1928 г., рассматривая работу с аспирантами в вузах города, записал в постановлении, что она все еще «не всегда подчинена партийному влиянию и руководству», что «состав аспирантов чужд советской общественности» еще и потому, что на нее влияет «в значительной мере антисоветски настроенная» старая профессура, «отрицательно настроенная к методологии диалектического материализма». Городское партийное руководство было озабочено тем, что в итоге страна не получит «вполне годной научной смены, не только по своей методологии, но и по своим политическим настроениям способной обслуживать нужды социалистического строительства», следовательно, надо не только учитывать политическое настроение и марксистскую подготовку кандидатов в аспирантуру, но и «усилить партийный состав преподавателей» [40].

Регламентация деятельности Ленинградского университета коммунистической партийной организацией в конце 20-х гг. достигла стадии стабильно развивающегося процесса. Острые конфликты, открыто выражавшееся недовольство, сопротивление напору коммунистов практически сошли на нет. Управление вузом, содержание и методы преподавания, общественная жизнь были под повседневным наблюдением коммунистов. На учете были друзья и знакомые, высказывания и разговоры в широком кругу или с глазу на глаз, переписка, семейные и вообще все личные отношения, внешний облик, манера держаться, отношение к частному предпринимательству и торговле, к религии и другим партиям, участие в санкционированных партийным руководством общественных мероприятиях и т. д. [41]. Коммунистическое руководство, отождествлявшее себя с советской властью, стремилось к монопольному влиянию на все без исключения стороны жизни и коллектива и отдельной личности. По

разным поводам оно выдвигало лозунги, призывающие к единым действиям всех без исключения (пойти на демонстрацию, подписатьсь на заем, вступить в кооперацию, в общежитии жить по общему, обязательному для всех, расписанию и т. д.) [42]. Многие годы эта система укреплялась и совершенствовалась, но, несмотря на грандиозные усилия и бесчисленные жертвы, не обеспечила полного контроля. Общественные стремления и тенденции, казалось полностью уничтоженные, проявились и возродились, отодвинув диктатуру коммунистов в область истории.

1. Основные усилия отечественных исследователей системы высшего образования страны многие годы были направлены на описание процесса «революционного преобразования» высшей школы, ее «пролетаризации», «демократизации» и т. п. (*Украинцев В. В. КПСС — организатор революционного преобразования высшей школы*. М., 1963; *Катунцева Н. М. Роль рабочих факультетов в формировании кадров народной интеллигенции в СССР*. М., 1966.; *Сифразян Н. Л. Борьба КПСС за строительство советской высшей школы (1921—1927 гг.)*. М., 1977; *Партийное руководство высшей школой СССР: Межвуз. сб. научн. тр. / Отв. ред. Н. А. Годубева. Л., 1982; Исторический опыт борьбы коммунистической партии против буржуазной идеологии в высшей школе в период строительства социализма: Межвуз. сб. научн. тр. / Отв. ред. В. С. Волков. Л., 1987 и др.*)

2. Декреты Советской власти. М., 1964. Т. III. С. 138, 141; *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 34.*

3. Декреты Советской власти. Т. III. С. 381—382. Очевидно, отмена ученых степеней и званий имела главной целью лишение старой профессуры символов ее научного авторитета; но, в принципе, она была необходима и обществу ученых, и государству как обозначение реальной роли и места исследователя и педагога в ряду коллег. Практически декрет отменял не все существующие звания: так, в созданном в 1921 г. при Петроградском университете Историческом научно-исследовательском институте педантично составлялись перечни научных сотрудников разных рангов — действительных, штатных и сверхштатных; их кандидатуры утверждались Правлением Университета (Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 193. Оп. 3. Д. 4. Л. 8); в феврале 1922 г. в институте обсуждалась постановка коллоквиумов «для приобретения научной квалификации» (Там же. Д. 3. Л. 13); в начале 1930-х гг. была утверждена государственная система ученых степеней и званий (см.: *Лебин Б. Д. Подбор, подготовка и аттестация научных кадров в СССР. Вопросы истории и правового регулирования*. М.; Л., 1966. С. 112—196). Детально разработанная иерархия ученых степеней и званий необходима структуре научной сферы как части государственного организма.

4. Красная газ. 1921. 9 апр.

5. *Шилов Л. А. Группа петроградской левой профессуры (1921—1923) // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка, литературы. 1967. № 20. Вып. 4. С. 35—36.*

6. Центральный государственный архив С.-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 19. Л. 125.

7. Там же. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 об.

8. Рабочие факультеты сыграли своего рода роль «гроянского коня» в высшей школе. Они, бесспорно, дали возможность одаренной и настойчивой рабоче-крестьянской молодежи, не получившей базового систематического образования, осваивать курс высшей школы. Идея ускоренного прохождения довузовского образования взрослыми внимательно рассматривалась многими учеными и педагогами. Но революционное решение этой проблемы в советской России подействовало и на администрацию вузов, и на профессуру ошеломляющее: вскоре им пришлось констатировать очевидное стремительное увеличение числа коммунистов в университете, что было прямым результатом активности руководства и учащихся рабочих факультетов, приравненных в правах к основным факультетам вуза.

9. Солдатенков С. В. Рабочий факультет — университет — наука // На штурм науки. Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / Под общ. ред. проф. В. В. Мавродина. Л., 1971. С. 45.

10. Наблюдательные исследователи обратили внимание на «фундаментальный парадокс»: параллельное существование зыбких, меняющихся определений классов в СССР в период энха и в то же время манипулирование жесткими классовыми характеристиками индивидуумов — с соответствующими устрашающими санкциями (см.: Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society and Culture / Ed. by S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch and R. Stites. I. Bloomington (Indiana). 1991. P. 12—33).

11. Народное просвещение. 1921. № 87-88. С. 27—29; 1922. № 108-109. С. 30—32: выполнение руководящих и контролирующих функций Наркомпроса осуществлялось учрежденным в его составе специальным органом — Академическим центром, которому была поручена «выработка общего плана народного просвещения: в Декрете СНК «О народном комиссариате по просвещению» (февраль 1921 г.) Академический центр был назван центром «общего теоретического и программного руководства»: в его научной секции (Государственном ученом совете. ГУС) первое место занимала подсекция научно-политическая. В соответствии с Положением о ГУС (март 1923 г.) он, в частности, принимал решения об открытии и закрытии высших учебных заведений, утверждал планы и программы преподавания (Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925 гг.); Сб. докум. / Отв. ред. акад. К. В. Островитянов. Л., 1968. С. 37—42).

12. История Ленинградского университета. 1819—1969. Очерки. Л., 1969. С. 234.

13. Из отчета бюро общему собранию коллектива РКП(б) ЛГУ 15 мая 1924 г. (ЦГАИПД СПб (Центральный государственный архив историко-политической документации Петербурга; до декабря 1991 г. — Ленинградский партийный архив при Ленинградском обкоме КПСС — ЛПА). Ф. 984. Оп. 1. Д. 55. Л. 30.). К «чужому элементу» могли быть произвольно отнесены граждане как по социальным мотивам (причастность к группам предпринимателей, собственников, торговцев, духовенства, дворян, офицеров, адвокатов, даже аптекарей и т. п.), так и замеченные в каких-либо формах сопротивления или хотя бы неодобрения вла-

сти, связях с заграницей, проявлениях религиозности и т. д. В документах партийных и комсомольских организаций неоднократно зафиксировано осуждение сосредоточенности студентов-коммунистов и комсомольцев исключительно на учебе, академических занятиях. Увлечение ими вызывало настороженность или открытое осуждение: настоящий коммунист был обязан прежде всего заниматься партийно-общественной работой не только в университете, но и вне его — на предприятиях, в учреждениях и т. д. — и сочетать это главное дело с учебой.

14. ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.
15. Там же. Д. 55. Л. 11—11 об.
16. Там же. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6930. Л. 2. ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР.
17. Там же. Ф. 984. Оп. 1. Д. 120. Л. 8.
18. Там же. Л. 16—17.
19. Там же. Д. 124. Л. 2.
20. Там же. Д. 120. Л. 50.
21. Там же. Д. 175. Л. 25.
22. Изв. ВЦИК. 1921. 12 марта.
23. На штурм науки. С. 10—11, 27.
24. ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 120. Л. 18—19. Внимание Политконтроля ОГПУ, осуществлявшего перлюстрацию частной переписки, привлекло письмо из Ленинграда во Францию (ноябрь 1925 г.). Выписка из письма содержит описание занятий в вузах по новому методу: «...лекции изгнаны, весь курс перерабатывается семинарским и лабораторно-дальтоновским путем. На курсах теоретических получаются курьезы: приходят студенты, берут книги и читают, а руководитель сидит, хлопает глазами и смотрит на нас. Для нас, людей, кончающих вуз, уже выработавших для себя индивидуальную методику работы, заковывать себя в узкие рамки, диктуемые чьей-то чужой волей, довольно трудно. Большинство настроено агрессивно, но дело в том, что Дальтон-план в его чистом виде дает большую свободу... Принципиально против Дальтон-плана я возражаю только в пункте исключения лекций. Вспоминаются прекрасные лекции многих профессоров, и жаль тех товарищей, которые лишены этого удовольствия» (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6945. Л. 154). Отношение к новой методике преподавания было в числе позиций, которые ОГПУ держало под особым контролем. В его сводках и отчетах скрупулезно перечисляются сопротивляющиеся новой системе профессора, приводятся их высказывания (старателю зафиксированные информаторами — коллегами и учащимися) и т. д.
25. Фриш С. Э. Сквозь призму времени. М.. 1992. С. 129—130. С. Э. Фриш (1899—1977) был в 1934—1947 гг. деканом физического факультета ЛГУ, в 1947—1957 гг. — директором Физического института при университете; соавтор популярного трехтомного «Курса общей физики»; с 1946 г. — член-корреспондент АН СССР.
26. Дмитрий Сергеевич Рождественский (1876—1940; академик с 1929 г.): широко известен работами в области физической и инструментальной оптики, атомной физики и др. С. Э. Фриш, бывший в числе его учеников, вспоминал, что Д. С., бессстрашно отвергая навязываемые ему коммунистическими чиновниками методы преподавания, стремился реформировать систему в соответствии со своими пред-

ставлениями о целесообразности: настаивал на специфических методиках обучения физиков и математиков, своим подопечным предлагал наиболее подходящие каждому способы учения, в зависимости от его индивидуальных данных и подготовки.

27. ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 6. Д. 7054. Л. 9 об. Фаворский Алексей Евграфович (1860 – 1945) — химик, академик с 1929 г. Тищенко Вячеслав Евгеньевич (1861 – 1941) — химик, академик с 1935 г. Ухтомский Алексей Алексеевич (1975—1942) — физиолог, академик с 1935 г.
28. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 172. Л. 22.
29. ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 25.
30. Там же. Л. 63.
31. Там же. Л. 65.
32. Там же. Л. 92—94.
33. Филипченко Юрий Александрович (1882—1930) — зоолог, генетик, организатор первой в стране кафедры генетики (в ПГУ, в 1919 г.). Догель Валентин Александрович (1882—1955) — зоолог, член-корреспондент АН СССР с 1939 г.
34. ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 123—123 об.
35. Там же. Л. 124 об.
36. Научные работники, профессура довольно долго запаздывали в понимании действительной роли партийных органов — в частности райкомов партии — в жизни научных и учебных учреждений. Работавший директором московского зоопарка видный биолог М. М. Завадовский вспоминал: «Не имея опыта в советском аппарате, я не заботился о поддержании контакта с находящимся, кстати, по соседству, райкомом. Я просто не знал о том, что райком должен был входить во все стороны жизни находящихся в районе учреждений, и его участие в руководстве хотя и не гласно, но велико» (Завадовский М. М. Страницы жизни. М., 1991. С. 158).
37. Из плана работы бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ в первой половине 1926/27 учебного года (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 175. Л. 97—99).
38. Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 136—137.
39. Там же. Оп. 8. Д. 68. Л. 82.
40. Там же. Оп. 1. Д. 57. Л. 23—25.
41. В «Информационном отчете по коллективу РКП(б) ЛГУ за 1924/25 учебный год» с удовлетворением отмечалось как свидетельство «большого сдвига» в отношении студенческой массы к общественной работе «широкое участие в демонстрации» (организованной коммунистами, в день революционного праздника) (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 7054. Л. 10).
42. Студенческая правда. 1927. 31 янв., 7 нояб.

СУДЬБА ШКОЛЫ ВЛАДИМИРА ЭДУАРДОВИЧА ДЕНА

Имя профессора В. Э. Дена (1867—1933) в первой трети XX в. весомо звучало не только среди экономистов. Именно он впервые ввел в России курс экономической географии в Санкт-Петербургском политехническом институте на одноименной кафедре, которую возглавил в 1902 г. В. Э. Ден стал одним из «столпов» и символов первой в России высшей экономической школы мирового уровня, куда входили М. М. Ковалевский, А. А. Чупров, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский и др. Его ученики занимали видные посты в российском и советском государственном аппарате (в период нэпа), возглавляли кафедры экономической географии в ведущих высших учебных заведениях СССР вплоть до 1950—1960-х гг.

Взгляды В. Э. Дена концептуально сложились уже в начале века. Они были изложены в трех фундаментальных работах: «Очерки по экономической географии. Ч. I. Сельское хозяйство» (1908), «Каменноугольная и железоделательная промышленность» (1908, 1912), «Хлопководство и хлопчатобумажная промышленность» (1907).

Показателен эпизод из педагогической деятельности В. Э. Дена. В 1900—1901 гг. он принимал участие в легальной культурно-просветительной деятельности среди рабочих. Когда выясни-

Первоначальный вариант статьи опубликован как: Чепарухин В. В. Владимир Эдуардович Ден — известный и неизвестный // Деятели русской науки XIX—XX веков. СПб., 2000. Вып. 2. С. 53—75.

лось, что она осуществляется под надзором Охранного отделения и С. В. Зубатова, он сразу же отказался от нее. В газете «Искра» от 1 февраля 1902 г. было помещено следующее сообщение: «Университетские сотоварищи приват-доцента Дена просят напечатать следующую заметку: „Нам достоверно известно, что приват-доцент Ден участвовал в устройстве бесед с механическими рабочими только до начала октября. Когда же в конце ноября был поднят вопрос о возможности продолжения бесед, пр.-доц. Дэн отказался участвовать в этом деле, ввиду того обстоятельства, которое оно к этому времени очевидно приняло“» [1].

После 1917 г. В. Э. Ден вполне лояльно относился к советской власти, сочувственно поддерживая попытки перестройки хозяйства, видя свой гражданский долг в распространении в стране экономико-географических знаний.

В самое тяжелое для Политехнического института время (1917—1921) В. Э. Ден возглавил экономический факультет. Он содействовал возрождению и активизации его работы, стремясь восстановить научные связи и поставить работу факультета на мировой уровень.

Одновременно с Политехническим институтом он «читал лекции в Институте путей сообщения им. т. Я. Э. Рудзутака, заведовал кафедрой экономической географии в Военно-хозяйственной академии РККА (1920—1924), преподавал в Военно-Политическом институте им. т. Толмачева (1922—1924), работал в Институте народного хозяйства и был деканом его Общего отделения (1920—1921), в Кооперативном институте (1918—1922)» [2].

Эта обширная работа предопределила особую роль В. Э. Дена в становлении специального географического образования в СССР, в создании сети географических учреждений. В. Э. Ден — один из организаторов Географического института, вскоре преобразованного в географический факультет Петроградского (Ленинградского) университета. С 1918 по 1930 г. он заведовал там кафедрой экономической географии. С его именем связано и создание Географо-экономического научно-исследовательского института, членом Совета которого он оставался длительное время. В. Э. Ден был избран членом Центрального совета экспертов НТО ВСНХ, членом Совета по делам статистики при ЦСУ.

В этот период он трижды издает «Экономическую географию СССР», единственный тогда курс такого рода для высшей школы. Во второй половине 1920-х гг., видя тенденции политизации и идеологизации экономической статистики, он пытается воспрепятствовать этому в работе «Источники важнейших отраслей хозяйственной статистики СССР» (1926, 1929), где концентрирует внимание на надежности и полноте актуальных основ научной работы.

Итогом размышлений становятся две книги: «Положение России в мировом хозяйстве» (анализ довоенного русского экспорта) и «Новая Европа», опубликованные в 1922 г., — попытка осознания последствий Первой мировой войны, места России в мире, прогнозирования тенденций будущего мирового хозяйственного развития.

Двадцатые годы для В. Э. Дена — время определенной эйфории, связанной с нэпом. Он полагает, как и многие политехники-экономисты, что появились признаки оздоровления, отказа от крайностей периода ломки, и старается как ученый поддержать эти тенденции. После Октябрьской революции, особенно в период нэпа, многие воспитанники В. Э. Дена заняли видные административные посты. Так, восстановление системы денежного обращения было проведено при ближайшем участии Л. Н. Юровского. С. Г. Струмилина в 1921 г. стал заместителем председателя Госплана и директором Института экономических исследований Госплана, С. В. Бернштейн-Коган — заместителем наркома путей сообщения и т. д. Как говорил сам В. Э. Ден: «В какой комиссариат и управление я ни зашел бы, всюду я встречал наших политехников, и всюду они оказывали мне полное содействие» [3].

В 1928 г. В. Э. Ден выдвигается в действительные члены АН СССР экономическим факультетом Политехнического института, поддержаным рядом организаций. Однако заслуженно высокая репутация школы В. Э. Дена не спасла ее от «перестройки... на основах марксистско-ленинской методологии» [4]. Идеологизация науки становится все более настойчивой, особенно в области социальных наук, к которым относится и экономическая география. Последователи и ученики В. Э. Дена работали в атмосфере «критики», принимающей форму травли и репрессий. Г. А. Мебус в 1931 г. покончил жизнь самоубийством. В жернова

показательных политических процессов попал С. В. Коган-Бернштейн и другие экономисты-географы. Подверглись репрессиям В. М. Штейн, полностью отстраненный от дел, а затем арестованный и расстрелянный вместе с Н. Д. Кондратьевым Л. Н. Юровский.

Свертывание нэпа, поборниками которой были главным образом представители экономической школы Политехнического института, имело следствием разгром его экономического факультета, осуществленный под видом реорганизации. Объективный анализ, достоверность и выверенность статистических данных становятся ненужными.

После отвода его кандидатуры в действительные члены АН СССР В. Э. Ден отходит от активной деятельности. В мае 1931 г. он отказывается от заведования кафедрой, и через два года умирает после длительной болезни 27 декабря 1933 г., в день своего рождения.

Дальнейшее развитие экономической географии в СССР было связано с другими именами и другими школами (московская школа Н. Н. Баранского), которые по сути следовали по проложенному В. Э. Деном пути, официально встав по отношению к нему в критическую позицию и формально отмежевавшись от него как от главы «буржуазного», «традиционного» отраслево-статистического направления, окончательно «извергнутого» Н. Н. Баранским на съезде преподавателей экономической географии в 1929 г.

В отчете о зарубежной командировке 1927—1928 гг. В. Э. Ден отметил большую популярность в Германии новой научной дисциплины, получившей название «геополитики». Родоначальником ее явился шведский ученый Р. Челлен. «Заинтересовавшись этой дисциплиной, — писал В. Э. Ден, — имеющей некоторые точки соприкосновения с экономической географией, я сделал ее предметом более глубокого изучения, результатом которого явилась большая статья, написанная мною под заглавием „Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики“, которую я надеюсь напечатать» [5].

История замысла этой статьи, обстоятельства ее появления, время написания установлены нами недавно. Вернувшись в СССР, В. Э. Ден, по-видимому, направил ее в редакцию журнала

«Социалистическое хозяйство». Но очевидно, уже вскоре после этого он ощутил перемены в стране. Сохранилось сопроводительное письмо к рукописи. На бланке редакции журнала лаконичный текст, датированный 27 декабря 1929 г.: «В. Э. Дену. Вследствие Вашей просьбы возвращаем при сем Вашу статью „Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах geopolитики“. Отв. секретарь редакции (подпись)» [6]. Был ли отзыв статьи инициативой самого В. Э. Дена или следствием чьей-то рекомендации, неизвестно, но он был с неизбежностью продиктован новой ситуацией. Рукопись статьи «всплыла» и была опубликована совсем недавно [7]. Надежду на это В. Э. Ден высказал в своем завещании: «Мои литературные работы рукописные... прошу хранить... или отдать в какое-нибудь научное учреждение (Академию Наук или Публичную библиотеку). Быть может, когда-нибудь что-нибудь из них окажется интересным и будет напечатано» [8].

С середины 1930-х гг., почти сразу после его смерти, учебники В. Э. Дена изымаются из библиотек, упоминания о нем в печати сопровождаются оговорками «буржуазный», наступает период длительного забвения.

Причины замалчивания имени В. Э. Дена объясняет документ из ЦГАИПД — записка заместителя начальника УНКВД ЛО Николаева, разосланная для ознакомления членам Бюро Ленобкома ВКП(б) 7 мая 1935 г. Ниже приводятся наиболее важные места из этого документа:

«Спецсообщение. Совершенно секретно.

В процессе агентурной работы вскрыт и детально изучается один из путей фашистского влияния в СССР, существующий в виде „научно-теоретического“ направления в экономической и физической географии, известного под названием „Геттнерианского“... Геополитика является чисто фашистской наукой... выступает в качестве „научного“ орудия обоснования политики захватов... Геополитика как наука имеет официальное признание и расцвет главным образом в Германии, Польше, Финляндии и Японии. В СССР открытым представителем геополитики был проф. Рудницкий... Кроме него, открытых геополитиков в СССР не было, но Геттнерианское направление, по сути дела являющееся замаскированной геополитикой, было представлено чрез-

вычайно широко и имеет до сих пор своих представителей в ведущих географических учреждениях СССР...

Ближайшими по направлению и фашистской целеустремленности к геттнерианцам-геополитикам являются т. н. центрографы и школа, возглавлявшаяся ленинградским профессором В. Э. Деном (умер), сущность которой заключается в том, что она, пользуясь формально-материалистическими и математическими методами, доказывает „экономическую целесообразность сохранения существующих условий, сложившихся в экономике (исторически и географически) районов“. Основываясь на этих выводах, центрографы фактически дискредитируют все хозяйственное строительство в СССР. Школа Дена, не имеющая формально выраженной целеустремленности и занятая лишь „подбором фактического материала“, так „подбирает“ его, что дает повод для антисоветских построений геттнерианцев. В настоящее время, вследствие энергичного нажима на все эти направления со стороны эконом-географов-марксистов, между ними происходит объединение, внешне маскируемое научной полемикой, пользующейся марксистской фразеологией...

Геттнерианское направление представлено в Ленинграде профессорами: В. П. Семеновым-Тян-Шанским, Л. С. Бергом, А. А. Григорьевым и В. Г. Шенбергом... Местом главного сосредоточения геттнерианцев является Геоморфологический институт АН СССР (возглавляемый А. А. Григорьевым, теперь переезжает в Москву)... и Географический Музей, директором которого является профессор В. П. Семенов-Тян-Шанский... [они] полностью находятся в руках геттнерианцев, и все попытки внедрить туда марксистов до сих пор были безуспешны...

Геттнерианцы пользуются покровительством Московского географического общества географа Баранского (чл. ВКПб), по сути дела стоящего на этих позициях, и осуществляющие свое влияние через Наркомпрос.

Все важнейшие начинания в области географии до сих пор находятся в руках геттнерианцев. В их руках журнал „География в школе“ — официальный орган НКП, они готовят издание описания СССР по типу „России“ П. П. Семенова-Тян-Шанского и т. п. ... Из молодых последователей геттнерианцев нами разрабатываются Н. В. Ден (сын покойного профессора), О. А. Констан-

тинов, М. Б. Вольф, В. С. Клубт, В. М. Штейн и др. Центрографы, представленные в Ленинграде Е. Е. Святловским, Покшишевским, Варшавским и другими (Центрографическая лаборатория геодезического общества закрыта в 1934 г.), пытаются, пользуясь покровительством некоторых ответственных работников (акад. Струмилина, Бухарина и др.), создать новый центр, предположительно в Москве.

В 1934 г., во время всемирного конгресса географов в Варшаве, центрографы, через голову советской делегации, послали на конгресс свои материалы, чем было вызвано немалое политическое осложнение: советские делегаты отказались докладывать материалы центрографов, и тогда доклад, на их основе, был сделан польскими географами — официальными членами фашистской партии.

Наши мероприятия: 1) Учитывая возможность влияния враждебных социалистическому строительству идей среди студенчества и научной молодежи, мы направляем свои агентурные поиски в эту среду, с целью обнаружения подпольных формирований. 2) Агентурно изучаем практическую контрреволюционную деятельность геттнерианцев и центрографов. 3) Выявляем связи с geopolитиками Германии, Польши, Финляндии и др., изучаем характер и существо их. 4) Заведена агентурная разработка под кличкой „Геополитики“.

Подлежит возврату в Особый Сектор ОКВКП(б)» [9].

Комментарии к приведенному выше документу совершенно излишни. Публикации В. Э. Дена не давали никакого повода считать geopolитическую тематику частью его научных интересов.

Окончательная развязка наступила в 1938 г. Материалы были собраны, и «компетентные органы» стали действовать. Речь шла уже о существовании «антисоветской организации эсерско-меньшевистско-kadетского блока». Следственные дела проходивших по делу лиц, хранящиеся в Архиве УФСБ по Петербургу и Ленинградской области, позволяют детально восстановить картину тех печальных событий. Особенно важна докладная записка на имя начальника управления НКВД по ЛО, комиссара госбезопасности 2-го ранга С. А. Гоглидзе от 2 марта 1939 г., в которой показан весь ход «дела» [10].

В июле—сентябре 1938 г. была произведена серия арестов сотрудников Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена: профессор Г. Г. Шенберг, преподаватель А. В. Королев, профессор М. Б. Вольф, преподаватель Н. В. Ден (сын В. Э. Дена), который преподавал и в Высшем финансово-педагогическом институте, аспирантка Ю. П. Мионсек, доцент Э. В. Кнобельсдорф, преподаватель физической географии Д. Г. Панов. Готовилось «дело географов».

Первым в июле 1938 г. был арестован Г. Г. Шенберг. Основанием для ареста послужил материал о «протаскивании идей геттлерянства» в читаемом им курсе географии: «В Англии господствующий класс составляет ту часть населения, где преобладает германское влияние, и он состоит из крепких, здоровых, высоких, светловолосых и голубоглазых германцев, когда-то завоевавших Англию и до сих пор держащихся, как раса победителей. Пролетарская часть — остатки Кельтской расы побежденных, вырождающиеся, изнуренные, низкорослые, черноволосые и слабосильные. Во Франции царит довольство. Народ живет легко, стремится не иметь никаких обуз и в частности не хочет обуз семейных, отсюда падение рождаемости...» [11]. В ходе следствия, с применением физического воздействия, что отмечали сами следователи, были получены сведения о том, что в Ленинградском педагогическом институте существует кадетская организация, в состав которой входят Буданов, Вольф, Королев, Ден и целый ряд других лиц.

В сентябре 1938 г. были арестованы Королев и Вольф. Основанием явились показания Шенберга и арестованных ранее социолога С. А. Оранского и экономиста В. Д. Нотика о наличии разветвленной контрреволюционной подпольной группы.

Как следует из справки на арест М. Б. Вольфа, у следствия имелись данные о том, что он «является активным участником вскрытой антисоветской кадетской организации в Ленинграде и входил в руководящий центр этой организации», которая ставила перед собой задачу «свержения Советской власти и восстановления в СССР капитализма с фашистским режимом». В осуществлении этой задачи «организация проводила антисоветскую вредительскую работу в народном хозяйстве и особенно на фронте науки, подрывая оборонную мощь Советского Союза, и под-

готовляла диверсионные акты, а также выполняла шпионские задачи иностранных разведок, с которыми находилась в непосредственной связи» [12].

На допросе 3 января 1939 г. Вольф на вопрос о том, как он встал на путь контрреволюционной деятельности, заявил, что попал под влияние В. Э. Дена в Политехническом институте, «который стоял на буржуазных идеологических основах», а «читаемый им курс был аполитичен, т[ак], например, по всему курсу программы отсутствовали вопросы классовой борьбы. В читаемом курсе Ден не делал противопоставлений Советской системы хозяйствования системе капиталистической, не подчеркивал роль производственных отношений в размещении производительных сил; методологические вопросы в читаемом им курсе отсутствовали...» [13].

Между тем после ареста бывшего наркома НКВД Н. И. Ежова и прихода Л. П. Берии начался процесс пересмотра дел и определенных послаблений. Начался процесс пересмотра и этого «дела». Так, на допросе 27 февраля 1939 г. Вольф заявил, что «был вынужден на следствии дать ложные показания и что правильным является только мое показание от 8 сентября 1938 года о том, что я ни в какой антисоветской, контрреволюционной организации не состоял и контрреволюционной деятельностью не занимался» [14]. Даже следствие вынуждено было признать, что «в деле Вольф проходит как кадет, что кажется сомнительным, ибо ему в 1917 г. было всего 18—19 лет», при этом «следствие не располагает никакими изобличающими Вольфа материалами» [15]. В результате в апреле 1939 г. было принято решение об освобождении Вольфа, Дена, Мионсек, Кнобельсдорфа и Панова. Позже были освобождены Королев и Шенберг.

Судьба лиц, проходивших по делу, оказалась различной. Так, Шенберг «отправился» в Сыктывкар, а с 1946 г. до своей смерти в 1954 г. заведовал кафедрой географии Могилевского педагогического института [16]. Королев с 1939 по 1955 г., с небольшим перерывом в 1942—1944 гг., преподавал в Уральском педагогическом институте им. А. С. Пушкина на кафедрах истории и географии и только, выйдя на пенсию, в 1955 г. вернулся в Ленинград, где был одним из основателей Восточной комиссии Географического общества [17]. Панов возвратился в Педаго-

гический институт, воевал, с 1946 по 1951 г. был профессором кафедры полярных стран ЛГУ, а с 1951 по 1965 г. заведовал кафедрой физической географии Ростовского университета [18]. Кнобельсдорф с 1939 г. вновь начал работать в Педагогическом институте [19]. Ден скончался во время ленинградской блокады.

Несмотря на тяжелейшие испытания, выпавшие на долю М. Б. Вольфа, уже в 1949 г. в одном из выпусков «Трудов Ленинградского Политехнического института им. М. И. Калинина», посвященном истории института, он опубликовал статью о своем учителе В. Э. Дене, в которой отметил, что «его большая заслуга не только в том, что он первым в России успешно поставил преподавание экономической географии в высшей школе, но и в том, что он первым в стране стал готовить научные кадры для преподавания экономической географии в вузах и для научно-исследовательской работы» [20], и особо подчеркнул, что «Вл. Эд. воспитывал членов своей кафедры серьезными добросовестными учеными с широким кругозором, умеющими настойчиво и терпеливо работать и идти вперед. Вл. Эд. был исключительно требовательным и придирчивым по отношению к своей работе и к работе своих товарищ по кафедре, воспитывал тем самым в них чувство ответственности за каждое слово на лекции и докладе, за каждую строчку в книге или в статье. Вл. Эд. требовал критического отношения к используемому материалу, тщательной проверки, доказательств его солидности и правильности» [21].

В те годы такие заявления были весьма небезопасны, что, вероятно, и послужило причиной того, что в период борьбы с космополитизмом М. Б. Вольф был вынужден перебраться в Красноярск [22].

Судьба школы В. Э. Дена — классический пример грубого вмешательства в науку сил, далеких от нее, причем сами ученые не всегда знали о закулисных, сугубо секретных «соображениях».

1. Вольф М. Б. Владимир Эдуардович Ден // Тр. ЛПИ. 1949. № 1. С. 71.

2. Архив Санкт-Петербургского государственного технического университета (Архив СПбГТУ). Ф. препод. Д. 63. Л. 215.

3. Кадомцев Б. П. [Воспоминания] // СПб. Политехнический институт императора Петра Великого: Юбилейный сб. / Под ред. А. А. Стаковита и Е. А. Вечорина. Париж, 1952. С. 50.
4. Вольф М. Б. Владимир Эдуардович Ден. С. 77.
5. ОР РНБ. Ф. 245. Д. 3. Л. 3.
6. Г. Н. Ден. Личный архив. Справка по делу Н. В. Дена.
7. Ден В. Э. Учение Рудольфа Челенна о предмете и задачах geopolитики // Изв. Русского географического общества. 1997. Т. 129. Вып. 1. С. 26—39; вып. 2. С. 28—41.
8. Г. Н. Ден. Личный архив. Завещание В. Э. Дена.
9. Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД). Ф. 24. Д. 501. Л. 1—10. (Сокращенный вариант этого документа был опубликован в: Чепарухин В. В. В. Э. Ден и современная Россия // Изв. Русского географического общества, 1994. Т. 126. Вып. 2. С. 89—91.)
10. Управление ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области. Архив. Следственное дело П-9937. Т. 6.
11. Там же. Л. 321.
12. Там же. Л. 3.
13. Там же. Л. 68.
14. Там же. Л. 314.
15. Там же. Л. 326.
16. См.: Краснопольский А. В. Отечественные географы (1917—1992). СПб., 1995. Т. 3. С. 40.
17. Памяти Александра Васильевича Королева // Страны и народы Востока. М., 1976. Т. 18. С. 5—9.
18. Краснопольский А. В. Отечественные географы (1917—1992). СПб., 1993. Т. 2. С. 172.
19. Там же. Т. 3. С. 148.
20. Вольф М. Б. Владимир Эдуардович Ден. С. 78.
21. Там же. С. 76.
22. Дмитревский Ю. Д. К 100-летию со дня рождения М. Б. Вольфа // Изв. Русского географического общества. 1998. Т. 130. Вып. 2. С. 82.

**ПРОЛЕТАРСКАЯ
БИОЛОГИЯ**

МЕЖДУ ЛАБОРАТОРИЕЙ И ДВОРЯНСКИМ ПОМЕСТЬЕМ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ГЕНЕТИКИ (1917—1925)

Целый ряд научных дисциплин возник и плодотворно развивался в Советском Союзе после революции 1917 г. Чем объяснить быстрое развитие этих наук в неблагоприятных политических и идеологических условиях? История советской генетики предоставляет дополнительные возможности для анализа проблемы «советизации» науки и образования. Генетики как науки не существовало в России до революции 1917 г., но уже в конце 20-х гг. советская генетика была одной из самых развитых в Европе. Настоящая статья посвящена истории первого исследовательского центра в области экспериментальной генетики, сложившегося в московском Институте экспериментальной биологии в первые послереволюционные годы. Как представляется, неблагоприятная экономическая и политическая ситуация составила не только фон для раннего развития этой науки, но оказала и более глубокое влияние на практику генетического эксперимента, формирование дисциплинарных границ и институциональную структуру советской генетики.

В целом проблема отношений ученых и государственной власти в Советском Союзе анализировалась преимущественно с точки зрения репрессивного влияния большевистской идеологии и политики на науку. При этом упускалась из вида другая сторона проблемы, а именно способность самих ученых противо-

стоять давлению, видоизменяя свои темы, риторику и даже название своих дисциплин и областей исследования. До сих пор сравнительно мало известно и о феномене «шарашек», специальных тюрем для исследователей, в которых они подчас могли пользоваться большей свободой в своей научной деятельности, чем «на воле». Эти адаптивные формы поведения ученых, а также существование специфических «убежищ» не могли не оказать влияния на структуру науки; однако до сих пор этот поворот темы ускользал от внимания исследователей.

Биология и жизнь

Для развития генетических исследований в Америке и Европе большое значение имели связи между монделизмом и исследованием домашних животных и культурных растений на опытных сельскохозяйственных станциях. Хотя, как показывают работы историков науки, налаживание подобных связей требовало времени и усилий и проходило в каждой стране по-своему. В России перед Первой мировой войной подобные отношения только начинали складываться. Так, Н. И. Вавилов был послан кафедрой частного земледелия Московского сельскохозяйственного института в Англию, где он знакомился с генетикой у В. Бэтсона и Р. Пеннетта.

До революции в России появилось несколько статей, посвященных менделевской генетике. В 1911—1914 гг. Н. А. Сопляков (Юрасов) провел монделистический анализ наследования масти у лошадей, используя записи родословных, которые велись на конном заводе, принадлежавшем его семье.

Юрий Александрович Филипченко (1882—1930) начал первые генетические исследования незадолго до революции под руководством И. И. Иванова, основоположника метода искусственного осеменения домашних животных. Лаборатория Иванова была частью Ветеринарной лаборатории Министерства внутренних дел, однако сам Иванов использовал метод для решения более общих проблем, рассматривая себя в качестве специалиста в области экспериментальной биологии. Лаборатория Иванова арендовала помещение в крупнейшем русском частном заповед-

нике Аскания-Нова, принадлежавшем Ф. Э. Фальц-Фейну, и занималась получением с помощью искусственного осеменения и изучением гибридов между различными видами млекопитающих и птиц. Используя имевшиеся в имении Фальц-Фейна коллекции черепов гибридов между бизоном, зубром и рогатым скотом, Филиппченко приступил к анализу наследования ряда краинологических признаков у гибридов. Однако, как и работа Юрасова, эти исследования не были экспериментальными, а их масштаб был ограничен размерами коллекций.

В 1913 г. Филиппченко начал читать курс гибридизации и наследственности на Повторительных курсах Ветеринарной лаборатории, а после избрания при содействии Иванова на должность приват-доцента Петербургского университета и первый университетский курс генетики. В Петрограде он впервые поставил эксперименты скрещивания на кроликах, установив менделистические закономерности в наследовании формы черепа. Вскоре после февральской революции 1917 г. Иванов предложил Филиппченко организовать в составе Ветеринарной генетическую лабораторию. Однако скудость ресурсов и отсутствие каких бы то ни было штатов заставили Филиппченко отказаться от этого предложения. Отсутствие правильно поставленной лаборатории сочеталось с трудностями военного времени. В тексте статьи о наследовании формы черепа у кроликов содержатся указания на сложность содержания достаточной для опытов популяции даже этих, сравнительно небольших лабораторных животных. И Филиппченко вскоре был вынужден оставить эти эксперименты [1].

Систематическое начало генетических экспериментов было связано с деятельностью Николая Константиновича Кольцова (1872—1940) в Москве. В целом научная деятельность Кольцова может служить примером того, как политические конфликты «вокруг» и «внутри» науки могут способствовать возникновению новых научных направлений и учреждений. Приват-доцент по кафедре сравнительной анатомии Московского университета, Кольцов уже в начале века связывал свои основные интересы с новой областью физико-химического изучения клетки и экспериментальной биологии. События революции 1905 г. вызвали серьезный конфликт между Кользовым и частью его старших коллег. В результате в 1909 г. Кольцов лишился возможности

проводить лабораторные исследования в университете. Однако, ведя преподавание также на Московских Высших женских курсах, он смог организовать там собственную небольшую лабораторию [2].

В 1911 г., уйдя вместе с большой группой преподавателей и профессоров из Московского университета в знак протеста против ограничения университетской автономии министром Л. А. Кассо, Кольцов перенес преподавание в Московский народный университет им. А. Л. Шанявского и организовал там первую в России лабораторию экспериментальной биологии.

Ключевое значение для его дальнейшей деятельности имело Общество Московского научного института. Уход профессоров из университета стал непосредственным толчком к его организации. Однако, помимо трудоустройства изгнанных, Общество ставило также целью создание нового типа научной организации: на частные пожертвования планировалось развернуть сеть исследовательских институтов, существующих независимо от целей преподавания. Как известно, первой была открыта Физическая лаборатория, или Физический институт П. П. Лазарева, получивший от Общества собственное здание в январе 1917 г. Во втором здании (на Сивцевом Вражке, 41), купленном и отремонтированном Обществом, предназначалось расположить уже несколько институтов, и в том числе Институт экспериментальной биологии, который начал функционировать под руководством Н. К. Кольцова через несколько месяцев после февральской революции 1917 г.

Как отмечал американский историк советской науки Дэвид Журавский: «Ограничения, связанные с провинциальной отсталостью, могут с намного большей силой давать о себе знать в тех областях, в которых требуется сложное и постоянно меняющееся оборудование...» Экспериментальная биология зависела от импорта приборов из-за границы, что создавало трудности в условиях шедшей мировой войны. Формулируя планы исследований для нового института, Кольцов, по его собственному признанию, выбрал те направления, которые не требовали или требовали в минимальной степени сложного оборудования и материалов [3].

Прежде всего это были две области исследования: применение методов физической химии к гидробиологии, с одной стороны, и

генетика кур и мелких лабораторных животных — с другой. В отличие от физической химии и гидробиологии генетика была для Кольцова совершенно новой областью, однако летом 1917 г. он начал первые скрещивания, работая с содержавшейся в виварии института примерно сотней морских свинок и несколькими десятками кур.

С 1918 г. начинают чувствоватьаться — особенно сильно в Петрограде и в Москве — разруха и голод. Научные журналы того времени заполнены некрологами известных ученых, основной причиной смерти которых стало недоедание. Повсеместными становятся и сложности с содержанием экспериментальных животных.

Так, пытавшийся заниматься в Петрограде генетическими исследованиями Филипченко переключился на более мелкий, по сравнению с кроликами, объект и начал изучать наследование окраски у канарейки. Однако почти половину его опубликованной в 1919 г. статьи занимает описание борьбы с трудностями при разведении птиц. Первое и второе поколения от скрещивания зеленої и желтой канарейки Филипченко был вынужден получать в своей частной квартире, «в квартире моей родственницы Е. А. Шпаковской», а также «некоторых из моих добрых знакомых». «На лето 1918 года я возлагал очень большие надежды, так как... обширное помещение для этих опытов было предоставлено мне академиком И. П. Павловым в Физиологической Лаборатории Академии наук. Однако исключительно неблагоприятные условия для научной и лабораторной работы в том году, затруднения в приобретении яичного корма и т. п. привели к тому, что... не было получено, несмотря на все мои усилия, ни одного выводка...».

Неудивительно, что уже в 1919 г. Филипченко был вынужден полностью оставить генетические опыты, переключившись на работу по евгенике, не требовавшей лабораторных исследований, а возобновил генетические эксперименты только в 1923 г.

С этим контрастирует судьба исследований Кольцова. После небольшого перерыва, связанного с отсутствием корма и замерзанием помещений института в 1918—начале 1919 г., он успешно продолжил эксперименты на морских свинках и курах [4]. А содержание его научных статей свидетельствует о том, что он

не испытывал особых сложностей в снабжении подопытных животных пищей. В одной из статей этого времени Кольцов, в частности, анализирует влияние нервного стресса на изменение веса человека, материалом для чего послужили и его собственные наблюдения над самим собой: в августе 1920 г. Кольцов был приговорен к расстрелу и провел 38 часов в тюрьме ВЧК, после чего был выпущен на свободу. Любопытны приведенные в статье Кольцова данные о его рационе в течение этого дня: 8 яиц, литр молока, 500 грамм хлеба, 400 грамм яблок, 100 грамм творога.

С одной стороны, в 1917 г. Кольцов получил от Общества Московского научного института на организацию своего института огромную сумму в 7 000 000 рублей, достаточную для работы в течение ближайших нескольких лет. С другой стороны, банковский счет был после Октябрьской революции 1917 г. заблокирован. В январе 1920 г. Институт перешел в ведение Наркомздрава. (Прежние, а также вновь создаваемые министерства имелись большевиками народными комиссариатами.) Однако ресурсы Наркомздрава были достаточно скромными, а галопировавшая инфляция быстро превращала в ничто любые денежные ассигнования [5].

Найденное Кольцовым решение было простым: за очень короткое время он смог переместить лабораторных животных и часть сотрудников за город, организовав три экспериментальных станции в бывших дворянских поместьях. После Октябрьской революции в сельской местности было много «свободных» имений, оставленных владельцами и национализируемых местными советами. Только в некоторых из них были организованы совхозы, и ученые разных специальностей использовали эту ситуацию, организуя опытные станции и другие научные учреждения, как, например, музеи. Так, большая часть центральных и местных станций, работавших по животноводству, была организована именно в бывших поместьях в 1918—1922 гг. [6].

Первая станция Института экспериментальной биологии была организована в Анчикове, бывшем имении Коншиной, примерно в 60 км от Москвы. Большую роль в этом сыграла Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), которая существовала при Российской Академии наук с 1915 г. В 1916 г. Кольцов организовал при Московской КЕПС

Отдел птицеводства, спустя несколько лет переименованный в Генетический отдел. В своих обращениях в КЕПС Кольцов писал: «Революция и разгром помещичьих усадеб нанесли тяжкий удар племенному птицеводству... Помещичьи усадьбы являлись у нас, конечно, рассадниками племенной птицы, весьма медленно проникавшей в крестьянское хозяйство... Если мы допустим даже, что куры не зарезаны, а распределены по рукам, все же надежды на сохранение чистых пород при беспорядочном скрещивании мало». С другой стороны, Кольцов активно использовал помочь учреждений советской власти. В результате специального обращения Отдела птицеводства КЕПС имение Коншиной было 4 февраля 1919 г. национализировано местным Отделом обобществления. Это обращение было также поддержано Секцией животноводства Наркомзема, с 1920 г. снабжавшей станцию кормом для животных.

В итоге Кольцов переселил за город несколько десятков кур и примерно 150 морских свинок, на которых изучались закономерности наследования окраски тела и ряда химических свойств крови. Вскоре в хозяйстве станции была организована молочная ферма, а также было присоединено соседнее имение Прохорова-Гигерева площадью 218 га.

В 1919 г. бывший студент Кольцова по университету Шанявского Александр Сергеевич Серебровский (1892—1948) создал в бывшем имении А. С. Хомякова в деревне Слободка, недалеко от Тулы, опытную станцию по птицеводству. От хозяина ему досталось 78 чистопородных кур, строения небольшого частного зоопарка и инкубаторы. Эта станция, на которой А. С. Серебровский начал исследования генетики кур, просуществовала до марта 1921 г., когда куры и оборудование были перевезены в Аниково, а сам Серебровский возглавил Лабораторию Аниковской генетической станции [7].

Наконец, в том же 1919 г. Институт Кольцова получил еще и Гидробиологическую (Гидрофизиологическую) станцию, расположенную в нескольких километрах от Аникова. Фактически это была «самонационализация». Сергей Николаевич Скадовский, бывший ученик Кольцова, основал в 1910 г. на собственной даче Воронцы частную гидрофизиологическую станцию. С 1913 г. она служила местом летней практики студентов университета Ша-

нявского. После того как университет Шанявского был закрыт в 1919 г., предоставление станции институту спасло ее от национализации, а сам Скадовский присоединился к штату сотрудников ИЭБ и стал заведующим станцией. Хотя станция и была «дачей», но, занимая площадь в 49 га, в документах местного совета неизменно именовалась «поместьем». А в 1926 г., когда бывшие поместьи должны были покинуть те местности, где были расположены принадлежавшие им ранее имения, только вмешательство Кольцова и наркома здравоохранения Н. А. Семашко спасло Скадовского от «выселения» [8].

В 1919—1921 гг. станции служили в качестве основного средства спасения подопытных животных и самих ученых. По-видимому, даже в 1922 г., после начала нэпа, эта их роль все еще оставалась значительной, поскольку ассигнования систематически урезались в несколько раз против потребности. Другим важным фактором было дополнительное помещение для исследований. У института в Москве был только виварий и три больших комнаты. На станциях же летом работало более 50 сотрудников, студентов и аспирантов. Некоторые из них планировали продолжать свои прежние исследования на новом месте, однако в первые годы возможности для исследования сводились, по сути, к генетике и гидробиологии [9].

Новое сообщество

По-видимому, существование станций увеличило место генетики в исследованиях ИЭБ, по сравнению с первоначальными планами Кольцова. В известном смысле генетические эксперименты были непосредственным продолжением разведения птиц и животных: кур, морских свинок и кроликов. К 1923 г. на Аниконской генетической станции содержалось более тысячи морских свинок, при этом исследовалось наследование химических свойств крови и окраски тела. Около пятисот кур давали за лето более двух тысяч цыплят, а в скрещиваниях изучалось более 100 генов кур. Через несколько лет на Генетической станции стала также изучаться генетика овец и крупного рогатого скота [10].

Появившиеся в 1921—1922 гг. первые публикации по генетике кур и морских свинок ознаменовали рождение нового научного сообщества. Американский генетик Герман Меллер, посетивший станции ИЭБ в августе 1922 г., отмечал, что в Аниково в роли «лидера современной биологии выступает Томас Гент Морган», а в Воронцах место Моргана занимает Жак Леб, при этом «обе близлежащих станции рассматривают друг друга в качестве соперничающих лагерей: морганистов и лебистов» [11].

Во многих отношениях приезд Меллера стал поворотным пунктом в истории обеих станций. 19 августа 1922 г. он привез 30 штаммов *Drosophila melanogaster* — стандартного организма школы Моргана, вошедшего в практику исследований во время Первой мировой войны. Он также прочитал лекции и показал приемы работы с дрозофилой. После его отъезда моргановская генетика дрозофилы стала изучаться не только в Аниково, но и на Гидробиологической станции в Воронцах, которая через несколько лет стала вторым важным генетическим центром, а для ряда бывших «лебистов», таких как Н. В. Тимофеев-Ресовский и Е. А. Балкашина, генетические исследования стали главным делом жизни [12].

До состоявшегося в 1925 г. переезда Генетической станции из Аникова в бывшее имение Михалковой в Назарьеве, которое также располагалось в бывшем Звенигородском уезде, обе станции находились в пределах часа ходьбы друг от друга, и по различным поводам исследователи собирались вместе для обсуждений, постановки шарад и совместных празднований. Обе группы составили ядро московского сообщества генетиков.

В Аниково исследования велись под руководством Серебровского, руководителя лаборатории станции. Один из первых генетиков в штате института, Серебровский был в 1921 или 1922 г. перемещен Кольцовым в Аниково. Но, работая на станции по генетике кур, а затем генетике дрозофилы, Серебровский не имел ни лаборатории, ни какого-либо официального положения в Москве. Этот недостаток был восполнен в 1923 г., когда им была основана кафедра птицеводства, позднее переименованная в кафедру генетики, в Московском зоотехническом институте. Там же он организовал и генетическую лабораторию, в которой проводились опыты на дрозофила и деятельность которой час-

тично финансировалась Коммунистической академией. В свою очередь, это помогало привлекать студентов и новых исследователей к работе в области генетики [13].

Заведовать новой генетической лабораторией ИЭБ Кольцов пригласил энтомолога Сергея Сергеевича Четверикова (1880—1959). Работая в институте и преподавая в университете, Четвериков сделал базой своих исследований Гидробиологическую станцию. (До 1925 г. Институт экспериментальной биологии располагался все в тех же трех комнатах, а место на Аниконской станции было уже занято Серебровским.) Частично вместе со старыми обитателями станции, а также со своими новыми студентами Четвериков сосредоточился на изучении свободноживущих дрозофил, позднее распространив исследования своей группы на ряд других регионов Советского Союза и став одним из основоположников популяционной генетики и современной эволюционной теории [14].

Обе станции сыграли важную роль в распространении дрозофил в качестве новых лабораторных организмов, а также связанных с ними генетических идей и методов и в других академических и университетских центрах. В 1922 или 1923 г. дрозофил из Аникова получил работавший в Петрограде под руководством Филиппенко Ф. Г. Добржанский, ставший на протяжении последующих лет одним из самых известных российских генетиков, а позднее продолживший свои исследования в США. Общее число советских работ по генетике дрозофилы росло очень быстрыми темпами: к 1928—1929 гг. число этих работ превысило количество статей, опубликованных во всех остальных странах Европы, вместе взятых [15].

Анализируя деятельность сообщества генетиков на загородных станциях ИЭБ, нельзя не обратить внимания и на особый стиль общения, связанный со свободой от традиционных условностей и субординации. По-видимому, на Гидробиологической станции начал свою деятельность кружок — неформальный семинар учеников Четверикова под названием ДрозСоор, или Соор, что расшифровывалось как «Совместное Оratione Дрозофильщиков». Деятельность этого коллектива исследователей под руководством Четверикова в 1925—1929 гг. остается одной из наиболее заметных и интересных глав в истории советской гене-

тики. «Зимние» заседания семинара в Москве, посвященные реферированию литературы и обсуждению генетических и биологических проблем, оставались столь же непринужденными и неформальными, как и летом. Однако в городе не было «естественной изоляции», действовавшей в условиях летней жизни на загородной станции, и потребовались специальные ритуалы, позволявшие группе поддерживать свою автономию в Москве. Так, заседания устраивались на частных квартирах, а для приема нового члена нужно было единогласное тайное голосование всех членов группы. Это стало выглядеть подозрительным с началом сталинской культурной революции в 1928 г., и, возможно, именно стиль обсуждений и характер членства в Сооре стали причиной ареста Четверикова летом 1929 г. и последовавшей затем высылки его из Москвы [16].

Атмосфера общения на станциях кольцовского института определялась их удаленностью от городской жизни: в условиях тогдашнего сообщения требовалось несколько часов, чтобы добраться до них из Москвы. Чувство удаленности усиливалось культурными различиями между учеными — городскими интеллигентами и окружавшими их крестьянами. На «социальной» и «культурной» карте местности станции заняли место бывших поместий, и любопытно, насколько они соответствовали облику этих имений в глазах окрестных крестьян. Согласно свидетельству ученых, сохранившемуся в архиве кольцовского института, они снабжали крестьян цennыми семенами и советами в области агрономии и животноводства. Однако по крайней мере один раз, в мае 1920 г., строения Аникковской станции были подожжены кем-то из местных. Некоторыми из ученых сами крестьяне и их скот рассматривались в качестве потенциально интересных объектов генетического изучения. Так, А. С. Серебровский предлагал следующим образом организовать менделистический анализ наследования окраски крупного рогатого скота: «Деревням, в которых разводится, например, черный скот, запрещается (организации советской власти. — К. Р.) приобретать иной и о случаях появления (рождения) иного цвета извещается селекционный отдел» [17].

Основная работа по изучению наследственности человека проводилась Институтом в Москве, однако частично и среди

крестьянского населения вокруг Аникковской станции. Увлеченный перспективой евгенического изучения крестьян, Серебровский в 1921 г. писал: «Крестьянство представляет во многих местностях идеально неподвижную группу населения... Сохраняющийся еще во многих местах обычай заключать брак по хозяйственному расчету может быть использован в целях генетического эксперимента путем поощрения желательных браков приданым и проч. ... Поселение в пределах округа лиц другого расового типа и система поощрения генетически интересных браков составит уже подлинный эксперимент без каких-либо знаков этического препинания» [18].

Зависимость Института экспериментальной биологии от загородных станций уменьшается после 1925 г., когда Институт получает новое здание с разнообразным оборудованием в Москве. А сам Кольцов начиная с этого времени неоднократно указывает, что станции отвлекают летом слишком многих исследователей от их работы в городе. В то же время следствием длительного «загородного» периода явилось, по-видимому, то, что к концу 20-х гг. институт стал в преобладающей степени генетическим исследовательским учреждением: 20 из 43 сотрудников института и станций работали в области генетики, а еще трое занимались исследованиями в области евгеники.

Новая наука

Как отмечалось, опытные станции были достаточно распространенной формой выживания науки в условиях гражданской войны и разрухи. В дальнейшем станции давали иногда начало целым научным институтам. Так, Тимирязевский научно-исследовательский институт Главнауки возник вскоре после революции из загородной Биологической станции, от которой в середине 20-х гг. институт, московское детище станции, отказался [19]. В случае генетики станции сыграли, по-видимому, совершенно особую роль, связанную с возможностью культивировать экспериментальные организмы вне города.

Как отмечалось, с 1920 г. Филипченко занимался исследованиями в области евгеники, создав Бюро по евгенике КЕПС и ис-

пользуя в своей работе метод анкетного опроса для обследования петроградской интеллигенции [20]. Вскоре Ф. Г. Добржанский, работавший у Филиппченко на созданной им кафедре и в лаборатории генетики и экспериментальной зоологии Петроградского университета, начал генетические исследования с дрозофилами. Однако когда сам Филиппченко в 1923 г. возобновил исследования в области генетики, привлекая к ним студентов и сотрудников кафедры и лаборатории, то это были исследования генетики пшениц. Местом их проведения стал Петергофский естественнонаучный институт в бывшем имении герцога Лейхтенбергского.

Возглавив Бюро по прикладной ботанике в 1921 г., Н. И. Вавилов тогда же организовал загородную базу Бюро для проведения посевов, скрещиваний и экспериментальной работы — Центральную селекционную и генетическую станцию, которая расположилась в бывшем Царском Селе в имениях и дворцах, ранее принадлежавших царской семье. Собственно генетические исследования начались после создания там же Вавиловым лабораторий Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур в 1925—1927 гг. [21].

Генетические станции сыграли большую роль в установлении связи между генетикой и сельскохозяйственной наукой. Именно там значительное число исследователей впервые соприкоснулось с проблемами генетики и селекции сельскохозяйственных растений и животных. Практически все ученые — организаторы генетической науки снаряжали и отправляли в 20-е гг. экспедиции для изучения — своеобразной инвентаризации под углом зрения генетики — местного разнообразия пород животных и растений. С 1926 г. Ю. А. Филиппченко организовал ряд экспедиций для изучения местных животноводческих ресурсов Средней Азии. Начиная с этого же времени Серебровский провел несколько экспедиций на Кавказ для изучения генетической структуры местных популяций кур. Эти исследования призваны были служить и более масштабной цели — исследованию «генофонда» (термин Серебровского) домашних животных в Советском Союзе. Кольцов в 1928—1929 гг. организовал две экспедиции в Среднюю Азию для изучения межвидовой гибридизации и наследования

окраски у верблюдов. Многочисленные экспедиции Вавилова стали основой для его работы по изучению центров происхождения культурных растений.

Представители генетики обозначили свои идеи о ключевой роли этой науки в реформировании сельского хозяйства на ряде совещаний, конференций и съездов, проходивших со второй половины 20-х гг. [22]. Мы вправе предположить существование разногласий между Вавиловым, с одной стороны, подход которого был связан с созданием единого научного учреждения в области сельскохозяйственной науки, что и действительно привело к организации Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) в 1929 г., и Филипченко и Кольцовым — с другой. На Совещании по учету животноводственных богатств СССР в 1927 г. Филипченко указывал, что наряду с планировавшимся тогда созданием Всесоюзного института зоотехнии, аналогичного Институту прикладной ботаники, необходимо сохранение автономии других институтов и станций, ведущих исследования по генетике сельскохозяйственных животных. Кольцов также придерживался мнения о необходимости различных институтов и центров в этой области, поддерживающих между собой партнерские отношения. После образования ВАСХНИЛ он выражал обеспокоенность поглощением животноводства этой организацией, ее чрезмерными размерами и централизмом [23].

Роль эксперта предполагала определенную дистанцию ученого по отношению к практике. Вряд ли подобная дистанция была возможна при работе с сельскохозяйственными организмами после насилийственной коллективизации, с одной стороны, и образования ВАСХНИЛ — с другой. На ВАСХНИЛ и ученых была возложена непосредственная ответственность за помочь социалистическому сельскому хозяйству. Обращает на себя внимание и то, какое большое место занимали вопросы сельского хозяйства в биологических и генетических дискуссиях 20—60-х гг. Связь с сельскохозяйственной проблематикой, которая сыграла столь важную роль в развитии и формировании генетики как науки во время гражданской войны и в 20-е гг., сделала ее уязвимой в новых условиях [24].

1. См. письма Филипченко Иванову (Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 837. Оп. 1. Д. 395) и письма Иванова Филипченко (ОР РНБ. Ф. 813. Д. 323); *Филипченко Ю. А.* Изменчивость и наследственность черепа у млекопитающих. Ч. II. Настедование крациологических особенностей у кроликов // Русские архивы анатомии, гистологии и эмбриологии. 1916—1917. Т. I. С. 311—404. 747—818.

2. Об Институте экспериментальной биологии и Кольцове уже существует ряд работ, рассматривающих эту тему под иным, по сравнению с настоящим исследованием, углом зрения, см.: *Астауров Б. Л., Рокицкий П. Ф.* Николай Константинович Кольцов. М., 1975; *Adams M. B.* Science, Ideology, and Structure: The Kol'tsov Institute, 1900—1970 // The Social Context of Soviet Science. Boulder, 1980. P. 173—204; *Гайсинович А. Е., Россиянов К. О.* «Я глубоко убежден, что я прав...»: Н. К. Кольцов и лысенковщина // Природа. 1989. № 5. С. 86—95; № 6. С. 95—103; *Бабков В. В.* Н. К. Кольцов: Борьба за автономию науки и поиски поддержки власти // ВИЕТ. 1989. № 3. С. 3—19. Настоящее изложение основывается на документах Кольцова и ИЭБ из Архива Российской Академии наук (АРАН), ф. 450 и 570.

3. См.: *Кольцов Н. К.* Институт экспериментальной биологии (Москва) // Наука и ее работники. 1921. № 6. С. 19—21; *Joravsky D.* The Perpetual Province: Ever Climbing Up the Climbing Wave // The Russian Review. 1998. Vol. 57. P. 3—9.

4. См.: *Кольцов Н. К.* Рукописный очерк о своей роли в деле организации ИЭБ (1921 или 1922 г.) (АРАН. Ф. 450. Оп. 4. Л. 1).

5. Там же. Ф. 570. Оп. 1. Л. 9.

6. Данные относятся к декабрю 1927 г. (см.: *Иванов М. Ф.* Опытное дело по животноводству в СССР // Материалы Совещания по учету животноводственных богатств СССР (12—13 декабря 1927 г. Ленинград). М.; Л., 1928).

7. См.: *Серебровский А. С.* Докладные записки заведующему Секции животноводства Наркомзема... заведующего Тульской опытной станции в с. Слободка. 17.05.1919—23.03.1921 (АРАН. Ф. 1595. Оп. 1. Л. 316).

8. Переписка по бывшему имению С. Н. Скаловского (Там же. Ф. 570. Оп. 1. Л. 16).

9. *Muller H. J.* Observations of Biological Science in Russia // The Scientific Monthly. 1923. Vol. 16. P. 539—552; см. также: *Кольцов Н. К.* Рукописный очерк о своей роли в деле организации ИЭБ...

10. См.: *Кольцов Н. К.* О работах генетического отдела Института экспериментальной биологии и его Аниконовской генетической станции // Успехи экспериментальной биологии. 1922. № 3/4. С. 404—411; *он же.* Генетический анализ окраски у морских свинок // Изв. ИЭБ. 1921. Вып. 1. С. 87—97; *он же.* О наследственных химических свойствах крови // Успехи экспериментальной биологии. 1922. № 3/4. С. 333—361; *он же.* Работы Генетического отдела Комиссии по изучению естественных производительных сил СССР // Природа. 1925. № 8/9. С. 246; Краткий отчет Центральной генетической станции сельскохозяйственных животных за 1925 г. Воронеж, 1926.

11. *Muller H. J.* Observations... P. 540—541, 543.

12. О посещении станций см.: *Muller H. J.* Observations...; *Серебровский А. С., Сахаров В. В.* Новые мутации у *Drosophila melanogaster* // Журн. экспер. биол. Сер. А. 1925. № 1. С. 75—91.

13. Подробнее о Серебровском см.: Александр Сергеевич Серебровский / Под ред. Н. Н. Воронцова. М., 1993.
14. О Четверикове и его группе см.: Adams M. B. The Founding of Population Genetics: Contributions of the Chetverikov School 1924—1934 // J. Hist. Biol. 1968. Vol. 1. P. 3—39; Towards a Synthesis: Population Concepts in Russian Evolutionary Thought, 1925—1935 // Ibidem. 1970. Vol. 3. P. 107—129; Бабков В. В. Московская школа эволюционной генетики. М., 1985.
15. Подсчет сделан по: Muller H. J. Bibliography on the Genetics of Drosophila. Edinburgh, 1939.
16. О возникновении Союза во время летней работы на опытной станции см.: Астауров Б. Л., Рокицкий П. Ф. Николай Константинович Кольцов. С. 126; Бабков В. В. Московская школа... С. 24; о версиях высылки Четверикова: Александр Д. А. Историческая антропология науки в России // ВИЕТ. 1994. № 4. С. 3—22.
17. АРАН. Ф. 1595. Оп. 1. Л. 316. Л. 4.
18. Серебровский А. С. О менделевании многоплодия у человека // Изв. ИЭБ. 1921. Вып. 1. С. 114—115.
19. См. документы об организации Тимирязевского института (ГАРФ. Ф. А-2307 (Главнаука). Оп. 10. Д. 268).
20. См.: Известия Бюро по евгенике при Российской Академии наук. Пг. (Л.). 1922—1926. Вып. 1—4; Adams M. Eugenics in Russia, 1900—1940 // The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia. Oxford, 1989. P. 153—216.
21. См.: Биография одного учреждения: К тридцатилетнему юбилею Бюро по прикладной ботанике. М., 1925.; Muller H. J. Observations... P. 548—549.
22. Материалы Совещания по учету животноводственных богатств СССР; Племенное дело в крестьянском хозяйстве. По трудам I Всероссийского съезда по племенному делу (январь 1928). Москва, 1928; Всесоюзный съезд по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству, январь 1929. Л., 1929—1930. Т. 1—6; Всесоюзная конференция по планированию генетико-селекционных исследований. Материалы. Л., 1932.
23. Филиппенко Ю. А. О согласовании генетической и зоотехнической работы // Материалы Совещания по учету животноводственных богатств СССР. Л., 1928. С. 20—32.
24. См.: Joravsky D. The Lysenko Affair. Chicago; London, 1970.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ НАУКА В 1920-е гг.: ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ РЕФОРМА

Становление советской системы сельскохозяйственной науки обычно связывают с организацией Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ) на рубеже 1930-х гг. Этим временем датируют перемены в отношении властей к ученым-аграриям и задачам сельскохозяйственной науки. Тогда, в годы «великого перелома», прозвучало знаменитое высказывание И. В. Сталина о практике как критерии научной истины. Мерилом успешной научной работы оказался лозунг «Достижения науки — в массы». Практические мероприятия, подобные лысенковской яровизации, стали считать образцом научной аграрной мысли [1].

На наш взгляд, смещение равновесия в сторону «практических задач» началось в сельскохозяйственной науке значительно раньше. Уже в начале 1920-х гг. большевики подготовили и провели первую реформу сельскохозяйственных опытных учреждений. Главное направление реформы — усиление практической отдачи опытных станций. Реформа предполагала вытеснение оригинальных научных исследований из программ опытных станций, переориентацию работы станций на внедрение результатов научного труда в крестьянскую практику. Опытные станции из научно-практических учреждений, какими они были до революции, должны были превратиться в учреждения «скорой агрономической помощи». Параллельно начиналось создание

привилегированных институтов с высоким уровнем финансирования: там предстояло сосредоточить научные исследования по всем отраслям аграрной науки.

Реформа была призвана решить одну из первоочередных задач большевиков: восстановить сельское хозяйство, рационализировать труд нового хозяина земли — крестьянина. В процессе осуществления реформы выяснилось, что новая власть, призывая ученых к сотрудничеству, начинает жестко контролировать их деятельность. Вместе с тем реформа во многих своих проявлениях отвечала и давним чаяниям ученых-аграриев. Дискуссии об увеличении доли практики в работе опытных станций начались еще задолго до Октябрьской революции. Подобные идеи разделяли, однако, далеко не все представители аграрной науки. В условиях революционной разрухи, когда возникла необходимость в скорейшем росте аграрного производства при минимальных денежных затратах, замыслы ученых оказались созвучны курсу большевиков.

Мы полагаем, что именно в первой советской реформе опытных станций следует искать истоки «советской системы сельскохозяйственной науки» с ее главными символами — институтами ВАСХНИЛ и повсеместно «внедренными» агротехническими методами Лысенко.

Предыстории, мотивациям и анализу реформы посвящена настоящая работа.

Наследство империи

Революционная Россия унаследовала от империи около 400 опытных учреждений [2]. Однако многочисленные опытные станции, поля и фермы не составляли единую, слаженно работающую сеть. Дело в том, что при царском режиме опытные учреждения создавались главным образом частными лицами, всевозможными научными и сельскохозяйственными обществами, а также земствами — органами местного общественного самоуправления. Лишь треть опытных учреждений находилась под патронажем Министерства земледелия. Это пестрое «наследство» требовало серьезного реформирования. Его начали еще перед Первой

мировой войной. Именно тогда были сформулированы основные положения государственной программы организации опытного дела.* Война затормозила реформу. Продолжить ее осуществление выпало на долю новой власти.

Итак, какой должна была стать сеть сельскохозяйственных опытных учреждений России? Как предполагалось перестроить стихийно сложившуюся систему патронажа? Еще на рубеже веков лучшие ученые-аграрии, среди них В. В. Докучаев, П. А. Костычев, Д. Н. Прянишников, А. С. Фаминцын, А. Г. Дояренко, разработали масштабную программу организации сельскохозяйственной науки. Впервые в законченном виде программу обнародовали в 1908 г. на Всероссийском совещании по организации опытного дела [3].

Основная идея программы заключалась в централизованном сельскохозяйственном районировании территории Российской империи, порайонном устройстве опытных учреждений, объединении их в единую государственную сеть [3, с. 388—390]. Отношения патронажа при этом утрачивали прежнее значение. Впрочем, от дорогостоящих проектов финансирования опытной сети исключительно «за счет казны» пришлось отказаться. Была предусмотрена практика совместных ассигнований с привлечением прежде всего земских капиталов. На первый план выдвигался «областной принцип». Непременной основой опытной организации становилась крупная областная станция. Под ее контролем работали районные станции и поля, составлявшие областную сеть [3, с. 373—380]. Программа не проводила разграничения между научной и практической деятельностью опытных учреждений. Опытные станции призваны были проводить научные исследования с учетом «использования результатов для областных потребностей»; опытные поля — разрешать преимущественно практические вопросы местного хозяйства; кроме того, предлагалось «постепенно учреждать институты опытной агрономии» для разработки «проблем общенаучного и методологиче-

*Под опытным делом понимали все разнообразие внеакадемических научных исследований в сфере сельского хозяйства — от агротехники до селекции. Это словосочетание использовалось очень широко и по сути соответствовало термину «сельскохозяйственные науки».

ского характера» [3, с. 327—328]. В рамках программы были предложены общие рекомендации по районированию. Они описались на известные в то время идеи территориального деления по совокупности физико-географических, почвенно-ботанических и культурно-экономических факторов. Такой подход выявил 11 главных сельскохозяйственных зон, которые разделили более чем на 30 областей. Каждую область должно было обслуживать звено из опытных станций, полей и питомников с крупной областной станцией во главе. Для принятия программы в Думу был внесен соответствующий законопроект, который с уточнениями и доработками был утвержден и высочайше подписан в 1912 г. [4].

Немногие из действующих станций можно было преобразовать в областные. Большую часть таких станций предстояло создать заново. Особые надежды возлагались на инициативу и средства земств. До Первой мировой войны было открыто 5 новых областных станций [5]; вокруг них началось объединение мелких опытных учреждений. Война затормозила устройство областных станций. Однако и в военные годы сохранилась тенденция роста количества опытных учреждений: с 1913 по 1916 г. было организовано более 90 учреждений [6].

Таким образом, программу областной организации опытного дела начали выполнять еще до революции. Большевики продолжили ее реализацию: программа стала отправным пунктом ранних советских преобразований опытного дела.

Однако судьба опытных учреждений в первое революционное пятилетие определялась и многими другими факторами: геополитическим переделом страны, ходом военных действий в гражданскую войну, аграрной политикой Советов, личным интересом руководителей страны, «великим голодом» начала 20-х.

После Октября: «подсчет уцелевших сил»

События революционных лет привели к разрушению имперской сети опытных учреждений. Согласно Брест-Литовскому соглашению, Россия утратила западные губернии, на которые приходилась значительная часть крупных, хорошо оснащенных опытных станций. Множество опытных учреждений осталось в

Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, а также южнорусских губерниях, в то время также отрезанных от России. С закрытием научных обществ и упразднением земств прекратили существование многие патронируемые ими учреждения. По нашим подсчетам, на территории Российской Федерации к началу 1918 г. осталось немногим более 80 опытных учреждений. Гражданская война усугубила разрушительные тенденции. Была проведена мобилизации персонала опытных учреждений, в том числе и научного. Революция и война сопровождались разграблением имущества станций, уничтожением опытных полей в районах перемещения войск и боевых действий.

Судьба опытных учреждений зависела от политики новой власти. В советском правительстве для решения вопросов сельского хозяйства был создан соответствующий комиссариат — Народный комиссариат земледелия (Наркомзем — НКЗ). Первые месяцы после Октября по соглашению с большевиками почти все руководящие посты в НКЗ и его местных отделениях занимали левые эсеры [7]. «Левоэсеровский» период ознаменовался принятием двух важных законов, определивших будущее опытных учреждений. Декрет о земле от 26 октября 1917 г. отменял частную собственность на землю и объявлял образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия национальным достоянием [8]. Утвержденный уже большевиками в 1918 г., но заимствованный из эсеровской программы «Основной закон о земле» предоставлял органам советской власти право «для поднятия сельскохозяйственной культуры (устройства сельскохозяйственных образцовых ферм или опытных и показательных полей) занимать из фонда запасных земель (бывших монастырских, казенных... и помещичьих) определенные участки земли» [9].

Высокий государственный статус в период «всебобщего передела» привел к неожиданным результатам: за год количество опытных учреждений по Российской Федерации утроилось и к концу 1918 г. достигло 240 [10]. Эта громадная цифра, вполне соопределимая с общим числом опытных учреждений царской России, требует пояснений. В результате национализации в стране образовался большой фонд пустующих поместий, которые соответствовали критериям «образцовых», или «культурных хозяйств» [11]. Именно в таких хозяйствах могли быть развернуты

опытные станции. Однако кроме ученых-опытников на бывшие «дворянские гнезда» претендовали также совхозы, детские дома, госпитали для красноармейцев, санатории для партийного руководства и т. д. Ученые спешили получить как можно больше новых подходящих участков, а также сохранить уцелевшие опытные станции и поля. Апеллируя к местным властям, они ссылались на высокий государственный статус «национального достояния», которым верховная власть наделила опытные учреждения.

Однако стихийный рост количества опытных станций имел и обратную сторону. Увлеченные расширением опытной сети ученые не задумывались о поддержании ее работоспособности. Местные власти оказывались не в состоянии финансировать научные исследования. При этом вообще не были определены полномочия властей различных степеней: сотрудники опытных станций не знали, на каком уровне — волостном, уездном или губернском — искать поддержку. Это породило пестроту и неопределенность положения опытных учреждений. Многие новые станции существовали только «на бумаге». Под угрозой оказались не только финансирование научной работы, но сама возможность их выживания. Ученые видели единственный выход из создавшегося положения — поиск покровительства верховной власти, централизацию организации и управления опытным делом [12].

Опытное дело должно быть централизовано

В ноябре 1918 г. в Москве был созван первый после революции съезд по опытному делу. Главной задачей съезда стало объединение ученых-опытников в новую советскую организацию под эгидой Наркомзема [13].

Идея централизации встретила полную поддержку делегатов съезда. Съезд постановил разработать положение об опытных учреждениях, которое закрепило бы их подчиненность «центральному ведомству» — Наркомзему. По предложению председателя съезда профессора А. Г. Дояренко для защиты интересов опытного дела в военное время создали Бюро по опытному делу

[14]. Заручившись поддержкой Наркомзема, Бюро добилось целого ряда послаблений для опытных станций: демобилизации научного персонала, освобождения от реквизиций имущества станций, отмены решений местных властей о размещении на территории станций посторонних учреждений [15].

К концу 1918 г. ученые-аграрии разработали первую в истории Советской России программу организации сельскохозяйственных опытных учреждений. Программа была изложена в документе под названием «Положение о сельскохозяйственном опытном деле». Все опытные станции, поля и питомники отныне составили единую опытную сеть учреждений Наркомзема. Расходы на ее содержание поступали из государственного бюджета непосредственно в Комисариат. В Наркомзeme был создан специальный Опытный отдел для непосредственной работы с опытными учреждениями. Тем не менее в соответствии с демократическими веяниями времени главным руководящим органом оставались всероссийские съезды по опытному делу. На них выбирали постоянно действующее Бюро, которое работало во взаимодействии с Опытным отделом. В регионах были созданы местные управления по опытному делу. Важным фактором формирования опытной сети стало сохранение областного принципа в организации опытных станций [16].

4 января 1919 г. коллегия Наркомзema приняла «Положение о сельскохозяйственном опытном деле» [17]. В конце января при Бюро по опытному делу прошло совещание по сельскохозяйственному районированию. На совещании обсуждались подходы к проведению районирования, было определено оптимальное количество опытных учреждений и их распределение по регионам Российской Федерации. Одним из главных докладчиков был профессор А. Г. Дояренко — один из тех, кто занимался организацией опытных учреждений еще до революции. Под его началом была разработана система районирования, опиравшаяся на дореволюционные традиции и одновременно учитывающая рекомендации современной науки. В результате на карте сельскохозяйственного районирования выделили 14 основных областей. Каждую из областей должна была обслуживать областная опытная станция; под ее началом работали филиалы — районные опытные станции и поля [18].

Решения совещаний и постановление Коллегии НКЗ законодательно закрепил декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 8 февраля 1919 г. о государственной сети опытных учреждений НКЗ [19]. Началась планомерная работа по организации областных опытных станций согласно принятой программе [20].

«Битва за урожай»: оргвыводы для опытников

Однако программа, основанная на «Положении о сельскохозяйственном опытном деле», так и не была полностью реализована. Перемены произошли в 1921 г., когда руководство Наркомзема начало активно вмешиваться в работу опытных учреждений.

Ученые-опытники не раз отмечали, что в периоды кризиса — неурожая, голода, падения цен на хлеб — российские власти начинали усиленно интересоваться аграрной наукой. Так случилось после «великого голода» 1892—1893 гг., когда в России наконец было создано Министерство земледелия. Тогда впервые заговорили о важности сельскохозяйственной науки для экономики страны [21].

Голод начала 1920-х гг. стал главной и непосредственной причиной повышенного внимания большевиков к возможностям сельскохозяйственной науки [22].

Согласно плану Наркомзема на 1922 г., ученые опытных станций должны были стать лидерами «агрономической кампании», развернуть «боевой агрономический фронт» [23, с. 27—28]. Статус «фронта», приданый сельскохозяйственной науке, был связан с новым экономическим курсом партии. Одной из главных задач принятой в это время новой экономической политики (нэп) стало восстановление сельского хозяйства, подъем аграрного производства [24]. Интерес к сельскохозяйственной науке объяснялся теми мерами, которые выбрали для выхода из кризиса. Наряду с увеличением посевных площадей, активным привлечением западной помощи, руководство страны сделало ставку на одновременную интенсификацию сельского хозяйства [25]. Ученые-опытники становились главной опорой будущей реформы. От них ждали налаживания интенсивного сельского хозяйства, широкого внедрения в практику научных рекомендаций. Ученые

должны были прививать населению аграрную культуру — учить применению сельскохозяйственных машин, усовершенствованных агротехнических приемов, посевых материалов и т. п. [26]. Как писал в 1921 г. А. Г. Дояренко, «государство смотрело с большим упоминанием на опытное дело, в ожидании от него обоснования своей практической деятельности» [27].

Внимание большевиков к практическим результатам опытной работы необходимо рассматривать в общем контексте государственного интереса к прикладной науке в первые годы советской власти. К программам прикладных исследований активно привлекалась даже академическая наука [28]. От традиционно «прикладной» и поэтому особенноозвучной настроениям времени сельскохозяйственной науки ждали и максимальной практической отдачи.

Ученые-опытники с воодушевлением восприняли призыв большевиков переключиться на практическую работу. Многие говорили об «общественном долге» людей науки — служить воссозданию разрушенного народного хозяйства «за счет повышения эксплуатации агрономического знания» [29].

Сделав небольшое историческое отступление, скажем, что «труд на благо общества» — в традиции русских ученых-агариев, существовавших между двумя крайностями — передовой европейской наукой и отсталым сельским хозяйством. Ученые опытных станций зачастую разрывались между занятиями наукой и стремлением улучшить крестьянский труд. Известный физиолог растений К. А. Тимирязев считал, например, что земские деньги следует тратить не на научные исследования, а на помочь крестьянам через снабжение орудиями, семенами и пр. [30].

Не все ученые одинаково оценивали важность практических мероприятий. Возникали публичные дискуссии между сторонниками «научного» опытного дела и «практиками», призывающими сократить исследования и больше времени уделять крестьянам.

Голод начала 1920-х гг. укрепил позиции сторонников «конкретной помощи», придав ей не только экономическое, но и нравственное обоснование. Ученые искренне поддерживали требование большевиков усилить практическую отдачу работы опытных станций. Широко цитировалось заявление А. Г. Дояренко о возможностях науки обеспечить 50%-ные и большие

прибавки к урожаю за севооборот [31]; агитационный лозунг тех лет гласил: «Российское опытное дело показывает способы удвоения и утройства урожаев» [32]. Отчасти благодаря смелым обещаниям ученых распространилось убеждение: наукой наработано так много, что настал момент остановиться и заняться практикой — внедрением результатов в производство.

Такая позиция объяснялась еще и тем, что институт профессиональной агрономической помощи переживал в Советской России сложные времена. Многочисленные участковые агрономы, до революции состоявшие на земской службе, с упразднением земств оказались не у дел. Поэтому приметой тех лет стало устройство при опытных станциях отделов применения. Их задачей и являлась «конкретная помощь» крестьянам — применение на практике результатов опытной работы [33]. Отделы удалось создать без особых осложнений, укомплектовав их штаты бывшими земскими агрономами.

Вместе с тем, признавая важность практической работы, ученые считали главной своей задачей научные исследования, «свободное научное творчество». Как писал А. Г. Дояренко в работе «Роль опытного дела в системе государственного строительства», полезной для государства обычно оказывается лишь десятая часть результатов научного труда; но ее появление невозможно без остальных девяти десятых на первой взгляд лишней творческой исследовательской работы [34].

В стремлении усилить практическую отдачу сельскохозяйственной науки экономико-политические соображения большевиков совпадали с позицией ученых-опытников, по крайней мере на уровне декларируемых задач.

Реформа опытных станций: перестроить в корне

Реформа оказалась связана не только с новой политикой, но и с новыми людьми в Наркомземе. После первой, «эсеровской чистки», очередь дошла до сокращения «старых большевистских кадров». В результате сменилась почти вся коллегия во главе с наркомом. В начале 1923 г. вновь назначенный нарком земледелия член ЦК ВКП(б) А. П. Смирнов среди первоочередных задач Наркомата назвал реформу опытного дела [35].

Цели реформы были определены в докладе «О ближайших задачах в области сельскохозяйственного опытного дела», который Опытный отдел представил Коллегии НКЗ в мае 1923 г. Среди главных задач были названы: 1) решение опытными станциями практических вопросов рационализации сельского хозяйства; 2) пересмотр и сокращение государственной сети опытных станций; 3) введение жесткой системы планирования, отчетности и контроля над работой опытных учреждений [36]. Признав постановку опытного дела на текущий момент неудовлетворительной, Коллегия одобрила доклад и приняла специальное постановление по опытному делу.

Разработка деталей реформы и нового положения об опытных учреждениях была возложена на Комиссию по пересмотру сети опытных учреждений и их программ. Комиссию возглавлял член Коллегии НКЗ член ВКП(б) М. И. Козырев; в нее вошла также подкомиссия под председательством С. С. Перова по выработке нового положения об опытном деле. В Комиссию вошли чиновники НКЗ, Госплана и других ведомств, а также известные ученые А. Г. Дояренко, Н. М. Тулайков, М. Ф. Арнольд, А. П. Левицкий [37]. Как следует из протоколов, спешно состоялись два заседания. Некоторые члены комиссии так и не успели приехать в Москву. Так, работавший в то время в Саратове Н. М. Тулайков вообще не смог присутствовать ни на одном из заседаний [37, л. 218]. Глава Московского областного управления по опытному делу А. П. Левицкий не смог выбраться на второе. Заседания проходили в остройших дискуссиях. Подготовленный лично Перовым проект положения об опытных учреждениях и список сокращаемых станций вызвали серьезную критику. Дояренко, Тулайков и Левицкий высказывались категорически против пересмотра существующей опытной сети и вмешательства в работу опытных станций. Но, по словам Дояренко, «целый ряд вопросов решался 4—5 голосами, не всегда специалистов опытного дела» [37, л. 217]. Уже через месяц благодаря активному давлению председателя Комиссии Козырева план реформы опытного дела был объявлен окончательно доработанным. 2 июля 1923 г. на заседании Коллегии НКЗ Козырев сделал доклад «О необходимых мерах сохранения рациональной постановки сельскохозяйственного опытного дела и приведении его в соответствие с реальными

финансовыми возможностями Наркомзема» [37, л. 31]. Основу доклада составило новое «Положение о сельскохозяйственном опытном деле и управлении им», которое фактически так и не было согласовано с ведущими специалистами Комиссии. Доклад Козырева получил одобрение Коллегии, и «Положение» практически без изменений было утверждено Наркомземом и Советом Народных Комиссаров [38].

«Положение» включало следующие направления реконструкции опытного дела: 1) включение опытных учреждений в общий план восстановления и развития сельского хозяйства; 2) ликвидацию нежелательного уклона в сторону академизма, придание работе опытных станций практического характера; 3) приближение опытного дела к широкой массе хозяйствующего населения: вовлечение в работу крестьян-опытников, совхозов, кооперативов и зарождающихся колхозов; 4) сокращение опытной сети НКЗ, передачу части опытных учреждений в местное подчинение; 5) выделение исследовательских институтов в особую группу опытных учреждений; 6) пересмотр системы руководства опытными учреждениями; 7) введение системы планирования и отчетности; 8) усиление контроля над работой опытных учреждений через уполномоченных НКЗ; 9) развитие работ по селекции, семеноводству и племенному делу [39].

Главная особенность нового «Положения» — акцент на сугубо практические задачи опытной работы. Истоки и общие причины этого направления реформы подробно обсуждались в предыдущем разделе. Целью сельскохозяйственных опытных учреждений было объявлено «поднятие производительных сил сельского хозяйства путем разрешения научными методами практических запросов и изыскания наиболее целесообразных форм и приемов сельскохозяйственного промысла» [39, л. 227].

Ограниченные средства НКЗ заставили сократить опытную сеть почти вдвое, часть опытных станций передать на местный бюджет. Такое радикальное сокращение предусматривало особыю тщательность отбора. Поэтому весьма показательны разработанные Комиссией параметры успешной деятельности опытной станции, гарантировавшие ее сохранность. Оценивая работу станции, смотрели не на научные показатели. Критериями отбора служили: рентабельность хозяйства опытного учреждения,

наличие программы или плана исследований, оснащенность научным оборудованием и полевой техникой, степень развернутости опытной работы. Таким образом, под сокращение подпадали многие опытные станции, не успевшие начать исследования в полном объеме или составить план работы, оснастить лаборатории, не умевшие зарабатывать продажей собственной продукции. По оперативным данным НКЗ, в список оставшихся на полном государственном финансировании вошли 78 из 120 опытных учреждений. Остальные 42 были ликвидированы, переданы в другие ведомства или перешли на бюджет местных органов [39, л. 224—226]. В дальнейшем эти списки корректировались. Сокращение вылилось в еще более выразительные цифры: из 128 числящихся на конец 1923 г. опытных учреждений меньше половины — 59 оставили на государственном бюджете, 50 передали на местный бюджет, остальные 19 сократили [40]. Между тем, по мнению большинства ученых, созданная к 1923 г. опытная сеть была оптимальной по размерам и охвату направлений сельскохозяйственной науки. Любое сокращение сети означало утрату определенных тем исследований, становилось невосполнимой потерей для области, которую обслуживало упраздненное учреждение.

На наш взгляд, принципиально важным для всей последующей истории опытного дела стало разделение опытных учреждений на две категории. К первой принадлежали особые, привилегированные организации — исследовательские институты.* Институты должны были проводить научные исследования по общим и специальным вопросам сельскохозяйственной науки и естествознания. Они получали полное бюджетное финансирование и наделялись высоким статусом общегосударственных опытных учреждений. Все остальные опытные станции и поля, составлявшие на тот момент основу опытной сети, вошли во вторую группу. Согласно новому «Положению», они должны были исключить из своих программ научные исследования и за-

*В то время в области сельскохозяйственной науки работал лишь один такой институт — Государственный институт опытной агрономии. Остальные прелестяло создать вопреки финансовым трудностям и сокращению опытной сети.

ниматься проверкой и внедрением полученных институтами результатов, обеспечением потребностей местного хозяйства.

Не менее важное нововведение реформы — перестройка руководства опытным делом. «Положение» отменяло прежнюю демократическую практику: съезды опытников утрачивали руководящие функции. Распускалось Бюро по опытному делу. Все административные функции сосредоточивались в Опытном отделе, который осуществлял и научное руководство опытным делом. Для этого было образовано Научное бюро отдела, причем «состав бюро... назначает (выделено нами. — *O. E.*) Коллегия Наркомзема» [41]. На сессиях Бюро предстояло заслушивать вопросы научной политики в опытном деле: рассматривать и утверждать перспективные и годовые планы, программы исследований, отчеты опытных учреждений. Это означало, что важные для опытного дела решения фактически могли быть приняты келейно, без широкого обсуждения специалистами. Перестраивался и низший эшелон руководства. Упразднялись опытные отделы региональных земельных управлений — носители традиций земской работы. По «Положению» 1923 г. вместо них ввели «контроль сверху» — через уполномоченных инспекторов НКЗ. Опытное дело в каждой области подчинялось непосредственно региональному уполномоченному. Как прокомментировал это нововведение известный ученый-опытник С. К. Чаянов, оно «дало возможность осуществить основную мысль В. И. Ленина: надо не только указать, как делать, но и наблюсти, выполнено ли сказанное» [42].

Ученые-опытники против реформы

Большинство ученых-опытников узнало о проводимой реформе из официальных циркуляров НКЗ. Реформа готовилась келейно, публичные обсуждения не проводились, решения принимались поспешно. Кроме того, все события пришлись на май—август — пик полевой работы. Ученые-опытники в это время мало склонны к профессиональному общению; собрания и съезды всегда проводились в «мертвый» сезон конца осени—зимы. Поэтому основной поток откликов ученых на проводимую реорганизацию пришелся на тот период, когда реформа была уже «в действии».

По нашим данным, в высказываниях ученых негативные оценки реформы явно преобладали. Это не кажется удивительным, если вспомнить самое острое следствие реформы — сокращение опытной сети. Можно выделись две критические позиции ученых.

Одними руководили личные мотивы: они считали реформу неправильной, поскольку сокращение коснулось непосредственно их опытной станции. Как правило, вся энергия оппонентов этой категории уходила на письменную аргументацию необходимости исправления ошибки. В комиссию по пересмотру опытной сети хлынул поток писем с просьбой изменить решения о закрытии или передаче на места опытных станций. Если подобное происходило, критика прекращалась.

Другие оценивали возможные негативные последствия реформы с точки зрения судьбы опытного дела в целом. Опытники смирились с неизбежностью сокращения, вызванного тяжелым финансовым положением. Однако тот путь, который выбрал НКЗ, представлялся неоправданным и губительным. Чаще всего говорили о недопустимости передачи опытных учреждений на местное попечение. Оно вовсе не означало реставрацию дореволюционных традиций, считали специалисты. Если раньше содержание на «местном бюджете», то есть за счет земств, научных обществ, частных лиц, порою оказывалось предпочтительнее государственного и открывало свободу научному творчеству, в условиях финансовой нестабильности середины 1920-х местное подчинение вылилось бы в остаточное финансирование из скучного местного бюджета. Почти всегда критика была конструктивной; в НКЗ во множестве поступали альтернативные, «менее болезненные», проекты реорганизации. Одни предлагали оставить только областные опытные станции, передав им деньги и штаты, высвободившиеся от сокращения всех остальных учреждений. Таков, например, был проект известного опытника А. Н. Лебедянцева, директора крупной областной Шатиловской станции [43]. Другие настаивали на «самореформе», когда все решения о реконструкции областной сети принимает региональное опытное руководство при установленных в НКЗ общих нормативах сокращений по губерниям [43, л. 18—20].

Непримиримую позицию заняли члены Комиссии НКЗ Дояренко, Левицкий и Тулайков. Все трое еще до окончательного ут-

верждения «Положения» направили в Коллегию НКЗ письма о своем несогласии с выводами Комиссии и практически со всеми направлениями готовящейся реорганизации. «Принятие нового „Положения“ грозит серьезным потрясением во всем опытном деле...» — заявлял А. Г. Дояренко [44]. «Вред, который будет принесен русскому сельскому хозяйству в результате принятия таких непродуманных предложений, нам, опытникам, легко предусмотреть...» — предупреждал Н. М. Тулайков [44, л. 218—219]. В частности, Тулайков категорически возражал против разделения опытных учреждений на научные и практические. Создание особых институтов для научных исследований, считал он, не сможет «заменить ту научную работу, которую ведут областные и районные опытные станции и поля, которым по проекту предлагается только проверка и приложение к практике того, что разработано будет этими Институтами» [44, л. 219]. Однако критика признанных опытников никак не повлияла на решение Комиссии. Соображения ведущих специалистов остались «особыми мнениями», подшитыми к решению Коллегии НКЗ.

Реформа предполагала и такие перемены, в оценке которых не было разногласий. Это, прежде всего, приоритетное развитие селекции. Поэтому в реформе и в новом «Положении» многие увидели лишь долгожданную поддержку селекции, семеноводства и племенного животноводства [45]. Неудивительно, что для селекционеров и генетиков это оказалось главным содержанием реформы. Усиление селекционной компоненты в работе опытных учреждений составляло единую линию государственной поддержки селекции, которую контролировал лично В. И. Ленин. Из записок управляющего делами Совнаркома Н. П. Горбунова известно, что на Ленина большое впечатление произвела книга А. Гарвуда «Обновленная земля». В ней рассказывалось об успехах американского сельского хозяйства в связи с применением достижений науки, прежде всего селекции [46]. Ленин загорелся идеей создать в Советской России по примеру американцев «научное сельское хозяйство», начинать которое, по его мнению, следовало с селекции новых сортов и распространения усовершенствованных семян [47]. Однако даже режим явного благоприятствования селекционной работе не заслонил негативные стороны общей реорганизации. Так, селекционер и генетик

Н. И. Вавилов в начале 1924 г. утверждал, что «опытное дело переживает трудный момент. Число учреждений со 154 доведено до 54, но и сокращение не привело к улучшению» [48]. Заметим, что лично для Вавилова реформа открывала значительные научные и карьерные перспективы в связи с открытием под его руководством первого из запланированных исследовательских институтов — Института прикладной ботаники и новых культур (впоследствии — Всесоюзный институт растениеводства). Николай Иванович был одним из тех, кто активно поддерживал идею создания специализированных институтов в опытном деле.

Заключение

В настоящей работе мы не ставили задачу проследить ход реформы и оценить ее последствия для опытного дела. Это предмет самостоятельного исследования. К тому же на проводимую реорганизацию наложилась другая, глубинная перестройка опытной сети в период колхективизации и создания сельскохозяйственной академии. Поэтому анализ последствий реформы должен быть логически связан с историей ВАСХНИЛ. Нас же интересовали, прежде всего, события начала 1920-х гг.: подготовка и законодательное оформление реформы. Предпринятое в настоящей работе изучение предыстории, мотиваций, содержания и хода обсуждения реформы позволяет выделить ряд важных моментов.

Инициатива реорганизации опытного дела исходила от новой власти в лице НКЗ. Перед учеными-опытниками впервые поставили задачу первоочередной государственной важности. Впервые на них была возложена и столь большая ответственность: никогда раньше подъем сельского хозяйства не ставили в прямую зависимость от результатов научного труда. Повышенные ожидания породили и более пристальное внимание НКЗ к организации опытной работы. Все это позволяет говорить о реформе как о первом шаге большевиков к контролю над опытным делом.

Первоочередная задача реформы — усиление практической отдачи опытных станций за счет сокращения оригинальных научных исследований — также определялась общим курсом

НКЗ. Однако мы полагаем, что в этом главном своем направлении реформа следовала чаяниям ученых. В годы послереволюционной разрухи ученые-опытники оказались единодушны в желании сосредоточиться на конкретной практической помощи. Некоторые другие стороны реформы — создание специализированных институтов для научных исследований, приоритетное развитие селекции и пр. — также относятся к давним замыслам ученых, реализации которых помогла новая власть. Таким образом, в определении главных направлений реорганизации опытного дела интересы ученых и власти в значительной степени совпадали.

Однако процесс подготовки проектов реформы, ход их обсуждения и, главное, содержание итоговых документов оказались далекими от ожиданий ученых. Решающим фактором послужило внешнее обстоятельство — кризис финансирования в период нэпа. Нехватка денег повлекла вынужденное сокращение сети опытных учреждений. Параметры и критерии сокращения стали одним из главных пунктов критики реформы со стороны ученых. Ученым претил также новый, недемократический стиль обсуждения документов, определявших судьбу опытного дела. Другим моментом, выявившим расхождение взглядов власти и ученых (а также разногласия внутри научного сообщества), стало создание специализированных исследовательских институтов.

Таким образом, реформа 1923 г. заложила основу советской реконструкции сельскохозяйственной науки. Произошла стратификация прежде равноценных с научной точки зрения учреждений опытной сети. Выделилась привилегированная каста институтов, наделенных правом проводить научные исследования. Им подчинялись опытные станции и поля, задачи которых сводились к проверке и внедрению полученных «наверху» данных. Именно эта модель с крупными институтами во главе каждой отрасли получила окончательное воплощение в ВАСХНИЛ — главном символе советской сельскохозяйственной науки эпохи сталинизма. Такая система оказалась идеальной для бесконтрольного «внедрения» по указанию «сверху» приемов и методов опытной работы, подобных агротехническим новшествам Т. Д. Лысенко.

1. Подробнее об этом см.: *Joravsky D.* Soviet Marxism and Natural Science. 1917—1932. New York, 1961 (Ch. 16—17); *idem.* The Lysenko Affair. Chicago: London, 1970. P. 36—38.
2. *Елина О. Ю.* Наука для сельского хозяйства в Российской империи: формы патронажа // ВИЕТ. 1995. № 1. С. 40—63.
3. Труды Совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела в России. СПб., 1909.
4. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности. 1837—1912. Пг., 1914.
5. Список сельскохозяйственных опытных и контрольных учреждений. Пг., 1915.
6. *Елина О. Ю.* Наука для сельского хозяйства... С. 59—60.
7. *Karr Э.* История советской России. Большевистская революция: В 2-х т. М.. 1990. Т. 2.
8. Собрание узаконений России, 1917—1918. Пг., 1918. № 1. Ст. 3.
9. О земле. М., 1921. Т. 1. С. 13.
10. Сельскохозяйственное опытное дело РСФСР в 1917—1927 гг. Л., 1928. С. XXV.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 5. Д. 93. Л. 48—49.
12. *Дояренко А. Г.* Неотложные внеочередные нужды опытного сельскохозяйственного дела в целях подъема производительных сил страны. Бюллетень № 14 Опытного поля Петровской сельскохозяйственной академии. М., 1918.
13. Труды совещания представителей опытного дела и агрономических организаций губернских земельных отделов 12—14 ноября 1918 г. в Москве. Вып. 1. Секция по опытному делу. М., 1919.
14. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 91.
15. Обзор деятельности Бюро всероссийских съездов по опытному делу с ноября 1919 г. по июль 1921 г. // Тр. VII Всероссийского съезда по сельскохозяйственному опытному делу. М., 1921. Вып. 1. С. 140—143.
16. Сельскохозяйственное опытное дело РСФСР в 1917—1927 гг. М., 1927.
17. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 374.
18. Положение о сельскохозяйственном опытном деле и заведовании им. М., 1919.
19. Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4.
20. *Книпович Б. Н.* Очерк деятельности Наркомзема за три года (1917—1920). М., 1920.
21. Обновленное министерство и сельскохозяйственный кризис. СПб., 1896.
22. Отчет Народного комиссариата земледелия IX Всероссийскому съезду Советов. М., 1921.
23. Центральное управление земледелием и советскими хозяйствами в свете НЭПа. К Всероссийскому съезду губземотделов: Сб. статей / Под ред. М. Е. Шеффера. М., 1921.
24. *Милютин В.* Аграрная политика СССР. Л., 1929.
25. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 156.

26. Центральное управление земледелием. . С. 7—9.
27. Дояренко А. Г. Роль опытного дела в системе государственного строительства. Бюллетень № 30 Опытного поля Петровской Сельскохозяйственной академии. М., 1921. С. 11.
28. Graham L. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927—1932. Princeton, 1967.
29. Труды совещания представителей опытного дела... Вып. 1. С. 3—5.
30. Тимирязев К. А. Соч.: В 10 т. М.. 1937. Т. 3. С. 18—19.
31. Дояренко А. Г. Неотложные внеочередные нужды... С. 2.
32. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2397. Л. 176.
33. Краткий очерк деятельности и задач Сельскохозяйственного ученого комитета. Пг.: Киев, 1919.
34. Дояренко А. Г. Роль опытного дела... С. 14.
35. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1081.
36. Там же. Д. 974. Л. 58—59.
37. Там же. Д. 975.
38. Там же. Д. 2397.
39. Там же. Д. 975. Л. 227—232.
40. Сельскохозяйственное опытное дело РСФСР в 1917—1927 гг. С. XIII.
41. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 975. Л. 227.
42. Сельскохозяйственное опытное дело РСФСР в 1917—1927 гг. С. XXXII.
43. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 2397. Л. 71—72.
44. Там же. Д. 975. Л. 217.
45. Селекция и семеноводство в СССР. М., 1924.
46. Гарвую В. Обновленная земля. М., 1909 (пер. К. А. Тимирязева).
47. Горбунов Н. П. Как работал Владимир Ильич. М.. 1933. С. 36—38.
48. Вавилов Н. И. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Т. 1. Петроградский период, 1921—1927. М., 1994. С. 109.

ПОПЫТКИ «СОВЕТИЗАЦИИ» БИОЛОГИИ
В ЛЕНИНГРАДЕ В ГОДЫ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»
(1929—1932)

Советская биология — излюбленный объект для анализа взаимоотношений между наукой, идеологией и властью [1]. Основное внимание обычно уделяется деятельности Т. Д. Лысенко и партийно-государственной политике. Но появление лысенкоизма как наиболее зловещего результата «советизации» биологии в значительной степени связано с попытками в 20-е гг. создать некую «пролетарскую» или «диалектическую» биологию. Однако не только, и даже не столько политическое руководство, сколько ученые были главными инициаторами идеологизации естествознания [2]. Первые диалектизаторы биологии, среди которых впоследствии оказалось немало жертв сталинских репрессий, активно участвовали в создании научных марксистских организаций, печатались в идеологических журналах, обсуждали вопросы о соответствии марксизму различных естественнонаучных концепций. В эти годы шла борьба внутри биологического сообщества, члены которого по-разному реагировали на попытки диктовать тематику биологических исследований. Борьба сказывалась на идеях, ценностях и традициях науки, на ритуале научных мероприятий, на стиле поведения ученых с властью предержащими [3].

Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ 01-00-354.

Важнейшей предпосылкой для появления лысенковского варианта советской биологии стала деятельность нескольких марксистских научных организаций в Ленинграде в годы «культурной революции», возглавляемых И. И. Презентом, ставшим вскоре правой рукой Т. Д. Лысенко и его главным идеологом. На основе неиспользованных ранее архивных материалов я постараюсь показать, насколько эффективна была деятельность Презента и его окружения по советизации биологии и что заставило его искать союз с Лысенко и ему подобными. Но вначале кратко о некоторых результатах предшествующих попыток «советизации» и «диалектизации» биологии.

С первых лет советской власти правительство установило административный контроль над деятельностью институтов, лабораторий, музеев, вузов. Предпринимались и шаги по идеологизации естествознания. Для пропаганды марксизма и подготовки марксистских кадров в области преподавания и науки создавалась сеть марксистских учреждений и организаций [4]. Еще в годы гражданской войны и военного коммунизма возникли Социалистическая (с 1923 г. — Коммунистическая) академия (Комакадемия), Коммунистический университет (1919) и Институт красной профессуры (1919), который имел отделения во многих городах. В 1924 г. был организован Государственный научно-исследовательский институт изучения и пропаганды основ диалектического материализма. В 1925 г. развернула свою деятельность Секция естественных наук при Комакадемии. С 1923 г. создаются марксистские организации, призванные привлечь естествоиспытателей на сторону диалектического материализма: Общество воинствующих материалистов и Общество материалистических друзей гегелевской диалектики, объединившиеся в 1928 г. в Общество воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД). В 1926 г. создается Общество биологов-материалистов, переименованное позднее в Общество биологов-марксистов (ОБМ). На страницах общенаучных, биологических, философских и общественно-политических журналов («Спутник коммуниста», «Пролетарская культура», «Вестник знания», «Коммунистическая мысль», «Вестник Комакадемии», «Под знаменем марксизма» и др.) печатались статьи по философским проблемам эволюционной теории, физиологии, генетике, евгенике. Так постепенно

складывалась организационная основа для внедрения идеологии марксизма в биологию.

Первоначально диалектизацией биологии занялись марксисты, имевшие смутные представления о ней, но легко делившие концепции в области физиологии, генетики и эволюционной теории на диалектические и метафизические, сравнивая их положения с категориями и законами диалектики: А. Н. Бартенев, Г. А. Гурев, М. Попов-Подольский, В. Рожицын, М. Равич-Черкасский, В. Н. Сарабьянов и др. [5]. Осужденные за вульгаризацию марксизма, они вскоре уступили место профессиональным биологам. В 1925 г. публикуются работы ботаника Б. М. Козо-Полянского, систематика А. А. Любищева, психоневролога В. М. Бехтерева, генетика А. С. Серебровского, эмбриолога М. М. Завадовского, заявивших о своей приверженности официальной философии [6].

Политизация биологических дискуссий началась, когда в них включились биологи и философы, получившие образование через рабфаки, ИКП и комвузы. Появляются труды биологов, изначально обсуждавших научные проблемы с позиций диалектического материализма: ботаника И. М. Полякова, физиолога Б. М. Завадовского, генетика Н. П. Дубинина. Особое значение имела деятельность И. И. Агола, С. Г. Левита, В. Н. Слепкова, Е. А. Финкельштейна [7], которые вскоре возглавили марксистские организации и учреждения, связанные с биологией. Имея опыт гражданской войны, студенческих и партийных чисток, они активно использовали политические аргументы, внося в дискуссии дух непримиримости, обвиняя оппонентов в витализме, мистицизме, идеализме, телеологии. На формирование взглядов биологов в СССР влияли и немецкие биологи-марксисты, эмигрировавшие в СССР в 20—30-е гг.: бывший военный комиссар Баварской республики М. Л. Левин и Ю. Шаксель — ученик Э. Геккеля, «первый марксист среди биологов и первый биолог среди марксистов» [8]. Утверждается даже, что «черты идеологической воинственности и бескомпромиссности» у первого поколения биологов-марксистов были «следствием свойственной их учителям-немцам прямолинейности и твердости» [9].

Подобный стиль усваивали и другие участники дискуссий. Возрастала агрессивность формулировок. Выступая 20 ноября

1926 г. в Комакадемии, генетик А. С. Серебровский заклинал присутствовавших «рассеять туман ламаркизма» и звал к бескомпромиссной борьбе с ним «под знаменем революционного марксизма всюду и, в первую очередь, здесь, в стане нашей Коммунистической Академии» [10]. Уже в 1926 г. главным аргументом в биологических спорах часто становилась апелляция к диалектическому материализму [11], что соответствовало провозглашенному еще в первых номерах журнала «Под знаменем марксизма» лозунгу о союзе философии диалектического материализма и естествознания [12].

Обычными становились и аргументы о практическом значении своих взглядов для строительства нового мира [13]. Например, М. В. Волоцкой утверждал, что предлагаемое им насилиственное (вплоть до стерилизации) предотвращение размножения особей с нежелательными генами обеспечит улучшение качества популяций человека, а тем самым быстрое построение социализма. Стерилизация снизит интенсивность борьбы за существование в обществе и придаст плановую организованность социальным процессам [14].

В условиях становящегося тоталитаризма идеологические дискуссии и проработки завершались оргыводами и кадровыми перестановками. Идейной формой часто прикрывали откровенный карьеризм. Поэтому трудно установить подлинные мотивы действия отдельных лиц. Но молодые биологи-марксисты объективно воспринимали традиционные научные школы как конкурентов и стремились ускорить профессиональную карьеру, обвиняя своих учителей и коллег в приверженности «буржуазной» науке. Они, как и другие партийные интеллигенты, не возражали против университетских чисток в 1924 г., реорганизации АН в 1929 г. и т. д. [15]. Но и многие биологи старшего поколения участвовали в марксистских организациях и журналах, стараясь сохранить или повысить свой статус, получить финансовую поддержку, низвергнуть конкурентов, защититься от нападок.

Эти первые два этапа диалектизации и «советизации» биологии шли на фоне идейной борьбы между представителями различных школ и направлений в самой биологии, например дарвинистами и механиоламаркистами, приверженцами И. П. Павлова

и В. М. Бехтерева в физиологии и т. д. При отсутствии ясных представлений о диалектической методологии каждый мог объявлять близкие ему теории и концепции соответствующими марксизму, а взгляды своих оппонентов антимарксистскими. В обстановке ожесточенных дискуссий по общетеоретическим проблемам биологии и постоянной борьбы против «павловщины», «бехтеревщины», «райковщины», «корниловщины» и т. д. формировалась практика навешивания ярлыков на научных оппонентов, которые шельмовались как реакционеры и пособники мировой буржуазии. Все ощущимей становилось не столько стремление убедить оппонента в своей правоте, сколько указать на вредность его взглядов и исследований. В этих условиях большинство представителей «старорежимной», «буржуазной» интеллигенции старались ограничиться лишь формальным заявлением о соответствии своих исследований методологии диалектического материализма. Немногие открыто заявляли о бесплодности подобной диалектизации науки [16].

Эпицентром идеологических бурь, сотрясавших биологию в эти годы, была Москва, где находились основные марксистские учреждения и общества, а близость к партийно-правительственным кругам обостряла конкуренцию. В Ленинграде, где сохранялись научные школы с всемирно признанными лидерами (В. И. Вернадский, Н. И. Вавилов, И. П. Павлов и др.), идеи диалектизации биологии не имели серьезной поддержки среди ученых. До 1929 г. здесь не было учреждений Комакадемии и отделений ОВМД и ОБМ. Число же действительных членов естественнонаучной секции Научного общества марксистов (НОМ), созданного еще в 1919 г., вплоть до 1928 г. насчитывала несколько человек, среди которых только физиолог А. А. Ухтомский (потомок князя Рюрика по отцовской линии и Чингисхана — по материнской) и орнитолог П. В. Серебровский (служивший в белой армии П. Н. Врангеля) пользовались авторитетом в научном сообществе. Возглавляла секцию старая большевичка Э. С. Гайказова. На заседания секции, проходившие обычно в кабинете ректора университета, приходило 10—15 человек [17]. И на пленарных заседаниях НОМ присутствовало 8—12 его действительных членов, а аудитория актового зала университета заполнялась за счет слушателей из тех учреждений, где преподавал докладчик,

и большого числа военных, направляемых, возможно, на лекции по наряду [18].

Для поднятия авторитета НОМ в качестве докладчиков секционных и пленарных заседаний приглашались известные ученые: В. М. Бехтерев, Н. И. Вавилов, В. Л. Комаров и др. Дискуссии носили вполне академический характер. Например, в ходе дебатов 11 апреля 1925 г. по докладу В. М. Бехтерева «Рефлексология и диалектический материализм» выяснилось, что представители четырех школ в физиологии высшей нервной деятельности доказывали, что именно их взгляды должны стать основой марксистской социологии [19]. Но при этом оппоненты воздерживались от диалектической риторики и наклеивания ярлыков. С 1925 г. в работе естественнонаучной секции участвует И. И. Презент, закончивший юридическое отделение факультета общественных наук, но считавший себя специалистом по диалектике живой природы. К тому времени он уже собрал вокруг себя группу студентов, с помощью которых не раз пытался дестабилизировать работу естественнонаучной секции НОМ, но каждый раз встречал твердый отпор со стороны руководства секции и ее правления [20]. Весной 1928 г. Презент стал внештатным сотрудником секции философии Ленинградского научно-исследовательского института по изучению марксизма-ленинизма (ЛИМ), созданного в 1927 г. работниками Ленинградского Коммунистического университета [21]. Возникновение ЛИМа связано с прибытием в Ленинград выпускников ИКП, в том числе интересовавшихся философией естествознания (Р. Э. Яксон, Г. С. Тымянский, М. Л. Ширвинд и др.). Члены секции философии были последователями А. М. Деборина, возглавлявшего тогда Институт философии и журнал «Под знаменем марксизма». К ним и примкнул Презент. В соответствии с установками Деборина Презент свою задачу видел в «построении имманентной логики биологического процесса» и «в исследовании логической концепции различных биологических теорий» [22]. Он постоянно выступает с докладами по разным философским проблемам биологии: «Логика биологии», «Роль случайности в филогенезе», «Борьба с механистической ревизией марксизма», «Категория развития и телеологии в биологии» и т. п.

К концу 1927 г. стало ясно, что НОМ не справляется с задачами пропаганды марксизма среди ученых. Не раз в постановлениях и записках партийных органов отмечалось, что недостаточно «выяснена физиономия общества», что в публикациях НОМ «нет отражения современных проблем, а само общество не может считаться марксистским» [23]. Руководителям НОМ часто приходилось в Главнауке, ВЦИКе и ЦК ВКП(б), губкоме и губисполкоме отстаивать право на существование и выбивать скучное финансирование [24]. Положение НОМ резко осложнилось после создания ЛИМ. Его руководители (Б. Н. Позерн, С. Л. Гоникман), опиравшиеся на поддержку губкома, с самого начала стремились поглотить НОМ [25].

28 мая 1928 г. научно-политическая секция Наркомпроса приняла решение о «реорганизации НОМ и объединении его с работой Института» [26]. Полтора года ушло на попытки доказать различия Общества (НОМ) и Института (ЛИМ). Но все было тщетно. Подчиняясь указаниям «сверху», 28 декабря 1929 г. фракция ВКП(б) в НОМ сама выступила с предложением ликвидировать НОМ в связи с существованием аналогичной марксистской организации и передачи его имущества в Комакадемию [27]. Эта «инициатива снизу» сразу же была поддержана. 5 января 1930 г. Главнаука приняла соответствующее решение [28]. Естественнонаучная секция вошла в Ленинградское отделение ОВМД, став вскоре основой ленинградского Общества биологов-марксистов (ОБМ) [29]. Только два члена этой секции — П. Н. Овчинников и И. И. Презент участвовали в последующей диалектизации биологии.

Ликвидация НОМ была вызвана началом «культурной революции», призванной окончательно подчинить науку задачам социалистического строительства [30]. Руководство страны сочло, что настало время вмешаться в тематику научных исследований, оценивая соответствие тех или иных концепций проводимым в стране преобразованиям. Начался следующий этап в диалектизации и «советизации» биологии, ознаменованный официальным осуждением сторонников механистического материализма в апреле 1929 г. на II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений. Была одобрена идея Деборина о создании «марксистской теории естествознания». Отныне стало возмож-

ным отвергать любую научную концепцию как несоответствующую диалектическому материализму. В числе сторонников Деборина был и Презент. 20 октября 1929 г. он возглавил в Ленинграде естественнонаучную секцию ОВМД, а весной 1930 г. — и ОБМ. Одновременно он — доцент в Педагогическом институте и научный сотрудник Института философии ЛОКА. Но главную роль в диалектизации естествознания продолжали играть Н. А. Гредескул, Г. С. Тымянский, М. Л. Ширвинд.

В декабре в события вмешался И. В. Сталин, который охарактеризовал позицию Деборина как «меньшевистствующий идеализм» и потребовал «разворотить и перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании». Сталинские указания немедленно были приняты к исполнению. Уже 11 января 1931 г. Президиум Комакадемии приступил к «перестройке естественных и математических наук на основе материалистической диалектики» [31].

В этих условиях нужны были более агрессивные диалектизаторы естествознания. Руководителем Ассоциации естествознания в Комакадемии стал бывший начальник политотдела 5-й армии и организатор рабочих дружин в Германии Э. Я. Кольман, готовый даже законы Ньютона и Бойля-Мариотта переработать с позиций диалектического материализма. Кольман был уверен, что биология в СССР кишит вредителями: генетики отстаивают евгенические мероприятия, зоологи и ботаники противостоят созданию совхозов-гигантов, а ихтиологи занижают продуктивность прудов и рек. Труды биологов — сторонников Деборина (И. И. Агола, С. Г. Левита, М. Л. Левина, А. С. Серебровского, В. Н. Слепкова и др.) были объявлены антимарксистскими. Их места в Комакадемии и журналах «Под знаменем марксизма» и «Естествознание и марксизм», переименованном в «За марксистско-ленинское естествознание», заняла новая когорта диалектизаторов биологии (Б. П. Токин, В. С. Брандгендер, П. П. Бондаренко, Р. Э. Яксон, Г. Ю. Яффе и др.). С ними были и представители дореволюционной интеллигенции, оказавшиеся по разным причинам вне академического истеблишмента (В. Р. Вильямс, Б. А. Келлер, А. В. Немилов) или вынужденные демонстрировать лояльность властям (К. М. Быков, П. В. Серебровский) из-за участия в гражданской войне на стороне белых. Сталинское

требование о связи научных исследований с задачами социалистического строительства позволяло ликвидировать любое направление в биологии, обвиненное в отрыве от практики. Прорверке и проработке подлежали все ученые, но в первую очередь касться заставляли недавних лидеров диалектизации.

Таким образом, не только борьба с буржуазными учеными, но и конкуренция за руководящие посты, за финансы, за покровительство партийной элиты были движущими силами в диалектизации биологии. Победители со спокойной совестью занимали освобождавшиеся места, нередко способствуя низвержению предшественников. Возглавивший биологию в Комакадемии Б. П. Токин уже готов был к борьбе с Н. И. Вавиловым [32]. Но не успел он разобраться с «механистическими материалистами и меньшевистирующими идеалистами», как старая большевичка, будущий автор концепции «живого вещества» О. Б. Лепешинская обратилась в Комиссию партийного контроля ЦК ВКП(б) с предложением назначить следствие по его делу [33]. В архивах много документов о том, что и будущие непреклонные борцы с лысенкоизмом не брезговали по своей инициативе использовать марксизм для осуждения своих научных противников. Примером может служить письмо В. Н. Сукачева от 20 декабря 1931 г. И. И. Презенту, где ему предлагается выступить на философском семинаре с критикой работ В. Н. Беклемишева [34]. Ранее он резко выступал против своих коллег по Лесотехнической академии, называя их концепции контрреволюционными [35].

На каждом этапе «культурной революции» к руководству приходили все более агрессивные группы, а идеологический террор усиливался. Конкуренция была особенно жестокой между лицами, стремившимися к активному сотрудничеству с советской властью. В конечном итоге победителем в этой борьбе вышел И. И. Презент, который в дискуссии с деборинцами оказался среди тех молодых ленинградских философов (В. Н. Ральцевич, П. Ф. Юдин и др.), которые вместе с М. Б. Митиным «быстро поняли правильную партийную ориентировку» и изменили соотношение сил, присоединившись к критикам своего недавнего кумира [36]. Ему с И. А. Вайсбергом Кольман, недовольный пассивностью руководителей ЛОКА в борьбе с деборинцами, поручает «организовывать кадры» биологов в Ленинграде. Он

возглавляет Сектор биологии в Секции естествознания ЛОКА, преобразованной 19 мая 1931 г. в Институт естествознания, где директором был Р. Э. Яксон, а его заместителем Я. М. Урановский. В тесном контакте с ОБМ работала Секция физиологии, возглавляемая Н. Н. Никитиным. В 1931 г. Презент организует в университете кафедру диалектики природы и эволюционного учения.

Презент умело использовал крах деборинцев. Он возглавил все организации, созданные в Ленинграде для проведения политики насильтственного внедрения диалектического материализма в биологические исследования и искоренения инакомыслия. Именно деятельность Презента в Ленинграде наиболее ярко отразила новые тенденции диалектизации биологии, направленной прежде всего на борьбу с традиционными научными школами. Он вовремя покинул деборинцев, осознав, что критерием истины и в философии, и в науке отныне становится не соответствие той или иной теории фактам и высказываниям классиков марксизма, а готовность слепо следовать политике Сталина несмотря на все ее колебания. Это обеспечило «успех» Презента на протяжении нескольких десятилетий вплоть до его «звездного» часа на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г.

Успеху способствовали и особенности его характера. Блестящий талант оратора и полемиста, активная позиция, граничащая с авантюризмом, смелость, рассказы о «героическом революционном прошлом», забота о ближних, успех у женщин и т. д. — все это привлекало к Презенту многих людей. Прежде всего Презента поддерживала молодежь. Закаленный в предшествующих попытках диалектизации биологии, Презент как никто другой умел придать научной полемике характер обострившейся классовой борьбы, будь то дискуссии о методике преподавания биологии, об охране природы, о фитосоциологии и т. д.

На первом заседании Биологической секции Ленинградского отделения Комакадемии (ЛОКА) 7 марта 1931 г. Презент произнес: «...Октябрьская революция в отношении перетряхивания теоретических установок только начинается. ...Нужно проделать черновую работу по сбору материала, чтобы представить себе все реакционные течения. Нужно взять на критику всех. Черновой просмотр, сборка материала должны вестись широко и

массово во всех учреждениях» [37]. В первую очередь он предлагал заняться реакционными течениями в генетике и ботанике, подготовкой всесоюзных съездов с целью захвата руководства научными обществами, методическим просмотром всех биологических кафедр, их послереволюционных печатных трудов. Его возмущало отсутствие ссылок в публикациях и лекциях на партийные документы. Для Презента не было авторитетов в науке. Он не признавал заслуг И. П. Павлова, В. В. Докучаева, В. Р. Вильямса, провозглашенных им впоследствии предшественниками лысенкоизма. Тогда же он заявлял, что в почтоведении нет докучаевской школы, есть только школы партийные и антипартийные. Особо зловещую роль Презент сыграл в гибели Н. И. Вавилова.

Возглавляемые Презентом общества были малочисленны и состояли из людей с повышенной политической активностью (П. С. Беликов, П. Н. Овчинников, Б. Г. Поташникова, В. А. Щепетильникова, Г. Н. Штерн и др.). Их не устраивала кастовость, замкнутость научного сообщества, куда не так просто было проникнуть выходцам из новых слоев, не обладавшим прочными профессиональными знаниями. Будируемая ими «культурная революция» как «классовая борьба» была прежде всего борьбой маргиналов за повышение своего статуса [38]. Молодежь стремилась сломать старые формы научного быта путем вовлечения широких масс в обсуждение научных проблем и разоблачения «реакционной» профессуры, якобы мешавшей поставить науку на службу социалистическому строительству. Им импонировала идея коллективных научных исследований, где можно было собственную бесплодность спрятать под флагом общего труда.

За участие в борьбе с «буржуазными» специалистами им обеспечали быструю карьеру. Да они и не скрывали мотивов своей активности. На февральском собрании Биосектора ЛОКА 1931 г. говорилось, что в ВАСХНИЛ идут «бои» за марксистскую методологию, критикуются специалисты вавиловской школы, затирающие молодежь. Но молодые подручные Презента хорошо понимали, что в своих атаках они должны учитывать позицию партийных органов. Так, жена Презента Б. Г. Поташникова, призывая к преодолению взглядов Вавилова, отметила: «Вопрос с Вавиловым надо бы было согласовать с Обкомом» и признала,

что «...за проработку Вернадского, Павлова и других лиц мы еще взяться не можем» [39].

Атаковавшие не хотели признавать, что «кастовость» и «высокомерие» «буржуазной» профессуры в значительной степени обусловлена глубокой ее образованностью. Недостаток знаний они прикрывали фразеологией гражданской войны. В их лексиконе постоянно использовались выражения «проводить разведку», «атаковать», «дать бой», «потерпеть поражение», «на биологическом фронте». Из таких «специалистов» Презент формировал бригады по «проработке» теорий лидеров научных школ в генетике, биогеохимии, экологии, лесоводстве с целью выявления в них механицизма и идеализма, разоблачения аполитичности исследований, несоответствия их задачам социалистического строительства. Бригады устраивали лекции и диспуты, проводили учебные планы студентов и аспирантов, разрабатывали планы ряда всесоюзных совещаний, где предполагалось разоблачить оторванность научных исследований от запросов практики, обсуждались планы реорганизации научных обществ, так как туда можно было попасть только при наличии печатных трудов.

Деятельность этих бригад доставила много неприятностей биологам, попавшим под проработку. Но главная цель создателей обществ — привлечь большое число ученых в свои ряды и расслоить специалистов — провалилась. Часть биологического сообщества чисто внешне усвоила новую терминологию и продолжала заниматься прежними исследованиями. Другие биологи не боялись в открытую выступать против попыток диалектизировать биологию, называя, по собственному признанию Презента, его доклады и рассуждения демагогией и словоблудием [40]. Ученые уже осознавали грозящую им опасность и давали отпор своим критикам.

Даже самые многочисленные общества, созданные для установления контроля за биологами, насчитывали не более двухсот человек, да и те были только на бумаге. Из анкет видно, что подавляющее большинство членов любого общества в порядке партийной дисциплины чисто механически заполняли анкеты о вступлении или скорее всего даже не знали о своей причастности к нему, так как почти все анкеты заполнены одной рукой, а из

сведений приведены только фамилии и указано членство в партии [41]. Руководство ЛОКА обращалось даже в обком партии с просьбой обязать коммунистов вступать в ОБМ [42]. Но мобилизованные таким образом коммунисты, жаловался Презент, просили дать «поскорее заполнить все карточки на вступление в общества, не стремясь даже узнать их название» [43]. Жалобы на замкнутость, на отсутствие массовой поддержки со стороны научной общественности, малую активность своих ячеек скоро стали лейтмотивом выступлений на бесчисленных президиумах, правлениях, бюро и собраниях обществ.

Отсутствие реальных успехов в работе ленинградских учреждений и обществ не раз отмечалось и в решениях Президиума Ассоциации естественных наук Комакадемии и Президиума ОБМ. Крах этой «кавалерийской атаки» на биологию был обусловлен и отсутствием некого варианта «советской биологии», с позиций которой можно было бы осуществлять регламентацию биологических исследований. Наспех подготовленные аспиранты не могли организовать серьезную критику крупных биологов. Борьбу с ними с большим успехом осуществляли специальные комиссии по «чистке» АН СССР, ВАСХНИЛ и университета, сотрудники ОГПУ, арестовывавшие и ссылавшие неугодных биологов.

Осознание Презентом своей неудачи побудило его искать популярного среди партийного руководства покровителя, от имени которого можно было бы создать некую теоретическую базу для новых усилий по «диалектизации» и «пролетаризации» биологии. Презент знал, что такого нет в Ленинграде, да и никто из местных ученых не станет с ним сотрудничать. К этому времени уже был создан миф о Т. Д. Лысенко как талантливом агрономе. Его фамилия все чаще появляется в выступлении Презента. Начало их альянса датируется 11 февраля 1932 г., когда на заседании актива ОБМ в присутствии Лысенко обсуждались методологические установки его работ [44].

В апреле 1932 г. Презент составляет докладную записку в дирекцию Института естествознания, в которой обосновывает необходимость поездки с группой аспирантов и сотрудников Биосектора в Одессу в Генетико-селекционный институт, в заповедник Аскания-Нова и к селекционеру И. В. Мичурину [45].

Цель — овладеть экспериментальным методом преобразования организмов и подготовить сборник на эту тему. Официальный запрос был с удовольствием воспринят Лысенко. Из его письма от 22 мая 1932 г. к Презенту видно, что Лысенко еще плохо знаком со своей будущей «правой рукой», именуя его «Исаэем Исаевичем» вместо «Исая Израилевича». Лысенко считал приезд бригады Комакадемии «крайне желательным, особенно Ваш (Презента. — Э. К.) приезд, если не на весь срок пребывания бригады в Институте, то хотя бы на месяц» [46].

Взаимная готовность к сотрудничеству дала быстрые плоды. Из письма Лысенко к Презенту от 6 ноября 1932 г. видно, что они уже приступили к написанию совместных работ [47]. Лысенко просит Презента доработать статью и считать ее «результатом работы бригады Комакадемии». Тем самым было положено начало многолетнему сотрудничеству Презента с Лысенко, итоги которого оказались столь зловещими для всей отечественной биологии.

К моменту возвращения Презента из вояжа к Лысенко 11 июля 1932 г. на заседании Президиума и Секретариата ЛОКА было сообщено решение ликвидировать Институт естествознания [48]. Фактически прекратило существовать и ОБМ, а Презент перестал быть членом Президиума ОВМД. В 1934 г. его увольняют из университета, и он уезжает к Лысенко в Одессу. Перестали выходить журналы «За марксистско-ленинское естествознание» и «Проблемы марксизма» — главные печатные органы по диалектизации биологии в эти годы. Для решения судьбы журнала «Проблемы марксизма» оказалось достаточно одной фразы Сталина: «Здесь нет ни проблем, ни марксизма». Ликвидированы были ОВМД и ВАРНИТСО, так и не ставшие организациями для реализации замыслов идеологов «культурной революции». В последующих репрессиях погибли все основные диалектизаторы естествознания в Ленинграде, исключая Презента (И. А. Вайсберг, Н. А. Гредескул, А. А. Лейферт, Н. Н. Никитин, П. С. Серебровский, Г. С. Тымянский, Я. М. Урановский, Е. А. Энгель, Р. Э. Яксон и др.).

Ему вновь удалось покинуть тонущий корабль и найти нового покровителя, с которым он и осуществил план диалектизации биологии. Агробиология, созданная Презентом и Лысенко, была

представлена Сталину как подлинно пролетарская наука, изначально построенная на принципах диалектического материализма и поэтому способная стать орудием для осуществления самых грандиозных планов в сельском хозяйстве. В конечном счете, им удалось убедить Сталина, что только сокрушение всех конкурирующих течений и ограждение агробиологии от критики обеспечит возможность ее использования на полную мощь. Это и произошло на августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 г.

Принято считать, что сталинская наука сложилась в годы «великого перелома», а сталинский «массовый поход революционной молодежи на науку» взрастил генерацию, всегда готовую к поискам врагов социализма и ставшую основой лысенкоизма. Вместе с тем «культурная революция» не выполнила поставленных целей. Не удалось создать «пролетарскую» биологию, массовых обществ биологов, контролируемых партией. Не были написаны и марксистские учебники по биологии. Более того, частая смена кампаний и лозунгов показала биологам, что наиболее уязвимыми оказывались те, кто участвовал в пропаганде официальной идеологии. «Колебание» вместе с линией партии не гарантировало выживания. Это побуждало к активным действиям, необходимость которых первыми поняли генетики, вступившие в борьбу с Презентом и Лысенко в середине 30-х гг. После войны к ним присоединились биологи других специальностей, а в 50-е гг. — физики, математики, химики. Все они использовали приемы борьбы, выработанные в предшествовавших дискуссиях, выступая под знаменем диалектического материализма и апеллируя к властям как к верховному арбитру в научных спорах. Вступив в симбиоз с ними, ученые продолжали настаивать на необходимости свободы в научных исследованиях. Но власть давала им свободу в той степени, в какой считала их деятельность полезной для экономики и обороны. Это порождало постоянный диалог с властями, в ходе которого зрело недовольство.

1. Adams M. B. The Founding of Population Genetics: Contribution of the Chetverikov School, 1924—1934 // Journ. of the History of Biology. 1968. Vol. 1. N 1. P. 23—39; *idem*. Science, Ideology and Structure: The Kol'tsov Institute, 1900—1970 // The Social Context of Soviet Science / Ed. by L. L. Lubrano, S. G. Solomon. Boulder,

1980. P. 173—204; *Medvedev Z. A. The Rise and Fall of T. D. Lysenko*. New York. 1969; *Joravsky D. The Lysenko Affair*. Cambridge (Mass.). 1970; *Weiner D. R. Models of Nature: Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia*. Bloomington; Indianapolis, 1988; *idem. Russian Psychology. A Critical History*. Oxford, 1989; *Soyfer V. N. Lysenko and the Tragedy of Soviet Science*. New Brunswick, 1992; *Beyrau D. Intelligenz und Dissens: Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917 bis 1985*. Göttingen, 1993; *Josephson P. R. Totalitarian Science and Technology. Atlantic Highlands*; New Jersey, 1996.

2. См.: *Александров Д. А., Кременцов Н. Л. Опыт путеводителя по неизведенной земле. Очерк социальной истории советской науки (1917—1950-е годы)* // ВИЕТ. 1989. № 4. С. 67—80; *Колчинский Э. И. Диалектизация биологии* // ВИЕТ. 1997. № 1. С. 38—64; На переломе. Советская биология в 20-х—30-х гг. / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 1997. Вып. 1; *Kolchinsky E. I. Biologists and Ethics of Science during Early Stalinism* // *Ethik der Wissenschaften. Geschichte und Theorie* / Hrg. E.-M. Engels, T. Junker. Berlin, 1998. S. 225—234.

3. *Krementsov N. L. Stalinist Science*. Princeton, 1997.

4. *Vucinich A. The Soviet Academy of Science*. Standford, 1958; *Joravsky D. Soviet Marxism and Natural Science. 1917—1932*. New York, 1961; *Graham L. R. The Soviet Academy of Science and the Communist Party. 1927—1932*. Princeton, 1967; *Vucinich A. Empire of Knowledge. The Academy of Science of USSR (1917—1970)*. Berkeley; Los Angeles; London, 1984; *Лахтин Г. А. Организация советской науки: история и современность*. М., 1990.

5. *Попов-Подольский М. Современный антидарвинизм и марксизм* // Коммунистическая мысль. 1923. № 6-7. С. 31—45; *Рожицын В. Дарвинизм и современный марксизм* // Дарвинизм и марксизм. М.; Харьков, 1923. С. 230—252; *Бартенев А. Н. К вопросу о старых и современных путях в биологии* // ПЗМ. 1924. № 12. С. 72—88 и др.

6. *Козо-Полянский Б. М. Диалектика в биологии*. Ростов н/Д; Краснодар, 1925; *Любичев А. А. Понятие эволюции и кризис эволюционизма* // Изв. Биологического НИИ при Пермском государственном университете. 1925. Т. 4. Вып. 4. С. 137—153; *Бехтерев В. М. Психология, рефлексология и марксизм*. М., 1925.

7. См.: *Агол И. И. Диалектический метод в эволюционной теории*. М., 1927; *Слепков В. Н. Диалектический метод в биологии* // ПЗМ. 1927. № 10-11. С. 249—262; *Левит С. Г. Эволюционные теории в биологии и марксизм* // *Медицина и диалектический материализм*. М., 1926. Вып. 1. С. 15—32.

8. *Krausse E. Julius Schaxel an Ernst Haeckel (1906—1917)*. Leipzig; Jena; Berlin, 1987.

9. *Музрукова Е. Б., Чеснова Л. В. Советская биология в 30—40-е гг.* // Репрессированная наука / Под ред. М. Г. Ярошевского. СПб., 1994. Вып. 2. С. 49.

10. *Местергази М. М. Эпигенезис и генетика* // ВКА. 1927. Вып. 19. С. 231—232.

11. *Dobzhansky T. G. The Birth of the Genetic Theory of Evolution in the Soviet Union in the 1920-s* // *The Evolutionary Synthesis: Perspectives of the Unification of Biology* / Ed. by E. Mayr, W. B. Provine. Cambridge (Mass.); London, 1980. P. 230.

12. Письмо тов. Л. Д. Троцкого // ПЗМ. 1922. № 1. С. 5—7; *Ленин В. И. О значении воинствующего материализма* // ПЗМ. 1922. № 2. С. 5—12.

13. Adams M. B. The Politics of Human Heredity in the USSR, 1920—1940 // Genome. 1989. Vol. 11. N 2. P. 879—884.
14. Волоцкой М. В. Классовые интересы и современная евгеника. М., 1925.
15. David-Fox M. D. Political Culture, Purges, and Proletarianization at the Institute of Red Professors, 1921—1929 // The Russia Review. 1993. Vol. 52. P. 20—42; Козловская Л. А. Институт Красной профессуры (1921—1938 гг.) // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 96—112; Перчёнов Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М., 1995. С. 201—235.
16. Самойлов А. Ф. Диалектика природы и естествознание // ПЗМ. 1926. № 4-5. С. 81.
17. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН). Ф. 238. Оп. 1. Д. 165. Л. 1—15.
18. Там же. Д. 40. Л. 44—49.
19. Там же. Д. 126.
20. Там же. Д. 20. Л. 14; д. 96. Л. 12—13.
21. Там же. Ф. 235. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 13.
22. Там же. Д. 7. Л. 22.
23. Там же. Ф. 238. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.
24. Там же. Д. 83. Л. 36; д. 96. Л. 25—28; д. 7. Л. 21; Д. 2. Л. 27 и др.
25. Там же. Ф. 235. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.
26. Там же. Д. 9. Л. 7.
27. Там же. Ф. 238. Оп. 1. Д. 100. Л. 42—43.
28. Там же. Л. 41.
29. Там же. Ф. 239. Оп. 1. Д. 12. Л. 24.
30. Cultural Revolution in Russia, 1928—1931 / Ed. by S. Fitzpatrick. Bloomington, 1984; Fitzpatrick S. Power and Culture Front in Revolutionary Russia. Ithaca; London, 1992; Stalinist Terror. New Perspectives / Ed. by A. J. Getty, R. T. Manning. New York. 1993.
31. Современные задачи марксистско-ленинской философии // ВКА. 1931. № 1. С. 20.
32. Против механистического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии. М.; Л., 1931. С. 12.
33. Архив РАН (далее — АРАН). Ф. 1588. Д. 103. Л. 1.
34. Там же. Ф. 1593. Оп. 1. Д. 142. Л. 1—1 об.
35. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 119.
36. Там же. Ф. 225. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.
37. Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.
38. Александров Д. А. Историческая антропология науки в России // ВИЕТ. 1994. № 4. С. 71.
39. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 57—58.
40. Там же. Д. 35. Л. 101—134.
41. Там же. Ф. 239. Оп. 1. Д. 44; ф. 245. Оп. 1. Д. 19.
42. Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 7. Л. 16; ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.
43. Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 110.

44. Там же. Д. 22. Л. 12.
45. Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 24. Л. 7—12.
46. Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.
47. АРАН. Ф. 1593. Д. 128. Л. 1.
48. ПФА РАН. Ф. 225. Оп. 1. Д. 59. Л. 80.

АКТИВИСТЫ ПРИРОДООХРАННОГО ДВИЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

В первые десятилетия после захвата власти большевиками биология и охрана природы приобрели необычайно большое значение в качестве одного из последних организованных форпостов научной автономии и реликтового социального типа, называемого научной общественностью. Чтобы понять, почему так произошло, прежде всего необходимо оценить отношение ученых к российской идеологии науки, которое возникло в беспокойные времена конца 1850—начала 1860-х гг. [1]. В те годы, по словам Джеймса Макклелланда, «тайства науки» увлекли целое поколение образованных юношей России. Тогда как царь и политическая система казались ненадежными и небезупречными, наука обещала людям ни больше ни меньше, как светский путь улучшения мира. Ее адепты отличались «энтузиазмом, который облагораживал и возвышал человека, убежденностью, что он делает то, что способно удовлетворить все его интеллектуальные потребности и моральные побуждения, будучи неотъемлемой частью более широкого движения, в конечном счете ведущего к духовному и материальному процветанию общества в целом...» [2]. Русские ученые сохраняли веру в эту спасительную силу науки и до, и во время большевистской революции.

Одним из следствий этой идеологии было убеждение, что научная деятельность придает ученым определенное моральное превосходство. Ученый становится не только рыцарем в армии

просвещения, но также в ходе учения приобретает высшие моральные качества. Как правило, политика либерализма — включая оппозицию царизму, поддержку некоторых типичных элементов демократии, веру в интеллектуальную свободу, соблюдение гражданских прав и неприкосновенность личности — была частью их представлений о просвещенном обществе будущего. Среди профессоров эти «тайства науки» были окрашены осознанием своей «кастовости» и «корпоративности» [3]. Они считали себя, по словам Макклелланда, «академической интеллигенцией», которая, «разделяя общие воззрения более широких слоев либеральной интеллигенции... отстаивала, кроме того, свои собственные интересы, подчеркивая жизненную необходимость университетской автономии и громадную роль науки в будущем социальном и культурном развитии России. Короче говоря, большинство российских профессоров было больше чем учеными и преподавателями. Они образовывали тесно сплоченную и четко очерченную социальнополитическую группу, которая стремилась реализовать в своей академической деятельности веру в прогресс и реформы» [4].

Другой составляющей этой идеологии, по крайней мере в рамках академического сообщества, был высокий престиж фундаментальных исследований, которые русские называли «чистой наукой». Если наука и образование были светской религией, то чистая наука была ее самой священной территорией. Чистая наука исповедовала принцип, что, в конечном счете, подлинный ученый несет ответственность только перед этическими требованиями своего священного призыва.

К первому десятилетию XX в. отношение к науке стало более неоднозначным. На самом деле не все образованные люди разделяли идеологию, изложенную выше. Передовые, но верные царскому режиму бюрократы, пытаясь развивать страну, явно были склонны отрицать тезис о том, что распространение знания неизбежно приведет к краху авторитарного режима. С одной стороны, они добивались более весомой правительственный поддержки академическим институтам, а с другой стороны, стремились убедить ученых отделить их требования, касающиеся образования, от антиправительственной политики.

В оппозиции к ним находились радикалы, прежде всего студенты, требовавшие, чтобы ученые активно использовали науку

и образование в борьбе против автократии. Впоследствии в постреволюционный период сторонники подобных взглядов отрицали возможность существования науки и образования, независимых от социально-экономических и идеологических интересов, и постепенно ставили под сомнение идею существования автономного, свободного от оценочных суждений царства чистой науки [5].

Для политики царского правительства в области образования были характерны жесткие и репрессивные действия, включая ограничения демократических свобод и университетской автономии. Хотя академическая профессура была по своей природе нереволюционной и консервативной, постепенно она приходила к выводу, что для борьбы за академическую свободу необходимо изменить политическое устройство государства. Руководствуясь своими взглядами на науку (а не страстным интересом к политике как таковой), «академическая интеллигенция» в 1905 г. перешла политический Рубикон, присоединившись к общенациональной борьбе против автократии. Несколько тысяч профессоров даже подписали декларацию (первоначально известную как «записка трехсот сорока двух»), в которой провозглашалось, что «академическая свобода несовместима с современной системой правления в России» [6].

Таким образом, для русских наука была не просто профессией. Она была призванием, уникальной формой деятельности, придающей жизни ее приверженцев некую моральную трансцендентную значимость. В ежемесячном журнале «Природа», пользовавшемся большим авторитетом, физик В. А. Михельсон писал о главной, с точки зрения русских, особенности отечественной идеологии науки: «Средний немец занимается наукой как выгодной профессией — выгодной не только лично для него, но также для людей и государства. Многие англичане и французы занимаются наукой как интересным и благородным спортом, не задумываясь о ее полезности. Но русские и славяне вообще охвачены священным энтузиазмом, они считают занятие наукой единственным путем к достижению приемлемого, если не совершенного взгляда на мир, и воспринимают поиск истин как внутреннюю потребность личности и как моральный долг перед Родиной и всем человечеством» [7].

Многие шли дальше, провозглашая представителей академической интелигенции носителями высшего представления о жизни, выработанного на базе их образования и эрудиции. Одно из классических проявлений подобного понимания «научного общественного мнения» было озвучено великим биогеохимиком В. И. Вернадским, который в 1892 г. писал: «Общество тем сильнее, чем оно более сознательно... Когда есть ряд человеческих обществ и в этих обществах, государствах, в одних широко дана возможность мыслящим единицам высказывать, обсуждать и слагать свое мнение — в других такая возможность доведена до минимума, — то первые общества гораздо сильнее и счастливее вторых обществ. Если же в первых, сверх того, необходимые коллективные поступки делаются на основании правильно составленного мнения лучших людей, а во вторых — на основании мнения случайного характера людей случайных — то сила первых обществ еще более увеличивается. В таком случае неизбежным образом для вторых обществ ставится на карту вопрос их существования, и жизнь в них становится труднее и безобразнее. ... В типичном подобном положении находится Россия» [8].

Конечно, все зависело от того, кого считали «лучшими людьми» и «избранными». После захвата власти лидеры большевиков именно себя считали «лучшими людьми», которые благодаря марксизму имеют преимущество в понимании человеческого общества и его проблем. Неудивительно, что многие небольшевистские ученые и академики продолжали, подобно В. И. Вернадскому, смотреть на себя как на «лучших», считая большевиков «случайными людьми» и снисходительно относясь к их претензиям на приоритет в знаниях. Большевики, как известно, так же, как до этого царское правительство, льстили ученым и не препятствовали им «проталкивать» свои требования в структурах власти. Власть почти всегда и одерживала победу в спорах, независимое положение давало ученым немного. Но это совсем не значило, что в глубине своего сердца они отказались от притязаний на технократическую экспертизу.

Однако бок о бок с претензией ученых на автономность и власть уживалось горькое осознание своей полной зависимости от государства. «Российские профессора могли надеяться на академическую свободу, но не должны были забывать о том, что они

являются государственными служащими», — тонко подметил историк Самуэл Кассов [9]. В отличие от других специалистов ученые не могли заняться частной практикой. Осознавая это, они предпочитали заручиться доверием и поддержкой со стороны государства и вставали в открытую политическую оппозицию только тогда, когда власть создавала угрозу святым — самой науке [10].

В целом эти отношения и соображения сохранились и в советский период. Но при советской власти стремление ликвидировать научную автономию шло намного дальше, чем при царизме. И это наложило страшный отпечаток на идеологию науки. По иронии судьбы и царское правительство, и радикалы часто рассматривали науку и образование с чисто утилитарных позиций как средство процветания государства или улучшения материальной стороны жизни, с пренебрежением относясь к тому, что называлось «наукой ради самой науки». В государстве, сменившем царский режим и созданном радикалами, большевики в удвоенной степени унаследовали подобное отношение к науке.

Занятия всеми гуманитарными и социальными науками, находящимися под наиболее строгим надзором большевистских властей ввиду их классовой обусловленности, были очень опасными, так же как открытые политические выступления за образование, свободное от идеологического контроля. Естественные науки, однако, оказались способны сохранить остатки интеллектуальной и институциональной автономии, полученной до революции. Дисциплины и направления, которые могли быть спрятаны под зонтиком естествознания, имели больше шансов на выживание, так как В. И. Ленин и его ближайшее окружение все еще считали естественные и точные науки более объективными, чем открыто идеологизированные социальные науки (хотя со временем они тоже утратили свою свободу от идеологии).

Как я писал в своей первой книге, к концу 1920-х гг. проницательные лидеры природоохранного движения успешно переименовали охрану природы в раздел экологии. Хотя ученые, возглавлявшие это движение, определенно рассматривали природу как объект этико-эстетического восприятия на личностном уровне, их публичные доклады при обсуждении этой проблемы были практически полностью заключены в научные термины для

оправдания своей деятельности. И что еще важнее, они почти искренне верили в свои собственные заявления.

Подобно таким американским прогрессистам, как Джиффорд Пинчот, российские полевые биологи, возглавлявшие природоохранное движение, доказывали, что задача использования и эксплуатации ресурсов страны является научно-технической проблемой и может быть лучше всего решена с помощью научных исследований и оценок экспертов, то есть в данном случае их самих.

Без сомнения, ученые убедили себя в том, что экология как наука рано или поздно точно укажет им пределы допустимого вмешательства человека в природные комплексы. Это убеждение основывалось на их взглядах на природу, согласно которым отдельные экологические сообщества образуют структурные блоки биосферы — живой оболочки Земли. Полевые биологи и теоретики экологии верили, что каждое из этих сообществ или биоценозов в значительной степени самодостаточно, целостно и находится в состоянии относительного равновесия. Иными словами, внутри каждой предполагаемой природной системы все составляющие элементы сбалансираны друг с другом; флуктуации в численности одного или другого вида вскоре нивелируют к норме. Ученые предполагали, что люди враждебны этим подлинно «естественным» системам и способны причинить им только вред. Согласно их взглядам, задача экологии и полевой биологии заключалась в том, чтобы определить для каждого типа экологических систем форму и уровень человеческой активности, которая могла быть реализована без катастрофического разрушения этих хрупких сообществ.

Идея экологического сообщества, или биоценоза, в сущности означала статичный взгляд на природу. Из нее логически следовало, что наиболее совершенный естественный баланс на земле мог быть достигнут только в мире без человека. Это вряд ли могло быть в какой-либо степени подкреплено научными доказательствами. Тем не менее эта картина природы, позднее подвергнутая большевиками резкой критике как реакционная, на десятилетия укоренилась среди российских натуралистов и экологов в значительной степени из-за того, что служила «научным» оправданием их научной доктрины и системы инсти-

тутов, обеспечивавших ту роль в российской общественной жизни, которую они хотели играть.

В значительной степени благодаря Григорию Александровичу Кожевникову, московскому энтомологу, за десятилетие до революции была разработана стратегия приемлемого, с точки зрения экологии, уровня экономического развития. Кожевников предусматривал создание обширной сети неприкосновенных природных заповедников, предназначенных исключительно для длительного изучения экологической динамики природных сообществ. Подразумевалось, что они будут объединены в единую сеть.

Работать в заповедниках и управлять ими должны были учёные. Заповедники должны были создаваться на территориях, где предположительно остались первозданные, неиспорченные человеком природные системы, и служить эталонами, или базовыми моделями, «здоровой» природы. Кожевников предлагал сравнивать эти «здоровые» территории с областями, первоначально сходными, но подвергшимися трансформации под влиянием экономической деятельности человека, для того чтобы оценить, сколь она была вредна. Такая сеть заповедников была создана при поддержке руководителей Наркомпроса РСФСР и Главнауки в середине 20-х гг.

Подобные взгляды и стратегии соответствовали более широкому идеологическому культу науки, поскольку охрана природы определялась как научная дисциплина. Таким образом, оппозиция защитников природы элементам первого пятилетнего плана и позднее проектам сталинского и постсталинского периодов по экологическим соображениям несомненно мотивировалась их пониманием священного долга учёных, ответственных перед наукой. То же относится к их призывам наложить вето на политику правительства в области использования ресурсов. Хотя активисты природоохранного движения могли не всегда осознавать, что подобные призывы являлись политическими, рассматривая их скорее как «научные», тем не менее они были таковыми, так как партия уже провозгласила монополию на принятие решений [11].

Таким образом, охрана и расширение системы заповедников были не просто средством обеспечения защиты объекта научных

интересов и источника профессиональных исследований. В советском контексте они олицетворяли собой экспансию автономных научных институтов в сферу государственного устройства и далее. Символично, что заповедники представляли собой некий анти-ГУЛАГ, как территории, которые оставались нетронутыми, следовательно, не оскверненными различного рода социальными и природными преобразованиями, характерными для окружающего их мира. По словам Сергея Залыгина, они были «островами свободы в этом мире концентрационных лагерей, который позднее люди назовут архипелагом ГУЛАГ» [12]. Это превращало борьбу за их сохранение и расширение в борьбу за расширение экстерриториальности, где по меньшей мере природа могла развиваться без «наручников и кандалов». Иными словами, заповедники функционировали и как географическое воплощение свободы.

Захваченные этой умозрительной концепцией ученые не задавались вопросом, является ли концепция биоценоза наилучшим научным объяснением структуры жизни и ее распространения на поверхности Земли, не поддались ли они иллюзорной концепции — «здоровая» или «патологическая» природа. Им не пришло в голову, что они, возможно, ради культа науки жертвовали самой наукой.

С отречением от нимба «академической интеллигенции» в первое десятилетие советского правления — после того как гуманитарные и социальные науки были очищены от так называемых буржуазных профессоров — сохранение идеологии науки стало зависеть главным образом от ученых-естественников. Однако ввиду того, что многие корпоративные институты даже этой специализации были подвергнуты террору, реорганизации или ликвидированы, особенно во время «культурной революции», после 1932 г. возможностей для активных действий и публичного подтверждения дореволюционной академической социальной идентификации практически не было [13]. Немногим, таким как В. И. Вернадский и П. Л. Капица, которых высоко ценили советские руководители за стратегическое значение их трудов для экономики и национальной безопасности, было позволено в виде исключения продолжать делать вид, что старое академическое мировоззрение еще существует. Большинству же тех, кто осмели-

вался защищать науку или возражать правительственный политике от имени науки, как, например, генетики Николай Константинович Кольцов и Николай Иванович Вавилов, была уготована более трагическая судьба [14].

Социальная идентификация, как известно, претерпевает серьезные изменения, если она долгое время не находит подтверждения, свидетельством чего является, например, переход в другую веру из иудаизма. Люди не могут бесконечно сохранять веру в своем воображении, для поддержания полнокровного существования им нужна определенная социальная обстановка, предполагающая реальные взаимодействия людей. Также во время испанской инквизиции отдельные ученые хранили в тайне свое реальное ощущение социальной идентификации, публично проявляя лояльность к режиму и активно играя общественную роль, навязанную им властями. Однако вскоре разобщенные и запуганные ученые утратили связь с первоначальными ценностями и надеждами. Некоторые даже усвоили предписанную общественную роль как новую социальную идентификацию.

На этом фоне продолжавшееся существование и независимость нескольких добровольных обществ полевых натуралистов приобретали огромное значение для сохранения прежней идентификации ученых. Подобно зубру, они становились своего рода реликтовыми видами. Институты, язык и практика природоохранного движения сформировали основу для постоянного выражения и утверждения несанкционированной и потому сомнительной социальной идентификации.

В советских условиях полевым натуралистам, чтобы выжить, нужно было проявлять изобретательность. Они осуществляли стратегию, которую можно назвать «защитной окраской», обеспечивавшую им продвижение собственных интересов при условии словесной демонстрации лояльности к режиму. В соответствии с этим они приняли на себя новое обозначение, риторически придерживаясь новых советских социальных ролей. Они называли себя «научной общественностью». Внешне это понятие звучало удивительно по-советски, в средствах массовой информации не переставали говорить о поддержке «советской общественности» или ее участии в той или иной правительской кампании. Соответственно, «научная общественность» образовывала

ла небольшую подгруппу лояльно настроенных граждан, то есть ученых.

Однако для членов обществ естествоиспытателей в природоохранном движении термин «научная общественность» имел другой, внутренний смысл. Для своих (*en famille*) он был способом самоидентификации, в соответствии с которым они осознавали себя представителями последнего организованного бастиона носителей старой идеологии дореволюционной академической интеллигенции. Это не означало, что ученые были нелояльны, они просто были дерзкими. Для них «научное общественное мнение» было единственным достойным внимания «общественным мнением», так как оно было «научным». Этим они руководствовались, позволяя себе критиковать политику и стратегию властей, если считали, что власть действует вразрез с интересами науки.

Как уже говорилось выше, культ науки содержал важный элемент ощущения принадлежности к эlite. Это находило отражение в двойственности понятия «научное общественное мнение». Вопреки тому, что оно было составной частью более широкого официального, управляемого понятия — «мнение широкой советской общественности», его стержнем было дореволюционное понимание «общественности» как голоса образованных, созидающих свою ответственность людей. Вследствие очевидного отсутствия аналогичных независимых научных и педагогических обществ в других областях знания активисты природоохранного движения действовали так, как будто ноша представлять «научное общественное мнение» выпала им одним. Однако было неясно, сколь велика та «общественность», которую они реально представляли в течение долгих десятилетий советской власти. Временами казалось, что они выражают лишь ностальгические настроения, надежды и чаяния былых эпох.

Однако другой аспект их мировоззрения удерживает нас от романтической оценки их как убежденных демократов. Хотя они гордились такими своими независимыми инициативами, как финансируемые Всероссийским обществом охраны природы (ВООПом) экспедиции для составления карт и разработки проектов новых заповедников, их конечная цель заключалась в том, чтобы просвещенные руководители страны предоставили им их

законное место арбитров-экспертов при решении вопросов о ресурсах. Опасаясь темного невежества масс и их материалистических взглядов, «научное общественное мнение» упивало на реализацию своих природоохранных программ при помощи правительственные указов всесильного государства. Всякое незначительное либеральное дуновение в политических бурях пробуждало в них надежду, что они будут востребованы Кремлем. Как выяснилось, многие десятилетия были потрачены впустую на бесплодные ожидания, активисты охраны природы должны были довольствоваться эпизодическим, хотя и осуществляемым с энтузиазмом патронажем местных и республиканских властей.

Здесь должно быть сделано одно предостережение. В ВООП, олицетворявшее «научное общественное мнение», входили люди, которых лучше было бы охарактеризовать как общественных деятелей, представлявших скорее мнение более широких дореволюционных образованных слоев общества, чем более узкое мнение «научной общественности». Существовало немного добровольных обществ, где находила применение гражданская активность таких действительно убежденных людей, как секретарь ВООП Сюзанна Фридман или бессменный общественный активист Александр Петрович Протопопов. Частично потому, что они не были вовлечены в защиту культа науки, частично потому, что их карьера не так зависела от системы, а частично потому, что они все еще поклонялись почти исчезнувшему идеалу гражданина (а не ученого), Фридман и Протопопов постоянно находились в первых рядах общества, занимая наиболее непримиримые позиции. Одинокие даже в среде активистов охраны природы, они являли собой замечательные, но трагические курьезы в социальной истории СССР.

Ясно, что ситуация с советскими полевыми биологами являет собой одну из наиболее решительных и упорных зафиксированных где бы то ни было попыток сохранить традиционную профессиональную идентификацию и корпоративный дух перед лицом враждебных и угрожающих обстоятельств [15]. Хотя в этой области пока выполнено только одно исследование, оно достаточно явно указывает на факт сохранения старых идентификаций среди профессионалов и возможности под-

тверждения их даже в условиях сталинского террористического режима [16].

Хотя проведенное исследование подтверждает этот тезис, оно все же выявляет необходимость проверить каждую профессиональную группу по данному критерию. Конечно, не все ученые таким образом воспринимали науку. В отличие от полевых биологов химики в советское время и даже раньше намного меньше были преданы фундаментальным исследованиям («чистой науке») как некоей священной задаче. Это понятно, так как в отличие от полевых биологов химики всегда ценились правительством с точки зрения их участия в ускорении индустриализации страны. В результате, как показал Натан Брукс, когда прежние независимые химические общества были распущены в 1930—1932 гг. и заменены другими организациями, возглавляемыми сталинским приверженцем А. Н. Бахом и сильно контролируемыми в политическом отношении, химики смогли безболезненно изменить образ жизни, так как по-прежнему чувствовали, что у них сохраняется высокий социальный статус. Власть тогда только-только учредила Комитет по химизации экономики (в 1928 г.) и официально заявила о центральном положении химии в пятилетнем плане. Химики, как сообщал Брукс, с «энтузиазмом посвятили себя и свои институты задачам ускоренной индустриализации» [17].

В то время как относительно независимый менталитет полевых биологов был обусловлен их маргинальным положением в политической экономике и их желанием изучать жизнь в ненарушенных природных сообществах, не обязуясь при этом получить практические результаты исследований, политический конформизм советских химиков, за редким исключением (вспомним Н. Н. Семенова), в значительной степени обусловливается важностью их работ с точки зрения правительства и, соответственно, их более высоким статусом, а также значительно большей зависимостью от правительства в обеспечении научным оборудованием. Подобная ситуация настоятельно требовала лояльности. В итоге перспектива высокого социального статуса, финансирование и неограниченные возможности проводить исследования с лихвой компенсировали потерю профессиональной автономии, особенно в ее политическом аспекте, и идеала «чистой

науки». Что касается полевых биологов, им было действительно невыгодно сменить образ жизни, поэтому они и защищали свою старую профессиональную идентификацию с поразительным упорством. Интересно, что сам процесс защиты собственной идентификации стал для них компонентом их профессиональной идентификации. Это доказывает, что, даже когда научные работники боролись за сохранение дореволюционных идентификаций, они тем не менее изменялись. Со временем стало практически невозможно воссоздать старую модель профессиональной идентификации ввиду глубоких изменений в системе образования, рабочих местах, патронаже и самой науке.

1. Превосходное обсуждение профессиональной идентификации в поздней царской России см. в авторском введении и заключении: *Russia's Missing Middle Class. The Professions in Russian History* / Ed. by H. D. Balzer. Armonk; New York, 1996.

2. *McClelland J. C. Autocrats and Academics: Education, Culture and Society in Tsarist Russia*. Chicago; London, 1979. P. 60. При этом автор ссылается на К. А. Тимирязева — русского физиолога, принадлежавшего к поколению шестидесятников.

3. Параллели здесь с масонским движением века Просвещения очевидны. Иллюминарии, как мы знаем, воспринимали себя как более высокое моральное общество точно так же, потому что они были интеллектуально просвещены, рассматривая защиту и распространение просвещения как свой священный моральный долг (см.: *Koselleck R. Critique and Crisis: Enlightenment and Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge (Mass.), 1988. (Ch. 6)).

4. *McClelland J. C. Autocrats and Academics*. P. 65.

5. Ibid. P. 69—71. См. также: *Weiner D. Models of Nature: Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russian*. Bloomington, 1988. P. 122 (рус. пер.: *Вайнер Д. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы*. М., 1991); *Joravsky D. Soviet Marxism and Natural Science, 1917—1932*. New York, 1961. P. 153—163; *Graham L. Science in Russia and Soviet Union: A Short History*. New York, 1993. P. 121—123.

6. *McClelland J. C. Autocrats and Academics*. P. 71.

7. Ibid. P. 73. Я использую перевод Дж. Макклелланда. Цитата приведена из статьи В. А. Михельсона «Расширение и национальная организация научных исследований в России» (*Природа*. 1916. № 5—6. Ст. 696—698).

8. *Вернадский В. И. Основа жизни — искание истины* // *Новый мир*. 1988. № 3. С. 218—219.

9. *Kassow S. D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia*. Berkeley: Los Angeles, 1989. P. 6.

10. Ibid. P. 4—6.
11. Ibid. P. 84—85.
12. В своей рецензии на русское издание «Models of Nature» (Вайнер Д. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М., 1991) Сергей Залыгин особенно поддержал этот взгляд (Залыгин С. Откровение в нашем имени // Новый мир. 1992. № 10. С. 215).
13. Вопреки порою героическим усилиям Сергея Ивановича Бавилова и других руководителей Академии наук СССР защитить этот идеал. Об этом см.: *Uscianich A. Empire of Knowledge. Academy of Sciences of USSR (1917—1970)*. Berkeley; Los Angeles; London. 1984.
14. См.: Репрессированная наука / Под ред. М. Г. Ярошевского. Л., 1991; Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР: Сб. статей / Под ред. В. А. Куманева; сост. И. Г. Арефьева. М., 1995; *Soviet V. N. Lysenko and Tragedy of Soviet Science* / Translated by Leo Grulio and Rebecca Grulio. New Brunswick, 1994.
15. Особенno см.: *Jarausch K. H. The Unfree Professions: German Lawyers, Teachers and Engineers, 1900—1950*. New York; Oxford, 1990, где выполнен интересный анализ немецких профессиональных идентификаций и их отношений с различными режимами в этот период. Яруш дал также превосходную библиографию национальной и сравнительной литературы по профессиям.
16. Хотя до сих пор было доступно очень немного исследований на эту тему, историк советских профессий Харли Бальзер несколько лет тому назад точно оценил такой подход в своих выводах (см.: *Balzer H. Russia's Missing Middle Class...* P. 295).
17. *Brooks N. Chemistry in War, Revolution and Upheaval: Russia and the Soviet Union. 1900—1929* // *Centaursus*. 1997. November (цит. по рукописи).

**БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОКЕАНОГРАФИЯ,
РЫБОХОЗЯЙСТВЕННАЯ НАУКА
И РЫБНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

Статья посвящена рассмотрению процесса становления новых взаимоотношений биологической океанографии, рыбного хозяйства и связанной с ним науки под влиянием резкого усиления внимания власти к этой стороне экономики в конце 1920-х гг. Как известно, курс власти на форсированную индустриализацию привел к провалу экономической политики в области сельского хозяйства, жестокому продовольственному кризису и введению в 1928—1929 гг. карточной системы распределения продуктов питания [1]. Одним из способов быстрой компенсации недостатка продовольствия должно было стать, по мнению властей, многократное увеличение уловов рыбы. При этом менялся взгляд на место рыболовства в экономике страны: из отрасли по преимуществу сельскохозяйственной оно форсированными темпами превращалось в промышленную.

Как и в других отраслях промышленности, одним из основных условий индустриализации рыбного хозяйства было признано развитие отраслевой науки [2]. Работа на практику — вот что требовалось от науки. Критерий успешности практики в рыбном

Исследование было поддержано фондом Research Support Scheme, Higher Education Program of the Central European University, грант № 783/1995.

хозяйстве был один — повсеместное увеличение уловов здесь и сейчас, любой ценой. Успехи рыбохозяйственной науки оценивались только в связи с тем, в какой мере она способствовала выполнению этой задачи.

Начавшийся в год «великого перелома» период организационных перестроек в этой области закончился созданием централизованной системы рыбохозяйственной науки во главе с Всесоюзным научно-исследовательским институтом рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО). Многообразие учреждений, занимавшихся проблемами рыбного хозяйства, характерное для 1920-х гг., было уничтожено под лозунгом борьбы с дублированием тематики, «распылением сил и средств». На каждом крупном водоеме сохранялось одно учреждение. При этом оно становилось филиалом центрального института — ВНИРО. Так как руководителям промышленности было удобно взаимодействовать с непосредственно подчиненной им отраслевой наукой, вся рыбохозяйственная наука была передана в ведение Наркомата снабжения СССР, управлявшего рыбной промышленностью страны. Биологическая океанография оказалась полностью подчинена интересам рыбного хозяйства.

Рыбное хозяйство и наука в 1920-е гг.

Отношение к рыбному хозяйству как к отрасли сельского хозяйства имело в России исторические корни. До революции Отдел рыболовства, осуществлявший общее руководство отраслью, подчинялся Департаменту земледелия. Большая часть уловов добывалась в традиционных районах рыболовства, главным образом на Каспийском море, с помощью традиционной примитивной техники. Отдельные попытки механизации рыболовства, применения траулеров не меняли общей картины. Единственным в дореволюционной России учебным заведением, где готовили специалистов по рыбному хозяйству, была Петровская сельскохозяйственная академия — в 1914—1915 гг. здесь начал принимать первых студентов факультет рыбоведения [3].

В октябре 1918 г. в системе Народного комиссариата продовольствия РСФСР было организовано Главное управление рыболовства и рыбной промышленности (Главрыба). После

упразднения этого наркомата в 1924 г. управление рыбным хозяйством оказалось разделено между разными ведомствами: государственная рыбная промышленность перешла в ведение республиканского Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ РСФСР), руководство кооперативными промыслами проводилось через центральные органы управления сельскохозяйственной кооперацией, функции регулирования рыбного промысла были переданы в ведение Наркомата земледелия РСФСР. Большая часть научных учреждений также отошла к Наркомзemu, в том числе Научный институт рыбного хозяйства (НИРХ) в Москве и Государственный институт опытной агрономии в Ленинграде (ГИОА) с Отделом прикладной ихтиологии и научно-промышленных исследований.

С точки зрения деятелей Наркомзema и связанных с ним ученых, отделение управления научной и природоохранной деятельностью от управления собственно добычей рыбы было позитивным шагом. Такое разделение управления рыбным хозяйством должно было, по их мнению, обеспечивать контроль Наркомзema за рыбной промышленностью с целью сохранения запасов рыбы и соблюдения интересов рыбаков, ведущих традиционный промысел. Последняя задача была одной из центральных в деятельности Наркомзema, руководители которого относились к таким рыбакам как к крестьянам [4].

Однако взаимоотношения между наукой и рыбным хозяйством складывались очень трудно [5]. Между руководителями промышленности и деятелями Наркомзema сразу же возникли споры, которые к концу 1920-х гг. переросли в настоящий конфликт между ведомствами. В отличие от западных стран, где существовали организации-посредники, осуществлявшие связь между рыбаками и учеными, всерьез рассматривавшие жалобы и нужды рыбаков и финансировавшие соответствующие исследования [6], в СССР в 1920-х гг. ученые и рыбаки существовали почти независимо друг от друга. Рыбаки, обладавшие определенным набором традиционных знаний о природных условиях и объектах промысла, не чувствовали необходимости в науке. «К науке не только рыбак, но и вообще промысловые круги относятся с большим скептицизмом, если не с недоверием, убедить их в чем-нибудь человеку науки — трудная и неблагодарная за-

дача», — писал хорошо знавший это на собственном опыте известный ихтиолог С. В. Аверинцев [7].

Попытки ученых перенести центр тяжести во взаимоотношениях на организаторов промышленности также были неудачны. Несмотря на то что последние часто ругали науку за то, что она не решает вовремя вопросы промысла, они предпочитали решать эти вопросы самостоятельно и не хотели финансировать научно-промысловое исследование, считая, что ученые должны указывать направление в развитии промысла. Ученые же хотели, чтобы промышленники задавали науке вопросы: «Почему больной, когда ему нехорошо, зовет врача и почему в рыбном деле нельзя сделать того же самого, если ощущается надобность?» [8].

Несмотря на многие недостатки, описанная выше структура управления отраслью способствовала существованию разных форм промысла: развитие промышленного рыболовства могло происходить без насильственной ликвидации традиционных промыслов. Однако противоречия нэпа — определенная экономическая свобода и вместе с тем рост бюрократизации и межведомственных барьеров, амбивалентное отношение к крестьянству — все это наглядно проявилось и в развитии рассматриваемой отрасли и связанной с ней науки [9]. Известно, что, когда большевики говорили о строительстве социализма, основной процесс, который они имели в виду, была индустриализация, коренным образом преображающая не только городскую, но и сельскую экономику [10].

Реорганизация управления рыбным хозяйством в 1929—1930 гг.

Для решения задачи быстрого превращения рыбного хозяйства в промышленность кроме привлечения крупных средств требовалось существенное упрощение системы управления отраслью. К тому же было очевидно, что развитие рыбной промышленности не может осуществляться в отрыве от науки. Руководители промышленности регулярно поднимали вопрос о необходимости перевода Института рыбного хозяйства или по крайней мере его части в систему ВСНХ. Часть ученых под-

держивала такой переход, так как устала от конфликтов между ВСНХ и Наркомземом. Однако, как справедливо было сказано на I Всесоюзном съезде государственной рыбной промышленности: «Не нужно спорить о том, где быть научно-промышленным учреждениям — в ВСНХ или в НКЗ, нужно поставить их в такие условия (главным образом материальные), чтобы они могли пла- номерно работать» [11].

Реорганизация управления рыбным хозяйством была ус-корена конструированием весной 1929 г. так называемого астраханского дела. Местные хозяйствственные органы обвинялись в «пособничестве частнику в его наступлении на социали-стический сектор рыбного хозяйства» [12]. Фактором, способст-вовавшим росту в Астрахани частного промысла, обявлялась ведомственная неурядица между Наркомземом, ВСНХ и Нарко-матом внешней и внутренней торговли СССР. Последний нарко-мат выступил как третья сила в борьбе Наркомзема и ВСНХ и предложил взять рыбное хозяйство под свое руководство с тем, «чтобы в его ведении были не только заготовка и распределение рыбных продуктов, но и непосредственное руководство рыбны-ми промыслами и рыбной промышленностью» [13]. Это была уже не первая попытка данного наркомата получить рыбное хозяйст-во в свое распоряжение. ВСНХ обвинялся в том, что он не может уделять должного внимания рыбному хозяйству и, в частности, ничего не дает на развитие сельдяного дела. Предложение Наркомторга вызвало резкую критику как со стороны ВСНХ, так и со стороны ученых. Наркомат торговли не обладал ни не-обходящей базой, ни опытом по руководству этой отраслью. Зато в руках у него были большие средства и возможности адми-нистративного давления. Решение вопроса было перенесено в высшие инстанции.

К рассматриваемому периоду времени система ВСНХ начала давать трещину [14]. Ставясь сконцентрировать силы на управ-лении тяжелой промышленностью и связанной с ней наукой, ВСНХ в первую очередь начал избавляться от пищевой про-мышленности. Так, например, создаваемый в 1928 г. при ВСНХ Институт по изучению проблем зерна и зерновых продуктов был почти сразу передан Наркомторгу [15]. Не смог ВСНХ удержать и рыбную промышленность. 10 июля 1929 г. вышло постановле-

ние ЦИК и СНК СССР о реорганизации системы управления рыбной промышленностью [16]. Она была передана в ведение Всесоюзного государственного объединения рыбной промышленности и хозяйства (Союзрыбы) Наркомата внешней и внутренней торговли СССР. При этом ведущие рыболовные тресты — Северный, Дальневосточный и Волго-Каспийский передавались непосредственно в ведение союзного наркомата, и только второстепенные оставались в республиканском подчинении. Таким образом, статус рыбного хозяйства был сильно поднят: если раньше основное руководство рыбным хозяйством и связанный с ней наукой осуществлялось на республиканском уровне, то теперь высшей руководящей силой стал союзный наркомат во главе с членом ЦК ВКП(б) А. И. Микояном. В этом проявилась общая тенденция перевода управления важными отраслями экономики из республиканских наркоматов в союзные [17].

В конце 1929 г. согласно постановлению ЦК ВКП(б) «О реорганизации управления промышленностью» научно-исследовательские институты были переданы в ведение соответствующих отраслевых наркоматов [18]. Институт рыбного хозяйства (НИРХ) еще некоторое время оставался в Наркомземе и даже вошел в состав организованной в 1929 г. Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ). В то же время Тихookeанский институт рыбного хозяйства был передан в ведение Союзрыбы сразу после выхода данного постановления [19]. Но уже в середине августа 1930 г. и центральный институт постигла та же участь [20]. Так была создана отраслевая наука. В конце 1930 г. Наркомат внешней и внутренней торговли был преобразован в Наркомат снабжения СССР.

Охота и рыболовство были переведены по статистической классификации в разряд промышленных отраслей экономики [21]. Основная задача промысловый биологии, поставленной в подчинение «снабжению», теперь стала заключаться лишь в том, чтобы осуществлять «максимально четкое и своевременное указывание хозяйству мест, времени и количества рыбы, являющихся или могущих быть объектами лова, в целях максимально эффективного, с наименьшими задержками выполнения и перевыполнения плана... по вылову» [22].

Образование в области рыбного хозяйства также было перестроено: в 1930 г. Отделение рыбоведения Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева было преобразовано в Мосрыбвтуз (Московское рыбохозяйственное высшее техническое учебное заведение). Рыбохозяйственные журналы стали называться научно-техническими. Основной упор был сделан на техническое перевооружение отрасли, научные исследования все больше отходили на задний план. Иногда это приводило к крупным неудачам. Так, на Дальнем Востоке планировали развитие тралового лова трески, закупили за границей траулеры, лишь после этого выяснилось, что треска не образует здесь достаточных для тралового лова скоплений. Упор на технизацию рыбного хозяйства приводил к все большему игнорированию биологических особенностей используемых объектов промысла. Например, первый и второй варианты первого пятилетнего плана учитывали в какой-то мере циклические изменения численности тихookeанских лососей, третий же вариант основывался только на технических возможностях промыслового флота [23].

Консолидация науки и промышленности в ведении одного наркомата привела к созданию единой системы институтов во главе с Научным институтом рыбного хозяйства, получившего статус центрального (ЦНИРХ). Положение о ЦНИРХ от 19 августа 1930 г. определяло, что институт руководит «исследовательской деятельностью всех научно-промышленных учреждений рыбного хозяйства» [24]. В 1930 г. институт имел в подчинении 16 филиалов. Директор института и два его заместителя назначались непосредственно Союзрыбой. Если раньше во главе института стояли известные ученые, то теперь управление институтом перешло в руки функционеров, которые часто менялись. Смена руководства сопровождалась репрессиями как в отношении самих руководителей, так и их подчиненных. История института за 1929—1933 гг. представляет собой почти сплошное «белое пятно» и требует отдельного пристального изучения.

Процесс централизации рыбохозяйственной науки во всех регионах проходил негладко, но особенно трудным он был на Севере.

Биологическая океанография на службе рыбного хозяйства

Становление биологической океанографии в России связано главным образом с развитием исследований на морях Европейского Севера. Начатые еще до революции, они с успехом были продолжены сотрудниками Плавучего морского научного института (Плавморнин). Этот институт был организован в 1921 г. специальным декретом правительства и находился в ведении Наркомата просвещения. Он был учрежден «в целях всестороннего и планомерного исследования северных морей... имеющих в настоящее время государственное значение...» [25]. Работы этого института внесли важнейший вклад не только в изучение северных морей как таковых, но в развитие дисциплины в целом. С деятельностью института были связаны большинство ведущих морских биологов страны.

Однако к году «великого перелома» влияние и финансовые возможности Наркомпроса существенно уменьшаются [26]. К тому же «государственно важное значение» к концу 1920-х гг. все больше начинали иметь исследования центральных районов Арктики, которые сосредоточивались в руках Института по изучению Севера, находившегося в ведении ВСНХ. В 1930 г. этот институт был преобразован во Всесоюзный арктический институт и передан в подчинение Комитету по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР.

На сцену рыбохозяйственной науки на Севере вышла новая научная организация — Государственный океанографический институт (ГОИН). Он был создан в 1929 г. путем слияния Плавучего морского института со старейшим научным учреждением Мурмана — Мурманской биологической станцией, существовавшей с 1899 г. при Санкт-Петербургском обществе естествоиспытателей, а с 1925 г. ставшей самостоятельным научным учреждением при Наркомате просвещения [27]. Мурманская станция стала Мурманским отделением института [28]. Институт был передан в ведение Гидрометеорологического комитета, подчиненного сначала непосредственно Комитету по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР, а затем переданного в Наркомзем СССР.

Слияние произошло по инициативе директора Плавморнина Ивана Илларионовича Месяцева. Месяцев был профессором

Московского университета, организатором исследований северных морей, коммунистом, активно поддерживавшим курс на развитие прикладных научных исследований и активное вмешательство в природу [29]. Одну из основных задач деятельности института Месяцев видел в развитии научно-промышленных исследований на Мурмане, способных оказать непосредственную помощь рыбной промышленности. Рыбохозяйственные организации сразу же заключили договора с новым институтом.

Основным объектом исследований Океанографического института была треска, что было связано с задачей быстрого развития тралового флота. Но взаимоотношения ученых с промышленностью складывались трудно. Ученые хотели руководить промыслом, указывая, где и как ловить. В то же время они хотели использовать промысловые рейсы для сбора научной информации, так как собственно научных судов было мало и они плохо справлялись с обширными задачами, взятыми на себя институтом. Ученые разработали специальные формы, которые должны были заполняться капитанами промысловых судов и в которых должны были указываться места лова, величина уловов и т. п. Очевидно, что это не могло нравиться капитанам и организациям промышленности [30].

К 1932 г. взаимоотношения между институтом и рыбной промышленностью ухудшились настолько, что, по словам Месяцова, «дело обстоит таким образом, что нам приходится свертывать научно-исследовательскую работу, потому что рыбная промышленность никаких денег не дает. ... Так дальше относиться нельзя к научно-исследовательской работе, как было до сих пор. Так относился купец третьей гильдии, который думал, что все сам решит по своей записной книжке и никакая наука ему не нужна» [31]. Организаторы промышленности в свою очередь заявляли: «мы должны заставить эту науку для нас работать, ибо не мы для науки, а наука для нас» [32].

Централизация рыбохозяйственной науки

1932 г. стал годом пристального внимания партийных руководителей к развитию рыболовства на Мурмане. Там побывал сам

нарком снабжения А. И. Микоян, а также секретарь Ленинградского областного комитета партии С. М. Киров (Кольский полуостров до 1938 г. входил в состав Ленинградской области). В этом же году на Мурмане наблюдались заходы огромного количества сельди, никогда не виданные ранее. Несмотря на то что ученые говорили о случайности и кратковременности такого явления, власти выдвинули задачу превратить Мурман в крупнейший район сельдяного промысла [33].

На состоявшемся в феврале 1932 г. Первом совещании работников рыбной промышленности Северных районов исследования Океанографического института были подвергнуты критике. Камнем преткновения во взаимоотношениях между рыбной промышленностью и Океанографическим институтом была принадлежность последнего Наркомату земледелия. Как заявил управляющий Северным объединением рыбной и зверобойной промышленности и хозяйства Севера П. Т. Мамонов: «Мы ставим вопрос, чтобы рыбная наука находилась не в Наркомземе... чтобы рыбная наука находилась в ведении Наркомснаба и его органов, чтобы мы могли на них воздействовать, и поэтому мы совершенно четко ставим вопрос о создании Северного научно-исследовательского института рыбного хозяйства» [34]. Такой институт должен был быть организован на базе Ленинградского ихтиологического института (преемника Отдела прикладной ихтиологии ГИОА), директором которого был старейший ихтиолог страны Н. М. Книпович, и Мурманского отделения Океанографического института. Идея заключалась в том, чтобы создать институт, который «имел бы свои филиалы, и своими щупальцами охватывал бы весь Северный район» [35]. Месяцев был резко против этой идеи. Ленинградский ихтиологический институт был переименован в Северный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства, но Мурманское отделение осталось в составе Океанографического института.

Такая ситуация просуществовала менее полугода — постановлением Наркомснаба от 11 июня 1932 г. была начата новая реорганизация рыбозаводской науки в стране «в связи с крайней слабостью изучения сырьевой базы и недостаточным участием в практической работе рыбной науки вследствие громоздкости» [36]. Центральный научный институт рыбного хо-

зяйства был разделен на четыре самостоятельных всесоюзных института, а Северный НИИ рыбного хозяйства был преобразован во Всесоюзный НИИ озерного и речного рыбного хозяйства. В результате этой реорганизации ленинградские ихтиологи потеряли возможность работать на морских водоемах — вся морская ихтиология оказалась сосредоточена в Москве и филиалах московских институтов.

Николай Михайлович Книпович — лидер ленинградских ихтиологов — был приглашен работать в московский Всесоюзный НИИ морского рыбного хозяйства (ВНИМОРХ), а также в Ученый совет при Наркомснабе. В следующем году ему было предложено руководить всеми научно-промышленными исследованиями на Севере [37]. Одним из основных научных начинаний Наркомснаба на Севере в 1933 г. стала организация Северной сельдяной экспедиции. Экспедиция представляла собой самостоятельное научное учреждение, подчиненное непосредственно Главному управлению рыбной и морской зверобойной промышленности (Главрыбке) Наркомснаба. Так как Книпович был уже в весьма преклонных годах (он родился в 1862 г.), руководить исследованиями непосредственно на Мурмане он не мог. Поэтому он был назначен научным консультантом экспедиции, а непосредственное руководство было возложено на другого «старого специалиста» — Сергея Васильевича Аверинцева [38].

Новая волна привлечения к социалистическому строительству специалистов старой школы была одним из проявлений процесса спада революционной активности и общенациональной консолидации, названного позднее «the Great Retreat» [39]. Этот процесс сопровождался выдвижением некоторых старых специалистов на роль «признанных авторитетов» и «отцов-основателей» конкретных научных дисциплин. Так, уже с начала 30-х гг. началась канонизация Книповича как основоположника советской ихтиологии. Его кандидатура как нельзя лучше отвечала требованиям, предъявляемым к «отцу-основателю» [40]: с одной стороны, он был ученым, исследования которого были признаны научным сообществом, крупным организатором, с другой стороны, за его плечами было участие в революционном движении, личное знакомство с Лениным, широкая практическая деятельность, недостаточно оцененная при царском правительстве.

Деятельность новой Сельдяной экспедиции сразу же была противопоставлена деятельности Океанографического института. Ученые института были названы «идеологами вредительской теории». В той же статье за подписью управляющего Северным объединением рыбной и зверобойной промышленности и хозяйства Севера говорилось, что «развернутая за последние два года мурманскими большевиками под непосредственным руководством Ленинградского Обкома партии (т. Кирова) и Наркомснаба (т. Микояна) большая практическая работа по добыче сельди у берегов Мурмана наголову разбила всякие теории и теорийки о случайности подхода сельди к берегам Мурмана» [41]. Аналогичное утверждение чуть раньше было использовано в телеграмме самого Кирова, направленной «борцам-ударникам и руководителям сельдяного лова»: 400 тыс. ц выловленной сельди опрокидывают враждебные нам «теории случайностей» сельдяного промысла на Мурмане [42].

Как мы видим на примере «сельдяной проблемы Баренцева моря», вопрос о «случайности» возникновения тех или иных природных явлений приобрел в рассматриваемый период времени ярко выраженную идеологическую окраску, что является вполне типичным для советской науки [43]. Идеология «всепобеждающего» большевизма приводила к тому, что природе отказывалось в «праве на случайность». Однако, по прихоти природы, столь своевременно «подкинувшей» ученым и промышленности «сельдяную проблему», весна 1935 г. была последним сезоном прибрежного лова сельди на Мурмане. Осенью этого же года массовых заходов сельди уже не было. Не появилась сельдь и в последующие годы.

Для критики научной деятельности Океанографического института активно использовался марксистский принцип «практики как критерия истины» — один из основополагающих принципов «советской науки» [44]. По мнению руководителей рыбной промышленности, «практика, а затем уже и научные исследования показали, что Баренцево море имеет богатейшие запасы сельди, что добыча ее вполне может иметь промышленное значение. Теперь никто уже не спорит о том, случаен или не случаен подход сельди. Жизнь сняла этот вопрос с порядка дня» [45]. Из этой цитаты видно, что под практикой понималась исключительно соци-

ально-экономическая практика, синонимом которой здесь выступает слово «жизнь». Эта практика не имеет ничего общего с «научной практикой», то есть экспериментальной проверкой научной теории [46].

Появление огромного количества сельди — факт, ключевой для практики промысла, подхваченный средствами массовой информации и политиками — оказало решающее воздействие на научное сообщество и проводимые им исследования. Требования со стороны практики дать немедленный ответ на «загадку природы», идеологическая неприемлемость ссылок на «случайность» подобного природного явления поставили ученых в очень затруднительное положение. Недостаточность сведений по биологии сельди, принципиальная невозможность проверки теории при помощи эксперимента, то есть научной практики, привела к тому, что решающее слово оказалось за социально-экономической практикой, в данном случае за промыслом. Описанный эпизод подтверждает, что, как и в случае с сельским хозяйством, в условиях идеологического и политического давления наиболее уязвимыми оказываются прикладные науки, направленные на решение запросов очень сложных, погруженных в слабо контролируемые природные условия хозяйственных практик.

Из писем руководителей Главрыбы Наркомснаба местным партийным и хозяйственным руководителям, обнаруженных в РГАЭ, ясно видно, что кампания по ликвидации Океанографического института велась целенаправленно [47]. Эта кампания может быть расценена как действия по захвату региона ведомственной наукой, сопровождающаяся вытеснением и уничтожением относительно независимых научных учреждений.

В первую очередь было закрыто Мурманское отделение института, что было ускорено еще одним, возможно, решающим фактором — вмешательством военно-стратегических интересов. В 1933 г. было закончено строительство Беломорско-Балтийского канала, началась организация Северного военно-морского флота, для стоянки судов и подводных лодок которого требовалась удобные бухты, а в одной из таких бухт и находилась Мурманская биологическая станция. Визит на станцию И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова и С. М. Кирова летней ночью 22 июля 1933 г., видимо, окончательно решил ее судьбу — должно быть,

бухта понравилось вождям. В августе 1933 г. многие сотрудники станции были арестованы [48].

23 сентября 1933 г. Океанографический институт был передан в ведение Наркомснаба, и меньше чем через месяц — 17 октября — он был слит со Всесоюзным НИИ морского рыбного хозяйства. Новый институт был назван Всесоюзным НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО). На базе Мурманского отделения был организован Северный НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии (СНИРО) — филиал ВНИРО. Вскоре к СНИРО была присоединена Северная сельдяная экспедиция — образованный таким образом новый институт стал называться Полярным НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии (ПНИРО).

Таким образом, к середине 30-х гг. все морские рыбохозяйственные исследования сконцентрировались в руках ВНИРО и его филиалов. При этом собственно океанографические исследования практически прекратились. Как грустно шутили попавшие во ВНИРО сотрудники бывшего Океанографического института, буква «О» в названии института, соответствовавшая слову «оceanография», становилась все меньше и меньше. Но они не хотели мириться с фактической ликвидацией океанографии, полном подчинении ее нуждам рыбного хозяйства. Борьба за возрождение института, начатая еще в конце 30-х гг., завершилась созданием в 1946 г. Института океанологии при Академии наук СССР.

1. Осокина Е. А. Иерархия потребления // О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928—1935 гг. М., 1993.

2. См., например: Josephson P. R. Physics and politics in revolutionary Russia. Berkeley; Los Angeles. 1991. где описываются взаимоотношения учёных-физиков и промышленности в это же время.

3. Борисов П. Г. Научно-промышленные исследования на морских и пресных водоемах. М., 1964.

4. См.: Бюллетень рыбного хозяйства. 1925. № 7. С. 5; № 8. С. 4—5; № 11. С. 7—8.

5. Об истории взаимоотношений науки и промысла на Севере см.: Лайкус Ю. А. Ученые, промышленники и рыбаки: научно-промышленные исследования на Мурманде. 1898—1933 // ВИЕТ. 1995. № 1. С. 64—81, а также Lajus J. A. I) Zwischen Wissenschaft und Fischerei: Meeresforschungen im Russischen Norden am Ende des 19.

- und im ersten Viertel des 20. Jahrhunderts // Berichte zur Geschichte der Hydro- und Meeresbiologie und weitere Beiträge zur 8. Jahrestagung der DGGBT in Rostock 1999. Verhandlungen zur Geschichte und Theorie der Biologie. Bd. 5. (Hrsg. E. H. Öxtermann, J. Kaasch, M. Kaasch, R. K. Kinzelbach). Berlin, 2000. S. 61—73; 2) Science, Politics and Practice in the Fishery: Scientists, Industrialists and Fishers in the Russian North, 1898—1940 // Technological Change in the North Atlantic Fisheries. Studia Atlantica, 3 / Ed. by P. Holm, David J. Starkey. Esbjerg, 1999. P. 49—59.
6. *Smith T. D.* Scaling Fisheries: the science of measuring the effects of fishing. 1855—1955. (Mass.). 1994.
7. Бюллетень рыбного хозяйства. 1925. № 5. С. 29—30.
8. Там же. 1924. № 1. С. 14.
9. Russia in the era of NEP. Explorations in the Soviet society and culture / Ed. by Sh. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Indianapolis. 1991.
10. *Fitzpatrick Sh.* The Russian Revolution. Oxford, 1994. См. также: Social Dimensions of Soviet Industrialization / Ed. by W. G. Rosenberg, L. H. Siegelbaum. Indianapolis. 1993.
11. Бюллетень рыбного хозяйства. 1929. № 2. С. 4.
12. Там же. № 5. С. 5—6.
13. ВСНХ или Наркомторг? (О подведомственности государственной рыбной промышленности) // Там же. С. 7.
14. *Fitzpatrick Sh.* Ordzhonikidze's takeover of Vesenka: a case study in Soviet bureaucratic politics // Soviet studies. 1985. Vol. 41. N 2. P. 153—172.
15. См.: Организация советской науки в 1926—1932 гг.: Сб. докум. Л., 1974. С. 273. примеч. 2.
16. Бюллетень рыбного хозяйства. 1929. № 6. С. 29—32.
17. См.: Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г.—декабрь 1991 г. М., 1994.
18. См.: Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 47.
19. См.: Засельский В. И. Развитие морских биологических исследований на Дальнем Востоке в 1923—1941 гг. Владивосток, 1984.
20. РГАЭ. Ф. 9296. Оп. 1. Д. 16. Л. 29—35.
21. Кузьмин В. И. В борьбе за социалистическую реконструкцию, 1926—1937. М., 1976.
22. См.: Труды фаунистической конференции Зоологического института, 3—8 февраля 1932 г. Секция гидробиологическая. Л., 1934. С. 11.
23. См.: Засельский В. И. Развитие морских биологических исследований на Дальнем Востоке в 1923—1941 гг. В целом по истории рыбной промышленности рассматриваемого периода на Дальнем Востоке см. новую кн.: Майдрик А. Т. История рыбной промышленности Российского Дальнего Востока (1927—1940 гг.). Владивосток, 2000.
24. РГАЭ. Ф. 9296. Оп. 1. Д. 16. Л. 29—35.
25. ГАРФ. Ф. А-458. Оп. 1. Д. 142. Л. 38.
26. *Fitzpatrick Sh.* Culture and politic under Stalin: a reappraisal // Slavic Review. 1976. Vol. 35. N 2. P. 211—231.
27. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 14. Д. 1-а. Л. 5—6.

28. См.: Организация советской науки в 1926—1932 гг. С. 310—311.
29. Старостин А. Д. Жизнь и научная деятельность И. И. Месяцева // Тр. Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии. 1966. Т. LX. С. 11—18. См. также нелицеприятную характеристику личности Месяцева и общей обстановки в научной и рыбохозяйственной жизни на Мурмане в это время: Чернавин В., Чернавина Т. Записки «вредителя»; Побег из ГУЛАГа. СПб., 1999.
30. Из интервью с проф. Т. С. Рассом 30 мая 1995 г.
31. См.: Стенограмма Первого совещания работников рыбной промышленности Северных районов от 8—11 февраля 1932 г. (РГАЭ. Ф. 9296. Д. 62. Л. 39).
32. Там же. Л. 103.
33. Подробнее этот эпизод описан в работах: Лайус Ю. А. 1) Сельдяная проблема Баренцева моря: взаимоотношения науки, практики и политики // На переломе: советская биология в 20—30-х годах / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб., 1997. С. 171—205; 2) Взаимоотношения науки, практики и политики (на материале промысловой ихтиологии 1930-х гг.) // Науковедение. 1999. № 3. С. 163—177.
34. См.: Стенограмма Первого совещания работников рыбной промышленности Северных районов от 8—11 февраля 1932 г. (РГАЭ. Ф. 9296. Д. 62. Л. 102).
35. Там же. Л. 13.
36. О предварительных итогах весенней пущины и мероприятиях на второе половодие. Постановление Коллегии Народного комиссариата снабжения Союза ССР. № 300. 11 июня 1932 г. // Рыбное хозяйство СССР. № 7. С. 1—5.
37. Николай Михайлович Книпович (1862—1939). Библиографический указатель. Л., 1974.
38. РГАЭ. Ф. 9296. Оп. 1. Д. 829. Л. 114.
39. Timasheff N. S. The Great Retreat: the Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1948; Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution. Oxford, 1994.
40. См.: Александров Д. А., Кременцов Н. Л. Опыт путеводителя по неизведанной земле. Предварительный очерк социальной истории советской науки (1917—1950-е годы) // ВИЕТ. 1989. № 4. С. 67—80; Кременцов Н. Л. Равнение на ВАСХНИЛ // Репрессированная наука / Под общ. ред. проф. М. Г. Ярошевского. СПб., 1994. Вып. 2. С. 83—96.
41. Мамонов П. Очередные задачи по освоению мурманской сельди // За рыбную индустрию Севера. 1933. № 5. С. 1—3. Критику работы института см. также: Аренин К. Осиное гнездо // Лен. правда. 1933. 5 марта.
42. Киров С. М. Телеграмма передовым борцам-ударникам и руководителям сельдяного лова // Карело-Мурманский край. 1933. № 3—4. С. 67.
43. См.: Колчинский Э. И. 1) Несостоявшийся «союз» философии и биологии (20—30-е гг.) // Репрессированная наука / Под общ. ред. проф. М. Г. Ярошевского. Л., 1991. Вып. 1. С. 34—70; 2) Диалектика биологии (дискуссии и репрессии в 20-е—начале 30-х гг.) // ВИЕТ. 1997. № 1. С. 39—64.
44. См.: Roll-Hansen N. The Practice Criterion and the Rise of Lysenkoism // Science Studies. 1989. Vol. 2. N 1. P. 3—17; Кременцов Н. Л. Равнение на ВАСХНИЛ. С. 83—96.
45. О мурманской селедке и культурных методах работы // Карело-Мурманский край. 1933. № 7—8. С. 44.

46. О разграничении разных видов практик см.: *Roll-Hansen N. The Practice Criterion... P. 3—17.*

47. РГАЭ. Ф. 9296. Оп. 1. Д. 829. Л. 56, 67, 69.

48. См.: *Танасийчук В. С. Аресты на Мурманской биологической станции в 1933 году // Репрессированная наука. Вып. 2. С. 306—318; Вержбинская Н. А., Гинецинская Т. А. Мурманская станция // Очерки по истории Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей. 125 лет со дня основания (Пр. СПб. Общества естествоиспытателей. Т. 91. Вып. 1). СПб., 1993. С. 121—134.*

ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ

АКАДЕМИЯ НАУК И ЦЕНЗУРА В 1920-х гг.

За более чем десятилетний период, начавшийся в СССР с политики «гласности», было опубликовано много работ, посвященных рассмотрению процессов превращения науки Российской империи в советскую науку и ее последующей судьбы [1]. Особое место занимала трансформация Российской Академии наук (РАН) в Академию наук СССР (АН СССР) [2]. Одновременно появлялось огромное количество публикаций по истории советской цензуры, прошел ряд конференций и семинаров [3]. Однако оба эти направления исторических исследований практически не пересекались. История цензуры сводилась в основном к истории цензуры литературы, кино, театра и средств массовой информации, а вопрос о роли и значении цензуры в становлении и функционировании советской науки за немногим исключением даже не ставился [4]. Аналогичный подход был и у зарубежных исследователей советской цензуры [5]. Однако система советской цензуры носила тотальный характер и являлась неотъемлемой частью партийно-государственной структуры контроля и управления советским обществом, которая не могла не включать в себя в качестве одного из объектов и науку. Если до 1960-х гг. о существовании цензуры в СССР упоминалось [6], то о ее наличии в науке ни в справочни-

В основе статьи доклад, сделанный на конференции «Цензура в России: история и современность» 20—22 сентября 1995 г. в Санкт-Петербурге. Первоначальный вариант статьи опубликован в сборнике трудов конференции «Цензура в России: история и современность». СПб., 2001. С. 112—121.

ках, ни в работах по истории советской АН или Библиотеки АН СССР (БАН СССР) не было ни слова [7].

Включение АН в систему цензурного контроля имело ряд общих черт с другими процессами советизации АН (например, установление партийного контроля, институциональная и кадровая реорганизации), так же как и с процессами подчинения цензуре литературы или газетной и журнальной периодики. В частности, общая периодизация истории советской цензуры в целом приложима и к истории цензурирования советской науки [8]. В то же время сама специфика науки и некоторые особенности АН модифицировали характер и способы действия цензуры в сфере науки.

Накануне Главлитта

До возникновения Главлита РАН просила разрешение на публикацию своих изданий в Отделе печати Петроградского Совета. Так, например, в ходатайстве от 8 марта 1920 г. за № 240, подписанном непременным секретарем РАН С. Ф. Ольденбургом, испрашивалось разрешение «закончить печатание тома 1-го „Памятников индийской философии“ — „Обоснование чужого одуванчения“, соч. Ф. И. Щербатского» [9]. В ходатайстве указывалось, в какой типографии и на чьей бумаге печатается издание, его объем и тираж, а также сообщалось, что к набору приступили еще в 1918 г. 20 марта того же года в письме за № 294 во 2-ю Государственную типографию РАН сообщала, что Подотделом печати Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов разрешено печатание «Русского Исторического Журнала» [10]. В том же отделе печати Петросовета РАН периодически (на следующие три месяца) испрашивала разрешение приобретать необходимые для академических библиотек книги [11].

Летом 1922 г. Управление делами Конференции РАН сообщило в Академическую типографию, что «обязательные цензурные экземпляры всех академических изданий, вышедших после 5-04-22 г. и по сие время ввиду отсутствия таковых в Типографии, препровождены Книгохранилищем Академии в Петрогориздат» [12]. В письме в типографию от 25 июля непременный

секретарь РАН, возвращая «инструкции и положения, касающиеся представления обязательных экземпляров в Петрогосиздат», предлагал Типографии руководствоваться в дальнейшем рядом правил, в том числе:

«3. Государственная Академическая Типография тщательно наблюдает, чтобы ни одно академическое издание не поступало в Книгохранилище Российской Академии Наук прежде получения разрешительной отметки Политотдела Петрогосиздата, т. к. ответственность за нарушение установленных правил будет всецело нести типография.

4. Одновременно с отсылкой цензурных экземпляров в Петрогосиздат надлежит неукоснительно отправлять в Канцелярию Конференции 2 экз. каждого академического издания, вместе с копией описи, представленной в Госиздат» [13].

Годом ранее РАН обращалась с письмом от 20 ноября с просьбой «о выдаче разрешения на выпуск оконченных печатанием изданий, на продолжение начатых и на сдачу в набор шести новых изданий» [14], прилагая соответствующие списки. Среди работ, для которых испрашивалось разрешение закончить печатание, были, в частности, сборник «Русская наука» и книга «Третичные млекопитающие России».

В 1919 г. взаимоотношения РАН и отдельных ее сотрудников с новой властью в целом и ее уполномоченными в сфере печатной и иной информационной деятельности часто носили еще на себе отпечаток гражданской войны, при этом порой курьезный. В начале июня 1919 г. у геолога Геологического и Минералогического музея РАН В. П. Виттенбурга в его рабочем домашнем кабинете была конфискована пишущая машинка системы «Ундервуд» дружинником Лахтинского Подотдела Внутренней охраны Приморского Сестрорецкого района даже без предъявления мандата. Машина принадлежала Геологическому музею РАН, о чем у Виттенбурга имелось специальное удостоверение, и была предоставлена ему во временное пользование. В письме в Управление по Внутренним Делам Петроградского Совета, обосновывая просьбу о возвращении конфискованной машинки, вице-президент РАН В. А. Стеклов указывал, что «пишущая машинка является необходимым научным пособием» [15].

Однако и после окончания гражданской войны какое-то время такого рода отношения сохранялись. В 1921 г. книгами часто напрямую занималась Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) [16]. Не сидели сложа руки и другие органы. Например, 6 ящиков с печатными научными изданиями РАН, предполагаемые к отправке в Финляндию, досматривались совместно представителем Петроградского округа военной цензуры З. М. Казиной и инспектором Таможенно-транспортного отдела Петровнешторга М. Ф. Мокрицким, о чем был составлен акт от 31 мая 1921 г., подписанный также научным сотрудником РАН Г. П. Блоком [17]. Разрешение на вывоз книг за границу давалось Наркоматом внешней торговли [18].

Однако с окончанием гражданской войны началось создание системы полномасштабного государственного контроля за информацией в стране. Такое наступление на «внутреннем фронте» вынуждало РАН пытаться сохранить хоть часть своих прежних прав. 29 августа 1921 г. непременный секретарь РАН С. Ф. Ольденбург отправил письмо в Комитет иностранной литературы (Коминолит), в котором, дипломатично начиная с того, что учреждение Коминолита «свидетельствует о большом значении, которое Республика придает» снабжению РСФСР иностранными книжными изданиями, ходатайствовал от имени Библиотеки РАН, Российской публичной библиотеки и Румянцевской библиотеки (тогда 2-я Российская публичная библиотека) о предоставлении этим трем библиотекам особых прав в деле снабжения их иностранными изданиями, в частности «4) о праве вести под контролем Коминолита прямые сношения со всеми иностранными корреспондентами по делу закупки книг и периодических изданий, 5) о праве для опытных и ответственных своих работников, ведущих дело пополнения Библиотеки иностранными изданиями, получать заграничные командировки для непосредственного ознакомления с книжными рынками и приобретения книг на наиболее выгодных условиях» [19].

Через полмесяца, 17 сентября 1921 г., Ольденбург вынужден был обратиться в Коминолит с письмом, вызванным постановлением Коминолита по вопросу о распределении иностранной научной литературы, которое «грозит разрушением научной работы, производимой в Петрограде многочисленными учеными

учреждениями, обществами и отдельными учеными. Специальные же постановления о распределении литературы по общественным и гуманитарным наукам делают совершенно невозможной какую бы то ни было работу в этой области» [20]. Письмо заканчивалось просьбой «подвергнуть этот вопрос вторичному рассмотрению в присутствии наших представителей».

В то же время работа РАН с иностранными изданиями на месте, то есть в Петрограде, проверялась Политконтролем, располагавшимся на Почтамтской ул., 13. Согласно рапорту старшего ученого хранителя 2-го Отделения Библиотеки РАН (книги на иностранных языках) Ф. Ф. Скрибановича от 24 марта 1923 г., во 2-е Отделение 22 марта «прибыли два представителя от Г. П. У. с надлежащим мандатом и потребовали сообщить им сведения о том, какие в Отделении принятые меры к тому, чтобы поступающие в него из-за границы „нелегальные“ издания не выдавались в пользование посетителей читального зала» [21]. На следующий день один из них явился вторично и потребовал срочно доставить в Политконтроль список всех полученных за 1922 и 1923 гг. из-за границы книг и журналов.

По поручению и. о. непременного секретаря И. Ю. Крачковского ст. ученый хранитель Ф. Ф. Скрибанович передал отношение непременного секретаря РАН от 26 марта 1923 г. в Политконтроль. В отношении сообщалось, что все заграничные издания поступают в РАН либо через Комиссию по заграничным закупкам при Наркомпросе, либо отдельные экземпляры почтовыми бандеролями и посылками согласно общим правилам, установленным для территории РСФСР. Непременный секретарь давал понять, что в обоих случаях эти издания уже прошли проверку, а, кроме того, «инвентарный каталог всех новых поступлений находится во 2-ом Отделении Библиотеки и может быть представлен для обозрения в присутственные часы каждому полномочному представителю Политконтроля при наличии определенного письменного мандата» [22]. Из Политконтроля в ответ пришло разъяснение, согласно которому Политконтролю «нужен только список посторонних Академии читателей 2-го Отделения Библиотеки», поскольку «для Политконтроля важно иметь гарантии, чтобы иностранная запрещенная литература, поступающая в Библиотеку Академии Наук... не распространя-

лась через академическую библиотеку в широких кругах населения и не могла бы быть использована для контрреволюционных целей. Вследствие этого Начальник Политконтроля нашел необходимым, чтобы доступ к новой литературе, изданной после 1917 года, был обусловлен предъявлением легитимации о научной квалификации» [23]. Ответственность за несоблюдение такого порядка возлагалась на администрацию библиотеки.

Таким образом, «проект» спецхрана для РАН уже имелся у власти в начале 20-х гг. во всех своих известных более поздних чертах, а именно: 1) спецхран призван был предотвратить распространение запрещенной литературы через академические библиотеки; 2) доступ в спецхран получали только лица с определенной научной квалификацией; 3) устанавливался учет посторонних читателей литературы; 4) ответственность за правильное функционирование спецхрана возлагалась на администрацию библиотеки. К этому следует добавить, что изначально спецхран возник как полицейский орган. В период «военного коммунизма» функция контроля за информационным потоком выполнялась прямо военной цензурой, а также ГПУ. Затем возникли «буферные» учреждения типа Коминолита, Политконтроля и, наконец, Главлитта, но и они были дочерними организациями того же ведомства и выполняли те же задачи, но другими методами. Иначе говоря, спецхран возник по схожему сценарию: власть с самого начала была нацелена на тотальный контроль, и задержка с возникновением Главлитта до 1922 г. объясняется лишь «недосугом» гражданской войны.

Главлит появился и начинает

Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) появилось в 1922 г. Среди первых предпринятых Главлитом акций было запрещение РАН пользоваться аппаратом Отдела дипкурьеров Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) для присылки каких бы то ни было книг из-за границы. Так был перекрыт один из каналов, по которым в РАН доставлялись иностранные издания. РАН пришлось обращаться в Главлит за разрешением на получение тех книг, которые по обмену

уже находились в полпредствах РСФСР, в частности в полпредстве Швеции [24]. 31 января 1923 г. РАН обратилась в Главлит с просьбой «сделать распоряжение о том, чтобы это запрещение не распространялось на книги, отсылаемые из-за границы в адрес Академии» [25].

В 1923 г., в связи с настойчивым предложением Гублита создать в Библиотеке РАН отдел текущей недозволенной инопрессы, академик Н. К. Никольский составил докладную, в которой предлагал «сообщить в Гублит, во-первых, что Библиотека РАН затрудняется принять на себя сформирование отдела текущей недозволенной инопрессы, ввиду образовавшегося в Библиотеке крупного пробела, неимения средств к его пополнению специального назначения, намеченного Гублитом для этого отдела, во-вторых, что было бы желательным получать от Гублита списки изданий, не разрешаемых как для общего, так и для научного пользования. Такие случайно поступающие в РАН издания могли бы быть в таком случае выделяемы для хранения их на правах секретных изданий, недоступных для чьего-либо пользования» [26]. Никольский указывал, что «возобновление систематического пополнения недозволенной инопрессы новыми изданиями, которые могли бы быть полезными для членов РКП, но не имеют связи со специальными научными задачами и деятельностью РАН, в библиотеке РАН представляется малоцелесообразным». При этом Никольский ссылался на пробел в поступлении литературы начиная с 1914 г., на то, что Библиотека РАН не выписывала после возобновления сношений с границей антиправительственных изданий, а также на то, что списки приобретаемых Библиотекой заграничных изданий посылаются на предварительное одобрение в Москву, где и получают утверждение.

Всеобъятность спецхрана

На заседании Президиума РАН 23 марта 1925 г. директор Библиотеки доложил «о поступившем в Библиотеку требовании ГПУ относительно общей регистрации заграничных книжных поступлений РАН» [27]. 28 октября на Президиуме было сообщено о разрешении заведующего Главлита на ввоз иностранной

научной литературы для надобностей РАН [28]. 10 апреля 1926 г. А. Е. Ферсман доложил о закрытии Главлитом журнала «Природа», а позднее о задержке № 9-10 того же журнала [29]. Неоднократно задерживались Гублитом и другие периодические издания РАН, а также книги, в частности 2-й том «Истории Византии» академика Ф. И. Успенского, сборник «Научные работники Ленинграда», № 5 Бюллетеня ОКИСАР [30]. В конце 20-х гг. Обллит, кроме того, устанавливал тиражи всех периодических научных изданий РАН, включая выпуски трудов академических институтов.

К концу 1920-х гг. Академия наук была полностью под контролем Главлита. Различные вопросы взаимоотношений как с центральным цензурным ведомством, так и с его местными отделениями не раз обсуждались на заседаниях Президиума Академии наук. Хотя еще в начале 20-х гг. академические издания были освобождены официально от цензуры, Академия никогда не настаивала на фактическом применении ст. 66 своего Устава (печатаемые издания, имеющие подпись непременного секретаря, не подлежат цензуре) и представляла академические издания на предварительный просмотр в Обллит на равных с другими издательствами основаниях. Если бы у Академии наук появилось желание привести в действие эту статью, Академии пришлось бы прибегнуть, по примеру других учреждений, к делегированию в Академию специального политредактора от Обллита. Впрочем, это все равно пришлось сделать, но чуть позже, когда в самом конце 1920—начале 1930-х гг. в ходе реорганизации Академии наук была перестроена и система академической цензуры.

I. В статьях и монографиях прошедшего десятилетия рассматривались как судьбы отдельных ученых, научных школ и направлений, так и отдельные моменты и эпизоды истории советской науки. Статьи публиковались в самых разных как сугубо научных, так и научно-популярных журналах. Полный перечень опубликованных работ превысил бы объем всех примечаний, поэтому укажем лишь на некоторые: Гайсинович А. Е., Россиянов К. О. «Я глубоко убежден, что я прав...». Н. К. Кольцов и лысенковщина // Природа. 1989. № 5. С. 86—95; № 6. С. 95—103; Дубинин Н. П. Генетика — страницы истории. Кишинев, 1990; Репрессированная наука / Под ред. М. Г. Ярошевского. Л., 1991; Александров В. Я. Трудные годы советской биологии. СПб., 1992; Левитская Н. Г., Лассан Т. К. Григорий Андреевич

Левитский (Материалы к биографии) // Цитология. 1992. Т. 34. № 8. С. 102—125; Маневич Э. Д. А. С. Серебровский и борьба за генетику // ВИЕТ. 1992. № 2. С. 78—93; Сойфер В. Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993; Сонин А. С. «Физический идеализм»: История одной идеологической кампании. М., 1994; Репрессированная наука / Под ред. М. Г. Ярошевского. СПб., 1994. Вып. 2: Куперштадт Н. А. Сопротивление застою в биологии // Вестник РАН. 1995. Т. 65. № 9. С. 836—840; Сорокина М. Ю. «Молчать дольше нельзя...» (из эпистолярного наследия С. Ф. Ольденбурга) // ВИЕТ. 1995. № 3. С. 109—119; Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. СПб., 1996; На переломе: советская биология в 20—30-х годах / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 1997; Сойфер В. Н. Красная биология: Псевдонаука в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998.

2. См., например: Тугаринов И. А. ВАРНИТСО и Академия наук СССР (1927—1937 гг.) // ВИЕТ. 1989. № 4. С. 46—55; Перчёнок Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Ист. альманах. 1991. Вып. 1. С. 163—235; Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995.

3. См. например: История советской радиожурналистики. 1917—1945: Документы. Тексты. Воспоминания / Сост. Т. М. Горяева. М., 1991; Свобода научной информации и охрана государственной тайны: Тезисы конференции 24—26 сентября 1991 г. Ленинград / Под ред. М. Б. Конашева. Л., 1991; Цenzура иностранных книг в Российской империи и Советском Союзе: Каталог выставки. Москва. Май—июнь 1993 г. М., 1993; «Исключить всякие упоминания...»: Очерки истории советской цензуры / Сост. Т. М. Горяева. Минск; М., 1995; Цензура в царской России и Советском Союзе: Материалы конференции 24—27 мая 1993 г., Москва / Под ред. Т. В. Громовой. М., 1995; На подступах к спецхрану (Труды межрегиональной научно-практической конференции «Свобода научной информации и охрана государственной тайны: прошлое, настоящее, будущее», 24—26 сентября 1991 г., Санкт-Петербург) / Под ред. М. Б. Конашева. СПб., 1995; Цензура в России: история и современность: Тезисы конференции 20—22 сентября 1995 г., Санкт-Петербург / Под ред. М. Б. Конашева. СПб., 1995; Цензура в России: Материалы Международной научной конференции 14—15 ноября 1995 г., Екатеринбург. Екатеринбург, 1996; История советской политической цензуры: Документы и комментарии / Сост. Т. М. Горяева. М., 1997. См. также: Конашев М. Б., Кременцов Н. Л. Как и чем измеряется секретность? // ВИЕТ. 1992. № 2. С. 155—156; Конашев М. Б., Орлов С. А. Цензура в России: история и современность. Конференция в Санкт-Петербурге // Отечественная история. 1996. № 6. С. 204—205.

4. См.: Конашев М. Б. Лысенкоизм под охраной спецхрана // Репрессированная наука / Под ред. М. Г. Ярошевского. СПб., 1994. Вып. 2. С. 97—112; Научные журналы под контролем Главлита СССР // История науки и техники: проблемы и перспективы. М., 1995. С. 139—140; Доктор Кабо, Сигент Anthropology и спецхран // Цензура в России: Материалы Международной научной конференции 14—15 ноября 1995 г., Екатеринбург. Екатеринбург, 1996. С. 111—113; Уставы Академии наук и цензура // 200 лет российской цензуре: Тезисы научного семинара / Под ред. Г. В. Жиркова. СПб., 1996. С. 16—17; Библиотека Академии наук в конце 20-х—начале 30-х гг.: секретный фонд // Судьбы библиотек дореволюционной России: 20—30-е гг. ХХ века. Конференция. 1—3 октября 1996 года: Тезисы сооб-

щений. СПб., 1996. С. 50—51; Спецхран и наука // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. X. Материалы VI сессии Международной школы социологии науки и техники / Под ред. С. А. Кутеля. СПб., 1996. С. 119—123; Самоцензура отечественных генетиков и эволюционистов в переписке с зарубежными коллегами в 1930-е годы // Историческая психология сталинизма и ее судьба: Тезисы международной научной междисциплинарной конференции. Санкт-Петербург. 19—21 мая 1998 г / Под ред. В. И. Старцева. СПб., 1998. С. 56—58.

5. См., например: *Swanson H. Political Control of Literature in the USSR: 1946—1959*. Cambridge (Mass.), 1962; *The Soviet Censorship* / Ed. by M. Dewhurst and R. Farrell. Methuen; New Jersey. 1973; *Choldin M. T. A Fence around the Empire: Russian Censorship of Western Ideas under Tsars*. Darham. 1985; *The Red Pencil: Artists. Scholars and Censors in the USSR* / Ed. by M. T. Choldin and M. Friedberg. Boston, 1989; *Fox M. D. Glavlit. Censorship and the Problem of Party Policy in Cultural Affairs, 1922—1928* // *Soviet Studies*. 1992. Vol. 44. N 6. P. 1045—1068. Единственная статья, посвященная цензуре и науке в сборнике под редакцией М. Т. Чолдин, представляет из себя краткий текст воспоминаний: *Yarim-Agaev Y. Coping with the Censor: A Soviet Scientist Remembers* // *The Red Pencil: Artists. Scholars and Censors in the USSR* / Ed. by M. T. Choldin and M. Friedberg. Boston, 1989. P. 71—74. За статьей следует такое же краткое обсуждение: *The Scientist's Laboratory: Discussion* // *Ibid*. P. 75—78.

6. В статье о цензуре в т. 46 БСЭ (2-е изд.), вышедшем в 1957 г., еще утверждается, что цензура в СССР «носит совершенно иной характер, чем в буржуазных государствах» (М., 1957. С. 518). В разных последующих энциклопедических изданиях, например в «Советской исторической энциклопедии» 1974 г., о советской цензуре уже не вспоминается. В предметных указателях советская цензура также не значится, имеется только «царская цензура» или «буржуазная цензура» (см. например: Справочный том к Полн. собр. соч. В. И. Ленина. М., 1978. Ч. 1. С. 705).

7. См., например: *Князев Г. А., Кольцов А. В. Краткий очерк истории АН СССР*. З-е изд., доп. М.; Л., 1964; *Карпенко О. М., Князев Г. А., Кольцов А. В. Академия наук СССР. Краткий очерк истории и деятельности*. М., 1968; *Комков Г. В. Академия наук СССР. 1724—1974. Краткий исторический очерк*. М., 1974; *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк*: В 2 т. 2-е изд. М., 1977; *Кольцов А. В. Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926—1932*. Л., 1982.

8. См.: *Жирков Г. В. История советской цензуры: Материалы к лекционному курсу по истории журналистики России XX века, спецкурсам, спецсеминарам по истории цензуры*. СПб., 1991. С. 12—13.

9. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1918. Д. 1. Л. 356.

10. Там же. Л. 360.

11. Там же. Д. 2. Л. 182.

12. Там же. Оп. 1-1922. Д. 3. Л. 29.

13. Там же. Л. 35 об.

14. Там же. Л. 283.

15. Там же. Ф. 4. Оп. 2-1918. Д. 40. Л. 133 об.

16. Там же. Оп. 2-1921. Д. 34. Л. 221, 223.

17. Там же. Ф. 2. Оп. 1-1920. Д. 1. Л. 198.

18. Там же. Л. 308.
19. Там же. Л. 284.
20. Там же. Л. 300.
21. Там же. Оп. 1-1923. Д. 5. Л. 39.
22. Там же. Л. 41.
23. Там же. Л. 42 об.. 43.
24. Там же. Д. 2. Л. 6.
25. Там же. Д. 3. Л. 15.
26. Там же. Д. 24. Л. 125—125 об.
27. Там же. Оп. 1-1925. Д. 35. Л. 1 об.
28. Там же. Л. 40.
29. Там же. Оп. 1-1926. Д. 75. Л. 57 об.. 59 об., 197.
30. Там же. Л. 145, 155 об., 177.

ОТ «ЗАМКНУТОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО
КНИГОХРАНИЛИЩА» К БИБЛИОТЕКЕ
«ДЛЯ ШИРОКИХ МАСС ТРУДЯЩИХСЯ»:
РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Научная библиотека в стране реального социализма

Научная библиотека возникла как учреждение, которое играет огромную роль в развитии науки в качестве ее инструмента. В России это учреждение формировалось на протяжении длительного времени, начиная с XVIII в. В XIX в. на формирование самой концепции российской научной библиотеки и на развитие конкретных научных библиотек, в первую очередь на развитие национальной библиотеки страны — Императорской Публичной библиотеки в Петербурге повлияла концепция немецкой научной библиотеки. В этом отношении Россия не была исключением: концепция и опыт немецких научных библиотек оказали позитивное воздействие на развитие библиотечного дела в разных странах Европы и Америки. В начале XX в. в России сложилась развитая система научных библиотек. Наряду с национальной успешно функционировали Библиотека Академии наук, университетские библиотеки и библиотеки других высших учебных заведений. К научным библиотекам могут быть отнесены и крупные губернские публичные библиотеки. Особые группы составляли библиотеки музеев, научных обществ, научных объединений. В интересах науки использовались богатейшие частные собрания, многие из которых не были закрытыми. В стране сло-

жилось объединение библиотекарей — Общество библиотековедения, в которое входили преимущественно сотрудники научных библиотек. Издавался профессиональный библиотечный журнал «Библиотекарь», который, прежде всего, отражал интересы библиотекарей научных библиотек.

После 1917 г. положение научных библиотек резко изменилось. Многие из них продолжали функционировать, но впервые библиотеки оказались в принципиально иных, чем библиотеки других стран, условиях «реального социализма». Разумеется, социальные реалии затрагивали работу всех учреждений и организаций, и научные библиотеки исключением не были. Но из множества следствий, которые характеризуют особенности жизни в условиях реального социализма, три особенно важны для понимания состояния научных библиотек. Прежде всего, следует выделить такую черту реального социализма, как формы промежуточной цивилизации, где монополия на дефицит является ведущим социальным фактором [1]. Учреждения, функционирующие в таких условиях, неизбежно оказывались в положении полной экономической зависимости от государства в плане получения средств, ресурсов и т. д.

Второй особенностью является тоталитаризм, который предполагает потребность в мощном аппарате государственного насилия [2] и объектом которого становится научная библиотека в силу того, что представляет для тоталитарного государства особую опасность. Распространяется это практически на все типы и виды библиотек. В первую очередь начинает иначе развиваться национальная библиотека. Она отныне ориентируется только на исчерпывающий сбор и хранение литературы, вышедшей на территории страны, выпуск которой строго контролируется государством. Этой библиотекой становится созданная в 1925 г. на базе Библиотеки Румянцевского музея Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве. Данный момент является важным для понимания развития библиотек в новых условиях, когда нужна была новая, «свободная» от влияния буржуазного прошлого библиотека. Бывшая Императорская Публичная библиотека в Петербурге не подходила на эту роль. При создании «социалистической» национальной библиотеки важный аспект ее деятельности как особого института любого современного госу-

дарства — сбор с целью постоянного (вечного) хранения мировой литературы, выходящей на языке (языках) страны, не рассматривался вообще. Не случайно в советском библиотековедении вплоть до 1960-х гг. не употреблялся признанный во всем мире профессиональный термин «национальная библиотека» [3]. Резко изменились и судьбы публичных, то есть низовых библиотек, обслуживающих самые широкие слои населения. Они также становятся государственными и создаются по единому образцу без учета местной специфики. Эти библиотеки в условиях Советской России получают наименование «массовые библиотеки». Наиболее деструктивными были изменения в жизни научных библиотек.

Наконец, третья черта — идеология как «защищаемая государством псевдокультура, формирующаяся при участии профессионалов-идеологов» [4]. Воздействие идеологии на научные библиотеки было более изощренным, нежели на массовые. Они, разумеется, стали центрами пропаганды марксизма-ленинизма. Важно понять, как менялась научная библиотека в контексте изменений самой науки. При этом необходимо отметить, что новая власть изначально придавала библиотеке как социальному институту чрезвычайно большое значение. Один из первых программных документов, написанных В. И. Лениным, — «О задачах Публичной библиотеки в Петрограде» (ноябрь 1917 г.) начинался со слов: «Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, надо учиться. Библиотечное дело в Петрограде поставлено, в силу многолетней порчи народного просвещения царизмом, из рук вон плохо» [5].

Разумеется, определить степень влияния этих процессов сложно. В данной статье предпринята попытка рассмотреть особенности развития научной библиотеки в первые десятилетия советской власти — с 1917 г. до конца 1930-х гг. и их влияние на современное библиотечное дело в трех аспектах:

превращение научных библиотек в государственные и влияние этого процесса на основополагающую функцию библиотеки как специфического учреждения — формирование фондов;

изменение характера выполнения второй основополагающей функции — функции обслуживания;

качественное превращение в библиотеку, принципиально отличную от научных библиотек мирового сообщества.

Изменения, происходившие с научными библиотеками России после 1917 г., были связаны, прежде всего, с изменением формы их принадлежности. На смену многообразию их видов, свободному развитию наряду с государственными библиотеками библиотек научных обществ и других научных учреждений и организаций, а также многочисленных частных собраний, которые были доступны для научной работы, пришла одна-единственная форма — государственные библиотеки. Новое государство ввело эту форму собственности с целью установления тотального контроля над всеми библиотеками, в том числе личными.

Национализации подвергались библиотеки всех ликвидированных учреждений, что означало национализацию библиотек практически всех учреждений [6]. Подлежали реквизиции и домашние библиотеки, объем которых превышал 500 книг, а в ряде регионов даже 100 книг. Отныне государство в лице своих органов решало судьбы уникальных собраний, обеспечивало их сохранность и определяло степень их доступности читателям. На государственном уровне принимаются и решения о продаже целых библиотек за рубеж в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров от 23 января 1928 г. «О мерах к усилению экспорта и реализации за границей предметов старины и искусства» [7].

В дальнейшем судьба научных библиотек отразила все последствия очередных крупномасштабных общегосударственных реформ. Многие коллекции, попавшие в те или иные библиотеки в результате национализации книжных коллекций в 1918—1920 гг., подлежали перераспределению. Только за 1930—1931 гг. Ленинградский книжный фонд получил почти 2 млн томов книг. К 1935 г. неразобранная часть Ленинградского фонда составляла уже 2,7 млн томов. В целом же за эти годы неразобранная часть фонда выросла в два раза. При этом не уменьшалась и не разобранная еще со времен национализации часть книжных фондов.

В результате всех перемещений и перераспределений в Советской России после 1917 г. сложилась ситуация, которая теоретически может быть сопоставима только с тем, что было во Фран-

ции в конце XVIII в., когда в пережившей революцию стране оказались национализированными многочисленные частные собрания и секуляризованы фонды богатейших монастырских библиотек. Эти фонды оказались разбросанными по всей стране. Именно Франция впервые в истории библиотек оказалась страной, которой пришлось преодолевать на протяжении многих десятилетий последствия революционных катастроф и решать проблемы раскрытия библиотечных фондов и обеспечения их сохранности в масштабах целого государства. Однако Россия пережила после 1917 г. несоизмеримо большие потрясения. Масштабы российских перемещений и безвозвратных потерь несопоставимы с французскими. И если Франция, хоть и спустя много лет, блестяще решила проблемы обеспечения сохранности библиотечных фондов и их раскрытия, то в России решение этих проблем находится в самой начальной стадии. Следствием событий первых десятилетий советской власти является то, что множество ценнейших собраний по всей стране до настоящего времени представляют собой огромные книжные кладбища, которые не разобраны, не каталогизированы и, соответственно, не могут быть использованы читателями. В результате того, что многие собрания хранятся в самых неподходящих для этого условиях, сохранность фондов представляется проблематичной [8].

Смена читателя

После каждой революции начинается новый отчет истории, а свои действия любая революция начинает с ликвидации враждебных классов. Следствием 1917 г. стало разрушение так называемой кастовости высшей школы и набор в нее рабоче-крестьянской молодежи, что было декларировано соответствующим декретом новой власти от 2 августа 1918 г. С 1921 г. начинается активная замена старой профессуры. В 1922 г. многие профессора были высланы из страны [9]. Следующие два мощнейших удара по традиционному для научной библиотеки читателю были нанесены в течение десяти лет, начиная с 1928 г. [10]. Первый — так называемая культурная революция, в «пожаре» которой должна была сгореть «старая» буржуазная интеллиген-

ция. Правда, эту революцию начали свертывать уже в 1931 г., когда Комиссия содействия ученым при Совете Народных Комиссаров дала указание сосредоточиться на обслуживании крупнейших ученых, и для элиты численностью в 1500—2000 человек, внесенной в специальный список, начинают приобретать новейшую литературу, выходящую во всем мире. Но за этим последовала, как известно, волна репрессий.

С первых лет советской власти в официальных документах подчеркивается необходимость ориентации библиотек на обеспечение доступности всех книжных богатств новому массовому читателю. Особую роль должен был играть межбиблиотечный абонемент. Заведующий Московским библиотечным отделением, известный писатель В. Я. Брюсов подчеркивал в 1919 г.: «Прямая обязанность государственных библиотек прийти на помощь работающему на месте и выслать ему книги из своего богатого собрания, хотя бы даже и с риском ее утраты, так как все книги имеют смысл и значение только, поскольку служат потребностям работающих» [11].

Это указание можно рассматривать в качестве программного по двум причинам. Во-первых, очень четко сформулированы приоритеты новой власти по отношению к библиотечным фондам, а именно — приоритеты использования книг над их сохранностью. Во-вторых, речь идет о предоставлении книг тем пользователям, которые определены новым по отношению к читателям библиотеки понятием — «работающие» или «трудящиеся».

Официально с тех пор научные библиотеки были сориентированы как на изменения в масштабах обслуживания, так и на новые категории читателей. Так, Н. К. Крупская в приветствии II Всероссийской конференции научных библиотек в 1926 г. писала: «Правильная постановка научных библиотек облегчит, несомненно, дело развития научной работы... Особенно интересует меня как политпросветчицу вопрос о доступности научных библиотек для возможно более широкого круга научно работающих лиц» [12].

В 1930-е гг. она конкретизирует эти указания, настаивая на необходимости преодоления «академической замкнутости» научных библиотек, подчеркивая, что в научных библиотеках еще сильны старые традиции, отгораживающие библиотеку от чита-

теля: «У нас думают, что это дело лишь массовых библиотек, а в научные библиотеки приходит лишь ученый-специалист. Это не так... Откройте шире двери библиотек!» [13].

Реальные изменения по отношению к крупнейшей научной библиотеке страны того времени, какой была Государственная публичная библиотека в Ленинграде (бывшая Императорская Публичная библиотека), выражались, прежде всего, в статистических показателях, характеризующих особенности и сами масштабы обслуживания. Так, если в 1907 г. — один из самых стабильных и плодотворных годов в предреволюционный период жизни библиотеки — она приняла 257 565 читателей, которым было выдано 688 958 томов, то в 1924 г. только за первую половину года было выдано 771 495 томов практически при равном количестве посещений — 246 260 человек. В 1925 г. число посещений в сравнении с 1907 г. возросло уже более чем на 50 000, а число выданных томов — более чем на 550 000 [14]. В отчете же Библиотеки о работе в первое десятилетие советской власти (1917—1927) новые задачи обслуживания были сформулированы предельно четко: «Курс был взят на максимальное обслуживание массового читателя научной библиотеки» [15].

Создание квазинаучной библиотеки

Одновременно с борьбой за преодоление академической замкнутости развивается процесс контроля за пользованием фондами библиотек. В 1923 г. была подготовлена инструкция о пересмотре состава фондов библиотек. Подпись под этим документом ставит Н. К. Крупская.

Новая инструкция стала не просто еще одним новым документом. Она означала установление тотального контроля за пользованием литературой в библиотеках.

Масштабы чистки фондов оказались при этом столь велики, что даже сама Крупская была вынуждена реагировать: «Я подписала инструкцию о пересмотре состава библиотек и изъятии контрреволюционной и вредной литературы. Список же, подлежащий изъятию, я не видела и считаю его совершенно недопустимым» [16]. Она протестовала против изъятия книг по философии,

отстаивала труды Ницше, доказывала, что смешно бояться распространения толстовства. Тем временем запущенный в ход механизм тотальной чистки фондов остановить было невозможно. Не избежали чисток и каталоги. Например, в ГПБ в Ленинграде с 1931 г. ведутся два алфавитных каталога — служебный и читательский. Они «принципиально» отличаются друг от друга как по полноте, так и по характеру раскрытия фондов.

Стремление к проведению чистки фондов и каталогов ни в коем случае не было определено рвением руководителей и сотрудников библиотек. Оно было определено характером развития самой науки в новых условиях. Наука оказалась с первых лет советской власти заложницей политики. В 1920-е гг. формируется подход, определяющий характер развития науки в стране. С предельной четкостью он был сформулирован председателем ВСНХ Г. Л. Пятаковым: «Чистая наука пусть находит себе место в других учреждениях и институтах, нам нужна прикладная наука, непосредственно содействующая улучшению и развитию производства» [17]. Советское государство ищет пути, дающие возможность совершить рывок в техническом развитии и делать ставку на научные библиотеки технического профиля [18].

Особенно драматично складывается судьба гуманитарных наук. С одной стороны, в СССР практически перестали пользоваться самим термином «гуманитарная наука», что было обусловлено внедрением методологии диалектического и исторического материализма, согласно которой считалось, что все исследования — и естественнонаучного, и технического, и гуманитарного характера — имеют единую природу. «Обновленные» гуманитарные науки превратились в общественные. А само понятие «научный» постепенно оказалось вытесненным другим — «научно-технический», которое сохраняется по сути по сей день (научно-техническая библиотека, научно-технический прогресс, научно-техническая информация и т. д.). При этом, как само собой разумеющееся, предполагалось, что эти и подобные им понятия охватывают все науки.

С другой стороны, отдельные науки становятся — внешне сохранив прежние названия — по своей сути абсолютно или частично не похожими на аналогичные науки и научные дисциплины, изучаемые за рубежом. Менее всего это затронуло физику и

математику, в большей степени — другие естественные науки, но особенно сильно гуманитарные науки. Они утрачивают столь необходимую для полноценного развития взаимосвязь с мировой наукой. Сохраняются названия научных дисциплин, но и в них отныне вкладывается противоположное содержание. Они превращаются, по сути, в квазинауки, которые развиваются по законам мифотворчества. Квазинауки сориентированы в первую очередь не на развитие науки, а на имитацию научной деятельности. Поэтому в их «развитии» огромную роль играет уничтожение не соответствующих утвержденной мифологии книг и архивных материалов. Так уничтожались в послевоенные годы следы школы Н. И. Вавилова. В 1960-е гг. во время археологической экспедиции уничтожались не соответствовавшие положениям советской — «кантинорманнской» археологической квазинауки — мечи норманнов [19]. Более мягкой формой уничтожения становится «засекречивание... архивов или иностранных журналов, доступ к которым разрешается лишь проверенным членам квазинаучного сообщества» [20].

Особенно сильно изменения в характере развития гуманитарных наук в СССР отразились в организации и ведении обслуживания читателей, занимавшихся исследованиями в области гуманитарных наук.

Эти изменения особенно отчетливо просматривались в работе крупнейших научных библиотек универсального профиля, которые являются обычно инструментами разных наук (в том числе и гуманитарных), в силу чего они могут и должны считаться и научно-гуманитарными библиотеками. Но научная библиотека в этом случае развивалась в направлении, противоположном тому, в котором она должна развиваться, чтобы соответствовать тем требованиям, которые предъявляются библиотекам, сориентированным на обслуживание читателей-исследователей в области гуманитарных наук.

Читатели-гуманитарии оказались в советской научной библиотеке в самом сложном положении, так как практически во всех библиотеках изменился профиль комплектования и вследствие этого столь необходимая для полноценного развития этих библиотек преемственность в комплектовании фондов отныне была нарушена.

С 1930 г. в ГПБ в Ленинграде упраздняется старая структура, сориентированная на интересы отдельных наук, выраженная в форме отделений истории, языкоznания, философии, медицины и естественных наук, математики и технологии и т. д. Отныне работа библиотеки строилась на основе функциональных подразделений — комплектования, обработки, хранения, обслуживания и консультационно-библиографической работы [21]. Комплектование при этом, если говорить о комплектовании зарубежной литературы, ведется отныне библиотекарями, которые отвечают не за ту или иную область знаний, а за страну, за литературу на том или ином языке. С 1934 г. вводится отраслевая специализация в обслуживании читателей, которая сначала была выражена в создании отраслевых пунктов выдачи литературы в общем читальном зале, а затем — самостоятельных отраслевых читальных залов, а именно социально-экономического зала, где обслуживались наряду с другими группами читателей философы и историки; зала искусства, литературы, языкоznания и народного образования; зала естественных наук и медицины; зала физико-математических, химических наук и техники [22]. Именно создание системы отраслевого дифференцированного обслуживания читателей было определено в качестве первоочередной задачи, поставленной перед научными библиотеками универсального профиля на совещании директоров научных библиотек Народного комиссариата просвещения РСФСР в 1934 г. Эта система, сложившаяся в 1930-е гг., стала обязательной как для центральных, так и для региональных научных библиотек страны и остается неизменной до настоящего времени. С 1930-х гг. научные библиотеки становятся инструментом квазинауки. Сами они развиваются с тех пор как учреждения, сориентированные на обслуживание ученых, по законам квазинауки и становятся в каких-то случаях в большей, в каких-то случаях в меньшей степени квазинаучными библиотеками.

Разумеется, этот процесс не определял полностью особенности развития научных библиотек, ибо наряду с превращением научной библиотеки в библиотеку социалистического типа наблюдались и другие процессы, начало которых тоже относится к первым годам советской власти. Исследователь русской библиографии первых послереволюционных лет Г. В. Михеева обра-

тила внимание на одно из этих явлений, которое представляется особенно важным для понимания реальной картины того времени: «Для многих гуманитариев невозможность активной научной деятельности, неприятие новой идеологии послужили толчком ухода в библиографию, в том числе и в библиографическую регистрацию, которая в тот период еще была островком, свободным от политики и идеологии, и где можно было приносить ощущенную пользу, не будучи связанным прямым сотрудничеством с новой властью» [23].

Позднее эти островки меняли свои очертания, исчезали и появлялись в ином качестве. Именно в библиотеках реализовали себя многие ученые-гуманитарии, которые, не имея возможности полноценного исследования по своей основной специальности, занимались научной работой здесь, создавая уникальные библиографические труды, готовя публикации по истории книги и истории библиографии. Не случайно именно в России сформировалась и получила развитие наука, которая практически не имела аналогов за ее пределами — библиографоведение. Но, несмотря на эти и другие проявления выживания профессионалов и сохранения профессиональных ценностей в сложнейших условиях тоталитарного государства, научная библиотека не могла не деформироваться. Опыт России 1917—1930-х гг. показывает, насколько научная библиотека как учреждение, служащее науке и являющееся инструментом науки, оказалась зависимым от тоталитарного государства. Изменилась степень самостоятельности этого учреждения, изменился круг лиц, на который оно ориентировано, и, наконец, изменилась сама наука, которой библиотека должна служить, а вместе с нею и библиотека, ей служащая.

Российская научная библиотека прошла иной — в сравнении с научными библиотеками других бывших социалистических стран — путь. При всей серьезности тех деформаций, которые повлияли на развитие последних, они оказались не столь разрушительными и не отразились на современном состоянии научных библиотек этих стран. Так, например, в России «фронтально» по всей стране, то есть во всех регионах, была внедрена марксистско-ленинская классификация, по которой были построены систематические каталоги — система ББК (Библиотечно-библиографическая классификация). Но в бывшей советской республи-

лике — Эстонии — ББК никогда не применяли. Причина в том, что библиотечные работники стремились во что бы то ни стало сохранить совместимость своих каталогов с каталогами библиотек других стран мира и потому так «основательно» и так долго переводили на эstonский язык таблицы ББК, что до внедрения этой классификации дело так и не дошло. В условиях «оттепели» и в последующие годы при всех сложностях подобное проявление духовного сопротивления было возможным. Но еще сложнее объяснить, почему в новом здании Национальной библиотеки в Варшаве, построенном в конце 1980—начале 1990-х гг., всего два основных читальных зала — гуманитарной и негуманитарной литературы, а в новом здании Российской национальной библиотеки, открытом в 1998 г., их несколько, и среди них — зал, имеющий название зала социально-экономической литературы. Ответ на этот вопрос требует экскурса в историю 1930-х гг.

1. См.: Ахисер А. С. Россия: критика исторического опыта: (Социокультурный словарь). М., 1991. Т. 3. С. 361.

2. См.: Там же. С. 391.

3. Впервые это понятие появилось в работах одного из наиболее крупных отечественных библиотековедов Н. И. Тюлиной, вынужденной определить специфические черты «социалистической национальной библиотеки» (см.: Тюлина Н. И. Национальная библиотека: I. Современные проблемы комплектования // Библиотековедение и библиография за рубежом (М.). 1965. Вып. 17. С. 30—49); Национальная библиотека: II. Современные проблемы обслуживания читателей // Там же. 1966. Вып. 20. С. 3—19; Национальная библиотека: Социалистическое библиотечное дело и типологические особенности национальной библиотеки // Там же. 1967. Вып. 23. С. 3—19.

4. См.: Ахисер А. С. Россия: критика исторического опыта. С. 106.

5. Ленин В. И. О задачах Публичной библиотеки в Петрограде // В. И. Ленин и библиотечное дело. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1977. С. 45.

6. См.: Афанасьев М. Перемещенные коллекции и их судьба // Библиотека. 1996. № 10. С. 12—15.

7. Так называемую букинистическую деятельность, а по сути продажу целых библиотек с целью получения валютных средств вело Бюро международного книгообмена. В 1924—1926 гг. Бюро выпустило 78 отдельных каталогов, через которые книготорговцы западных стран, прежде всего США, покупали и перепрода-вали конфискованные библиотеки. Наиболее крупные приобретения были сделаны Гарвардским и Стэнфордским университетами и Библиотекой конгресса (см.: Ричардс П. С. Библиотечные связи США и Советского Союза в 1920—30-х гг. Ана-

лиз взаимного интереса и недоверия // Судьбы библиотек дореволюционной России: 20—30-е гг. XX в. Конференция. 1—3 октября 1996 г.: Тезисы сообщений. СПб., 1996. С. 8).

8. В отличие от России исторически ценные книжные фонды библиотек раскрыты во многих странах Европы с максимальной полнотой. Наиболее интересными были французский проект «Наследие» («Patrimoine») и проект создания многотомного «Справочника по исторически ценным книжным фондам в Германии» (Handbuch der historischen Buchbestände in Deutschland / Hrsg. von Bernhard Fabian. 23 Bd. Hildesheim, 1992—1998) и аналогичный проект по Австрии (Handbuch der historischen Buchbestände in Österreich / Hrsg. von der Leitung Österreichischen Nationalbibliothek in Zusammenarbeit mit dem «Handbuch der historischen Buchbestände in Deutschland. 4 Bd. 1995—1997), реализованные на средства Volkswagen-Stiftung под руководством проф. Westfälische Wilhelm-Universität в Мюнстере Бернхардом Фабианом. В 1990-е гг. эта работа получила продолжение в виде многотомного и аналогичного справочника по странам Европы (Handbuch der deutschen historischen Buchbestände in Europa). По методике, разработанной проф. Фабианом после завершения работы над соответствующим томом, в ряде стран, первой среди которых была Дания, были изучены и выявлены все библиотечные собрания, содержащие уникальные исторически ценные книжные фонды. Это позволило получить исчерпывающее представление о том, какими сокровищами обладают библиотеки страны в целом, и предоставить достаточно полную информацию пользователям-ученым о том, что имеется в их распоряжении, но самое главное — получить представление о фондах, нуждающихся в защите. На основе полученных сведений началась многоаспектная работа по обеспечению сохранности книжных фондов страны. Первой, хотя и скромной попыткой представить масштабы этой работы в России фактически является реализация проекта по созданию российского тома вышеназванного общеевропейского справочника по немецким исторически ценным книжным фондам. Работа велась в 1995—1999 гг. под руководством Российской национальной библиотеки (С.-Петербург). Российский том (Bd. 8) подготовлен и вышел из печати в 2001 г.

9. См.: Неретина С. С. Смена исторических парадигм в СССР. 20—30-е годы // Наука и власть. М., 1990. С. 22—49; Стрекольтов С. П. Организация управления наукой СССР в условиях складывания тоталитарного режима (20—30-е годы). Автореф. дис. на соиск. ученой степени д-ра ист. наук. М., 1992.

10. См.: Филатов В. П. Наука и научное сообщество в период «культурной революции» // Научный прогресс: когнитивные и социокультурные аспекты. М., 1993. С. 141—158.

11. Цит. по: История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы. 1918—1920. М., 1975. С. 54.

12. Цит. по: Крупская Н. К. В Оргбюро по созыву II Всероссийской конференции научных библиотек // О библиотечном деле: Сб. тр. Т. 2. М., 1983. С. 128.

13. Цит. по: Крупская Н. К. Из беседы с директорами научных и краевых (областных) библиотек // О библиотечном деле: Сб. тр. Т. 5. М., 1986. С. 226.

14. См.: Голубева О. Д. Н. Я. Марр и Публичная библиотека. Тбилиси, 1986. С. 37.

15. Там же. С. 34.
16. Цит. по: История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы. Ноябрь 1920—1929. М., 1979. С. 70.
17. Цит. по: Стрекопытов С. П. Высший совет народного хозяйства и советская наука. 1917—1932 гг.: Учеб. пособие. М., 1990. С. 16.
18. См.: Richards P. S. Die internationale Rivalität und die Entwicklung wissenschaftlicher Bibliotheken im 20. Jahrhundert // Bibliothek. Forschung und Praxis. Bd. 18. 1994. S. 89—91; *idem*. Scientific Information in Wartime. The Allied-German Rivalry, 1939—1945. Westport (Connecticut): London, 1994. Р. 46.
19. См.: Леглер В. А. Идеология и квазинаука // Наука и власть. М.. 1990. С. 5—22.
20. Там же. С. 20.
21. См.: Голубева О. Д. Н. Я. Марр и Публичная библиотека. С. 141.
22. См.: История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 239.
23. Михеева Г. В. История русской библиографии 1917—1921 гг. СПб., 1992. С. 257.

**НАСТРОЕНИЯ
НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В ГОДЫ НЭПА ПО МАТЕРИАЛАМ
ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ И НARRАТИВНЫМ
ИСТОЧНИКАМ**

Цель настоящей статьи — выявить политические и духовные настроения научной и педагогической интеллигенции, ее экономическое самоощущение в годы нэпа. Для того чтобы сделать это с возможно большей объективностью, мы использовали сравнительный метод изучения материалов органов политического контроля, а также таких нарративных источников, как дневники и частная переписка. Следует отметить, что данные источники в последние годы привлекают все большее внимание российских и зарубежных ученых для изучения российской повседневности [1]. Это можно объяснить появившейся их доступностью по мере рассекречивания российских архивов, а также высокой степенью репрезентативности относительно других источников. Из нарративных источников наибольшую ценность, на наш взгляд, представляет частная переписка советских граждан того времени, часть которой отложилась в материалах перлюстрации [2]. В то время подавляющая часть населения не догадывалась о перлюстрации корреспонденции внутри страны и только часть пишущих подозревала о существовании цензуры зарубежной переписки. Поэтому собранные вместе эти субъективные «фотографии минуты» помогают более точно почувствовать

вать мысли предыдущих поколений, понять их чувства, настроения, увидеть реальную жизнь того времени со всеми ее заботами и надеждами.

При этом автор учитывал, что граждане Советской России, ощущая разрастание системы политического розыска и политического контроля, быстро приучались скрывать свои подлинные мысли и чувства. Особенно это касалось интеллигенции. На службе, на собраниях, в общении с малознакомыми людьми все больше людей представляли в «масках», призванных доказать их лояльность к существующей власти. «Маска» эта снималась все реже: в разговорах с близкими или друзьями, в дневниковых записях, на протяжении определенного времени в письмах. Таким образом, оценивая реальное поведение советских граждан, следует помнить о проблеме «внешнего» и «внутреннего» человека и пытаться проникнуть под «маску», которая все более срасталась с «лицом». Политический контроль тоже стремился разглядеть «человека внутреннего». Но, будучи бюрократической структурой, эти органы были готовы нередко довольствоваться внешними признаками, соблюдением форм требуемого поведения. Поэтому изучение реальных настроений российской интеллигенции через «зеркало» политконтроля также требует определенной коррекции.

Общеизвестно, что в экономической сфере 20-е гг. были достаточно благополучным временем: к середине десятилетия был достигнут довоенный уровень производства в сельском хозяйстве и легкой промышленности, стабилизировалась финансовая система и т. д. Уже в 1923 г. начался экспорт зерновых культур, в 1924 г. успешно прошла денежная реформа. Но объективные данные не дают ясного представления об экономическом самоощущении различных категорий населения, которое формируется на основе целого ряда объективных и субъективных параметров. В их число входят номинальная и реальная заработная плата, ее сопоставление с доходами других категорий населения, наличие необходимых товаров и доступность их ценового уровня, воспоминания о прежнем уровне жизни и надежды, основанные на объявленных планах и обещаниях правительства, ощущение стабильности жизни, социальной защищенности и т. д.

Безусловно, самыми тяжкими для интеллигенции в экономическом отношении были годы гражданской войны. По словам академика С. Г. Струмилина, «дело доходило до таких курьезов, что совокупный легальный заработка пайком и деньгами инженера 35-го разряда был ниже заработка наименее квалифицированного чернорабочего или сторожа 1-го разряда» в силу классового характера натурального снабжения [3]. Осенью 1920 г. на встрече с Гербертом Уэллсом в петроградском Доме искусств английскому писателю пришлось услышать тираду известного журналиста А. В. Амфитеатрова: «...многие из нас, и, быть может, более достойные, не пришли сюда пожать вашу руку за неимением приличного пиджака, и ни один из здесь присутствующих не решится расстегнуть перед вами свой жилет, так как под ним нет ничего, кроме грязного рванья, которое когда-то называлось, если я не ошибаюсь, „бельем“» [4].

К середине двадцатых годов положение несколько изменилось. Отошли в прошлое двухсотграммовые пайки хлеба и столовые обеды с ржавой селедкой. Среднемесячная зарплата ученых превышала теперь заработка рабочих в 2—2,5 раза. Появились надежды на будущее. Подобные настроения отразились в письме из Ленинграда в Швейцарию в декабре 1924 г.: «Дела наши общерусские медленно, но верно улучшаются. *Даже нам, профессорам, интеллигентам* (выделено нами. — В. И.), материально полегчало. Я получаю от службы более ста рублей. На это уже можно жить. В будущем еще обещают повысить, так что в будущем будет еще лучше» [5]. Действительно, 100 рублей могли в тот момент казаться приличной суммой, ибо зарплата ленинградских рабочих колебалась в среднем от 50 до 60 рублей по различным предприятиям.

Но экономическое самочувствие большинства интеллигентов, имевших подобные заработки, говорило о другом. Бывший профессор Ташкентского университета, а в то время заведующий одной из ленинградских школ, Роберт Куллэ записывал в дневнике 16 ноября 1924 г.: «10—12 часов суточной работы дают около ста рублей в месяц, т. е. едва-едва хлеб, и только» на семью из шести человек [6]. Особенno тяжело было положение рядового учительства. Сводки Ленинградского ГПУ за 1923—1924 гг. постоянно содержали замечания типа: «Понижают настроение учительства

крайне низкие ставки», «учительство... находится в тяжких материальных условиях» [7]. Лишь с октября 1925 г. учителям школ 1-й ступени (начальная школа) были установлены ставки от 30 до 38 рублей в зависимости от района проживания, учителям школ 2-й ступени (средняя школа) от 42 до 54 рублей, медицинским сестрам — от 27 до 30 рублей, фельдшерам и акушеркам — от 30 до 38 рублей, зубным врачам и провизорам (фармацевтам) — от 44 до 48 рублей, сельским врачам и агрономам — от 60 до 76 рублей [8].

Не случайно в сентябре 1925 г. житель Ленинграда писал в Германию: «Интеллигенция в России живет очень плохо, труд ее не ценится. Учитель получает 35—40 руб., профессор 60—70 руб., а жизнь очень дорогая» [9]. Автор другого письма, в Швецию, сообщал о своей жизни: «Работаю уже три года в школе преподавателем и лаборантом, с 10 ч. утра до 10 ч. вечера, за все получаю 45 руб. ... А если работать нормально, то жить нельзя» [10]. Письмо служащего из Ленинграда во Францию было вообще задержано, ибо цензор счел, что «автор в сгущенных красках рисует бедственное положение служащих предприятий, в котором состоит» [11].

К низкой зарплате и дороговизне добавлялись обычные задержки с выплатой жалованья и нередкие перебои со снабжением городов сельскохозяйственными продуктами. В октябре 1924 г. автор письма из Ленинграда в Иркутск так описывал положение семьи: «В связи с новым сметным годом, который начинается в октябре, Наркомфин задержал деньги на выплату зарплаты. Все в критическом положении. На днях Юрка на четвереньках вошел в комнату, держа в зубах кусок мяса, страшно рыча, как голодная собака. Оказывается, он где-то достал 1 руб., на который ему удалось купить мяса» [12].

Поскольку культура земледелия оставалась весьма невысокой, то по-прежнему неблагоприятные погодные условия создавали во многих губерниях не просто неурожай, а обстановку голода. Сильнее всего это было по горожанам, а значит, и по интеллигенции. В апреле 1925 г. из Тамбова писали: «Жизнь у нас в Тамбове становится невозможной. Опять напоминает 21 год, опять стоят очереди по 300 чел. за хлебом» [13].

Сохранялся среди интеллигенции и страх перед безработицей. В ноябре 1924 г. из Курской губернии писали: «У нас на заводе

предполагается сильное сокращение, как служащих; так и уменьшение зарплаты. Вот кошмар! Не представляю этих стонов, которые должны быть на днях. Мне студенты пишут — мужчины, окончившие вузы, не могут устроиться и сидят без места... Скажи; ты ближе к центру; долго ли будет так продолжаться и несчастный народ будет без работы» [14]. Официальные данные подтверждали это субъективное ощущение: к 1927—1928 гг. число безработных горожан превышало 2 млн человек. Это составляло 15% общей численности рабочих и служащих [15]. В любой промышленной стране такой удельный вес безработицы — свидетельство острого экономического кризиса.

Субъективное ощущение превосходства дореволюционной жизни, свойственное ряду групп советского населения в 20-е гг., несомненно особенно остро ощущалось интеллигенцией, в ряды которой к тому же влилось немало «бывших людей». Оно подкрепляется и статистикой секретных материалов. В 1925 г. в записке членам Политбюро ЦК Ф. Э. Дзержинский, сравнивая данные о потреблении в 1913 и 1924 гг., отмечал, что «газеты врут о превышении довоенной производительности труда, а потребление на душу составило в 1924 г. в % к 1913 г. по керосину — 39%, по хлопчатобумажным тканям — 39%, по сахару — 33%, по соли — 72%, по бумаге — 36%» и т. д. [16].

Экономические и политические условия жизни многое изменили в духовных приоритетах российского интеллигента. В 1917 г. гибель миллионов людей на фронтах Первой мировой войны, разочарование в способности власти решить существующие проблемы соединялись в умах части интеллигенции с надеждой на благополучное устройство жизни в свободной демократической России. Поэтому Февраль 1917 г. был встречен этими людьми с восторгом. Теперь после ряда страшных кровавых лет и краха тех мечтаний многие интеллигенты пытались разглядеть за «развороченным бурей бытом» ориентиры будущего России. Они стремились понять, что принесет полоса революций в духовном отношении, как повлияла она уже на сущность самого человека. Для части интеллигенции все происходящее было лишь подтверждением первоначального диагноза о безумстве «большевистского эксперимента». Для других эти годы стали жестоким испытанием не только их физических сил, но и ду-

ховных ориентиров. Их представления о возможности быстрого построения справедливого социалистического общества были разрушены. Третью по-прежнему убеждали себя и окружающих в грядущем торжестве социализма и обвиняли своих противников и разочаровавшихся в реакционности, в отступничестве и других смертных грехах. Наконец, были и те, кто внимательно всматривался в реальную жизнь, стараясь уловить и понять идущие в ней процессы.

Мысли тех интеллигентов, для кого все происходящее было гибелью великой страны без всяких надежд на ее возрождение, отражало письмо во Францию, датированное декабрем 1924 г.: «Ты, я вижу, тоскуешь по родине. Чтобы облегчить тебе эту тоску, я расскажу тебе о нашем житье. Не стану уж вспоминать о прошедших годах, когда бесконечные обыски, насилия, реквизиции были для нас обыденным явлением, но верилось, что пройдет угар нашей власти и сознают, что нельзя же бесконечно жить без правовых оснований. ...Оказывается, все улучшения быта в РСФСР отнюдь не касаются интеллигенции дореволюционного времени. ...Мы здесь не нужны при самом искреннем желании работать на пользу народа» [17]. С гибелью старой России они связывали и полный, как им казалось, упадок морали. Письмо из Усть-Каменогорска в Финляндию в августе 1925 г. содержит жалобу: «Народ измельчал, мошенники все. Идеалов никаких нет, кроме хлеба и одежды. ...Управление в руках надежных коммунистов и выдвиженцев из деревни. Поэтому взяточничество еще хуже» [18].

Интеллигенция остро переживала кризис образования. Житель Ленинграда писал во Францию в декабре 1924 г.: «Студенты просто неграмотные и необразованные люди. ...Лекций в вузах нет. Эта система отменена, как старая, а новое — „Лабораторные занятия“, но для них нет пособий, материала и руководителей для всех, словом — рай» [19]. Ему вторило письмо в Вологодскую губернию: «Советская власть проводит реформу высшей школы, увеличивает на кумаче производительность труда, и ей нет дела до того, что выйдут неграмотные специалисты, лишь бы были красные спецы... Высшая школа теперь опошилась, и научный уровень ее в целом значительно понизился, и, когда придет лучшее время, неизвестно» [20]. Эти субъективные ощущения

подтверждаются официальными документами. В отчете Наркомпроса за 1926 г. отмечалось, что выпускник технического вуза «не умеет логарифмировать, слаб в решении квадратных уравнений, понятия не имеет подчас о биноме Ньютона и даже не всегда тверд в арифметических действиях над дробями... Полное незнание иностранных языков... затрудняет усвоение и понимание научной терминологии» [21].

Интеллигенция к тому же ощущала враждебное отношение к себе со стороны значительной части рабочих, в определенной степени поощряемое отдельными властными структурами. Краснопресненский РК ВКП(б) Москвы в очередной информационной сводке в конце 1925 г. сообщал, что в бюро партичайки станции Подмосковная завязался спор о приеме детей специалистов в вузы. Звучали голоса, что «рабочий снова останется неграмотным, а дети специалистов получат науку. И снова наши дети будут работать на специалистов» [22]. Горный техник П. Б. Краснянский писал в местную газету Шахтинско-Донецкого округа в 1927 г.: «Грамотного у нас недолюбливают, как и богатого» [23]. В 1928 г. сводки политконтроля в связи с фальсифицированным «шахтинским делом» с удовлетворением отмечали, что «недоверие со стороны рабочих к специалистам естественно увеличилось» [24]. Секретные сводки чекистских и партийных органов Ленинграда на всем протяжении 20-х гг. пытались доказать высшему партийному руководству города и страны враждебность настроений и бесплодность работы ученых Академии наук [25].

Больше всего внимания политический контроль уделял настроениям интеллигенции, ее отношению к властным структурам, и в первую очередь к коммунистической партии. Эти настроения представляли сложный сплав политических убеждений, мнений по тем или иным конкретным вопросам, личных симпатий или антипатий к политическим деятелям. Данный дискурс определялся целым комплексом причин: образованием, воспитанием, окружающей средой, духовным самосознанием, материальными условиями жизни и их перспективами, личным опытом общения с властями и многими другими компонентами. Поэтому политические настроения отдельных людей достаточно подвижны и могут меняться под воздействием тех или иных законодательных актов, поведения отдельных представителей властных

структур, событий личной жизни. У конкретных людей различна и глубина их политических настроений. Наконец, они могут представлять соединение различных, иногда несовпадающих мнений по отдельным аспектам современной жизни.

За годы «красного террора» и гражданской войны интеллигенцию отучили открыто выражать свое мнение по политическим вопросам. В 20-е гг. масштабы политического контроляросли. При этом он охватил практически все сферы общественной жизни, относя к «политике» суждения по самым разнообразным вопросам. Работники политконтроля понимали, что страх заставляет интеллигенцию скрывать свои подлинные мысли. В феврале 1924 г. одна из сводок по Ленинграду отмечала, что в связи со смертью Ленина «среди спецов настроение показательно-пассивное» [26]. В феврале 1925 г. ленинградские чекисты «жаловались», что «настроение профессуры определить крайне трудно, так как большинство „лояльно“, и только в исключительные моменты можно судить об их истинных настроениях» [27].

Комплекс документов показывает, что в среде интеллигенции сохранялось реальное «политическое многоголосие». В официальных документах с середины 20-х гг. коммунистическая партия заявляла, что «советская власть... сплотила на базе социалистического строительства большие слои технической и иной интеллигенции под руководством пролетариата», а «советский служащий (учитель, врач, инженер, агроном и т. д.) по своим стремлениям и настроениям начинает становиться советским по существу» [28]. Но на деле власть сохраняла к интеллигенции глубокое политическое недоверие. Для этого были серьезные основания.

Часть интеллигенции сохраняла к коммунистической партии резко враждебное отношение. Для настроений этих людей характерны дневниковые записи Р. Куллэ. Он и подобные ему видели в марксизме новую религию, насаждаемую самим зверским образом; смотрели на внутрипартийную борьбу как на схватку из-за власти, предчувствуя неизбежность личной диктатуры. Вот лишь некоторые выдержки из его размышлений: «1924 год. 10 апреля. ...Неблагополучно... там, где нет оппозиции, где все мыслят одинаково: это или кладбище, или безумное онемение от страха»; «1924 год. 16 ноября... Они сами, вероятно, чувствуют всю под-

лость и непрочность ненавистной всем готтентотской их системы и боятся, боятся больше, чем все это просто себе представляют. Отсюда вся политика шпионажа, перлюстрации писем, цензуры (двойной), хватанья и непущанья почем зря кого попало». Продолжая размышлять о внутрипартийной борьбе, он записывал 1 августа 1926 г.: «мир ждет диктатора... Драка только из-за личности: кто кого слопает» [29]. Ему же принадлежит мысль о внутренней схожести коммунистов и фашистов. 22 мая 1926 г., в связи с критикой фашизма в советской печати, Р. Куллэ писал: «Чего они... ругают его, когда это явление — насквозь наше?» [30].

Вместе с тем большая часть интеллигенции была готова примириться с советской властью, получив возможности для творческой работы, относительно сносные материальные условия существования и сохраняя надежду на постепенную либерализацию советского режима. Именно в этой среде нашли благоприятную почву идеи «сменовеховства». В сентябре 1923 г. в материалах Петроградского губкома РКП(б) отмечалось, что «господствующим настроением среди профессуры является стремление так или иначе приспособиться к советской власти и мирно с ней работать при одновременном стремлении принять участие в общественной жизни страны путем вхождения в свой союз (профсоюз. — В. И.)» [31].

О чувствах этого слоя людей убедительно рассказывает письмо, отправленное в сентябре 1925 г. из города Торжка Тверской губернии в Эстонию. Неизвестный автор писал: «У нас настроение обывателя, захваченного потоком исторической стихии и осознающего свое бессилие бороться с ним. ...Мы уже отказались жить по нашим желаниям, так как всякая такая попытка очень больно отзывается на нашей спине. Но в то же время мы уверены... если страна не погибнет, то она возродится. Т. е. станет такой, какой ее хотят видеть миллионы населяющих [ее] людей. Признаки возрождения несомненны. Очень медленно совершается у нас переход от фантастики к реальной жизни. Процесс этот внутренний, и чем более внутренний, тем скорее он совершится. Эмиграция едва ли что может тут сделать. Рассчитывать на внутреннюю революцию — бессмысленно, на внешнюю интервенцию — смешно... Для людей сознательных и в то же

время не могущих по убеждениям войти в правящую партию, остается один путь: какой-нибудь производительной работы. Труден этот путь, так как приходится подвергать себя многочисленным ограничениям, но этот путь единственно правильный. На этом пути произойдет в конце концов слияние враждующих сейчас элементов. ... Что здесь страшно, ощущается лишь немногими. Это страшное, нестерпимое для немногих, для массы не понятно — это отсутствие свободы слова. Все прочее ничуть не хуже того, что было раньше. Всюду привычный для обитателя порядок» [32]. Подобные мысли были присущи многим ученым и педагогам. Это доказывает, в частности, неподцензурное письмо В. И. Вернадского. Находясь за рубежом, он писал сыну в апреле 1925 г.: «кто может, должен научно работать в России, ибо сейчас там идет — что бы здесь ни говорили — большое творческое строение, и получаются — вопреки большевистскому укладу жизни — большие достижения» [33].

С середины 20-х гг. неизбежно начинает все сильнее проявляться желание и этой части интеллигенции не только трудиться во исполнение замыслов правящей партии, но и самой участвовать в выработке решений и руководстве своей профессиональной отраслью. Информационная сводка Ленинградского губкома партии в ноябре 1924 г. зафиксировала следующие высказывания участников губернской конференции инженеров: «Мы должны быть признаны равноправными членами государства», «Мы не служим рабочему классу, и рабочий класс не служит у нас, мы все служим государству... и наряду с рабочими являемся пайщиками этого государства» [34]. При выборах делегатов на городскую учительскую конференцию, проходившую в январе 1925 г., в Петроградском районе Ленинграда был принят наказ, содержавший следующие требования: «Интеллигенция... должна занять по своему историческому праву место в управлении страной... 2) Необходимо на съезде поставить вопрос о большем доверии учительству... 3) Необходимо отменить... пагубное влияние на учащихся классовой политики, проводимой в школе...» [35].

Эта часть интеллигенции пыталась доказать необходимость разумной экономической и социальной политики, основанной на трезвом учете ресурсов и возможностей при сохранении и развитии «гражданского мира». Некоторые из них (Н. Д. Кондратьев,

А. В. Чаянов и др.) писали докладные записки такого содержания по долгу службы. Другие обращались с подобными письмами к руководству страны по собственной инициативе. Например, серьезный знаток русской деревни, автор ряда книг А. М. Большаков 23 июля 1926 г. направил письмо Сталину о необходимости новых уступок частному капиталу. Он предлагал: «Оставим себе в области нашего хозяйства то, с чем мы можем справиться на пять с плюсом. В остальной хозяйственной сфере пусть работает... культурная буржуазия... Я не трубадур буржуазии... но я просто трезвый человек» [36].

Но если одни еще надеялись в середине 20-х гг. на возможность сохранения и развития контролируемых государством рыночных отношений, то другие приходили к выводу о тупикости социалистической экономики. Выражением таких взглядов стало письмо выдающегося ученого-металлурга В. Е. Грум-Гржимайло в редакцию журнала «Предприятие» в марте 1927 г. Он, в частности, писал: «Капитализм не выдуман. Его родила жизнь. Он далеко не совершенство, черных сторон в нем бесконечно много, но среди плевел есть и пшеница... Что вы дадите взамен этого?» [37].

Повышение общественной активности интеллигенции в нежелательном для властей направлении продемонстрировали различные избирательные кампании 1925—1927 гг., серьезно взволновав партийно-государственный аппарат. Докладная записка, направленная в ЦК ВКП(б), о перевыборах правлений ленинградских вузов в конце 1925 г., указывала на значительно более высокую активность преподавательского состава; на то, что «в Политехническом институте некоторые профессора выступают с требованием более широких прав», на заявление одного из профессоров, что «раз крестьянству даются права и делаются уступки, то чем профессора хуже крестьянства» [38]. Ректор Ленинградского горного института Д. И. Мушкетов в официальном письме от 4 декабря 1926 г. требовал отказа «от командования над ректором, проректором, деканатом и профессурой со стороны всех студенческих организаций, включая и коллектив ВКП, и профессиональных» [39].

Такую же нежелательную активность, по мнению партийных, советских и чекистских органов, показала кампания по перевы-

борам Ленинградского Совета в начале 1927 г. Информативные материалы указывали, что «значительная часть интеллигенции рассматривала эту кампанию, как широко демократическую и шла на выборы без предубеждений», а «некоторой частью антисоветской интеллигенции лозунги нынешней кампании были подхвачены, как „уступка партии“, как отказ от ее руководящей роли в жизни страны, как начало новой эры „демократического парламентаризма“» [40]. Подобное поведение интеллигенции в ходе перевыборов Советов в 1926 г. отмечалось и по другим районам страны. Например, на секции научных работников в Одессе было сказано: «Мы выберем необходимых коммунистов, но не тех, кого вы (партия. — В. И.) выставляете». Материалы политконтроля расценивали эти и им подобные факты как «стремление выйти из-под контроля ВКП(б)» [41].

Для политических настроений значительной части интеллигенции было характерно также критическое, недоверчивое отношение к официальной пропаганде. Если в отношении рабочего класса коммунистическому руководству удавалось частично отвлечь его внимание от насущных проблем жупелом «вредительства», то с интеллигенцией в этом плане дело обстояло иначе. Информационные сводки с ленинградских заводов сообщали: «В связи с шахтинским делом... было проведено собрание... Со стороны большинства (специалистов. — В. И.) было больше официальности и шаблонности, чем возмущения», «...один из инженеров в личной беседе выражал сомнение в правдоподобности всей этой истории» [42]. Р. Куллэ записал в дневнике 17 июля 1928 г.: «„Шахтинский процесс“ — это грубая и гнусная инсценировка с целью расправы над интеллигенцией» [43]. Как справедливо отмечает Ш. Фитцпатрик, для интеллигенции «шахтинский процесс» стал важной рубежной вехой, означавшей конец надежд на возможность более или менее мирного сожительства с властью, крах иллюзий на эволюционное перерождение большевистской диктатуры [44].

Инакомыслие проникало и в ряды так называемых красных спецов. Интеллигентов, вступавших в коммунистическую партию на гребне борьбы за переустройство старого мира, тяготили теперь разгул бюрократизма, возвращавшееся чинопочтание и другие признаки привычного ранее государственного механизма.

Слушатель Института красной профессуры, одновременно студент Московского высшего технического училища, сам читавший лекции в Коммунистическом университете им. Свердлова и в ВЧК, бывший политработник Красной Армии И. И. Литвинов писал в дневнике: «Что представляет собою партия? Стадо баранов, не имеющих своего суждения, старающихся всем влиятельным лицам угодить, боящихся самостоятельный шаг делать. ... Революция свелась к перераспределению. Ни больше, ни меньше» [45].

Таким образом, официальные утверждения о сознательном переходе большинства старой интеллигенции, и прежде всего ученых и преподавателей, на позиции социалистического строительства были лишь пропагандистским штампом. Это подтверждают и секретные материалы ОГПУ. В докладной записке от 3 июля 1926 г. за подписью зампредседателя ОГПУ В. Р. Менжинского, в частности, говорилось, что «интеллигенция в общем и целом в массе своей на советские рельсы не стала» [46]. У значительной части интеллигенции на протяжении 20-х гг. сохранилась неудовлетворенность своим экономическим положением, а также существовали собственные духовные и политические ориентиры, весьма отличные от официальных.

1. См.: Ганелин Р. Ш. Государственная дума и правительенная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 года // Отечественная история. 1997. № 1. С. 150—158; Ибрагимова Д. Х. Нэп и перестройка: массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997; Измозик В. С. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением советской России в 1918—1928 годах. СПб., 1995; Павлов Б. В. Отношение населения советской России к государственной политической системе. 1921—1925 гг. // Историческая психология сталинизма и ее судьба: Тезисы международной научной междисциплинарной конференции. СПб., 1998. С. 49—52; Яров С. В. Горожанин как политик. Революция и военный коммунизм глазами петроградцев. 1917—1921 гг. СПб., 1997; Golfo A!. The Ritual Lament: A Narrative of Appeal in the 1920s and 1930s // Russian History. 1997. Vol. 24. N 1-2. P. 117—129; Sarah D. The 'Cult' of Vozhd: Representations in letters // Ibid. P. 131—147; Fitzpatrick Sh. Signals from Below Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // Journ. of Modern History. 1996. Vol. 68. P. 831—866; idem. Supplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s // Slavic Review. 1996. Vol. 55. P. 78—105; Werner M. Die Informationsberichte des sowjetischen Geheimdienstes zur Lage der russischen Bauern in den Jahren der

Neuen Okonomischen Politic. 1921—1927 // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. 1994. Vol. 2. P. 64—87; и др.

2. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 16. Оп. 5. Д. 5911—5916: Д. 6934—6947.
3. Струмилин С. Г. Заработка плата и производительность труда в русской промышленности в 1913—1922 гг. М., 1923. С. 36.
4. Цит. по: Лебина Н. Б. Оксфорд сиреневый и желтые ботиночки // Родина. 1994. № 9. С. 113.
5. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6934. Л. 151.
6. Кулгэ Р. Мысли и заметки. Дневник 1924—1932 годов // Новый журнал (Нью-Йорк). 1992. № 186. С. 197.
7. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6930. Л. 17.
8. Изв. ЦИК СССР. 1925. 13 сент. С. 6.
9. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6943. Л. 29.
10. Там же. Оп. 5. Д. 5913. Л. 7.
11. Там же. Д. 5911. Л. 14.
12. Там же. Д. 5915. Л. 147.
13. Там же. Оп. 6. Д. 6938. Л. 104.
14. Там же. Оп. 5. Д. 5915. Л. 222.
15. Верт Н. История советского государства в 1900—1991 гг. М., 1992. С. 164.
16. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 338. Л. 6—7.
17. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6934. Л. 25—26.
18. Там же. Д. 6942. Л. 19.
19. Там же. Д. 6934. Л. 25.
20. Там же. Л. 39.
21. Народное просвещение в РСФСР к 1926/27 уч. году. Отчет Наркомата просвещения РСФСР за 1925/26 уч. год. М.; Л., 1927. С. 108.
22. Центральный архив общественных движений г. Москвы (ЦАОД). Ф. 88. Оп. 1. Д. 261. Л. 2.
23. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 217. Л. 16.
24. ЦГАИПД СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1520. Л. 20. Подобные высказывания также на л. 69, 78, 86.
25. Там же. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6913. Л. 101.
26. Там же. Оп. 5. Д. 5908. Л. 31.
27. Там же. Оп. 6. Д. 6913. Л. 15.
28. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1988). 9-е изд. М., 1983. Т. 3. С. 426, 457.
29. Кулгэ Р. Мысли и заметки. Дневник 1924—1932 годов. С. 220.
30. Там же. С. 216.
31. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 100. Л. 38—39.
32. Там же. Оп. 6. Д. 6943. Л. 11.
33. Там же. Д. 6043. Л. 5—6.
34. Колчинский Э. И., Козуллина А. В. Время выбора: Почему В. И. Вернадский вернулся в советскую Россию // ВИЕТ. 1998. № 3. С. 17.

35. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6913. Л. 20—21.
36. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 16. Л. 102—103.
37. Хрестоматия по истории России. 1917—1940. М., 1994. С. 204.
38. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 616. Л. 79, 81.
39. Там же. Л. 188 об.
40. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 1000. Оп. 11. Д. 558. Л. 10—11, 54.
41. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 39. Л. 3—4.
42. ЦГАИПД СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1520. Л. 71, 87.
43. Куллэ Р. Мысли и заметки. Дневник 1924—1932 годов. С. 245.
44. Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution. New York, 1994. P. 122.
45. «Птицегонство надоело до смерти...» (Из дневника И. И. Литвинова) // Незвестная Россия. М., 1993. Кн. 4. С. 88.
46. Цит. по: Красильников С. А. Интеллигенция периода НЭПа в обзорах ГПУ—ОГПУ // Российская интелигенция на историческом переломе. Первая треть XX века: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Санкт-Петербург. 19—20 марта 1996 г. СПб., 1996. С. 143.

**ХОЛОДНАЯ ВОЙНА
И НАУКА**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ СТАЛИНА ПОД ВИДОМ ФИЛОСОФСКОЙ ДИСКУССИИ

Более пятидесяти лет тому назад произошло событие, которое в официальных документах именовалось «Совещание работников научно-философского фронта, посвященное дискуссии по книге Г. Ф. Александрова „История западноевропейской философии“». Долгое время эта дискуссия в советской литературе представлялась примером партийного руководства в области идеологии [1, с. 437], а зарубежными историками оценивалась «как начало наиболее напряженной идеологической кампании в истории советской науки — ждановщины» [2, р. 74]. Но только после открытия партийных архивов появилась возможность на базе ранее засекреченных документов восстановить реальный ход событий, понять его причины и скрытые механизмы [3]. Цель этой статьи — осветить социально-психологические аспекты дискуссии, мотивы главных действующих лиц, включая ее инициатора и режиссера — И. В. Сталина. К этому периоду для управления наукой в ЦК ВКП(б) был создан специальный отдел, в задачи которого входило определение основных направлений научных исследований, подготовка и расстановка научных кадров, создание новых научных организаций, распределение финансовых ресурсов и т. д. Необходимость такой структуры диктовалась все возраставшей ролью науки в решении военных, экономических и идеологических задач, как они виделись Сталину. Еще в 1939 г. он сформулировал требования к советскому ученому: «Ленинец

не может быть только специалистом облюбованной им отрасли науки, — он должен быть вместе с тем политиком-общественником» [4, с. 558]. Поэтому Сталин считал возможным вмешиваться в решение содержательных проблем науки, имевших, по его мнению, и идеологический характер. Философская дискуссия и последовавшие за нею «научные сессии» в других областях знаний организовывались по прямому указанию Сталина и находились под его неослабным наблюдением.

Главной целью Сталина при организации философской дискуссии, проводимой под лозунгом свободы научных споров, было восстановление жесткого диктата, ослабшего в годы войны, и искоренение оживших после войны у интеллигенции иллюзий о возможности либерализации в культуре и науке. Для достижения «единодушия и единомыслия» и закрепления правил идеологической обработки ученых, как отмечал свидетель тех событий М. Г. Ярошевский, Сталин не случайно решил начать с философии, «поскольку она касается наиболее общих законов бытия и познания, стало быть всех наук» [5, с. 21].

Главным действующим лицом предстоящих событий был выбран Г. Ф. Александров. К концу 1946 г. он был самым могущественным деятелем советской философской элиты, членом Оргбюро, кандидатом в члены ЦК ВКП(б) и уже шесть лет возглавлял Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в который входил и отдел науки. В 1943 г. Александрову вместе с другими соавторами трехтомной «Истории философии» была вручена Сталинская премия. В начале 1946 г. вышла в свет его книга «История западноевропейской философии», которая также была удостоена Сталинской премии. В конце этого же года он избирается действительным членом Академии наук СССР. Все эти назначения и награждения могли состояться только с прямого согласия Сталина. На критику партийного функционера такого ранга без санкций Сталина не решился бы никто из секретарей ЦК, включая тогдашнего его фаворита А. А. Жданова, в то время второго человека в партии.

Как Александров стал «героем» развернувшихся вскоре событий? Существуют свидетельства, что, по просьбе Александрова, Сталин познакомился с его книгой осенью 1946 г., после чего вызвал философов М. Б. Митина, П. Ф. Юдина и П. Н. Поспелова,

давших ранее положительные отзывы на книгу, самого Александрова и высказал ряд замечаний и указаний [5, с. 20]. Среди архивных материалов имеется письмо З. Я. Белецкого, в то время профессора Московского университета, датированное 18 ноября 1946 г., с резкой критикой книги и некоторых действий самого Александрова [6]. В декабре именно это письмо формально было использовано при решении Секретариатом ЦК ВКП(б) вопроса об организации обсуждения книги. Неясно, сам ли Сталин нашел идеологическую крамолу в книге, состоялась ли его беседа с философами до или после прочтения им этого письма, действительно ли оно оказало влияние на принятие им решения о дискуссии.

Вряд ли мы сможем когда-либо узнать, почему Сталин выбрал такой «сценарий» для очередного витка советизации науки и главного «героя», долгие годы бывшего одним из его верных идеологических помощников. У Сталина было много способов расправы с неугодными. Были и другие более важные философские проблемы для организации дискуссии. Выбор Александрова был удачен как для острастки верхних эшелонов партийного аппарата, так и для демонстрации научному сообществу намерений руководства партии. Подвергая лицо, занимавшее высокий партийный пост и имевшее многочисленные регалии, публичной «порке» за не очень ясные отступления в области истории философии, Сталин как бы показывал, что никакие заслуги не смогут оградить от ответа за идеологические прегрешения (мнимые или действительные), если так посчитает партийный ареопаг. Несомненно, что Сталин мог предвидеть и поведение самого Александрова [7].

В соответствии с решением ЦК ВКП(б) от 26 декабря 1946 г. [8] в сжатые сроки была осуществлена необходимая подготовка. Проведение дискуссии поручалось Институту философии АН СССР. Курировал эту работу секретарь ЦК А. А. Кузнецов [9], а сценарий дискуссий разрабатывал главный редактор «Большевика», центрального партийного издания, П. Н. Федосеев, бывший одновременно и заместителем Александрова по Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В ЦК была утверждена и «разнарядка» участников дискуссии, в которой научные работники Института философии АН СССР, преподаватели

философии МГУ, преподаватели и руководители кафедр Академии общественных наук, Высшей партийной школы, трех московских пединститутов и военных академий, академики, члены-корреспонденты АН СССР и директора институтов Отделения истории и философии составляли меньшую часть по сравнению с членами редколлегий газеты «Правда», журналов «Большевик», «Партийная жизнь», редакторами центральных общественно-политических газет, членами бюро МГК и МК ВКП(б), первыми секретарями райкомов Москвы, руководителями политуправления Вооруженных Сил, Минвуза и Минпросвета и работниками аппарата ЦК [10]. Работники партаппарата и министерств нужны были не для обсуждения философских проблем, а для создания необходимой атмосферы и одновременно для повышения собственной «квалификации» на примере Александрова.

В процессе подготовки к дискуссии в ЦК были приглашены ведущие партийные философи — директора институтов при ЦК, заведующие главных философских кафедр, редакторы партийных изданий (В. С. Кружков, М. Б. Митин, П. Н. Поспелов, П. Ф. Юдин и др.), которым были даны соответствующие установки. Подготовка шла в быстром темпе, и уже 14 января 1947 г. в Институте философии АН СССР началось обсуждение книги Александрова. Открыть и вести заседание было поручено В. С. Кружкову — директору Института марксизма-ленинизма, входившего в то время в состав Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) на правах отдела.

Пикантность ситуации придавало то обстоятельство, что Александров оставался на своем посту и в партийной иерархии продолжал быть прямым начальником многих именитых участников дискуссии. Это позволяло оценить поведение философской элиты в сложных и щепетильных для нее обстоятельствах. Еще большее смятение Сталин внес в умы «философской общественности» и аппаратчиков ЦК, поручив Александрову выступить с докладом на торжественном заседании, посвященном XXIII годовщине со дня смерти В. И. Ленина, которое должно было состояться через два дня после завершения дискуссии [11]. Получалось, что выступавшие обвиняли Александрова в отходе от марксизма, а он по решению Сталина готовил выступление, которое считалось партийной установкой для всей страны. В ян-

варе 1947 г., перед заключительным заседанием, Александров направляет доклад на утверждение Сталину и получает резолюцию: «Читал, есть правки (в тексте). Сталин» [12].

Не удивительно, что общий тон дискуссии был миролюбивым. Выступавшие нередко распространяли ошибки Александрова на все философское сообщество. Например, С. Ф. Францев отмечал, что ошибки в книге Александрова типичны и «характеризуют положение на нашем историко-философском фронте» [13]. Поддержку зала вызывало высказывание И. В. Кузнецова: «...нам нужно осудить не только теоретические ошибки в области философии, но и „ученых“, у которых нет никаких теоретических ошибок... потому что нет никаких теоретических высказываний (смех, аплодисменты). Существование таких людей действует глубоко разворачивающим образом на все области науки» [14].

Симптоматичным было выступление П. Н. Поспелова, члена ЦК, главного редактора газеты «Правда», который встречался со Сталиным, был участником совещания в ЦК перед началом дискуссии и мог ориентироваться в желаниях высшего руководства. Будучи на дискуссии высшим представителем партийной элиты, он заявил, что книга Александрова «представляет несомненный интерес как первый опыт сжатого учебника по истории философии», что он «попытался исправить те ошибки и недостатки, которые были допущенные в III томе „Истории философии“». Но книга, по мнению Поспелова, должна быть существенно переработана в соответствии с указаниями и критическими замечаниями Иосифа Виссарионовича Сталина [15]. При этом он не сомневался, что Александров способен осуществить требуемую переработку книги. Эти высказывания Поспелова показывают, что он не знал отношение Сталина к Александрову и не ожидал серьезных оргвыводов [16].

В соответствии с ритуалом партийных дискуссий на заключительном заседании 18 января с покаянной речью выступил Александров. Он обязался в короткий срок переработать свою книгу в свете указаний вождя. Стенограмма выступлений участников дискуссии, записка «Краткие предварительные итоги обсуждения книги т. Александрова Г. Ф. ...», проект записи на имя Сталина были уже к концу января представлены А. А. Кузнецову. Дальнейшие события показали, что и в Секретariate ЦК не

знали замыслы Сталина. Возможно, и сам он пока еще не определился в отношении Александрова и раздумывал, что можно «выжать» из философского сообщества для своей политики в области науки. А. А. Кузнецов, судя по документам архива, тянул время, неоднократно поручая переделывать материалы.

Только 4 марта 1947 г. вопрос об итогах философской дискуссии был обсужден на Секретариате ЦК [17]. Подготовка к заседанию длилась почти два месяца, но все равно не удалось сделать материал, удовлетворяющий требованиям ЦК. Снова было поручено переработать его для публикации в журнале «Большевик» «с учетом состоявшегося на Секретариате ЦК ВКП(б) обмена мнений» и снова, причем через два дня, внести на рассмотрение [18]. Но материал был снова отправлен на переработку. После представления в ЦК окончательного варианта текста, предназначенного для публикации, многим казалось, что вопрос о предмете философской дискуссии можно считать решенным. Если бы Сталина волновали чисто философские проблемы, вероятно, дело закончилось бы публикацией в «Большевике» с неясными последствиями для самого Александрова. Но дело приобрело неожиданный оборот.

В решении Политбюро ЦК, принятом на заседании 24 апреля 1947 г., отмечалось, «что как организация дискуссии, так и способ подведения ее итогов оказались неудовлетворительными. К дискуссии не были привлечены работники из республик и других крупных городов, кроме Москвы. Часть записавшихся в прениях не получила слова. Речи большинства записавшихся ораторов приведены в самом кратком изложении. По всем этим причинам дискуссия оказалась кучей, неэффективной и не принесла должных результатов» [19]. Сжатый стиль постановления и особенно последняя фраза однозначно свидетельствуют, что именно Stalin принимал решение. Он определил дальнейший сценарий. Ему нужен был полный разгром, а не легкая критика. Иначе урок для партийной элиты и научного сообщества был бы мало результативен. Поэтому и не были опубликованы материалы январского заседания — они не отвечали его замыслам.

Однако, каких результатов ждал Stalin, остается неясным. Решение лишь предписывает провести новую дискуссию и опуб-

ликовать ее полную стенограмму, Организация и проведение второго этапа дискуссии поручалась А. А. Жданову, уже прославившемуся идеологическими погромами в области литературы и искусства. Открывая 16 июня дискуссию, проходившую на этот раз в Кремле, Жданов попытался объяснить ее необходимость, практически дословно повторив решение Политбюро, правда, без ссылок на первоисточник [20]. Он говорил о недостатках книги, о большом количестве критических замечаний, о неудовлетворительной организации предшествовавшей дискуссии в Институте философии и неправильном способе подведения итогов, об отсутствии стенограммы заседаний и т. д. Надуманность этих объяснений очевидна. Книга получила прекрасные отзывы при выдвижении и присуждении Сталинской премии и хорошую рецензию в журнале «Большевик». Большого количества официальных критических замечаний до решения Сталина не могло быть, учитывая официальный статус Александрова. Списки же приглашенных, ход дискуссии и подведение ее итогов, как известуют документы, были санкционированы ЦК и никем не могли быть изменены.

Жданов от имени ЦК выразил уверенность, что все приглашенные примут «самое активное участие» в дискуссии, «высказав свободно все критические замечания и пожелания, которые они имеют к книге т. Александрова» [21, с. 5]. Тезис о свободе дискуссии усиленно пропагандировался в документах и выступлении Жданова. Он же обещал участникам не форсировать ход дискуссии и положить на нее столько времени, сколько им будет угодно. Последнее замечание было вызвано, видимо, тем, что Stalin лишь в ходе дискуссии принял решение о выступлении самого Жданова, и ему пришлось срочно готовить доклад [22]. К седьмому заседанию его подготовка закончилась, и в письме к Stalinу Жданов просит «посмотреть и сделать свои указания», предлагая завершить дискуссию на следующий день после своего выступления, предоставив Александрову заключительное слово [23]. В конечном счете, и здесь из записавшихся 98 человек выступили 46, представили доклады в письменном виде — 35. Разумеется, обсуждать специфические историко-философские проблемы в аудитории из 500 человек, большая часть которых никакого отношения к ним не имела, вряд ли было целесообразно и продуктивно.

Наказать Александрова или выразить неудовольствие действиями Кузнецова Сталин мог другим способом. Но, демонстрируя неудовлетворение результатами первой дискуссии, Сталин опять оставляет Александрова на посту руководителя главного идеологического подразделения. Он как бы вновь давал возможность выступавшим, которые ранее не могли себе даже представить, что они могут «замахнуться» на «выдающегося философа» Александрова, выплеснуть публично затаенные обиды и комплексы.

Мотивы выступавших на дискуссии были различны. Мастигиты «зубры» марксистской философии, выдвиженцы «великого перелома» и «культурной революции» М. Б. Митин и П. Ф. Юдин были рады свести счеты с «молодым высокочкой». Надеясь разрушить его карьеру и восстановить свой собственный авторитет в философии, они, поддерживаемые З. Я. Белецким и А. А. Максимовым, призывали к «принципиальной критике», к «воинственности в борьбе с буржуазной идеологией». Активные молодые философы (Б. М. Кедров и М. Т. Иовчук) говорили о «творческой критике» и о «дальнейшей творческой разработке марксистской философии». Многие не придерживались ни «воинствующей», ни «творческой» линии, и у них не было личных мотивов быть «за» или «против» Александрова. Но они были рады возможности выступить перед Ждановым, демонстрируя активность и преданность партии.

Усматривая основной порок книги Александрова в нарушении принципа «ленинско-сталинской партийности в философии» и в полном отсутствии «воинствующей большевистской принципиальности в науке», М. В. Эдмин заявляет злобно: «Даже язык т. Александрова никчемный, пустой, либеральный язык буржуазного объективиста, профессора» [24]. Подсчитав, что «две трети книги удалены идеалистам, и лишь одна треть — материалистам», Г. М. Гак указывает на «опасность академизма, идущего вразрез с требованиями партийности в идеологии» [24, с. 23]. Ему вторит Г. Н. Гусейнов, подсчитавший, что материалисту Эпиктуру посвящается столько же страниц, сколько и яростному защитнику религии Августину» [24, с. 33]. М. Д. Каммари призывают разоблачить «фальшивый» «буржуазный объективизм как лицемерный, непоследовательный „объективизм“, ведущий к „замазыванию“ классовых антагонизмов» [24, с. 14]. Я. А. Миль-

нер, как бы предугадывая последующую судьбу Александрова, говорил: «...Стоит человеку занять начальственный пост... он мгновенно преображается в обладателя абсолютной истины. Ушел с поста и низведен с этого пьедестала...» [24, с. 406].

Были, правда, робкие попытки поддержать отдельные положения книги Александрова. Например, Каммари говорил, что в книге «...безусловно есть и положительные стороны». Сотрудник Института философии В. С. Паукова отмечала, что, «конечно, обвинять здесь т. Александрова и находить теперь — после указаний товарища Сталина отдельные недостатки его книги... дело не столь уж трудное» [24, с. 221]. А. М. Буйницкий повторил мысль, которую при обсуждении в Институте философии высказал И. В. Кузнецов, сказав, что «...даже ошибки т. Александрова нашему делу принесут больше пользы, чем святость и непорочность иных философов-дипломатов» [24, с. 232]. Однако, если на первой дискуссии высказывание Кузнецова было встречено аллодисментами, на этот раз отмеченное в стенограмме «оживление в зале» отражало не только негативную реакцию аудитории на попытку объективности, но изменение и состава аудитории, и духа дискуссии.

В щекотливой ситуации оказались те, кто, не предвидя падения Александрова, дали положительные отзывы о книге, в частности П. Е. Вышинский, опубликовавший в журнале «Большевик» большую хвалебную рецензию. Теперь он обещал искупить недостатки своей статьи. Своеобразие духа сражения, развернувшегося на философском фронте, особенно вырисовывается в заключительном пассаже Вышинского: «Мы — бойцы идеологического фронта, мы — солдаты коммунистической армии. Мы — философская артиллерия коммунизма. Я бы сравнил партийную критику с корректировкой огня. Мы обстреливали наших врагов, мы стреляем часто по закрытым целям. Партийная печать, а также ЦК своей критикой наших работ корректируют огонь: им виднее, куда падают наши снаряды. И, разумеется, невразумительным стрелкам полезно иногда всыпать. Но, когда мы ошибаемся, уж пусть лучше нас сурово покритикует наш ЦК. Это полезнее, чем мы останемся при своих заблуждениях и оставим в результате плохой стрельбы в живых наших врагов» [24, с. 268].

Без тени смущения сменил свою позицию член ЦК академик М. Б. Митин, который в 1946 г. от имени кафедры диалектического и исторического материализма Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) выдвинул книгу Александрова на Сталинскую премию. Тогда он считал, что эта книга «является глубоким научным исследованием истории западноевропейской философии с древнейших времен до середины XIX столетия» и «стала серьезным пособием для научных работников, преподавателей вузов, партийного и советского актива по изучению истории философии и общих вопросов марксистско-ленинской теории» [25]. Выступая 18 июня 1947 г., через год после написания этих слов, он говорит о несоответствии книги Александрова требованиям «марксистско-ленинского подхода к философии вообще и к истории философии в частности». Он признает свою вину в том, что из-за благодушия не выступил своевременно с ее критикой, но после указаний ЦК считает долгом «со всей большевистской остротой» признать, что книга Александрова «не является боевой марксистской работой по истории философии, это работа книжная, объективистская» [26].

Аналогичную метаморфозу претерпели взгляды другого видного представителя философской элиты Юдина. На заседании секции историко-философских и философских наук Комиссии по Сталинским премиям 6 апреля 1946 г. он говорил, что «Александров работал над этой книгой на протяжении многих лет» и она «представляет значительное явление в нашей исследовательской марксистской литературе». Его поддержал Поступолов, который добавил, что «книга прошла значительную проверку» «в качестве лекций» и дорабатывалась в течение многих лет. В конечном счете, предложение было принято единогласно [27]. На дискуссии же Юдин предстал одним из самых ярых критиков книги, отрекшись полностью от своих прежних слов [28].

И Митин, и Юдин знали, что их прошлогодние высказывания известны узкому кругу лиц, понимавших, что «так было надо» и в первом случае, и во втором. Жданов также знал «правила игры» и не бросил им упрека. В соответствии с этими неписанными правилами партийных дискуссий от своего труда отрекся и сам автор — Александров. Содержание его многословного выступления сводится к одной фразе: «Указания товарища Сталина

открыли мне... прямо скажу, глаза на подлинную суть, на глубочайшие основы классовой идеологической борьбы» [28, с. 290]. Покаяние Александрова адресовано, конечно, Сталину, от которого зависела его дальнейшая судьба. Но надеялся он и на поддержку Жданова, «выслушав смелое творческое освещение вопросов истории философии, марксизма, состояния задач советского философского фронта в речи т. Жданова...» [28, с. 299]. Вычеркивая из биографии «неудавшуюся» книгу, Александров пытается сохранить свою роль в рядах «борцов философского фронта». Он радуется, что «философские работники быстро подхватили указания Центрального Комитета... и развернули настоящую партийную критику, горя желанием быстро, энергично выправить эти недостатки, преодолеть их и двинуться вперед» [28, с. 289].

Материалы дискуссии по решению ЦК должны были быть напечатаны в первом номере нового журнала «Вопросы философии», главным редактором которого был назначен Б. М. Кедров. Последнему было строго запрещено со ссылкой на указания Сталина вносить какие-либо изменения в стенограмму. Кедров, понимая, что публикация некоторых выступлений вызовет гнев воождя, обратился за указаниями к Жданову, а тот в свою очередь к Сталину [29]. В итоге не было опубликовано выступление Х. Г. Аджемяна, отметившего незаурядный характер книги Александрова, и нелицеприятное угодничество М. П. Баскина, З. Я. Белецкого, П. Е. Вышинского, М. Б. Митина, В. И. Светлова и П. Ф. Юдина, которые вначале ее восхваляли, а затем хулигали. Все это, по мнению Аджемяна, говорит о неприглядных нравах людей, занимавшихся этикой и моралью [30].

По указанию Сталина были изъяты и наиболее одиозные места из выступления А. К. Тимирязева, которое, как отмечалось в письме Кедрова, должно быть оценено как «сплошной поклеп на передовых советских физиков, обвинение их в том, что они являются махистами и действуют чуть ли не по директивам, идущим из-за границы» [31]. Письмо Жданова к Сталину от 26 июля 1947 г., в котором он испрашивает разрешение на изъятие из публикуемых материалов выступления Аджемяна и внесения корректиров в выступления Л. Ф. Бердника и Тимирязева, ясно показывает, кто был подлинным руководителем этой многоходовой дискуссии и какой самостоятельностью обладали близайшие

сподвижники Сталина, если по такому вопросу Жданов информировал и испрашивал указаний [32].

Дискуссия завершилась, а ее главный герой ничего не знал о своей дальнейшей судьбе. Не было никакой информации о дискуссии и в печати. Стремясь избежать отставки, 11 июля 1947 г. Александров пишет письмо Сталину и Жданову, где еще раз заявляет о переосмыслении всех своих трудов и страстном желании «покончить со старыми приемами, навыками в научной публицистической и организационной работе, делать быстрее, лучше, боевее наше партийное дело» [33]. Он не только каялся, но и предлагал целую программу мер, позволяющих «быстро достичнуть нужные результаты». Она включала: подготовку плана издания и публикацию работ по философии на заданные темы, замену директора Института философии и направления в него группы «новых способных работников» (с предложением фамилий возможных кандидатов), улучшение работы и кадровое укрепление издательства в области философской литературы, изменение состава редакции журнала «Большевик», создание Всесоюзного философского общества, «которое могло бы издавать философский журнал, устраивать дискуссии, научные съезды и объединять работу всех профессиональных философов страны... для широкой пропаганды марксистско-ленинской философии». В заключение Александров предлагал расширить и укрепить кадрами свое Управление.

В августе 1947 г. философская дискуссия напомнила о себе. На заседании Политбюро ЦК 5 августа был рассмотрен вопрос «О книге по истории философии». В протоколе признавалось «необходимым составление новой книги по истории философии», предлагалось «утвердить состав авторского коллектива», которому на подготовку книги представлялся «один год—полтора года», а ее проспект должен был быть подан в ЦК в двухмесячный срок. Тем самым намерение Александрова самому доработать книгу в соответствии с указаниями Сталина и Жданова было пресечено. В авторский коллектив были включены: Г. Ф. Александров, М. А. Дынник, М. Т. Иовчук, Б. М. Кедров, М. А. Леонов, М. Б. Митин, О. В. Трахтенберг, а к сотрудничеству привлекались 23 человека, включая З. Я. Белецкого, Г. С. Ва-сецкого, В. С. Кружкова, А. А. Максимова, П. Н. Федосеева.

Позднее, 24 августа, после выхода первого номера «Вопросов философии» с материалами дискуссии, появилась большая критическая статья Юдина в «Правде». А еще через месяц решилась судьба и самого Александрова. 17 сентября Политбюро ЦК освободило т. Александрова от обязанностей начальника Управления пропаганды и агитации, а Федосеева от обязанностей его заместителя [34].

После нескольких дней томительного ожидания Политбюро утвердило решение Секретариата о назначении Александрова директором Института философии АН СССР вместо Г. С. Васецкого [35]. Новыми «куранторами науки» стали секретарь ЦК ВКП(б) М. А. Суслов, назначенный начальником Управления пропаганды вместо Александрова, его заместителем — Д. Т. Шепилов, Ю. А. Жданов (сын Жданова и зять Сталина) стал новым заведующим Отделом науки в этом же управлении. Все они активно включились в искоренение недостатков, не раз направляя на имя секретарей ЦК ВКП(б) А. А. Жданова, А. А. Кузнецова, Г. М. Попова и Г. М. Маленкова, сменившего в 1948 г. умершего А. А. Жданова, записки о неблагоприятном положении в философском сообществе, о кадровых изменениях в руководстве журналов «Большевик», «Вопросы философии», Института философии АН СССР, о необходимости коренной перестройки их работы и т. д.

В конечном счете, полностью победили сторонники «боевой» линии в философии А. А. Максимов, М. Б. Митин и П. Ф. Юдин, о «творческом» характере трудов которых можно судить по передовым статьям в журнале «Вопросы философии» [36]. Они продолжали слать письма-доносы на Александрова и не переставали поддерживать обстановку постоянной вражды группировок в сообществе советских философов, о чем сообщалось в 1949 г. в справках на имя Г. М. Маленкова и М. А. Суслова [37]. Но для постоянного контроля за философами Отдел науки ЦК ВКП(б) использовал и письма-доносы от рядовых граждан, которые с удовольствием разоблачали идеализм, отступничество от марксизма, вредительство в философии [38]. Весь корпус архивных материалов однозначно свидетельствует о том, что Отдел науки прямо поощрял «идеологическую борьбу» среди философов.

Так завершились события, непосредственно связанные с философской дискуссией, которая и в печати, и в научных кругах освещалась не столь широко, как последующие «научные сессии» в биологии, физиологии и языкоznании. Вероятно, высшее партийное руководство не желало создавать впечатление о неблагоприятном положении в главных идеологических структурах. Цель же была достигнута. Философскому сообществу был преподнесен урок не вольнодумствовать, а партаппарату показано, как вести идеологическую обработку. Общественные науки получили четкие указания и ориентиры. Всем работникам «идеологического фронта» должно быть ясно, что шаг влево и шаг вправо с обозначенной идеологической тропы расценивается как побег в лоно «буржуазной», «идеалистической», «антимарксистской», «враждебной» и т. п. идеологии. Недаром так часто употреблялся термин «фронт» как само собой разумеющееся приложение к философии и науке, напоминавший о том, что делают с врагами, перебежчиками, отщепенцами, уклонистами. В обиход научного сообщества внедрялись понятия из лексикона партийного новояза 20-х гг.: «разоружиться» — отречься от своих убеждений; «объективный анализ» — «буржуазный объективизм». Вновь ругательным становился термин «академизм», обвинительным и уничижительным — звание «профессор». Облегчилась научная карьера для посредственостей под прикрытием идеологического щита. Резко ужесточился контроль за всеми формами научной жизни. Жестко регулируя все процессы, партия особое внимание уделяла «подбору и расстановке кадров», тематике и характеру философских исследований, публикациям и их стилю, программе и составу участников конференций и т. д.

Апробированную в философии модель Сталин вскоре успешно применил и в других отраслях знания [39]. Александрова же продолжали часто критиковать во внутренних партийных рапортах, особенно после смерти его патрона А. А. Жданова. Сам он активно участвовал в последующих «научных» дискуссиях, громя неугодных партийному руководству ученых. Тем не менее в июле 1949 г. он был вновь обвинен в политических ошибках, выведен из редколлегии журнала «Большевик», но удержался на посту директора Института философии. Примерно на год он исчез с политической арены. Но в апреле 1952 г. произошло событие,

подтверждающее, что Сталин предвидел поведение Александрова в ответ на публичную экзекуцию. Демонстрируя свою готовность к новым унижениям, он обращается в ЦК с письмом, в котором предлагает в июне 1952 г. провести научную сессию Института философии, посвященную пятилетию со дня философской дискуссии [40]. Но у Сталина уже были другие заботы. Готовился XIX съезд партии, после которого должны были быть отстранены или устраниены К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, А. И. Микоян, возможно, и другие его ближайшие соратники. Здесь уже было не до Александрова. К тому же после августовской сессии ВАСХНИЛ, «Павловской» сессии, «обучения» языкоznанию и политэкономии, а также после «уроков» в математике, физике, химии уже вся советская наука твердо стояла на материалистическом фундаменте, и, по мнению аппарата ЦК, ей серьезно не могли угрожать никакие идеологические отклонения.

Отделом науки ЦК была подготовлена справка на имя Суслова о нецелесообразности проведения «юбилейной сессии». В ней отмечалось, что за прошедшие пять лет возглавляемый Александровым Институт философии АН СССР не выполнил решение «о подготовке книги „История философии“, не созданы учебники по диалектическому материализму, логике и психологии, нет серьезных работ по разоблачению реакционной буржуазной философии, слабо разрабатываются вопросы естествознания, не обобщается опыт строительства социализма в странах народной демократии» [41]. Так не состоялся предложенный уже самим Александровым третий акт философской пьесы. Заключительный же этап в его политической карьере начался в 1954 г., когда он вернулся в политику и стал министром культуры СССР, но уже в следующем году был смешен за «развратное поведение» и переведен на должность заведующего сектором в Институт философии в Минске. Так завершилась эта необычная карьера партийного бюрократа и философа.

Рассматривая сквозь призму документов партийного архива поведение людей, причастных к событиям философских дискуссий, нельзя не учитывать нагнетавшуюся в стране обстановку страха и незабытый ужас предвоенных репрессий. И философская элита, и рядовые «философского фронта», и надзиравшие за ними аппаратчики ЦК разных уровней, включая Жданова, знали, что

их положение и жизнь полностью зависели от действий или высказываний, не совпадавших в тот или иной момент с намерениями Сталина. Немногие в этих экстремальных условиях сохраняли человеческое достоинство; другие были парализованы страхом; третьи же могли существовать и пребывать в «крупных ученых» только в такой обстановке. Отзвуки философской дискуссии еще долго будоражили научное сообщество. А заданный ею идеологический настрой на многие десятилетия наложил отпечаток на работы в различных областях общественных наук и оставался неизменным, несмотря на ротацию кадров в верхнем руководстве партии.

-
1. Философская энциклопедия. М., 1960. Т. 1.
 2. *Graham L. R. Science and Philosophy in the Soviet Union*. New York, 1974.
 3. Наиболее полный анализ хода дискуссий дан в работах: Есаев В. Д. К истории философской дискуссии 1947 г. // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 83—106; Батыгин Г., Девятко С. Дело академика Г. Ф. Александрова: эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1. С. 134—146; № 2. С. 99—116; Кривоносов Ю. И. Сражение на философском фронте // ВИЕТ. 1997. № 3. С. 63—86.
 4. *Сталин И. В.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 г. // Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1950.
 5. Ярошевский М. Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука. Л., 1991. Вып. 1. С. 9—33.
 6. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 454. Л. 80—90.
 7. Как писал М. Г. Ярошевский: «Сталин хорошо разбирался в психологии своего окружения. Он знал, каким образом рядовой преподаватель Александров, после того как в 1937—1938 гг. летели одна голова за другой, оказался в высшем партийном эшелоне. Знал, что, приняв приписанную ему Сталиным вину, будет любыми средствами ее „искупать“. И он не ошибся. Александров, успевший получить звание академика, сыграл зловещую роль во всех последующих „дискуссиях“» (Ярошевский М. Г. Как предали Ивана Павлова // Репрессированная наука. СПб., 1994. Вып. 2. С. 78).
 8. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 228. Л. 56.
 9. Через два года сам Кузнецов был арестован и вместе с другими участниками «ленинградского дела» М. И. Родионовым (председателем Совета Министров РСФСР) и П. С. Попковым (секретарем Ленинградского обкома партии) расстрелян в октябре 1950 г.
 10. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 477. Л. 1—2.
 11. Там же. Оп. 3. Д. 1063. Л. 13.
 12. Там же. Ф. 558. Оп. 52. Л. 17.

13. Там же. Оп. 125. Д. 477. Л. 4.
14. Там же. Л. 13.
15. Там же. Л. 46.
16. Как показали дальнейшие события. П. Н. Поспелов ошибся, правда, без видимых для себя последствий. Дело в том, что в президиуме сидел секретарь Статицца генерал А. Н. Поскребышев, который изредка жестами и репликами выражал недовольство по поводу отдельных выступлений и ведения дискуссии председателем. Вероятно, он доложил Сталину о «либеральном» характере выступлений, что побудило вождя назначить новую дискуссию.
17. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 299. Л. 71.
18. В. Д. Есаков ошибся, написав, что материалы этой дискуссии были опубликованы в журнале «Большевик».
19. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064. Л. 17.
20. Там же. Оп. 125. Д. 480. Л. 1—2.
21. Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». 16—25 июня 1947 г. Стенографический отчет // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 5—503; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 490.
22. В архиве имеется рукопись доклада Жданова и машинописный вариант со сталинской правкой. Анализ этого документа показал, что на с. 41 Сталиным было сделано 26 редакторских и корректорских уточнений, которые носили характер указаний и в совокупности становились одобренной вождем партийной директивой: Есаков В. Д. К истории философской дискуссии 1947 г. С. 91—92.
23. РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 983. Л. 135.
24. Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова... С. 10.
25. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 478. Л. 24—25.
26. Там же. Д. 482. Л. 37.
27. Там же. Л. 45.
28. Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова... С. 279—287.
29. Кедров Б. М. Как создавался наш журнал // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 92—104; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 35—37.
30. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 490. Л. 81.
31. Там же. Д. 492. Л. 35—37.
32. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 983. С. 178—179. См. также: Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 41.
33. Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 2—6.
34. Там же. Оп. 3. Д. 1066. Л. 219.
35. Там же. Л. 241.
36. За творческую разработку марксистской философии // Вопросы философии. 1948. № 1. С. 3—10; За боевой философский журнал // Там же. 1949. № 1. С. 7—10.
37. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 155. Л. 20—26; д. 161. Л. 8—36.
38. Там же. Д. 34. Л. 51—59, 61—69; оп. 133. Д. 290. Л. 17, 91, 96; д. 8. Л. 245—311.
39. Кожевников А. Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947—1952 гг. // ВИЕТ. 1997. № 4. С. 26—58.
40. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 220. Л. 199.
41. Там же. Л. 206.

МЕЖДУ НАУЧНОЙ ТЕОРИЕЙ
И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКОЙ.
СЕЛЕКЦИОНЕРЫ И ЛЫСЕНКО, 1948—1955

Взаимопроникновение и единство теории и практики наглядно подтверждается на истории селекции как искусства, как науки и как особой отрасли сельскохозяйственного производства.

Н. И. Вавилов, 1934

Биологическая наука, в которой любой новый теоретический вопрос возникает, исходя из интересов решения практических проблем, является научно-агрономической основой сельскохозяйственного производства.

Т. Д. Лысенко, 1949

На словах будут славить методы Лысенко, на деле — создавать сорта путем гибридизации, скрещивания и отбора.

Н. П. Дубинин, 1992

Истории генетики в СССР посвящено немало работ. Обстоятельства «трагедии советской генетики» традиционно объясняют «взлетом» Лысенко, властными отношениями в науке и вокруг нее, связывают с распространением марксистской идеологии, анализируют в контексте реставрации ламаркизма, относят к результатам «игр сталинской демократии» и т. д. [1]. В одной из работ последнего времени впервые исследуется связь между большой политикой и дискуссиями вокруг генетики 1930—

1940-х гг. Показано, в частности, что на исход генетической дискуссии лета 1948 г. повлияло развертывание холодной войны, потребовавшее утверждения новой модели советской науки. Она была разработана высшим партийным руководством на материале биологии и представлена научной общественности в выступлениях Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ. Биология оказалась испытательным полигоном «науки эпохи высокого сталинизма» [2].

Драму генетики обычно распространяют и на советскую селекцию (хотя самостоятельные исследования по истории селекции до сих пор отсутствуют). Об «унищожении научной генетики в СССР» [3, с. 96] и о «вытеснении научной селекции» «новаторской» [4, с. 132] говорят как о двух главных итогах лысенковщины. Для историков генетики, а также для участников событий тех лет такая проекция представляется вполне логичной. Можно выделить по крайней мере две причины, которые побуждают к подобному отождествлению.

Во-первых, в советском естествознании, а вслед за ним и в историографии селекция, как правило, рассматривалась как подчиненная генетике, прикладная дисциплина. Эту традицию отмечал еще Н. И. Вавилов, настаивавший на самостоятельности научной селекции. В 1936 г. он писал: «В понимании многих авторов селекция есть применение генетических знаний для практических целей... методы селекции являются выводами из основ генетики... В общей классификации наук селекция относится к биологии и соприкасается со многими разделами, заимствуя из них отдельные части, в особенности от генетики» [5, с. 32—33]. Отождествлял две науки и Лысенко: он говорил о недостатках «обычной селекции и формальной генетики» [6, с. 66], противопоставляя им «новую селекционно-генетическую науку», предназначенную «селекционерам и генетикам» [7, с. 92]. Вместо классических селекционных методов были предложены печально знаменитые «вегетативная гибридизация», «переделка» и «воспитание» сортов. Лысенковская теория стадийного развития, призванная смешать менделизм, по словам автора, открывала одновременно «широкайшие перспективы в деле выведения новых сортов в наиболее короткие сроки» [8, с. 8]. С ее помощью, утверждал Лысенко, «многие селекционные вопросы теперь мы... решаем проще и

лучше» [9, с. 122]. Общая судьба генетики и селекции, кажется, предрешена уже самим фактом появления «селекционно-генетической науки» в редакции Лысенко.

Вторая причина — в тесном переплетении институциональной истории селекции и генетики в СССР. Событийная канва для них, по сути, едина. Все академические форумы, где решалась судьба генетики, так или иначе обсуждали и проблемы научной селекции. Многие дискуссии между лысенковцами и сторонниками «формальной генетики» возникали на сельскохозяйственных собраниях, главной целью которых было обсуждение проблем селекции, семеноводства и животноводства. Среди них — сессия ВАСХНИЛ 1936 г., совещания по планированию работ в области генетики и селекции и др. Яркий пример единой линии поведения генетического и селекционного сообществ — вавиловский Все-союзный институт растениеводства, где против Лысенко единым фронтом выступили генетики и селекционеры. Известные селекционеры, как и генетики, стремились отстоять монделизм, возражали против «новаторства в селекции». Известных селекционеров, как и генетиков, репрессировали, увольняли, заставляли «раскаяться в заблуждениях». Ряд направлений селекционной работы, где научные практики были связаны с интерпретациями классической генетики (получение полиплоидов, мутаций), оказались под запретом.

Таким образом, в истории селекции и генетики в рассматриваемый период действительно можно найти много общего.

Но если задать вопрос, разделила ли селекция в полной мере «трагедию советской генетики» после 1948 г., ответ не будет столь определенным. Причем в самом вопросе можно выделить интеллектуальную и институциональную составляющие.

Если говорить собственно о научной стороне, важно понять: оказалась ли научная селекция столь же несовместима с агробиологией, как «формальная генетика»? Были ли ограничения на интерпретации и риторику селекции столь же жесткими, как в случае с законами Менделя и хромосомной теорией наследственности?

Вторая сторона вопроса относится к положению в селекционном сообществе. Испытало ли оно «запрет на профессию» (увольнения, невозможность публикаций и т. д.), выпавший на долю ге-

нетиков? Возникла ли в отношениях между Лысенко и «классическими селекционерами» та же идиосинкразия, которой отличались его взаимоотношения с представителями «формальной генетики»?

Ответам на эти вопросы посвящена настоящая работа. Я полагаю, что в отличие от генетики, которая с 1948 г. в СССР перестала существовать как дисциплина, положение селекции было куда благополучнее. Разумеется, невозможно в короткой статье изучить положение во всех направлениях дисциплины, во всем селекционном сообществе. Задача статьи — привлечь внимание к особой истории селекции в рассматриваемый период. Было выбрано одно из направлений — плодоводство. Эту область трудно сравнивать с селекцией зерновых, где происходили основные события «взлета и падения Лысенко». Здесь не было того политического накала, тех экономических ожиданий, которые подстегивали одних селекционеров давать заведомо невыполнимые обещания, а другим стоили жизни. Вместе с тем плодоводство служило важным идеологическим основанием для построений Лысенко. Ведь И. В. Мичурин, объявленный Лысенко «творцом советской агробиологии» [10], прославился именно селекцией плодовых и ягодных культур. Кроме того, планирование генетико-селекционных работ, которое четко обозначило вордаздел между научной селекцией и Лысенко с его ускоренным получением сортов за 2—3 года, началось именно с вопросов плодоводства.*

Меня интересуют не селекционеры с громкими именами, известные открытым протестом против лысенковщины. Я не касалась институтов всесоюзного масштаба вроде вавиловского ВИРа или лысенковского Всесоюзного селекционно-генетического института, где давно выявлены все «вейсмансты-морганисты» и «лысенковцы». Меня интересовала жизнь «местного селекционного сообщества», тех рядовых селекционеров, которые составляли его костяк. Они, как кажется, были свободнее в своих

* Первое совещание по планированию селекционных работ прошло в Киеве в начале 1931 г.. в результате чего появилось постановление «О развитии садоводства», рекомендовавшее перейти к ускоренному выведению новых сортов плодовых и ягодных культур [11].

оценках, обязательствах и поступках, чем обладатели высоких должностей и звучных имен. Их научная жизнь в условиях лысенковщины представляется более интересной и показательной. Поэтому героями исследования оказались сотрудники рядовой областной сельскохозяйственной опытной станции, каких было немало в стране. Отличие этой станции от других — в ее истории: станция была основана еще до революции [12], близость к Москве и к лысенковским «Горкам Ленинским» делало Лысенко нередким гостем в подмосковном Загорье. Именно там располагалась Московская плодово-ягодная опытная станция, о сотрудниках которой Марии Николаевне Симоновой и Татьяне Петровне Философовой пойдет речь.*

Симонова и Философова принадлежали, соответственно, к «старшему» и «среднему» поколениям научного персонала станции. Обе получили добротное сельскохозяйственное образование до наплыва в вузы рабфаковцев, «выдвиженцев» и смены «буржуазной профессуры» на «красную». Симонова — представитель первого советского поколения селекционеров. Она еще застала знаменитые Голицынские сельскохозяйственные курсы для женщин, слушательницей которых была в послереволюционные годы [13]. Курсы славились лучшим среди сельскохозяйственных вузов профессорским составом: там преподавали Н. И. Вавилов, Д. Н. Прянишников, А. Ф. Фортунатов. Завершить образование пришлось уже в Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева (ТСХА), куда влились Голицынские курсы. В 20-е гг. Симонова увлеклась селекцией, закончила Всесоюзные курсы по генетике и селекции при ВИРе. В дальнейшей работе она была тесно связана с ВИРом, ближайшими сотрудниками Вавилова селекционером-плодоводом Н. М. Павловой и специалистом по систематике ягодных культур М. А. Розановой. С середины 20-х гг. Симонова занялась сортоизучением и селекцией земляники и крыжовника на Московской опытной станции [14]. До 1930-х гг. культура земляники в России базировалась исключительно на зарубежных сортах. Примерно такой же была ситуа-

* В работе использованы материалы личного архива М. Н. Симоновой, переданного на хранение автору.

ция с сортами крыжовника. В 30—40-е гг. Симонова получила ряд новых сортов этих культур, которые прошли государственное сортоспытание и были широко районированы на территории бывшего СССР [15]. Все сорта Симоновой включены в коллекционный фонд ВИРа им. Н. И. Вавилова [16]. Сорт земляники «Красавица Загорья», районированный в 33 областях и республиках бывшего Союза, до последнего времени сохранял промышленное значение [15, с. 25].

Философова по образованию цитогенетик. Она окончила Воронежский сельскохозяйственный институт в 1933 г. и была принята на работу в Центральную генетическую лабораторию (ЦГЛ) в Мичуринске — бывшем Козлове, знаменитом тем, что Мичурин заложил здесь свой первый помологический питомник. В конце 1940-х гг. Философова перешла на Московскую станцию, где вместе с Симоновой занялась селекцией земляники [17]. Конец 40—начало 50-х гг. — пик творческой активности селекционеров. Работая в традициях классической научной селекции, Симонова и Философова получают новые сорта, публикуют статьи в периодике, пишут обзоры по ягодным культурам для различных сборников. В 1947 г. Симонова защищает кандидатскую диссертацию по селекции земляники. В 1950 г. за успехи в научной деятельности, связанной с выведением и внедрением в производство новых сортов, ей была присуждена Сталинская (Государственная) премия.

Эти внешне вполне благополучные биографии вызывают вполне понятное недоумение. Как можно было продолжать выводить сорта в годы лысенковщины, не используя «методов» Лысенко? Получать награды, не разделяя взглядов Лысенко? Публиковать материалы в лысенковской периодике, излагая результаты классической селекционной работы, а не «новаторской селекции»? Анализ трудов, изучение дисциплинарных практик работы Симоновой и Философовой позволяют несколько иначе, чем это обычно делается, взглянуть на положение селекции и селекционеров в период тотального господства лысенковщины. Используя факты их научных биографий, я попробую ответить на вопросы о совместимости классической научной селекции и лысенковского «новаторства», попытаюсь понять, как выживало селекционное сообщество в условиях лысенковщины.

Для ответа на эти вопросы необходимо прежде всего разобраться в том, что такое классическая научная селекция. Я уже говорила, что в интересующий меня период селекция воспринималась как воплощение на практике теоретических постулатов генетики. И сегодня в работах известных генетиков можно встретить замечания о том, что в 1930—1940-е гг. «реальные сорта создавались путем использования генетических принципов» [18, с. 46], «выдающиеся достижения по селекции, обеспечившие наши основные культуры высокоценными сортами, были получены... при использовании генетических методов... Вся селекция велась по законам генетики и идей Н. И. Вавилова» [18, с. 47]. Однако авторитетные историки науки утверждают противоположное: в период, о котором идет речь, практика селекционной работы мало зависела от генетики. Дж. Харвуд и П. Палладино показали на материале Англии, Германии и США, что до начала 1950-х гг. в селекции использовались методы, известные задолго до менделевской генетики, — гибридизация, индивидуальный и массовый отбор. Селекция опиралась не столько на новое научное знание, сколько на приемы практической работы, уходящие в XIX в., на интуицию и мастерство [19].

Это можно в полной мере отнести и к советской селекции. Несмотря на то что СССР был в то время лидером в области экспериментальной генетики, селекционеры только начинали присматриваться к собственно генетическим методам — искусственно мутигенезу, получению полиплоидов. Подавляющее большинство селекционеров использовало традиционные методы — гибридизацию и отбор. Вавилов, приписывавший генетике решающую роль в разработке основ селекционной работы, тем не менее считал, что «селекция, по существу, слагается из правильного выбора исходного материала для отбора и из умелого подбора исходных пар для сочетания путем гибридизации» [20, с. 14]. Он отмечал, что частная генетика — учение о генотипе отдельных видов — пока еще мало дала селекционной практике [21].

История выведения сортов может проиллюстрировать эти утверждения. Речь пойдет о диссертационной работе М. Н. Симоновой, посвященной сортам земляники Московской области [22]. Изложена почти 20-летняя история получения Симоновой сортов

земляники «Комсомолка», «Мысовка» (выведены в соавторстве), «Красавица из Загорья», «Поздняя из Загорья» и др., методами классической селекции: гибридизацией и индивидуальным отбором. При подготовке работы был написан большой теоретический раздел, посвященный биологии и генетике культуры. Правда, он вошел в работу в сокращенном варианте: в 1947 г. генетические интерпретации в работах по селекции еще не запрещались, но и не слишком поощрялись. Симонова оставила в диссертации главным образом данные по биологии культуры. Содержание раздела, привлечение значительного массива современной западной литературы свидетельствуют о значительных познаниях автора в области генетики. Однако, по свидетельству самой Симоновой, практическая часть ее работы выполнялась без использования данных генетики. Более того, Мария Николаевна говорила, что практическая работа селекционера в те годы не требовала знаний в области генетики. Изучение данных по генетике земляники при подготовке диссертации было личной инициативой Симоновой. Большинство селекционеров в 30—40-е гг. не слишком углублялось в теорию; генетические интерпретации в селекционных работах — редкость. Интересно, что свою диссертацию Симонова дополняла теоретическими данными уже после того, как были завершены эксперименты. Это не должно бросать тень на добросовестность автора; только в короткий период 1946—1947 гг. был восстановлен научный обмен с союзниками, и в СССР вновь стало возможным получать западную литературу. Сорта проходили производственное испытание, а их автор взяла внеочередной отпуск. Она провела его в Москве в Ленинской библиотеке. Просматривала литературу, чтобы быть в курсе новостей в генетике. И писала теоретическую главу, абсолютно не связанную с практической работой [23].

Итак, в рассматриваемый период в селекции использовались практики, возникшие задолго до становления генетики. Достижения генетики мало отразились на практической работе селекционеров. Разрыв между генетической теорией и селекционной практикой должна была преодолеть «новая селекционно-генетическая наука». Методы «новаторской селекции», как утверждал Лысенко, непосредственно вытекали из теории стадийного развития растений. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что

Лысенко также не избежал расхождения теории и практики. Несмотря на громкие заявления о «воспитании» и «переделке» сортов, он не смог обойтись без классической селекции. Широко рекламируя свою «новаторскую селекцию», Лысенко никогда полностью не отвергал гибридизацию и отбор как методы селекционной работы. Разумеется, он предлагал агробиологические интерпретации того, что представляли собой эти процессы с точки зрения наследственности. Гибридизация, по Лысенко, — один из способов «расшатать» наследственную природу растительного организма [24, с. 465]. Лысенко утверждал: «посредством умелой гибридизации можно сразу (выделено нами. — О. Е.) объединить в одном организме то, что ассимилировалось и закреплялось у взятых для скрещивания пород многими поколениями» [25, с. 567]. Такая логика никак не предполагала последующего расщепления в поколениях гибридов. Поэтому отбор ценных комбинаций должен был занимать не 10—15 лет, как того требует классическая селекция, а 2—3 года. Отсюда — рекордные сроки получения сортов. Тем не менее селекционеры получили «методическую лазейку». Те, кто не жаждал чинов и званий, могли продолжать работать традиционными методами. При этом следовало хранить молчание относительно наследственных механизмов, лежащих в основе этих приемов. Как показывает пример Симоновой, за сорта, полученные методами классической селекции, можно было получить одну из высочайших наград — Сталинскую премию даже в разгар «лысенковщины», в 1950 г.

Отметим и другой важный момент. Говоря о языке «новаторской селекции», обычно вспоминают лысенковские нововведения: «вегетативную гибридизацию», «воспитание», «переделку», «расшатывание наследственности» и т. д. Однако, сохранив в методическом арсенале гибридизацию и отбор, Лысенко не смог обойтись без ключевых терминов и символов классической селекции. Среди них — «подбор пар для скрещивания», «гетерозигота», «доминирование», «гибрид», латинское F с цифрами для обозначения гибридных поколений. Подчеркнем еще раз: Лысенко сохранил терминологию, но не понятия. Но эта «терминологическая лазейка», вместе с разрешенными классическими методами, позволяла селекционерам публиковать результаты далеко не «новаторских» селекционных работ даже в период тотальной

«агробиологизации» периодики. Условием публикации становился набор из политических деклараций и ссылок на классиков агробиологии в преамбуле. Типичный репертуар — «разрешение задач, поставленных партией и правительством перед селекционерами», «успехи агробиологической науки, возглавляемой академиком Т. Д. Лысенко». Нередко статья начиналась фразой об «эффективности правильного воспитания», абсолютно не связанной с дальнейшим описанием селекционных методов. Часто ссылались на «заветы И. В. Мичурина». «Безвредный чудак», как называл его Жоравский [26], несмотря на одержимость многими сомнительными с научной точки зрения идеями, был безусловно талантливым садоводом-практиком. Сейчас мы знаем, что реальные заслуги Мичурина оказались куда скромнее, чем заставляла считать советская пропаганда. Однако ссылки на Мичурина в работах 40—50-х гг. вполне закономерны. К тому же использование в качестве «классика агробиологии» Мичурина позволяло избежать упоминания гораздо более одиозного имени Лысенко. Отдавая дань официальной риторике (кто в меньшей, кто в большей степени), селекционеры смогли опубликовать на страницах советских изданий конца 40—начала 50-х гг. результаты классических селекционных работ.

Рассмотрим публикации наших селекционеров в периодике того времени: журналах «Агробиология», «Садоводство и огородничество», сборниках статей «Вопросы селекции и агротехники», «Мичуринское учение на службе народу». В редколлегиях всех изданий — Лысенко и его приспешники И. С. Варунцян, И. Е. Глущенко, М. А. Ольшанский, И. И. Презент, П. Н. Яковлев. Сами издания — классические образцы агробиологии в редакции Лысенко. Сюда вошли работы известных лысенковцев: И. А. Петрова о вегетативной гибридизации у злаковых, И. Е. Глущенко о кукурузе с критикой инцукта, Х. К. Еникеева о получении ценных сортов сливы путем «расщатывания» наследственной основы гибридов воздействием внешней среды и многие другие. В опубликованных здесь же статьях Симоновой и Философовой также присутствуют необходимые риторические фигуры: авторы руководствуются «мичуринскими положениями», в основу экспериментов «положено учение И. В. Мичурина». В статьях «По методу Мичурина» [27] и «Итоги селекционной рабо-

ты с крыжовником» [28] Симонова описывает собственные сорта («Смена», «Изумруд», «Мысовский»), полученные на Московской опытной станции. Она настаивает: работа проводилась «мичуринскими методами», среди которых названы отбор географически отдаленных пар для гибридизации и применение повторных скрещиваний [28, с. 228—229]. Изучение методической части не оставляет сомнений: в основе работы — классический метод гибридизации географически отдаленных рас, активно используемый селекционерами всего мира. О его достоинствах писал Вавилов [29, с. 16—17]; пополнение исходного материала для отдаленной гибридизации было одной из целей создания знаменитой коллекции растений ВИР. Повторные скрещивания гибридов — широко распространенный в селекции метод, позволяющий гомозигитировать ценные аллели. «Мичуринские методы» таким образом оказываются традиционными методами научной селекции. Главные достоинства полученных сортов, определившие отбор исходного материала и направления скрещиваний, — иммунная устойчивость, зимостойкость, высокая урожайность и бесшипность. Симонова не акцентирует внимание на том промежутке времени, за который были выведены новые сорта. Это вполне понятно: Лысенко настаивал на сокращении сроков селекционной работы. Однако внимательное чтение статьи позволяет сделать вывод, что автор трудилась над сортами не менее 10—15 лет.

Вполне по-лысенковски названа статья Философовой — «Агробиологическая характеристика новых сортов земляники» [30]. На самом деле речь идет о стандартных характеристиках, которые используются в сортотестировании: зимостойкости, урожайности, сроках цветения и плодоношения, устойчивости к болезням и вредителям. Среди испытуемых главное место занимают сорта земляники, полученные на той же станции Симоновой и самой Философовой.

Агробиологическая риторика активно использована и в работе Философовой «Селекция земляники в центральных областях РСФСР» [31]. Обзор посвящен истории выведения Симоновой сортов земляники на Московской опытной станции. Как пишет Философова, «при выведении сортов земляники были с самого же начала применены указания И. В. Мичурина о том, что разви-

тию у сеянцев ягодных культур ценных признаков и урожайности способствует высокий агротехнический фон» [31, с. 263]. В числе методов селекционной работы она называет «выращивание сеянцев при соответствующей агротехнике» [31, с. 259]. Вроде бы вот она — лысенковская «новаторская селекция»! Но одновременно Философова отмечает: «основным методом выведения новых сортов на станции является скрещивание сортов, обладающих... цennыми признаками» (выделено нами. — О. Е.) [31, с. 259]. Это очевидное противоречие снимается при дальнейшем знакомстве с работой. Всесь Философова упоминает «другие приемы», которыми пользовалась в работе Симонова, — отдаленную гибридизацию, отбор. Если пропускать пассажи об «условиях выращивания сеянцев», становится ясно, что все сорта выведены Симоновой именно этими методами. К тому же сама Философова добавляет: «С 1933 г. ... повторное скрещивание становится на станции основным методом выведения сортов земляники. Этим методом получены сорта „Красавица Загорья“, „Поздняя из Загорья“, „Пионерка“» [31, с. 260]. Сорта знакомы еще по диссертации Симоновой. Напомню, методика селекции этих сортов подробно описана еще в 1947 г. Симонова не раз называет известные приемы: гибридизация, индивидуальный отбор в поколениях гибридов, повторные скрещивания. Понятно, что Философова использовала фразы об агротехническом фоне как необходимую «приправу», снабдив ею давно приготовленное блюдо. Лысенковская риторика понадобилась Философовой, чтобы придать стандартному обзору классических селекционных работ форму, необходимую для публикации в середине 1950-х гг. В обзоре Философовой присутствуют важные данные по объему проделанной работы и хозяйственной характеристике новых сортов. По словам Философовой, «за 30 лет выращено и изучено около 90 тысяч гибридных сеянцев, отобрано из гибридного фонда и испытано 180 элитных форм»; сорта Симоновой «в значительной степени вытеснили старые малоурожайные сорта и дают в совхозах и колхозах средней полосы... высокие урожаи» [31, с. 259].

Крайне важно, что мои героини отнюдь не были одиноки в своем нежелании осваивать лысенковскую селекцию. Изучение научной периодики 1948—1955 гг. показывает: значительная часть сообщества селекционеров-ягодников поколения Симоно-

вой и Философовой продолжала заниматься классической научной селекцией. Это Н. М. Павлова из ВИР, Ю. К. Катинская с Павловской опытной станции ВИР, К. Д. Сергеева из НИИ садоводства им. И. В. Мичурина (Мичуринск), О. А. Медведева, работавшая на Западно-Сибирской плодовой опытной станции и Ленинградской плодово-ягодной опытной станции, М. А. Павлова с Плодовой опытной станции Тимирязевской академии.

Местное сообщество селекционеров не только выжило и продолжило работу в условиях лысенковщины. Оно становилось «убежищем» для генетиков. После упразднения генетических отделов на опытных станциях некоторые из уволенных сотрудников перешли к занятиям практической селекцией. Биография Философовой служит тому убедительным примером. Напомню, что Философова — цитогенетик по образованию. В течение 30—40-х гг. она работала в Центральной генетической лаборатории (ЦГЛ) в Мичуринске, занималась генетикой земляники. Когда тучи над генетикой стали сгущаться и в ЦГЛ начались сокращения и увольнения, Философова перешла на Московскую станцию, в отдел селекции. Симонова — главный специалист по землянике на станции — уже длительное время совмещала работу по этой культуре с селекцией крыжовника. Она с радостью передала Философовой свое «земляничное хозяйство», включавшее множество гибридов и элитных сеянцев, работа с которыми уже близилась к завершению. Полученное наследство позволило Философовой через короткое время сообщить о выведении новых сортов. Быстрые результаты (почти как требовал Лысенко — 2—3 года!) делали бывшего генетика практически неуязвимым для недоброжелателей-лысенковцев. Приведенный эпизод служит одновременно и иллюстрацией настроений в селекционном сообществе после 1948 г. Селекционеры сочувствовали генетикам. Они готовы были потесниться в собственном институциональном пространстве, помогая генетикам адаптироваться в новой профессиональной среде.

Вместе с тем селекционеры оказались гораздо менее активны в открытых выступлениях против лысенковщины. Часто вспоминают об академиках П. Н. Константинове, П. И. Лисицыне, А. А. Сапегине, В. Я. Юрьеве, которые еще в 1930-е гг. заявляли о своем несогласии с позицией и стилем руководства Лысенко. Не-

которые из них лишились руководящих постов после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Но на самой сессии, где генетики продолжали критиковать Лысенко, никто из селекционеров не отважился поддержать коллег.* Вероятно, отношение селекционеров к Лысенко не изменилось. Однако в новой ситуации селекционеры предпочли промолчать. Генетики, протестовали они или молчали, все равно теряли работу. Селекционерам молчание позволяло избежать увольнений, сохранить возможность заниматься наукой. Вероятно, такое молчание, следуя Д. Жоравскому, можно назвать формой протesta [32]. Однако легко предположить, что многие вполне добросовестные селекционеры, не слишком интересующиеся генетикой и не стремящиеся сделать карьеру, вообще оставались вне спора Лысенко и генетиков. Можно было продолжать заниматься научной селекцией, не вступая в острый конфликт с официальной лысенковской доктриной.

Итак, в трудных условиях лысенковщины 1948—1955 гг. «местное сообщество селекционеров» сумело выжить: продолжались исследования в области классической селекции, поддерживались научные коммуникации, действовала вполне объективная система оценки практических результатов селекционной работы — государственное испытание сортов. Все это позволяет говорить о том, что селекционеры значительно легче перенесли «лысенковщину», чем это принято считать.

Разумеется, лысенковцы преследовали тех селекционеров, которые открыто не разделяли их взгляды. А в тех областях селекции, которыми занимался сам Лысенко, работать было особенно сложно. Можно вспомнить его требования прививать томаты, бесплодные работы по ветвистой пшенице, кампанию против близкородственного скрещивания (инцухта) у кукурузы. Некоторые известные ученые, долгие годы посвятившие классической селекции, вынуждены были отдать дань агробиологии и заняться чем-нибудь вроде гнездовых посевов древесных пород. Именно так поступил в 1949 г. выдающийся селекционер зерновых В. Я. Юрьев. Однако одновременно он продолжал и работы в об-

*Д. Жоравский ошибочно называет селекционером известного ботаника, академика П. М. Жуковского, который выступил на сессии против Лысенко.

ласти научной селекции пшениц, овсов и проса, что позволило ему сохранить доброе имя в науке.

В большинстве своем селекционеры продолжали заниматься классической селекцией, стараясь не вызвать высокого гнева и молча протестуя. Пример — история посещения Лысенко Московской опытной станции в Загорье, где Симонова представляла ему свои селекционные посадки. Лысенко углядел среди них бахмутку — дикую разновидность земляники — и радостно заявил, что это новый вид (в соответствии с его идеей «порождения» сорных растений культурными). «Обязательно напиши об этом статью», — сказал он Симоновой. Она промолчала, возражать не рискнула. Но и не поспешила согласиться с «народным академиком». И статью писать не стала. Разумеется, долго еще боялась, что вспомнят и проверят. Судьба оказалась благосклонна — Лысенко забыл об этом эпизоде...

-
1. Дубинин Н. П. История и трагедия советской генетики. М., 1992; Медведев Ж. Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929—1966). М., 1993; Соффер В. Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. Ann Arbor, 1989; Joravsky D. The Lysenko Affair. Chicago, 1986; Гайсинович А. Е. Зарождение и развитие генетики. М., 1988; Кожевников А. Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947—1952 гг. // ВИЕТ. 1997 № 4. С. 26—58.
 2. Krementsov N. L. Stalinist Science. Princeton, 1997.
 3. Эфроимсон В. П. Уничтожение научной генетики в СССР... // О Лысенко и лысенковщине // ВИЕТ. 1989. № 3. С. 96—109.
 4. Он же. Вытеснение научной селекции новаторской // Там же. № 2. С. 132—147.
 5. Вавилов Н. И. Селекция как наука // Теоретические основы селекции. М., 1987. С. 28—39.
 6. Лысенко Т. Д., Презент И. И. Селекция и теория стадийного развития растений // Агробиология. 1952. С. 55—91.
 7. Лысенко Т. Д. Теория стадийного развития растений и селекция полевых культур // Там же. С. 92—120.
 8. Он же. Теоретические основы яровизации // Там же. С. 3—54.
 9. Он же. О перестройке семеноводства // Там же. С. 121—149.
 10. Он же. Творец советской агробиологии (к 4-летию со дня смерти И. В. Мицуриной) // Там же. С. 258—268.
 11. Постановление «О развитии садоводства» от 13 мая 1931 г. // Садоводство и огородничество. 1931. № 7-8. С. 1—8.

12. Елина О. Ю. Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х: Советский вариант реформы // На переломе. Советская биология в 20—30-х годах. СПб., 1997. С. 27—85.
13. Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ЦГИАМ). Ф. 453. Оп. 1. Д. 459. Л. 4.
14. Симонова Мария Николаевна // Садоводы—ученые России (краткий биографический справочник). Орел, 1997. С. 338.
15. Каталог районированных и перспективных в СССР сортов земляники / Сост. Г. А. Наумова; под ред. В. Л. Витковского. Л., 1972. Вып. 95; Каталог районированных и перспективных сортов плодовых, ягодных культур и винограда / Сост. Н. И. Рыбальченко, М. А. Капцинель, М. К. Ефремова и др.; общ. ред. В. Н. Алексашова и М. А. Капцинель. М., 1975; Каталог сортов плодовых, ягодных культур и винограда, принятых в государственное сортоиспытание / Сост. Н. И. Рыбальченко, Н. Я. Грибова, Е. Л. Филиппова, М. К. Ефремова, А. Д. Крестников, А. С. Киселева и др.; общ. ред. Н. И. Рыбальченко. М., 1977.
16. Каталог мировой коллекции ВИР. Вып. 399. Земляника (сорта селекции Научно-исследовательского зонального института садоводства Нечерноземной полосы). Л., 1984.
17. Философова Татьяна Петровна // Садоводы—ученые России. С. 390.
18. Дубинин Н. П. История и трагедия советской генетики.
19. Harwood J. 1) Styles of Scientific Thought: the German Genetics Community, 1900—1930. Chicago, 1993; 2) The Reception of Genetic Theory among Academic Plant-Breeders in Germany, 1900—1930 // Sveriges Utseadesföreningens Tidskrift. 1997. H. 4. P. 187—195; Palladino P. 1) Policies for Science and the Economy: Plant Breeding Research in Great Britain, 1920—1970 // Economic History Review. 1996. Vol. 49. P. 116—136; 2) Wizards and Devotees: On the Mendelian Theory of Inheritance and the Professionalization of Agricultural Science in Great Britain and the United States, 1880—1930 // History of Science. 1994. Vol. 32. P. 409—444.
20. Вавилов Н. И. Пути советской селекции // Спорные вопросы генетики и селекции. М., 1937. С. 12—32.
21. Он же. Селекция как наука // Организация сельскохозяйственной науки в СССР. М., 1987.
22. Симонова М. Н. Сорта земляники Московской области: Дис. на соискание ученои степени канд. с.-х. наук. М., 1947.
23. Из беседы с М. Н. Симоновой от 26 сентября 1986 г. Проведена автором по заданию Комиссии по анализу развития генетики в СССР.
24. Лысенко Т. Д. О наследственности и ее изменчивости // Агробиология. М., 1946. С. 328—375.
25. Он же. О положении в биологической науке // Там же. С. 546—581.
26. Joravsky D. The Lysenko Affair. P. 39—40.
27. Симонова М. Н. По методу Мичурина // Агробиология. 1950. № 3. С. 7—14.
28. Она же. Итоги селекционной работы с крыжовником // Мичуринское учение на службе народу. М., 1955. Вып. 2. С. 228—234.
29. Вавилов Н. И. Основные задачи советской селекции растений и пути их осуществления // Теоретические основы селекции. М., 1987. С. 7—27.

30. Философова Т. П. Агробиологическая характеристика новых сортов земляники // Мичуринское учение на службе народу. Вып. 2. С. 238—248.
31. Она же. Селекция земляники в центральных областях РСФСР // Агробиология. 1955. № 4. С. 259—263.
32. Joravsky D. The Lysenko Affair. P. 220.

ЦК КПСС И СОВЕТСКАЯ НАУКА НА РУБЕЖЕ ЭПОХ (1952—1953)

История советской науки является неотъемлемой частью истории всего советского общества. В условиях тоталитарной формы правления, получившей наиболее концентрированное выражение в годы сталинизма, все аспекты жизнедеятельности страны находились под бдительным и неусыпным контролем со стороны чиновников и партийных функционеров из ЦК КПСС. Наука не была в этом смысле исключением; более того, в ряде случаев она оказывалась под особенно мощным прессом политических догм и идеологических установок, господствовавших в тот период.

Документы бывших партийных архивов СССР, долгое время остававшиеся недоступными для исследователей, не позволяли в предшествующие годы в полной мере взглянуть на проблему взаимоотношений науки и власти глазами людей, которые управляли страной, проанализировать принципы формирования «политики партии» в этой области, влияние политических процессов на развитие науки в СССР. Разумеется, настоящая работа не может претендовать на всеобъемлющий анализ данной проблемы — это скорее эскиз темы, созданный при помощи документов Центра хранения современной документации (бывшего архива ЦК КПСС) и касающийся во многом переломного этапа в жизни Советского Союза начала 1950-х гг.

В заявлениях советских лидеров тех лет о том, что развитию науки в стране уделяется огромное внимание, безусловно была

известная доля истины [1]. Правильнее, однако, было бы говорить, что внимание к фундаментальной науке осуществлялось прежде всего посредством партийного контроля и руководства ею, а поддержка и финансирование научных исследований были тесно увязаны с их практической, порой сиюминутной отдачей в народное хозяйство. При этом достаточно громоздкая и бюрократически жесткая система партийного руководства наукой проявляла гораздо большую эффективность скорее в плане контроля, чем управления.

Над Академией наук СССР и ее Президиумом, которые определяли политику в области науки отчасти де-юре, но уж никак не де-факто, существовал Отдел науки ЦК КПСС (до осени 1952 г. — ЦК ВКП(б)), без которого ученые решить сколько-нибудь серьезные вопросы, как правило, не могли. Этот отдел только в конце 1950 г. был выделен из Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, но очень быстро расширился, и уже спустя два года на его месте образовалось сразу три отдела: естественных и технических наук, философских и правовых наук, экономических и исторических наук. Все они, как было принято говорить в те годы, «курировали» (и очень внимательно) соответствующие направления науки.

Вместе с тем отделы ЦК не были конечной инстанцией в решении научных проблем: здесь прорабатывались отдельные вопросы, готовились по ним справки, заключения, докладные записки, после чего вся эта многослойная документация направлялась на заседания Секретариата или Политбюро ЦК КПСС, где и принималось окончательное решение. Бывало и так, что вопрос вообще снимался с повестки дня и отправлялся в архив, либо секретари ЦК, ознакомившись с проблемой в служебном порядке, давали соответствующие распоряжения и указания. Громоздкость системы, ее очевидная забюрократизированность нередко вели к тому, что многие, действительно важные для науки вопросы решались неоперативно, требовали многочисленных согласований, утверждений и т. п.

В зависимости от авторитета и степени влияния конкретного ученого он мог обратиться по волнующей его проблеме и напрямую к одному из руководителей советского государства. В ряде случаев эти обращения играли положительную роль, ибо

способствовали более быстрому решению вопроса, особенно когда на письме ученого появлялись резолюции с требованием помочь или разобраться, начертанные рукой И. В. Сталина, Л. П. Берии, Г. М. Маленкова.

Однако такая система порождала ситуацию, когда высшее партийное руководство страны, к которому нередко апеллировали советские ученые, выступало своеобразным третейским судьей в их научных спорах. Так, в 1949—1953 гг. в журнале «Физическая химия» шло противостояние двух групп ученых, возглавлявшихся, соответственно, академиком А. Н. Фрумкиным и членом-корреспондентом Н. А. Изгарышевым, которые по очереди обращались в ЦК КПСС, обвиняя друг друга в отсталых методах научных исследований, разрыве теории с практикой народного хозяйства и т. п. [2].

В ряде случаев обращавшиеся в ЦК КПСС преследовали цель оградить себя от критики со стороны научных оппонентов. Поддержка, полученная на самом высшем уровне, гарантировала ученым возможность свободно отстаивать свои взгляды даже в тех случаях, когда научная значимость их теоретических разработок была довольно сомнительной. Но такой прием срабатывал не всегда. В 1952 г. в ходе дискуссии, развернувшейся на страницах «Ботанического журнала», был подвергнут серьезной критике академик Т. Д. Лысенко, который сразу же написал по этому поводу жалобу в ЦК КПСС. Однако привыкший к могущественному покровительству академик получил совсем не тот ответ, на который он рассчитывал: на Старой площади посчитали, что в высказываниях его оппонентов нет ничего противоречащего марксизму-ленинизму, и посоветовали ему самому активнее отстаивать свои научные взгляды [3].

Специфические черты эпохи проявлялись и в своеобразии методов выяснения научной истины в ЦК КПСС: при отстаивании советскими учеными перед властными структурами своих научных убеждений ими нередко использовались элементы обыкновенного политического доноса на своих научных противников. Помимо деловой критики, которая имела место в подобных документах, ученые применяли и такую «аргументацию», как перечисление политических ошибок и идейных колебаний в прошлом у своих оппонентов, наличие арестованных или находя-

шихся за границей родственников и др. На этом фоне даже стандартные обвинения в низкопоклонстве перед западной наукой выглядели не столь угрожающе.

Политические процессы, происходившие в Советском Союзе в начале 1950-х гг., не обошли стороной и науку. Борьба с космополитизмом и «дело врачей» способствовали появлению целого ряда постановлений и решений партии, в которых, в частности, фигурировали положения о «засоренности науки кадрами, не заслуживающими политического доверия». Так называемые свободные дискуссии, проведенные в СССР по проблемам философии, экономики, биологии и т. д., нанесли мощный удар по тем, кто был обвинен в приверженности к буржуазным воззрениям [4]. Правда, уже вскоре после смерти Сталина об этих дискуссиях практически перестали вспоминать, а наиболее известной из них — экономической — в новом издании Большой советской энциклопедии было посвящено всего несколько строк.

Смерть Сталина и последующий арест Берии способствовали возникновению новой волны выяснений отношений между учеными путем писем и обращений на Старую площадь, а также очередной структурной перестройке аппарата ЦК КПСС: новое советское руководство вновь объединило в один отдел все ранее созданные отделы ЦК, курировавшие науку, добавив в него еще и подразделения, занимавшиеся культурой. В то же время следует отметить, что жалобы ученых друг на друга, которые продолжали поступать на Старую площадь, стали гораздо реже предметом рассмотрения в высших партийных инстанциях.

Под особо пристальным контролем в начале 1950-х гг. находились, естественно, гуманитарные науки, в которых руководители партии считали себя более компетентными, чем все советские ученые, вместе взятые. Бдительный контроль партийного руководства распространялся на все сферы этой области: будь то разрешение на организацию научных конференций, проведение дискуссий или решение судеб отдельных ученых. На Старой площади брались определять уровень научной подготовки работ известных историков, философов и экономистов, которая в первую очередь определялась соответствием их трудов основным положениям марксистской теории в сталинской интерпретации [5]. Это невольно порождало ситуацию, когда талантливый ученый

котировался ниже, чем его менее одаренный коллега, который, однако, твердо стоял на позициях марксизма-ленинизма.

В более выгодном положении оказывались представители естественных и технических наук, поскольку в ЦК КПСС оценивать их деятельность могли лишь в самом общем виде, исходя в основном из конкретных практических результатов. Поэтому партийный контроль осуществлялся здесь по таким направлениям, как борьба с «низкопоклонством» перед достижениями западных ученых, противодействие истинному или мнимому отрыву науки от «великих строек коммунизма», а также в области строжайшего соблюдения принципа материализма. Явный приоритет прикладных исследований перед теоретическими разработками вызывал, однако, и здесь протест ученых, о чем дважды писал в письмах лидерам советского государства академик П. Л. Капица. Если в первом случае обращение на имя Сталина осталось без ответа, то в 1954 г. письмо Н. С. Хрущеву стало предметом специального обсуждения на Секретариате ЦК КПСС и имело некоторые положительные для науки последствия [6].

Относительное исключение в этом плане составляли исследования, связанные с разработкой новейших видов вооружений: использование в этой области передового заграничного опыта не считалось крамолой в ЦК КПСС, члены которого даже пытались вникать в технические подробности некоторых проектов. В частности, в советском руководстве очень внимательно ознакомились со справкой Института научной информации о преимуществах системы управления американского истребителя Р-86 над советским МИГ-15, которые проявились в ходе Корейской войны, и рекомендовали использовать достижения американцев в советских военных разработках [7]. Соответственно, и проблемы финансирования научных разработок в этой области решались советскими руководителями легче и оперативнее.

С благословения высшего партийного руководства представители естественных наук имели достаточно широкий доступ к иностранной научной литературе, в отличие от своих коллег-гуманитариев, у которых даже в специально созданном в 1952 г. секторе критики современной буржуазной философии Института философии Академии наук СССР подавляющему большинству сотрудников был закрыт доступ к иностранной научной ли-

тературе [8]. Вместе с тем если гуманитарии были ограждены от западных идей «железным занавесом», то работа ученых в области естественных наук была в значительной мере скрыта занавесом государственной тайны, окутывавшей практически все сферы их деятельности. Большинство вопросов, связанных с этой работой, которые обсуждались на Политбюро или Секретариате ЦК КПСС, неизменно получали гриф «ОП», то есть «особая папка», и доступ к подобным документам был ограничен даже для ряда категорий сотрудников аппарата ЦК КПСС.

В то же время, как свидетельствуют документы, широкое распространение различных форм секретности на все направления научной деятельности в СССР объяснялось не только шпиономанией и гипертрофированным страхом перед «враждебным окружением». Бюрократы от науки нередко засекречивали научные исследования или деятельность целых институтов, теоретическая и практическая ценность которых была весьма сомнительной. Когда в 1953 г. ни англичан, ни даже представителей Восточной Германии не пустили на станцию по изучению космических лучей на горе Алагес, это решение, помимо обычных заявлений о секретности, сопровождалось и осторожным комментарием о том, что «результаты, получаемые этой станцией, признаются рядом специалистов спорными» [9].

Тотальное засекречивание деятельности советских ученых в годы сталинизма лишало их возможности общения и обмена опытом с иностранными специалистами. Даже внутри социалистического лагеря сотрудничество ученых «братьских стран» неизменно наталкивалось на многочисленные бюрократические преграды, которые серьезно ограничивали научные связи советских специалистов. При контактах с научным миром капиталистических государств эти проблемы возрастали в геометрической прогрессии, сводя нередко сами контакты к нулю.

Поступавшие в начале 1950-х гг. приглашения советским ученым посетить западные государства, расширить круг общения со специалистами, работавшими в капиталистических странах в различных областях науки, как правило, оставались нереализованными. Разумеется, отказ от контактов исходил не от самих ученых, а от партийных функционеров, контролировавших науку, причем в качестве основной причины запрета использовался

факт участия приглашенных ученых в разработках по «закрытой тематике». Если учесть, что различные грифы секретности были в те годы присвоены в СССР подавляющему большинству научных тем, то найти ученого, в той или иной степени не занятого такими разработками, было действительно крайне нелегко.

Официальная же форма отказа, которую Советский Союз использовал в своих ответах Западу, не отличалась оригинальностью и колебалась в основном между двумя вариантами: либо советский ученый не мог выехать за рубеж, так как в это время был занят в экзаменационной сессии, либо (если нельзя было сослаться на экзамены и студентов) приглашенный якобы находился в это время в отъезде [10]. Впоследствии, правда, сотрудникам ЦК КПСС надоело заниматься подобными отписками, и они переложили работу по составлению ответов на Президиум АН СССР, который, в свою очередь, иногда предоставлял право самим ученым придумывать уважительные причины невозможности своей поездки за границу. Однако в любом случае окончательный текст ответа визировался в ЦК КПСС.

Еще оригинальнее выглядела ситуация, когда ученым из Советского Союза удавалось завязать переписку со своими западными коллегами. При получении письма с той стороны «железного занавеса» советский ученый был обязан ознакомить с его содержанием вышестоящие инстанции и, в случае необходимости, запросить разрешение на ответ. Если разрешение давалось, то ответ также редактировался и рецензировался в этих самых инстанциях и лишь затем отправлялся по назначению. Поскольку вся эта процедура занимала много времени и ответы приходили на Запад со значительным опозданием, советские ученые регулярно были вынуждены оправдываться тем, что письмо пришло к ним именно в тот момент, когда они отсутствовали в Москве. Трудно сказать, какую реакцию — раздражение или усмешку — вызывала на Западе стереотипность таких объяснений.

Одним из тех, кто испытал на себе систему «переписки по-советски», был австрийский профессор Шtreер, который в 1951—1952 гг. вступил в дискуссию по философским вопросам с советским ученым Д. И. Чесноковым. Естественно, что и письма Шtreера, и письма Чеснокова проходили через Отдел науки ЦК КПСС, который благословлял продолжение дискуссии, пока

она не зашла в тупик: по личному распоряжению секретаря ЦК КПСС Поспелова дискуссия была в конце 1952 г. прекращена [11].

Другому советскому ученому, профессору Н. Соколову, Национальный совет искусств, наук и свободных профессий США предложил предоставить свою статью для научного сборника. Статью Соколов подготовил, принципиальных возражений она ни у кого из руководителей партии не вызвала, но тем не менее уже после этого вопрос об участии ученого в американском сборнике утрясался в инстанциях почти два месяца [12]. Следует отметить, что подобная бюрократическая волокита нередко сама по себе являлась непреодолимой преградой: советские ученые подчас не попадали за границу лишь из-за элементарных задержек с оформлением соответствующими организациями их выездных документов к необходимому сроку.

Иногда советским ученым все же удавалось прорваться за «железный занавес», но таких счастливчиков было очень мало. Для положительного решения было необходимо сочетание целого ряда факторов, включая степень открытости темы исследований, безукоризненную идеиную репутацию ученых, политические расчеты советского руководства, личные амбиции Сталина. Например, отказ от участия в I Биохимическом конгрессе в 1949 г. и согласие на участие во II конгрессе в 1952 г., видимо, можно объяснить в значительной степени изменившимися к началу 1950-х гг. взглядами Сталина на политическую ситуацию в Европе, а также местом их проведения: первый состоялся в Англии, явившейся в тот момент одним из главных инициаторов «холодной войны», а второй во Франции. Свою подоплеку имело и разрешение советской делегации участвовать в Конгрессе физико-химического общества во Франции в 1953 г. Советские ученые были обязаны выполнить по совместительству политическое задание советского руководства, встретившись в ходе работы Конгресса с членами кружка французских коммунистов-химиков, которые, как отмечалось в отчете делегации, «проводят большую работу по распространению и разъяснению взглядов советских ученых среди французских химиков» [13].

Политические соображения серьезно ограничивали международные научные контакты и тогда, когда с секретностью не

было проблем. В 1952 г. генеральный секретарь Уругвайского национального совета мира профессор Х. Массера предложил созвать у себя на родине международное совещание математиков с участием советских представителей. Однако, несмотря на то что сам Массера оценивался в Советском Союзе положительно и само совещание вызвало явный интерес в Москве, последовал запрет на участие советских ученых в данном мероприятии. Оказалось, что совещание планировалось провести при финансовой поддержке ЮНЕСКО, с которой Сталин разорвал все отношения после того, как в эту организацию была принята франкистская Испания [14].

Зачастую советским ученым запрещалось участвовать в мероприятиях, проводившихся организациями, во главе которых стояли так называемые реакционные научные деятели, или, говоря проще, ученые, не одобрявшие политику СССР. В соответствии с той своеобразной оценочной шкалой, которая существовала в ЦК КПСС, авторитет заладных ученых измерялся не столько степенью научных заслуг, сколько их лояльностью к советской системе. Характерный для того времени пример: на просьбу ученого совета АН Японии в советскую миссию в Токио о поездке делегации японских ученых в СССР Москва заявила, что данный вопрос может быть решен только после «щательного проведения подготовительных мероприятий», связанных, прежде всего, с выяснением персонального состава делегации и подготовкой в МИДе СССР характеристик на каждого из ее членов [15].

С другой стороны, к западным ученым, которые, по мнению советского руководства, «мыслили прогрессивно», в СССР были настроены вполне дружелюбно. Больше всего в этом плане, пожалуй, повезло Ф. Жолио-Кюри, который, кроме того что был выдающимся ученым, еще и весьма хорошо относился к Советскому Союзу. Не случайно по решению Секретариата ЦК КПСС, принятому в 1953 г., было решено принять Жолио-Кюри на отдых в СССР сроком на два месяца, ознакомить с достижениями советской науки, издать сборник его трудов и даже (!) заплатить за это гонорар. (Напомним, что гонорары иностранным авторам за издание их работ в Советском Союзе платили лишь в исключительных случаях.)

Аналогичным было и отношение к международным научным организациям: академику В. Амбарцумяну разрешили стать почетным членом Королевского Астрономического общества Великобритании не только из-за огромного международного авторитета общества, но главным образом потому, что в Отделе науки ЦК КПСС установили, что это «сугубо академическое учреждение и в своей деятельности ничем отрицательным не проявило себя по отношению к Советскому Союзу и советским ученым» [16].

Нелишне отметить, что любые контакты советских ученых с зарубежными коллегами, а тем более их выезд за границу всегда были головной болью для советских чиновников. Во-первых, необходимо было проверить выезжающих на предмет их абсолютной политической благонадежности и незапятнанной биографии. В годы сталинских репрессий многие специалисты либо сами прошли через систему ГУЛАГа, либо там побывали их близкие родственники. Не удивительно, что, когда академика Л. Д. Ландау пригласили за границу, в ЦК КПСС сначала вспомнили, что он был арестован в 1938 г. за «участие в антисоветской деятельности», а уж потом, что он имеет отношение к разработке секретных программ [17].

Во-вторых, требовалось провести с выезжавшими инструктаж на тему: с кем и о чем можно говорить за границей и как себя вести, чтобы не уронить высокое звание советского ученого. Нередко приходилось вместе с учеными отправлять сопровождающих из КГБ. Наконец, немаловажной была и финансовая проблема: ученым не только не давали денег на покупку за рубежом научной литературы (на что они пытались, правда весьма робко, жаловаться), но даже такой вопрос, как экипировка советских научных делегаций, несколько раз рассматривался на заседаниях Политбюро ЦК КПСС.

В целом если проследить, представители каких отраслей науки в период правления Сталина чаще всего вырывались на Запад, то здесь, безусловно, пальма первенства должна достаться советским астрономам, хотя и перед ними часто «зажигали красный свет». Кроме того, специфику восприятия партийными функционерами научных проблем через призму политики иногда успешно использовал Президиум АН СССР для достижения своих целей.

Например, в ЦК КПСС не стали возражать против назначения советского академика Г. А. Шайна председателем подкомиссии по составлению каталога диффузных туманностей во многом потому, что ученые сумели доказать, что такое решение «будет способствовать увеличению руководящей роли советских астрономов в Международном астрономическом союзе» и даст возможность сосредоточить в их руках материал по диффузным туманностям южного неба, которое недоступно для наблюдения в СССР [18].

В отличие от заметных изменений в отношении СССР к развитию науки в странах социалистического лагеря, произошедших уже в 1953 г., существенных корректировок в политике нового советского руководства на установление более тесных контактов с западными учеными первое время не наблюдалось. Только во втором квартале 1953 г. ЦК КПСС не пустил советских ученых на международные конгрессы по космическим лучам, геологии, молекулярной спектроскопии, электротермии, генетике и др. [19]. Правда, появился новый вариант отказа, который ныне гласил: «в связи с отсутствием подходящих кандидатур для включения в состав советских делегаций». В свою очередь, не встретила понимания и попытка АН СССР пригласить делегацию французских специалистов по переработке нефти, из-за, как указывалось в справке Отдела науки, «невозможности показа им нефтеносных районов СССР» [20].

И все же первые ростки нового начинали постепенно пробивать себе дорогу. В этом плане представляется интересным сравнить два документа по одной проблеме, хронологически разделенные тремя годами.

В 1950 г. на имя тогдашнего президента АН СССР С. И. Вавилова поступило письмо за подписью Президента США Г. Трумэна, который предлагал советским ученым принять участие в подготовительных мероприятиях к предстоящему в 1954 г. празднованию 200-летия со дня образования Колумбийского университета США. В письме подчеркивалось, что данное мероприятие планировалось провести под девизом содействия полной свободе научной мысли и ее выражения, а также права граждан на приобретение знаний и свободное их использование. Краткий ответ, подготовленный советской стороной, который в

последний момент решили вообще не отправлять, состоял из обычного набора политических штампов, характерных для того времени, которые обличали пороки капиталистической системы, «бесстыдным образом попирающей стремление к прогрессу» [21].

В 1953 г. в СССР поступило еще одно письмо с аналогичным предложением теперь уже от директора по проведению юбилея Колумбийского университета Р. Поузлла. Ответ на это письмо, подготовленный академиком А. Н. Несмеяновым, после неоднократных и многочисленных исправлений в ЦК КПСС, был опубликован в журнале «Ньюз» и, несмотря на полемичность, по своему характеру (прежде всего, в плане корректности и аргументированности высказываний) значительно отличался в лучшую сторону от того, что был написан три года назад [22].

Письмо Несмеянова содержит также один небезынтересный для исследователя штрих: при очередной переработке текста академик вычеркнул им же написанную фразу о том, что «свободные дискуссии по вопросам философии, политической экономии, биологии, астрономии, физики и всем другим отраслям знания давно уже стали законом научной жизни в СССР». Очевидно, главный ученый советского государства лучше, чем кто-либо, знал об истинной свободе таких дискуссий в стране победившего социализма. Академику, однако, указали на необходимость восстановления данной фразы в тексте, что, естественно, и было сделано [23].

По мере активизации советской внешней политики в 1954—1955 гг., расширения политического диалога между различными странами рушились и некоторые преграды, отделявшие советских ученых от остального мира. Советские ученые вступили в Международный комитет исторических наук и Международный союз востоковедов, в международные географические, гидрологические и другие ассоциации. Было восстановлено членство СССР в ЮНЕСКО и Международной ассоциации хирургов, которую Советский Союз также покинул в свое время по воле Сталина. В результате настойчивых просьб Президиума АН СССР ЦК КПСС обязал Министерство финансов СССР выделить в 1955 г. дополнительные валютные средства для приглашения в СССР ученых из США, Швеции, Англии.

Разумеется, смерть Сталина не могла внести и не внесла глобальных изменений во взаимоотношения властных структур с наукой. Система партийного контроля и управления в этой сфере если и ослабла, то в очень незначительной степени. Оставалось крайне высоким и стремление к массовому засекречиванию различных направлений научной деятельности. Тем не менее власти приходилось, хотя и медленно, приспосабливаться к новым реалиям, отказываться от наиболее устаревших или одиозных форм отношений с советской наукой. При всей непоследовательности и противоречивости этих изменений, возникновении рецидивов, свойственных сталинскому времени, взаимоотношения науки и власти постепенно начинали приобретать все более конструктивный характер.

1. См., например: Бюллетени XIX съезда ВКП(б), 5—14 октября 1952 г. М., 1952. С. 75—76.

2. Письмо редакции журнала «Физическая химия» секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву о пересмотре состава редколлегии журнала (Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф. 5. Оп. 17. Д. 414. Л. 1—3).

3. Записка Отдела науки ЦК КПСС о письме академика Т. Д. Лысенко о дискуссии по вопросам биологической науки (Там же. Оп. 16. Д. 600. Л. 20—23).

4. Как заявил на XIX съезде ВКП(б) Г. М. Маленков, используя характерную для тех времен фразеологию, благодаря этим диспутам были «разоблачены и разбиты различные проявления буржуазной идеологии и всякого рода вульгаризаторские извращения», «разгромлен аракчеевский режим, существовавший на многих участках научного фронта» // Бюллетени XIX съезда... С. 98.

5. Записка Отдела науки ЦК КПСС о научной сессии Института истории АН СССР (ЦХСД. Ф. 5. Оп. 17. Д. 425. Л. 112—113).

6. Справка Отдела науки ЦК КПСС о постановлении Президиума АН СССР «О мерах помощи академику П. Л. Капице в проводимых им работах» (Там же. Д. 412. Л. 109).

7. Справка Института научной информации АН СССР «О малогабаритных электронных вычислительных устройствах и их применении для целей управления» (Там же. Л. 79).

8. Записка Отдела науки ЦК КПСС о предоставлении сотрудникам сектора критики современной зарубежной буржуазной философии возможности пользоваться секретными материалами ТАСС (Там же. Д. 424. Л. 167).

9. Справка Отдела науки ЦК КПСС о визите в СССР президента АН ГДР В. Фридриха (Там же. Д. 412. Л. 120).

10. Такие странные объяснения, направлявшиеся западным ученым, регулярно можно встретить в документах ЦХСД (см., например: Письмо АН СССР Оргко-

митету Международной конференции по ядерной физике в Бирмингеме об отказе советских ученых принять в ней участие (Там же. Л. 63—69).

11. Записка Отдела науки ЦК КПСС о нецелесообразности продолжения философской дискуссии между профессором Д. И. Чесноковым и австрийским философом Штрессером (Там же. Д. 424. Л. 136).

12. Справка АН СССР в ЦК КПСС о предложении Национального Совета искусств, наук и свободных профессий США профессору Н. Соколову предоставить статью для сборника, подготовленного Национальным Советом (Там же. Д. 414. Л. 118—124).

13. Отчет делегации АН СССР о поездке в Париж на годичное заседание французского физико-химического общества (Там же. Л. 38—49).

14. Письмо генерального секретаря Уругвайского национального совета мира Х. Массера о созыве Международного совещания математиков и записка Отдела науки ЦК КПСС о нецелесообразности проведения совещания (Там же. Д. 412. Л. 53—56, 58).

15. Справка Президиума АН СССР об установлении научных контактов между СССР и Японией и записка Отдела науки ЦК КПСС о приглашении японских ученых в СССР (Там же. Д. 411. Л. 162—164).

16. Информация Отдела науки ЦК КПСС об избрании В. А. Амбарцумяна почетным членом Королевского астрономического общества (Англия) (Там же. Д. 413. Л. 16).

17. Справка Отделов ЦК КПСС о нецелесообразности направления академику Л. Д. Ландау в Японию (Там же. Д. 412. Л. 38).

18. Записка Отдела науки ЦК КПСС о предложении советскому астроному Г. А. Шайну возглавить подкомиссию Международного астрономического союза (Там же. Д. 413. Л. 19).

19. Записка АН СССР секретарю ЦК КПСС М. Суслову об отказе советских ученых от участия в ряде международных научных конгрессов (Там же. Д. 411. Л. 65—66); фразы об «отсутствии подходящих кандидатур» для выезда за границу можно встретить и в информации АН СССР о делегациях, намечающихся для зарубежных поездок в середине 1953 г. (Там же. Оп. 28. Д. 104. Л. 43).

20. Там же. Л. 40.

21. Справка АН СССР в ЦК КПСС о предложениях, поступивших советским ученым от организаторов празднования 200-летия Колумбийского университета в США (Там же. Оп. 17. Д. 411. Л. 118—159).

22. Там же. Л. 169—172.

23. Там же.

ВЛИЯНИЕ СССР НА РАЗВИТИЕ НАУКИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ В 1952—1953 гг.

Политика Советского Союза во второй половине XX в. в отношении стран, входивших в социалистический лагерь, является темой многочисленных научных исследований. Вместе с тем отсутствие доступа к историческим документам и архивным материалам не позволяло в прежние годы достаточно полно и объективно осветить все аспекты этой проблемы, в том числе вопрос о влиянии СССР на развитие науки в странах советского блока. Начало 1950-х гг., на наш взгляд, наиболее рельефно отражает многие процессы, происходившие в послевоенные годы в этой области, а документы из фондов Центра хранения современной документации (бывшего архива ЦК КПСС на Старой площади) позволяют по-новому взглянуть на многие события недавнего прошлого, дать им более адекватную оценку.

Оформившийся к концу 1940-х гг. послевоенный раскол Европы, постоянно чреватая возможными военными конфликтами «холодная война», идеологическое и социально-экономическое противостояние двух общественно-политических систем — все это вынуждало Сталина максимально обособить страны Восточной Европы от остального мира, сделав политическое пространство за «железным занавесом» единой самодостаточной системой, опирающейся исключительно на собственные силы. Внутри социалистического блока функционировал жесткий централизованный механизм, распределяющий ресурсы и

контролирующий все сферы жизнедеятельности входивших в него государств, включая, естественно, и науку.

Контроль за развитием науки в странах, находящихся в сфере влияния Советского Союза, осуществлялся в эти годы различными путями. Так, в Восточной Германии вся тематика научно-исследовательской работы Академии наук ГДР через отдел информации СКК (Советской Контрольной Комиссии) в Германии регулярно передавалась в ЦК КПСС и далее в АН СССР. Затем, с заключениями последней, научная документация тем же сложным путем возвращалась обратно [1]. В 1953 г. эта многоступенчатая система контроля была, правда, несколько упрощена: ЦК КПСС «милостиво» разрешил направлять подобные материалы для оценки и замечаний непосредственно в советскую Академию наук, минуя Старую площадь [2].

Другим каналом контроля были поездки советских специалистов, проводивших своеобразную инспекцию положения в различных отраслях науки стран социалистического лагеря. Отчеты о таких командировках с соответствующими рекомендациями и указанием на имеющиеся недостатки также попадали на столы партийных функционеров в Москве и могли иметь самые различные последствия. В условиях специфического восприятия коммунистическими лидерами окружающего мира порой было трудно определить, какие из замечаний являются более существенными: претензии к польским математикам, которые занимаются «довольно абстрактными вопросами» и «недостаточно поддерживают связь с промышленностью» [3], или упоминание о том, что слабое развитие в Венгрии квантовой механики в значительной степени объясняется «плохим знакомством с философией марксизма-ленинизма» [4].

Подобная «опека» и отсутствие возможности принимать самостоятельные решения иногда вызывали ответную, хотя и весьма робкую, реакцию. Своеобразным свидетельством такой реакции является письмо президента АН ГДР В. Фридриха, направленное им новому советскому руководству уже в апреле 1953 г. Наряду с традиционными заверениями в верности социалистическим идеалам и выражениями благодарности СССР за поддержку немецкой науки, академик писал также о том, что развитие восточно-германской науки уже «достиgło того момента, когда для даль-

нейшего развертывания работы нашей Академии стали необходимы действенные мероприятия» [5].

Важным моментом в развитии науки за «железным занавесом» в эти годы являлась выборочная поддержка Советским Союзом отдельных направлений науки в социалистических странах. Мобилизация всех сил социализма для подготовки к новой мировой войне, которую Сталин считал вполне возможной в ближайшие годы, предполагала определенную систему не только в сфере распределения экономических и природных ресурсов, но и своеобразное «разделение труда» между странами народной демократии в области научных исследований.

Разумеется, было бы неверно представлять дело таким образом, что из Москвы шли директивные указания о конкретной научной специализации каждого социалистического государства. Вряд ли можно будет отыскать какие-либо факты по данному вопросу и в архивных документах: советские лидеры сталинской эпохи предпочитали принимать решения, не нуждавшиеся в широкой огласке, как правило, без излишнего бумаготворчества. Тем не менее, анализируя имеющиеся архивные материалы, представляется возможным сделать вывод о безусловном наличии упомянутой выше тенденции.

Если проследить контакты, осуществлявшиеся советскими учеными со своими коллегами из социалистических стран в начале 1950-х гг. (совместные научные конференции, командировки ученых, стажировки, обмен опытом и т. д.), то становятся заметными, по крайней мере, две специфические особенности, свойственные данному процессу. Первая заключается в том, что СССР в равной степени был готов сотрудничать со всеми союзниками в таких отраслях науки, как медицина и сельское хозяйство. Причем в последней области советские специалисты, прежде всего, стремились распространить передовой опыт агрономики в СССР, подвергая атакам любые «ложенаучные» западные теории и не всегда заботясь о приемлемости советского опыта для других стран.

Вторая, не столь ярко выраженная, закономерность была связана с наличием той самой своеобразной специализации, о которой говорилось выше. Беглый взгляд на всю ту информацию, которая поступала в ЦК КПСС, позволяет говорить о том, что в

сотрудничество с венгерскими учеными преобладали такие отрасли науки, как химия и биология, с румынскими — ихтиология и гидробиология, с чехословакскими — металловедение, с польскими — разведка, добыча и переработка угля [6]. Что же касается ГДР, то здесь явно преобладала сельскохозяйственная тематика, лесоводство и почвоведение. Следует отметить, что данная проблема требует, конечно, тщательного отдельного исследования, которое станет возможным, когда все документы этого периода, находящиеся в российских архивах, будут рассекречены.

Руководствуясь испытанным на практике принципом «divide et impera», Сталин не только стремился создать единую систему научных исследований в зоне советского влияния, отдельные части которой находились бы под контролем Москвы и не могли бы функционировать друг без друга. Немаловажным был и тот факт, что советская сторона явно не желала способствовать развитию в странах социалистического лагеря исследований в области разработки современных научных технологий, новейших видов вооружений, а также не торопилась с передачей технической документации собственных научных достижений. «Братская дружба» социалистических государств в сталинскую эпоху отнюдь не гарантировала ученым-союзникам хотя бы относительное знакомство с многими темами научных исследований в СССР.

Примеров подобной, порой совершенно необъяснимой, закрытости советской науки от своих «друзей» из социалистических государств можно привести огромное количество. В течение 1952—1953 гг. на Политбюро ЦК КПСС неоднократно рассматривался вопрос о предоставлении правительству ГДР чертежей и спецификации современных сельскохозяйственных машин советской конструкции, однако каждый раз его решение откладывалось с формулировками о необходимости дополнительной проработки. Не повезло и румынским специалистам, прибывшим в декабре 1952 г. в Советский Союз для консультаций по строительству канала Дунай—Черное море. После долгих проволочек и откладываний Москва была вынуждена принять румынских ученых, но при этом дала строгое указание их советским коллегам не давать румынским представителям каких-либо советов до рассмотрения этого вопроса в ЦК КПСС.

В феврале 1953 г. ЦК КПСС наложил вето на просьбу АН СССР провести в Москве совещание Комиссии по переменным звездам, в котором предполагалось участие только ученых из социалистических стран. Мотивировка запрета сводилась к тому, что в Кремле посчитали проведение такого совещания почему-то «преждевременным» [7]. Надо ли говорить о том, что в этих условиях ученым из социалистического лагеря не было доступа в различные закрытые советские научно-исследовательские институты и лаборатории.

Иногда, однако, принципы политической целесообразности или сугубо субъективные факторы, имевшие в первооснове личное мнение Сталина, приоткрывали все же завесу советской научной секретности. В начале 1953 г. по просьбе венгерского лидера Ракоши Советский Союз не только предоставил секретную документацию установок фильтровентиляции и регенерации воздуха для метрополитена в Будапеште, но и передал документацию на те установки, которые еще только должны были испытываться на опытном участке московского метрополитена. Однако подобные precedents выглядели явным исключением из общего правила.

Пожалуй, только ученые великого восточного соседа СССР — Китайской Народной Республики пользовались в Советском Союзе принципом наибольшего благоприятствования. Китаянкам были открыты многие из тех дверей, которые находились «за семью печатями» для их европейских коллег. По личному разрешению Л. П. Берии китайские ученые посещали ряд закрытых советских научных институтов [8], а китайские студенты (единственные из иностранцев) принимались на учебу по таким специальностям, как танкостроение и реактивные двигатели [9].

Количество советских и китайских ученых, выезжавших друг к другу по обмену опытом, значительно превосходило аналогичные контакты советской науки со странами Восточной Европы. В 1953 г. в Советском Союзе находилась в течение двух месяцев делегация китайских ученых, состоявшая более чем из 40 человек. Советским ученым пришлось проделать колossalную работу, так как научные интересы китайцев были очень велики, а судя по полученным инструкциям из ЦК КПСС, им практически ни в чем не должно было быть отказа [10]. В отличие от многих научных

делегаций, приезжавших в СССР из стран народной демократии за собственный счет, все расходы по пребыванию делегации из Китая были возложены на АН СССР [11].

Такое положение во многом объяснялось той ролью, которую отводили в СССР Китайской Народной Республике в годы «холодной войны», рассчитывая превратить «красный Китай» в могучий форпост коммунизма на Дальнем Востоке. Не случайно, что в эти годы советские ученые и специалисты особенно содействовали созданию и развитию в КНР собственного военно-промышленного комплекса, а доля научных разработок в военной области доминировала в общем списке предоставляемых Советским Союзом технологий. Не последнюю роль в известной открытости советской науки для китайцев играл и факт серьезного отставания китайской науки в ряде областей, которая из-за продолжавшейся многие годы гражданской войны в Китае не имела возможности нормально развиваться. Сложившаяся ситуация в определенной степени устраивала и китайцев, мечтавших о возрождении великого Китая и видевших наиболее быстрый и эффективный способ решения этой проблемы на путях овладения страной в кратчайшие сроки новейшими, прежде всего военными, технологиями.

Возвращаясь к вопросу о нежелании советского руководства делиться со своими союзниками большинством научно-технических разработок и достижений, можно выделить, как минимум, две основных причины, во многом предопределявших подобный подход. Первая состояла в том, что СССР пытался в любом случае сохранить за собой приоритет не только лидера международного коммунистического движения, но и ведущей во всех отношениях державы внутри возникшего после войны социалистического лагеря. Превосходство в научном плане должно было также символизировать это лидерство.

Вторая во многом предопределялась специфическими чертами сталинизма: подавляющее большинство ученых стран Восточной Европы являлось представителями буржуазной интелигенции, которые в глазах Сталина не могли заслуживать серьезного доверия. Это недоверие к «буржуазным специалистам», засевшее в памяти советских руководителей еще с 1920—1930-х гг., экстраполировалось на современную ситуацию в Европе.

В многочисленной информации, поступавшей в ЦК КПСС на крупнейших ученых стран Восточной Европы, неизменно указывались не только достижения в области профессиональной деятельности, но и их политические убеждения, членство в различных партиях и организациях, деятельность в предшествующие годы и, наконец, степень лояльности к Советскому Союзу и его политике. При посещении СССР в 1953 г. делегацией АН ГДР в Москве неоднократно отмечалось, что из 11 представителей делегации только четверо являются членами СЕПГ [12]. Аналогичная ситуация была и в других странах социалистического лагеря, а китайские коммунисты даже жаловались, что им никак не удается избрать научного секретаря своей Академии наук, так как в Академии нет человека, который имел бы высокую научную подготовку, соответствующую научную степень и был бы при этом коммунистом [13].

Особое беспокойство у советских руководителей вызывал тот факт, что многие серьезные ученые из социалистических стран в течение длительного времени работали в Англии, Франции и других странах Запада. Опасение здесь вызывала даже не столько возможная подверженность этих ученых влиянию буржуазной идеологии, сколько угроза утечки через них секретной научной информации. В условиях ожесточенного противоборства двух политических систем и успешного использования самим СССР научной информации, добытой на Западе «оперативным путем», такие опасения были в определенной степени обоснованными.

Огражденные от серьезных научных контактов с западными исследовательскими центрами советские ученые, таким образом, лишь в очень незначительной степени могли компенсировать этот пробел сотрудничеством в восточноевропейском регионе. Научные связи в рамках советского блока оставались несистематическими и при этом жестко регулировались ЦК КПСС как с точки зрения предварительного контроля за тематикой выступлений и научных докладов советских специалистов, выезжавших в «братские страны», так и в связи с требованием партийного руководства о «щадительном подборе кандидатур для направления в зарубежные командировки», исходя из идеологической и политической благонадежности отправляемых.

Ситуация временами доходила до абсурда: доклады советских ученых, выезжавших на конференцию в ГДР по «карантину и защите сельскохозяйственных растений», должны были быть предварительно просмотрены и одобрены целым рядом ведомств, включая Министерство иностранных дел СССР (?). Любой советский специалист, даже несмотря на приглашения, подписанные руководителями стран народной демократии, мог в любой момент стать «невыездным». Иногда в документах ЦК КПСС указывалась причина такого решения (невыдержаные в идеологическом плане высказывания, наличие родственников в тюрьме или за границей и т. п.), но часто этот вопрос вообще никак не комментировался или сопровождался универсальной фразой, постоянно встречавшейся в документах: «считать нецелесообразным...» [14].

Ненамного лучше обстояло дело и с посещением СССР учеными из социалистических стран. Этому предшествовала достаточно сложная процедура согласования, в которую были вовлечены не только научные институты и академии наук, но и руководство как Советского Союза, так и тех стран, откуда приезжали ученые. К тому же Москва особо не жаждала принимать подобные делегации, время от времени давая понять об этом «друзьям», которые в этих случаях либо смиренно снимали вопрос с повестки дня, либо пытались воздействовать на Москву, заручившись ходатайством советских представительств в своих странах. Образцом настойчивости в этом плане можно по праву считать ученых из КНДР, которые больше года всеми возможными способами пробивали поездку своих ученых в Советский Союз [15].

Необходимо отметить и тот факт, что значительная часть подобных визитов носила скорее представительский, чем научный характер, когда иностранных специалистов приглашали на юбилейные мероприятия или знакомили не столько с работой и достижениями советских ученых, сколько с достопримечательностями Москвы и других городов СССР.

Влияние Советского Союза на развитие науки в социалистических странах было особенно заметно в области гуманитарных дисциплин. Естественные для научной среды дискуссии и споры здесь вполне могли быть расценены как отступление от «основ-

ных принципов марксизма-ленинизма» с соответствующими мало приятными последствиями для тех, кто мог быть заподозрен в таких отступлениях.

В то же время эффективность советского воздействия на развитие науки в странах Восточной Европы в значительной мере усиливалась политикой партийных лидеров этих стран. Пытаясь выглядеть «большими коммунистами, чем сам Сталин», местная партноменклатура искусственно ориентировала своих ученых только на советскую науку, заставляя бездумно копировать ее опыт и принимая любое слово из Москвы за истину в последней инстанции.

Так, после обсуждения в 1940-х гг. в Советском Союзе книги Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» руководители СЕПГ поспешили выступить с оценкой классической немецкой философии как преимущественно реакционного для своего времени течения. В результате курсы лекций в вузах ГДР по немецкой классической философии были значительно урезаны, 225-летие со дня рождения И. Канта в 1949 г. и 120-летие со дня смерти Гегеля в 1951 г. практически не отмечались, а любое несогласие с отрицательной оценкой Г.-В.-Ф. Гегеля, И.-Г. Фихте и Канта стало рассматриваться как свидетельство... «кантизовых тенденций» [16].

Совершенно нелепой (разумеется, с позиций сегодняшнего дня) выглядела и программа общего собрания АН Венгрии, состоявшегося уже после смерти Сталина в мае 1953 г. В программе собрания указывалось, что его центральным пунктом «являются доклады, обсуждающие новый гениальный труд товарища Сталина и материалы XIX съезда КПСС с точки зрения различных отраслей науки в применении к венгерским условиям» [17]. Не удивительно, что почти четверть докладов, в том числе по дисциплинам, достаточно удаленным от упомянутых выше эпохальных документов, была тем не менее посвящена их влиянию на венгерскую науку.

В этом же ряду стояла обычная для тех лет практика присвоения имен советских ученых научным центрам и институтам в Восточной Европе, инициаторами которой выступали, как правило, местные партийные лидеры [18]. Особая щепетильность проявлялась в оперативном информировании Москвы о приглашении

ученых из социалистических стран для участия в научных мероприятиях, проводившихся на Западе. Такие формулировки, как «просим сообщить о целесообразности нашего участия», наглядно демонстрировали зависимость восточноевропейской политической элиты от политики Москвы, ее стремление застраховать себя от возможных впоследствии обвинений в нелояльном отношении к Советскому Союзу. В ряде случаев, когда приглашения с Запада поступали одновременно в несколько академий наук различных социалистических государств (как было, например, в случае с письмом Колумбийского университета США в 1953 г.), наблюдался даже своеобразный элемент состязательности в скорости передачи соответствующей информации в ЦК КПСС [19].

Не удивительно, что в такой обстановке политические процессы, происходившие в СССР в последние годы жизни Сталина, оказывали самое непосредственное влияние не только на советскую науку. В Румынии, Венгрии и других странах социалистического лагеря в начале 1950-х гг. были организованы мощные атаки на местных сторонников «реакционной и антинаучной теории Вейсмана—Моргана» [20]. Вслед за СССР в восточноевропейской науке развернулась борьба с «бездонным космополитизмом». С определенной долей уверенности можно предположить, что если бы события начала 1953 г. развивались в Советском Союзе и дальше по сценарию, начертанному Сталиным, то не исключено, что в странах социалистического лагеря в скором времени под огонь критики попали бы представители медицинских наук.

Смерть Сталина способствовала активизации научных связей в социалистическом мире. Несмотря на известную инерцию и сохранение некоторых стереотипов, присущих сталинскому периоду, влияние Советского Союза на формирование политики стран народной демократии в области науки принимало все более конструктивный характер, утрачивая черты директивности.

Значительно активизировались контакты советских ученых с коллегами из стран социализма. В ЦК КПСС с пониманием отнеслись к предложениям советских специалистов о большем обмене научными делегациями, об организации регулярных командировок молодых специалистов [21]. При этом, если и наблюдался присущий прежним годам элемент инспекционности (например,

информация советских ученых, посетивших Польшу, о том, что польские востоковеды культивируют «чистое востоковедение и буржуазный объектivism» [22]), то, во-первых, эти отзывы все равно были более благожелательными, проникнутыми стремлением помочь, а главное — они уже не в такой степени несли угрозу для «инспектируемых».

Демонстрируя новый подход к межгосударственным и межпартийным отношениям со странами Восточной Европы, Хрущев провозгласил принцип расширения сотрудничества на равноправных основах, в том числе и в области науки. В августе 1953 г. в совместном постановлении Совета Министров и Президиума ЦК КПСС «Об улучшении работы по научно-техническому сотрудничеству между СССР и народно-демократическими странами» были намечены конкретные меры по расширению сотрудничества ученых стран социализма. В постановлении впервые на официальном уровне признавалась необходимость внимательного изучения советскими специалистами передового опыта их коллег из социалистических государств, активного использования научно-технической документации, поступающей оттуда в Советский Союз. О придании новым советским руководством особого значения вопросу всестороннего сотрудничества ученых разных стран свидетельствовал и факт появления в 1955 г. в структуре аппарата ЦК КПСС вновь созданного специального сектора, курировавшего международные научные связи [23].

1. Информация СКК в Германии о направлении тематики научных исследований АН ГДР в Советский Союз (Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф. 5. Оп. 22. Д. 55. Л. 12).

2. Справка АН СССР в ЦК КПСС с замечаниями к плану работы АН ГДР на 1953 г. (Там же. Л. 38).

3. Отчет доктора физико-математических наук Ю. Работнова о командировке в Польшу для участия в научной конференции (Там же. Оп. 17. Д. 241. Л. 289, 292).

4. Отчет делегации советских ученых в ЦК КПСС о поездке в Венгрию (Там же. Л. 246).

5. Отчет о пребывании в СССР делегации АН ГДР (Там же. Л. 306).

6. Общую картину можно сложить из очень многих документов, поэтому в качестве примера назовем лишь некоторые: Справка о выезде советских ученых в Венгрию, ГДР, Польшу, Чехословакию и о приезде в СССР ученых из Венгрии и

КНР в IV квартале 1952 г. (ЦХСД. Оп. 22. Д. 973. Л. 15—18); Информация Президиума АН СССР в ЦК КПСС о контактах с учеными социалистических стран в I квартале 1953 г. (Там же. Оп. 28. Д. 104. Л. 20—21) и др.

7. Справка Отдела науки ЦК КПСС о нецелесообразности проведения совещания Комиссии по переменным звездам в марте 1953 г. в СССР (Там же. Оп. 22. Д. 973. Л. 48).

8. Записка Отдела науки ЦК КПСС о плане работы с делегацией ученых КНР, прибывших в Советский Союз (Там же. Л. 96); Записка МИД СССР в ЦК КПСС об удовлетворении просьбы правительства КНР о принятии на учебу в советские вузы на «закрытые специальности» группы китайских студентов (Там же. Оп. 25. Д. 530. Л. 51).

9. Там же.

10. Справедливости ради следует упомянуть, что представителям «братьского Китая» тоже давали далеко не все из того, что они хотели получить или увидеть, объясняя это мерами государственной безопасности (см., например: Записка Отдела науки ЦК КПСС секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову о возможности передачи китайским ученым коллекции минералов (Там же. Оп. 17. Д. 411. Л. 35)).

11. Запись беседы руководства АН СССР с партийным организатором делегации АН КНР (Там же. Оп. 28. Д. 104. Л. 25).

12. Отчет о пребывании в СССР делегации АН ГДР (Там же. Оп. 17. Д. 411. Л. 298).

13. Запись беседы руководства АН СССР с партийным организатором делегации АН КНР (Там же. Оп. 28. Д. 104. Л. 27).

14. Очевидно, какая-то логика в таких решениях была, однако отсутствие аргументации в большинстве подобных резолюций вынуждает современных исследователей каждый раз гадать: было ли решение обоснованным стремлением к сохранению государственной тайны, перестраховкой отдельных чиновников или элементарным волонтеризмом партийных бюрократов от науки.

15. Справка посольства СССР в КНДР о возможном приглашении ученых Северной Кореи в СССР (ЦХСД. Ф. 5. Оп. 17. Д. 411. Л. 353—355).

16. Справка «О положении в философии в ГДР», подготовленная членом СЕПГ В. Харихом (Там же. Оп. 28. Д. 55. Л. 77).

17. Записка Президиума АН СССР в ЦК КПСС об участии советских ученых в общем собрании АН Венгрии (Там же. Д. 104. Л. 33).

18. См., например: Записка АН СССР в ЦК КПСС о просьбе представителей Чехословакии о присвоении НИИ в г. Угржнивес имени члена-корреспондента АН СССР Г. Акимова (Там же. Оп. 17. Д. 414. Л. 17—18).

19. Записка МИД СССР в ЦК КПСС о нотах, полученных из Болгарии и Чехословакии по вопросу приглашения представителей этих стран на празднование 200-летия Колумбийского университета (США) (Там же. Д. 411. Л. 169—172).

20. Справка посольства СССР в Румынии о статье в румынской газете «Скынтья» (Там же. Оп. 22. Д. 986. Л. 80).

21. Отчет группы советских академиков о поездке в Польшу (Там же. Оп. 17. Д. 411. Л. 257).

22. Отчет советского ученого А. Губера о командаировке в Польшу для участия в съезде востоковедов (Там же. Л. 270).

23. Осенью 1955 г. в ходе структурного преобразования Отдела ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями в нем впервые появился сектор международных научных связей, что ранее, в условиях существовавшего «железного занавеса» сталинской эпохи, даже трудно было себе представить.

ОХРАНА ПРИРОДЫ И ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: СОВЕТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Введение

Подобно многим другим областям науки и культуры, охрана природы в период холодной войны была одновременно как возможностью для поддержания международных научных контактов и сотрудничества, так и ареной соперничества. Однако, в отличие от космических исследований или других областей физики и химии, охрана природы была особенно привлекательной сферой для независимой научной политики и дипломатии, так как казалось, что она мало связана с оборонными проблемами. В Советском Союзе, как и в других странах, проблема защиты окружающей среды была заботой не только государства; научные общества и институты использовали международный характер этого движения как средство укрепления связей с зарубежной наукой и давления на советское правительство с целью получения поддержки мероприятий по защите окружающей среды внутри страны. Этот тезис подтверждают многие примеры.

Научная дипломатия в области охраны природы

Холодная война поставила под угрозу и так уже ослабленные к тому времени связи советских ученых с иностранными коллегами. Например, контакты между Всероссийским обществом охра-

ны природы (ВООП) и поляками поддерживались с 1930 г., когда Центр естественных наук города Лодзь опубликовал информацию о советских мерах по защите окружающей среды в своем «*Czasopismo Przyrodnicze*». Из-за Второй мировой войны все связи были прерваны на несколько лет. С окончанием войны, однако, польское общество стало постепенно возрождаться.

В июне 1950 г. Польская лига охраны природы попыталась снова получить сведения о ВООПе. Ее президент Е. М. Потга стремился прежде всего изучить характер организации общества, отношения с российскими краеведческими и естественнонаучными обществами, а также с профсоюзами. Поляки хотели также знать, изучались ли проблемы охраны природы в средней школе и институтах, и просили прислать имеющуюся литературу [1].

ВООП не напрямую получил письмо Потга, оно было передано В. Н. Макарову, тогдашнему президенту общества, из Восточноевропейского отделения Всероссийского Общества культурных связей (ВОКС), которое в те годы контролировало все культурные связи с иностранцами [2]. Сохраняя личную отстраненность, как это требовалось в те годы, Макаров любезно подготовил для поляков посылку с последними номерами журнала ВООПа, уставом общества и другими материалами, но отоспал ее через ВОКС, не отвечая лично. Обстановка всеобщей подозрительности была такова, что даже при контактах с аналогичной организацией союзников необходимо было держаться на почтительном расстоянии. Само собой разумеется, что контакты с прироoodоохранными организациями нейтральных стран, а тем более стран, входящих в западный блок, были еще более опасны и сопряжены со многими сложностями. Это наглядно демонстрируют попытки активистов из Австрийского общества охраны природы установить контакты с русскими коллегами.

23 января 1951 г. из ВОКСА прибыл другой пакет на имя Макарова. Вместе с некоторыми журналами на немецком языке в нем был перевод письма из Общества австро-советской дружбы, датированного 11 декабря 1950 г. Это письмо, адресованное в ВОКС, было инициировано письмом от Австрийского природоохранного движения, которое, очевидно, было послано в венский офис Общества австро-советской дружбы. Оно начиналось сле-

дующим образом: «В Австрии существует сравнительно большое популярное движение внепартийного характера, особо распространённое среди школьников и поощряемое значительной частью учительства — так называемое „Австрийское движение охраны животных“. Они передали нам 4 экземпляра своего журнала „Tierpost“ для пересылки Вам и выразили желание получить для публикации в этом журнале информационные статьи... об охране животных в Советском Союзе. Мы полагаем, что сходного по своему характеру движения охраны животных в СССР не существует; однако Ваш представитель указывает на такую организацию, как „Друзья птиц“ и другие, охватывающие преимущественно школьную молодежь. По согласованию с ними просим Вас, как только будет возможность, прислать нам фотографии... и другой материал. ...Это имело бы большое значение хотя бы потому, что английская и американская пропаганда именно в австрийских школах особенно усердно и ловко внедряет такие невинные и не внушающие подозрения формы, как сведения об охране животных в своих странах и т. д.»

В связи с этим секретарь Общества австро-советской дружбы доктор Отто Лангбайн писал, что было желательно получать аналогичные сведения о Советском Союзе, что являлось бы желательным противовесом к лживой пропаганде капиталистических стран [3].

Представитель ВОКСа Л. Кислова выразила пожелание, чтобы Макаров послал запрашиваемые материалы, и предупредила, что их следует передать через ВОКС, и они не должны «вызывать какие-либо возражения» [4].

В отличие от случая с ответом полякам, когда ВООП через ВОКС обеспечило (и продолжало обеспечивать) [5] своих польских партнеров информацией и материалами, избегая при этом политически рискованных попыток прямых контактов в последнем случае, в данном случае ВООП не отреагировало на требования ВОКСа внести вклад в пропаганду холодной войны в Австрии. Это бездействие (или уклонение от сотрудничества) не прошло незамеченным. В письме к Макарову от 30 июня 1951 г. руководитель Центрально-европейского отдела ВОКС напомнил Макарову, что прошло уже шесть месяцев со времени их первого требования [6].

В октябре 1951 г. лидеры ВООП продемонстрировали совершенно другую реакцию на письмо из Общества австро-советской дружбы, предлагавшее им совсем иного рода контакты. Через ВОКС Общество охраны природы получило письмо от ботаника Гельмута Хеймса, который также входил в правление Общества австро-советской дружбы. Активно действуя во вновь созданном Международном союзе охраны природы, Хеймс хотел привлечь в него советских представителей и даже намекал, что существует намерение избрать советского представителя вице-президентом этой международной организации [7]. ВООП, как оказалось, уже посыпало заявление на вступление в июле 1948 г., но отсутствие разрешения от партийных органов притормозило их действия в этом направлении. Теперь лидеры ВООП надеялись, что им удастся использовать холодную войну с пользой для себя. В конце концов, разве новые инициативы не исходили от лидера Общества австро-советской дружбы [8]?

Поставленные в затруднительное положение ненадежной международной обстановкой и требованиями проводить все контакты с иностранными учеными и организациями через ВОКС, руководители ВООП тем не менее умело проводили стратегическую линию на сохранение международных контактов, оставаясь в то же время в стороне от кампаний холодной войны, призванных устрашать Запад. Охрану природы они старались представить как стоявшую над классовой борьбой и враждой военно-политических блоков. Это было еще одним подтверждением веры советских ученых в то, что интернациональный характер мировой науки несет в себе моральные ценности, находящиеся за пределами повседневной политики [9].

Советские ученые неоднократно использовали неблагоприятные сравнения между состоянием дел по охране природы в СССР и за рубежом как способ давления на режим с целью улучшить его достижения в этой области. Знаменитый зоолог А. Н. Формозов выступил на Всероссийской конференции, преследовавшей цель восстановить заповедники или природные заказники, которые были почти полностью уничтожены в 1951 г. по декрету Сталина. Он напомнил о чувстве стыда, пробужденном докладом зоолога Андрея Александровича Насимовича на объединенном заседании Московского общества испытателей природы и

Географического общества, где он обрисовал состояние дел с охраной природы и охраняемыми территориями за рубежом. Советский Союз среди всех крупных стран был на последнем месте по площадям заповедников, взятым в процентном отношении к общей территории, отставая от высоких показателей «капиталистических» стран даже после войны. Подкрепляя эту оценку, Формозов описал свое собственное унижение на предыдущем Международном географическом конгрессе в Рио-де-Жанейро, на котором присутствовали представители семнадцати других стран, главным образом капиталистических. В разговорах «в кулуарах» Формозов со своими иностранными коллегами обсуждал многие вопросы защиты природы, он говорил о конференции по заповедникам. «Я должен сознаться с полной откровенностью, что мне было больно и чрезвычайно обидно за нашу страну, — признавал Формозов, — так как мне стыдно было говорить о том, в каком положении находится заповедное дело в нашей стране. Я старался об этом не говорить. Они все время стремились расспросить меня, как обстоит дело с заповедниками у нас. Я должен был вертеться как уж на вертеле, чтобы не отвечать на этот вопрос... Поэтому вы понимаете, что мне было крайне неприятно говорить об этом, так как я не мог сказать людям правду и стремился вернуть мяч на их поле, говоря, что имеются прекрасные данные, доступные по этой проблеме» [10].

Формозов закончил выступление похвалой руководству РСФСР за поддержку в решении этих вопросов, заявив: «Я считаю, что сейчас руководство заповедников находится в надежных руках, что теперешнему руководству мы можем доверять. Это нас сейчас очень радует, так как сегодня нам нужна сильная и твердая последовательность действий в этом направлении». Однако он добавил: «Мы должны думать о всех заповедниках в Советском Союзе (а не только о тех, что в РСФСР. — Д. В.), так как все мы патриоты Советского Союза» [11].

Ясно, что замечание Формозова служит также примером чувства патриотизма среди научной интеллигенции, которое часто приносило разочарование и оставалось невостребованным. Хотя им не позволяли внести вклад в поступательное развитие страны так, как они считали нужным, и давали резкий отпор их усилиям спасти честь страны в соответствии с мировыми стандартами, тем

не менее такие ученые-патриоты, как Формозов и Насимович, не желали переходить к активному диссидентству. Утверждался двойной набор стандартов в научных публичных высказываниях. Если в их замечаниях был своего рода «зов сердца» (*cri de coeur*) к родственным душам в данной аудитории, были основания считать, что одновременно они взывали и к другой, более влиятельной аудитории: руководству РСФСР и самому режиму Н. С. Хрущева. Видя в таком обращении за помощью единственный выход, Формозов своим рассказом напоминал центральной власти, что верные советские ученые могут представлять СССР на встречах с иностранными коллегами эффективно, продуктивно, без неловкости и со светлой верой только в том случае, если политика Родины будет вызывать чувство искренней гордости, а не стыда. Но одновременно был и призыв к правительству РСФСР перейти к односторонним действиям по охране природы, которые могли бы компенсировать бездействие на союзном уровне. В начале оттепели это было одним из способов, используемых учеными в диалоге с партийно-государственной властью, которая не была монолитной.

Поддерживая ученых-энтузиастов, руководители РСФСР не гласно договорились о проведении «независимой» внешней политики. Но настоящая оттепель наступила еще месяц спустя, когда 25 марта 1957 г. во второй половине дня началось совещание «по вопросам охраны ценных, редких и исчезающих видов растений и животных, по уникальным геологическим объектам и их рациональному использованию». Столь громоздким оказалось его окончательное официальное название. В невысоком белом элегантном бывшем аристократическом городском особняке на Кропоткинской улице вблизи Чистого переулка, в старой части Арбата, собралось более 600 человек. В течение пяти дней конференция заслушала 108 докладов, начиная с обширного обзора Г. Е. Бурдина о его достижениях как руководителя Главохоты Главного управления по заповедникам РСФСР. Интересно, что он положил начало «космополитическому» настрою этого многолюдного совещания, характеризуя проблему следующим образом: «Вопросы охраны природы в самом широком смысле отражают не только жизненно важные национальные интересы какого-нибудь одного народа или государства. В решении этих

вопросов заинтересованы все народы мира» [12]. Подобное публичное признание своей принадлежности к мировому сообществу, конечно, теперь стало более безопасным в результате активной дипломатии Н. С. Хрущева, который подвергал критике политику сталинского изоляционизма, проводимую по иронии судьбы несмотря на то, что марксизм прежде всего был космополитической идеологией.

Так же, как за год до этого он произвел огромное впечатление на конференцию директоров и сотрудников заповедников, Бурдин сейчас взволновал огромную аудиторию заявлениями, что в Кавказском заповеднике уже восстановлены 108 тыс. га и что его учреждение наметило 15 новых заповедников, которые будут созданы к 1960 г. вместе с расширением территорий уже существующих заповедников [13].

Резко критикуя позицию Министерства сельского хозяйства СССР, Бурдин вновь заявил, что «охрана природы, в том числе и лесов, должна осуществляться на строго научной основе, комплексно, и не может быть подчинена только одной узко хозяйственной задаче». Подобная позиция полностью соответствовала требованиям научной общественности, которая должна принимать решения по вопросам научных стандартов в регулировании использования ресурсов [14]. Однако, продолжал он, «в действиях руководителей экономических учреждений, которые сейчас отвечают и за защиту природы, экономическим целям всегда отдается приоритет». Частично проблема состояла в том, что пресса и партия не проявляли должного интереса к работе этих учреждений, в результате чего «задачи охраны природных ресурсов приносятся ими в жертву узко хозяйственным интересам, дающим основания распоряжаться ресурсами по принципу „на наш век хватит“» [15].

Из всех оставшихся официальных докладов, возможно, за исключением сделанного А. А. Насимовичем обзора иностранной литературы об охране природы, в котором он поднимал вопрос о вреде пестицидов, выступление А. А. Передельского, работавшего в области радиационной экологии, наиболее далеко вышло за рамки политических ограничений. «В большинстве случаев, — утверждал А. А. Передельский, — фактором исчезновения отдельных видов... является деятельность человека». Однако

сейчас появилась серьезная и все усиливающаяся угроза уже не отдельным видам, «а всему живому, в том числе человечеству...». Это связано с угрозой радиации [16].

Передельский рассказал слушателям, что с быстрым распространением радиации возникла новая отрасль биологии — радиационная экология. «Представляя собой детище атомного века, радиационная экология в настоящее время находится в первых стадиях младенчества. Однако основные черты ее будущего облика уже достаточно определились... Прежде всего, перед радиационной экологией встает задача помочь санитарной гигиене атомного века выяснить биологические пути распространения тех обильных заражений суши, вод и атмосферы земного шара радиоактивными изотопами, которые возникают вследствие военных и экспериментальных взрывов атомных и водородных бомб, вследствие работы ядерных реакторов и других предприятий атомной промышленности, добычи и обогащения радиоактивных руд, а также вследствие широкого использования естественных и искусственных радиоактивных изотопов в технике и в научных исследованиях, в медицине и сельском хозяйстве» [17].

Хотя миграции изотопов вследствие эрозии почв, ветра и круговорота воды, а также температурных колебаний и осадков были хорошо изучены, таинственная миграция изотопов по тканям живых и умерших организмов оставалась угрожающей. Предупреждая об опасности массового вымирания, Передельский сделал крайне необычный заключительный вывод: «Деятели охраны природы должны... в декларативных обращениях к правительствам всех стран настаивать на срочном осуществлении частных и международных строгих законодательных мероприятий по охране природы от загрязнения радиоактивными изотопами» [18]. Не обращаясь к Эйнштейну, можно было понять, что Передельский не делал различий между «хорошей» советской, социалистической радиацией и «плохой» капиталистической радиацией.

В 1961 г., когда Никита Сергеевич Хрущев провозгласил очередное сокращение сети заповедников, ученые напомнили ему, что «огромные успехи СССР в области охраны природы и заповедников помогли укрепить международный авторитет страны». Они уверяли, что эта выгода намного перекрывает

ничтожные суммы денег (в размере 2 млн новых рублей в год) на содержание 29 заповедников в РСФСР и минимальный в процентном отношении размер территории, который они занимают (0,26%) [19].

Решающим толчком, изменившим административную линию в области охраны природы, послужило постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 299 от 3 апреля 1961 г., согласно которому Комиссия по охране природы из Академии наук СССР передавалась в Госплан СССР [20]. Хрущев, однако, не исчерпал свой «мешок подарков». Комиссия Госплана смогла продержаться в течение всего 1962 г., но поздней весной 1963 г. она вновь привлекла бдительное око советского руководителя, входящего в раж судейства. Начали циркулировать слухи о новых «реорганизациях». Научная общественность, хотя и измученная непрерывными кампаниями по спасению своего скромного научного и гражданского мира, вновь сразу же стала действовать. 25 мая 1963 г. три тяжеловеса — Федор Николаевич Петров, Владимир Николаевич Сукачев и знаменитый химик и защитник генетики Николай Николаевич Семенов, а также орнитолог Г. П. Дементьев написали письмо заместителю председателя Совета Министров СССР К. Н. Рудневу, предлагая преобразовать подвергавшуюся нападкам Комиссию в постоянный Комитет по охране природы при Совете Министров СССР. В качестве аналогов они ссылались на опыт зарубежных стран, а также Латвии, Эстонии и Белоруссии. Они потерпели неудачу [21].

За две недели до опубликования постановления о ликвидации Комиссии Госплана, подписанного Хрущевым 2 октября 1963 г., новая волна писем отчаяния начала растекаться по кремлевским адресам. Одно письмо, интересное своим акцентом на международный имидж СССР, было послано заместителем секретаря Комиссии и руководителем ее лаборатории по охране природы В. С. Покровским в Президиум Совета Министров СССР, а копия — министру иностранных дел А. А. Громыко [22]. Оно начиналось так: «С момента создания в 1955 г. Комиссия по охране природы прилагает большие усилия по укреплению влияния советских ученых в международных организациях, проявляющих интерес к проблемам сохранения и рационального использования природных ресурсов». Две советские инициативы — по эко-

номическому развитию и защите природы — были одобрены единогласно на XIII сессии ООН и ЮНЕСКО. Кроме того, Комиссия при поддержке Министерства иностранных дел вырабатывала стратегию сотрудничества со странами КОМЕКОН в области охраны окружающей среды. С помощью министерства Комиссия смогла получить ценную информацию из советских посольств за рубежом об охране природы на всей планете; в настоящее время картотека Комиссии содержит адреса 350 организаций и ученых, с которыми регулярно обмениваются литературой. Комиссия, замечает Покровский, недавно представила руководителю Сибирского отделения АН СССР М. А. Лаврентьеву доклад Национальной Академии наук США президенту Дж. Кеннеди, который может быть полезен для использования в СССР. В сентябре 1964 г. К. Шапошников возглавил советскую делегацию на VIII Генеральной ассамблее Международного союза по охране природы и природных ресурсов (МСОП) в столице Кении Найроби. Комиссия не только была источником демонстрации добной воли и позитивного образа СССР за рубежом, уверял Покровский, она также служила для добывания информации о внешнем мире. Например, сделанный ею анализ международных юридических норм в области сохранения ресурсов позволил советской делегации достичь больших результатов в переговорах по изучению и использованию Антарктиды: «Ясно, что выдвигаемое в настоящее время предположение об упразднении Комиссии может отрицательно сказаться на завоеванных с таким большим трудом позициях СССР в мировом прогрессивном движении за разумное использование природных богатств Земли, привести к ослаблению связей советских ученых — специалистов по охране природы с их зарубежными коллегами. Есть опасение, что подобный шаг вызовет непонимание в МСОП и среди научной общественности зарубежных стран» [23].

Другое письмо, одно из последних обращений Ф. Н. Петрова, который ушел в отставку с поста председателя Секции охраны природы МОИП в 1964 г., было адресовано в ЦК КПСС и выражало ту же точку зрения. Как видно из этого письма, Петров, будучи уже пожилым человеком, все еще хорошо разбирался в ситуации. Выдвигая тот аргумент, что и социалистические, и капиталистические страны одинаково осознают необходимость

правительственных учреждений для охраны природы, Петров выбрал в высшей степени необычайный пример для пояснения своего тезиса: «Особенно большое значение разработке научных основ охраны природы придается в США. Например, крупнейшими учеными Национальной Академии наук, по заданию президента Дж. Кеннеди, было предпринято специальное исследование в области природных ресурсов в Соединенных Штатах» [24].

С намечаемым роспуском Комиссии Госплана, предупреждал Петров, контраст с ситуацией в Советском Союзе был бы разительным, и не в пользу СССР: «В Советском Союзе в результате ликвидации Комиссии по охране природы при Госплане СССР... прекращается разработка научных основ рациональной эксплуатации природных ресурсов. Советский Союз лишается официального представительства и связей на международной арене в области охраны природы. Ликвидируется действенный государственный контроль за рациональным использованием и воспроизводством всего комплекса природных ресурсов СССР. На основании вышеизложенного прошу пересмотреть проект решения Совета Министров СССР, представленный Государственным комитетом по координации научно-исследовательских работ в СССР» [25].

Так Петров заканчивал письмо, без всяких попыток смягчить ситуацию. Это было его последнее крупное выступление, хотя он прожил еще почти десять лет. Что касается ликвидации Комиссии, она прошла по плану, а ее лаборатория была передана в Главприроду Министерства сельского хозяйства СССР [26]. Партия не обратила внимание и на то, что это было одно из последних учреждений, связанных с именем В. И. Ленина.

Охрана природы как инструмент партийно-государственной политики

Отказавшись от строгого сталинского изоляционизма, Н. С. Хрущев переориентировал внешнюю политику на интеграцию в мировую экономику и международные отношения, оставив их, однако, под жестким контролем. Вследствие возросшего интереса мирового сообщества к проблеме охраны

природы, она становилась все более удобным средством проведения такой политики. К концу 50-х гг. на нее обратили внимание руководители партии.

После того как Эстония выступила пионером принятия природоохранного закона, или глава Отдела науки ЦК КПСС Ю. А. Жданов, или, что наиболее вероятно, М. А. Суслов решили, что в свете международной атмосферы и имиджа СССР за рубежом следовало бы поставить на повестку дня закон об охране природы в СССР. Было бы благоразумно начать с остальных республик до принятия общесоюзного закона, так как в любом вопросе такие предварительные меры помогают приступить ко всему союзному законодательству [27].

То, что такие соображения начали появляться внутри советской партийной элиты, в целом подтверждают последние свидетельства обитателей Кремля. Сам Юрий Жданов писал: «...Работая еще в Отделе науки ЦК, я случайно обратил внимание на то, что в нашей стране мало пишут об ее природе, в частности нет природоведческих альбомов. По инициативе нашего Отдела географический факультет Московского университета под руководством И. П. Герасимова создал первый альбом „Природа нашей Родины“. Вошли туда и картины заповедной природы. Был тот альбом тогда еще худеньким и одноцветным, но вскоре вырос и похорошел. Дело в том, что при Хрущеве усилились контакты руководства страны с зарубежными деятелями. При таких контактах принято дарить большие альбомы о природе и культуре другой страны. Спохватились: кроме нашего альбома ничего нет. Тогда было принято решение переиздать его как богатый подарочный альбом „Природа СССР“» [28]. Та же самая логика действовала при принятии решения разрешить академической комиссии по охране природы вступить в МСОП.

Владимир Борейко рассказал смешную историю о том, как «природоохранная дипломатия» при Хрущеве завершилась «опустошением ряда заповедников» [29]. После того как летом 1956 г. Иосиф Броз Тито пригласил Хрущева поохотиться на острове Брионе, осенью Хрущев должен был при ответном визите югославской правительенной делегации во главе с Тито сыграть роль радушного хозяина. Накануне визита тщательно подбирали подходящее, запоминающееся место, где два лидера

могли насладиться общей страстью к охоте, продолжая деликатный труд по подготовке политического коммюнике. Хрущев в своих воспоминаниях пишет: «Однажды мы пригласили [Тито] поехать на несколько дней в Крым, отдохнуть и поохотиться. Охота тогда, конечно, использовалась как возможность собраться лидерам двух или трех различных стран, чтобы обсудить важные проблемы, представляющие взаимный интерес. Атмосфера наших дискуссий с Тито во время охоты была теплой и дружеской» [30].

Хрущев не упомянул в своих мемуарах, считая это, без сомнения, не заслуживающим специального рассмотрения, что охота во время приема Тито должна была быть организована в охотничьем заказнике Крымского заповедника, «с грубым нарушением природоохранных законов», по словам Борейко. Почти одновременно, 27 сентября 1956 г., ЦК КПСС указал Министерству сельского хозяйства СССР подготовить план организации первоклассных, «в аристократическом духе, охотничих угодий» («барские охоты»). Многие знаменитые заповедники, в том числе Крымский, Кавказский и Беловежская пуща, были приспособлены для этих целей вопреки протестам научной общественности [31].

ВООП могло быть использовано для международной природоохранной дипломатии только после того, как было успешно очищено от «научной общественности» в 1955 г. В марте 1958 г. делегация в составе трех человек во главе с Н. А. Гладковым участвовала в работе XII Международного орнитологического конгресса в Хельсинки [32]. К началу 1970-х гг. природоохранная политика стала главным инструментом деятельности Леонида Ильича Брежнева по подъему престижа СССР и его влияния на международной арене. Были подписаны международные договоры, и СССР был достойно представлен в Стокгольме. Масса учреждений, от Главприроды Министерства сельского хозяйства СССР до Государственного комитета СССР по гидрометеорологии во главе с Ю. А. Израэлем и все более бюрократизированной Академии наук, вместе с ВООП, теперь безнадежно бюрократизированным, составляли единую машину, целью которой было обеспечение советского «зеленого» имиджа. Андрей Григорьевич Банников, возглавивший ВООП и, по слухам, связанный с КГБ,

был избран вице-президентом МСОП и стал неотъемлемым участником природоохранных собраний. Наивные иностранные активисты «зеленых» (до того, как они сами бюрократизировались) рассматривали бюрократов из ВООП в качестве своих единомышленников. Недавно ставшие доступными документы демонстрируют тесную связь ВООП со стратегией советской внешней политики. Например, советским представителям на XV Генеральной ассамблее и на техническом симпозиуме Международного союза охраны природы и природных ресурсов в Новой Зеландии в октябре 1981 г. тогдашним первым вице-президентом ВООП Иваном Федоровичем Баришполом были даны следующие инструкции: «Основной задачей делегации Всероссийского общества охраны природы является обеспечение принятия на заседаниях XV Генеральной ассамблеи... решений, отвечающих позиции и интересам советской стороны» [33].

Самых делегатов едва ли можно было назвать представителями различных уровней социальной страты: А. М. Бородин — руководитель Главприроды Министерства сельского хозяйства СССР и вице-президент Международного союза, В. Н. Виноградов — академик ВАСХНИЛ и президент ВООП, Ф. Нуусалу — первый заместитель Министерства лесоводства ЭССР [34]. Детальный доклад Виноградова по возвращению сходной делегации из Швейцарии содержал сетования по поводу «возрастающего влияния американской группы, которая практически решала все оперативные вопросы в союзе» [35]. Еще пример: в апреле 1981 г. Баришпол, вице-президент ВООП Г. Г. Ган встретились с советником посольства Северной Кореи по его просьбе, чтобы скоординировать действия по непризнанию членства Южной Кореи в МСОП. Баришпол дал уполномоченному Северной Кореи в целом ободряющий ответ и затем сразу же послал доклад в Дальневосточный отдел Министерства иностранных дел, очевидно ожидая дальнейших инструкций [36]. В начале 1980-х гг. ВООП со своими 29 млн членов в одной России (а также 3 400 300 членов в Белоруссии, что составляло 34,5% всего населения) [37] в значительной степени содействовал формированию имиджа советского общества в области охраны окружающей среды. (Следует отметить, что по крайней мере с конца 1940-х гг. до середины 1960-х ЦРУ сходным образом ис-

пользовало добровольные организации, такие как профсоюзы, для проведения американской внешней политики. Однако в отношении природоохранных организаций этот вопрос не до конца изучен.)

Тем не менее за зеркальной витриной продолжалась борьба двух точек зрения. Если «проектами века» у Сталина были Беломорканал, система каналов между Волгой и Доном, между Волгой и Москвой-рекой, а также Великий сталинский план преобразования страны, у Хрущева — подъем целины, то у Брежнева, которому потребовалось десятилетие для обнародования «планов века», таковыми стали Байкало-Амурская магистраль и великий поворот северных рек. Несмотря на бурную реакцию экологов на действия правительства, к 1975 г. порядок был восстановлен, громадный массив экологических данных, не говоря уже о прямой критике строительства Байкало-Амурской магистрали и поворота северных рек, был запрещен цензурой [38].

Вопреки всем предпринятым мерам в СССР продолжали существовать альтернативные природоохранные и социальные взгляды. Если истинные зарубежные активисты охраны природы желали встретить своих единомышленников, они должны были искать их не среди официальных советских представителей в международных организациях, а среди членов дружин по охране природы, на собраниях Секции охраны природы Московского общества натуралистов или в Московском отделении Географического общества. Их также надо было искать в растущей оппозиции правительенным грандиозным гидропроектам в литературных и научных кругах, в выступлениях за собственные права отдельных частных лиц. Окончание холодной войны сделало возможными переговоры о будущем нашей планеты, которым ранее мешала политическая напряженность. Это новое блестящее начало, но это только начало.

1. ЦГА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 183а. Л. 2.

2. Там же. Л. 1.

3. Там же. Л. 17.

4. Там же. Л. 13.

5. Там же. Л. 19.

6. Там же. Л. 18.
7. Там же. Л. 31. Международный союз охраны природы был создан в июле 1947 г. и размещался в Швейцарии. Хеймс активно действовал в 1949 г. на прикладной конференции этого союза по сукcesсии в озерах (см.: *Boardman R. International Organization and Conservation of Nature*. Bloomington. 1951. Р. 51).
8. Там же. Копию заполненного приглашения можно найти в ЦГА (Ф. 404. Оп. 1. Д. 205. Л. 2—3). Знаменательно, что в том пункте анкеты на вступление в Международный союз охраны природы, где спрашивалось, является ли организация, подающая заявление, правительственной, полуправительственной или частной, представители ВООПа напечатали «частная» и добавили: «добровольное объединение граждан» (Л. 3).
9. См.: *Weiner D. R. A Little Corner of Freedom. Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev*. Berkeley, 1999.
10. ЦГА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 205. Л. 199—200.
11. Там же. Л. 202.
12. Труды Совещания по вопросам охраны редких и исчезающих видов растений и животных и уникальных геологических объектов (25—30 марта 1957 г. Москва). М., 1959. С. 17. Неопубликованная корректура хранится в архиве Московского общества испытателей природы. Это переплетенная вручную копия. Здесь же имеется также «Стенограмма Совещания по редким, ценным и исчезающим видам животных и растений, по уникальным геологическим объектам» (д. 10). Название конференции изменено редактором или стенографом.
13. Там же. С. 18.
14. Там же. С. 19.
15. Там же.
16. Там же. С. 26.
17. Там же.
18. Там же. С. 28—29. В статье, которую он написал в соавторстве с А. М. Кузиным, «Охрана природы и некоторые вопросы радиоактивно-экологических связей» («Охрана природы и заповедное дело в СССР. Бюллетень». 1956. № 1. С. 65—78) приведена обширная библиография как советских, так и иностранных работ. Однако Н. В. Тимофеев-Ресовский, который первым среди популяционных генетиков начал работать в этой области, не упомянут. Это вполне понятно, так как он все еще был политически подозрительным и работал к тому же в секретном учреждении на Южном Урале, связанном с ядерными исследованиями.
19. Там же. Л. 3—4.
20. РГАЭ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 141. Л. 76. Письмо Г. Орлова, заместителя председателя Госплана СССР, в Совет Министров СССР от 21 декабря 1961 г. Косягин просмотрел его 29 декабря 1961 г. сделав пометку «на верх».
21. РГАЭ. Ф. 544. Оп. 1. Д. 141. Л. 125—128. Приложены диаграммы и организационные схемы (Л. 130—131).
22. Там же. Л. 164—165. Письмо В. С. Покровского, заместителя секретаря Комиссии по охране природы и руководителя ее лаборатории в Президиум Совета Министров СССР и министру иностранных дел А. А. Громыко. Датировано 16 сентября 1963 г.

23. Там же. Л. 164.
24. Там же. Л. 165—166. Здесь следует заметить, что Ф. Н. Петров был членом партии с 1896 г. Цитируется л. 165. Он, видимо, ссылается на Комиссию А. Л. Старкера, которая опубликовала свой отчет «Будущее окружающей среды на Севере» после организованной ею конференции.
25. Там же. Л. 166.
26. Там же. Л. 167.
27. Там же.
28. Письмо Ю. А. Жданова к автору от 28 июля 1995 г.
29. [Khrushchev N. S.] Khrushchev Remembers /With an Introduction, Commentary and Notes by Edward Crankshaw; Translated and edited by Strobe Talbott. Boston; Toronto, 1970. Р. 600.
30. Ibid. С. 384.
31. Ibid. С. 141; ЦГА ВО Украины. Ф. 2. Оп. 9. Д. 2898. Л. 76—79.
32. ЦГА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 2898. Л. 76—79.
33. Там же. Д. 2912. Л. 153—154. Дата: 5 октября 1981.
34. Там же. Л. 155—157.
35. Там же. Л. 25. Документ, подготовленный В. Н. Виноградовым: «Отчет о результатах командирования в составе советской делегации председателя Президиума ЦС ВООП, члена Исполнительного Совета МСОП на XVIII заседании Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП)». Дата не указана, очевидно он был подготовлен вскоре после 15 ноября 1980 г., когда Виноградов вернулся из Швейцарии, где пробыл 7 дней.
36. ЦГА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 2912. Л. 107—108. Видимо, послано 29 апреля 1981 г.
37. Белорусское общество охраны природы. Краткая справка. Минск, 1984.
38. Komarov B. Борис Комаров (псевдоним З. Вольфсона). The Destruction of Nature in the Soviet Union. Armonk; New York, 1980. Р. 16.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА, ГЕНЕТИКА И «СПЕЦХРАН»

Термин «спецхран» (аббревиатура словосочетания «специальное хранение») имеет как узкое толкование — специальные отделы главных публичных и научных библиотек, а также архивов, так и широкое — синоним части системы цензуры в СССР. Хотя спецхран был учрежден еще в начале 1920-х гг., он достиг наибольшего развитой формы в конце 1940-х гг. благодаря холодной войне. Тогда появился ряд новых специфических черт спецхрана, в том числе массовое изъятие научных книг и журналов из обычных библиотечных фондов и передача их в фонды специального хранения.

Многие противоречивые процессы в советской науке того времени послужили или были использованы в качестве «спусковых крючков» для некоторых направлений советской политики, связанной с холодной войной. В этой политике спецхран играл значительную и почти неизвестную до сих пор роль. Одним из таких процессов было противоборство генетики и лысенкоизма [1].

С тех пор все номера научных журналов со статьями зарубежных генетиков, в которых критиковался лысенкоизм, помещались в спецхран. Позднее была предпринята мощная идеологическая кампания против генетики как «буржуазной, реакционной» науки. Сходным образом холодная война повлияла на другие науки [2].

Когда данный метод борьбы против статей «реакционных» западных генетиков стал применяться? Можно предположить,

что первое время после окончания Второй мировой войны, по крайней мере в течение почти всего 1946 г., журналы с такими статьями еще находились на открытом доступе, и только на следующий год они были изъяты и помещены в спецхран. Невозможность точного ответа прямо связана с двумя особенностями спецхрана.

Во-первых, многие документы по спецхрану в государственных и бывших партийных архивах, особенно документы, относящиеся к пику холодной войны — концу 1940—началу 1950-х гг., отсутствуют, так как большинство из них было уничтожено. В соответствии с приказом Главлита [3] № 136 от 19 апреля 1958 г. архив самого Главлита должен был быть «вычищен», то есть значительное количество документов должно было быть уничтожено [4].

Практика периодической ликвидации спецхрановских документов продолжалась в 1960-е гг. и позднее, вероятно вплоть до окончательного упразднения самого Главлита [5]. Например, согласно письму Горлита г. Ленинграда № 88 от 7 апреля 1962 г., все предыдущие документы Главлита и Ленобллита по изъятию книг и журналов (списки, библиографические перечни, приказы, письма и инструкции) следовало уничтожить на месте.

Во-вторых, отсутствуют специальные спецхрановские метки на обложках или на первых страницах книг и журналов, находившихся в спецхране. Когда эти книги и журналы возвращались из спецхрана в обычные фонды библиотек в конце 1980-х гг., большая часть их (специальный штамп Главлитовского цензора — так называемый шестигранник с персональным номером цензора внутри него — и спецхрановский шифр) была ликвидирована: их заклеивали, стирали обычной школьной резинкой или вырезали. В результате часто оставался только след ликвидации спецхрановских отметин.

Обе особенности наглядно демонстрируют один из основных принципов спецхрана: деятельность и само существование спецхрана было тайным. Можно утверждать поэтому, что первые послевоенные работы с критикой лысенкоизма, например работы Ф. Г. Добржанского 1946 г., находились сначала на открытом доступе [6]. Критика Добржанского имела особое значение как для советских генетиков, так и для лысенкоистов [7], так как в кон-

це 1927 г., являясь сотрудником первой в России кафедры генетики Ленинградского университета и ближайшим помощником ее заведующего, Ю. А. Филипченко, он уехал на стажировку в США в лабораторию Т. Г. Моргана, а в конце 1929 г. принял решение остаться в США, став на родине «невозвращенцем» [8].

Рост холодной войны вызвал и рост спецхрана, повлияв даже на вид спецхрановской защиты против «политически дефектных материалов». С 1947 по 1953 г. нежелательные статьи или их части стали аккуратно вырезать лезвием бритвы или ножницами. Иногда нежелательные параграфы замазывались черной тушью. В этом случае в содержании журналов названия соответствующих статей и рецензий также вырезались или замазывались [9].

По свидетельству М. Шишмолиной, бывшего главного библиотекаря Государственной публичной библиотеки (ГПБ) в Ленинграде: «Очень немногие библиотеки имели спецфонды... Библиотеки, не имеющие таких фондов, все книги „изъятых“ авторов должны были уничтожать. Но особенно критическое положение сложилось с августа 1949 года, когда Главлит издал циркуляр № 8... По этому циркуляру из сборников или других книг предписывалось удалять статьи, предисловия и даже стихи изъятых авторов и в таком виде оставлять их в общих фондах. Необходимо было вырезать и замазывать тушью все упоминания об этих авторах. Это делали все библиотеки страны, что подтвердили их представители, присутствовавшие на 70-летии ЛГИКа им. Н. К. Крупской в декабре 1988 года» [10].

Согласно упомянутому циркуляру Главлита № 8, работники библиотек должны были:

«3. При удалении вышеуказанных материалов (подлежащих изъятию. — *M. K.*) обязательно производить соответствующие вычерки на титульных листах, в оглавлениях и, если необходимо, на обложках книг, затушевывая все ссылки на вырезанную статью и фамилию ее автора.

4. Изъятые из книг листы сдаются в спецфонд, а в библиотеках, не имеющих спецфонда, уничтожаются путем сожжения с составлением соответствующего акта» [11].

Позднее, вероятно с 1954 г., вырезание и замазывание заменили перепечаткой некоторых номеров журналов без нежелательных статей или рецензий. На обложке или на одной из первых

страниц таких отпечатанных в СССР дубликатов зарубежных научных журналов ставился, часто криво, штамп: «В журнале не печатается ряд страниц». Обычно этот метод перепечатки применялся к таким общенациональным журналам, как «Science» и «Nature» [12].

Динамика развития спецхрана может быть прослежена на истории отдела спецфондов ГПБ — первом исследовании по истории отдела спецфондов российской библиотеки, написанном его бывшей заведующей С. Ф. Варламовой [13], когда в СССР были сняты ограничения на публикацию в печати сведений о спецхранилищах библиотек. Варламова прямо указывает: «Состав спецфондов ГПБ за все годы его существования был, по существу, зеркальным отражением политики КПСС на разных этапах развития советского общества» [14] и приходит к выводу: «История спецфондов ГПБ в ее основных чертах характерна для спецфондов других библиотек страны и является наглядным примером того, насколько свобода информации находится в прямой зависимости от уровня развития демократии и правовых норм государства» [15].

Согласно Варламовой, до середины 1930-х гг. поступления в спецфонд ГПБ были малочисленными и состояли в основном из иностранной литературы. Точные данные, однако, отсутствуют. Массовые репрессии второй половины 1930-х гг. привели к увеличению изъятых изданий из общих фондов библиотеки. За период с 1935 по 1938 г. в спецфонд поступило более 49 тыс. отечественных изданий. Наиболее массовый характер этот процесс изъятий литературы из общих фондов библиотеки и передачи ее в спецхран принял в конце 1940—начале 1950-х гг., когда поступления в спецфонд ГПБ составили свыше 75 тыс. экземпляров. В результате объем русской части спецфонда достиг своего максимума 1 января 1956 г. — 122 тыс. единиц хранения. Затем изъятие литературы пошло на убыль, а в 1960-е гг. сократилось до минимума. Всего за период с 1956 по 1984 г. в спецфонд поступило 22 тыс. единиц хранения. Зарубежная часть спецхранилища ГПБ была незначительной в 1920—1940-х гг. и составила только 4 тыс. экземпляров в 1941 г. Хотя нет данных по 1951 г., о темпах ее роста в период холодной войны можно судить по тому, что в 1960 г. она состояла уже из 32 тыс. экземпляров [16].

Следует учитывать, однако, тот факт, что по распоряжению местных органов Главлита в конце 40—начале 50-х гг. был осуществлен идеологический досмотр всех фондов и каталогов ГПБ, в результате которого в 1948—1955 гг. в спецфонд поступили дополнительно материалы, ранее не подвергавшиеся изъятию. При этом страницы, содержащие «политические дефекты», должны были удаляться из всех изданий без исключения, в том числе и поступавших в порядке обязательного экземпляра (ОЭ). В течение пяти лет работники библиотеки пытались спасти хотя бы один из двух обязательных экземпляров. С этой целью первые экземпляры были переданы в спецфонд, а исправления вносились во вторые экземпляры [17].

Уничтожение «политически дефектных» экземпляров являлось обязанностью сотрудников спецфондов библиотек. В соответствии с приказами Главлита книги и журналы отбирались, составлялись акты на их уничтожение, и затем литература передавалась прямо на места сожжения или на специальные склады Главутильсырья. Акты подписывались директором библиотеки, заведующим спецхраном [18] и представителем местного органа Главлитта (например, Главлитта или Обллитта).

Не сохранилось ни одного такого акта, датированного ранее 1949 г., в Библиотеке РАН. Вероятно, все такие акты были попросту уничтожены [19]. Как правило, номер главлитовского приказа или наименование списка Главлитта, по которому производился отбор книг на уничтожение, указывались в специальной графе акта. С 1949 по 1953 г. при составлении таких актов было использовано 120 приказов Главлитта, 10 библиографических списков, выпускавшихся Всесоюзной книжной палатой, 15 списков так называемых устаревших изданий, свыше 50 приказов Главлитов союзных и автономных республик и примерно столько же приказов Горлитов. Кроме того, заведующий спецхраном мог по собственному усмотрению распорядиться об уничтожении книг, не ссылаясь ни на какие приказы [20].

Но, возможно, еще большее количество экземпляров было уничтожено, особенно в конце 1940—начале 1950-х гг., и вовсе без всяких актов. В 1949—1950 гг. была осуществлена тотальная «чистка» генерального каталога БАН, в ходе которой молодые девушки, члены ВЛКСМ, изымали карточки из каталога соглас-

но главлитовским спискам, после чего все изъятые карточки и соответствующие также изъятые книги были уничтожены. Аналогичная операция, но меньшего масштаба, была проведена в 1951 г. Приблизительно в тот же период, с 1947 по 1950 г., большое количество трофейных немецких книг тоже проходило проверку, и большая часть их была изъята и, вероятно, подверглась уничтожению. В большинстве подобных случаев это был первый и последний раз, когда работники библиотек держали их в руках. Никаких документов о «чистке» библиотечных трофейных фондов также не сохранилось [21]. Возможно, из-за подобной повышенной активности Главлита и ленинградского Горлита в рассматриваемый период даже среди многих библиотечных работников сложилось представление, что спецхран действительно возник в конце 1940-х гг.

В своей деятельности сотрудники спецхранов руководствовались официальными документами Главлита и Горлита (приказами, инструкциями, официальными письмами, перечнями и другими видами бумаг), которые получали через так называемые первые отделы библиотек, а также телефонограммами, то есть звонками ответственных лиц из местного главлитовского органа. Такие первые отделы были почти во всех крупных советских организациях, включая научно-исследовательские институты, университеты и большие библиотеки. Деятельность и само существование первых отделов не афишировались. Официально они имели дело с секретной документацией. Многие директивные спецхрановские документы следовало возвращать обратно в первые отделы после ознакомления с ними. Все спецхрановские документы (приказы, списки, перечни и т. п.) имели гриф «Для служебного пользования», а «Положения» Главлита были секретными, за исключением самого последнего [22]. Часть этой документации затем после использования либо передавалась в специальные фонды системы бывшего Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР, ныне — ГАРФ), либо уничтожалась [23].

В некоторых главлитовских документах можно найти ссылки на два главных действительных источника тех или иных распоряжений Главлита: ЦК КПСС и КГБ [24].

Само существование спецхрана — как отделов спецфондов библиотек, так и Главлита — никогда не афишировалось. Ни в

одной библиотеке в перечне отделов, их расположения и часов работы, вывешенном для информации читателей, не был указан отдел спецфондов. На помещениях самих отделов никаких обозначений, кроме номеров, не было, а на дверях в служебные помещения красовались таблички «Посторонним вход строго воспрещен». Поэтому читатель, ни разу не получивший в «отказах» свое требование со штампом «о. с. х.» (отдел специального хранения), мог и не подозревать о существовании спецхрана. К тому же территориально спецхран располагался в административных частях библиотек, причем часто в самых отдаленных местах служебной территории. Наиболее впечатляющим было расположение отдела спецфондов в «главной библиотеке страны» — ГБЛ. Таким образом, можно говорить о тайне эмпирического существования спецхрана.

Функционирование спецхрана имело три очень важные с точки зрения обращения информации (включая научную) черты.

Первая — ограниченный доступ к спецхрану. Чтобы стать читателем отдела спецфондов, исследователь должен был принести из той организации, где он работал, письмо («ходатайство», или «отношение») за подписью директора, скрепленное круглой печатью, в котором обязательно указывалась должность претендента на чтение в отделе спецфондов, тема и цель (например, подготовка диссертации, книги, статьи и т. д.) исследования. Причем, предъявив такое письмо, читатель мог пользоваться спецфондовской литературой только в течение текущего года, после чего требовалось принести новое «ходатайство». Далеко не каждый желающий мог его получить. Многие из потенциальных читателей спецхрана даже не пытались это сделать, так как были уверены в отказе или просто боялись выказать свой интерес к спецхрановским материалам. Например, Юрий Иванович Полянский, известный и авторитетный биолог, заведующий кафедрой беспозвоночных Ленинградского университета и один из самых активных борцов с лысенкоизмом, не предпринимал такой попытки [25].

Вторая и третья особенности спецхрана — специальные правила для его читателей и специальный статус всех материалов, которые там хранились. Подписывая «Правила пользования литературой отдела спецфондов», читатель не только удостоверял своей подписью, что с соответствующими правилами озна-

комлен, но и оказывался перед потенциальной возможностью применения к нему ряда статей Уголовного кодекса, в том числе 190-прим (а ранее ее знаменитой предшественницы — 58-й). Такая возможность могла стать печальной реальностью в случае нарушения пунктов 2 и 3 «Правил», гласивших:

«2. Категорически запрещается разглашение антисоветских и антисоциалистических материалов, содержащихся в этой литературе.

3. Не разрешается приводить в открытой печати ссылки и рецензии на авторов, все произведения которых запрещены к распространению» [26].

Читатель спецхрана мог быть наказан по упомянутой выше статье УК за одно только упоминание названия статьи с критикой лысенкоизма. В целом такой порядок позволял легко отсечь всех нежелательных исследователей на пути к спецхрану и контролировать тех, кто получал разрешение стать его читателями [27].

В результате две противостоящие стороны в конфликте генетики и лысенкоизма были в неравных позициях. Генетики не могли использовать ни один абзац из многих статей их зарубежных коллег, в которых критиковался лысенкоизм или лишь упоминался, поскольку это могло быть расценено как распространение «антисоветских материалов». В то же время лысенкоисты использовали те же материалы по своему усмотрению тогда, когда им это было нужно. Например, в статье проф. И. Лаптева «Антипатриотические поступки под флагом „научной“ критики» утверждалось, что «некоторые английские и американские журналы, имеющие претенциозные научные названия, в последние годы ведут злостную клеветническую, ничего общего с наукой не имеющую пропаганду против передовой советской биологической науки» [28]. В качестве примера Лаптев ссылался на таких «реакционеров от науки», как К. Д. Дарлингтон и Карл Сакс [29]. Затем Лаптев обвинял А. Р. Жебрака и Н. П. Дубинина в публикации «антипатриотических» статей в «Science» [30]. Лаптев причислил к реакционерам также Роберта Симпсона (Robert Simpson), а Ф. Г. Добржанского (Th. Dobzhansky) и Н. В. Тимофеева-Ресовского назвал «открытыми врагами советского народа» и заключил, что «у некоторой отсталой части нашей совет-

ской интелигенции еще живучи раболепие и низкопоклонство перед буржуазной наукой, глубоко чуждые советскому патриотизму». На основе этих умозаключений он призывал решительно и беспощадно вырывать гнилые корни угодничества и раболепия перед буржуазной культурой и завершал призывом: «К суду общественности тех, кто тормозит решение этой задачи (поставленную Сталиным — в кратчайший срок превзойти достижения науки в зарубежных странах. — М. К.), кто своими антипатриотическими поступками порочит нашу передовую советскую науку!»

Призыв Лаптева был услышан. Над А. Р. Жебраком устроили суд чести в Министерстве высшего образования СССР, на котором ему было предъявлено обвинение в том, что его статья в американском журнале «Science» представляет собой антипатриотический поступок. Суд чести вынес Жебраку общественное порицание. Суд чести Академии наук СССР благодаря его председателю академику Н. В. Цицину, президенту Академии С. И. Вавилову и решению общего собрания Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР, проходившего 24 ноября и 2 декабря 1947 г., дал иной результат: для разбора статьи Н. П. Дубинина нет никаких оснований [31].

В то время Лаптев был заведующим отделом сельского хозяйства редакции «Правды». До своего назначения туда он работал в Народном комиссариате земледелия (Наркомземе) и являлся профессором Тимирязевского института.

Лысенко не забыл услуги Лаптева и вставил его имя в список 35 дополнительных академиков Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), которые не избирались, как обычно, а были назначены Советом Министров СССР 15 июля 1948 г. [32].

Позднее сам Лысенко применил тот же метод, используя переводы статей зарубежных генетиков, критиковавших лысенкоизм, которые были специально приготовлены для него [33]. Выступая на пленуме ЦК КПСС, посвященном сельскому хозяйству и состоявшемся с 15 по 19 декабря 1958 г., Лысенко использовал преимущества, которые давала ему ситуация, когда статьи западных ученых с критикой лысенкоизма находились в спецхране, и даже те, кто имел доступ в спецхран, не могли их исполь-

зователь, а он свободно их цитировал. Жалуясь на то, что «реакционеры в науке и журналисты буржуазного мира, в особенности США, Англии и других капиталистических стран», каких только грехов не приписывают ему, Лысенко сослался на статью в «американском журнале „Наследственность“, том 49, № 1 за 1958 год», в которой «явный недруг СССР биолог Добжанский утверждает, что „позорное положение, в которое Лысенко поставил материалистическую науку, не скоро будет забыто“». В этой статье, цитировал далее Лысенко, Добржанский «высказывает радость, что некоторые биологические журналы в СССР резко критикуют мои теоретические и практические работы, и в то же время высказывает неудовлетворенность, что эти журналы не прямо, а косвенно, замаскированно критикуют материалистическую, мичуринскую биологию» [34].

Накануне пленума в той же «Правде» была опубликована редакционная статья «Об агробиологической науке и ложных позициях „Ботанического журнала“», в которой заявлялось, что, критикуя агробиологические работы академика Лысенко, ряд зарубежных изданий «подвергают злобным нападкам материалистическую биологию, клевещут на советский строй. Особенно изощряются в этом западные реакционеры вроде Т. Гексли, Ф. Добржанского, которые сделали своей главной целью поношение трудов И. В. Мичурина и его последователей. Заодно с ними злобную атаку против материалистической биологической науки ведут К. Зеркль, С. Харланд, К. Дарлингтон, О. Густафсон и некоторые другие» [35].

Тем самым позиция генетиков и позиция редакции «Ботанического журнала» была поставлена в нужный идеологический ряд, после чего последовали соответствующие оргвыводы. Вся редколлегия «Ботанического журнала» во главе с главным редактором академиком В. Н. Сукачевым была заменена новым составом. Были произведены и другие «перестановки кадров», в том числе вместо В. А. Энгельгардта пост академика-секретаря Отделения биологических наук занял верный мичуринец Н. М. Сисакян. Так для генетики и генетиков закончилась хрущевская «оттепель».

Переводы, изготавливавшиеся для Лысенко, были трех видов. Одни готовились в Центральной научной сельскохозяйственной

библиотеке (ЦНСХБ) в Москве и имели гриф «Для служебного пользования». Другие были сделаны во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей (ВОКС), третий, скорее всего, в Институте генетики АН СССР по специальному запросу Лысенко и имели гриф «Секретно. Экземпляр № 1». Главными переводчиками в 1946—1953 гг. были Н. Нейман и О. Лисовская, кроме того, переводы выполнялись И. Розенфельдом, В. Цейблером и Г. Щеколдиной [36].

Помимо переводов статей зарубежных генетиков, помещенных в спецхран, личный архив Лысенко содержит и другие небезынтересные документы, например обзор публикаций французской прессы, посвященных августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. [37], отчет от 20 октября 1949 г. о пропагандистской деятельности ВОКС и зарубежных обществ дружбы с Советским Союзом, также посвященных этой сессии [38]. Таким образом, и патроны Лысенко, и он сам уделяли много внимания «буржуазной реакции» на разгром генетики в СССР.

Следует отметить, что, вопреки устоявшемуся мнению, советские власти не были безразличны к западной реакции на события, происходившие в советской науке и культуре. Приведем лишь один из примеров такой реакции времен холодной войны, не связанный с генетикой и лысенкоизмом.

Автор «Истории западноевропейской философии» Г. Ф. Александров приобрел репутацию свободно мыслящего интеллектуала в западной прессе тех лет. 22 сентября 1947 г. газета «Die Neue Zeitung», издававшаяся в Берлине американской военной администрацией, опубликовала редакционную статью «Советская философия», в которой подчеркивалось, что Александров осмелился следовать многовековой традиции научного поиска истины. Содержание статьи было тут же доведено до сведения руководства ЦК ВКП(б) [39], и Александров, начальник Управления пропаганды, в конечном итоге был снят с должности [40].

Как было сказано выше, во время холодной войны спецхран приобрел некоторые из своих наиболее специфических и впечатляющих черт, другие стали более выпуклыми. К ним относятся: 1) доступ ученых к информации был серьезно ограничен; 2) рост секретности; 3) диапазон информации, которая могла открыто и критически обсуждаться, был также ограничен; 4) некоторые

группы и отдельные ученые получили политически привилегированное положение по сравнению с другими благодаря своего рода защите спецхрана. Борьба с ними означала фактически борьбу с партией; 5) резкое увеличение количества работников спецхрана; 6) практика уничтожения «политически дефектных материалов» из журналов и книг в массовом масштабе стала применяться именно в этот период; 7) спецхран как реализация двойной политики и двойной морали способствовал их принятию и утверждению частью научного сообщества.

Подлинное формирование спецхрана произошло благодаря холодной войне, он часто использовался как один из инструментов внутренней и внешней политики, и только с концом холодной войны наука в России потеряла свою зависимость от спецхрана.

1. Истории этого процесса посвящено немало исследований. См., например: *Medvedev Z. A. The Rise and Fall of T. D. Lysenko*. N. Y.; L.. 1969; *Joravsky D. The Lysenko Affair*. Cambridge (Mass.). 1970: *Lecourt D. Proletarian Science? A Case of Lysenko*. L.. 1977; *Popovský M. N. I. Vavilov und die biologische Diskussion in der USSR*. Berlin. 1977: *idem. The Vavilov Affair*. Hamden (Connecticut), 1984; *Фролов И. Г. Философия и история генетики — поиски и дискуссии*. М., 1988; *Поповский М. Дело академика Вавилова*. М., 1991; *Александров В. Я. Трудные годы советской биологии*. СПб., 1992; *Маневич Э. Д. А. С. Серебровский и борьба за генетику // ВИЕТ*. 1992. № 2. С. 78—93; *Резник С. Правда и ложь о Вавилове и Лысенко // Там же*. С. 62—78; *Сойфер В. Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР*. М., 1993; *Soyfer V. Lysenko and the Tragedy of Soviet Science*. New Brunswick (New Jersey), 1994; *Krementsov N. L. A «Second Front» in Soviet Genetics: The International Dimension of the Lysenko Controversy. 1944—1947 // Journ. of the History of Biology*. 1996. Vol. 29. P. 229—250.

2. См. подробнее: *Krementsov N. L. The 'KR Affair': Soviet Science on the Threshold of the Cold War // Hist. Phil. Life Sci.* 1995. Vol. 17. P. 419—446.

3. Главлит — сокращение названия «Главное управление по делам литературы и издательств», основного советского цензурного ведомства.

4. ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 2; на самой конференции в Халле «Kalter Krieg: Erziehung, Bildung, Wissenschaft» (24—26 Juni 1998, Halle) А. В. Доронин, отвечая на вопрос автора данной статьи о том, проводились ли «чистки» архива ЦК КПСС, подтвердил, что «чистки» были, особенно после того, как Н. С. Хрущев стал первым секретарем ЦК КПСС, но чаще всего подобные мероприятия никак не документировались.

5. Об упразднении Главлита см.: *Монахов В. Н. Последняя точка в истории Главлита // На подступах к спецхрану*. СПб., 1995. С. 93—94.

6. См.: предисловие Добржанского («Translator's Preface») к его переводу книги Т. Д. Лысенко «Наследственность и ее изменчивость» («Heredity and its Variability». New York, 1946), статьи: Lysenko's genetics // The Journ. of Heredity. 1946. Vol. 37. N 1. P. 5—9; The New Genetics in the Soviet Union // American Naturalist. 1946. Vol. 80. N 795. P. 649—651. Здесь и далее используются данные по спецхранам трех крупнейших библиотек страны: бывшей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве (ныне — Государственная российская библиотека), бывшей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская национальная библиотека) и бывшей Библиотеки Академии наук СССР (ныне — Библиотека Российской Академии наук) в Ленинграде (ныне — Санкт-Петербург).

7 О критике Добржанским лысенкоизма см.: Конашев М. Б. «На поприще клеветы против советских биологов» (критика Ф. Г. Добржанским лысенкоизма) // Эволюционная биология (Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 90. Вып. 1). СПб., 1994. С. 60—74.

8. Подробнее о научном и жизненном пути Ф. Г. Добржанского см.: Галля Я. М., Конашев М. Б. Классик // Природа. 1990. № 3. С. 79—87; Конашев М. Б. Ф. Г. Добржанский: генетик, эволюционист, гуманист // ВИЕТ. 1991. № 1. С. 56—71. О причинах, побудивших Ф. Г. Добржанского остаться в США, см.: Конашев М. Б. Об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной // Репрессированная наука. Л.. 1991. Вып. 1. С. 240—263.

9. Такая участь постигла, в частности, две статьи Добржанского: N 1. Vavilov, a martyr of genetics // The Journ. of Heredity. 1947. Vol. 38. N 8. P. 226—232; Death of a Science in Russia — Heredity. East and West // The Journ. of History of Medicine and Allied Sciences. 1950. Vol. 5. N 3. P. 339—342. См. подробнее: Конашев М. Б. Лысенкоизм под охраной спецхрана // Репрессированная наука. СПб.. 1994. Вып. 2. С. 99. В содержании журнала за 1950 г. была вырезана следующая строчка: «Cook R. C. Genetics Dies in China» (The Journ. of Heredity. 1950. Vol. 41. N 4. P. 90). Часть страницы 90, на которой находилась эта строка, была вырезана тоже. В содержании журнала за 1950 г. часть листа под названием «Lysenkoism» была вырезана тоже.

10. См.: Берегите обязательный экземпляр! // Смена. 1990. 20 апр. ЛГИК — Ленинградский государственный институт культуры (ныне — Государственный университет культуры).

11. См.: ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 129. Л. 44; см. также: Конашев М. Б. Документы о гианстве спецхрана // На подступах к спецхрану: Труды межрегиональной научно-практической конференции «Свобода научной информации и охрана государственной тайны: прошлое. настоящее. будущее», 24—26 сентября 1991 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. М. Б. Конашев. СПб., 1995. С. 74.

12. Например, в советских дублетных копиях «Science» следующие статьи были либо вовсе не напечатаны, либо напечатаны с «белыми пятнами» изъятых цензорами фрагментов: Evolution, Marxian biology and the Social scene // Science. 1959. Vol. 129. N 3361. P. 1479—1480; Soviet Marxism and Natural Sciences // Ibid. 1961. Vol. 133. N 3466. P. 1762—1763; Problemy radiacionnoi genetiki // Ibid. 1962. Vol. 137. N 3526. P. 276; The rise and fall of T. D. Lysenko // Ibid. 1969. Vol. 164. N 3887.

Р. 1507—1509. См. подробнее: *Конашев М. Б.* Лысенкоизм под охраной спецхрана // Репрессированная наука. Вып. 2. С. 98—100, 111.

13. Аналогичное исследование выполнено научным сотрудником бывшего отдела спецфондов Библиотеки РАН К. В. Лютовой (см.: *Лютова К. В.* Спецхран Библиотеки Академии наук — из истории секретных фондов. СПб., 1999).

14. *Варлашова С. Ф.* К истории создания и развития спецфондов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Цензура в царской России и Советском Союзе. М., 1995. С. 162.

15. Там же. С. 166.

16. Там же. С. 162—164.

17. Там же. С. 163.

18. С 1953 г. спецхраны в библиотеках стали именоваться отделами специальных фондов.

19. *Лютова К. В.* Уничтожение книг в спецхране Библиотеки Академии наук // Цензура в России: история и современность. С. 33.

20. Например. 3 декабря 1953 г., согласно акту № 5918, было произведено уничтожение 1521 единицы хранения (см.: Там же. С. 33—34).

21. Во всяком случае, самой К. В. Лютовой не удалось обнаружить ни одного такого документа в архиве отдела спецфондов БАН и Санкт-Петербургском архиве РАН. В интервью с ней 9 июня 1998 г. автору данной статьи было сказано, что известны только некоторые факты. В 1946 г. в БАН поступило более 100 000 библиографических единиц трофейной литературы из Германии. Дирекция БАН в письме начальнику ЛО МВД обязалась «всю прибывшую литературу из Германии представить Уполномоченному Облгорлита и до проверки в использование читателям не давать» (см.: ПФА РАН. Ф. 158. Оп. 3 (1946). № 23. Л. 13). В июле 1948 г. секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Суслову его ближайшие помощники Л. Ф. Ильинцев и В. Фомичев докладывали: «Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) совместно с представителями Главлитта СССР проведена проверка хранения и использования трофейной литературы, привезенной из Германии, в библиотеке Академии наук СССР, в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина, в Государственном фонде литературы и в семи центральных специальных библиотеках. Установлено, что точного учета всей вывезенной из Германии в Советский Союз литературы нет <...>. Наряду с ценными изданиями из Германии вывезено много фашистской литературы, которая должна быть изъята из библиотек и уничтожена» (*Клышиевский П. Н. Добыча. Тайны германских репараций*. М., 1994. С. 108—110. Об уничтожении трофейной литературы см. также: *Блюм А. В.* // Цензура в царской России и Советском Союзе: Материалы конференции 24—27 мая 1993 г., Москва. М., 1995. С. 72—75; *он же*. Перед прочтением — сжечь... Еще раз о судьбе трофейных библиотек // Книжное дело. 1994. № 2. С. 44—47). В Библиотеке АН СССР цензорская проверка вывезенной из Германии литературы продолжалась до 1949 г. Основная тяжесть работы с трофейной литературой пришлась на отдел спецфондов, штат отдела увеличился в несколько раз (до войны работало 3 человека). В это же время возросла работа по очистке основных фондов самого спецхрана. В конце 1952 г. секретные фонды БАН подверглись проверке со стороны Министерства государственного контроля СССР. В «Акте проверки учета, хранения литературы в отделе специальных фондов Биб-

листики АН СССР» было указано, что, по ориентировочным данным, на 25 декабря 1952 г. спецфонд составлял 190 тыс. библиографических единиц, в том числе более 100 тыс. библиографических единиц (то есть более 50%) находились в неразобранном состоянии и не взяты на учет, лежали навалом на цементном полу в проходах между стеллажами — это и были трофеинные издания (см.: Архив ОСФ: Материалы обследования режимных отделов Библиотеки АН СССР для Госконтроля. З—10 января 1953 г. 37 л.). В ноябре 1954 г. дирекция БАН отчиталась перед Президиумом АН СССР о проделанной работе по ликвидации недостатков, отмеченных в Акте проверки, ни словом не упомянув о литературе из Германии. В 1957 г. значительная партия трофеиной литературы (так называемая «Гота»), после соответствующей обработки, а в ряде случаев и реставрации, была возвращена в ГДР (подробнее см.: Лютова К. В. Уничтожение литературы в отделе спецфондов Библиотеки АН СССР (Рукопись)).

22. «Временное положение о Главном управлении по охране государственных тайн в печати и других средствах массовой информации при Совете Министров СССР» было утверждено постановлением СМ СССР 24 августа 1990 г. № 843 (см.: Конашев М. Б. Документы о таинстве спецхрана // На подступах к спецхрану. С. 89—92).

23. См.: Конашев М. Б. Спецхран как спецтайна // Свобода научной информации и охрана государственной тайны: Тезисы конференции 24—26 сентября 1991 г., Ленинград. Л., 1991. С. 23—25.

24. Например, распоряжение Главлитта № 29 от 14 июля 1947 г. имеет примечание: «Основание: Указание Управления Пропаганды и Агитации ЦК ВКП(б) от 12.07.1947 г.» (см.: ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 100. Л. 49).

Приказ Главлитта № 6 от 7 января 1956 г. имел другое примечание: «Основание: письмо КГБ при СМ СССР от 15.12.55 г. и приказ Главлитта Армянской ССР № 8 от 31.10.55 г.».

25. Интервью с Ю. И. Полянским автора данной статьи, февраль 1993 г., магнитофонная запись.

26. Конашев М. Б. Документы о таинстве спецхрана // На подступах к спецхрану. С. 81.

27. См.: Конашев М. Б. Генетика и спецхран. С. 25—27.

28. Правда. 1947. 2 сент.

29. Вероятно, Лаптев имел в виду статьи: *Darlington C. D. A revolution in Soviet science // The Journ. of Heredity*. 1947. Vol. 38. N 5. P. 143—148; *Sax K. Soviet Genetics // Ibid.* 1946. Vol. 37. N 9. P. 279—280. Статья К. Сакса была опубликована в «Science». Другая статья К. Сакса с критикой лысенкоизма «*Soviet Science and Political Philosophy*» была опубликована в «*Scientific Monthly*» (1947. Vol. 65. N 1. P. 43—47). Оба журнала находились уже в спецхране, а страницы со статьей Дарлингтона были вырезаны (см.: Конашев М. Б. Лысенкоизм под охраной спецхрана // Репрессированная наука. Вып. 2. С. 101).

30. См.: Zhebrak A. Soviet Biology // Science. 1945. Vol. 102. P. 357—358; Dubinin N. P. Works of Soviet Biologists: Theoretical Genetics // Science. 1947. Vol. 105. P. 109—112.

31. Дубинин Н. П. Генетика: страницы истории. Кишинев, 1990. С. 189—190.

32. Там же. С. 198.

33. АРАН. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 221, 229, 230, 234, 268, 273, 275—281.
34. Правда. 1958. 18 дек.
35. Там же. 14 дек.
36. По данным М. Ю. Сорокиной (АРАН, личное сообщение от 16 февраля 1992).
37. АРАН. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 292.
38. Там же. Д. 293.
39. РЦХИДНИ. Оп. 125. Д. 492. Л. 58—61.
40. См.: Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Маневры на философском фронте. Эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 2. С. 107—108.

БИБЛИОТЕЧНЫЕ АЙСБЕРГИ НА ЛАНДШАФТЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Советская система библиотек — лучшая в мире?

О том, что в тридцатые годы библиотечное дело Советской России оказалось практически в полной изоляции от библиотечного дела других стран, свидетельствует наличие в специальной литературе всего одной публикации о проблемах библиотечного дела за рубежом. В 1920-е гг. количество подобных публикаций исчислялось десятками. Ранее переводились на русский язык и публиковались работы зарубежных коллег, среди которых были даже монографии.

В начале 1940-х гг., в годы Второй мировой войны, выяснилось, что у русских библиотекарей сохранился большой интерес к опыту, накопленному зарубежными коллегами. Поскольку в силу изменения политической ситуации исчезли строгие запреты в отношении изучения и применения зарубежного опыта, вопросы и проблемы зарубежного библиотечного дела снова стали предметом публикаций в специальной литературе и темами докладов на конференциях. Сотрудники библиотек, как и многие другие советские люди, смогли выразить даже чувство удивления от того, что уровень жизни в так называемых буржуазных европейских странах намного выше, чем в их социалистической стране [1].

Однако надежды русских библиотекарей на возможный выход из изоляции рухнули с началом холодной войны.

Советская модель развития библиотечного дела стала считаться единственно возможной моделью также в странах народной демократии. В сущности, для всех публикаций, посвященных библиотечному делу демократических стран, появившихся в конце 1940—начале 1950-х гг., была характерна демонстрация того, как успешно усваиваются в братских странах советский опыт и ленинские принципы организации библиотечного дела. Что же касается таких развитых в отношении библиотечного дела стран, как ГДР или Чехословакия, в которых был уже накоплен уникальный опыт библиотечного дела, то эти страны в специальной литературе конца 1940—начала 1950-х гг. фактически даже не упоминались.

Статьи же, посвященные библиотечному делу капиталистических стран, публиковались в эти годы с одной целью — продемонстрировать достоинства советской модели. Как правило, предметом таких статей становился какой-то один вопрос, целью рассмотрения которого всегда было стремление убедить читателя в том, насколько чужда для советского человека направленность развития библиотечного дела той или иной страны. Так, например, для статей, посвященных библиотечному делу США, были характерны названия типа «Библиотеки США в тупике», «Падение читаемости книг в библиотеках США», «Что скрывается за „свободой чтения“ в публичных библиотеках США» [2].

Особенно тенденциозно оценивалась библиотечная политика Франции, где в отношении библиотечных реформ проводилась четко выраженная демократическая политика и где поиск необходимых для проведения этих реформ решений шел особенно интенсивно. Этот факт вообще игнорировался в советской специальной литературе, и выводы были довольно простыми: «В современной Франции библиотечное дело находится в крайне тяжелом положении... Реакционное правительство Франции, которое тратит народные средства на армию, на содержание полицейских и жандармов для „усмирения“ трудящихся... не обеспечивает и не хочет обеспечить нужными материальными средствами организацию библиотечного дела в стране» [3].

В действительности столь высоко оцениваемая советская модель обеспечения для широких трудящихся масс доступа к биб-

лиотечным фондам представляла собой лишь верхнюю, видимую часть огромного айсберга. Не она была предметом экспорта в страны народной демократии, а невидимая часть айсберга. Экспорт распространялся даже на государства, которые не входили в блок стран народной демократии, среди которых предметом особой «заботы» была нейтральная Финляндия [4].

Научная и квазинаучная библиотека

После Второй мировой войны библиотечное дело в СССР продолжало развиваться в соответствии с программными принципами так называемого ленинского библиотечного строительства. Эти принципы утвердились в процессе «добровольного» перехода библиотечных работников от ориентации на идеалы классической научной библиотеки, которая была определена идеологами социалистического библиотечного строительства как «замкнутое академическое книгохранилище», к идеалам библиотеки для широких кругов трудящихся. Это означало, что многообразие типов и видов библиотек постепенно было сведено только к одной форме — государственной библиотеке, полностью контролируемой государством. В сущности, крупные научные библиотеки стали огромными книгохранилищами, фонды которых в результате невероятных по своим масштабам конфискаций и перераспределений превратились в книжные коллекции, которыми стало невозможно пользоваться прежде всего потому, что они были не разобраны и не каталогизированы. Положение осложнялось тем, что после Второй мировой войны многие библиотеки получили так называемые трофейные фонды, которые также нуждались в систематизации и обработке.

Для начавшихся в 1930-е гг. преобразований научных библиотек было характерно соответствие развитию самой советской науки, внутри которой стали возникать и развиваться квазинауки. Квазинаука может быть охарактеризована как «некое учение, принятное в советской науке и находящееся в состоянии взаимного отрицания аналогичной по названию мировой наукой» [5]. Прежде всего это относилось к естественным наукам, но в большей степени затронуло науки гуманитарные, ибо гуманитарное

знание было «либо лишено статуса научности, либо рассматривалось как еще не достигнувшее в своем развитии идеала „точного“ знания» [6]. Под воздействием квазинаук изменилась сама сущность научной библиотеки, что отразилось на выполнении научной библиотекой роли инструмента науки, прежде всего, по отношению к гуманитарным наукам.

В связи с этим начиная с 1930-х гг. применение в отношении советской научной библиотеки понятия «квазинаучная библиотека» является вполне закономерным. По отношению к научным библиотекам, функционировавшим в послевоенные годы, необходимо определять, в какой степени они являются научными, а в какой — квазинаучными. По сути, в рамках одного учреждения сочетались элементы традиционной (классической) научной библиотеки и элементы новой советской квазинаучной библиотеки.

Дальнейшее развитие научной библиотеки в Советской России идет в контексте соотношения элементов, присущих традиционной научной библиотеке, для которой характерны как преемственность по отношению к дореволюционному прошлому, так и совместимость с подобными библиотеками других (несоциалистических) стран, и элементов, типичных для чисто советской, то есть квазинаучной, библиотеки. Сам факт существования этих элементов подтверждает правомерность постановки следующих вопросов относительно всех библиотек, относительно конкретных типов библиотек и, наконец, относительно отдельных библиотек, а именно:

1) насколько научные библиотеки являются научными, то есть насколько важна их роль как инструментов науки?

2) какова степень квазинаучности этих библиотек, то есть насколько велико их действие как инструментов квазинаук и, соответственно, в какой степени они не выполняют свою функцию научной библиотеки?

Поскольку для квазинаучной библиотеки характерно в первую очередь стремление приспособить фонды, которые предоставляются читателю, к квазинаучной ирреальности, на саму библиотеку начинает действовать «вирус наукообразного мифотворчества» [7]. Это подразумевало, прежде всего, проведение масштабной чистки фондов. Механизм чистки, созданный в 1920—1930-е гг., в послевоенные годы был доведен до совершенства и стал идеально рабо-

тать в стенах библиотек. Несопоставимые по масштабам с чистками довоенных лет погромы стали нормой. Новые горизонты «улучшения» и «исправления» фондов библиотек открыли в 1948 г., например, мичуринцы, с целью уничтожения «вредной» литературы [8]. После проведения чисток многие библиотеки либо исчезали совсем, либо оказывались закрытыми.

На основании соответствующих инструкций из книг при помощи бритвы нередко изымались целые страницы, а некоторые отрывки текстов покрывались специальной замазкой (так называемой сметаной). Так, например, было рекомендовано изъять из второго издания Большой советской энциклопедии статью о Лаврентии Берии и вместо нее вклейте статью под названием «Берингов пролив». Инструкции с этим распоряжением были разосланы подписчикам не только внутри страны, но и за рубежом. Из подвергнутых цензуре переводов цензоры изымали «наносящие вред страницы» или замазывали столь же «вредоносные» отрывки текста еще в процессе работы над переводом [9].

Более гибкой формой приспособления научной библиотеки к новой реальности стало засекречивание части фондов и введение ограничений на право пользования ими. С тех пор одним из основных терминов советского библиотечного дела стало практически непереводимое на другие языки понятие «спецхран», что означало специальный секретный фонд, который представляет собой нечто иное, нежели «Giftschränk» [10].

Д. В. Лебедев, который в конце 1940-х гг. был заместителем и. о. директора Библиотеки Академии наук, так описывает ситуацию: «Цензура все ожесточалась. Постоянно приходили новые приказы Главлита, все новые книги изымались из обращения, пухли фонды спецхрана... Положение осложнилось, когда „директивные органы“ потребовали прочистить неизъятые издания: журналы, сборники трудов. Библиотеки должны были сплошь просмотреть свои послереволюционные фонды и вырезать кrimинальные статьи, замарывать тушью фамилии „врагов народа“, ссылки на них, цитаты и т. д. В институтских библиотеках такая работа проводилась силами самих институтов, и БАН (Библиотека Академии наук СССР. — Примеч. авт.) ничего не мог сделать. Но собственные фонды (т. е. фонды БАН. — Примеч. авт.) калечить мы не хотели» [11].

Но после снятия Лебедева БАНу пришлось «калечить» собственные фонды. Сформировалась и стала проводиться новая, начавшаяся в 1930-е гг., политика комплектования фондов библиотеки с ориентацией на актуальные задачи социалистического строительства и обслуживание трудящихся. Она окончательно разорвала связи с исторически сложившимися фондами библиотек, что означало отход от принципа преемственности в формировании фондов.

Завершилось и становление «новой» системы обслуживания читателей, которая начала формироваться в 1930-е гг. в соответствии с новой «марксистско-ленинской» классификацией наук. Наряду с читальными залами технической литературы, литературы по естественным наукам и медицине, в крупных научных библиотеках были открыты так называемые читальные залы социально-экономической литературы, в которых фактически растворилась литература по ведущим гуманитарным наукам, в том числе по истории. Следствием того, что «социально-гуманитарная мысль претерпела наиболее глубокую деструкцию» [12], стало изменение характера обслуживания читателей-гуманистариев. Наиболее деструктивные изменения в обслуживании таких читателей произошли в послевоенные годы, когда новая система, построенная в соответствии с новыми представлениями о самой структуре науки, окончательно закрепились в структуре организации обслуживания читателей в больших универсальных научных библиотеках. В монографии по истории Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина не без гордости говорится о том, что в послевоенные годы «дифференцированное обслуживание читателей в Публичной библиотеке было не только восстановлено, но и получило дальнейшее развитие в соответствии с новыми задачами, поставленными партией в области политической, экономической и культурной жизни страны» [13]. Сформированные в послевоенные годы в специализированных читальных залах подсобные фонды также были организованы в соответствии с «марксистско-ленинской» классификацией наук [14].

Крупнейшие научные библиотеки универсального профиля — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва) и Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-

Щедрина (Ленинград) особенно сильно пострадали от «чисток» в ходе кампании по борьбе с космополитами. «Чистки» с новой силой ударили по библиотекам, по их персоналу. К этому времени библиотеки уже потеряли многих особенно ценных сотрудников [15].

Под различными предлогами увольняли в первую очередь тех библиотекарей, которые имели родственников за границей. Например, после аттестации сотрудников ГПБ были уволены 52 библиотекаря. В то же самое время начались аресты. В связи с так называемым ленинградским делом в 1950 г. по доносу был арестован и осужден на 25 лет даже директор библиотеки Л. Л. Раков [16].

Как правило, увольняли наиболее квалифицированных работников. Так, например, в результате массовых увольнений была чрезвычайно ослаблена состоявшая из квалифицированных, владевших не одним иностранным языком, библиографов группа техники, которая входила в состав консультационно-библиографического отдела ГПБ и которая была лучшей не только в этой библиотеке, но и во всей стране группой библиографов [17].

Значительные изменения произошли и в области обеспечения доступа к фондам через каталоги. Как отмечается в монографии по истории ГПБ, «каталоги Публичной библиотеки подверглись серьезной критике и значительной перестройке в связи с проверкой их состояния, произведенной Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР» [18].

Это стало началом большой работы в области организации принципиально отличающихся друг от друга читательских и служебных каталогов. Читательские каталоги должны были выполнять воспитательную функцию. Предметный каталог стал считаться служебным, и читатели утратили право свободно пользоваться им. Такой порядок действует до сих пор. В течение 1949—1951 гг. из предметного каталога ГПБ было изъято около 75 000 карточек. Таким образом, в результате «чисток» предметный каталог стал практически непригодным для пользования. Из Комитета по культуре при Совете Министров Российской Федерации поступил приказ полностью уничтожить этот каталог, но сотрудники ГПБ все же отказались это сделать. Тем не менее

все каталоги были, по сути, переработаны таким образом, что о полноценном получении информации о фондах библиотеки невозможно было и думать. Из насчитывавшего 560 000 карточек алфавитного каталога общего читального зала было изъято 220 000 описаний книг.

Гуманитарные оазисы в системе специальных библиотек

В традиционных научных, в первую очередь в крупных, библиотеках универсального профиля даже запросы читателей — специалистов в области техники оказались подверженными воздействию идеологических кампаний того времени. Если в конце 1940-х гг. запросы читателей были связаны преимущественно с исследованиями, целью которых было развитие конкретных отраслей промышленности, то в 1951—1955 гг. их характер изменился. В библиотеки хлынул поток запросов, целью которых было получение литературы, в которой можно было бы найти подтверждение превосходства русской науки над зарубежной во многих отраслях промышленности. Подобное превосходство провозглашалось на официальном уровне. В такой ситуации перед библиотеками ставилась задача помогать читателю находить подтверждение этому даже тогда, когда продукт был во все не российского происхождения — например шампанские вина [19].

Как известно, в тридцатые годы в СССР сформировались сильно разветвленные ведомственные и специализированные системы, каждая из которых была самостоятельной. Составные части этого гигантского организма имели, в свою очередь, самостоятельные ведомственные или специализированные сети, которые функционировали в масштабах всей страны, и каждая из них должна была подчиняться только одному центру. Большинство их них были сориентированы на сферу техники.

Как ни в одной стране, самым распространенным термином стало понятие «научно-техническая библиотека». Распространение этого термина, а также чрезвычайно быстрое увеличение количества и развитие этих библиотек явилось следствием определения приоритетов развития СССР на том этапе. Создавались

прежде всего сети научно-технических библиотек, подчинявшихся народным комиссариатам (позднее — министерствам), например министерствам тяжелой промышленности, легкой промышленности, лесной промышленности и т. д.

Вне сомнения, научно-технические библиотеки находились в более благоприятных условиях, прежде всего в отношении материально-технического обеспечения. В сущности, в годы холодной войны под наукой подразумевалась наука, которая имела отношение прежде всего к тяжелой индустрии и служила интересам военной и оборонной промышленности. В 1952 г. был создан Всесоюзный институт научно-технической информации, а в 1955 г. при Совете Министров СССР организован Комитет по новой технике, целью которого было улучшение «организации дела внедрения в народное хозяйство достижений науки, техники и передового опыта» [20]. Комитет должен был координировать работу всех информационных органов страны, связанных с техникой. Таким образом, в СССР начала формироваться информационная сфера, которая была в значительной степени независима от идеологического влияния и контроля. Она была своего рода заменой крупным библиотекам универсального профиля, которые, обладая богатейшими фондами, не могли реализовывать свой информационный потенциал, будучи превращены в библиотеки для «самых широких масс трудящихся».

Вскоре стало очевидным, что и сфера научно-технической информации должна была поддерживать миф о выдающихся успехах отечественной промышленности. Была создана сложная, многоступенчатая система аналитико-синтетической переработки информации, в рамках которой имелись различные степени доступа. Одной из особенностей системы стал строгий предварительный отбор журналов, проводившийся до их передачи специалистам, работавшим в области информационного обеспечения соответствующей отрасли промышленности. В некоторых случаях из журналов изымались отдельные тексты и даже фотографии, которые подменялись другими изображениями, что было, в частности, характерно для кораблестроения. Даже сам информатор не должен был предполагать, что существуют более новые технологии. В отношении иностранных журналов эта система позднее действовала путем перепечатки этих журналов, что

стало нормой. Еще в 1970-е гг. разрешалось выписывать иностранные журналы, но абоненты получали не оригинал, а переработанную и «улучшенную» репродуцированную копию. «Исчезали» помещенные в оригинале статьи, а в копиях появлялись «специально подготовленные» для советского варианта другие тексты. Что и в каком виде предоставлять читателю, решали соответствующие службы.

Тем не менее ведомственные и специальные библиотеки были намного более самостоятельными, чем крупные универсальные научные библиотеки Москвы, Ленинграда и других регионов. В последних состав фондов, организация и ведение каталогов, обслуживание читателей и сами библиотекари (особенно то, соответствует ли сотрудник библиотеки своей должности) стали объектом контроля со стороны соответствующих органов ЦК КПСС и министерств культуры СССР и РСФСР. Но еще более строго контролировались они методическими центрами, которые были организованы в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ) и в некоторых других центральных библиотеках.

Осуществление методического руководства было поручено этой библиотеке по решению коллегии Министерства культуры при СМ РСФСР. В 1951 г. в ней был создан научно-методический кабинет библиотековедения, который получил все права отдела библиотеки [21].

Поскольку в то время ряд специализированных библиотек (не только технического, но и гуманитарного профиля), например Научная библиотека Академии художеств в Ленинграде, Центральная театральная библиотека в Москве, библиотека с таким же названием в Ленинграде, существовали как бы на краю идеологического фронта, им удалось сохранить лучшие традиции русского библиотековедения и науки. Более того, в них даже в те времена работали такие личности, которые из-за своих анкетных данных не могли активно заниматься исследовательской и преподавательской работой в других учреждениях. Такие сотрудники внесли огромный вклад в развитие научной библиографии, результатом которого стали фундаментальные библиографические указатели по истории изобразительного искусства и по истории театра.

Разумеется, эти библиотеки тоже были под контролем. В 1949 г. была снята с занимаемой должности директор Научной библиотеки Академии художеств Ю. П. Александрович, в последующие три года были сняты с этой должности еще три директора. За этими решениями стояло недовольство Президиума Академии художеств положением дел в библиотеке [22]. Но давление такого рода все же не очень сильно повлияло на формы и методы работы библиотеки.

Справочный аппарат этих библиотек, то есть их каталоги, оказался менее затронутым идеологической борьбой, нежели каталоги других библиотек. Для организации каталогов были приняты другие, разработанные самими библиотеками схемы классификации литературы. Поэтому позднее не было необходимости ликвидировать последствия идеологического влияния на каталоги и картотеки. Не случайно именно эти библиотеки охотнее, чем другие, восприняли идею своего развития в качестве научно-гуманитарных исследовательских библиотек, ориентированных на требования, которые ставят перед библиотеками сами гуманитарные науки и ученые-гуманитарии. Для них библиотека является мастерской, как лаборатория для естествоиспытателей [23]. К такой библиотеке могут быть применены те же критерии, которым соответствуют подобные библиотеки в Германии, например Библиотека герцога Августа в Вольфенбюттеле или Библиотека герцогини Анны Амалии в Веймаре [24]. Иными словами, выяснилось, что российские научные библиотеки гуманитарного профиля — в отличие от крупных универсальных научных библиотек, до сих пор остающихся в той или иной степени квазинаучными библиотеками, — больше готовы к сотрудничеству с зарубежными научными библиотеками.

1. Ильина И. Припугнуть, чтоб другим неповадно было... К истории одного постановления // Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991. С. 176.

2. Эти статьи были написаны одним из крупнейших советских библиотековедов: Кравченко А. Г. Падение читаемости книг в библиотеках США // Библиотечарь. 1952. № 7. С. 44—47; Публичные библиотеки США в тупике // Там же. 1950. № 3. С. 43—45; Что скрывается под «свободой чтения» в публичных библиотеках США // Там же. 1948. № 10. С. 30—33.

Тем не менее, было бы неправомерно считать ее работы образцом непримиримой идеологической борьбы с буржуазным библиотековедением, своего рода вкладом в общие действия на «фронтах холодной войны». Как бы ни были уязвимы эти работы с точки зрения соответствия реальным фактам и ситуации в западных странах, они написаны профессионально и в силу этого сегодня особенно интересны как свидетельство идеологической конфронтации в самый напряженный период холодной войны. При этом необходимо принять во внимание то, что автор выполнил социальный заказ. О том, каковы же собственные взгляды автора на зарубежное библиотечное дело, можно судить по написанной ею в те же годы уникальной многотомной работе «Библиотечная работа в капиталистических странах (Франция, Германия, Швейцария, США, Англия): Опыт исторического исследования», которая в те годы в силу ее несоответствия идеологическим установкам времен борьбы с космополитизмом, естественно, не могла быть опубликована. Во введении к этой работе А. Г. Кравченко, в частности, писала: «Нельзя понять современные процессы в библиотечном деле вне исторической обстановки их развития на каждом определенном этапе» (Введение (1948) // РНБ ОР. Ф. 1119. Ед. хр. 61. Л. 1).

3. Кравченко А. Г. Маршаллизация французских библиотек // Библиотекарь. 1950. № 10. С. 42.

4. В 1944—1946 гг. Министерство образования Финляндии получило от советской контрольной комиссии (Valvotakomissio), которой руководил А. А. Жданов, два печатных каталога с перечнем примерно 300 книг, которые не могли быть представлены на полках библиотек этой страны. Впоследствии влияние советской модели цензуры по отношению к библиотекам выразилось в так называемой самоцензуре, которая была охарактеризована в 1960—1970-е гг. как политика «финляндизации». Самоцензура не допускала, в частности, наличия в библиотеках книг А. И. Солженицына, и в первую очередь «Архипелага ГУЛАГ». Эта страница истории библиотек Финляндии была предметом исследования Kai Eckholm, который прочитал доклад на эту тему на Международной конференции «Книга, издательская деятельность, библиотеки, чтение в годы холодной войны», состоявшейся в июне 1998 г. в Париже: *Eckholm K. Political censorship in Finnish Libraries in 1944—1946 // Livre, Edition, Bibliothèques, Lecture durant la Guerre Froide. Books, Libraries, Reading and Publishing in the Cold War, 11 et 12 Juin 1998. Paris, 1998. P. 80—84.*

5. Леглер В. А. Идеология и квазинаука // Наука и власть. М., 1990. С. 5.

6. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. С. 3.

7. Ковалева М. С. Социальные науки в условиях тоталитарного режима: взаимодействие науки, политики, мифа // Тоталитаризм и посттоталитаризм: Статьи и подготовленные материалы. М., 1994. Кн. 2. С. 215.

8. См.: Леглер В. А. Идеология и квазинаука. С. 20.

9. См.: Цензура иностранных книг в Российской империи и Советском Союзе: Каталог выставки. Москва. Май—июнь 1993 г. М., 1993. С. 9.

10. Советский «спецхрани» представлял собой подразделение библиотеки, в котором главную роль играли не библиотечные работники, то есть не профессионалы, а работники спецслужб. Библиотечные работники находились под их

контролем даже в процессе выполнения повседневной работы. Бывший библиотекарь РНБ В. Тюхняев так описывает эту ситуацию: «Семнадцать лет я отработал в фондах Публички. В сверхзастойные времена я отработал месяц в спецхране: ты дело делаешь, а слева от тебя особист, справа — сотрудник, тоже особист, и оба следят, чтобы ты чего вредного не прочитал» (цит. по: Слепьникова Е. Столляр // Петербургский театральный журнал. 1997. № 14. С. 65).

11. Лебедев Д. В. Из воспоминаний ветерана // 275 лет Библиотеки Академии наук: Сб. докладов юбилейной научной конференции. 28 ноября—1 декабря 1989 г. СПб., 1991. С. 283.

12. Филатов В. П. Наука и научное сообщество в период «культурной революции» // Научный прогресс: когнитивные и социокультурные аспекты. М., 1993. С. 154.

13. История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 322.

14. См.: Там же. С. 326.

15. См.: Там же. С. 374.

16. Среди репрессированных была Г. К. Дерман — одна из самых ярких личностей, способствовавших развитию целого ряда позитивных тенденций в советском библиотечном деле. Она была сторонником активного применения опыта зарубежных коллег, о котором имела хорошее представление, поскольку на протяжении нескольких лет работала в Библиотеке конгресса США в Вашингтоне. В 1930 г. она стала первым директором Московского государственного библиотечного института. В послевоенные годы она не смогла вернуться к полноценной жизни — будучи тяжело больной, она находилась в лагере в Воркуте, где и умерла в 1954 г. (см.: Жадаева И. А. Узница ГУЛАГА // Г. К. Дерман — первый директор Московского библиотечного института (Материалы научной конференции к 110-летию со дня рождения. Статьи и воспоминания). М., 1994. С. 114—117).

17. См., например: Соколинский Е. К. Ю. А. Меженко. Библиограф на ветрах истории. СПб., 1998. С. 184.

18. Иенни Е. В. Воспоминания о группе техники консультационно-библиографического отдела Государственной публичной библиотеки начала 50-х годов // Петербургская библиотечная школа. 1997. № 2. С. 85—90.

19. См.: Там же. С. 89.

20. Карапыгина Т. Ф. История технических библиотек в СССР. М., 1981. С. 89.

21. См.: История Государственной Ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина за 100 лет. 1862—1962. М., 1962. С. 156.

22. См.: Виттенбург Е. П. Научная библиотека Академии художеств за годы советской власти: Очерк. Л., 1970 (Машинопись). С. 82.

23. Наиболее глубокую и многоаспектную характеристику особенностей исследовательской (научно-гуманитарной) библиотеки дал в своих работах Бернхард Фабиан в монографии «Книга, библиотека и гуманитарное исследование» (*Fabian B. Buch, Bibliothek und geisteswissenschaftliche Forschung*. Göttingen, 1983). Русский перевод книги вышел в 1996 г. в Издательстве Библиотеки Российской Академии наук в Петербурге. В ней он, в частности, пишет: «Научная библиотека

гуманитарного профиля является также местом хранения научных результатов. Но вместе с тем она и нечто большее: массив, содержащий в себе первичные источники. Она есть некое единое хранилище научной литературы и научного материала» (с. 28).

24. Наиболее полная характеристика этих библиотек как исследовательских дана в работе Михаэля Кнохе: *Knoche M. Die Forschungsbibliothek. Umrisse eines in Deutschland neuen Bibliothekstyps // Bibliothek — Forschung und Praxis.* 1993. Bd. 17. N 3. S. 291—300.

**ВОЕННЫЕ СЕКРЕТЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА
НА СЛУЖБЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ:
ПОДВОДНАЯ ЛОДКА ДОКТОРА ГЕЛЬМУТА ВАЛЬТЕРА**

Давней мечтой подводников всего мира было создание единого двигателя, обеспечивающего ход подводной лодки как в надводном так и подводном положении. Эта мечта в полной мере сбылась только в послевоенные годы, благодаря применению на подводных лодках атомного реактора как источника тепловой энергии, а также обычной паровой турбины, которая нашла широкое практическое применение еще в конце XIX в.

В нацистской Германии перед Второй мировой войной наряду с серийным строительством и совершенствованием дизель-электрических подводных лодок пристальное внимание уделялось поиску новых тепловых энергоустановок, способных эффективно работать при плавании лодок в подводном положении. Наиболее важным направлением стал поиск нового вида двигателя подводного хода, который заменил бы традиционный дизель в схеме замкнутого газокислородного цикла.

В 1934 г. германский инженер доктор Гельмут Вальтер предложил морскому командованию использовать на подводных лодках для плавания в подводном положении парогазовую турбину, работавшую на необычном топливе — высококонцентрированной перекиси водорода. Применение перекиси водорода H_2O_2 , которую немцы называли ауролом, или янголином (85%-ная перекись водорода с удельным весом 1,37 г/см³).

доктор Вальтер обосновывал тем, что при ее разложении в результате экзотермической реакции получается водно-кислородная парогазовая смесь с температурой 450—700° С, так как вследствие высокой температуры за счет тепла, выделяемого при реакции, вода целиком превращается в пар и смешивается с кислородом [1].

Первая экспериментальная энергоустановка с циклом Вальтера была построена и установлена на стенде в 1936 г. Перекись водорода подавалась в камеру разложения с окисным катализатором, где получалась водно-кислородная парогазовая смесь. Из камеры разложения она первоначально поступала непосредственно к лопаткам газовой турбины, обеспечивая ее вращение. Для снижения числа оборотов винта турбина соединялась с гребным валом через зубчатый редуктор. Экспериментальная установка работала по так называемому холодному способу, при ее функционировании не сжигалось топливо. Совершенствуя ее, чтобы повысить агрегатную мощность, Вальтер решил использовать свободный кислород парогазовой смеси как окислитель для сжигания жидкого топлива. В качестве такого топлива он выбрал один из легких углеводородов — продукт гидрогенизации нафтилина, который немцы называли декалином. Он имеет химическую формулу $C_{10}H_{18}$, удельный вес 0,75 г/см³, точку кипения 185—195° С, точку воспламенения около 60° С и теплотворную способность 10 000 калорий.

Теперь парокислородная смесь из камеры разложения направлялась в камеру сгорания, в которой сжигался декалин. При этом количество парогаза резко возрастало, а температура парогазовой смеси достигала 2000° С. Для снижения температуры и получения большего количества парогазовой смеси в камеру сгорания декалина подавалась питательная вода. Таким образом, в окончательном варианте цикла Вальтера рабочими реагентами являлись аурол, пресная вода и декалин в массовом соотношении соответственно 9:11:1.

Работа энергоустановки Вальтера протекала следующим образом: аурол засасывался насосом из судовых цистерн и поступал через регулировочный клапан в камеру разложения, где разлагался на кислород и воду под воздействием катализатора — пиролюзита (MnO_2), смешанного с глиной или цементом с пес-

ком в виде сухих кубиков размером 1 см³. Продукты разложения аурола (перекиси водорода), состоявшие из кислорода (35%) и воды (65%) с температурой 450—700° С, поступали в камеру сгорания декалина. В нее из судовых цистерн через регулировочные клапаны с помощью насосов подавались декалин и пресная вода для снижения температуры продуктов сгорания. Из камеры сгорания смесь водяных паров и углекислого газа поступала в турбину. Продукты сгорания декалина в камере сгорания имели температуру до 2200° С, а смесь паров воды, CO и CO₂ на входе реактивной газовой турбины — около 550° при давлении 28 атм. Отработанная парогазовая смесь из турбины направлялась в конденсатор-холодильник, откуда вода откачивалась конденсаторным насосом и снова возвращалась в замкнутый цикл Вальтера, а углекислый газ выбрасывался за борт с помощью компрессора. Мощность компрессора позволяла удалять углекислый газ за борт до глубины погружения лодки 100 м, на которой газовая турбина еще могла развивать до 80% своей полной мощности (на подводных лодках проекта XXVI-W). Четвертым компонентом замкнутого цикла Вальтера, кроме аурола, декалина и пресной воды, являлась забортная вода, которая с помощью насоса поступала в заместительную цистерну, компенсируя израсходованные реагенты энергоустановки.

Наиболее ненадежным и небезопасным в цикле энергоустановки являлось использование в ней аурола в качестве кислородоносителя. Аурол крайне пожаро- и взрывоопасен, его хранение на подводной лодке сопряжено с огромными трудностями. Кроме того, несмотря на хорошо наложенное в Германии производство аурола, 1 кг этого окислителя в период войны стоил от 1,3 до 2,0 рейхсмарок, поэтому 6-часовой ход подводной лодки обходился казне, например, для проекта XXVI-W от 145 до 220 тыс. марок. Аурол в Германии был весьма дефицитным продуктом, поскольку в значительных количествах потреблялся для реактивных двигателей самолетов и самолетов-снарядов, а также для торпед. Кроме того, запасы аурола могли быть пополнены только в пункте базирования корабля, тогда как дизель-электрические германские подводные лодки имели возможность принимать топливо со специальных лодок-танкеров, находясь на позициях в Атлантическом океане.

Тем не менее аурол обладал замечательными качествами, ради которых германское военно-морское командование шло на большие денежные затраты и не меньший риск, связанный с пожаро- и взрывоопасностью. Во-первых, аурол практически неиспаряется и может храниться на подводной лодке сколь угодно долго, в то время как жидкий кислород в течение 10—14 суток целиком переходил в газообразное состояние, и его приходилось систематически стравливать за борт. Во-вторых, при распаде аурол выделяет большое количество тепла, которое можно использовать как определенный энергозапас для парообразования в камере разложения.

В целом энергоустановка, созданная доктором Вальтером, была комбинированной, и парогазовая турбинная установка (ПГТУ) предназначалась только для достижения высоких подводных скоростей, а малый ход по-прежнему обеспечивался гребным электродвигателем, питаемым от аккумуляторной батареи. Для надводного хода и подзарядки аккумуляторной батареи был сохранен дизель. Сложность энергоустановки Вальтера усугублялась тем, что в ее состав обязательно входил зубчатый редуктор, создававший высокий уровень шума.

Германское военно-морское командование во главе с гроссадмиралом К. Деницем прекрасно понимало ценность изобретения доктора Вальтера, и ему были предоставлены широкие возможности вести экспериментальные работы на заводе «Deutsche Werke» в Киле [2]. По свидетельству бывшего командующего германским военно-морским флотом адмирала Э. Рёдера, уже в 1940 г. Вальтером были созданы экспериментальные подводные лодки малого тоннажа, которые проходили всесторонние испытания в Данцигской бухте. Одна из этих лодок (V-80) развивала подводную скорость до 24 узлов. Обширный экспериментальный материал, накопленный Вальтером в процессе испытаний по функционированию ПГТУ, позволил уже в 1941 г. непосредственно приступить к проектированию боевых подводных лодок совершенно нового типа. Особый интерес к подводным лодкам Вальтера германское военно-морское командование проявило в 1942 г., когда германский подводный флот начал нести большие потери от противолодочных сил союзников.

В феврале 1942 г. на основании тактико-технических заданий (ТТЗ), сформулированных германским военно-морским командованием, Г. Вальтер приступил к проектированию боевых подводных лодок с ПГТУ. Основное внимание обращалось на подводные качества лодки в ущерб ее надводным скоростным характеристикам. Например, максимальная дальность плавания в надводном положении под дизелями задавалась при скорости 7 узлов. Это была наибольшая скорость, которую могла развивать подводная лодка в перископном положении, следя под «шнорхелем», изобретенным еще в 20-х гг. итальянским инженером Феретти. Идея его изобретения заключалась в том, что на высоту перископа выдвигалась специальная труба, имевшая два независимых канала. По одному из них атмосферный воздух поступал в дизели для вентилирования отсеков лодки, а через другой канал в атмосферу удалялись отработанные газы. Устройство Феретти было востребовано в середине Второй мировой войны, когда английские противолодочные самолеты и корабли охранения получили на вооружение радиолокационные станции, и германские подводные лодки лишились возможности производить подзарядку аккумуляторных батарей, осуществлявшуюся только в надводном положении. При обнаружении противолодочным самолетом лодка не успевала погрузиться и становилась жертвой глубинных бомб.

Германские конструкторы значительно усовершенствовали устройство, обеспечивавшее работу дизеля под водой, снабдив его специальными поплавковыми клапанами, которые закрывали трубу, если она накрывалась волной или в случаях, когда подводная лодка не удерживала необходимую глубину погружения. Тогда же родилось и название «шнорхель», означавшее в разговорном нижненемецком диалекте «нос» [3]. Выдвинутые перископ и «шнорхель» ограничивали скорость подводной лодки на перископной глубине до 7 узлов, а поскольку энергоустановка Вальтера была комбинированной, то есть имела в своем составе и ПГТУ, дизель и гребной электродвигатель, то отсюда и появилось требование 7-узловой скорости при максимальной дальности плавания под дизелем.

В середине июня 1942 г. старейшая германская судостроительная фирма «Blohm und Voss» в Гамбурге получила заказ на две

экспериментальные подводные лодки XVII серии по проекту Г. Вальтера (Wa-201). Им присвоили номера U-792 и U-793. В начале августа того же года заказ на две лодки по проекту Г. Вальтера (Wa-202) был выдан фирме Круппа «Germania Werft» в Киле. Им также присвоили номера, соответственно, U-794 и U-795. Проекты лодок Вальтера Wa-201 и Wa-202 очень не значительно отличались друг от друга и имели совершенно одинаковые энергетические установки. В соответствии с первыми буквами названий фирм серийные лодки именовались XVII-B (проект Wa-201, фирма «Blohm und Voss») и XVII-G (проект Wa-202, фирма «Germania Werft»).

Сроки готовности первых четырех подводных лодок Вальтера были установлены на апрель—июнь 1944 г. Предполагалось, что в случае успешных результатов испытаний экспериментальных лодок начиная с августа 1944 г. указанные фирмы получат заказ на серийную постройку подводных лодок этого типа (XVII-W) и будут сдавать флоту ежемесячно по одной лодке.

Основные ТТЭ малых подводных лодок Вальтера почти не отличались друг от друга. Энергетическая установка на обеих разновидностях лодок была одновальной. Все механизмы, входившие в нее, работали на гребной вал через редуктор.

Первые четыре подводные лодки XVII серии были построены и всесторонне испытаны. По свидетельству германского инженера Х. Гейстера, полученному после войны, они не развили проектной скорости подводного хода под ПГТУ. Реальная скорость, зафиксированная на испытаниях, оказалась равной 24 узлам, а дальность плавания под турбинами — 77 милям. Остальные ТТЭ этих лодок, полученные на испытаниях, соответствовали проектным.

Подводные лодки Вальтера XVII серии, предназначенные для действий в проливной зоне (северное побережье Франции — южное побережье Англии), в основном решали задачу, поставленную германским военно-морским командованием, исходя из изменившихся условий войны на море. Даже в сложной обстановке, когда корабли охранения были вооружены радарами и асдиками [4], а в воздухе над проливами непрерывно патрулировала противолодочная авиация противника, также вооруженная радарами, подводные лодки этого типа имели возможность ус-

пешно выходить в атаку на корабли и суда конвоев, а после нее отрываться от них на таких скоростях, при которых преследование их кораблями охранения становилось неэффективным из-за невозможности использовать гидроакустические средства на больших ходах.

В период постройки первых подводных лодок Вальтера нацистская Германия была наполнена слухами о новом оружии, в том числе и о новейших сверхлодках, которые должны задушить Англию в тисках голода, выполняя указание гросс-адмирала Деница «Топи их всех!». Преднамеренная утечка информации, осуществлявшаяся ведомством Геббельса, создавала благоприятную почву для таких слухов. Тем не менее слухи о новом оружии, которое круто повернет ход войны, имели под собой реальные основания. Ракетные установки, размещенные на северном побережье Франции, успешно обстреливали Лондон и другие города Англии самолетами-снарядами (крылатыми ракетами) «Фау-1» и баллистическими ракетами «Фау-2», созданными Вернером фон Брауном, концерн «Мессершмитт» испытывал первый в мире самолет-истребитель с реактивными двигателями («Ме-262»), подводные лодки Вальтера уже были готовы выйти в море, чтобы пустить на дно очередной союзный конвой.

По этому поводу командир германской подводной лодки Хайнц Шеффер вспоминал: «Гросс-адмирал Дениц прибывал к нам на флотилию для инспектирования один раз в три месяца. Он подбадривал нас и часто произносил слова: „Мы будем продолжать войну до победного конца!“ После официальной проверки он оставался на флотилии до следующего дня и старался провести вечернее время вместе с командирами лодок. Адмирал говорил коротко и отрывисто. Упоминал о новых проектах подводных лодок, которые обладали невероятными возможностями. Уже с апреля 1944 г. ежедневно со стапелей должны были сходить по две новые лодки, таким образом, в месяц это составило бы шестьдесят, а в год — семьсот тридцать единиц. Он также говорил, что германские Люфтваффе располагают новыми типами самолетов и что благоприятного поворота событий на фронтах долго ждать не придется» [5]. Таким образом, ни у простых немецких обывателей, ни у офицеров и солдат Вермахта не было оснований не верить пропаганде о «новом оружии» рейха. Это вселяло в их

души надежду на скорый перелом в ходе военных действий, что явилось одним из важнейших факторов упорного сопротивления до последних дней войны.

Наиболее радикальной из обсуждавшихся новинок подводного оружия являлась подводная лодка Вальтера [6]. Однако, несмотря на весьма успешные результаты испытаний четырех экспериментальных подводных лодок Вальтера XVII серии, ни одна из них не была использована в боевых действиях. Как считается, основной причиной этого являлась повышенная шумность электродвигателя в подводном положении, который работал на гребной вал через зубчатый редуктор, не имея амортизаторов. В результате этих причин подводные лодки U-792, U-793, U-794 и U-795 использовались как учебные для подготовки экипажей, которым предстояло эксплуатировать энергоустановку Вальтера.

Как уже говорилось, одновременно с заданиями на лодки Вальтера XVII серии германским военно-морским командованием были выданы задания на проектирование больших подводных лодок (Atlantic Typ).

В соответствии с этими заданиями Вальтером был разработан проект подводной лодки серии XVIII-W. Заказ на строительство двух подводных лодок по этому проекту получила фирма «Deutsche Werke» в Киле. Они также числились экспериментальными и фигурировали в процессе постройки и испытания под номерами U-796 и U-797. Вслед за ними были заказаны еще три подводные лодки этого типа: U-798, U-799 и U-800. Срок готовности первых двух лодок был установлен на апрель-май 1945 г. Сразу же после окончания их испытаний в мае 1945 г. планировалось выдать заказ этой же фирме на серийную постройку еще нескольких подводных лодок Вальтера XVIII серии. Однако в процессе постройки океанских подводных лодок водоизмещением около 1500 т встретились определенные конструктивные и производственные затруднения. Кроме того, как утверждает Х. Шеффер, «в ходе разработки проекта выяснилось, что созданный и испытанный вариант двигателя Вальтера был пригоден для лодки значительно меньшего водоизмещения, а увеличение габаритов и мощности двигателя было связано с большими трудностями и длительными сроками его доработки».

По данным других источников [7], две подводные лодки этой серии все же были построены. Одна из этих лодок (предположительно, U-796) была затоплена немцами (место затопления неизвестно), вторая (предположительно, U-797) попала к англичанам, чертежи и отдельные части, в том числе и парогазовая турбина, третьей лодки (предположительно, U-798) были разысканы советскими специалистами на территории советской оккупационной зоны в Германии. Это подтверждает (мнение Х. Шеффера) в своей книге Пауль Герберт Фрейер: «Задание на начало постройки подводных лодок U-796 — U-800 было отменено и больше не возобновлялось» [8].

Критическая обстановка, сложившаяся для германских подводных лодок в результате массированного воздействия противолодочных сил союзников, требовала принятия немедленных решений, то есть срочного строительства скоростных подводных лодок с повышенными боевыми качествами. В этих условиях, когда потери немецких подводных лодок резко возросли, германское военно-морское командование было вынуждено пойти на компромисс и прибегнуть к традиционным методам повышения скорости подводного хода, то есть за счет оптимизации формы корпуса, повышения емкости аккумуляторных батарей и увеличения мощности гребных электродвигателей.

В 1943 г. в Германии было создано специальное конструкторское бюро подводного кораблестроения под названием «Gluckauf». Его конструкторы решили задачу создания скоростной подводной лодки, использовав форму корпуса, предложенную Вальтером для лодок с единым двигателем (XVIII серии), и значительно повысив емкость аккумуляторных батарей. С выбором и установкой более мощных гребных электродвигателей, естественно, никаких проблем не существовало. Число групп аккумуляторной батареи было утроено по сравнению с германскими дизель-электрическими подводными лодками других серий, а также повышена их удельная мощность путем применения более тонких пластин. Уменьшение толщины пластин элементов привело к снижению их ресурса с 2—2,5 лет работы до 1—1,5 лет, но поскольку в течение войны на подводные лодки установился взгляд как на «расходный материал» (из-за больших фактических потерь), то почти двукратное сокращение срока службы аккумуляторной ба-

тареи не имело существенного значения. Проект подводной лодки океанского типа, разработанный в «Gluckauf» на базе корпуса XVIII серии, отличался значительно повышенной скоростью подводного хода (15,6 узла) по сравнению с существовавшими дизельными лодками, которая была близка к надводной (16,3 узла), и получил название XXI серии. Тактико-технические элементы подводной лодки XXI серии отвечали минимальным требованиям германского военно-морского командования и позволяли временно «заткнуть» образовавшуюся «дыру». Тем не менее создание подводных лодок XXI серии вполне можно считать первым этапом в развитии скоростных подводных лодок. Не дожидаясь подводных лодок Вальтера, сроки вступления в строй которых были весьма туманными, геббельсовская пропаганда окрестила подводные лодки XXI серии «чудо-лодками» («Wunderboot») [9].

Кроме того, на базе корпуса малых подводных лодок Вальтера XVII серии немецкие конструкторы в короткие сроки разработали проект малой дизель-электрической подводной лодки прибрежного действия (Kustenboot) XXIII серии, которая также имела довольно высокую скорость подводного хода (12,5 узла), даже превышавшую надводную (9,7 узла).

Строительство подводных лодок XXI и XXIII серий осуществлялось исключительно быстрыми темпами с широким применением поточного секционного метода, в результате чего сборка отдельных секций на стапеле заключалась лишь в подгонке уже готовых смежных секций и их последующей электросварке [10].

По данным Б. М. Малинина — известного советского конструктора подводных лодок, в Германии к концу войны было построено 580 подводных лодок XXI серии и 140 лодок XXIII серии [11]. Большое количество введенных в строй новых подводных лодок позволяло германскому военно-морскому командованию держать на боевой службе в море одновременно значительное число лодок новых типов. Германский историк Рихард Лаковски пишет: «До конца апреля 1945 г. в море несли службу 120 лодок XXI серии и 61 лодка XXIII серии» [12].

Тем не менее работы по конструированию подводной лодки Вальтера, способной действовать в Атлантическом океане (Atlantic Typ), не прекращались. «Немедленно вслед за аннулированием проекта XVIII-W серии, — пишет Б. М. Малинин, — ли-

хорадочными темпами была начата разработка нового проекта, известного под наименованием XXVI-W серии» [13].

Была выбрана одновальная схема энергоустановки, обеспечивающая наиболее высокое значение пропульсивного коэффициента. Одновременно это несколько экономило дорогостоящий и дефицитный аурол. Все результаты исследований и испытаний, проведенных при проектировании подводных лодок XVIII серии, были использованы в проекте XXVI-W. Особое внимание при выборе главных размерений было обращено на подводные качества лодки. Испытания буксируемой модели лодки проводились в Гамбургском опытном бассейне, в результате чего было установлено, что при отдаче ПГТУ на гребной вал 6500 л. с. может быть достигнута скорость 24,25 узла при пропульсивном коэффициенте 0,726.

При этом 1000 л. с. из общей мощности 7500 л. с., развиваемой газовой турбиной, расходовалась на работу компрессора и других вспомогательных механизмов установки Вальтера. Главное внимание при испытаниях модели в бассейне обращалось на форму кормы и ее оперение (стабилизаторы), а также на подтекание воды к гребному винту [14].

Однако подводные лодки Вальтера XXVI серии не смогли принять участия в подводной войне, развернутой Германией в Атлантике против союзников. Разгром немецких войск и капитуляция Германии застали их, за исключением двух, незаконченными. Готовые отдельные секции лодок были разбросаны по всей Германии в местах их изготовления. Оставалось лишь собрать их на стапелях, что потребовало бы 6—8 месяцев для сборочных работ. В результате новый тип океанской скоростной подводной лодки остался неиспытанным в условиях боевой службы, и это породило немало иллюзий относительно их боевых качеств и дальнейшего развития лодок с энергоустановкой Вальтера. При отступлении немецких войск экспериментальные малые подводные лодки Вальтера XVII серии были затоплены своими экипажами [15].

Сотрудникам английских и американских спецслужб, следовавшим сразу же за передовыми эшелонами наступавших на Западе войск союзников, удалось захватить Г. Вальтера в одном из филиалов его конструкторского бюро в Киле и вместе с семьей быстро переправить в Англию. Вскоре англичанами была подня-

та затонувшая подводная лодка Вальтера с ПГТУ XVII-В серии (U-1407) и через Ла-Манш отбуксирована в военно-морскую базу Саутгемптон на побережье Англии. Вальтер лично вместе с английскими специалистами принимал активное участие в восстановлении поднятой лодки. После окончания ее ремонта под руководством Вальтера продолжились ходовые испытания подводной лодки U-1407 по расширенной программе, которая не была завершена в Германии. Эта подводная лодка числилась в военно-морском флоте Великобритании до 1950 г.

На основе трофеиной подводной лодки и с учетом результатов испытаний в Англии были спроектированы и построены в 1956—1958 гг. две опытные подводные лодки с ПГТУ — «Эксплорер» и «Экскалибур». На них были установлены по две парогазовые турбины Вальтера мощностью 4000 л. с. каждая. Однако эти лодки были экспериментальными и использовались для отработки параметров ПГТУ и обучения личного состава. В процессе испытаний подтвердились существенные недостатки, которые имели место на германских подводных лодках с энергоустановками Вальтера — повышенная взрыво- и пожароопасность по сравнению с обычными дизель-электрическими лодками, а также слишком большой расход перекиси водорода. Эти обстоятельства вместе с высокой стоимостью самой энергоустановки Вальтера и большой шумностью лодок на максимальных ходах явились основными причинами нецелесообразности продолжения работ по применению ПГТУ на перекиси водорода на подводных лодках [16].

В США, наоборот, обратили внимание на доработку германской дизельной установки, работавшей по замкнутому циклу с использованием жидкого кислорода. Одну из них целиком доставили в США из Германии. Она сразу же была смонтирована на испытательном стенде, и ее испытания продолжались. В 1951 г. на основе трофеиного образца в США была создана усовершенствованная дизельная энергоустановка, работавшая по замкнутому циклу, под названием «Эллис». При испытании ее, как и при работе других многочисленных аналогичных установок с замкнутым газокислородным циклом, возникло много трудно решаемых проблем — быстрая испаряемость сжиженного кислорода, пожаро- и взрывоопасность. В связи с этим в 1952 г. кислород в

энергоустановке «Эллис» решили заменить перекисью водорода, что еще больше увеличивало пожаро- и взрывоопасность. С энергоустановкой «Эллис» при мощности дизеля 30 л. с. было решено построить сверхмалую подводную лодку Х-1 водоизмещением 25—29 т и скоростью 12—15 узлов. В 1958 г. при испытаниях подводной лодки Х-1 в системе загрузки перекиси водорода произошел взрыв, причинивший серьезные разрушения. После этой аварии все работы по совершенствованию единого двигателя для подводных лодок на базе дизеля в США были прекращены [17].

В это же время в Швеции была построена подводная лодка с дизельной энергоустановкой, работавшей в подводном положении по замкнутому циклу на жидким кислороде. Подводная лодка была доведена до эксплуатационной готовности, и было запланировано построить еще шесть аналогичных лодок, но их строительство отменили по уже упоминавшимся причинам. Одновременно в Швеции прекратили и строительство подводных лодок с парогазовой турбиной на перекиси водорода.

В начале 1946 г. в Фултоне (США) премьер-министром Англии У. Черчиллем была произнесена известная речь, положившая начало холодной войне и гонке вооружений.

В условиях обострившейся международной обстановки Советский Союз также вступил в гонку вооружений. Это явилось основной причиной продолжения работ по созданию подводной лодки с единственным двигателем, начатых еще до Великой Отечественной войны. В июле 1946 г. вышло постановление Правительства СССР «О мерах по дальнейшему развитию работ в области создания подводных лодок с единственным двигателем». По агентурным данным, в НКВМФ было известно, что в фашистской Германии велась разработка подводных лодок с ПГТУ. В связи с этим в июле 1945 г. по решению наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова в Берлине было создано Конструкторское бюро ВМФ. Основной его задачей являлось использование знаний и опыта немецких специалистов в интересах советского флота, а также выявление мест постройки кораблей и изучение технологии сборки. Начальником КБ ВМФ в Берлине был назначен заместитель начальника Научно-технического комитета ВМФ инженер-капитан 1-го ранга Л. А. Коршунов (затем вице-адмирал, начальник ЦНИИ военно-го кораблестроения ВМФ) [18].

Советская оккупационная зона управлялась Советской военной администрацией в Германии (СВАГ). Центральные органы СВАГ были сосредоточены в окраинном районе Берлина — Карлсхорсте. В числе многочисленных отделов СВАГ был и Военно-морской отдел, во главе с контр-адмиралом В. Н. Мельниковым. В Карлсхорсте находилось конструкторское бюро ВМФ СССР в Берлине. Его начальник инженер-капитан 1-го ранга Л. А. Коршунов одновременно был помощником начальника Военно-морского отдела СВАГ. Всего в КБ ВМФ в Берлине и его отделениях работало около 100 немецких специалистов, причем принадлежность к нацистской партии не служила помехой для приема на работу.

Характеризуя сферу деятельности бюро, Л. А. Коршунов пишет: «Продукцией нашего бюро являлись научно-технические материалы самого различного характера... Например, очень ценными были материалы, касавшиеся новейшей немецкой опытной подводной лодки XXVI серии с оригинальной энергетической доктора Вальтера» [19]. Отдельные чертежи и части одной из таких лодок, возможно находившиеся на территории советской оккупационной зоны, начали разыскивать сотрудники бюро.

Было установлено, что проектировало подводную лодку германское конструкторское бюро «Глюкауф» (*«Glückauf»*), находившееся в Бланкенбурге в 200 км от Берлина. Там было создано отделение «Конструкторского бюро ВМФ СССР в Берлине», которым стал руководить немецкий инженер Фридрих Статешный. К 1947 г. был не только восстановлен проект подводной лодки Вальтера и ее энергоустановка, но и найдены на разных заводах Германии уникальные крупные детали ПГТУ. После этого группа Ф. Статешного перешла в распоряжение Наркомсудпрома, в структуре которого постановлением Правительства СССР было создано Специальное конструкторское бюро во главе с А. А. Антипиным (*«Бюро Антипина»*). Одновременно А. А. Антирин являлся начальником ЦКБ-18 МСП (ныне — ЦКБ МТ *«Рубин»*) в Ленинграде.

По контракту с Минсудпромом Ф. Статешный с частью своей группы в 1947 г. переехал из Бланкенбурга в Ленинград и продолжил там работу над подводной лодкой с энергоустановкой Вальтера в ЦКБ-18. В состав группы Статешного входили:

офицер-подводник О. Краге, инженеры Э. Мензен, Г. Грибш, А. Вейсенберг, П. Детке, И. Натхауз, Г. Тромпке, В. Шумахер и Э. Кеппель.

Немецкие специалисты, прибывшие в СССР, стали также работать во вновь сформированном особом техническом бюро № 3 Научно-технического комитета, начальником которого назначили инженер-капитана 1-го ранга Н. П. Сербина. Бюро было подчинено начальнику НТК ВМС контр-адмиралу В. П. Богоlepovу. Только в Сестрорецке работали около 70 немецких специалистов.

В это же время в ЦКБ-18 начались работы по окончательному восстановлению технической документации проекта германской подводной лодки XXVI серии (проект 616) и проектированию отечественной лодки с ПГТУ Вальтера (проект 617). Все оборудование подводной лодки проекта 617 должно было быть отечественного производства, за исключением парогазовой турбинной установки. ПГТУ предполагалось скомпоновать из тех разрозненных частей и механизмов, которые удалось разыскать сотрудникам КБ ВМФ СССР в Берлине и «Бюро Антипина» на германских заводах. Недостающие элементы нужно было заказывать на отечественных предприятиях по немецким чертежам [20].

Предэскизная проработка подводной лодки проекта 617 проводилась в ЦНИИ им. А. Н. Крылова по договору с ЦКБ-18. Руководил проработкой бывший главный инженер ЦКБ-18 Б. М. Малинин, работавший в это время в ЦНИИ им. А. Н. Крылова. Предэскизный проект был закончен в конце 1947 г., а затем в начале следующего года рассмотрен на заседании техсовета в ЦКБ-18 и 5-м Главном управлении Минсудпрома.

В мае 1948 г. в Ленинграде было создано Специальное конструкторское бюро № 143 (СКБ-143) Минсудпрома (ныне — «Малахит»), которое предназначалось для проектирования подводных лодок со спецэнергетикой. По решению Минсудпрома дальнейшее проектирование подводной лодки с ПГТУ (проекта 617) поручили СКБ-143, куда с этой целью были переведены сотрудники упоминавшегося выше «Бюро Антипина», в том числе и немецкие, большая группа специалистов из ЦКБ-18, ЦНИИ им. А. Н. Крылова и других проектных организаций МСП. Начальником СКБ-143, одновременно оставшись главным констру

тором подводной лодки проекта 617, стал Алексей Александрович Антипов, который возглавлял это бюро до 1955 г.

В течение 1948—1950 гг. СКБ-143 разработало эскизный и технический проекты подводной лодки с ПГТУ, выпустило рабочие чертежи, а также всю техническую документацию, необходимую для строительства и последующей эксплуатации лодки.

Было увеличено водоизмещение подводной лодки проекта 617 до 950 т по сравнению с лодкой Вальтера (870 т). Сразу бросался в глаза большой запас плавучести, обычно принятый для отечественных подводных лодок, и завышенное количество личного состава. Изменив конструкцию выступающих частей, а также компоновку оборудования внутри лодки, конструкторам СКБ-143 при проектировании корпуса не удалось выдержать основные соотношения главных размерений и другие характеристики, которые при мощности ПГТУ 7250 л. с. обеспечили бы максимальную скорость подводного хода, равную 22 узлам, как у лодки Вальтера XXVI серии.

Правда, лодки XXVI серии остались недостроенными, поэтому трудно сказать, какую скорость они развили бы на ходовых испытаниях. Испытания же экспериментальных подводных лодок с ПГТУ XVII серии (*Kustenboot*) показали, что они развивали максимальную скорость подводного хода на 1—1,5 узла ниже проектной. По поводу ожидаемой максимальной подводной скорости хода лодки Вальтера XXVI серии Б. М. Малинин писал: «ожидаемая наибольшая скорость подводного хода должна заключаться в пределах 21,5—22,0 узлов» [21].

Тем не менее, несмотря на то что в проекте 617 значения отношения В/Г, относительной длины и числа Фруда (Fr) несколько хуже, чем у лодки Вальтера, они были весьма далеки от аналогичных величин обычных дизель-электрических подводных лодок. Поэтому создание подводной лодки проекта 617 является несомненным успехом отечественного подводного кораблестроения. Энергетическая установка подводной лодки проекта 617 состояла из двух частей — обычной дизель-электрической схемы, применяемой на дизель-электрических лодках, и ПГТУ, которая предназначалась только для подводного хода со скоростью не менее 10—20 узлов.

Дизель-электрическая установка в целом обеспечивала ход лодки в надводном и подводном положении, а также на пе-рископной глубине под РДП (устройство работы дизеля под во-дой — «шнорхель»). ПГТУ мощностью 7250 л. с. размещалась в необитаемом отсеке и состояла из следующих компонентов: парогазовой турбины, камер разложения и горения, конденса-тора-смесителя и компрессора высокого давления. ПГТУ полно-стью воспроизводила цикл Вальтера. В качестве химического реагента использовалась маловодная перекись водорода 80%-ной концентрации («продукт 030»), запас которого был до-веден до 103,4 т. Углеводородное топливо типа декалина храни-лось в цистернах емкостью 13,9 т. Парогазовая турбина и дизель-электрическая установка работали через двухступенчатый редук-тор на один гребной вал.

«Продукт 030» разлагался на газообразный кислород (37%) и водяной пар (63%) при температуре 700° С. Питательная вода, подававшаяся в камеру горения, снижала температуру продуктов горения с 2000 до 550° С. Номинальное давление парогазовой смеси на входе турбины (21,0 кг/см²) изменялось в зависимости от требуемой скорости подводной лодки. Расход «продукта 030», углеводородного топлива и питательной воды автоматически компенсировался дозированным приемом забортной воды в цис-терну замещения.

Количество «продукта 030», углеводородного топлива и пита-тельной воды, подаваемых в камеры разложения и горения, регу-лировалось автоматически в зависимости от нагрузки турбины с помощью трехкомпонентного насоса, четырехкомпонентного регулятора и трехкомпонентного переключателя. Эти три уст-ройства были наиболее сложными в ПГТУ Вальтера. Их так и не удалось в сборке обнаружить в Германии, и отдельные детали пришлось заказывать на отечественных предприятиях. Немецкие специалисты, работавшие в «Бюро Антипина», заявили, что они не были допущены к разработке этих устройств. Блок из трех скомпонованных в одном корпусе насосов обеспечивал синхрон-ную подачу в определенных пропорциях «продукта 030», топлива и питательной воды к четырехкомпонентному регулятору. По-следний в зависимости от режима работы ПГТУ автоматически обеспечивал дозированную подачу рабочих реагентов к трехком-

понентному переключателю и забортной воды в цистерну замещения. Далее, реагенты через трехкомпонентный переключатель поступали, соответственно, в камеры разложения и горения. ПГТУ могла длительно работать при полной нагрузке на глубинах от 30 до 120 м и кратковременно в течение 5 мин на глубине до 160 м.

5 февраля 1951 г. опытная подводная лодка проекта 617 под номером «С-99» была заложена на заводе «Судомех» (ныне — завод «Адмиралтейские верфи») в Ленинграде. Первым командиром С-99 стал капитан 1-го ранга Н. Г. Симонов. Ровно через год, 5 февраля 1952 г., последовал спуск лодки на воду, а 16 июня уже начались заводские испытания. Они проходили трудно и затянулись более чем на три года. Хотя ПГТУ долгое время отрабатывалась на заводском стенде, в процессе ее испытаний на лодке имел место ряд возгораний в турбинном отсеке и даже небольшие взрывы, так называемые хлопки, не причинявшие значительных разрушений. В трофеевые емкости для хранения «продукта 030» (эластичные синтетические мешки) немецкого производства иногда попадала забортная вода. Испытания проводились в районе Лиепайской военно-морской базы, где были устроены специальные хранилища для «продукта 030» и заправочная станция.

21 апреля 1955 г. С-99 была предъявлена заводом на государственные испытания, которые закончились 20 марта 1956 г. За одиннадцать месяцев государственных испытаний на лодке наблюдались те же неполадки, что и в процессе заводских испытаний. Наряду с недостатками — повышенная взрыво- и пожароопасность, высокий уровень шумности при ходе под ПГТУ — в приемном акте государственной комиссией было отмечено, что на подводной лодке впервые достигнута скорость полного подводного хода 20 узлов в течение шести часов. Ревизия (ремонт) механизмов лодки после испытаний из-за аварийных ситуаций, связанных с работой ПГТУ, затянулась до весны 1958 г. В мае 1958 г. С-99 вступила в опытную эксплуатацию в составе одного из дивизионов подводных лодок КБФ и начала отработку курсовых задач боевой подготовки. Всю зиму 1958—1959 гг. она проплавала в южной Балтике, успешно сдав все курсовые задачи.

В период затянувшихся заводских испытаний С-99, а именно в марте 1953 г., по распоряжению Совета Министров СССР, все

работы по проекту 617 из СКБ-143, на которое было возложено проектирование подводных лодок с ядерными энергоустановками, снова передали в ЦКБ-18. Учитывая результаты испытаний С-99, ЦКБ-18 разработало новый усовершенствованный проект двухвальной подводной лодки с ПГТУ, работающей на перекиси водорода (проект 643). К моменту окончания опытной эксплуатации моторесурс основных механизмов С-99 был полностью выработан, и лодку планировалось поставить для производства среднего ремонта на завод «Судомех». Однако руководство ВМФ и МСП решило продолжить испытания С-99 по специальной программе с целью выяснения возможности работы ПГТУ в более напряженных режимах, чтобы внести соответствующие корректизы, если это потребуется, в проект 643.

19 мая 1959 г. С-99 с комиссией на борту, в состав которой вошли специалисты 1-го ЦНИИ ВМФ, ЦКБ-18 и флагманский инженер-механик В. А. Баданин, вышла в море (на испытательный полигон) для проверки работы ПГТУ на глубинах, превышавших пределы, которые были установлены программами заводских и государственных испытаний. При запуске газовой турбины на глубине 80 м в турбинном отсеке произошел сильный взрыв, и лодка начала быстро погружаться с увеличивавшимся дифферентом на корму. Только благодаря умелым действиям командира лодки В. П. Рябова удалось приостановить погружение на глубине около 120 м, а затем всплыть на поверхность.

При расследовании причин аварии было установлено, что произошел взрыв «продукта 030» в погрузочном трубопроводе диаметром 60 мм. Непосредственной же причиной взрыва могло быть случайное попадание каких-либо технологических примесей в бортовой погрузочный клапан, активно реагирующих с перекисью водорода, в результате чего началось ее бурное разложение в ограниченном объеме трубы. После этой аварии подводная лодка С-99 не восстанавливалась и в начале 60-х гг. была исключена из списков флота. Не получил дальнейшего развития и проект 643.

Параллельно с разработкой германского прототипа подводной лодки Вальтера XXVI серии советскими конструкторами в послевоенный период были продолжены проектирование и строительство подводных лодок с дизельными двигателями,

работавшими по замкнутому газокислородному циклу. Эти работы велись в СКБ-143, а затем также были переданы в ЦКБ-18.

Единый двигатель с выхлопом в воду (ЕД-ВВД) длительное время разрабатывала группа конструкторов во главе с И. П. Янкевичем. В 1950 г. на заводе «Судомех» под ЕД-ВВД была переоборудована подводная лодка М-92 (бывшая С-92). Комиссия, испытавшая эту лодку, отметила пузырьковый шлейф на поверхности воды как результат выхлопа в воду. Тем не менее в СКБ-143 на базе этого типа двигателя в мае 1950 г. был разработан проект подводной лодки 618. Но этот проект остался нереализованным. Причина, по-видимому, заключалась в том, что проект 618 конкурировал с другим проектом, где двигатель также работал по замкнутому газокислородному циклу, но с химическим поглотителем выхлопных газов (ЕД-ХПИ) без выброса за борт. Схема ЕД-ХПИ испытывалась на подводной лодке М-254 проекта 615. Главным конструктором проекта был А. С. Касациер. Он и его группа, ранее работавшая над аналогичным проектом в тюрьме (СКБ НКВД), в 1946 г. была освобождена и переведена в ЦКБ-18.

Строительство на заводе «Судомех» и заводские испытания подводной лодки М-254 проекта 615 продолжались с марта 1950 г. по апрель 1952 г. В мае 1953 г. после проведения госиспытаний был подписан акт государственной приемки М-254, в котором отмечался ряд недостатков. Основным из них была слишком большая испаряемость запаса жидкого кислорода, находившегося в цистернах лодки, устранить которую вообще не представлялось возможным. Сохранилась также повышенная пожаро- и взрывоопасность при эксплуатации.

Однако государственная комиссия, проводившая испытания М-254, сочла целесообразным предложить начать строительство серийных подводных лодок, однотипных с М-254 (водоизмещение 432,6 т), с возможным учетом замечаний, отмеченных в акте приемки. В частности, испаряемость жидкого кислорода была несколько снижена за счет уменьшения испаряемой поверхности – две цистерны заменили на одну. В соответствии с постановлением Правительства СССР от 31 июля 1953 г. под руководство А. С. Касациера в ЦКБ-18 был разработан улучшенный прое-

подводной лодки А615 для серийной постройки. Окончательно вопрос о серийном строительстве подводных лодок проекта А615 был решен на совещании, которое проводил главком ВМФ Н. Г. Кузнецов в июле 1953 г. в Ленинграде. 31 июля 1953 г. вышло постановление Правительства СССР о строительстве 35 подводных лодок проекта А615.

В сентябре 1953 г. на заводе «Судомех» началось серийное строительство подводных лодок по проекту А615 (24 единицы), затем к строительству присоединился Адмиралтейский завод (6 единиц). В течение пяти лет всего было построено 30 подводных лодок по проекту А615. Они имели главные размерения $56,6 \times 4,46 \times 3,59$ и водоизмещение 432,6 т. Лодка развивала подводную скорость хода, равную 16 узлам, и надводную — 15 узлов. По скорости до подводной лодки Вальтера они не дотягивали 10 узлов.

Эксплуатация подводных лодок проекта А615 в первые годы нахождения их в составе ВМФ сопровождалась трагическими аварийными ситуациями, повлекшими гибель людей и подводной лодки М-256 со всем экипажем, спастись удалось лишь семерым морякам. Проведенные затем модернизационные работы обеспечили более надежную и безопасную эксплуатацию подводных лодок этого проекта, тем не менее на флоте за ними прочно закрепилось название «зажигалок».

Таким образом, более чем четвертьвековой период развития единого двигателя в СССР на базе парогазовой турбины и дизеля фактически закончился созданием вполне боеспособных одной средней подводной лодки проекта 617 и 30 малых подводных лодок проекта А615. Последние имели на вооружении четыре торпедных аппарата и четыре торпеды диаметром 533 мм, дальность их плавания составляла 3150 миль со скоростью 10 узлов в перископном положении под РДП и 56 миль со скоростью 15 узлов в подводном положении. В начале 70-х гг. все подводные лодки проекта А615, еще остававшиеся к этому времени в строю, были исключены из списков флота [22].

Исследовательские и проектные работы по созданию новых подводных лодок с единым двигателем (ЕД-ВВД, ЕД-ХПИ, ЕД-ПГТУ) больше не возобновлялись. За рубежом они закончились гораздо раньше. Наступала новая эра — эра подвод-

ногого флота с ядерными энергетическими установками. Ее первенцами были: американский «Наутилус», вступивший в строй в сентябре 1955 г., и советская подводная лодка проекта 627 «Ленинский комсомол», вступившая в строй в июле 1958 г. [23].

Противостояние между двумя враждебными лагерями продолжалось на новом витке стремительно раскручивавшейся спирали холодной войны.

-
1. Воспоминания ветеранов. Борис Михайлович Малинин. Л., 1990. С. 109.
 2. Там же. С. 110—111.
 3. Шеффер Х. Последний поход «U-977». СПб., 1996. С. 91.
 4. Асдик (ASDIK) — аббревиатура, состоящая из первых букв английского названия учреждения (Anti-Submarine Detection Investigation Committee), где в годы Второй мировой войны разрабатывались гидроакустические средства для борьбы с подводными лодками. В настоящее время в странах НАТО указанная аббревиатура заменена другой — сонар, построенной по принципу аббревиатуры радар. Многие немецкие подводники, никогда не видевшие написания слова «асдик», произносили его как S-dick, что по-немецки буквально означало «толстое S».
 5. Шеффер Х. Последний поход «U-977». С. 89.
 6. Там же. С. 89—90.
 7. Коршунов Л. А. 70 лет службы во флоте и в военном кораблестроении. СПб., 1998. С. 149.
 8. Freyer P. H. Der Tod auf allen Meeren. Berlin, 1970. S. 318.
 9. Ibid. S. 254—259.
 10. Дубравин А. И. Некоторые сведения о технике германского кораблестроения // Морской сборник. 1946. № 3. С. 95—110.
 11. Воспоминания ветеранов. Борис Михайлович Малинин (прил. I).
 12. Lakowski R. U-Boot. Zur Geschichte einer Waffengattung der Seestreitkräfte. Berlin, 1989. S. 257.
 13. Воспоминания ветеранов. Борис Михайлович Малинин. С. 117.
 14. Там же. С. 119.
 15. Freyer P. H. Der Tod auf allen Meeren. S. 318.
 16. Баданин В. А. Подводные лодки с единым двигателем. Очерки истории. СПб., 1993. С. 54—55.
 17. Там же. С. 54.
 18. Буров В. Н. Отечественное военное кораблестроение в третьем столетии своей истории. СПб., 1995. С. 267.
 19. Коршунов Л. А. 70 лет службы на флоте и в военном кораблестроении. С. 118—121.
 20. Баданин В. А. Подводные лодки с единым двигателем. С. 204—205.
 21. Воспоминания ветеранов. Борис Михайлович Малинин. С. 118.

22. Баданин В. А. Подводные лодки с единственным двигателем. С. 48—53, 140—141.
166.

23. Буров В. Н. Отечественное военное кораблестроение в третьем столетии своей истории. СПб., 1995. С. 267.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авербах Л. 195
Аверинцев С. В. 300, 307
Агол И. И. 192, 193, 267, 272
Агранов Я. С. 88
Адамс М. Б. 164
Аджемян Х. Г. 369
Адоратский В. В. 182
Аксельрод-Ортодокс Л. И. 182
Алаторцева А. И. 70, 96
Александров Г. В.
Александров Г. Ф. 359—371, 373—375
Александров Д. А. 152, 181, 244, 280,
 312
Александров В. Я. 324, 448
Александров П. С. 101, 102, 106, 109,
 111
Алексашов В. Н. 391
Алексеев В. М. 58, 60, 63, 69, 70, 94
Алехнович Ю. П. 463
Амбарцумян В. А. 94, 402, 406
Амфитеатров А. В. 344
Андреев А. А. 104
Андреев А. И. 90
Андреев Н. Н. 116
Антипов А. А. 480, 482, 483
Аншифиров Н. П. 68
Аренин К. 312
Арефьева И. Г. 296
Арманд А. А. 125
Арнольд М. Ф. 255
Артемьев Д. Н. 29
Архангельский А. Д. 144
Аршинов В. В. 143
Аскольдов С. 157
Асмус В. А. 182, 183
Астауров Б. Л. 243, 244
Афанасьев М. 339
Ахиезер А. С. 339
Бабков В. В. 243, 244
Баданин В. А. 485, 488, 489
Баевский Д. А. 191
Бажанов Б. 196
Базаров В. А. (Руднев) 182
Байков А. А. 79
Балкашина Е. А. 237
Бальцер Х. 296
Баранский Н. Н. 182
Бардин И. П. 79, 84
Бартенев А. Н. 267, 280
Бартольд В. В. 49, 60
Баскин М. П. 369
Бастракова М. С. 163
Батыгин Г. С. 374, 451
Бауман К. Я. 143
Бах А. Н. 19, 34, 61, 107 294
Бахрушин С. В. 184
Беклемишев В. Н. 273
Белецкий З. Я. 361, 366, 369, 370
Беликов П. С. 275
Берг Л. С. 142, 147, 221
Бердник Л. Ф. 369
Берендт Л.-Д. 166
Берия Л. П. 143, 224, 395, 396, 411,
Берман Я. Л. 192
Бернштейн С. Н. 63, 97, 101, 106

- Беспалов И. М. 191
 Бетховен Л. 43
 Бехтерев В. М. 267, 269, 270, 280
 Блок Г. П. 320
 Блюм А. В. 450
 Богданов А. А. 182
 Боголепов В. П. 481
 Богословов Н. Н. 97
 Бойль Р. 272
 Болдырев А. К. 143
 Большаков А. М. 352
 Большакова К. Г. 164
 Бондаренко П. П. 272
 Бор Н. 119
 Борейко В. И. 431, 432
 Борель Э. 103
 Борисов П. Г. 310
 Борисяк А. А. 66, 90, 144
 Борн М. 119
 Бородин А. М. 433
 Бородин А. П. 44
 Брандтгендлер В. С. 272
 Брачев В. С. 27, 36, 95, 96
 Брежнев Л. И. 432, 434
 Брицке Э. В. 116
 Бородин А. М. 433
 Бородин Л. П. 44
 Брокдорф-Ранцау У. 38, 43, 48
 Бронштейн М. П. 121
 Брукс Н. 294
 Бруновский Б. К. 143
 Брусникин Е. М. 165
 Брюсов В. Я. 333
 Бубнов А. С. 39, 122
 Бугаев И. И. 177
 Буйницкий А. М. 367
 Бузескул В. П. 26, 27
 Бурдин Г. Е. 425, 426
 Буров В. Н. 488, 489
 Бухарин Н. И. 61, 63, 65, 93, 144, 171,
 172, 190, 222
 Быков К. М. 272
 Быстрынский В. А. 182
 Бэйлс К. 134, 165
 Бэтсон В. 230
- Вавилов Н. И. 26, 63, 135, 142, 230, 241,
 261, 270, 273, 275, 291, 336, 376, 377,
 380—383, 390, 448
 Вавилов С. И. 69, 115, 116, 118, 119, 122,
 126, 127, 129, 264, 269, 296, 386, 391,
 403, 445
 Вайнер Д. 6. 283, 295, 296, 421
 Вайнштейн О. Л. 82
 Вайсберг И. А. 273, 278
 Валентинов Н. В. (Вольский) 165
 Валескали П. И. 177
 Валк С. Н. 182
 Вальтер А. Ф. 125
 Вальтер Г. 467—474, 476—478, 480—
 483, 485—487
 Варламова С. Ф. 440, 450
 Варьиш А. И. 183
 Варунцян И. С. 385
 Васецкий Г. С. 370, 371
 Вейсенберг А. 481
 Вейсман А. 416
 Вержбинская Н. А. 313
 Вернадский В. И. 33, 52, 54, 55, 60, 62,
 66, 67, 74, 85, 94, 133—151, 269, 276,
 286, 290, 295, 351, 355
 Верт Н. 355
 Вечорин Е. А. 226
 Визгин В. П. 122, 129
 Вильямс В. Р. 272, 275
 Виноградов В. Н. 433, 436
 Виноградов И. М. 97
 Виноградов Ю. А. 96
 Витковский В. Л. 39
 Виттенбург В. П. 309
 Виттенбург Е. П. 465
 Вознесенский Н. А. 194
 Волгин В. П. 19, 34, 68, 90, 144, 182
 Волин В. М. 182
 Волков В. С. 212
 Володин Б. В. 328, 453
 Волоцкой М. В. 268, 281
 Волькенштейн Ф. Ф. 129
 Вольский Н. В. см. Валентинов Н. В.
 Вольф М. Б. 222—226
 Воронов Е. П. 18, 23, 70
 Воронцов Н. Н. 244

- Ворошилов К. Е. 309, 373
 Вортман Р. 148
 Врангель П. Н. 138, 269
 Вул Б. М. 117, 120, 121, 126, 127
 Вучинич А. 87
 Вышинский А. Я. 19, 20, 34, 143
 Вышинский П. Е. 361
 Выропаев Б. Н. 177

 Гайказов Э. С. 269
 Гайсинович А. Е. 243, 324, 390
 Гак Г. М. 366
 Галеркин Б. Г. 80
 Галл Я. М. 449
 Ган Г. Г. 433
 Ганелин Р. Ш. 354
 Гарвуд А. 260, 264
 Геббельс И. 473
 Гегель Г.-В.-Ф. 415
 Гедике А. Ф. 44
 Гейдройц К. К. 144
 Гейзенберг В. 119
 Геккел Э. 267
 Гексли Дж. 446
 Гельфанд А. О. 101
 Герасимов И. П. 431
 Герцен А. И. 223
 Гессен Б. М. 117, 118, 120, 121, 127, 128,
 177, 184, 190, 193, 194
 Гильберт Д. 42
 Гинеципская Т. А. 313
 Гладков Н. А. 432
 Глазунов А. К. 43
 Глинка М. И. 43
 Глушченко И. Е. 385
 Гоббс Т. 183
 Голубев В. В. 80
 Голубева Н. А. 212
 Голубева О. Д. 340, 341
 Гольдер Ф. 44, 45
 Гольдман А. Г. 117, 118, 125, 126
 Гольштейн А. В. 138, 141, 149
 Гоникман С. Л. 119, 193, 271
 Горбунов Н. П. 18, 19, 24, 35, 39, 45, 51,
 52, 61, 62, 90, 107, 115—118, 120, 121,
 126—128, 260, 264

 Горький М. 58
 Горяева Т. М. 325
 Горянинов А. Н. 36, 95
 Готье Ю. В. 90
 Граве В. В. 195
 Грэвс И. М. 205
 Гредескул Н. А. 272, 278
 Греков Б. Д. 184
 Грибова Н. Я. 391
 Грибш Г. 481
 Григорьев А. А. 221
 Гринвельд Ж. 134
 Громан В. Г. 157, 158, 165
 Громова Т. В. 325
 Громыко А. А. 428, 435
 Грум-Гржимайло В. Е. 352
 Грэхем Л. Р. 26, 87, 147, 164
 Губер А. 419
 Губкин И. М. 63, 77, 90, 144
 Гурвич А. Г. 142
 Гурев Г. А. 267
 Гусейнов Г. Н. 366
 Густафсон О. 446

 Давид-Фокс М. 6
 Далин В. М. 195
 Darvin Ч. 50, 138
 Дарлингтон К. Д. 444, 446, 451
 Деборин А. М. 63, 90, 115, 116, 119—
 121, 128, 171, 182, 183, 190, 270—272
 Девятко И. Ф. 374, 452
 Декарт Р. 183
 Дементьев Г. П. 428
 Демидов С. С. 97, 110, 111
 Демченко М. 126
 Ден В. Э. 216—226
 Ден Г. Н. 226
 Ден Н. В. 222, 223, 226
 Дениц К. 470, 473
 Дерман Г. К. 465
 Десницкий В. А. 182
 Детке П. 484
 Дзержинский Ф. Э. 346
 Динамов С. С. 192
 Дирак П. 119
 Дмитриев А. Л. 216

- Дмитревский Ю. Д. 226
 Добкин А. 68
 Добржанский Ф. Г. 238, 241, 438, 444—
 446, 448, 449
 Догель В. А. 208, 215
 Докучаев В. В. 247, 275
 Доронин А. В. 448
 Дорфман Я. Г. 125
 Дояренко А. Г. 247, 250, 251, 253—255.
 260, 263, 264
 Дириш Г. 178
 Дубинин Н. П. 267, 324, 390, 391, 444.
 446
 Дубиня Т. М. 192
 Дубравин А. И. 488
 Дубровский С. М. 195
 Дудинцев В. Д. 6
 Дунаевский В. А. 197
 Дынник М. А. 370
 Дьяконов М. А. 36
 Дюгак П. 100, 110

 Егоров А. Н. 194
 Егоров Д. Ф. 97, 98, 102—104, 106, 110
 Егоршин В. П. 177, 184
 Ежов Н. И. 104, 143, 224
 Евдокимов Г. Е. 37, 39, 44
 Елина О. Ю. 164, 245, 263, 376
 Еникеева Х. К. 385, 391
 Енукидзе А. С. 18, 24, 32, 35, 40, 45, 65.
 90
 Ерманский О. А. 157
 Есаков В. Д. 84, 96, 97, 103, 104, 374, 375
 Ефремова М. К. 391

 Жадаева И. А. 465
 Жданов А. А. 104, 360, 365, 368—372,
 375, 464
 Жданов Ю. А. 371, 431, 438
 Жебелев С. А. 60
 Жебрак А. Р. 192, 444, 445
 Жирков Г. В. 325, 326
 Жолио-Кюри Ф. 401
 Жоравский Д. 232, 385, 388
 Жуковский П. М. 380

 Завадовский Б. М. 183, 267
 Завадовский М. М. 216, 267
 Заленский В. В. 36
 Залыгин С. 290, 296
 Засельский В. И. 311
 Зелинский Н. Д. 63, 77
 Зеркль К. 446
 Зильберминец В. А. 143
 Зиновьев Г. Е. 44, 48, 50, 52, 109, 182
 Зубатов С. В. 217

Ибрагимова Д. Х. 354
 Игнатовский В. С. 97
 Иванов И. И. 230, 243
 Иванов М. Ф. 243
 Иванова Л. В. 165
 Иениш Е. В. 465
 Изгарышев Н. А. 395
 Измозик В. С. 164, 342, 354
 Израэль Ю. А. 432
 Ильин В. 84
 Ильина И. 463
 Ильичев Л. Ф. 191, 194, 450
 Ильюшин А. А. 80
 Иовчук М. Т. 366, 370
 Ионас 47
 Иоффе А. Ф. 22, 47, 60, 63, 113—129
 Истрин В. М. 22

Кабо Д. 328
 Каганович Б. С. 56, 69
 Каганович Л. М. 93, 104, 195
 Кадомцев Б. П. 226
 Казарина И. В. 407
 Казина В. М. 320
 Калинин М. И. 32, 43, 45, 50, 54, 225.
 226
 Калинников И. А. 159, 161, 165
 Калинберзин Я. Е. 194
 Каменев Л. Б. 43—45, 50, 52, 109
 Каммари М. Д. 180, 194, 366, 367
 Кант И. 415
 Капелюшников М. А. 78
 Капица П. Л. 9, 109, 116, 117, 129, 290,
 397, 405
 Капцинель М. А. 391

- Караталина Т. Ф. 465
 Карев Н. А. 183, 190, 193
 Карнио С. 75
 Карпенко О. М. 326
 Карпинский А. П. 22, 43—45, 60, 63, 65,
 66, 68, 89, 90, 93, 94
 Карр Э. 263
 Касацнер А. С. 486
 Кассо Л. А. 232
 Кассов С. 287
 Кастрерин Н. П. 104
 Катинская Ю. К. 388
 Катунцева Н. М. 212
 Квittнер Ф. В. 117, 118, 120, 125, 126
 Кебин И. Г. 194
 Кедров Б. М. 194, 366, 369, 370, 375
 Келдыш М. В. 80
 Келлер Б. А. 272
 Кеннеди Дж. 429, 430
 Кеппель Э. 481
 Керженцов П. М. 144
 Киров С. М. 69, 88, 89, 92, 306, 308, 309,
 312
 Кирпичев М. В. 122
 Кирпотин В. Я. 191
 Киселева А. С. 59
 Кислова Л. 422
 Клубт В. С. 222
 Клушин В. И. 164
 Книпович Б. Н. 263
 Книпович Н. М. 306, 307, 312
 Кнобельцдорф Э. В. 223, 225
 Кнорин В. Г. 182
 Кнохе М. 466
 Кнышевский П. Н. 450
 Князев Г. А. 326
 Ковалева М. С. 464
 Ковалевский М. М. 220
 Ковда В. А. 143
 Коган-Бернштейн С. В. 218
 Кожевников А. Б. 375, 390
 Кожевников Г. А. 289
 Козлов Б. И. 72, 84, 85
 Козлова Л. А. 195, 281
 Козо-Полянский Б. М. 267, 286
 Козулина А. В. 54, 148, 149, 355
 Козырев М. И. 255, 256
 Коковцев П. К. 60, 61
 Колмогоров А. Н. 97, 101, 102
 Колчинский Э. И. 54, 148, 149, 164, 166,
 196, 265, 280, 312, 355
 Кольман Э. Я. 98—105, 110, 111, 119,
 272, 273
 Кольцов А. В. 17, 53, 54, 70, 96, 326
 Кольцов Н. К. 183, 231—238, 240, 242—
 244, 291, 324
 Колясев Ф. Е. 116, 122
 Комаров Б. (Вольфсон З.) 436
 Комаров В. Л. 63—65, 68, 69, 90, 270
 Комков Г. В. 326
 Конашев М. Б. 164, 317, 325, 437, 448—
 450
 Кондратьев В. Н. 125, 126
 Кондратьев И. И. 39
 Кондратьев Н. Д. 351
 Константинов О. А. 222
 Константинов П. Н. 388
 Константинов Ф. В. 190, 191, 194
 Копелевич Ю. Х. 37
 Коржихина Т. П. 311
 Королев А. В. 223, 224, 226
 Коршунов Л. А. 480, 488
 Костычев С. П. 247
 Коулер Р. 151
 Кочин Н. Е. 80
 Кошляков Н. С. 98
 Кравц Т. П. 94
 Кравченко А. Г. 413, 464
 Кравчук М. Ф. 97
 Краге О. 481
 Красильников С. А. 356
 Красин Л. Б. 35, 44
 Краснопольский А. В. 226
 Краснянский П. Б. 348
 Крачковский И. Ю. 22, 49, 60, 61, 63,
 321
 Кременцов Н. Л. 6, 280, 312, 313, 325
 Крестников А. Д. 391
 Кржижановский Г. М. 21, 39, 45, 61, 63,
 65, 68, 76, 85, 89, 90, 99, 107—109,
 115—118, 120, 121, 126, 128
 Кривоносов Ю. И. 359, 374

- Кривцов С. С. 182
 Криницкий А. И. 90
 Крицман Л. Н. 182
 Кружков В. С. 362, 371
 Крупская Н. К. 333, 334, 340, 449
 Крыленко Н. В. 89
 Крылов А. Н. 60, 63, 80, 94, 101, 481
 Крымов А. Г. 195
 Кугель С. А. 326
 Кузин А. М. 435
 Кузнецов А. А. 361, 363, 364, 366, 371, 374
 Кузнецов В. Г. 464
 Кузнецов И. В. 363, 367
 Кузнецов Н. Г. 479, 487
 Кузьмин В. И. 311
 Куйбышев В. В. 142
 Кулебакин В. С. 81
 Куллз Р. 344, 349, 350, 353, 355, 356
 Куманев В. А. 296
 Кун Б. 48
 Купайгородская А. П. 198
 Куперштх Н. А. 325
 Курнаков Н. С. 63, 79
 Курчатов И. В. 123
 Лазарев П. П. 44—47, 51, 54, 232
 Лайус Ю. А. 297, 310, 312
 Лаковски Р. 476
 Лангбайн О. 422
 Ландшафт Д. Д. 114, 119, 125, 402, 406
 Ландсберг Г. С. 125
 Лапо А. В. 148
 Лаппо-Данилевский А. С. 36
 Лаптев И. В. 192, 444, 445, 451
 Ларин Ю. (Лурье М. З.) 182
 Лассан Т. К. 324
 Лахтин Г. А. 280
 Лебедев Д. В. 457, 458, 465, 237
 Лебедянцев А. Н. 259
 Лебин Б. Д. 212
 Лебина Н. Б. 355
 Леви С. 45, 46, 51, 94
 Левин А. Е. 27, 100, 101, 104, 105, 110
 Левин М. Л. 267, 272
 Левит С. Г. 267, 272, 280
 Левитская Н. Г. 324
 Левитский Г. А. 325
 Левицкий А. П. 255, 260
 Леви-Чивита Т. 45
 Леншин Б. В. 84, 85, 87, 326
 Леглер В. А. 341, 464
 Лейбензон Л. С. 80
 Лейбниц Г. В. 42, 49, 183
 Лейпунский А. И. 123, 125
 Лейферт А. А. 278
 Лельчук В. С. 84
 Ленин В. И. 30, 35, 45, 58, 70, 137, 147, 157, 165, 198, 212, 245, 258, 260, 280, 286, 306, 307, 326, 329, 330, 339, 349, 362, 430, 445, 448, 450, 458, 462, 465
 Леонов М. А. 370
 Лепешинская О. Б. 273
 Лесхарт П. Ф. 153
 Линднер Б. А. 150
 Лисицын П. И. 388
 Лискун Е. Ф. 183
 Лисовская О. 447
 Литвинов И. И. 354, 355
 Литвинов М. М. 39, 45, 90
 Лихачев Н. П. 35, 67, 90
 Личков Б. Л. 143
 Ловлок Дж. 148
 Локк Дж. 183
 Ломоносов М. В. 49
 Лосский Н. О. 156, 157, 164, 165
 Лотте С. А. 195
 Лотц В. 49
 Лузин Н. Н. 63, 98—111
 Лукин Н. М. 63, 90, 182
 Лукирский П. И. 116
 Луначарский А. В. 35, 39, 43, 45, 50, 65, 68, 90, 142, 144, 161, 182, 195
 Луппол И. К. 144, 183, 190, 194
 Лурье М. З. см. Ларин Ю.
 Лысенко Т. Д. 126, 246, 265, 266, 277—279, 376—379, 381, 383—386, 388—391, 395
 Любавский М. К. 35, 90, 445
 Любичев А. А. 267, 280
 Людерс Г. 42
 Люстерник Л. А. 98, 101, 102, 110

- Лютова К. В. 450, 451
Ляпунов А. М. 36
Лященко П. И. 182
- Мавродин В. В. 213, 214
Макаров В. Н. 421, 422
Макарова Т. В. 164
Мак Клелланд Дж. К. 165, 283, 284, 295
Максимов А. А. 119, 120, 128, 177, 184,
 366, 371
Маленков Г. М. 371, 395, 465
Малинин Б. М. 476, 477, 481, 482, 488
Мамонов П. Т. 306, 312
Мандельштам Л. И. 63, 113, 114, 116,
 117, 119
Мандрик А. Т. 311
Маневич Э. Д. 325, 448
Маньковский Л. А. 195
Мариот Э. 272
Маркс К. 50, 92, 147, 182, 187, 340
Марр Н. Я. 34, 58, 60, 63, 66, 68, 71
Мартов Ю. О. 157, 158
Мархлевский Ю. Б. 182
Массер Х. 401, 402, 406
Мехмед-Фуад-Кепрулу-Заде 49
Медведев Ж. А. 390
Медведев О. А. 388
Меженко Ю. А. 465
Межлаук В. И. 117
Мейлен Ван дер 46
Меллер Г. 237
Мелуда А. И. 148
Мельников В. Н. 480
Менцель Г. 378
Менижинский В. Р. 354
Мензен Э. 481
Местергази М. М. 280
Месяцев И. И. 312
Мехлис Л. З. 105, 106, 108, 109, 111, 194
Микельсон В. А.
 Микоян А. И. 306, 308, 373
 Микулинский С. Р. 148
 Мильнер Я. А. 367
 Милюков П. Н. 63, 67
 Милютин В. П. 20, 39, 264
 Минц И. И. 194
- Мионсек Ю. П. 223, 224
Митин М. Б. 128, 190, 193, 194, 273, 360,
 362, 366, 368—372
Миткевич В. Ф. 120
Михеева Г. В. 337, 341
Михельсон В. А. 285, 295
Мичурин И. В. 277, 379, 385—388, 390,
 446
Моди Д. 44
Мокржицкий М. Ф. 320
Молас Б. Н. 22, 60, 61, 64, 66, 67
Молодший В. Н. 98
Молотов В. М. 92, 93, 96, 104, 105, 108,
 109, 115—117, 142, 143, 373
Монахов В. Н. 448
Морган Т. Г. 237, 416, 439
Мочалов И. И. 134, 148, 150
Музрукова Е. Б. 280
Муканов С. С. 191
Мусхелишвили Н. И. 80
Мушкетов Д. И. 352
- Наметкин С. С.
Насимович А. А. 426
Натхауз И. 481
Наумова Г. А. 391
Невский В. И. 182
Нейман Н. 447
Неменов М. 163
Немилов А. В. 272
Некрасов А. И. 80
Нерегина С. С. 340
Несмеянов А. Н. 404
Нечкина М. В. 184, 191
Никитин Н. Н. 193, 274, 278
Никифоров П. М. 144
Николай П 65, 88
Никольский Н. К. 323
Ницше Ф. 334
Новик О. Н. 112
Новиков М. М. 152, 158, 159, 165
Новиков П. С. 97
Нотик В. Д. 223
Нуусалу Ф. 433
Ньютон И. 272

- Овчинников П. Н. 271, 275
 Огурцов А. П. 129
 Олегина И. Н. 84
 Ольденбург Д. С. 63, 67, 70
 Ольденбург Е. Г. 27, 59—70
 Ольденбург Л. 63, 70
 Ольденбург С. С. 39—56, 57
 Ольденбург С. Ф. 17, 19, 22—27, 32, 36,
 39, 43—45, 51, 52, 54, 56, 57, 59—71,
 89, 90, 96, 135, 136, 139, 140, 318, 320,
 325
 Ольшанский М. А. 385
 Оранский С. А. 223
 Орджоникидзе Г. К. 88
 Орел В. М. 28, 50, 56
 Орлов Г. 435
 Орлов С. А. 325
 Осадчий П. С. 19
 Осокина Е. А. 310
 Островитянов К. В. 213

 Павлов Б. В. 354
 Павлов В. В. 164
 Павлов И. П. 9, 62, 63, 94, 96, 115, 135,
 149, 178, 223, 268, 269, 275, 276, 374
 Павлов М. А. 77, 79, 388
 Павлова Н. М. 380, 388
 Палладино П. 382
 Пальмов И. С. 36
 Панкратова А. М. 191, 194
 Панов Д. Г. 223, 224
 Папкович П. Ф. 80
 Паукова В. С. 367
 Пауль З. 100, 110
 Пашуканис Е. Б. 182
 Пеллио П. 44, 45
 Пельше А. Я. 194
 Пеннет Р. 230
 Переверзев В. Е. 182, 190, 193
 Передельский А. А. 426, 427
 Перов С. С. 255
 Перчёнок Ф. Ф. 27, 36, 69, 70, 88, 95, 96,
 150, 280, 325
 Петерс Я. Х. 88
 Петр Великий 226
 Петров И. А. 385

 Петров Ф. Н. 339, 428—430, 436
 Петрункевич А. И. 140, 149, 150
 Петрункевич И. И. 141
 Петрушевский Д. М. 63
 Пинчот Г. 288
 Планк М. 42, 44, 45, 47, 178
 Платонов С. Ф. 23, 26, 35, 36, 52, 60, 63,
 89, 90
 Поздюнин В. Л. 80
 Позерн Б. Н. 271
 Покровский В. С. 428, 435
 Покровский М. Н. 19, 21, 25, 29, 34, 39,
 61, 89, 90, 91, 157, 167—169, 171, 173,
 177, 182, 190, 193, 197
 Поляков И. М. 267
 Полянский Ю. И. 443, 451
 Понамарев Б. Н. 191, 194
 Понтрягин Л. С. 97
 Попков П. С. 374
 Попов Г. М. 371
 Попов К. А. 196
 Попов-Подольский М. 267, 280
 Поповский М. 448
 Поскребышев А. С. 105, 110, 375
 Поспелов П. Н. 194, 360, 362, 365, 368,
 375, 400
 Поташникова Б. Г. 275
 Потга Е. М. 421
 Поузлл Р. 404
 Презент И. И. 143, 266, 270, 271, 273—
 279, 385, 390
 Преображенский Е. А. 182, 190
 Преображенский П. Ф. 184
 Пресняков А. Е. 182
 Пржеборовский Я. С. 183
 Приселков М. Д. 204
 Прозуменщиков М. Ю. 393
 Протопопов А. П. 293
 Прянишников Д. Н. 94, 247, 380
 Пушкин А. С. 225
 Пятаков Г. Л. 335

 Работнов Ю. 417
 Равич-Черкасский М. 267
 Радек К. 172
 Радлов В. В. 36

- Радлов Э. Л. 157
Раков Л. Л. 459
Ральцевич В. Н. 273
Раман Ч. 44, 45
Рамзин Л. К. 160, 161, 165
Расс Т. С. 312
Резник С. 448
Рёдер Э 470
Ричардс П. С. 339
Рогинский А. 68
Родионов М. И. 374
Родичев Ф. И. 141
Рождественский Д. С. 63, 113, 114, 116,
 119, 122—126, 206, 208, 214, 215
Рожицын В. 267, 280
Рожков Н. А. 182
Розанова М. А. 380
Розенталь С. А. 140
Розенфельд И. 447
Рокитянский Я. Г. 27
Рокицкий П. Ф. 243
Романов М. А. 88
Россиянов К. О. 229, 324
Ростовцев М. И. 59, 62, 70
Ротштейн Ф. А. 167, 168, 182
Рубановский Л. М. 193
Рубач М. А. 195
Рубин И. И. 182, 190, 193
Рубинин П. Е. 129
Руднев В. А. 182
Рудзутак Я. Э. 217
Руднев К. Н. 428
Рыбальченко Н. И. 391
Рыкачев М. А. 36
Рыков А. И. 32, 34, 35, 39, 40, 41, 45, 51,
 53, 65, 66, 89, 142
Рюрик 269
Рябов В. П. 485
Рязанов Д. Б. 19, 23, 25, 90, 91, 182, 190,
 196
Савин А. Н. 182
Сакс К. 446, 451
Салтыкова-Щедрин М. Е. 449, 450, 458
Самойлов А. Ф. 281
Самойлов О. В. 96
Самойлов Я. В. 149
Сапегин А. А. 389
Сарабьянов В. Н. 267
Сафразъян Н. Л. 212
Свердлов Я. М. 170, 175, 178
Светлов В. И. 369
Святловский Е. Е. 222
Севери Ф. 44
Сеймал В. И. 192
Селиванов Д. Ф. 159
Семашко Н. А. 45, 65, 236
Семенов Л. К. 326
Семенов Н. Н. 116, 294, 428
Семенов-Тян-Шанский В. П. 68, 221
Семенов-Тян-Шанский П. П. 222
Сербин Н. П. 481
Сергеев А. 149
Сергеева К. Д. 388
Серебровский А. С. 235, 237, 239—241,
 244, 267, 268, 272, 325, 448
Серебровский П. В. 269, 272, 278
Сидоров А. Л. 191
Сидоров М. А. 27
Симонов Н. Г. 484
Симонова М. Н. 380—384, 386—388,
 390, 391
Симорян А. Н. 143
Симпсон Р. 444
Сисакян Н. М. 446
Ситковский Е. П. 195
Скадовский С. Н. 236, 243
Скрибанивич Ф. Ф. 321
Славик Ф. 140, 149
Слепков В. Н. 193, 267, 272, 280
Слепышкова Е. 465
Смидович П. Г. 44, 45
Смирнов А. П. 254
Смирнов Я. И. 36
Соболев В. С. 28
Соболев С. Л. 80, 97, 101
Сойфер В. Н. 325, 290, 448
Соколинский Е. К. 465
Соколов Н. 400, 406
Сократ 138
Солдатенков С. В. 213
Солженицын А. И. 464

- Соловьев Ю. И. 27
 Соин А. С. 325
 Сошляков Н. А. (Юрасов) 230
 Сорокина М. Ю. 148, 150, 325, 452
 Сретенский Л. Н. 80
 Сталин И. В. 12, 45, 88, 97, 98, 100,
 103—105, 108—111, 116, 126, 142,
 146, 147, 160, 175, 186, 190, 197, 245,
 272, 278, 309, 352, 359—375, 375—
 397, 400—402, 405, 410, 412, 413,
 434, 445
 Старкер А. Л. 436
 Старостин А. Д. 312
 Старцев В. И. 326
 Стагешный Ф. 480
 Стаханов А. Г. 126
 Стакович А. А. 226
 Стеклов В. А. 32, 39, 43—45, 51, 58, 60
 Степанов А. В. 150
 Степанов-Скворцов И. И. 182
 Стецкий А. И. 191, 194, 196
 Столыпин П. А. 57
 Стравинский И. Ф. 44
 Стратонов В. В. 160
 Стрекопытов С. П. 340, 341
 Струве В. В. 184
 Струве П. Б. 62, 216
 Струмилин С. Г. 218, 224, 344, 355
 Стэн Я. Э. 183
 Сукачев В. Н. 273, 428, 446
 Супрунова Е. П. 143
 Сурков А. А. 191
 Сурта И. С. 193
 Суслов М. А. 191, 371, 406, 418, 431
 Суханов Н. Н. 157, 158, 165
 Сушкин П. П. 22, 24

 Тагор Р. 126
 Талмуд 126
 Тамм И. Е. 117, 119, 121, 123, 125, 126
 Танасийчук В. С. 313
 Таняев А. П. 195
 Тарге Е. В. 63, 67, 90, 182
 Тарле Е. В. 26, 35
 Тер-Оганесов В. Т. 29
 Тесленко Ф. А. 150

 Тимирязев А. К. 119, 120, 369
 Тимирязев К. А. 50, 178, 183, 253, 264,
 295, 303, 380
 Тимофеев-Ресовский Н. В. 237, 435, 444
 Тито И. Б. 431, 432
 Тихонов Б. Н. 191
 Тищенко В. Е. 206, 215
 Токарев Т. А. 101
 Токин Б. П. 272, 273
 Толстой А. К. 45
 Томашевский В. Б. 207, 208
 Томсинский С. Г. 194
 Томсон Д'Арси 44, 48
 Тонков В. Н. 58
 Трахтенберг И. А. 182
 Трахтенберг О. В. 371
 Тромпке Г. 481
 Трошкий А. Я. 183
 Троцкий Л. Д. 137, 180, 280
 Трумэн Г. 403
 Туган-Барановский М. И. 216
 Тугаринов И. А. 27, 325
 Тулагиков Н. М. 255, 266
 Тураев Б. А. 36
 Тымянский Г. С. 190, 193, 270, 272, 278
 Тюлина, Н. И. 339
 Тюрин А. 149
 Тюхняев В. 465

 Угаров А. И. 194
 Удальцов А. Д. 182
 Украинцев В. В. 212
 Ульянкина Т. И. 152
 Ульянов А. И. 70
 Ульянов Н. А. 149
 Ульянова О. И. 70
 Уолкер М. 8
 Урановский Я. М. 193, 274, 278
 Урысон П. С. 102
 Успенский Ф. И. 324
 Ухтомский А. А. 206, 215, 269
 Уэллс Г. 344

 Фабиан Б. 340, 465
 Фаворский А. Е. 63, 206, 215
 Фальц-Фейн Ф. Э. 231

- Фаминцын А. С. 36, 247
Федоров Е. С. 36
Федоров С. Ф. 72
Федосеев П. Н. 361, 371
Феретти 471
Ферсман А. Е. 23—25, 27, 44, 45, 60, 63—66, 68, 85, 90, 106, 107, 139—141, 149, 324
Фигатнер Ю. П. 26, 27, 65, 88, 91
Филатов В. П. 340, 465
Филиппова Е. Л. 391
Филипченко Ю. А. 208, 216, 230, 231, 233, 241—244, 439
Философова Т. П. 360, 380, 381, 386—388, 390, 391
Финкельштейн Б. Н. 118, 125
Финкельштейн Е. А. 267
Фитцпатрик Ш. 165, 353
Фихте И.-Г. 415
Фогт И. 47
Фогт О. 48
Фок В. А. 117, 119, 121, 123, 126
Фомичев В. 450
Формозов А. Н. 423—425
Фортунатов А. Ф. 380
Франк Г. М. 116, 122
Францев С. Ф. 363
Фрейер П. Г. 475
Френкель Я. И. 116—119, 121, 123
Фридман С. 293
Фридрих В. 405, 468
Фриче В. М. 63, 90, 182
Фриш С. Э. 206, 214, 215
Фролов И. Т. 448
Фрумкин А. Н. 395
Фрунзе М. В. 45
- Хайнеманн М. 166
Халтурин Д. Н. 22, 60, 61, 64, 67
Харвуд Дж. 382
Харих В. 418
Харланд С. 446
Хартри 123
Хатчинсон Дж. И. 134
Хеймс Г. 423, 435
- Хинчин А. Я. 101, 102, 106
Хлопин В. Г. 85, 149
Ходоровский И. И. 36
Хоскинг Д. 85
Христианович С. А. 80
Хрущев Н. С. 397, 405, 425—428, 430, 432, 434, 448
Хупперт Х. 191
- Цветков И. Ф. 467
Цейдлер В. 447
Циперович Г. В. 39
Цицин Н. В. 445
Цюрупа А. Д. 160, 161
- Чайковский П. И. 44
Чаплыгин С. А. 63, 80
Чаянов А. В. 352
Чаянов С. К. 258
Челлен Р. 220, 226
Чепарухин В. В. 216, 226
Червяков А. Г. 32, 40
Череванин Н. (Липкин Д. А.) 157
Чернавин В. 312
Чернавина Т. 312
Чернышев А. А. 116
Черчилль У. 479
Чеснова Л. В. 280
Чесноков Д. И. 399, 406
Четаев Н. Г. 80
Четвериков С. С. 238, 239
Чижевский Н. П. 77
Чичибабин А. Е. 63
Членов С. В. 182
Чолдин М. Т. 326
Чудаков Е. А. 80
Чупров А. А. 216
- Шайн Г. А. 403, 406
Шаксель Ю. 267
Шанявский А. Л. 232, 235, 236
Шапелен 46
Шапошников К. 429
Шариков К. Г. 205
Шатерников М. Н. 183
Шахматов А. А. 36

- Шаховской Д. И. 143
 Шенберг В. Г. 221, 224
 Шепилов Д. Т. 191, 194, 371
 Шеслаков А. В. 191
 Шефлер М. Е. 264
 Шеффер Х. 473—475, 478
 Шик М. В. 143
 Шиллер Ф. П. 182
 Шилов Л. А. 213
 Шиманский Ю. А. 80
 Ширвинд М. Л. 270, 272
 Шишмолова М. 439
 Шмидт О. Ю. 101, 107, 144
 Шмидт-Отт Ф. 41, 53
 Шнирельман Л. Г. 97, 101, 102
 Шпаковская Е. А. 233
 Шпензер Я. П. 193
 Шредингер Э. 119, 123
 Штейн В. М. 222
 Штерн Г. Н. 275
 Штреэр 399, 406
 Штреземан Г. 38
 Шумахер В. 481
- Щеколдина Г. 447
 Щепетильникова В. А. 275
 Щербаков А. С. 191
 Щербатский Ф. И. 58, 61, 318
 Щипачев С. П. 191
- Эдмин М. В. 366
 Эйлер Л. 42, 49
 Эйнштейн А. 42, 47, 119, 127
 Энгель Е. А. 278
 Энгельгардт В. А. 446
 Энгельс Ф. 50, 92, 147, 187
 Эфроимсон В. П. 390
- Юдин П. Ф.** 190, 193, 273, 360, 362, 366,
 368, 369, 371
Юм Д. 183
 Юринец В. Л. 183
 Юровский Л. Н. 218
 Юрьев В. Я. 388, 389
 Юшкевич А. П. 101, 110
- Ягода Г. Г.** 143
 Яковлев П. Н. 385
 Яксон Р. Э. 193, 270, 272, 274, 278
 Янкевич И. П. 486
 Яншин А. Л. 148
 Яров С. В. 354
 Ярошевский М. Г. 96, 280, 296, 312, 324,
 325, 360, 374
 Яруш К. 296
 Ясуги С. 44
 Яффе Г. Ю. 272
- Adams M. B.** 164, 243 244, 279, 281
Alexandrow G. F. 523
- Bailes K.** 148, 165
Balzer H. D. 295, 296
Behrendt L.-D. 196, 197
Beyrau D. 196, 280
Brooks N. 296
- Chernavin N. N.** 95
Choldin M. T. 326
- Darlington C. D.** 451
Dauben J. W. 111
David-Fox M. D. 6, 8, 195, 281, 326
Demidov S. S. 111
Dewhurst M. 326
Dobzhansky Th. 280, 444
Dubinin N. P. 451
Dugac P. 110
- Eckholm K.** 464
Engels H. E.-M. 280
- Fabian B.** 340, 465
Farrell R. 326
Fischer W. Hg. 6
Fitzpatrick Sh. 165, 213, 281, 311, 354,
 356
- Folkerts M.** 111
Ford Ch. 111
Freyer P. H. 488
Friedberg M. 326

- Getty A. J. 281
Golfo Al. 354
Gorbachev M. S. 7
Graham L. R. 29, 69, 95, 150, 151, 163,
 164, 264, 280, 295, 374
Grau C. 53
Grinefeld J. 148
Gruliov L. 296
Gruliov R. 296
- Haeckel E. 280
Harwood J. 391
Holm P. 311
Hoxtermann E. 311
Hutchinson G. E. 148
- Jarausch K. H. 296
Jasny N. 84
Jasugi S. 44
Joravsky D. 243, 244, 263, 280, 295, 390,
 391, 392, 448
Josephson P. R. 164, 280, 310
Junker T. 280
- Kaasch J. 311
Kaasch M. 311
Kassow S. D. 436
Kaufmann D. Hg. 6
Khrushchev N. S. 436
Kinzelbach R. K. 311
Knobloch E. 111
Knoche M. 466
Koenker D. P. 165
Kolchinsky E. I. 280
Koselleck R. 295
Krausse E. 280
Krementsov N. L. 6, 280, 390, 448
- Lajus J. A. 310
Lakowski R. 488
Lecourt D. 448
Lenin V. I. 165
Levin A. E. 95, 110, 150
Lovelock J. E. 148
Lubrano L. 164, 279
- Lusin N. N. 110, 111
Lysenko T. D. 243, 244, 264, 280, 296,
 390—392, 448—451
- Manning R. T. 281
Mayr E. 280
McClelland J. C. 165, 295
Medvedev Z. A. 280, 448
Modi D. 44
Muller H. J. 243, 244
- Palladino P. 391
Paul S. 110
Pelliot P. 44, 45
Planck M. 42
Pokrowski M. 197
Popovsky M. N. 448
Provine W. B. 280
- Rabinowitch A. 213
Raman Ch. 45
Richards P. S. 341
Roll-Hansen N. 313
Rosenberg W. G. 311
Rossilianov K. O. 164
- Sagdeev R. 13
Sazah D. 354
Sax K. 451
Schaxel J. 280
Schmidt-Ott F. 41
Severi D. 44, 45
Siegelbaum L. H. 311
Simpson R. 444
Smith T. D. 311
Solomon S. G. 164, 279
Soyfer V. N. 280, 296, 448
Stalin I. V. 6, 7, 165, 311
Starkey D. J. 311
Stites R. 313
Swayze H. 326
- Thomson D. 41
Timashoff N. S. 312
Todes D. 149

Vavilov N. I. 448, 449
Vernadsky V. I. 148
Vucinich A. 150, 280, 296
Weiner D. R. 6, 280, 295, 435
Werner M. 354

Wussing H. 111
Yarim-Agaec Y. 326
Yushkevich A. P. 110
Zhebrak A. 451

ABSTRACTS

A. V. Koltzov

«DIE ATMOSPHARE UM DIE AKADEMIE HAT SICH VERDICKT»

Der Beitrag ist dem Prozeß der Sowjetisierung der Akademie der Wissenschaften in der Zeit von 1926 bis 1931 gewidmet. Es geht um die «Polemik» zwischen der Partei und den Mitgliedern der Akademie hinsichtlich der Qualität der wissenschaftlichen Forschung und der Rolle der «alten» Akademie in der neuen politischen Situation.

Im Laufe der Kampagne gegen die Akademie wurden vor allem ihre Abgehobenheit von der Praxis, Isolation von anderen wissenschaftlichen Einrichtungen des Landes und vieles mehr vorgeworfen. Vor allem wurden die humanitaren Wissenschaftszweige der Kritik unterzogen.

Als Maßnahmen wurden die Bolschewisierung» der Mitgliedschaft und der Verstärkung der Parteiorganisation und der öffentlichen Organisationen innerhalb der Akademie durchgeführt, wobei die «alte» Mitglieder vor allem ab 1929 nach und nach entfernt wurden.

W. S. Sobolew

AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN UND SOWJETISCHE MÄCHTE WÄHREND DER ENTSTEHUNG DES TOTALITÄREN REGIMES (1918—1927)

Methoden und Konzepte der Restrukturierung der Akademie der Wissenschaften:

1-Die Versuche von M. N. Pokrowskij die Russische AdW nach dem Muster

von Sozialistischen/ab 1924 Kommunistischen Akademie zu restrukturieren, wobei die Reste der akademischen Freiheiten verschwinden müßten. 2. Das mildere (im Unterschied zu Pokrowskij) Konzept von dem

Vorsitzender des Rates der Volkskomissare A. Rykow, des Volkskomissar des Außenhandels L. Krasin usw. über die Verstaatlichung der Akademie, einerseits und der «Bolschewisierung», andererseits.

Obwohl die Macht die mildere zweite Variante bezüglich der AdW ausgewählt hatte, stand die Akademie mit dem Anfang der stalinistischen Represalien auch unter Beschuß.

Ju. Ch. Kopelevic

POLITISCHE BILANZ DES JUBILÄUMS VON 1925

Das Jubiläum zum 200 Bestehens der russischen Akademie der Wissenschaften wurde im September 1925 gefeiert. Dieses Ereignis wurde zu einem großen Fest (sog. Allunionsfest) der russischen Wissenschaft, der von der Partei für die politische Zwecke einerseits und als Vorbereitung der Sowjetisierung der Akademie andererseits instrumentalisiert wurde.

Die Vorbereitung der Festlichkeiten traf vor allem die Regierung, deren Durchführung fand in der Presse eine breite Beleuchtung. Die breite wissenschaftliche Gemeinschaft fand sich zu Festlichkeiten in Leningrad. Der Sekretär der Akademie, Oldenburg, wertete das Jubiläum als Fest des Überlebens der russischen Wissenschaft in den Wirren der Revolution (und unter der Unterstützung der neuen Regierung) und als eine konkrete Möglichkeit, die Notwendigkeit der Wissenschaft an die breiten zum Teil analphabetischen Massen zu vermitteln.

Im Beitrag werden die in- und ausländischen Pressemitteilungen, sowie die Auszüge aus der Reden in den Sitzungen erörtert, das Programm der wissenschaftlichen, öffentlichen und kulturellen Veranstal-

tungen beschrieben. Die Beteiligung deutscher Vertreter wird besonders behandelt.

B. S. Kaganovic

DIE RUSSISCHE WISSENSCHAFTSAKADEMIE IN DEN 20er — ANFANG DER 30er JAHREN

(Nach den Materialien des Archivs von S. F. Oldenburg)

Sergej Fjodorovic Oldenburg (1863—1934) bekleidete fast 30 Jahre den Posten des Sekretärs der russischen Akademie der Wissenschaften. Er spielte eine große Rolle bei der Erhaltung der Akademie in den 20er Jahren. Seine Politik gründete auf Loyalität gegenüber der bolschewistischen Partei und die Unabhängigkeit der Akademie. Bis zum Ende der 20er Jahren soll die Akademie ein der unabhängigen sowjetischen Institutionen gewesen sein.

Der Beitrag konzentriert sich auf dem Prozeß der Sowjetisierung der russischen Wissenschaftsakademie, der abgesehen von der Periode der Unabhängigkeit (1920—1928) unvermeidlich war. Der von der Partei anschließend in der ersten Phase der Repression bzw. Kulturrevolution fabrizierte «Fall der Akademiker» (1929—1931) bedeutete für viele berühmte Akademiemitglieder Strafverfahren. Die Wissenschaftler der sog. «alten Schule», wie auch Oldenburg, wurden vom ihrem Posten entfernt. Die Leitung und Mitgliedschaft in der Akademie wurde von Parteifunktionären und den entsprechend gesinnten Wissenschaftlern übernommen. Somit hat die Akademie ihre Unabhängigkeit verloren und wurde zu einer der typischen sowjetischen Institutionen.

B. I. Kozlov

DIE WISSENSCHAFTSAKADEMIE DER UDSSR UND DIE INDUSTRIALISIERUNG RUSSLANDS: 1925—1941

Der Beitrag diskutiert die bekannten Vorwürfe der Partei von der Abgehobenheit der akademischen Forschung von der Praxis. Die Er-

folge der Industrialisierung werden aus der Tatsache abgeleitet, daß die akademische Forschung in den 20er Jahren konkrete Probleme zu lösen suchte. Die Interessen der wissenschaftlichen Elite und der Bolschewistischen Partei deckten sich zum Teil in einem Punkt: Die Notwendigkeit einer Modernisierung der Wirtschaft und deren Adaptation zum Industriesystem der Welt, die bereits vor der Revolution begannen und die Forderung nach einer schnellen Industrialisierung des Landes. So konnte z. B. der Plan der Elektrifizierung Rußlands (GOELRO) nicht ohne die bereits vor der Revolution stattgefundene Forschung durchgeführt werden.

In den eng spezialisierten Instituten der Akademie der Wissenschaften wurden konkrete Lösungen für aktuell Probleme der Wirtschaft gesucht, wie z. B. energetische Ressourcen (Erdöl usw.), Atomkraft, Metallverarbeitung, Mechanik (zu Militärzwecken) usw.

B. W. Lewschin

DAS ZENTRALKOMITEE DER KPDSU UND DIE AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN IN DEN 30er JAHREN

Das Mechanismus der Interaktion zwischen der Macht und der AdW entstand im großen und ganzen Anfang der 30er Jahren. In dem Artikel wird einen Versuch unternommen, die direkte Einmischung der Parteiführung in die Tätigkeit der AdW auf dem Basis der Archivdokumente aus dem Archiv des Präsidenten und der Akademie-Archiv zu analysieren. Maßnahmen:

1. Die Einführung des neuen Statutes in 1927.
2. Die Untersuchung der OGPU in Leningrad anlässlich der Beschuldigung, daß AdW die historischen Dokumente von der Parteiführung verheimlicht, die eine große politische Bedeutung hatten. (Dokumente der Partei der Sozial-Revolutionäre usw.) Diese Untersuchung wurde dafür verwendet um die Kaderänderungen in der AdW zu legitimieren.
3. Die Organisation der kommunistischen Fraktion innerhalb der Akademie.
4. Die Unterstellung der Akademie dem Rat des Volkskomissare.

5. Umzug der Akademie-Führung nach Moskau, der innerhalb zwei Monate verwirklicht wurde.
6. «Bolschewisierung» der Akademie durch den Zuwachs der Kommunisten und mit der Einbezogenheit der Kommunistischen Akademie in die AdW.

S. S. Demidov, V. D. Esakov

«DER FALL DES AKADEMIKER N. N. LUSIN» IM LICHTE DER STALINSCHEN REFORM DER SOWJETISCHEN WISSENSCHAFT

Die mathematische Wissenschaftlergemeinschaft in der Sowjetunion wurde von den schweren ideologischen Angriffen, die viele Naturwissenschaften erlebten, weitgehend verschont. Bei den wenigen Repressionen hat das Verfahren gegen den Akademiker und Leiter der Mathematischen Sektion der Akademie der Wissenschaften, den Kopf der Schule der Funktionentheorie, N. N. Lusin einen Aufsehen erregt. Aus der objektiven Situation der Entwicklung des Faches, die nach sich eine (Macht-) Konkurrenz zwischen den Generationen der Wissenschaftlern zog, wurde eine ideologische Kampagne. Diese wurde in der Presse szenographisch aufgebaut und sollte wahrscheinlich dem Aufbau des «Gebäudes der führenden sozialistischen Wissenschaft» durch Stalin und der dafür notwendigen Restrukturierung der sowjetischen Wissenschaft helfen.

Anhand der Archivdokumenten deckt der Beitrag der Gang der Situation auf.

**«SICHTBARE UND UNSICHTBARE RÄUME SOWJETISCHER
PHYSIK IN DEN 30er JAHREN**

(nach den Materialien der Sitzung der Wissenschaftsakademie UdSSR,
14.—19. März 1936)

Der Beitrag widmet sich der Analyse der verborgenen Motive bei der Vorbereitung und Durchführung der März-Sitzung der Wissenschaftsakademie im Jahr 1936, auf der die wichtigsten Physikschulen Rußlands gegeneinander disponiert wurden mit dem Ziel, der rein theoretischen (vertreten von A. Ioffe, FTI, Quantenphysik) Physik den Rang von den praxisbezogenen Physikzweigen wie z. B. die Schule der optischen Physik von D. Rozdestvenskij, GOI, sowohl wirtschaftlich als auch ideologisch («philosophisch») abzusprechen.

Die Sitzung wurde sorgfältig inszeniert und wurde als ein der Meilensteine auf dem Weg zur «Domestizierung» der Wissenschaft unter der Ägide der Akademie der Wissenschaften gedacht.

Ioffe wurde die Fernhaltung von der Praxis vorgehalten; an die militärische und wirtschaftliche Nutzung der Atomkraft hat man 1936 noch nicht gedacht. Auch wurde ihm die Nähe zur Idealismus vorgeworfen, da die Quantenphysik den dialektischen Materialismus in Frage stellen würde.

Obwohl die Ioffes Gegner tendenziell den Sieg davon trugen, haben sich die theoretischen Physiker zu verteidigen vermocht.

V. J. VERNADSKIJ UND DIE BOLSCHEWIKI

Vladimir Vernadskij (1863—1945) gehört zu den seltenen Persönlichkeiten, die sowohl von der politischen Macht als auch von der breiten Öffentlichkeit positiv wahrgenommen und rezipiert werden, bzw. zu Kultfiguren erkoren werden. Das Interesse an seinem natur-

wissenschaftlichen und philosophischen Werk wächst in den letzten 15 Jahren sowohl im In- als auch im Ausland.

Der Beitrag widmet sich der Geschichte der Entstehung der Beziehungen zwischen dem antibolschewistisch gesinnten Wissenschaftler und dem sowjetischen Staat. Es wird versucht, die pragmatische Flexibilität eines Gelehrten aufzuzeigen, der die Entwicklung der Wissenschaft in Rußland realistisch — nur unter der Obhut des Staates sah und versuchte, seinem Werk die besten Entwicklungsmöglichkeiten in den Stromungen der offiziellen Politik zu verschaffen.

D. A. Alexsandrov

SOWJETISIERUNG DES HOCHSCHULSYSTEMS UND DIE ENTSTEHUNG DER SOWJETISCHEN WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGSSYSTEMS

Das wichtigste Kennzeichen der sowjetischen Wissenschaft war (und ist bis heute) die Trennung von Lehre und Forschung.

Die ersten unabhängigen Forschungsinstitutionen entstanden in Rußland am Ende des 19. Jahrhunderts. Als Beispiele wurden die Kaiser-Wilhelm Gesellschaft in Deutschland und Carnegie-Institut in USA angesehen. Es gab jedoch wenig politische und ökonomische Voraussetzungen zu Entwicklung ähnlicher Institutionen in Rußland. Diese wurden erst nach der Oktoberrevolution geschaffen.

Dazu gab es zwei Gründe. Einerseits versuchten die notleidenden Wissenschaftler ihre Existenz und Forschung durch eine doppelte Finanzierung der von ihnen gegründeten Einrichtungen zu gewährleisten. Forschungsinstitute wurden zusätzlich zur Lehrstühlen eingerichtet. Neben diesem ökonomischen Grund gab es auch einen politischen: Für die Ausbildung von neuen wissenschaftlichen Kadern brauchte man ideologisch korrekte Wissenschaftler. Andere — die man für die Entwicklung des Landes und der Wirtschaft brauchte — wurden in die reine Forschungsanstalten versetzt. Die Lehrtätigkeit wurde nur Wissenschaftlern von Rang erlaubt.

Die Trennung fand im WS 1923/24 statt. Der Beitrag analysiert vor allem die politische Komponente dieses Prozesses.

THE INSTITUTE OF THE RED PROFESSORS: «THE PERSONNE SMITHY» OF THE SOVIET PARTY INTELLECTUALS (1921—1938)

The article deals with the history of the Institute of the Red Professors at the time of Stalinist totalitarian regime growth. The main aspects of this analysis are: the primary purposes and goals of the Institute and the ways of their realization; the main stages of the Institute development; the methods of the students recruiting; the national and social structures both of the students and professors; the educational methodics and the methods which were used for training of the Soviet party intellectuals: scientific, administrative and political activities of the professors and students; the mutual relations of the students with the state and communist party authorities and with the teachers. The fates of the Institute graduates were observed with special respect to their careers, their roles in the state and party structures, their influence on the Soviet scientific politics and the system of higher education as well as the causes of the most of them perishing during the years of the «big terror».

A. P. Kupajgorodskaja

**DIE REGLEMENTIERUNG DER TÄTIGKEIT DER
PETERSBURGER (LENINGRADER) UNIVERSITÄT
DURCH DIE KOMMUNISTISCHE PARTEI**

Der politische Angriff auf die Universität fand bereits 1918 statt, als Lenin den breiten Massen der Werktätigen (vor allem den Arbeitern und Bauern) den Zugang zur Hochschulbildung eröffnete.

Die Tätigkeit der Partei bei der Sowjetisierung der Universität ging in zwei Richtungen: die Veränderung der Konstellation der sozialen Herkunft der Studenten und der Lehrenden. Es ging um die Implementierung der «politisch korrekten Elemente» und ideologische Agi-

tation auf allen Ebenen. Außerdem wurde die Säuberung der Universität von den «sozial fremden Elementen» durchgeführt.

Partei siedelte sich in den wissenschaftlichen und leitenden Gremien der Universität an und übernahm die Führung. Die Idee der Unabhängigkeit der Universität vom Staat, die vor der Revolution das Ziel der russischen Hochschulen war, wurde begraben. Die Partei mischte sich in alle akademischen Angelegenheiten ein und gestaltete den Lehr- und Forschungsprozeß um. So wurde das Vorlesung-Seminar-Konzept zugunsten der Dalton-Methode der Seminargruppen verändert. Neue Fächer wurden angeordnet, andere — vor allem die geisteswissenschaftlichen -verbannt.

Der Prozeß der Ideologisierung und der Sowjetisierung des Lernprozesses an der Universität hat der Widerstand der Universität, auch der Lehrenden, zu bannen vermocht, so daß am Ende der 20er Jahren eine totale Kontrolle über alle Facetten des öffentlichen und privaten Lebens an der Universität erreicht werden konnte.

A. L. Dmitriev, V. V. Čeparuchin

DAS SCHICKSAL DER WISSENSCHAFTLICHEN SCHULE DER WIRTSCHAFTSGEOGRAPHIE VON V. E. DEN

Der Beitrag verfolgt die Geschichte der wissenschaftlichen Schule der Wirtschaftsgeographie von V. Den. In der Zeit der Neuen ökonomischen Politik — am Steuer der wirtschaftlichen Prozesse, in der Zeit der Kulturrevolution und der Ideologisierung der Politik, dem Untergang geweiht und späteren Repressionen ausgesetzt spiegelt dieser Schicksal die tragische Verquickung zwischen Macht (Politik) und Wissenschaft wider.

BETWEEN LABORATORY AND NOBLE PATRIMONY.
THE RISE OF MOSCOW SCHOOL OF EXPERIMENTAL GENETICS

The article is devoted to the history of the rise and development of Moscow school of experimental genetics, and two essential elements of this history: a biological laboratory and a noble patrimony. The connection of genetics with agricultural industry cause some difficulties in genetics evolution in the end of 1920s — beginning of 1930s.

O. Ju. Elina

AGRARWISSENSCHAFT IN DEN 20er JAHREN:
DAS ERSTE SOWJETISCHE REFORM

Der Beitrag beschreibt die Anfänge der sowjetischen Agrarpolitik. Die Agrarreform am Anfang der 20er Jahre zielte auf die Wiederbelebung der Landwirtschaft, die von den Folgen des Kriegskommunismus und der Hungersnot von 1921 brach gelegen hatte. Von den Wissenschaftlern wurden konkrete Resultate verlangt. Die Organisation eines Netzen der Forschungsstationen wurde direkt dem Narkomat für Boden unterstellt.

Dabei wurde der Netz der bereits von der Oktoberrevolution entstandenen Agrarstationen wiederaufgegriffen und vergrößert. Es ging sowohl um Forschung als auch die praktische Verwendung der Ergebnissen. Die Fehlende Finanzierung führte jedoch zum Schrumpfen des ganzen Netzes und zum Entzweien von reinen privilegierten Wissenschaftsinstituten und der Praxis. Dieses Modell wurde in den 30er Jahren der Landwirtschaftsakademie der UdSSR (WASChNIL) zu Grunde gelegt.

**DIE «SOWJETISIERUNGSVERSUCHE» IN DER BIOLOGIE
IN LENINGRAD IN DEN JAHREN DER KULTURREVOLUTION
(1929—1932)**

Es wird bei der Untersuchung der Beziehungen zwischen der Biologen und der Macht öfter das Phänomen des «Lysenkoismus» untersucht. Als Vorstufe für diese Entwicklung könnte man aber die Versuche bezeichnen in den 20er Jahren die «proletarisierte», «dialektische» Biologie zu entwickeln. Dabei waren die Wissenschaftler selbst die wichtigen Initiatoren dieser Entwicklung. In dieser Tätigkeit waren die marxistischen wissenschaftlichen Organisationen unter der Leitung von I. Present in Leningrad innerhalb der «Kulturrevolution» am meisten aktiv. Der Autor untersucht diese Tätigkeit auf dem Basis der Archivdokumente als «Initiative von unten». Die Auseinandersetzungen zwischen den verschiedenen Gruppierungen schilderten auch das Streben verschiedener Wissenschaftler nach erhöhte soziale Mobilität. Present als Gewinner solcher Auseinandersetzungen. Die psychologischen Voraussetzungen seines Sieges:

1. Unterstützung seitens der jungen Generation, der Kampf der marginalen Schichten für die Erhöhung des sozialen Status.
2. Gemeinsame Bereitschaft für die Zusammenarbeit zwischen Present und Lysenko.

NATURE PROTECTION ACTIVISTS AND SOCIAL IDENTITY

During the final decades of tsarism, especially from the 1860s, science was viewed not only as a path to knowledge and to a better life, but as a key to moral uplift and even a force that would destroy the hated autocracy and promote a democratic order. Fundamental research independently pursued — «pure science» — was the sacred core of this ideology of science.

However, after the bolsheviks took power, and especially after the «Great Break» (1928—1932), it became almost impossible for scientists to live according to their previous ideals. Anomalously, the only free discursive and organizational space that remained in which scientists could affirm previous values and act according to internally generated norms were a handful of societies concerned with field biology and nature protection. This paper examines these developments and attempts to propose a framework of analysis explaining how and when professional identities mutate.

J. A. Lajus

**MEERESFORSCHUNG, FISCHEREIWISSENSCHAFT
UND FISCHEREIINDUSTRIE: DIE ENTSTEHUNG NEUER
BEZIEHUNGEN UNTER SOWJETMACHT**

Als es in 1928—1929 in der Sowjetunion die Lebensmittelmarken eingeführt wurden, versuchte die Regierung das Lebensmittelproblem mit der Erhöhung der Erträge der Fischereiindustrie zu lösen. Dabei entwickelte sich die Fischerei aus einer agrarwirtschaftlichen Branche in Richtung einer industriellen. Dabei spielte auch die praktische Orientierung der Meeresforschung und der Fischereiwissenschaft eine wichtige Rolle. Es werden die strukturellen Maßnahmen beschrieben, die zu Entstehung Praxis-orientierten Wissenschaft führten. Die Zentralisierungprozess entwickelte sich aber siepend im Norden (murmansk), wofür dann die zusätzlichen Anstrengungen in 1932—1933 notwendig geworden sind. Praktisch fand der Untergang der Meeresforschung ist Ende der 30-er Jahren statt. Diese Tendenz wurde erst in 1946 gebrochen.

**DIE AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
UND DIE ZENSUR, 1920er**

Der totale Zugriff der sowjetischen Zensur breitete sich nicht nur — wie früher bereits bekannt war — über die Werke der schonegeistigen Literatur, Theater, Film usw. Auch die wissenschaftliche «Produktion» wurde von den Anfängen des sowjetischen Staates der strengen Zensur unterworfen.

Bis zur Gründung der Zensurorganisation GLAVLIT wurde die Publikation der wissenschaftlichen Werke und Periodika strengen Regeln unterstellt, wonach kein Werk ohne Genehmigung verschiedenen staatlichen Instanzen nicht veröffentlicht werden sollte. Das galt auch für die Literatursendungen in und aus dem Ausland.

Nach dem Ende des Bruderkriegs wurde ein totales Zensursystem ins Leben gerufen. 1922 wurde GLAVLIT gegründet. Von diesem Moment an wurde die Zensur auch über alle ausländischen Druckerzeugnissen (darunter auch der Verbot des Transports durch die diplomatische Post) und dem Zugang zu deren Nutzung bis in die Kleinste Detail streng kontrolliert. Am Ende der 20er Jahre wurde sogar die Anzahl der Druckexemplare von wissenschaftlichen Büchern/Zeitschriften vom GLAVLIT festgelegt.

B. F. Volodin

**VON DER «GESCHLOSSENEN AKADEMISCHEN
BÜCHERAUFBEWAHRUNG» ZUR BIBLIOTHEK
FÜR DIE «BREITEN MASSEN DER WERKTÄTIGEN»: DIE GEBURT
DER SOWJETISCHEN WISSENSCHAFTSBIBLIOTHEK**

Das Institut der wissenschaftlichen Bibliotheken wurde in Russland im 18. Jahrhundert gegründet. Auf die Entwicklung des Konzeptes wirkte sich wie in vielen Ländern das Konzept der deutschen wissenschaftlichen Bibliothek aus. Bereits am Anfang des 20. Jahrhunderts

hat sich eine entwickelte Struktur der wissenschaftlichen Bibliotheken herausgebildet. Nach der Oktoberrevolution haben sich die Struktur, die Aufgaben und Formen der Aufbewahrung entschieden verändert. Eine Bibliothek des neuen Typus — die sozialistische nationale Bibliothek (Leninbibliothek in Moskau) wurde gegründet. Im Mittelpunkt der Interesse standen nun die Massen der Werktätigen, die den Zugang zum — censierten Wissen erlangen sollten.

Alle Bibliotheken (ab 100, bzw. 500 Bände) nach 1917 wurden verstaatlicht, was einen totalen Zugriff auf das dort aufbewahrten Wissen zur Folge hatte. Der Beitrag analysiert die Folgen des Verstaatlichungsprozesses sowie der Abkapselung der Bibliotheken vom Weltliteratur. Er beschreibt die Folgen für die Wissenschaft, als auch für Organisation der Kontrolle über die Bücherbestände, deren Umorganisation und Nutzung.

V. S. Izmosik

DIE STIMMUNGEN IN DER WISSENSCHAFTLICHEN UND PÄDAGOGISCHEN INTELLIGENZIA IN DER NEP-ZEIT. NACH MATERIALIEN DES POLITISCHEN KONTROLLE UND NARRATIVEN QUELLEN

Das breite System der Perlustration der Briefe und sonstiger Mechanismen der Kontrolle der Gesellschaftsgesinnung erlauben es, die Stimmungen der Intelligenzia in den 20er Jahren zu analysieren. Während die Intelligenzia bald gelernt hatte, um des Überlebens willen im neuen System eine «Maske» zu tragen, wurden vor allem Briefe zum Sprachrohr der wirklichen Stimmungen.

Nach der Oktoberrevolution hatte die russische Intelligenzia mit der bitteren Not im Alltag zu kämpfen, die von der feindlichen Einstellung der neuen Macht der intelligenzia gegen über herrührte. Der Grund dafür war nicht nur die Klassentheorie, sondern auch die Tatsache, daß sich die Intelligenzia weniger von den ideologischen Kampagnen der Partei beeindrucken ließ und eigenes inneren und geistigen Leben hatte. Es gab wenige Bereiche, wo diese Menschen sich einbringen könnten auch wenn sie wollten.

Die zunehmende Sicherheit des Lebens während der NEP führte dazu, daß sich die Intelligenzia nach und nach aus ihrer abwartend-ablehnender Stimmung ausbrach, was vor allem die Wahlen von 1926—1927 bezeugten. Das führte zu entsprechenden Reaktionen in der Macht. Der «Schachty»-Prozeß mit den nachfolgenden Erschießungen von 40 Ingenieuren wurde 1927 schließlich zum deutlichen Zeichen der Unmöglichkeit einer friedlichen Existenz von Macht und Intelligenzia.

Jur. I. Kriwonosow

**DIE POLITISCHEN SPIELE VON STALIN
UNTER DEM DECKMANTEL EINER PHILOSOPHISCHEN
DISKUSSION**

Sozial-psychologischer Hintergrund der philosophischen Diskussion über das Buch von G. F. Alexandrow «Geschichte der westeuropäischen Philosophie» (veröffentlicht in 1946). Es wurde eine Diskussion (1947—1953) gestartet obwohl Alexandrow schon eine feste Stellung in der Hierarchie der sow. Wissenschaft besaß und das Buch auch die Stalin-Prämie bekommen hat. Hauptziel: um der sowjetischen Elite zu zeigen, daß auch vorherige Verdienste keine Sicherheit gewährleisten können.

Eine verbitterte Diskussion, wobei sehr viele Philosophen ihre vorherige positive Meinung über das Buch ändern, weil sie einen Sturz von Alexandrow vermuten. Selbstbeteiligung und Selbtkritik von Alexandrow in der Kampagne. «Angstparalyse» der philosophischen Wissenschaftsgemeinschaft.

O. Ju. Jelina

**ZWISCHEN DER WISSENSCHAFTLICHEN THEORIE
UND DER AGRARPRAXIS.
SELEKTIONÄRE UND LYSENKO (1948—1955)**

Der Beitrag analysiert die Existenz der Selektionswissenschaft unter den Bedingungen der Lysenkowschen Kampfes gegen Genetik und

die klassische Selektion. Es wird die Tätigkeit der mittleren wissenschaftlichen Ebene betrachtet und zwar, die klassische Seiektionsarbeit von Simonova und Filosofova auf der Forschungsstation Zagor'je bei Moskau.

Die These lautet, daß in Vergleich zu Genetik, die in der UdSSR seit 1948 nicht mehr als Wissenschaft existierte, hat die Selektion diese Zeit — vor allem auf der breiten mittleren Ebene — gut überstanden. Ein Grund dafür war, die partielle Übereinstimmung der Begriffe in der «Neuen Selektion» Lysenkos und der klassischen Selektion, die es seinen Gegnern erlaubten, die alten Technologien weiterzuentwickeln.

M. Ju. Prosumentschikov

ZK KPDSU UND DIE SOWJETISCHE WISSENSCHAFT AN DER SCHWELLE DER EPOCHEN (1952—1953)

Wie alle Lebensbereiche, wurde auch die Wissenschaft in der Sowjetunion politische und ideologische instrumentalisiert. Im Archiv der ZK der KPdSU befinden sich Dokumente aus der 50er Jahren, die erlauben, die Wissenschaftspolitik der Partei vom Standpunkt der Partei und in der Wechselwirkung mit den politischen Prozessen zu beleuchten.

Die Unterstützung der Wissenschaft erfolgte vor allem hinsichtlich des unmittelbaren Nutzens, das die Wirtschaft daraus gezogen hatte. Die «Aufmerksamkeit» galt der Überwachung der Verbundenheit der Wissenschaftsbereiche und einzelnen Wissenschaftler der vorherrschenden Ideologie. Innerhalb der Partei wurde ein Komitee für Wissenschaft gegründet das de facto die Leitung der Wissenschaft übernahm. Ohne Beteiligung des ZK der VKP(b) wurden bis zum 1952 keine Wissenschaftsfragen entschieden.

Die Partei wurde von Wissenschaftlern zur «Letzten Instanz» erhoben, wo die wissenschaftliche Streitigkeiten ausgetragen wurden. Die Durchdringung durch die Partei war vor allem in der humanitären Wissenschaften hoch. Die technische und Naturwissenschaften haben dagegen eine gewisse Unabhängigkeit genossen. Vor allem die Kon-

innerhalb des Ostblocks waren unsystematisch und wurden über die Partei in Moskau streng kontrolliert. Anders vertief es mit den chinesischen Wissenschaftlern, die einen leichteren Zugang zur sowjetischen Forschung bekamen und sogar «militärische» Fächer studieren durften. Das «rote China» den Vorposten des Kommunismus im Fernen Osten gesehen wurde.

D. Weiner

NATURE AND THE COLD WAR: SOVIET PERSPECTIVES

Similar to many others areas of science and culture, nature protection during the Cold War simultaneously served as an arena for building international contacts among scientists as well as for political competition.

Nature protection, however, from space research or other areas of physics and chemistry in that it seemed far less concerned with military issues. Accordingly, scientists and scientific societies in the USSR used the peaceful international character of nature protection as a means of forging and strengthening ties with colleagues abroad as well as to put pressure on the Soviet government to enhance its activity in this area.

M. B. Konaschev

DER KALTE KRIEG, GENETIK UND «SPEZCHRAN»

Spezchran bedeutet nicht nur im engeren Sinne die Sonderaufbewahrung von — ideologisch «schädlichen» Druckerzeugnissen. Es war auch ein Synonym eines Teils der Zensur, die sich mit der systematischen Vernichtung von Literatur (darunter auch der wissenschaftlichen) befaßte. *Spezchran* war ein wichtiger Teil des Systems der ideologischen Informationskontrolle in der UdSSR. In den 20er Jahren gegründet, erlangte *Spezchran* sein Höhepunkt in den 40er

Jahren, während des Kalten Krieges (1985 — Abschaffung). Es ist schwer, der Ausmaß der Tätigkeit von *Spezchran* festzustellen, denn die Akten dieser geheimen Organisation sind in regelmäßigen Abständen vernichtet worden.

Spezchran war ein Spiegelbild der Politik des Sowjetstaates. Einer der wichtigen Aspekten in der Entwicklung der sowjetischen Wissenschaft, der auf die politischen Entscheidungen direkte Auswirkungen hatte, war die Konfrontation zwischen Genetik und Lysenko's Theorie. Damals wurden alle Bücher und Zeitschriften, die Stellungnahmen gegen Lysenko druckten, von *Spezchran* verbannt. Der Zugang zu der sich in *Spezchran* befindenden Literatur wurde für die «politisch inkorrekte» Wissenschaftler erschwert bis verwehrt. Die Wiedergabe von Zitaten wurde strafrechtlich verfolgt. Die Lysenkos Partei durfte hingegen die Materialien ungehindert benutzen und dadurch ihre Gegner bloßstellen, was zwangsläufig zu repressiven Maßnahmen führte.

B. F. Volodin

BIBLIOTHEKENEISBERG IN DER LANDSCHAFT DER SOWJETISCHEN WISSENSCHAFT

Die Umstrukturierung der Bibliothekslandschaft nach dem Zweiten Weltkrieg beruhte auf dem «Leninschen Bibliothekenprinzip». Es besagte, daß die Bibliothek keine «geschlossenen akademische Büchersammlung» sein darf, sondern den Massen dienen soll. Die Vielfalt der Formen der Bibliotheken wurde in UdSSR seit Mitte der 30er Jahre durch eine Form, die Staatsbibliothek, ersetzt. Diese wurde einer totalen Kontrolle unterzogen.

Unter den Staatsbibliotheken unterscheidet der Autor zwei Arten: die wissenschaftliche und die quasiwissenschaftliche Bibliothek. Während die erste Form die Kontinuität und die Verbindungen zum internationalen Bibliothekswesen einigermaßen bewahrt hatte, wurde die quasiwissenschaftliche Bibliothek durch den kontinuierlichen ideologischen Zugriff der Zensur auf allen Ebenen — vom Katalog bis zum geheimen Sonderaufbewahrung von «schädlichen Büchern» und

Herausschneiden, bzw. Tilgen der nicht genehmten Artikel und Namen verunstaltet. Später wurde ein kompliziertes System der Filterung der Information eingerichtet, die sich speziell mit der Fälschung der Information befaßte.

Die Struktur der Bücheraufbewahrung und Benutzung wurde so reorganisiert, daß vor allem die Geisteswissenschaften die verheerenden Folgen der Sowjetisierung der russischen Bibliothekslandschaft getragen haben.

Die «Umgestaltung» der Bibliotheken begleitete, eine Säuberung der Angestelltenstruktur. Auf diese Weise wurden viele qualifizierte wissenschaftliche Bibliothekare von Bibliotheken entfernt. Andererseits fanden viele Wissenschaftler ihre Arbeit in den Spezialbibliotheken (wie z. B. Theaterbibliotheken in Moskau und Leningrad), wo sie ihre Forschung fortsetzen durften.

I. F. Tzvetkov

THE MILITARY SECRET OF THE THIRD REICH ON THE SERVICE OF COLD WAR: THE SUBMARINE OF DOCTOR HELMUT WALThER

In 1934 the german engineer Helmut Walther proposed a project of the new submarine energy plant. Based on the use of hydrogen peroxide it should allow submarine to have high speed both in above water and under water position. With the beginning of the World War II the work on the project was made more active. The first experimental submarine were built in 1940. After 1942 few projects of military submarines were realized. After the crash of Nazi Germany all of them were destroyed or submerged. After the war the H. Walther ideas and projects were elaborated in Great Britain, the USA and Sweden. At the same time they were used in Soviet Navy. The article deals with the history of these attempts to realize H. Walther projects in the Soviet Union which were considered as the important part of the Navy rear-mament during the Cold War period.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
УКРОЩЕНИЕ АКАДЕМИИ НАУК	
<i>А. В. Кольцов.</i> «Атмосфера вокруг Академии сгустилась»	17
<i>В. С. Соболев.</i> Академия наук и советская власть в период становления тоталитарного режима (1918—1930)	29
<i>Ю. Х. Копелевич.</i> Политические итоги академического юбилея 1925 г.	37
<i>Б. С. Кагинович.</i> Российская Академия наук в 1920—начале 1930-х гг. (по материалам архива С. Ф. Ольденбурга)	56
<i>Б. И. Козлов.</i> Академия наук СССР и индустриализация России: 1925—1941 гг.	72
<i>Б. В. Левшин.</i> Центральный комитет ВКП(б) и Академия наук в 1930-х гг.	87
<i>С. С. Демидов, В. Д. Есаков.</i> «Дело академика Н. Н. Лузина» в свете сталинской реформы советской науки	97
<i>В. П. Визгин.</i> «Явные и скрытые измерения пространства» советской физики 1930-х гг. (по материалам мартовской сессии АН СССР 1936 г.)	112
ПРОФЕССУРА И БОЛЬШЕВИКИ	
<i>Э. И. Колчинский, В. И. Вернадский и большевики</i>	133
<i>Д. А. Александров.</i> Советизация высшего образования и становление советской научно-исследовательской системы	152
<i>Л.-Д. Берендорф.</i> Институт красной профессуры: «кузница кадров» советской партийной интеллigenции (1921—1938)	166
<i>А. П. Купайгородская.</i> Становление коммунистической партийной регламентации деятельности Петроградского (Ленинградского) университета	198
<i>А. Л. Дмитриев, В. В. Чепарухин.</i> Судьба школы Владимира Эдуардовича Дена	216

ПРОЛЕТАРСКАЯ БИОЛОГИЯ

<i>К. О. Россиянов.</i> Между лабораторией и дворянским поместьем: Возникновение московской школы экспериментальной генетики (1917—1925)	229
<i>О. Ю. Елина.</i> Сельскохозяйственная наука в 1920-е гг.: первая советская реформа	245
<i>Э. И. Колчинский.</i> Попытки «советизации» биологии в Ленинграде в годы «культурной революции» (1929—1932)	265
<i>Д. Вайнер.</i> Активисты природоохранного движения и социальная идентификация	283
<i>Ю. А. Лайус.</i> Биологическая океанография, рыболовство и рыбная промышленность: возникновение новых взаимоотношений при советской власти	297

ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ

<i>М. Б. Конашев.</i> Академия наук и цензура в 1920-х гг.	317
<i>Б. Ф. Володин.</i> От «замкнутого академического книгохранилища» к библиотеке «для широких масс трудящихся»: рождение советской научной библиотеки	328
<i>В. С. Измозик.</i> Настроения научной и педагогической интеллигенции в годы НЭПА по материалам политического контроля и нарративным источникам	342

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА И НАУКА

<i>Ю. И. Кривоносов.</i> Политические игры Сталина под видом философской дискуссии	359
<i>О. Ю. Елина.</i> Между научной теорией и сельскохозяйственной практикой. Селекционеры и Лысенко (1948—1955)	376
<i>М. Ю. Прозумеников.</i> ЦК КПСС и советская наука на рубеже эпох (1952—1953)	393
<i>И. В. Казарина.</i> Влияние СССР на развитие науки в социалистических странах в 1952—1953 гг.	407
<i>Д. Вайнер.</i> Охрана природы и холодная война: советские перспективы	420
<i>М. Б. Конашев.</i> Холодная война, генетика и «спецхран»	437
<i>Б. Ф. Володин.</i> Библиотечные айсберги на ландшафте советской науки	453
<i>И. Ф. Цветков.</i> Военные секреты третьего рейха на службе холодной войны: подводная лодка доктора Гельмута Вальтера	467
<i>Указатель имен</i>	490
<i>Abstracts</i>	504

CONTENTS

Preface	5
---------------	---

THE TIMING OF THE ACADEMY OF SCIENCES

<i>A. V. Koltsov.</i> «The atmosphere around Academy became thickened»	17
<i>V. S. Sobolev.</i> The Academy of Sciences and Soviet authorities in the time of growing of totalitarian regime (1918—1930)	29
<i>J. H. Kopelevich.</i> Political results of the Academy jubilee in 1925	37
<i>B. S. Kaganovich.</i> The Russian Academy of Sciences in 1920 — beginning of 1930-s (according to S. F. Oldenburg archives)	56
<i>B. I. Kozlov.</i> The Academy of Sciences and the industrialization of Russia: 1925—1941	72
<i>B. V. Levshin.</i> The Central Committee of VKP(b) and the Academy of Sciences in 1930-s	87
<i>S. S. Demidov, V. D. Evakov.</i> «The academician N. N. Luzin's affair» under the light of stalinist reform of Soviet science	97
<i>V. P. Vizgin.</i> «The evident and hidden dimensions of the space» of Soviet physics in 1930-s (according to the Academy session, March of 1936)	112

THE PROFESSORS AND BOLSHEVIKS

<i>E. I. Kolchinsky, V. I. Vernadsky and bolsheviks</i>	133
<i>D. A. Alexandrov.</i> Sovetization of higher education and the rise of Soviet research system	152
<i>L.-D. Behrendt.</i> The Institute of the Red Professors: «The personnel smithy» of the Soviet party intellectuals (1921—1938)	166
<i>A. P. Kupagorodskaja.</i> The rise of communist party control of Petrograd (Leningrad) university's activity	198
<i>A. L. Dmitriev, V. V. Cheparuchin.</i> The fate of Vladimir Eduardovitch Dan school	216

THE PROLETARIAN BIOLOGY

<i>K. O. Rossianov.</i> Between laboratory and noble patrimony. The rise of Moscow school of experimental genetics (1917—1925)	229
<i>O. Yu. Elina.</i> The agricultural science in the 1920-s: First Soviet reform	245
<i>E. I. Kolchinsky.</i> The attempt of «sovietization» of biology in Leningrad in the years of cultural revolution (1929—1932)	265
<i>D. Weiner.</i> Nature protection activists and social identity	283
<i>J. A. Layus.</i> Biological oceanography, fishery science and fish industry: The growth of new relations under the Soviet regime ..	297

THE INFORMATION CONTROL

<i>M. B. Konashev.</i> The Academy of sciences and censorship in the 1920s	317
<i>B. F. Volodin.</i> From «the reserved academician book storage» to «the library for the broad working masses»: The birth of Soviet scientific library	328
<i>V. S. Izmozik.</i> The scientific and pedagogic intellectuals frames of mind in the years of NEP according to the data of political control and narrative sources	342

COULD WAR AND SCIENCE

<i>Yu. I. Krivonosov.</i> Stalin political games under the pretext of philosophical discussion	359
<i>O. Yu. Elina.</i> Between scientific theory and agricultural practice. The selectionists and Lysenko (1848—1955)	376
<i>M. Yu. Prozumenshikov.</i> The Central Committee of CPSU and Soviet science at the epoch frontier (1952—1953)	393
<i>I. V. Kazarina.</i> The USSR influence on development of science in the socialist countries in 1952—1953	407
<i>D. Weiner.</i> Nature protection and the Cold war: Soviet perspectives	420
<i>M. B. Konashev.</i> Cold war, genetics and «spetskran»	437
<i>B. F. Volodin.</i> The library icebergs on the landscape of Soviet science	453
<i>I. F. Tzvetkov.</i> The military secrets of the Third Reich. On the service of Cold war: the submarine of doctor Helmut Walther	467
Name index	490
Abstracts	504

**ЗА «ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ»:
МИФЫ И РЕАЛИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ**

Утверждено к печати

Ученым советом

Санкт-Петербургского филиала

Института истории естествознания и техники РАН

Редакторы-составители:

М. Б. Конашев, С. А. Орлов

Редактор издательства С. А. Батюто

Художник Ю. П. Амбросов

Технический редактор Н. Ф. Соколова

Корректор О. В. Махрова

Компьютерная верстка Р. К. Жумабаева

Издательство «Дмитрий Буланин»

ЛР № 061824 от 11.03.98 г.

Подписано к печати 04.02.02. Формат 60×84 1/16.

Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ. л. 33. Уч.-изд. л. 25.

Тираж 500 экз. Заказ № 3078

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы прсыылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛНИН

199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4

Институт русской литературы

(Пушкинский Дом)

Российской Академии наук

Телефон: (812) 235-15-86

Телефакс: (812) 346-16-32

E-mail: bulanina @nevsky.net

ISBN 5-86007-328-3

9 785860 073289